

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

НОЧНОЕ

Р М А Н

КИНО

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

МАРИША ПЕССЛ

КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ *BOOKPAGE, KIRKUS REVIEWS, COSMOPOLITAN*

Annotation

Культовый кинорежиссер Станислас Кордова не появлялся на публике больше тридцати лет. Вот уже четверть века его фильмы не выходили в широкий прокат, демонстрируясь лишь на тайных просмотрах, известных как «ночное кино». Для своих многочисленных фанатов он человек-загадка. Для журналиста Скотта Макгрэта – враг номер один. А для юной пианистки-виртуоза Александры – отец. Дожливой октябрьской ночью тело Александры находят на заброшенном манхэттенском складе. Полицейский вердикт гласит: самоубийство. И это отнюдь не первая смерть в истории семьи Кордовы – династии, на которую будто наложено проклятие. Макгрэт уверен, что это не просто совпадение. Влекомый жаждой мести и ненасытной тягой к истине, он оказывается втянут в зыбкий, гипнотический мир, где все чего-то боятся и всё не то, чем кажется. Когда-то Макгрэт уже пытался вывести Кордову на чистую воду – и поплатился за это рухнувшей карьерой, расстроившимся браком. Теперь же он рискует самым рассудком. Впервые на русском – своего рода римейк культовой «Киномании» Теодора Рошака, будто вышедший из-под коллективного пера Стивена Кинга, Гиллиан Флинн и Стига Ларссона.

- [Мариша Пессл](#)
  -
  -
  - [Пролог](#)
  - [Ночное кино](#)
  - [«Ночное кино»: интерактив](#)
  - [Благодарности](#)
  - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

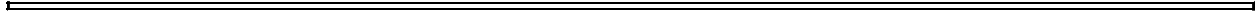
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)

- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

Мариша Пессл

Ночное кино

Marisha Pessl

NIGHT FILM

Copyright © 2014 by Wonderline Productions, LLC

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Грызунова, перевод, примечания, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство Иностранка®

* * *

Памяти моей бабушки Рут Хант Редингер (1910–2011)

Смертный страх важен не менее любви. Он пронзает нашу жизнь до глубин нутра – и так мы понимаем, кто мы есть. Попятышься, прикроешь глаза? Или тебе хватит сил шагнуть к обрыву и заглянуть в бездну? Хочешь ты знать, что там обитает, или и дальше жить в сумеречном самообмане, где нас заточил этот мир торгашей, где мы заперты, как слепые гусеницы в вечном коконе? Что ты сделаешь – зажмуришься, съежишься и умрешь? Или с боем пробьешься наружу и взлетишь?

*Станислас Кордова. «Роллинг Стоун»,
29 декабря 1977 г.*

Пролог

Нью-Йорк, 02:32

Как ни крути, у каждого из нас – своя история про Кордову.

Скажем, соседка нашла его фильм в коробке на чердаке и больше не заходила в темные комнаты одна. Или чей-то парень похвастался, что в интернете отыскал пиратские «Ночами все птицы черны», посмотрел и теперь не желает об этом говорить, словно это было чудовищное испытание, которое он едва пережил.

Можно относиться к Кордове как угодно – одержимо пересматривать, равнодушно пожимать плечами, – но он живет, чтобы мы были против. Он – разлом, черная дыра, невнятная угроза, беспощадная вспышка неведомого в нашем чересчур обнаженном мире. Скрывается в подполье, незримо шныряет по темным углам. Прячется под железнодорожным мостом в реке, где таятся все потерянные улики и ответы, которым не увидеть света дня.

Миф, монстр, смертный муж.

Но я все-таки верю, что Кордова, когда нужен позарез, умеет выйти навстречу, как загадочный гость, которого замечаешь через всю комнату на многолюдной вечеринке. Глазом не успеешь моргнуть, а он стоит *прямо перед тобой*, у чаши с пуншем, и смотрит, когда ты оборачиваешься и небрежно интересуешься, который час.

Моя история про Кордову во второй раз началась дождливой октябрьской ночью – я был один из многих, кто носится кругами, со всех ног мчит в никуда. В третьем часу я бегал вокруг водохранилища в Центральном парке – рискованная привычка, завелась у меня в последний год: я был так накручен, что не уснуть, меня по пятам преследовала инерция, и нечем было ее объяснить – разве только смутной догадкой, что лучшие годы жизни позади и улетучились шансы, которые в юности я так естественно предвкушал.

Холодно было, я до нитки промок. Гравийную дорожку изрыли лужи, черную гладь водохранилища окутал туман. Он застревал в прибрежных камышах и стирал окраины парка, словно их нарисовали на бумаге и отодрали кромку. От величественных небоскребов Пятой авеню остались только редкие золотые огоньки, что горели во мраке, отражаясь в воде у берега, точно потускневшие монетки на дне. Под очередным чугунным фонарем моя тень рывком бросалась мимо меня, поспешно бледнела

и отклеивалась, – наверное, ей духу не хватало остаться.

Заходя на шестой круг, я миновал Южный гидроузел, глянул через плечо и увидел чью-то фигуру.

Под фонарем стояла девушка – лицо в тени, алое пальто пропитано светом из-за спины, разрезает ночь мазком ярко-красного.

Девушка, здесь, одна? Совсем рехнулась?

Я развернулся, смутно досадуя на девчонкину наивность – или беспечность, или что уж там привело ее сюда. Женщины Манхэттена, конечно, роскошны, но порой забывают, что не бессмертны. Развеселыми пятничными вечерами рассыпаются по городу, точно конфетти, думать не думают, в какую дыру провалятся к субботе.

Дорожка вела на север, дождь колот лицо, кривым тоннелем нависали отяжелевшие ветви. По щиколотку забрызгавшись грязью, я обогнул ряды скамеек и дугу мостика.

Девушки как не бывало.

Но затем далеко впереди мелькнуло красное. Я еле рассмотрел – оно опять исчезло, – а вскоре различил темный худой силуэт: она медленно шагала впереди вдоль чугунных перил. Черные сапоги, темные волосы до лопаток. Я поднажал: обгоню ее под фонарем, пригляжусь, все ли с ней хорошо.

Но когда приблизился, отчетливо заподозрил, что хорошо *не все*.

Стук шагов – слишком тяжелы для этой худышки, и шла она одеревенело, словно поджидала меня. Мне вдруг почудилось, что, когда я ее нагоню и она обернется, лицо ее вовсе не будет молодо – лицо будет *старое*. Истраченное лицо старухи вперится в меня запавшими глазами, рот – как рубец топора на древесном стволе.

Осталось всего несколько футов.

Она поднимет руку, сцапает меня за локоть, и хватка ее будет по-мужски сильна, *ледяна*...

Я пробежал мимо, но она не подняла головы, спряталась за волосами. Когда я снова обернулся, она уже выступила из-под фонаря в темноту – безликий силуэт, вырезанный из мрака, плечи очерчены красным.

Я побежал дальше, срезал по дорожке, что петляла меж густых кустов, и ветки хлестали меня по рукам. В следующий раз, когда нагоню, остановлюсь, скажу что-нибудь – посоветую домой идти.

Но я намотал еще круг, а ее не увидел. Оглядел склон холма над конными дорожками.

Ничего.

Я добежал до Северного гидроузла – каменное здание, для фонарей

недосягаемое и облитое темнотой. Ничего не разглядишь, только узкие ступени под проржавевшими дверями, на дверях цепь с замком, рядом табличка: «НЕ ВХОДИТЬ! СОБСТВЕННОСТЬ НЬЮ-ЙОРКА».

Приблизившись и задрав голову, я вздрогнул: она была там, стояла на крыльце, сверху вниз смотрела на меня. Или сквозь меня?

Когда мозг переварил эту картину, я уже слепо промчался дальше. Но то, что я рассмотрел в эту долю секунды, снимком со вспышкой плыло перед глазами: спутанные волосы, кроваво-красное пальто во мраке запеклось бурым, лицо поглотила тень, – может, и лица-то никакого нет.

Мне явно *не стоило* пить четвертый скотч.

Было время, и *не очень* давно, когда я так запросто не пугался. «Скотт Макгрэт, журналист, который спустится в ад, лишь бы взять интервью у Люцифера», как однажды написал некий блогер. Я считал это комплиментом. Зэки, татуировавшие себе лица гуталином и собственной мочой, вооруженные подростки Вигарьо-Жерал на приходе, медельинские тяжеловесы, которые ежегодно мотаются отдохнуть в тюрьму на Рикерс-Айленд, – все это я созерцал не моргнув глазом. Просто декорации, пейзаж.

А теперь психую из-за женщины во тьме.

Наверняка пьяная. Или транков перебрала. Или, может, больные на голову отроки взяли ее на слабо, хулиганка с Верхнего Ист-Сайда надоумила. Если все это, конечно, не расчетливая подстава, а где-нибудь тут не притаился ее парень и вот-вот не напрыгнет, крысеныш помойный.

Если все задумано *так*, их ждет разочарование. Ничего ценного у меня с собой нет – только ключи, выкидной ножик и карточка на метро, где осталось баксов восемь.

Ладно, допустим, у меня черная полоса, невезуха – назовите как хотите. Не приходилось махаться... ну, *строго* говоря, с конца девяностых. Но не забудешь ведь, как драться за свою жизнь. И никогда не поздно вспомнить, если еще жив.

Ночь была неестественно тиха, *мертва*. И туман этот над водой – растекся, заполз меж деревьев, пожрал дорожку, как болезнь, метастазы, выхлоп здешнего воздуха.

Еще минута – и я снова подбегал к Северному гидроузлу. Просвистел мимо, думал, увижу ее на крыльце.

На крыльце пусто. Ее нигде нет.

Но чем дольше я бегал, чем дальше разворачивалась предо мною дорожка – подземный ход в новое сумеречное измерение, – тем яснее понимал, что встреча наша оборвалась преждевременно, будто песню вырубили на окрыленной ноте, кинопроектор зафырчал и застыл, пары

секунд не дожив до кульминационной сцены погони, и экран побелел. Никак не удавалось стряхнуть навязчивое подозрение, что девушка очень и очень здесь, прячется где-то, наблюдает за мной.

В сырой канве ароматов, меж запахов грязи и дождя, я, честное слово, уловил дуновение духов. Сощурившись, вгляделся в тени под холмом, ожидая вот-вот разглядеть ярко-красную рану, ее пальто. Может, сидит на скамейке, стоит на мостике. А вдруг она пришла наложить на себя руки? Вдруг она взобралась на перила, подождала, безысходно обратив ко мне лицо, и шагнула, кулем камней упала вниз, на далекую дорогу?

Может, я выпил пятый скотч и сам не заметил. Или этот клятый город все-таки меня *доконал*. Я спустился по ступеням, по Ист-драйв вышел на Пятую авеню, свернул на Восточную Восемьдесят шестую, и тут дождь обернулся ливнем. Я пробежал три квартала, мимо ресторанов за рольставнями, мимо ослепительных вестибюлей, откуда порой выглядывали скучающие швейцары.

У входа на станцию «Лексингтон» я расслышал рокот надвигающегося поезда. Припустил по лестнице, махнул карточкой, миновал турникет. На платформе малоллюдно – пара юнцов да пожилая тетя с коричневым пакетом из «Блумингдейлз».

Поезд влетел на станцию, со скрежетом затормозил, и я вошел в пустой вагон.

«Экспресс номер четыре следует в Бруклин. Следующая остановка – „Пятьдесят девятая улица“».

Страхивая воду, я выглянул на опустевшие скамьи, на размалеванную граффити афишу фантастического кино. Бегущего человека на афише ослепили, черным маркером выцарапали ему глаза.

Двери упруго затворились. Заскрипели тормоза, поезд двинулся прочь от платформы.

И тогда я заметил, как поодаль на платформу спускаются блестящие черные сапоги и что-то красное – красное пальто. Ниже, ниже, промокшие черные волосы чернилами обливают плечи – она, девушка с водохранилища, призрак, ну или кто она есть? Но не успел я сообразить, сколь это невозможно, не успел мой рассудок заорать: «Она идет за мной!» – поезд нырнул в тоннель, окна почернели, и в стекле мне осталось только мое отражение.

Ночное кино

[НА ГЛАВНУЮ](#)[СЕГОДНЯШНИЙ ВЫПУСК](#)[ВИДЕО](#)[САМОЕ ПОПУЛЯРНОЕ](#)[Войти](#)[Зарегистрироваться](#)[Помощь](#)**Нью-Йорк Таймс**

Нью-Йорк / Штат

Поиск по NYTimes.com

 Искать[МИР](#)[США](#)[НЬЮ-ЙОРК / ШТАТ](#)[БИЗНЕС](#)[ТЕХНОЛОГИИ](#)[НАУКА](#)[ЗДОРОВЬЕ](#)[СПОРТ](#)[ОСОБОЕ МНЕНИЕ](#)[ИСКУССТВО](#)[СТИЛЬ](#)

Александра Кордова найдена мертвой

Александра Кордова найдена мертвой
Опубл.: Чарльз Данбар, 14 октября 2011

Фото: «K&M Рекординг»

Городской отдел судмедэкспертизы сообщил о результатах опознания тела, найденного в четверг в пустом пакгаузе в Чайнатауне. Тело принадлежит Александре Кордове, дочери лауреата премии Американской академии кинематографических искусств и наук режиссера Станисласа Кордовы. Мисс Кордове было 24 года.

Причина смерти пока не установлена, однако полиция рассматривает версию о том, что мисс Кордова, по имеющимся данным давно страдавшая депрессией, покончила с собой, прыгнув в шахту неработающего лифта, говорит официальный представитель городской судмедэкспертизы Эктор Х. Маркос.

Мисс Кордова была классической пианисткой и некогда вундеркиндом. В 12 лет она дебютировала в Карнеги-холле, где с Московским филармоническим оркестром сыграла Концерт для фортепиано соль мажор Равеля. Мисс Кордова оставила музыку в 14 лет, отказавшись от дальнейших концертов, гастролей и появлений на публике.

Она росла среди холмов Адирондака, в обширном отцовском поместье «Гребень», послужившем декорациями многим фильмам мистера Кордовы, включая психологический триллер 1979 года «Тиски для пальцев». В 2009 году мисс Кордова окончила колледж Амхёрста. В отличие от своего единокровного брата Тео Кордовы, нередко снимавшегося в фильмах отца, мисс Кордова появилась на экране лишь однажды, сыграв младшую из детей Стевенса в «Дышать с королями» (1996), экранизации романа Августа Хауэра.

Редакции не удалось связаться с родными мисс Кордовы.

Дочь Кордовы найдена мертвой

Александра Кордова, 24-летняя дочь культового повелителя теней Станисласа Кордовы, была найдена мертвой в центре Нью-Йорка — подозревают самоубийство. Тем самым в биографию человека, изобретательно создавшего и отвергшего свою темную легенду, вписана новая черная глава. И напрашивается самоочевидный вопрос: это лишь печальное совпадение? Или весь род жестоко проклят? Мы будем держать читателей в курсе событий. [«Нью-Йорк таймс»]

ЕЩЕ: КИНО, СТАНИСЛАС КОРДОВА, АЛЕКСАНДРА КОРДОВА, КУЛЬТ

809 комментариев [КОММЕНТИРОВАТЬ](#)

[НОВЫЕ](#)

[СТАРЫЕ](#)

[ИЗБРАННЫЕ](#)

[ПОПУЛЯРНЫЕ](#)

☒ Показать ветки

АНОНИМ

Весьма печально

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:23

дайтемнекофеину

R.I.P., Сандра К.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:26

Кэти

Он же социопат. Ему нельзя кино снимать.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:31

Билл — Рослый Лепреккон

Кэти, КОНЕЧНО! Не дай бог ненароком увидеть мрак и уродство, не дай бог что-то подорвет твой торгашеский корпоративный взгляд на мир.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:33

Фанат Кордовы

«Днесь очевидное вчера только мнилось». Уильям Блейк.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:36

САМОВОЛ

Неудивительно. «Изолятор 3» мог снять только псих. Мозги совсем наперекосяк.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:41

Джесс

А где ты его видел?

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:43

САМОВОЛ

тоннель свободы 4 утра

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:48

Фото ТАЙМ

КУЛЬТУРА

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 1 из 18 →

Станислас Кордова, Нью-Йорк, декабрь 1977 г. Последняя известная фотография легендарного кинорежиссера

Александра Кордова (24 года), дочь кинорежиссера Станисласа Кордовы, была найдена мертвой вчера в заброшенном здании пакгауза на Нижнем Манхэттене.

В современном мире твитов, инфоперегрузки и всеобщей прозрачности Станислас Кордова — исключение. Дав интервью «Роллинг Стоуну» в 1977 году, он перестал появляться на публике и беседовать с журналистами. Те, кто с ним работает, соблюдают строжайший кодекс молчания. 15 фильмов Кордовы — душераздирающие странствия в обиталищах зла — по сей день считаются культовыми и стоят в ряду самых страшных фильмов в истории кинематографа. Равно загадочен и сам режиссер, чья карьера и личная жизнь полны спорных подробностей.

ТАЙМ публикует краткий иллюстрированный обзор пути Кордовы, непостижимого человека, который, даже пребывая в тени и храня молчание, по-прежнему вызывает бурю.

Нравится 38

Твитнуть 90

+1 3

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 2 из 18 [>](#)

Истоки

Кордова рос в Южном Бронксе, единственным ребенком матери-одиночки; касательно прочих обстоятельств его воспитания достоверно известно немного. Когда поиск личных фотографий режиссера-затворника превратился в культовую забаву его поклонников, вышедшая на пенсию преподавательница начальной школы № 12 выступила с заявлением, что на этом снимке запечатлен Кордова (слева на заднем плане). По изучении списков учащихся выяснилось, что в 1948 году в ее класс поступил мальчик по имени Стэн Кордова. Ему ставили низкие оценки за «угрюмость».

[f](#) Нравится 27[Твитнуть](#) 48[g+](#) 9[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 3 из 18 →

Босс

Бывшая официантка кафе «Чё?» Джессика Рамирес утверждает, что была подружкой Кордовы в период с 1960 по 1962 год. По ее словам, Станислас бросил школу в старших классах и промышлял мелкими правонарушениями. Украд «форд-тандербёрд», он стал зарабатывать шофером — нарядившись в ливрею, возил проститутку в порочной нью-йоркской ночи 1960-х, — а днем писал сценарий, впоследствии ставший его леденящим кинодебютом «Силуэты, омытые светом» (1964). «Глаза у него были инопланетные, — говорит Рамирес. — Взгляд словно преодолевал многие световые годы — и выворачивал тебя наизнанку». У нее осталась лишь одна фотография, где она (слева) изображена вместе с Кордовой (в центре).

Нравится 12

Твитнуть 87

+1 10

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 4 из 18 →

Темный гений

Киноккомпания «Уорнер Бразерс» обнародовала этот фотопортрет Кордовы, сделанный на съемочной площадке его второго фильма «Наследие» (1966). Фильм, пугающая история о десятилетнем мальчике, который решает убить злого окружного шерифа, впервые поднимал темы, которые Кордова станет исследовать в своем творчестве постоянно: жуткая изнанка красоты и нормальности; раздробленная природа человеческой личности, таящей невысказанные страхи, жажду насилия и аморальные сексуальные позывы, и само по себе «ночное кино» как колдовское, эмоционально мучительное переживание. Когда Кордова скрылся от публики, возникли сомнения в том, что на фотографии действительно изображен он.

Нравится 67

Твитнуть 12

+1 30

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

 5 из 18

Правая рука

Со второго полнометражного фильма самым доверенным соратником Кордовы стала Инес Галло. Галло была якобы мексиканской домохозяйкой (*см. свадебное фото*) и в августе 1965 года познакомилась с Кордовой в метро, на маршруте Q в сторону Бруклина. Спустя несколько дней она среди ночи уехала, бросив семью, и следующие 30 лет всплывала лишь как «ассистентка мистера Кордовы» в титрах его 15 фильмов. На публике мисс Галло появилась всего раз, на церемонии вручения премии Американской киноакадемии в 1980 году: выйдя на сцену в ботинках военного образца, она от имени Кордовы, награжденного за фильм «Тиски для пальцев» (1979), приняла «Оскара» за лучшую режиссуру. Ее благодарственная речь состояла из одной фразы: мисс Галло призывала людей «вырваться из [их] клеток, подлинных либо воображаемых». Выступление породило слухи о том, что в действительности своими фильмами Кордова обязан ее безвестному гению. Ролик на «Ю-Тьюбе» получил более трех миллионов просмотров.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

 6 из 18

Наследница

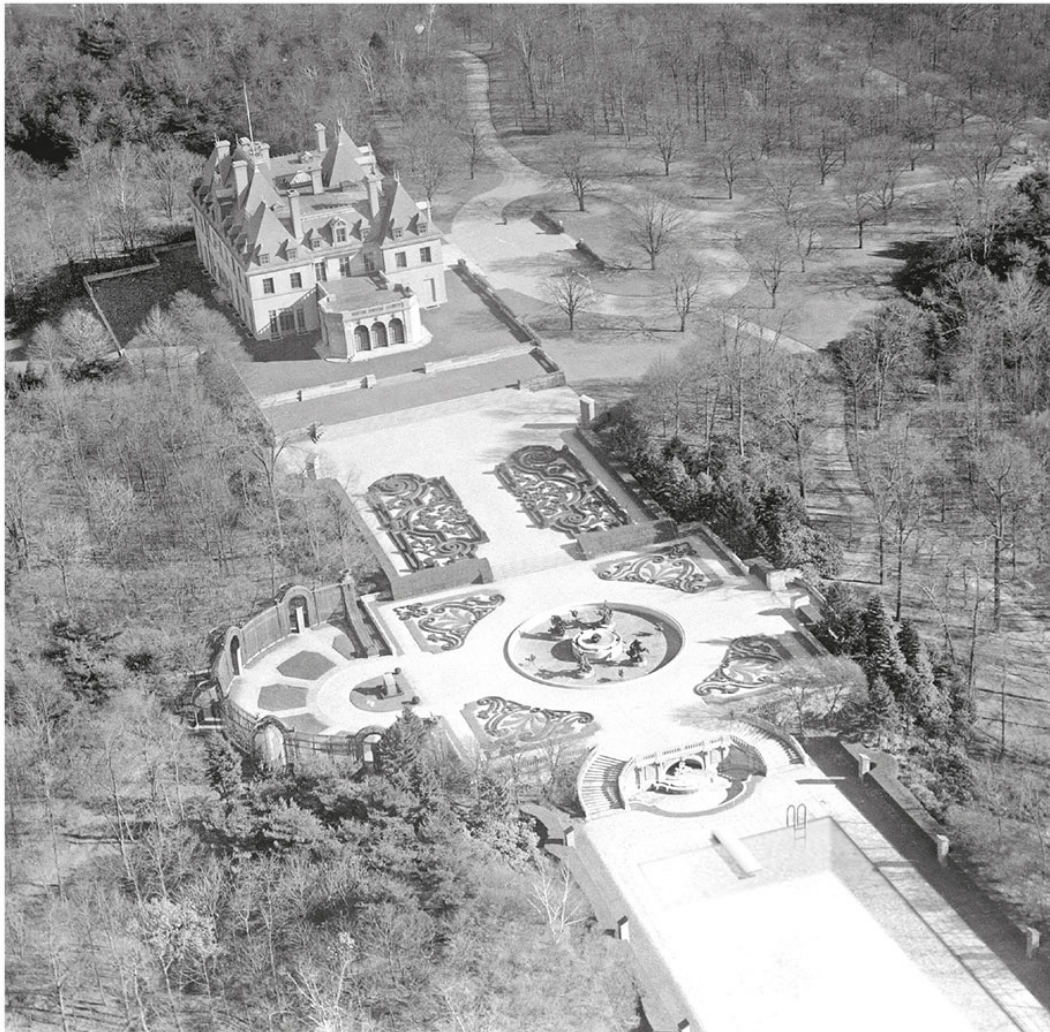
В июне 1975 года Кордова женился на Джиневре Кастаньелло, итальянской фотомодели и наследнице банковского состояния. Спустя год они купили обширное поместье «Гребень» в горах Адирондак, бывший летний дом Рокфеллеров. Вскоре после рождения сына Теодора Джиневру нашли мертвой — она случайно утонула в озере на территории поместья. Ее смерть считается истоком растущей самоизоляции Кордовы и темы зла как краеугольного камня его работ.

 Нравится 34 Твитнуть 61 +1 32 Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 7 из 18 [>](#)

«Гребень»

С 1976 года Кордова жил и снимал на 300 акрах поместья на севере штата Нью-Йорк, в глухих лесах к северу от озера Лоуз. Удаленность поместья (ближайший город — Каргаторп-Фоллз, население 829 чел.) и тот широко задокументированный факт, что оно обнесено 20-футовой оградой военного образца, породили немало спекуляций и слухов о том, что происходит на его территории.

[f](#) Нравится

71

[t](#) Твитнуть

25

[g](#) +1

2

[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 8 из 18 [>](#)

Муза

Актриса и легендарная красавица Марлоу Хьюз стала второй женой Кордовы в период съемок его фильма «Дитя любви» (1985), однако брак был аннулирован спустя каких-то три месяца. Мисс Хьюз отказалась публично комментировать как бывшего супруга, так и их союз, хотя роль — беспощадное изображение жены политика, которая выслеживает шантажиста, угрожающего растрюбить о том, что в прошлом она была несовершеннолетней проституткой, — принесла мисс Хьюз восторженные отзывы критиков, лучшие за всю ее карьеру. «Дитя любви» получило рейтинг X и стало последним фильмом Кордовы, выпущенным в широкий прокат.

[f Нравится](#) 1[Твитнуть](#) 48[g +1](#) 54[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 9 из 18 [>](#)

Фиаско или ловкий маркетинг?

Десятый фильм Кордовы «Ночами все птицы черны» (1987) — о девочке-подростке, которая готова на страшные поступки, чтобы отыскать пропавшего отца, — был заклеен Американской ассоциацией киноиндустрии и спровоцировал пикеты негодующих защитников христианской морали (*см. фото*). Когда на пробном показе у одной молодой женщины случился нервный срыв, «Уорнер Бразерс» отказались выпускать фильм в прокат. Через несколько месяцев поползли слухи о нелегальных показах в Городе Света, в необъятном подземном лабиринте Парижа.

[f Нравится](#) 65[Твитнуть](#) 18[g +1](#) 32[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 10 из 18 →

Гиблые глубины города

Тайные просмотры фильмов Кордовы, известные как «заповедные киносансы», начались в парижских катакомбах, построенных в XII столетии; стены катакомб весьма сообразно сложены из человеческих костей. Подпольные киносансы вскоре распространились по Европе, Америке и Японии. Так Кордова ступил на новый путь — подрывного колдуна из сумеречного страшного мира, свободного от коммерческих пут мейнстримного общества.

 Нравится 21

 Твитнуть 14

 +1 3

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 11 из 18 →

Символ самовластия

В пресловутом интервью «Роллинг Стоуну» в 1977 году — последнем своем публичном выступлении — Кордова отметил, что его любимый собственный кадр — крупный план глаза убийцы в «Силуэтах, омытых светом», и таинственно охарактеризовал этот образ как «самовластный, смертоносный, совершенный». Далее он сознался, что в действительности снимал свой глаз, а при внимательном рассмотрении в радужке глаза различима кричащая женщина. Когда Кордова удалился от публики, поклонники — называющие себя кордовитами — сделали эти слова своим девизом, а стилизованное изображение кадра — символом, который использовали при организации нелегальных показов.

f Нравится 25

T Твитнуть 39

g +1 81

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 12 из 18 →

Последний поворот на Кордову

Берлин, станция метро, 1 октября 1989 года, 02:14 — молодая женщина читает расплывчатые инструкции о том, как попасть на показ *La douleur* (1989).

f Нравится 90

Твитнуть 76

g +1 51

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 13 из 18 [>](#)

Прелюдия к преисподней

Посетители заповедных киносеансов редко говорят о том, что там происходит. Одни утверждают, будто сеансы — в кромешной тьме, в зданиях под снос или подземных тоннелях, куда никому ходу нет, — настолько чудовищны, что зрители от страха нередко падают в обморок. Другие заявляют, будто сеансы переходят в оргиастические рейвы, которые длятся не одни сутки. На иллюстрации выше неизвестный уличный актер в Детройте танцует, предвкушая показ «Подожди меня здесь» (1993), первого полноценного фильма ужасов Кордовы о серии неразгаданных убийств, ужаснувших заштатный городишко Южной Каролины. Впоследствии артист утверждал, что просмотр фильма был «все равно что покинуть прежнего себя, пройти через преисподнюю и возродиться».

[f Нравится](#) 88[Твитнуть](#) 32[g +1](#) 8[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 14 из 18 [>](#)

Эпигон

В феврале 2000 года на заброшенной бумажной фабрике в Каламазу, Мичиган, было найдено изуродованное тело восьмилетней Эми Эндрюс. На теле полиция обнаружила повреждения, от каких пострадала малолетняя жертва Элис Райнхарт в «Подожди меня здесь» (1993). В квартире у задержанного по подозрению в убийстве 22-летнего Хью Тислтона нашли пиратские DVD с «черными фильмами» Кордовы — его последними пятью картинками. Семья Эндрюс создала организацию «Свет Эми», которая скупает и уничтожает все контрабандные копии работ Кордовы, анонимно продаваемые через интернет.

[f Нравится](#) 54[T Твитнуть](#) 12[g +1](#) 8[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 15 из 18 →

Клевета

12 мая 2006 года журналист Скотт Макгрэт, лауреат ряда премий, объявил в эфире «Найтлайн», что объектом его следующего расследования станет Кордова. Макгрэт утверждал, что Кордова — «хищник, из того же теста, что [Чарльз] Мэнсон, Джим Джонс, полковник Курц», имея в виду варвара и убийцу из «Апокалипсиса сегодня». Далее Макгрэт отметил, что «Кордову кто-то должен попросту убрать». Спустя два дня после эфира адвокаты (см. иллюстрацию), представляющие интересы семьи Кордова, подали на Макгрэта в суд за клевету, требуя миллиона долларов в возмещение морального ущерба. Стороны достигли внесудебного соглашения, однако позже выяснилось, что «источник» журналиста — бывший шофер Кордовы — выдуман от начала и до конца, и Макгрэт был уволен из журнала «Инсайдер».

f Нравится 75

T Твитнуть 54

g +1 2

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 16 из 18 [>](#)

Прекрасное дитя

В 1986 году Кордова, по слухам, сочетался браком со своей третьей женой, французским модельером Астрид Гонкур. Их дочь Александра в 8 лет сыграла в последнем известном фильме Кордовы «Дышать с королями» (1996). Впоследствии под именем Сандра Деруин она снискала славу как пианистка-вундеркинд и в 12 лет дебютировала в Карнеги-холле. 13 октября 2011 года ее тело обнаружили в заброшенном пакгаузе в Чайнатауне. Ей было 24 года.

[f](#) Нравится 50[t](#) Твитнуть 49[g](#) +1 7[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)[<](#) 17 из 18 [>](#)

Ожидание

С 1977 года Кордова не сделал ни одного публичного заявления. В 2003 году появились сообщения о том, что он работает над новым фильмом под предварительным названием «Матильда», однако никаких доказательств этому не поступало. Взывая к режиссеру с мольбой снять новое кино, кордовиты используют изображение красной птицы, мелькающей во всех 15 его фильмах, — символа строгой красоты, стремления человека к свободе и возможности рывка за грань постижимого пред лицом невообразимого ужаса.

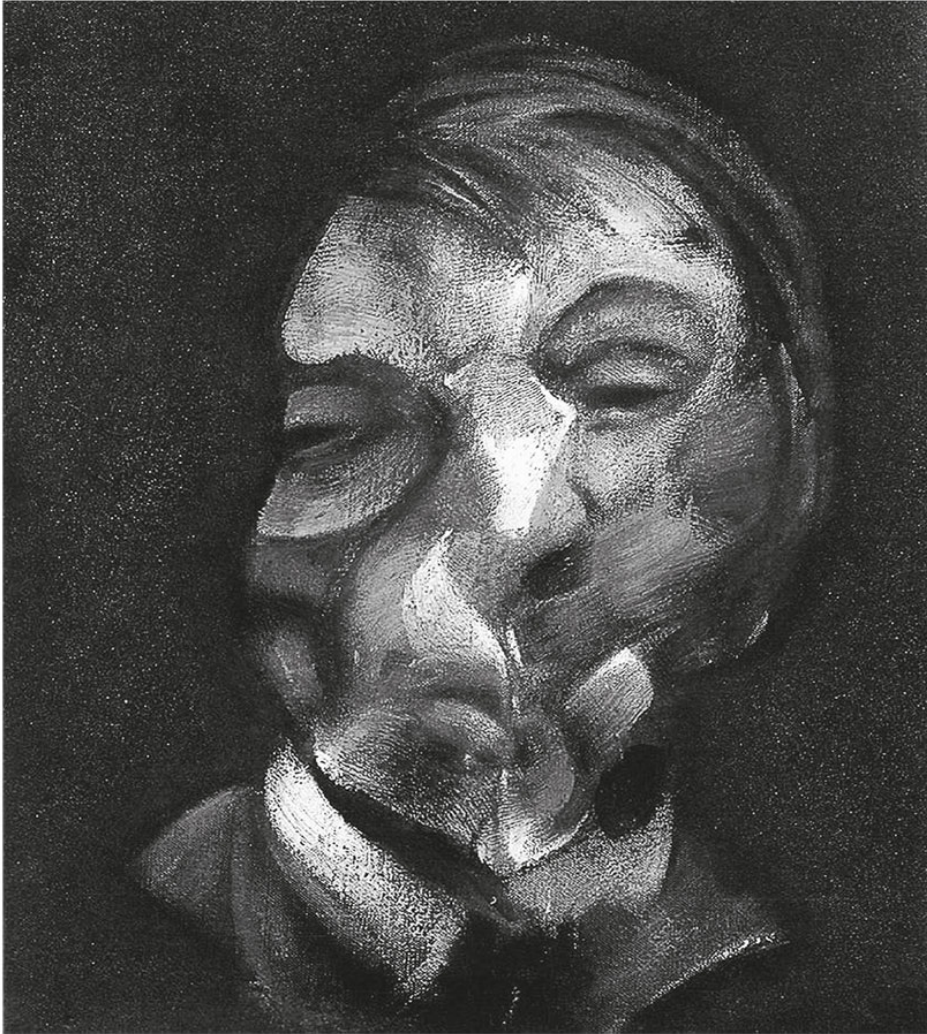
[f Нравится](#) 78[Твитнуть](#) 21[g +1](#) 12[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 18 из 18 →

Последний шепот

Слухи о Кордове препарируются и анализируются на закрытом веб-сайте его поклонников «Черная доска». Поступают сообщения о том, что режиссер страдает от душевного недуга, или изуродован болезнью физически, или даже мертв; крошечный намек на его местонахождение просочился 2 июня 2008 года, когда анонимный сотрудник международного лондонского аукционного дома «Кристис» после аукциона произведений современного искусства слил в прессу копию чека. Из документа следует, что «Автопортрет» (1971) Фрэнсиса Бэкона за неназванную восьмизначную сумму был продан некоему «С. Кордове».

Большая люстра окатывала толпу золотым светом, а я разглядывал собрание в бронзовом зеркале над камином. Вздрыгнул, заметив человека, которого едва узнал: себя. Синяя рубашка, спортивный пиджак, третий или четвертый стакан – я уже сбился; стену подпирает. Как будто не на коктейли пришел, а в аэропорт, ждет взлета своей жизни.

Рейс отложен навечно.

Всякий раз на этих благотворительных вечерах, осколках потерянного брака, я не понимаю, зачем снова и снова прихожу.

Может, люблю смотреть в лица расстрельному взводу.

– Скотт Макгрэт, рад вас видеть!

«Увы, не могу ответить тем же, – подумал я.

– Над чем нынче работаете? Клевое что-нибудь?

Пресс качаю.

– Журналистику в Новой школе еще преподаете?

Порекомендовали взять академический отпуск. Иными словами? Сокращения.

– Я и не знал, что вы еще в городе.

Вот на это я отвечать не умею. А они что думали? Что меня сошлют на Святую Елену, как Наполеона после Ватерлоо?

Сюда меня привела подруга бывшей жены Синтии, некто Пташка. Забавно и лестно, что спустя много лет после того, как жена развелась со мной и уплыла в моря поголубее, ее подружки плотным косяком носятся вокруг меня, словно я занимательные останки кораблекрушения, ищут, какой бы обломок стащить домой. Пташка – блондинка, за сорок – добрых два часа не отходила от меня ни на шаг. Изредка пожимала мне локоть – сигнализировала, что муж ее, какой-то инвестор (*инвентарный транзистор*), уехал из города, а троих детей пытается няня в Гуантанамо. Лишь призывы хозяйки, желавшей показать Пташке недавно отремонтированную кухню, отодрали от меня эту женщину.

– Никуда не уходи, – велела она.

Я поступил ровно *наоборот*. Эти останки всплывать не желают.

Я допил скотч и снова направился было к бару, но тут завибрировал «блэкберри».

Позади меня дверь – я выскользнул на площадку второго этажа. Прилетело СМС от моего старого адвоката Стю Лотона. С полгода

не проявлялся.

Дочь Кордовы найдена мертвой. Позвони мне.

Я закрыл сообщение, погуглил «Кордову», полистал результаты.

И правда. И, черт бы его побрал, в статьях то и дело встречалось мое имя.

«Опозорившийся журналист Скотт Макгрэт...»

Едва этот свежачок облетит собрание, я окажусь в перекрестье прицелов, меня засыплют вопросами.

Я внезапно протрезвел. Скользнул через толпу, вниз по спиральной мраморной лестнице. Никто ни слова не сказал, когда я схватил куртку, миновал бронзовый бюст хозяйки (художник бесстыдно злоупотребил свободой творчества, изобразив ее копией Элизабет Тейлор), из парадных дверей, с крыльца таунхауса, на Восточную Девяносто четвертую улицу. Зашагал к Пятой авеню, вдыхая октябрьскую сырость. Кликнул такси, забрался внутрь.

– Перекресток Западной Четвертой и Перри.

Когда отъезжали, я опустил окно, и в животе все сжалось от осознания этой реальности: дочь Кордовы найдена мертвой. Что это я такое выдал бездумно в эфире общенационального телеканала?

«Кордова – хищник, из того же теста, что Мэнсон, Джим Джонс, полковник Курц. У меня есть источник – он годами работал на семью режиссера. Кордову кто-то должен попросту убрать».

Сие вдохновенное излияние стоило мне карьеры, репутации – не говоря уж о четверти миллиона долларов, – но оттого не было менее правдиво. Хотя, пожалуй, после Чарльза Мэнсона стоило замолчать.

Потеха, право слово: я тут как беглец – даже скорее, пожалуй, как радикал в розыске. Но нельзя не признать: самое это имя в прессе – Кордова – электризовало меня, как и шанс, что, может быть – ну ведь может быть? – снова настала пора бежать со всех ног.

Через полчаса я вошел в свою квартиру в доме 30 по Перри-стрит.

– Я же говорила, что мне надо уйти в девять, – возвестил голос за моей спиной, едва я закрыл дверь. – Второй час ночи на дворе. Вы о чем думали?

Звали ее Джинни, но ни один мужчина в здравом рассудке грезить о ней бы не стал.^[2]

Дважды в месяц по выходным я официально виделся с пятилетней

дочерью Самантой, а моя бывшая постановила, что я обязан опекать и няню: «Купи одну, получи вторую бесплатно» – распродажа до Самантиного восемнадцатилетия. К двадцати четырем годам Джинни окончила Йель и изучала педагогику в Коламбии; всякий раз, когда Сэм попадала под мою ненадежную опеку, няня откровенно наслаждалась властью телохранительницы, личного сопровождающего и спецназовца-наемника. В этом раскладе я был нестабильным государством третьего мира, с коррумпированным правительством, некондиционной инфраструктурой, восстаниями мятежников и экономикой в свободном падении.

– Извини, – сказал я, бросив куртку на стул. – Не уследил за временем. А Сэм где?

– Спит.

– Ты нашла ее облачную пижаму?

– Нет. Мне надо было на семинар четыре часа назад!

– Я тебе заплачу вдвойне, наймешь репетитора.

Я вынул бумажник, вручил Джинни долларов пятьсот, которые она быстренько запихала в рюкзак, затем тщательно ее обогнул и зашагал по коридору.

– Ой, мистер Макгрэт. Синтия спрашивала, нельзя ли ей поменяться с вами на следующие выходные.

Я остановился у закрытой двери в конце коридора, обернулся:

– Зачем?

– Они с Брюсом едут в Санта-Барбару.

– Нет.

– Нет?

– У меня свои планы. Мы блюдем *расписание*.

– Но они уже обо всем договорились.

– Ничего, отменят.

Джинни собралась было возразить, но захлопнула рот, почувствовав (и вполне справедливо), что ступить на территорию между двумя людьми, некогда родными душами, но теперь даже не родней, – все равно что гулять по диким районам Пакистана.

– Синтия вам позвонит, – тихо отметила она.

– Спокойной ночи, Джинни.

Неопределенно вздохнув, она удалилась. Я вошел в кабинет, включил лампу на столе, толкнул дверь.

Санта-Барбара. Еще не хватало.

Кабинет мой – тесный, запущенный, стены зеленые, сплошь картотеки, фотографии, журналы и груды книг.

На столе в рамочке – фотография Саманты, снято в день, когда она родилась, лицо древнее, эльфийское. На стене – киношный постер с учтивым, но утомленным Аленом Делоном в «Самурае»^[3]. Подарок моего прежнего редактора в «Инсайдере». Сказал мне, что я ему напоминаю главного героя – одинокого французского киллера-экзистенциалиста, – и это был отнюдь не комплимент. У дальней стены, сувениром братства «Фи-Пси» Мичиганского университета, – бурый, продавленный кожаный диван (где я потерял невинность, а также набил на клавиатуре все свои лучшие статьи). Над диваном в рамках – обложки моих книг: «Государство МастерКард», «В погоне за капитаном Куком: пираты открытых морей», «Сырец: грязные тайны нефтяной индустрии», «Кокаиновые карнавалы». Поблекшие суперобложки – типичнейший конец девяностых. И копии самых знаменитых моих статей в «Эсквайре», «Тайме» и «Инсайдере»: «В поисках Эльдорадо», «Черноснежный ад», «Выжить в сибирской тюрьме». Два гигантских окна против двери выходили на Перри-стрит и покоцанный тополь, хотя сейчас было темно и не видно.

Я подошел к книжному шкафу в углу – рядом мой портрет, кадр из прошлой жизни: я в Манаусе, в обнимку с *hecatao*, капитаном сухогруза. Бесит, до чего я счастливый и загорелый. Я налил себе скотча.

В 2007 году, в трехнедельной поездке по Шотландии, я купил шесть ящичков «Макаллана». В поездку я отправился, вняв вдохновенному совету психотерапевта доктора Уивера, когда Синтия оповестила меня, что вместе с моей девятимесячной дочерью уходит к Брюсу – венчурному инвестору, герою ее внезапного романа.

После пощечины, которую закатил мне Кордова своим иском о клевете, прошли считанные месяцы. Казалось бы, Синтия могла милосердно дозировать дурные вести: сказала бы мне сначала, что я слишком часто в отъезде, потом – что она мне изменяла, потом – что она по уши влюбилась и наконец – что оба они разводятся, потому что хотят быть вместе. Но нет, все произошло в один день: будто на тихий приморский городок, уже истерзанный голодом, обрушились цунами, сель, метеоритный дождь, а в довершение ко всему – небольшое нашествие инопланетян.

Впрочем, может, оно и к лучшему: уже в начале цепи катастроф нечего стало уничтожать.

В Шотландию я поехал, дабы перевернуть страницу, начать с чистого листа, познать свое наследие и тем самым себя, посетив места, где рождались и процветали четыре поколения Макгрэтов, крошечный городишко в Морее под названием Фогуотт. Уже по названию я должен был догадаться, что это вам не Бригадун.^[4] Спасибо, доктор Уивер, – с тем же успехом я мог выяснить, что предки мои произошли из палаты психопатов в Белвью. Фогуотт оказался стайкой белых домишек, что цеплялись за серый холм, точно редкие зубы за дряхлые десны. По улицам брели женщины с такими окаменелыми лицами, словно пережили чуму. Городские бары обросли молчаливыми краснорожими толстяками, точно волдырями. Я решил было, что жизнь налаживается, когда очутился в постели с симпатичной барменшей Мэйзи, но потом сообразил, что она, вполне вероятно, приходится мне дальней родней. Только подумаешь, что достиг дна, – ан нет, стоишь на очередном люке в подпол.

Я осушил стакан – и тотчас слегка ожил, – налил еще и направился к кладовке позади стола.

Дверь заклинило, и я насилу ее открыл, распахивая старые кроссовки и чертежи пляжного дома в Эмагэнсетте, который я подумывал купить Синтии в запоздалой попытке «наладить отношения». Брачный пластырь за миллион долларов – немудро, как ни посмотри. Я выудил то, что застряло в двери, – фото в рамке, я и Синтия, снимались, когда колесили по Бразилии на «дукати», искали нелегальные золотые рудники и были влюблены по уши – мысли не возникало, что в один прекрасный день это закончится. Блин, как же она была роскошна. Я отбросил фотографию, отпихнул груды «Нэшнл джиогрэфик» и узрел искомое – картонную коробку.

Выволок ее, взгромоздил на стол и сел в кресло созерцать.

Клейкая лента на коробке отставала.

Кордова.

Заняться им я решил случайно пять лет назад. Только вернулся после изнурительных полутора месяцев во Фритауне, в трущобах Сьерра-Леоне. Часа три ночи, сна ни в одном глазу, джетлаг, и тут я открываю статью про «Свет Эми» – некоммерческую контору, которая очищает интернет от «черных фильмов» Кордовы – скупает их и уничтожает. Основала контору мать девочки, жестоко убитой подражателем. Как и убийца из «Подожди меня здесь», Хью Тислтон похитил Эми на перекрестке, где та ждала, пока брат вернется из «7-Одиннадцать», отвез

на заброшенную фабрику и пропустил через бумажный пресс.

«Цель организации – оградить наше юношество от Кордовы», – гласил их веб-сайт. Задача трогательна за решительной неосуществимостью: очищать интернет от Кордовы – все равно что морить насекомых на Амазонке. Однако я их порыва не разделял. Я журналист, свобода слова и выражения – краеугольные камни, принципы, до того глубоко укорененные в самом фундаменте Америки, что сдай назад хоть на дюйм – и страна обрушится. И я жестко выступал против цензуры: повесить на Кордову ответственность за страшную смерть Эми Эндрюс – все равно что обвинить производителей говядины в гибели американцев от инфаркта. Душевного покоя ради кое-кто убеждает себя, что зло является в мир по ясным причинам, однако правда отнюдь не так проста.

До той ночи я думать не думал про Кордову, разве что с удовольствием смотрел (пугаясь) кое-какие ранние его фильмы. Размышления о мотивации режиссера-отшельника не входили в сферу моих профессиональных интересов и задач. Я выбирал сюжеты, где ставки высоки, где речь о жизни и смерти. В поисках нового предмета расследования сердце мое обращалось к наиболее надежным из безнадежных случаев.

В ту ночь, неизвестно в какой момент и неизвестно каким образом, сердце мое устремилось к этому сюжету.

Может, потому, что за несколько месяцев до того родилась Сэм и я, внезапно оказавшись отцом, стал восприимчивее к идее защитить этот прекрасный чистый лист – любого ребенка защитить – от подрывных ужасов, кои воплощал Кордова. В общем, чем дальше я листал сотни записей в блогах про Кордову, фан-сайты и анонимные форумы, где немало постов писали дети каких-то лет девяти-десяти, тем отчетливее чуял: с Кордовой *что-то не так*.

Задним числом все это напоминает мне историю одного южноафриканского репортера-алкоголика, с которым я в 2003 году пересекся в «Хилтоне» в Найроби, когда работал над статьей о торговле слоновой костью. Он собирался в далекую деревню на юго-западе, у танзанийской границы, где вымирало племя таита; племя считалось *валаани* – проклятым, – поскольку ни одно дитя у них не выживало дольше одиннадцати дней. Мы встретились в отельном баре, пожалились друг другу на то, что у обоих угнали тачки (чем и было удостоверено прозвище города *Найробин-гуд*), а потом он сказал, что подумывает пропустить утренний автобус и вообще плюнуть на статью, потому что с предыдущими тремя журналистами в деревне случилось много чего. Один свихнулся,

бродил по улицам и бормотал какую-то чушь. Другой слинял и спустя неделю повесился в гостиничном номере в Момбасе. Третий просто испарился, бросил семью и должность в итальянской газете «Коррьере делла Сера».

– Она заразная, – бубнил этот мужик. – История. Бывает такое.

Я усмехнулся, списав драматизм на побочные эффекты «Чивас Ригал», который мы всю ночь хлестали. Но он не унимался.

– Как *lintwurm*. – Он сощурился мне в лицо, налитые кровью глаза искали понимания. – Ленточный червь, пожирает собственный хвост. Убивать бесполезно. У него нет конца. Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь. – Он поднял кулак. – *Dit suig jou droog*.^[5] Бывают такие истории, что лучше бежать, пока ноги есть.

Я так и не выяснил, доехал ли он до деревни.

«Дочь Кордовы найдена мертвой». Эта мысль вернула меня в настоящее; я открыл коробку, вынул пачку бумаг, приступил.

Сначала машинописный перечень всех актеров, работавших с Кордовой. Затем список мест, где проводились натурные съемки первого фильма, «Силуэты, омытые светом». Рецензия Полин Кейл^[6] на «Искажение»: «Деконструкция невинности». Марлоу Хьюз в постели – «Дитя любви», последний кадр. Машинописные расшифровки моих заметок из Каргаторп-Фоллз. Фотография ограды «Гребня», поместья Кордовы, – снимал я. Конспекты Вольфганга Бекмана – несколько лет назад он на кинофакультете Коламбии вел спецкурс по Кордове, но после трех лекций вынужден был прекратить: возмутились родители. («Некоторые аспекты Кордовы: сумеречно-живой и бесконечно страшный» – так лукаво назвал он свой курс.) DVD с документальным фильмом Пи-би-эс 2003 года о Кордове, «Темный страж». И наконец, расшифровка анонимного телефонного звонка.

«Джон». Таинственный абонент, моя гибель.

Я отложил в сторону три листа.

Всякий раз, перечитывая эту расшифровку, записанную сразу после разговора, я искал и не мог найти тот момент, когда потерял голову. Что побудило меня плюнуть на двадцать лет опыта и, не прошло и двадцати четырех часов, *кувырнуться под уклон* в прямом телеэфире?

Расшифровка телефонного разговора — аноним, «Джон»

С. Макгрэт, 11 мая 2006 г., 11:06—11:11

СМ: Добрый день.

Аноним: Это Скотт Макгрэт? Журналист?

СМ: Да. С кем я говорю?

Прямо не отвечает. Голос пожилой [за шестьдесят, за семьдесят.]

Аноним: Говорят, вы расследуете Кордову.

СМ: Кто говорит?

Аноним: Ходят слухи.

СМ: Вы его друг?

Нет ответа. Похоже, нервничает.

Аноним: Я не хочу, чтобы звонок записывался.

СМ: Он не записывается. Как вас зовут?

Аноним: Джон.

Имя вымышленное. Велик соблазн включить диктофон в телефоне — необходимая предосторожность, — но когда вставляешь джек TP-7, слышен щелчок. Не хотелось бы отпугнуть.

СМ: Какое отношение вы имеете к Кордове?

Аноним: Я его возил. → ~~_____~~

СМ: Вы были его шофером?

Аноним: Можно и так сказать.

СМ: Где?

Аноним: На севере.

На севере штата Нью-Йорк. «Джон» странно дышит — жалеет, что позвонил.

СМ: Вы тут?

Аноним: Извините. Уже не знаю, стоило ли затеваться.

СМ: Не торопитесь. Как вы поступили к нему на работу?

Аноним: Я не хочу вопросов.

СМ: Вы же сами мне позвонили, Джон. А нам не проще встретиться?

Аноним: Нет.

Тридцатисекундная пауза.

Аноним: Обычно я возил в город женщину, мексиканку, которая у него работает. А раз вечером он позвонил и спросил, не отвезу ли я его.

СМ: Вы живете поблизости от его поместья? В Каргаторп-Фоллз?

Аноним: Я не хочу это говорить. ?

Я кое-что записываю.

Аноним: Попросил забрать его среди ночи. В 3 часа. Велел медленно подъехать к дому, (фары не включать.) Мне показалось, он не хочет никого будить. Я приехал, он ждал на крыльце.

СМ: Один?

Аноним: Да. Сел в машину. Назад.

Пауза.

СМ: Куда вы его отвезли?

Аноним: В начальную школу.

СМ: В начальную школу.

Аноним: Да.

СМ: Какую?

Аноним: Без подробностей.

СМ: Ладно. Я слушаю.

Аноним: Он попросил завезти его на стоянку, выключить мотор и ждать. Я видел, как он по газону пошел на детскую площадку. Постоял там, совсем не шевелился. Потом обошел веревочные качели. Толкнул их, и они закачались — пустые. Обошел другие качели, доска такая горизонтальная, их толкнул, они закачались вверх-вниз. Потом пошел и сел в песочнице.

СМ: Сел в песочнице?

Аноним: Я не видел, что он там делает. Но странное что-то, понимаете?

СМ: А что он делал?

Аноним: Я сначала испугался, что у него там сексуальные штуки какие-то. Но похоже было, как будто он копает.

СМ: Копает?

Аноним: Похоже было. Когда вернулся в машину, что-то прятал под пальто.

СМ: Что он прятал?

Аноним: Я не видел. Отвез его домой.

СМ: Он сказал что-нибудь?

Аноним: Нет. Но через несколько недель опять позвонил, попросил то же самое.

СМ: Отвезти его в начальную школу?

Аноним: Только в другую уже. Пошел через стадион. Залез на трибуны, искал там. Когда вернулся, под пальто опять что-то прятал. Я его привез домой, он стал вылезать из машины, и я увидел.

СМ: Что это было?

Долгая пауза.

?

Аноним: Детская спортивная форма. Желтая маечка. Синие шортики. Мне аж дурно сделалось. Спросил, зачем ему. А он только посмотрел на меня из-за очков этих своих, взглядом как будто просверлил. И вылез из машины. Назавтра позвонила мексиканка. Мои услуги больше не требуются. Но я точно знаю, что он кого-то нанял по ночам его возить. Молодого парня. Платил ему кучу денег. Годами.

СМ: Почему?

Аноним: Он что-то делает с детьми. ✱

СМ: Что?

Пауза.

СМ: Как? Бьет, убивает?

Нет ответа.

СМ: Кто еще об этом знает?

Нет ответа. Он ускользает от меня.

СМ: Что-нибудь еще можете рассказать? Джон?

Не откликается.

СМ: Вам нечего бояться.

Отбой.

«Он что-то делает с детьми».

По сей день слышу этот перепуганный стариковский голос в трубке.

О своем интервью в «Найтлайн» я помню немного – помню, что говорил в основном сам. На эфир пришел обсудить тюремную реформу. К немалому восторгу ведущего, *сильно* удалился от темы, упомянул Кордову. Когда закруглились, я, не подозревая, какая буря дерьма вот-вот разразится, был доволен – так бывает, лишь когда наконец удастся все сказать как есть.

Затем начались звонки: сначала мой агент поинтересовался, что я курил, затем мой адвокат сообщил, что ему позвонила крупная шишка из Эй-би-си.

– Ты заказал Станисласа Кордову.

– Что? Да *нет* же...

– Мне только что пришел факс с расшифровкой. Вот я читаю: ты перебил Мартина Башира^[7] и объявил, что Кордову надо «попросту убрать».

– Я *иронизировал*.

– Телевидение не знает такого слова, Скотт.

Надо ли говорить, что «Джон» мне больше не звонил. Исчез.

Адвокаты Кордовы заявили, что я не просто поставил под угрозу жизнь их клиента и его семьи – я к тому же сам сфабриковал анонимный телефонный звонок: пошел к таксофону в квартале от своего дома и позвонил *сам себе*, чтобы о липовом звонке осталась запись.

Над этим абсурдным обвинением я ржал – а потом подавился своим смехом, сообразив, что доказать обратное не в состоянии. Даже мой адвокат не говорил прямо, верит он мне или нет. Выдвинул гипотезу, что «Джон» был настоящий, но его отпугнула моя «выходка».

Выбора не было, пришлось договариваться, признать вину не в «настоящем злом умысле», но в «пренебрежении истиной по неосторожности». За ущерб я уплатил представителям Кордовы 250 000 долларов – добрую долю того, что откладывал с гонораров за книги и статьи, строя карьеру на бескомпромиссной честности, от которой ныне остались одни клочки. Меня уволили из «Инсайдера», мою колонку в «Тайме» закрыли. Я предварительно говорил с Си-эн-эн – планировал вести еженедельную программу новостных расследований. Теперь одна

мысль об этом была смехотворна.

«Макгрэт – как прославленный спортивный рекордсмен, пойманный на допинге, – провозгласил Вулф Блитцер. – Теперь мы вынуждены ставить под вопрос каждое слово, что он написал и произнес».

– Тебе стоит подумать о другом занятии, – проинформировал меня мой агент. – Преподавание, коучинг. В журналистике ты сейчас неприкасаемый.

Сей час затянулся. «Опозоренный журналист», как «бывший заключенный», прочно приклеилось к моему имени. Я стал «симптомом небрежности американской журналистики». Кто-то смонтировал и выложил на «Ю-Тьюбе» ролик, где я тридцать девять раз (голос пропущен через «Авто-Тьюн») повторяю «попросту убрать».

Расследование я бросил. В ту ночь, когда я принял это решение и запихнул подальше коробку с заметками, на меня свалился иск о клевете. Синтия и Сэм уехали, оставив по себе гробовую тишину; впечатление было такое, будто меня, не спросив разрешения, прооперировали. Я был жив, но смутно подозревал, что нечто внутри необратимо *перекосилось*. И не достанешь, не поправишь: перекрутили некий важный нерв, некий орган нечаянно вшили вверх тормашками. Я лишь ярился на Кордову – изящно прятавшегося за спинами адвокатов, – и ярость моя была еще тлетворнее оттого, что на самом деле я злился на себя, на свою самонадеянность и глупость.

Потому что я понимал: падение мое – не случайность. Кордова переиграл меня, явив ум и прозорливость, каких я от него не ожидал. Я рухнул в нокауте, бой завершился, победитель объявлен – а я ведь даже толком на ринг не выступил.

Меня искусно подставили. «Джон» был наживкой. Кордова, узнав, что я на него охочусь, смастерил капкан, подослал анонима, с пронизательностью почти сверхъестественной понимая, что анонимов неотвязный намек – «он что-то делает с детьми» – меня заденет, а потом сел поудобнее и стал смотреть, как я рою себе могилу.

И однако, если Кордова так занервничал из-за моего расследования, если он столько сил приложил, дабы от меня избавиться, – что же он в действительности прячет? Оно что, еще взрывоопаснее? Я решил забыть об этом, отмахнуться, постараться вернуть себе хоть какое-то подобие *жизни*.

А теперь опять двадцать пять. Я допил скотч, взял новую пачку бумаг и вскоре выкопал то, что искал.

Тонкий манильский конверт. И на нем от руки: «Александра».

Расстегнул конверт, выудил содержимое: листок и компакт-диск.

Александра Кордова (2009) репетирует в Музыкальном центре Армзов

БЛЕСТЯЩЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

(продолж.)

планирует вернуться в Данию, сдав экзамены по своим основным специализациям «биохимия» и «вычислительная техника».

Александра Кордова (курс 2009) — еще одна талантливая первокурсница с севера штата Нью-Йорк. Так вышло, что ее отец — о котором она говорит мало — легендарный кинематографист Станислас Кордова. «Наша семья не любит публичности», — объясняет Александра. Впрочем, она и сама добилась очень многого.

Под сценическим псевдонимом Сандра Деруин (Деруин — фамилия родственников по линии матери-француженки) в одиннадцать лет она заняла первое место на Московском международном конкурсе им. Чайковского, где сыграла его фортепианное трио ля минор и обошла выпускников Джульярда на шесть лет ее старше.

Александра выступала на международных площадках, включая Карнеги-холл. В 14 лет она записала первый и единственный сольный диск, «Сандра Деруин исполняет „Гаспар из тьмы,

или Дьявол в ночи“ Мориса Равеля», заслужив похвалы критиков за творческую и эмоциональную интерпретацию этого произведения, одного из сложнейших сочинений для фортепиано в истории музыки.

Александра больше не играет профессионально, однако не рассталась с фортепиано и возвращается к нему ежедневно. «Это так прекрасно — затеряться в музыке. На время забыть, как тебя зовут».

«Гаспар» остается ее любимой пьесой, и не только за техническую сложность — орнаментику, каденции, ртутные хроматические пассажи, исполняемые одной рукой, — но и за источник вдохновения Равеля: три стихотворения Бертрама, в которых фигурируют ундина, соблазняющая человека поселиться с нею под водой, повешенный и злобная тварь, что пляшет в ночи, переворачивая жизнь человека вверх дном.

«Это так прекрасно — затеряться в музыке. На время забыть, как тебя зовут».

«Играть это — настоящий подарок, — говорит Александра. — Равель был очень скромн. Никогда не называл себя композитором — говорил только, что старается и пьеса закончена, когда он больше не может стараться. Играя сонаты, переносишься в мир великой жестокости, однако там живет и тоска по любви, и грусть, и страх не смерти, но впустую потраченной жизни. В его музыке все это есть».

Невзирая на свою виртуозность, в Амхёрсте Александра планирует расширить рамки, заняться антропологией или историей. А когда окончит колледж? «Может, поселюсь за границей. Буду путешествовать. Отыщу край земли. Стану жить за пределами музыки». Слова дочери истинного мастера.

Люси Поук (курс 2009) тоже добивалась своего и времени даром не теряла. Всего в четыре года она начала торговать лимонадом и в двенадцать создала собственный лимонадный бренд

(продолж. стр. 44)

Несколько лет назад, сосредоточившись на Кордове, я этой статейки о выдающейся первокурснице почти и не заметил. Даже диск не собрался послушать.

Сейчас содрал полиэтилен, сунул диск в стерео, нажал «вкл.». Долгая пауза, а затем – фортепиано.

Первые такты были пронзительны, настойчивы, стремительны и уверенны – непостижимо, что пианистке всего четырнадцать лет. Ноты рябили, на миг смягчались, яростно всплескивали пулеметным огнем.

Я слушал, текли минуты, и тут из-за двери донеслись тихие шаги

по половицам.

Сэм. В последнее время она завела привычку просыпаться среди ночи. Повернулась дверная ручка, и на пороге возникла моя полусонная дочь в розовой ночнушке.

– Привет, зайка.

Протирая глаза, она лишь молча прошлепала ко мне. Сэм унаследовала красоту Синтии, в том числе и блондинистые локоны, от которых занимается дыхание, – явно позаимствованные у ангелочка из Сикстинской капеллы.

– Ты что тут делаешь? – спросила она тихо и серьезно.

– Работаю.

Она облокотилась на стол и принялась как-то странно брыкаться одной ногой. В этом состоянии она всегда гнулась, сплетала руки, заводилась, будто беспрестанно играла в «твистер». Вгляделась в статью.

– Это кто?

– Александра.

– Кто это – Александра?

– Такая девушка, она в беде.

Сэм встревожилась:

– Она сделала плохое?

– Нет, зайка, не в такой беде. В загадочной.

– А какая загадка?

– Пока не знаю.

Так мы и общались. Сэм запускала вопросы в воздух, а я кидался за ними, пытался отвечать. Из-за железобетонного опекунского расписания Синтии и Сэмовой занятой жизни – походы в гости и на балет – я, к несчастью, виделся с нею мало. Последний раз – три с лишним недели назад, мы ходили в Бронкский зоопарк, где выяснилось, что любой равнинной горилле в «Лесах Конго» (включая четырехсотфунтового самца) она доверяет в сто раз больше, чем мне. И не без причин.

– Пошли. – Я поднялся. – Давай-ка в кровать.

Я протянул руку, но Сэм лишь нахмурилась – во взгляде безошибочно читалось сомнение. Похоже, она уже вычислила то, на что мне потребовалось сорок три года: взрослые, конечно, *большие*, но их знания, в том числе о себе самих, невелики. Игрушки кончились, когда Сэм было года три. И, точно невинно осужденная, попросту очутившаяся не в том месте не в то время, она смирилась и решила стоически отсиживать свой срок (детство) под надзором бестолковых надзирателей (моим и Синтии) и дожидаться УДО.

– Пойдем-ка наверх, поищем твою облачную пижаму, годится? – спросил я.

Она энергично закивала и не сопротивлялась, когда я повел ее по коридору, а затем наверх, где она терпеливо уселась на кровать, пока я рылся в шкафу. Облачная пижама – из синей фланели, вся в кучевых облаках – мой единственный верный поступок. Я купил ее в модном детском магазине в СоХо^[9], Сэм полюбила пижаму без памяти и порой плакала, если нельзя было в ней спать. Синтии и Ко. для обеспечения сна Сэм по их сторону фронта пришлось раздобыть вторую и даже третью культовую пижаму, что я полагал мелкой, но значимой личной победой.

Я перерыл весь шкаф и наконец отыскал пижаму на дальней полке. Театрально развернул – Сэм любит, когда я перед ней играю немое кино а-ля Рудольф Валентино^[10]. Мы надели пижаму, и я уложил Сэм в постель.

– Подоткни, – распорядилась она.

Я подоткнул.

– Оставить свет? – спросил я.

Она потрясла головой. Единственный ребенок на земле, который не боится темноты.

– Спокойной ночи, лап.

– Спокойной ночи, Скотт.

Она всегда звала меня Скотт – никаких «пап». Никак не вспомню, когда это началось, – истоки непостижимы, как с курицей и яйцом.

– Я тебя люблю больше... как там было? – спросил я.

– Солнца плюс Луны. – Она закрыла глаза и волшебным образом мгновенно заснула.

Я вернулся в кабинет. Диск все играл – спонтанная, дикая музыка. Я сел за стол, перечитал статью из Амхёрста.

«На время забыть, как тебя зовут», – сказала Александра.

В смысле «Кордова». Наверняка.

«Он что-то делает с детьми». Что он сделал с собственной дочерью? Как она умудрилась погибнуть в двадцать четыре года – видимо, покончить с собой?

Я чувствовал, как оно просыпается вновь – темное подводное течение, что вновь тащит меня к Кордове. Черт с ней, с моей злостью на него, хоть она еще и кипела, – это ведь к тому же мой шанс оправдаться. Если я опять выйду на охоту и докажу, что Кордова в самом деле хищник – а в душе я в этом не сомневался, – быть может, все потерянное вернется ко мне. Синтия, допустим, вряд ли, на это надеяться нельзя – зато карьера,

репутация, жизнь.

И за пять лет кое-что изменилось, у меня есть зацепка. Александра.

Раздирает нутро самая мысль о том, что эта незнакомка, эта необузданная музыкальная волшебница ушла из нашего мира. Потеряна, *утихомирена* – очередная мертвая ветвь на корявом древе Кордовы.

Быть может, она и есть его неверная стезя.

Такова тактика скрытого нападения, описанная в «Искусстве войны» Сунь-цзы. Противник ожидает лобового удара. Готовится к нему, яростно его отбивает, и в результате потери тяжелы, растрата жизненных ресурсов огромна – и ты побежден. Однако порой есть и другой подход, «неверная стезя». Противник не ждет, что ты избереешь ее, ибо путь этот извилист, коварен, зачастую противник и сам о нем не подозревает. Но если твоему войску удастся пройти этим путем, ты не просто окажешься у противника в тылу – ты проберешься в самое сердце его, в святая святых.

«Ленточный червь пожирает собственный хвост, – предостерегал меня старый репортер. – Убивать бесполезно... Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь».

Да, я не выяснил, что с ним случилось, – но я знал и так. Наутро он, сколько ни ворчал, с неизбежностью восхода солнца выполз из постели, упаковал манатки и сел в автобус до проклятой деревни.

Он бы не смог отвернуться от истории.

Вот и я не могу.

6

Миновало чуть больше недели, и в три часа ночи я вошел в автобус M102 до Гарлема (№ 5378, как велела Шерон Фальконе) и уединился на заднем сиденье.

Уж в этом-то автобусе в три часа ночи беседы шепотом и подозрительные перегляды никого не волнуют. Все пассажиры, какие есть, скорее всего, вымотаны до смерти, на приходе либо сами промышляют чем-нибудь сомнительным и тоже пылко оберегают свое инкогнито. Я так и не понял, как это Шерон так устроила, но, честное слово, шофер был тот же, что и на последнем нашем свидании лет девять назад.

С детективом Шерон Фальконе я познакомился в 1989 году: я был газетным салагой в «Нью-Йорк пост», а она – полицейской салагой

на подхвате в деле бегуни из Центрального парка.^[11] Даже теперь, спустя двадцать с лишним лет, я знал о Шерон разве что обрывочные детали, хотя они окрашивали картину ярко, как кейджунские специи. Сорок шесть лет, живет в Куинсе одна, держит немецкую овчарку Харли. Последние десять лет работала в отделе убийств Северного Манхэттена – подразделении, которое помогало другим участкам с расследованием убийств, случившихся севернее Пятдесят девятой улицы, – и усопшим жертвам служила верно, по-старомодному истово и самоотверженно.

Автобус свернул на запад, на Восточную Сто шестнадцатую, мимо заброшенных муниципальных домов, пустырей, ветхих церквей – СПАСЕНИЕ И ИЗБАВЛЕНИЕ, значилось на вывеске – и людей, околачивающихся на перекрестках.

Видимо, что-то не так. В прошлый раз Шерон к этому часу уже появилась. Я проверил телефон, но не было ни пропущенных звонков, ни сообщений. Наш разговор накануне особых надежд не внушал, и помощи Шерон, честно говоря, не обещала. Обронила:

– Завтра вечером. Там же, тогда же, – и повесила трубку.

Автобус свернул на проспект Малькольма Икс, я уже заподозрил, что Шерон меня надула, но тут мы резко затормозили у ветхого особняка, и я увидел одинокую фигуру на тротуаре. Двери открылись, и вот уже детектив Шерон Фальконе спешит ко мне – будто заранее знала, где я сижу.

Она не изменилась: те же 5 футов 3 дюйма, угрюма, губы тонки и не улыбаются, нос кнопкой, кончик вздернут завитком древесной стружки. Не то чтобы непривлекательная. Однако *странная*. Смахивает на бледную монашку с портрета пятнадцатого столетия во фламандском зале Метрополитен-музея. Одна беда: художник *не вполне* освоил человеческую анатомию, а потому наградил Шерон длинной шеей, асимметричными плечами и слишком маленькими ладошками.

Она скользнула на сиденье рядом со мной, оглядела других пассажиров, уронила под ноги черную сумку.

– Из всех эм-сто-вторых во всех городах мира ты заходишь в мой,^[12] – отметил я.

Она не улыбнулась.

– У меня мало времени.

Она расстегнула сумку и вручила мне белый конверт 8 × 10. Я извлек оттуда тоненькую пачку бумаг: первая страница – фотокопия досье.

«Дело № 21-24-7232».

– Как продвигается расследование? – спросил я, спрятав бумаги

в конверт, а конверт в карман.

– Расследует пятый участок. Им по сто человек на дню звонят. Анонимы, но по делу ни слова. На той неделе Александру видели в «Макдональдсе» в Чикаго. Три дня раньше – в ночном клубе в Майами. Уже два признания в убийстве набралось.

– А это убийство?

Шерон покачала головой:

– Нет. Она прыгнула.

– Ты уверена?

Она кивнула:

– Никаких следов борьбы. Ногти чистые. Сняла ботинки и носки, поставила на край. Методично готовилась – очень похоже на суицид. Вскрытия не было. Даже не знаю, будет ли.

– А почему не будет?

– Семейный адвокат отбивается зубами и когтями. Религиозные запреты, все такое. Для еврея осквернение тела – кощунство. – Она нахмурилась. – Я заметила, в деле не хватает пары снимков. Торс, спереди и сзади. Я так думаю, хранят отдельно, чтоб какой урод не слил «Дымящемуся пистолету»^[13].

– Причина смерти?

– Как у всех прыгунов. Обильное кровотечение. Перелом шеи, рваные раны сердца, множественные переломы ребер и перелом черепа. Пролежала мертвая несколько дней. С месяц назад поступила в какую-то пафосную частную клинику на севере. Оттуда сообщили о ее исчезновении. За десять дней до прыжка.

Я вытаращился:

– Почему? Она сбежала?

Шерон кивнула:

– Медсестра подтвердила, что в одиннадцать вечера Александра была в палате, свет не горел. А в восемь утра ее уже не было. И зафиксирована всего одной камерой слежения – какой-то бред, клиника напичкана камерами, как Пентагон. Лица не видно. Просто девушка в белой пижаме бежит по газону. И с ней мужчина.

– Кто?

– Неизвестно.

– Почему она легла в клинику? Наркотики?

– По-моему, никто так и не знает, что с ней было. Там в конверте медицинское освидетельствование.

– Когда клиника заявила о пропаже?

- Тридцатого сентября. В рапорте есть.
- А прыгнула она?..
- Поздно вечером десятого октября. Одиннадцать вечера, полночь.
- И где она шлялась эти полторы недели?
- Никто не в курсе.
- А на кредитках ее шевелилось что-нибудь?

Шерон помотала головой:

– И мобильный тоже был отключен. Догадалась не включать. Видимо, не хотела, чтоб ее нашли. За все десять дней ее точно видели всего раз. Когда обнаружили тело, она была в джинсах и футболке. В кармане пластиковый номерок. Сзади дерево выгравировано. Выяснили, откуда взялся, – из ресторана «Времена года». Знаешь, заведеньице на Парк-авеню?

Я кивнул. «Времена года» – один из самых дорогих ресторанов города, говоря точнее – заповедник редкой дикой фауны. Платишь непомерный входной взнос (\$45 за крабовые тефтели), дабы понаблюдать – но ни в коем случае не *потревожить* – процесс питания и боевые ритуалы нью-йоркских привилегированных и властительных кругов, демонстрирующих узнаваемые признаки своей видовой принадлежности: закаменевшие лица, ширящиеся плечи, стального оттенка костюмы.

– Девчонка-гардеробщица ее опознала, – пояснила Шерон. – Александра пришла около десяти, но спустя несколько минут убежала без пальто и уже не вернулась. А через пару часов прыгнула.

- Наверное, встречалась с кем-то.
- Неизвестно.
- Но следствие пошурует?

– Нет. Тут же нет преступления. – Шерон пронзила меня взглядом. – Чтобы добраться до шахты лифта, ей надо было войти в заброшенный дом, а там известный сквот, «Висячие сады». С крыши она пролезла в потолочный люк – а он шириною в фут. Мало таких субтильных, кто туда протиснется, и тем более невозможно, если держать кого-то, а тот отбивается. Всё прочесали на предмет следов. Никаких признаков того, что Александра была не одна.

Шерон не сводила с меня изучающего – нет, пожалуй, *следовательского* – взгляда: ее карие глаза методично ползали по моему лицу – вероятно, по таким же квадратам, какие она применяла в работе поисковых партий.

– А теперь настал момент спросить, зачем тебе эта информация, – сказала она.

– Кое-какие неоконченные дела. Ты не парься.

Шерон сощурилась:

– Знаешь, что говорил Конфуций?

– Напомни.

– «Перед тем как мстить, вырой две могилы».

– Мне всегда казалось, что мудрость древних китайцев сильно переоценена.

Я вручил Шерон конверт. Три тысячи долларов. Она сунула конверт в сумку, застегнула молнию.

– Как твой пес? – спросил я.

– Умер три месяца назад.

– Как жалко.

Она отбросила шипастую челку со лба, смерила взглядом старика, только что севшего в автобус.

– Все хорошее кончается, – сказала она. – Ну, все на этом?

Я кивнул. Она накинула ремень сумки на плечо, собралась уже встать, но тут меня запоздало осенило, и я схватил ее за запястье.

– А предсмертная записка? – спросил я.

– Не нашли.

– Кто опознал Александру в морге?

– Адвокат. От родных ни слова. Говорят, их нет в стране. Путешествуют.

Скривившись – с сожалением, но без особого удивления, – она встала и направилась к передней двери. Шофер тотчас затормозил. Несколько секунд – и Шерон уже шагала по тротуару, не столько шла, сколько *перла*: плечи ссутулены, взгляд уставлен под ноги. Автобус рыгнул, покатыл дальше, и Шерон обернулась смутной тенью, что скользит мимо запертых магазинов и закрытых витрин; резкий поворот – и она пропала.

**ТОЛЬКО ДЛЯ
МЕДИЦИНСКОГО
ПЕРСОНАЛА**

БХ
Брайарвуд-холл

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя пациента	Александра Бретт Кордова	Дата рождения	30.12.86
Адрес	1014 Кантри-роуд, 112	Индекс	12847
Город	Кэргаторп-Фоллз	Штат	Нью-Йорк
Лечащий врач	Со слов пациентки, семейного врача нет.	Тел. лечащего врача	—
Врач «Брайарвуд»	доктор медицины Анника Энгли		
Дата заключения	5/09/11	Даты осмотров	31/08, 1/09, 2/09, 3/09

Анамнез заболевания

Пациентка замкнута и не отвечает на вопросы. Периодически агрессивна и высказывает параноидальные идеи, особенно в отношении незнакомых людей. Отмечаются вспышки гнева, когда пациентка остается одна и/или в темноте (впервые отмечено 31/08). Не проявляет интереса к окружающим или к общению, отсутствует мотивация к повседневным занятиям. Поведение изменилось, когда пациентке было разрешено во время общего часа играть на фортепиано. В это время играла по 2 ч. без перерыва — исключить маниакальные тенденции.

Рекомендовано дальнейшее наблюдение и 3 ч. ежедневной терапии, групповой и индивидуальной.

Анамнез жизни	Наследственность в отношении психиатрических заболеваний
Со слов пациентки, никогда не лечилась.	Нет данных.

Социальный анамнез (в т. ч. злоупотребление п/а веществами), в т. ч. семейные отношения, работа

Бывший вундеркинд, музыкант. Текущий служебный и семейный статус не известен.

Текущие назначения	Заболевания / обследования / аллергии
Нет	Нет

Оценка психического состояния (отметьте существенные детали)

Внешний вид:	неряшливая, бледная, симптомы анемии	Сон:	хороший, но требует включать свет в палате
Мышление:	ясное	Настроение:	гнев, паранойя, агрессия
Восприятие:	хорошее	Аффект:	уплощенный
Ангедония:	нет	Аппетит:	низкий
Внимание / концентрация:	хорошие	Мотивация / энергия:	низкие
Память:	хорошая	Суждение / понимание:	может высказывать паранойю
Координация:	хорошая	Речь:	четкая

Оценка рисков (если ответ «да» в графах «планы», «тенденции» или «опасность», обратитесь к группе «Серебряный код», ГКС, 9211 3911)

Мысли о самоубийстве:	Да ☒ Нет ☐	Суицидальные тенденции:	Да ☒ Нет ☐
Текущие планы:	Да ☐ Нет ☒	Опасность для окружающих:	Да ☒ Нет ☐

Предварительный диагноз, МКБ-10

F1 Расстройства, связанные с употреблением п/а веществ	☐	Пациенту рекомендовано	Группа «Депрессия»	☒
F1.5 Психотическое расстройство	☒	Группа «Паника и избегание»	☐	
Психотическое расстройство	☒	Группа «Коморбидность»	☐	
	☐	Индивидуальная терапия	☒	

**СООБЩЕНИЕ О НЕСЧАСТНОМ
СЛУЧАЕ / ПРЕСТУПЛЕНИИ****КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ**

ДЕЛО № 21-24-7232	ВЕДУЩИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ Детектив Майк Ву НЙДП, участок 5	ДАТА и время сообщения ВРЕМЯ 14:02	ДАТА 14.10.11
СМЕЖНЫЕ ДЕЛА / СЛУЧАИ		ПРЕСТУПЛЕНИЕ / НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ Расследование смерти	
ТАКЖЕ ПРИСУТСТВОВАЛИ		сержант Фрэнк Брайант; полицейский Джозеф Андерсон; Фил Ларок, фотограф отдела главного судмедэксперта; д-р Санья Инратис, помощник судмедэксперта; следователь на месте преступления Ричард Дэвис; д-р Лиса Беннетт, младший судмедэксперт	
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ		Мотт-стрит, 9	

ИМЯ ПОКОЙНОГО _____

СВИДЕТЕЛИ

ИМЯ	РАСА	ПОЛ
Свидетели не установлены		

ОПИСАНИЕ

ПЕРВИЧНАЯ КАРТИНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Около 15:22 13 октября 2011 г. генеральный подрядчик Энтони Пеллмен прибыл в д. 9 по Мотт-стрит с целью инспектирования здания. По причине договорных разногласий работы по капитальному ремонту были приостановлены на 7 дней, и Пеллмен прибыл осмотреть место проведения работ перед их возобновлением 14 октября. Войдя, Пеллмен почувствовал неприятный запах, провел поиски и в заброшенной шахте грузового лифта обнаружил тело, похожее на женское. Пеллмен позвонил в службу спасения и оповестил правоохранительные органы.

Покойная, обнаруженная полицейским Джозефом Андерсоном, первым прибывшим на место, была одета, худощава, с темными волосами и лежала на левом боку, в направлении приблиз. с юго-востока на северо-восток. При поверхностном осмотре отмечены следы массивного кровотечения. Серьезная травма черепа с левой стороны. Слева возможен вывих челюсти и плеча. Под областью головы и шеи следы обильного кровотечения. Пятно сухое, красно-коричневое, ок. 22 × 18 дюймов. По результатам осмотра, покойная упала с большой высоты и истекла кровью на месте, где была обнаружена. На лицевой области слева отмечается кровоподтек. Судя по имеющимся признакам, смерть наступила минимум за 48 ч. до обнаружения тела. На лице первые признаки разложения. Ладони открыты, характерные повреждения, полученные в процессе самообороны, отсутствуют.

Покойная была одета в темно-синие джинсы и черную футболку с изображением ангела на груди. Ноги босые, на подъеме правой стопы видна татуировка. Украшения отсутствуют. Оружие не обнаружено.

На верхнем этаже д. 9 по Мотт-стрит, семью этажами выше расположения тела, обнаружена пара черных ботинок и черные носки, очевидно принадлежавшие покойной. При первичном осмотре следов преступления не обнаружено. За отсутствием лестницы или лифта покойная предположительно попала к отверстию шахты, проникнув в здание через световой люк с крыши д. 203 по Уорт-стрит, т. е. из «Висячих садов», известного сквота и места проживания крэк-кокаинистов.

ЛИНИЯ ОТРЫВА

СООБЩЕНИЕ О ПРОПАЖЕ БЕЗ ВЕСТИ / НЕОПОЗНАННОМ ЛИЦЕ

П. О. 336-151 (Ред. 2-94)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЗАПОЛНЯЕТСЯ
ПОСЛЕ ОТРЫВАВремя
и дата наст.
сообщения

ТИП ДЕЛА

☒ ПРОПАЖА БЕЗ ВЕСТИ☐ НЕОПОЗНАННОЕ ЛИЦОЮРИСДИКЦИЯ /
ОТВЕТСТВ. ОРГ-ЦИЯ

Шандакен

ВРЕМЯ

22:04

ДАТА

30.09.11

ДЕЛО №

12-388

ДЕЖУРНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ХЕЛМС

ТЕЛЕФОН

845-555-9022

ФАМИЛИЯ

КОРДОВА

ИМЯ

АЛЕКСАНДРА

ДРУГОЕ

БРЕТТ

ВОЗРАСТ

24

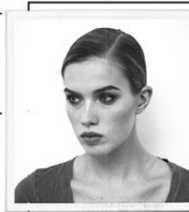
Время и дата
пропажи без вести

ВРЕМЯ

08:12

ДАТА

30.09.11

ПОЛ

Ж

РАСА

ЕВРОПЕЙСКАЯ

РОСТ

5 ф.
9 д.

ВЕС

117 ФУНТ.

ЦВЕТ ГЛАЗ

СЕРЫЙ

ЦВЕТ/ДЛИНА ВОЛОС

ТЕМНО-КОРИЧН.,
ДЛИННЫЕ

ГРУППА КРОВИ

НЕТ ДАННЫХ

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ

29.02.11, 23:10,

НОМЕР МХ-314,

КЛИНИКА «БРАЙАРВУД»

ВОЗМОЖНОЕ МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНО

ИСПОЛЗУЮТСЯ
ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА☐ Да☐ Нет

Если Да:

НЕТ ДАННЫХ

СОЦ. СТРАХ. № 238-38-2219

ВОД. УДОСТ. № 270-294-791

УДОСТОВЕРЕНИЕ №

МОДЕЛЬ / ЦВЕТ

ГОД

КЛАСС ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ (ШРАМЫ, ТАТУИРОВКИ И ДР.)

Цветная татуировка на правой ступне

и шиколотке, существо, похожее на лошадь/козу, видны голова и передние ноги.

Задняя половина отсутствует. Рубец от ожога на тыльной стороне левой кисти.

СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

Нет

ОЧКИ / КОНТАКТНЫЕ ЛИНЗЫ

☐ Да☒ Нет

Если Да:

ТИП ОПРАВЫ

РЕЦЕПТ

ОДЕЖДА

Объект в последний раз видели одетым в белую хлопчатобумажную пижаму

ОБЪЕМ ТАЛИИ

20 дюймов

РАЗМЕР ОБУВИ

8

УКРАШЕНИЯ

Нет

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА / ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Неизвестно

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА / ИНФОРМАЦИЯ

Объект видели на камере слежения покидающим территорию клиники с неопознанным белым мужчиной.

ЗАПОЛНЕННУЮ АНКЕТУ ВЕРНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В ПОЛИЦЕЙСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ ШАНДАКЕНА,
ОКРУГ ОЛЬСТЕР, 64, НЬЮ-ЙОРК 42, ШАНДАКЕН, НЬЮ-ЙОРК 12480

ВНИМАНИЕ: ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ — ОТДЕЛ ПОИСКА ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

– Это кыто?

Царапучий женский голос в домофоне – нечленораздельный, с густым русским акцентом.

– Скотт Макгрэт, – повторил я, склонившись к крошечной черной видеокамере над дверными звонками. – Я друг Вольфганга. Он меня ждет.

Что вранье. Утром, от корки до корки прочтя досье Александры Кордовы, я три часа с собаками искал Вольфганга Бекмана – киноведа, профессора, бешеного кордовита, автора шести книг о кино, в том числе популярной работы «Американская маска» – о фильмах ужасов.

Я сунулся в Коламбию, в кабинет Бекмана в Додж-холле, узнал его расписание, из которого, впрочем, следовало, что в этом семестре у него всего один курс, «Темы ужаса в американском кинематографе», по вторникам в семь вечера. Я позвонил ему на работу и на мобильный, но включилась голосовая почта, а с учетом нашей последней встречи больше года назад – когда Бекман не просто пожелал мне сгнить в аду, но вдобавок, расхрабрившись от водки, дважды пьяно на меня *замахнулся* – я понимал, что он скорее перезвонит папе римскому. (Бекман истово ненавидел две вещи в этой жизни: сидеть в первых трех рядах в кинотеатре и католическую церковь.) Последний шанс – явиться сюда, в ветхий дом на углу Риверсайд-драйв и Западной Восемьдесят третьей, где я провел немало вечеров в кротовьей норе, заменявшей Бекману квартиру, слушая его лекции в обществе стаи кошек и толпы студентов, которые впитывали каждое его слово, точно котят, лакающие сметану.

К моему удивлению, раздался скрежет, громко зажужжало – и меня впустили.

На мой стук дверь с потускневшими цифрами «506» открыла крохотная женщина. Черная стрижка сидела у нее на голове, как колпачок на авторучке. Очередная домработница Бекмана. С тех пор как много лет назад его возлюбленная жена Вера умерла от рака, Бекман, решительно неспособный сам о себе позаботиться, нанимал для этой цели многочисленных русских дюймовочек.

Все они были равно низкорослы, суровы и немолоды; голубые глаза, обветренные руки, крашенные волосы оттенка ненатуральной карамели, душа сочтена большевистским «даше не думай». Два года назад была Мила в потертых джинсах и футболках со стразами – она неумолчно

повествовала о сыне, оставшемся в Беларуси. (Все прочие ее речи, не касавшиеся Сергея, в основном сводились к единственному слову «ньет».)

У этой наблюдался ястребиный нос, розовые хозяйственные перчатки и черный резиновый фартук, в каких щеголяют сварщики на сталелитейных заводах. Похоже, она так нарядилась, дабы вымыть пол у Бекмана в кухне.

– Он шидет вас-с? – Она смерила меня взглядом. – Он у сытоматолога.

– Он просил зайти и подождать.

Она недоверчиво сощурилась, но толкнула дверь.

– Хотите тчай? – спросила она.

– Благодарю вас.

Напоследок одарив меня неодобрительным взглядом, она исчезла в кухне, а я направился в гостиную.

Гостиная не изменилась. По-прежнему темная и угрюмая, пахнет грязными носками, сырой гнилью и кошками. Поблекшие ирисы на обоях, потолок прогибается, как диванное дно, – в квартире Бекмана неотступно чудилось, что из-под половиц вот-вот проступит вода. Я в жизни не бывал в настолько *отдраенной* квартире (Бекмановы домработницы всегда вооружены шваброй и ведром, банками лизола, салфетками с хлороксом), так отчетливо смахивающей на болото в глуши Эверглейдс.

По краю каминной полки выстроились фотографии. Они тоже не изменились. Цветной портрет Веры в день свадьбы – счастливая, вся светится. Рядом портрет Марлоу Хьюз с автографом – легендарная красотка, вторая жена Кордовы, блистала в «Дитяти любви». Дальше – сын Бекмана, Марвин, в день выпуска с юридического факультета; удивительно, до чего нормальный на вид юнец. Затем кадр из «Тисков для пальцев» – Эмили Джексон разглядывает таинственный дипломат мужа; и наконец, индоподобный Бекман на троне – довольный будда на ступеньках библиотеки Лоу в Коламбии, окруженный полусотней восхищенных студентов.

Постер справа от камина – морщинистый и мятый кордовитский глаз крупным планом – висел здесь, сколько я знал Бекмана. Тот содрал постер со стены на станции «Пигаль» в 1987 году, возвращаясь с заповедного киносеанса в парижских катакомбах, где показывали «Ночами все птицы черны», – одно из первых мероприятий такого рода. Внизу от руки нацарапано место встречи: «Самовластный смертоносный совершенный 48°48'21,8594" с. ш. 2°18'33,3888" в. д. 1111870300».

В углу стоял деревянный стол, а на нем Бекманов старый «мак». И он

гудел, то есть был включен.

– Ваш тчай.

За моей спиной возникла домработница. Толкнула поднос по кофейному столику, прожгла меня взглядом, отпихнула черную китайскую шкатулку и грудку газет, а затем вновь отбыла.

Я подождал, пока она вернется к уборке, и ткнул в клавиатуру. Не то чтобы я, сунувшись в компьютер невинного человека, собою гордился, но в любви и на войне все средства хороши.

Я открыл «Файрфокс», заглянул в «Показать весь журнал».

Челюстно-лицевая хирургия осложнения – Поиск «Гугл»

Удаление зуба какие возможны проблемы – Поиск «Гугл»

Побочное действие новокаина – Поиск «Гугл»

«Нью рипаблик» онлайн

«Нью-Йорк пост»

*Бесплатные знакомства для людей со всего мира
soulmates.ru*

Русский разговорник

Александра Кордова – Поиск «Гугл»

«Александра Кордова найдена мертвой» – nytimes.com

А дальше просто: *blackboards.onion*.

Я кликнул. Сайт загрузился не сразу, на заглавной странице туманный лес – я узнал первый кадр из «Подожди меня здесь». Адрес длинный, но в череде символов и знаков пунктуации прятались три ключевых слова: «самовластный смертоносный совершенный».

«Черная доска», веб-сайт поклонников Кордовы в глубокой паутине. Вход жестко охраняется, только для авторизованных кордовитов. Секретный адрес, анонимный интернет, зайти можно только «Тором», «Гугл» не найдет, обычный браузер не доберется. Несколько лет назад, когда мы только познакомились, я пытался выцыганить у Бекмана адрес, но успеха не достиг. Он говорил, что это «последний укромный уголок», черная дыра, где поклонники могут не только вдоволь толковать о Кордове, но, не боясь осуждения, выражать любые сумеречные порывы и мечты.

Зазвенели ключи, грохнула входная дверь. На пол упала швабра. Надо думать, госпожа Толстая уведомляет Бекмана, что к нему явился визитер.

Я быстренько сфотографировал адрес на «блэкберри», закрыл браузер и попятился к каминной полке, как раз когда по половицам застучали торопливые шаги.

– Мудак! – взревели у меня за спиной.

В дверях стоял Бекман. На нем был туго затянутый поясом тренч, в котором друг мой походил на картошину в вощенке.

– Вон.

– Погоди...

– Я же ясно сказал в прошлый раз: ты для меня умер. Ольга! Звони в полицию, скажи, что к нам вломился опасный человек.

– Я хочу мириться.

– Какой мир, если дружба взорвана к чертям собачьим?

– Ну что за глупости?

Он прожег меня взглядом:

– Предательство – не глупости. От него империи рушатся.

Он расстегнул пояс, швырнул тренч на кресло – получилось драматично, будто испанский матадор отбрасывает красный плащ, – и направился ко мне. Спасибо небесам, не заметил, что в углу светится включенный монитор.

Бекман, конечно, кипел, но физическое устрашение ему не по зубам. На нем были серые костюмные брюки (штанины короткие) и круглые очки в золотой оправе, за которыми моргали добрые глазки, – ни дать ни взять бурундук. И волосы чрезмерно возбудимые: им прямо не терпелось *начать*, и начинались они в двух дюймах над бровями. Правая щека мощно распухла, словно туда напихали ватных шариков.

– Я хочу поговорить про Александру, – сказал я.

От этого имени он вздрогнул, словно от удара оголенным электрическим проводом. Что-то буркнул, отошел, плюхнулся в кресло, и оно вяло изобразило подушку-пукалку. Бекман снял туфли, забросил ноги – в ярко-желтых носках в ромбик – на кожаную тахту.

– Сандра Кордова, – произнес он, растирая обвислую нановокаиленную щеку. Затем рывкнул через плечо: – Ольга!

Она выросла на пороге с телефоном – очевидно, беседовала с полицией.

– Ну что такое, Ольга, что ты... повесь трубку сейчас же. Господи боже. Это мой дорогой друг Макгрэт. Не могла бы ты принести ему что-нибудь помимо чая? Что проку от этого чая? – Он посмотрел на меня. – При свете дня еще квасишь?

– А то.

– Рад, что ты не растерял лучших своих качеств. Принеси хорошей водки, будь добра?

Ольга исчезла, а я сел на диван. Светящегося монитора Бекман так

и не заметил – его отвлекли три кошки, явившиеся из тайного своего убежища. В квартире их жило восемь, в том числе ужасно экзотические восточные породы: голубоглазые, чернолицые, мех как длинноворсовый ковер, капризный нрав – как у Греты Гарбо, и до публики они снисходили *только* в присутствии Бекмана.

Он нагнулся погладить кота, тершегося о тахту.

– Это который? – спросил я с напускным интересом: благодушие Бекмана прямо пропорционально зависело от интереса гостя к кошкам.

– Макгрэт, ты его видел миллион раз. Это Одноглазый Понтиак. Какого не следует путать с Любопытным Томом и Борисом, Бандитским Сыном. – Бекман изогнул бровь. – У меня тут новый котенок завелся. Нашел еще одну фирменную фишку. Неловко, что раньше не заметил.

– Девять кошек? Да тебя посадят.

Он поправил очки на носу.

– Я его назвал Мурад, как сигареты.

– Впервые слышу.

– Устаревшая турецкая марка, была популярна годах в десятих-двадцатых. «Мурад» по-арабски значит «желанный». Единственный сигаретный бренд в фильмах Кордовы. Ни одного «Мальборо», «Кэмела» или «Вирджинии Слим». И более того. Если камера фокусируется на сигарете «Мурад», следующий же персонаж, который появляется на экране, обречен и под прицелом. Иными словами, боги нарисовали у него на спине громадный крест и повесили невидимую табличку «ТЕБЕ ТРЫНДЕЦ». Отныне его жизнь необратимо изменится.

«Мурад». Всех своих кошек Бекман нарек в честь каких-нибудь подробностей из фильмов Кордовы – фирменных знаков, безмолвных автографов. От секундных эпизодических ролей (вроде хичкоковских cameo) до крохотных деталей реквизита в мизансцене, символизирующих грядущее разрушение (как предвещал смерть апельсин в «Крестных отцах»). В основном неочевидные, до крайности загадочные мелочи вроде Одноглазого «Понтиака» и Бориса, Бандитского Сына.

Я подался к столу глотнуть чаю и опять скосил глаза на компьютер – тот все еще светился. Бекман поддернул рукава, нахмурился и, кажется, едва не перехватил мой взгляд.

– Что знаешь про Александру? – спросил я.

Он помрачнел.

– Трагедия. – Он глубоко вздохнул, устроился в кресле поудобнее. – Как ты помнишь, мы с Верой ходили ее слушать много лет назад. В зал Вайля. Потрясающе. Концерт в восемь. Все собрались, ждут. Восемь,

восемь десять, восемь двадцать. На сцену выходит бородач, нервно так объявляет: концерт скоро начнется, пожалуйста, потерпите. Минуты идут. Восемь тридцать, сорок. Она вообще собирается прийти? Зрители уже злятся. Зачем мы за билеты платили? Я, само собой, озираюсь, смотрю, не явится ли ее отец. Одинокая фигура в заднем ряду, в камуфляже, седой, гримаса всевидца, темные, как обычно, очки, глаза – как две мертвые черные монеты.

Бекман даже вытаращился в пустой дверной проем, будто надеялся, что там стоит Кордова. Потом снова повернулся ко мне и вздохнул:

– Он не пришел. И вдруг из-за кулис выпархивает такое дитяtko в черных колготках, в алом тафтяном платье. Мы решили, она сейчас объявит, что концерт отменяется. А она бежит к «Стейнвею», садится, на нас – ноль внимания. Проводит руками по клавишам, точно шеф-повар крошки с разделочной доски смахивает. И давай играть – не дождалась даже, пока в зале замолчат. Равеля, *Jeux d'eau*.^[14]

Ольга суетилась над кофейным столиком, разливала водку из черной бутылки с грубо намалеванными русскими буквами. Мы с Бекманом чокнулись и выпили. Отличная водка, редкий случай: бодрящая и легкая, в горле словно танцевала.

– Она не играла ноты, – продолжал Бекман. – Она их *лила* из греческой амфоры. В зале ни следа возмущения – шок, затем ошеломленный восторг. Никому не верилось, что этот ребенок способен так играть. В какие темные глубины ей пришлось сойти... одной.

– Полиция считает, это суицид, – сообщил я.

Он поразмыслил.

– Не исключено. Она так играла... будто познала предельную тьму. – Он насупился. – Но это ведь нередко бывает? В личной жизни гениев зачастую кроется разрушение, словно там ядерная бомба взорвалась. Искореженные браки. Брошенные умирать жены. Дети, которые растут изуродованными военнопленными, – и все с бомбовыми воронками вместо сердец, не знают, куда приткнуться, не понимают, за кого воюют. Кордова женился на огромном состоянии – от таких штук масштаб и объем последствий только крупнее. Может, с Сандрой так и случилось.

– С Сандрой?

– Ее так звали в музыкальных кругах. Сандра Деруин. *Cendre DeRouin*, пепел руин. Ей было тринадцать. А играла так, будто шесть жизней прожила. Шесть рождений. Шесть смертей. И ухватила всю грусть, всю любовь и тоску. Ухватила и потеряла. – Он свел к переносице нервные густые брови. – Вот такой уровень мастерства и чувства, плюс я,

бесспорно, в жизни не видел ребенка красивее. Когда уходили из зала, Вера, утирая слезы, сказала: не может быть, что Александра – человеческое дитя. И не преувеличила.

– А что-нибудь о ее детстве ты знаешь? – спросил я, подливая нам обоим водки. – Какая она была? Ты же помнишь моего анонима.

Он уставился на меня скептически:

– Этот загадочный «Джон», что ли?

Я кивнул.

– Знаешь, я никогда не верил в Джона. Тебя разыграли, ты повелся. Кто-то над тобой похихикал. На черта Кордове сдалась детская одежда? Но с другой стороны... Девочка, чье детство составляли ромашки, шетландские пони и любящие родители Джоани и Фил, вот так играть музыку не смогла бы. Над этим семейством висит некая черная туча, тут я с тобой не спорю. Но что сокрыто в туче и густа ли она – просто смог, или пятибалльный ураган, или черная дыра без единого проблеска света, – этого я не скажу.

– Ты когда-нибудь слышал, что у Александры проблемы по психиатрии? Она в конце августа легла в клинику на севере. «Брайарвуд».

– Нет, – удивился он.

– Сбежала оттуда с неопознанным мужчиной и погибла в пакгаузе спустя десять дней. На «Черной доске» слухов не мелькало?

– Боже мой, Макгрэт, на какой еще «Черной доске»? – Усмехнувшись, он опрокинул в себя водку, хлопнул стаканом по столу. – Я уж сколько лет туда не заглядывал. Староват я для мелодрам.

Ну конечно, фальшиво отнекивается – иного я и не ожидал. Расспрашивать Бекмана – все равно что танец дождя у костра выплясывать: требует тонкости подхода и трех-четырех пузырей вот этой водки, которая даст фору опиуму и, несомненно, порождена неким самогонным аппаратом в Сибири.

– Где сейчас Кордова, как думаешь? – спросил я.

Он задрал бровь:

– Только не говори, что опять в одиночку на моторке прешься по Амазонке против течения. Что на сей раз? Месть за то, что из-за него порушил себе карьеру, или просто любопытство гложет?

– По чуть-чуть того и этого. Правды хочу.

– Ах пра-авды. – Глаза Бекмана скользнули по черной шестиугольной шкатулке на кофейном столике. Он открыл было рот, но затем развернулся и в упор уставился на компьютер. Монитор все горел, а один

из Бекмановых клятых котов – Одноглазый Понтиак, или как там кличут эту тварь – терся об ножку стола.

Бекман в испуге подскочил.

– Ольга! – взревел он. – Принеси этих испанских сардин, будь добра. У Бориса низкий сахар. – И поморгал на меня из-под очков. – Я тут, кстати, недавно слышал кое-что, – может, тебе пригодится. Пег Мартин.

– Пег Мартин?

– У нее была маленькая роль на первых двадцати минутах в «Изоляторе-три». Играет одну из дежурных в манхэттенской юридической фирме. Неуклюжая девица, рука в гипсе. Рыжие кудряшки. Плоский нос. Уходит вниз по лестнице и больше не возвращается. В середине девяностых дала интервью журналу «Проныра», говорила о Кордове.

Я вспомнил. Пять лет назад, исследуя тему, откопал эту статью.

– У одной моей нынешней студентки терьер. Водит его в группу дрессировки в Вашингтон-Сквер-парке. Под конец часового семинара рассказала мне, что на собачью площадку приходит курчавая рыжая женщина с дряхлым черным лабрадором и они сидят плечом к плечу на скамье, смотрят, как остальные возятся, носятся, играют и смеются. – Бекман сдвинулся на краешек кресла – играл роль Пег Мартин. – Не говорит... ни с кем. Не смотрит... ни на кого. И собака тоже. Короче. Студентка утверждает, что это и есть Пег Мартин.

– Ну и?

– Ну и сходи к ней. Поговори. Вдруг она что-нибудь знает про семейку? Пятнадцать лет на веществах, – может, в отличие от прочих, отмалчиваться не будет? – Он опять нахмурился. – И я бы на твоём месте еще раз прошерстил это интервью в «Роллинг Стоуне». Последнее интервью Кордовы перед уходом в подполье. Говорят, там есть бомба. Я смотрел – ничего не нашел. Может, тебе повезет.

– А Кордова? Он где?

Бекман осушил стакан.

– Прячется, небось. Я так думаю, сердце его разбито. Что занимательно, если учесть ужасы его фильмов. Но я всегда подозревал, что тьма в них сгущается, дабы воссиял свет. Он видел душевные терзания людей и надеялся, что его фильмы даруют убежище. Персонажи измучены, повержены. Странствуют по преисподним, выходят обгорелыми голубями. В наше время люди ничему не учатся, они слабы, мелочны, равнодушны к дивному дару жизни, будто это реклама пепси какая, – я его не упрекаю за то, что ушел в подполье. Ты вообще видишь, во что нынче превратился

мир, Макгрэт? Жестокость, разобщенность? Художник поневоле задумывается, для чего это все. Мы живем дольше, общаемся в соцсетях наедине с экраном, а глубина чувства мельчает. Скоро останется жалкая приливная лужица, потом воды с наперсток, потом микрокапелька. Говорят, в ближайшие двадцать лет мы вживим себе компьютерные чипы, вылечим старость и станем бессмертными. Кому охота вечность прожить машиной? Неудивительно, что Кордова прячется. – Он осекся и как-то обмяк в кресле.

Монитор наконец-то уснул. Я глянул на запястье. Седьмой час. Пора двигаться.

– Спасибо за водку, – сказал я. – И я хотел официально извиниться.

Бекман не ответил, отвлекшись на некую мрачную мысль, но затем его горящие глаза вновь скользнули по черной китайской шкатулке. Он пальцем пощупал крышку – она, естественно, не открылась.

– Странно, что ты не пытался ее взломать, пока меня не было, – буркнул он.

– Какая-то совесть у меня все же *осталась*.

Он насмешливо изогнул бровь.

Чтобы его ублажить, я взял шестиугольную шкатулку – довольно тяжелая. Я потряс ее и расслышал знакомый – знаменитый – «сухой стук» внутри. Я не знал, что там, – никто не знал, кроме неизвестного, который этот стук туда запер.

Бекман купил шкатулку на черном рынке у торговца коллекционными сувенирами. Якобы это реквизит, украденный со съемочной площадки «Подожди меня здесь». В фильме шкатулка – личное имущество серийного убийцы Бойда Райнхарта. Зрителю так и не сообщают, что внутри, но предположительно – предмет, который и заставил Бойда Райнхарта убивать, сломал ему психику в детстве. Однако, по словам сувенирного торговца, в документацию, подтверждающую подлинность объекта, вкралась ошибка, и не исключено, что шкатулку украли вовсе не со съемочной площадки, а из собрания улик по делу Хью Тислтона, убийцы-подражателя, который копировал Бойда Райнхарта во всем, от способа убийства до броского гардероба.

Бекман обожал показывать эту шкатулку всем подряд, смотреть, как ее передают из рук в руки.

– Вот оно, – благоговейно вещал Бекман. – Шкатулка – таинственный порог, отделяющий реальность от вымысла. Чья она? Райнхарта? Тислтона? А может, твоя? Все мы поголовно храним свои шкатулки – темные покои, где под замком прячется то, что копьем пронзило нам сердце. Там скрывается ответ на вопрос «зачем?» – то, к чему стремишься, во имя

чего ранишь все вокруг. И если ее открыть, наступит ли свобода? Нет. Ибо неприступная тюрьма с неуязвимым замком – твоя собственная голова.

В последний мой визит Бекман удалился в кухню за очередной бутылкой водки, а меня – сильно нажравшегося и подстрекаемого одной его симпатичной студенткой – посетила блестящая идея вскрыть замок перочинным ножиком, дабы раз и навсегда выяснить, что внутри.

Потускневший латунный замок не поддался.

Бекман застал меня на месте преступления. Вышвырнул за дверь, крича: «Предатель!» и «Филистер!». А напоследок, прежде чем захлопнуть дверь у меня перед носом, сказал: «Ты даже не понял, где она открывается».

Пришла Ольга с горами сардин на двух тарелках – хватило бы прокормить всю экспозицию выдр в «Морском мире». Поставила тарелки на ковер, и коты сбежались нюхать.

– Знаешь, в чем твоя беда, Макгрэт? – сказал Бекман, разливая остатки водки по стаканам. – Ты не уважаешь морок. По-черному необъяснимое. Уму-не-пости-жимое. Вы, журналисты, сквозь мистерии жизни ломитесь бульдозерами, сами не понимаете, что беспощадно отрыли, не догадываетесь, что откапываете нечто могущественное и оно, – Бекман откинулся на спинку кресла, и его темные глаза вперились в мои, – не желает, чтобы его нашли. И найдено не будет.

Это он про Кордову.

– И вообще, – тихо прибавил он, – адская тень не равна человеку.

Я кивнул и отсалютовал стаканом:

– За морок.

Чокнулись, выпили. Я встал, низко поклонился Бекману – у него такая слабость, любит выставляться королем – и обогнул его кресло. Он молчал, беспомощно обмякнув под лавиной размышлений.

В лифте я не только угрызался за наглое ковыряние в его компьютере, но жалел о том, как повернулся разговор. Из-за этой водки я немножко чересчур разоткровенничался. Бекман теперь не усомнится, что я вновь взял след Кордовы, и неизвестно, как он поступит с этими сведениями.

Я глянул на снимок монитора и сам не поверил своей удаче. Картинка получилась размытая, но запутанный адрес я все же разбирал. За годы знакомства с Бекманом то был самый полезный ошметок данных, что мне удалось из него выудить.

Я закрыл фотографию и сделал пометку в календаре.

«Пег Мартин. Вашингтон-Сквер-парк. Воскресенье, 18:00».

Гардеробщица во «Временах года» горстями ела разноцветные желейные конфеты и читала тоненькую книжку, пожелтевшую и потрепанную.

В свидетельских показаниях полицейского досье Александры я прочел, что гардеробщицу зовут Нора Халлидей и ей девятнадцать лет.

Всякий раз, когда прибывала очередная группа трапезников – туристы со Среднего Запада, какие-то финансисты, престарелая пара (до того престарелая, что ходьба их напоминала тайцзицюань), – Нора сдергивала очки в черной оправе, прятала книжку и с бодрым «добрый вечер!» забирала у них одежду. Едва трапезники отбывали наверх, она снова нацепляла очки, вынимала книжку и продолжала чтение, сгорбившись над стойкой.

Я наблюдал из кресла у дальней стены. Решил, что безопаснее подождать здесь, поскольку оказался слегка пьянее, чем думал, – спасибо реактивному водочному топливу Бекмана. Разок Нора с любопытством на меня глянула. Решив, несомненно, что я кого-то жду, улыбнулась и вновь углубилась в книжку.

В полицейском рапорте говорилось, что она работает здесь всего несколько недель. Где-то 5 футов 7 дюймов, тощая, смахивает на вопросительный знак, очень светлые волосы, прическа «ракушка», и локоны обнимают лицо копной люцерны. Коричневая юбка, коричневая блуза ей велики – ресторанная униформа; под тканью на худых Нориных плечах неровно проступали подкладные.

Наконец я встал и подошел. Она закрыла книжку, положила обложкой на стойку, однако разглядеть название я успел.

«Гедда Габлер» Генрика Ибсена.

Трагическая пьеса, героиня, по общему мнению, – самый невротичный женский персонаж во всей западной литературе.

Добыча прямо в руки просится.

– Добрый вечер, сэр, – бодро сказала Нора и сняла очки.

Большие голубые глаза, тонкие черты – лет четыреста назад она была бы девчонкой высшей пробы. Однако у нас тут эпоха рыбьих надутых губок и моментального загара, так что Нора, конечно, хорошенькая, но старомодная – эдакая Твигги рубежа веков. Ярро-розовую помаду она, видимо, накладывала в полутьме и вряд ли вблизи от зеркала.

Но на вид дружелюбная. Разговорить ее, пожалуй, будет нетрудно.

Она схватила серебристую вешалку со штанги и потянулась за моей курткой.

– Я не буду раздеваться, – сказал я. – Вы, наверное, Нора Халлидей?

– Да.

– Очень приятно. Скотт Макгрэт. – Я вынул из бумажника визитку, вручил ей. – Я надеялся, мы сможем поболтать, когда вам удобно.

– О чем поболтать? – Она воззрилась на визитку.

– Об Александре Кордове. Насколько я понял, вы последняя, кто видел ее в живых.

Она вновь перевела взгляд на меня:

– Вы из полиции?

– Нет. Я веду журналистское расследование.

– И что же вы расследуете?

– Раньше – укрывательства, международные наркокартели. Сейчас собираю данные об Александре. Мне интересна ваша точка зрения. Александра вам что-нибудь говорила?

Прикусив губу, Нора отложила мою визитку на дверцу стойки и аккуратно высыпала на ладонь разноцветные желейные конфеты – в пакете их было килограмма четыре. Забросила горсть в рот, пожевала, плотно стиснув губы.

– Можно строго между нами, – прибавил я.

Она ладонью прикрыла рот.

– Вы пили? – осведомилась она.

– Нет.

Тут она, похоже, возмутилась, звучно проглотила свои конфеты.

– Вы у нас сегодня ужинаете, сэр?

– Нет.

– Вы встречаетесь с кем-то в баре?

– Вероятнее всего, нет.

– Тогда я вынуждена попросить вас уйти.

Я вытаращился. Она явно не из Нью-Йорка. У нее прямо-таки на лбу написано «недавняя выпускница Университета Огайо, диплом по театральному искусству». Небось, играла одну из «Розовых леди» в отвратительной постановке «Бриолина»^[15], а на вопрос, кто она, отвечает: «Я актриса» – с придыханием, как на собраниях АА объявляют: «Я алкоголик». Такие девушки едут сюда вагонами в надежде, что их откроют, что они встретят Большую Шишку, но чаще всего оказываются в барах Мёрри-Хилла, в черных платьях из «Банановой республики» и с мозольными пластырями на пятках. Напор типа «Я покорю Манхэттен»

вскоре сходит на нет, и они покоряются. Сколько-нибудь продолжительная жизнь в этом городе требует мазохизма, моральной гибкости, носорожьей кожи и сопротивляемости чокнутого чертика из табакерки – а все вышеперечисленное даже в первом приближении непостижимо для этих якобы самоуверенных девиц двадцати с малюсеньким хвостиком лет. Еще годков пять – и она ринется домой к родителям, к парню по имени Уэйн, будет преподавать ритмику в своей бывшей школе.

– Если не уйдете, я позову менеджера. Карл с радостью выслушает любые жалобы или пожелания.

Я глубоко вздохнул.

– Мисс Халлидей, – промолвил я, делая шаг к ней; стало видно, где ее розовая помада съехала с верхней губы. – Молодая женщина найдена мертвой. Вы – последняя, кто видел ее в живых. Это известно семье Кордовы. Это известно куче народу. Нью-йоркская полиция ваше имя в тайне не сохранила. Люди хотят знать, что вы сделали, что вы сказали ей такого, отчего она спустя несколько часов погибла. Я не тороплюсь с выводами. Я просто хочу выслушать вашу версию.

Она посмотрела на меня, сняла со стены в глубине гардероба телефонную трубку и набрала три цифры.

– Это Нора. Вы не могли бы спуститься? Тут какой-то человек, и он... – Она откровенно смерила меня взглядом. – Ему за пятьдесят.

Я надеялся на иную реакцию. И поспешно покинул вестибюль. Снаружи под навесом обернулся. Маленькая мисс Мерил Стрип снова нацепила очки и наблюдала за мной, склонившись над гардеробной дверцей.

По лестнице сбежал мужчина в синем костюме – надо думать, Карл спешит на помощь, – а потому я направился назад к Парк-авеню.

Дела не задались. Я заржавел.

Я глянул на часы. Девятый час вечера, холодно, ночное небо исполосовали облака, что белели и рассеивались, как дыхание на стекле.

Я, конечно, не то чтобы в ударе, но домой не пойду.

Еще не пора.

Спустя пятнадцать минут я в такси колесил по Чайнатауну, меж убогих пятиэтажек и ресторанов, грязных вывесок «МАССАЖ СТОП СПИНЫ», а также «НАРОДНАЯ АПТЕКА» и навесов, отяжелевших от китайского

пополам с английским. Мимо витрин, заплесканных смертоносной подсветкой – малиновый сироп от кашля, зеленый абсент, желтушная желтизна, и все это, перемешиваясь, протекает на кривые улочки, – торопились мужчины в темных пиджаках. Вроде бы процветающий, однако пустующий район – как будто здесь только что объявили карантин.

Мы миновали кирпичную церковь – «ЦЕРКОВЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ», сообщила вывеска.

– Вот прямо здесь, – сказал я таксисту.

Уплатил, выбрался наружу, задрал голову. Семиэтажная заброшенная развалюха – облупленная белая краска, строительные леса, все окна заколочены. Пакгауз, где нашли тело Александры Кордовы. У центрального входа – горы цветов и самодельных открыток.

Букеты роз, гвоздик и лилий, свечи, картинки с Девой Марией. «Покойся с миром, Сандра. Господь с тобой. ТВОЯ МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ. Ты теперь в раю». Меня всегда удивляло, с каким жаром публика оплакивает прекрасных незнакомцев – особенно из знаменитых семей. В эту пустую изложницу они заливают свои сожаления и горе, избавляются от них и несколько дней, помня о своей удаче, летают как на крыльях, утешаясь мыслью «зато не я».

Я аккуратно отодвинул цветы и подошел к стальной двери. Два висячих замка, таблички «ОСТОРОЖНО» и «ОПАСНО». Лента «ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОГРАЖДЕНИЕ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» нетронута.

Позади меня, тарахтя глушителем, проехал бордовый седан – темный силуэт скорчился над рулем. Я попятился в тень лесов; седан добрался до конца Мотт, свернул влево, и на улице вновь воцарилась тишина.

И однако я безошибочно чуял, что здесь есть кто-то еще – или только что был.

Я застегнул молнию на куртке и, оглядев тротуар – пустынный, если не считать мальчишки-азиата, нырнувшего в магазин «Китайский базар», – направился к перекрестку Мотт и Уорт. Там свернул направо, миновал красный навес, помеченный «КОСМЕТИЧЕСКАЯ СТОМАТОЛОГИЯ», и просевшую сетку-рабицу, обнимавшую темный пустырь. Добравшись до следующего здания, запущенной малоэтажки, а затем и до следующего, дома 197 по Уорт, я понял, что промахнулся.

Вернулся, разглядел, что возле стоматологии в сетке дыра. Приблизился, присел на корточки. На забор привязали черную тряпочку – явно поместили вход. Узкая тропинка петляла через пустырь, убегая вдаль, к заброшенному зданию.

Видимо, здесь. «Висячие сады», сказала Фальконе, – известный сквот

и место проживания крэк-кокаинистов, как утверждалось в сообщении о несчастном случае из дела Александры. Полиция заключила, что Александра вошла отсюда, через дом 203 по Уорт, поднялась по лестнице на крышу и через световой люк проникла в соседний дом 9 по Мотт-стрит. Полицейский обход окрестностей не выявил ни свидетелей, ни личных вещей Александры, но это ничего не значит. Детективы оборачиваются отъявленными лентяями, если сразу же решают, что речь идет о самоубийстве, – и зачастую упускают ключевые детали, из которых складывается совсем иная история.

Вот зачем сюда пришел я.

Я нырнул в дыру и зашагал по тропинке; в ноздри била тошнотворная мусорная вонь, в траве разбегались невидимые зверьки. Наверняка там шныряет живой талисман Нью-Йорка – крыса размером с кошку. Когда глаза привыкли к темноте, я различил крошащийся кирпичный фасад и дверь слева. Шагнул к ней, споткнувшись о ветхий велосипед и какие-то пластиковые бутылки, и дернул за ручку.

Нутро большого пакгауза освещал тусклый свет неизвестно откуда; стены покрыты граффити, не поддающимися расшифровке. Все прогнило, везде отбросы: газеты и банки, гипсокартон и изоляция, фуфайки и коробки, кастрюли и сковороды. Сквоттеры явно жили здесь, но, похоже, разбежались – вероятно, от недавнего нашествия полиции. Я вошел, и тяжелая дверь со скрипом затворилась сама по себе.

Убийственная водка Бекмана уже выветрилась, и теперь я сознавал, сколь немудро было явиться сюда, не прихватив и перочинного ножика, который я брал на пробежки в Центральном парке. Даже фонарик взять не сообразил. Я глубоко вздохнул (игнорируя голос в голове, напоминавший: «Мы ведь поняли уже, что ты не в ударе?») и направился вглубь искать лестницу.

Лестница проржавела. Я подергал перила, попытался отодрать их от стены, но болты держались на удивление крепко.

Я зашагал вверх, и металлическое эхо шагов драло мне уши. То и дело я останавливался и озирался, проверял, нет ли здесь еще кого, кое-что фотографировал на «блэкберри». С каждым шагом дряхлый дом ворчал и кашлял, негодуя на пришельца, что карабкался по его проржавевшему хребту. Здесь поднималась Александра. Если она хотела покончить с собой – а что бы ни говорила Фальконе, это отнюдь не бесспорно, – зачем она пришла в этот заброшенный дом?

С шестого этажа я по самому крутому маршу взобрался на тесный чердак, где на полу валялся изгвазданный футон. Там, где косой потолок

упирался в стену, обнаружился квадратный люк. Я налег плечом, дверь, ахнув, распахнулась, и я выбрался наружу.

Пустынная крыша, в дальнем углу покалеченный диван. Вид орнаментировала небоскребная щетина Нижнего Манхэттена: колоды дешевых многоэтажек, жирные валуны муниципальных зданий, чертополоховые бутоны водокачек, и все это сражалось за свой кусок ночного неба.

К дому примыкала задняя стена номера 9 по Мотт-стрит – разделял их какой-то фут, однако щель прорезала темноту до самой улицы. Я залез на низкий парапет и, совершенно напрасно *посмотрев вниз* – если упаду, помру, застряв укропом меж кирпичных зубов, – перепрыгнул на соседнюю крышу.

Я обогнул массивную водонапорную башню – а вот и световой люк. Прямоугольная пирамида, почти все стекла высажены. Я подошел, присел на корточки, заглянул в пробитый переплет.

Футах в двенадцати под люком темнел пол. Если чуть левее, можно заглянуть прямо в шахту грузового лифта, видно на семь этажей вниз, на дне бетон залит ярким светом. Точно смотришь в чью-то глотку – в переход меж двумя измерениями. Она пролетела с сотню футов. Даже с крыши я различал на бетонном полу ржавые пятна. Кровь Александры.

Она якобы пролезла через этот люк, сняла ботинки и носки, подошла к краю. Надо думать, все произошло стремительно – ветер в ушах, темные волосы возмущенно хлещут по лицу, – а дальше ничто.

Фальконе абсолютно права. Помятый металлический переплет люка узок – трудно было бы запихнуть туда Александру против ее воли. Трудно – да. Невозможно – нет.

Я встал, осмотрел крышу. Улик не обнаружил – ни окурков, ни обрывков, никакого мусора. Я уже собрался уходить, направился было к «Висячим садам», но далеко внизу, на дне шахты что-то вдруг шевельнулось.

Тень скользнула по полу.

Я подождал, глядя в эту освещенную пустоту, – может, померещилось?

Но затем в шахте вновь медленно проступил силуэт.

Кто-то замер у входа, отбрасывая тень на бетон. Постоял – и шагнул внутрь.

Я разглядел русые волосы, серое пальто. Наверняка детектив, вернулся осмотреть место преступления. Он нагнулся – надо думать, рассматривал пятна крови. Затем, к моему удивлению, сел в углу, локтями упершись в колени.

И некоторое время не шевелился.

Вглядываясь, я подался ближе к люку и задел осколок стекла – он упал и разбился на площадке прямо подо мной.

Человек в шахте вздрогнул, задрал голову и метнулся прочь.

Я вскочил и помчался через крышу.

Никакой это не детектив. Ни один знакомый мне детектив – за исключением Шерон Фальконе – так носиться не умеет.

10

Я бегом свернул назад к номеру 9 по Мотт-стрит, уверенный, что вход теперь открыт.

Но полицейская лента осталась в неприкосновенности, а на двери по-прежнему висели замки.

Как он забрался внутрь? И кто он вообще такой? Кордовит? Зевака, ненасытный до чужой гибели? Я проверил окна – все как одно заколочены. Оставался только узкий проход, заваленный грудami мусора. Я слегка распихал этот мусор, стараясь не вдыхать. Ну точно – в самой глубине на стену лился свет из открытого окна.

Неизвестный отодрал старые доски фомкой – вот она, валяется на земле; в окне дыра – только-только пролезть.

Я заглянул внутрь.

Ярко освещенная стройка – на бетонном потолке болтаются голые неоновые лампочки, у входа грудой свалены пластмассовые канистры и брезент. По всему пространству – ряды каркасных стоек. Справа в глубине вход в шахту опоясывала желтая полицейская лента.

Никого не видать.

– Эй? – окликнул я.

Тишина. Только комары зудят вокруг лампочек. Я подхватил фомку – на всякий пожарный, – протиснулся внутрь и грохнулся на гору цементных мешков.

Вокруг раскинулась огромная пустота. Вдоль задней стены – только металлические балки, бочки для цемента, кусок полиэтилена, а под ним *ничто*.

Я опасливо приблизился и сдернул полиэтилен.

Под ним стояла тачка.

– Есть тут кто? – крикнул я, озираясь.

Ни звука, ни шевеления.

Видимо, испугался мужик.

Я шагнул к полицейской ленте, собрался было поднырнуть под нее, и тут чья-то рука вцепилась мне в плечо, а что-то тяжелое заехало в висок. Я развернулся, но меня толкнули на пол, а фомку я уронил.

В глазах побелело, я почти ослеп, но все же разглядел человека, который смотрел на меня сверху вниз. И вдавил ногу мне в грудь.

– А ты, сука, еще кто? – заорал он.

Голос молодой, язык заплетается от ярости. Снова нагнувшись, он, кажется, вознамерился сдавить мне горло, но я вывернулся, толкнул его, схватил фомку и засандалил ему по плечу.

Мохаммед Али вряд ли бы мною гордился, однако приемчик помог. Незнакомец пошарил в поисках опоры, промахнулся и грохнулся навзничь.

Я подковылял к нему. Был он, оказывается, так пьян, что не мог встать. Воняет алкоголем и сигаретами и попросту *никто* – лет двадцати пяти, припанкованный, косматый, грязные белые «конверсы», выцветшая зеленая футболка с надписью «ВСЕ ПОЗАДИ». Глаза водянистые, красные, и сфокусироваться на мне им никак не удавалось.

– Моя очередь, – сказал я. – А ты, сука, кто?

Он закрыл глаза и, кажется, отрубился.

Хотелось без лишних проволок его придушить. На виске я нащупал кровь. Парень не полицейский – выходит, либо случайный бродяга, либо кордовит. Или знакомец Александры.

Я выволок из-под него серое твидовое пальто и обыскал карманы. Нашлась пачка «Мальборо» – осталось три сигареты, – зажигалка, ключи от дома. Все это я сложил назад. Из другого кармана вытащил айфон – экран треснул, включение запаролено, фоном – полуголая блондинка.

Во внутреннем кармане пусто. Но я нащупал что-то еще и обнаружил потайной карман, вшитый в драную подкладку.

Оттуда я извлек два «зиплока». В обоих таблетки – набор желтых, набор зеленых, на них буквочки и циферки: «ОК 40» и «ОК 80». Оксикодон.

Значит, у нас тут барыга – и мелочь пузатая, судя по тому, что дрыхнет во время личного досмотра. Я вернул таблетки в потайной карман и встал.

– Эй, Лицо со Шрамом? Слышишь меня?

Нет ответа.

– Руки вверх. Это ФБР!

Ноль эмоций.

Как можно нежнее – непонятно, зачем старался, он бы и апокалипсис прокемарил – я перекатил его на бок и из заднего кармана вытащил

бумажник. Ни водительских прав, ни кредитных карт – только наличные, семьсот сорок баксов, в основном двадцатками.

Бумажник с деньгами я вернул, но вот айфон сунул к себе в карман. Затем обошел этого соню и осмотрел шахту лифта.

Там не было ничего, только темные лужи засохшей крови – несколько щупалец просочились в бетонные трещины.

Я сделал пару снимков, вернулся к пацану, проверил, как он там дышит. Похоже, просто перепил – больше ничем не передознулся. Я подпихнул его, чтоб устойчивее лежал на боку и не задохнулся, если стошнит, через окно выбрался наружу и перебежал по проходу на Мотт-стрит.

Надо полагать, до завтра, когда он обнаружит, что лишился телефона, я ничего нового о нем не узнаю. Однако и в такси, и спустя несколько часов, когда я уже принял душ и проглотил два тайленола (с учетом зверской боли, последствия Бекмановой водки и удара в висок, пожалуй, надо было оксикодона сожрать), айфон пацана бомбардировали сообщениями.

Ты где?

Это от Хлои. Через шесть минут опять:

2 ч. тебя жду чё такое?

Затем появилась Райнкинг (эту я невольно вообразил: нордическая, ноги как пешни):

Джон ушел приходи

Через две минуты:

Хочу тебя

Через двенадцать минут:

Вся горю иди скорей. Ты уже внизу?

Потом она, кажется, прислала *секст*, но открыть картинку мне не удалось. Затем:

Что? Ничего??

На хер пошел.

После этого прилетело сообщение от Арден:

В городе? Приходи к джимми.

А в промежутках одиннадцать раз звонила весьма настырная девица по имени Джессика. Ее я предоставил голосовой почте.

Потом опять Арден:

Хоппер ты блин где?

Видимо, так его зовут. Хоппер.

Мелкий барыга в линялом пальто сидит в углу шахты грузового лифта – кто бы он ни был, ему наверняка найдется что поведать мне

- Алло? – ответил я. Где-то в трубке звякали тарелки.
- Эй. Вы нашли мой телефон.
- Это правда. – Я отхлебнул кофе.
- Круто! Где?
- На заднем сиденье такси. Я в Вест-Виллидж. Заезжайте забирайте?

Через двадцать минут позвонили в дверь. Я раздернул шторы в гостиной – из окна прекрасный вид на парадное крыльцо. А вот и Хоппер: в том же пальто, в тех же потертых джинсах и «конверсах». Нахохлившись на ветру, он курил сигарету.

Открыв ему дверь, в суровом свете дня я разглядел, что, хотя волосы у него сальные, а глаза запали с перепоя, перетраха и невесть чего еще, пацан симпатичный. Непонятно, как мне удалось не заметить сразу. Это было очевидно, как серебристый элеватор, пронзивший небеса на кукурузном горизонте. Пять футов десять дюймов или около того, чуть ниже меня, тощий, с захудалой бороденкой и резкими прекрасными чертами байронического актера пятидесятых, из тех, что плачут, напиваясь, и умирают молодыми.

- Эй, – улыбнулся он. – Я за телефоном.

Ясно, что он вообще не помнил, как провел вечер накануне; рассматривал меня, будто никогда в жизни не видел.

- Я понял.

Я попятился, пропуская его; смерив меня взглядом и, надо думать, решив, что с ножом я не наброшусь, он сунул руки в карманы пальто и вошел. Я закрыл дверь, направился в гостиную, ткнул пальцем в телефон на кофейном столике.

- Спасибо, мужик.
- Не стоит. Итак. Что ты делал в пакгаузе?

Он вздрогнул.

- В Чайнатауне. Ты же Хоппер, да?

Он открыл было рот, но смолчал и стрельнул глазами на дверь у меня за плечом.

– Я журналист, расследую смерть Александры Кордовы. – Я указал на книжный шкаф. – Вон прошлые мои работы, если интересно.

С сомнением во взоре он приблизился к шкафу, выудил «Кокаиновые

карнавалы» и зачитал:

– «Увлекательное, мастерское расследование многомиллиардного наркобизнеса и миллионов жизней, пожранных и искалеченных его смертоносной машинерией». – Покосился на меня. – Эпичненко.

В голосе сарказм.

– Стараюсь.

– А теперь будешь писать про Александру.

– Зависит от того, что выясню. Что ты знаешь?

– Ничего.

– Как ты с ней связан?

– Никак не связан.

– А зачем влез в пакгауз, где она умерла?

Он не ответил, молча поставил книгу на полку. Перебрав еще несколько книжек, обернулся, снова сунул руки в карманы.

– И на какой журнал ты работаешь? – спросил он.

– На себя. Все, что ты скажешь, может остаться между нами.

– Как адвокатское неразглашение?

– Один в один.

Он скептически усмехнулся, но затем лицо его вытянулось. Я не впервые видел такую гримасу. Ему до смерти хотелось поговорить, но он размышлял, можно ли мне доверять.

– Часок свободный найдется? – тихо спросил он, потирая нос.

12

Следом за Хоппером я поднялся по лестнице в квартиру № 3Б грязной малоэтажки на Ладлоу-стрит. Бросив серое пальто на шезлонг, Хоппер удалился в заднюю спальню – где, похоже, не было *ничего*, только матрас на полу, – а меня оставил у двери.

Крошечную квартирку пропитал затхлый кумар ночлежки.

Продавленный зеленый диван у дальней стены покрывало синее ватное одеяло – кто-то там недавно рухнул и, быть может, буквально. В блюде на кофейном столике – извержение окурков; рядом папиросные бумажки, пачка табака «Золотая Вирджиния», открытый пакет шоколадного печенья «Чипсы эгей!», помятый журнал «Интервью»^[16] с какой-то истощенной старлеткой на обложке. Вчерашняя футболка «ВСЕ ПОЗАДИ» валялась на полу вместе с белой фуфайкой и еще какими-то шмотками. (Словно стараясь избежать этой свалки, за спинку второго шезлонга

из последних сил цеплялась пара черных женских колготок.) Стену поцеловали девичьи губы в черной же губной помаде. Акустическая гитара притулилась в углу возле старого туристского рюкзака – поблекший красный нейлон покрыт каракулями.

Я подошел и прочел: «Если потерян, верните вместе с содержимым Хопперу К. Коулу, 57555, Южная Дакота, Миссия, Тодд-стрит, 90».

Хоппер Коул из Южной Дакоты. Далеко от дома забрался пацан.

Выше, рядом с лос-анджелесским телефоном некой Джейд и от руки нарисованным глазом Гора, было написано: «Но ливень вот-вот, и с ним боль придет, и мне от них не спастись. Я порой устаю, но знаю, что мне остается одно. Идти дальше».

Поклонник «Лед Зеппелин», значит.^[17]

Хоппер вернулся из спальни с коричневым конвертом. Опасливо протянул его мне.

Адресовано ХОППЕРУ КОУЛУ, ЛАДЛОУ-СТРИТ, 165, 3Б – нацарапано сплошь заглавными, черным маркером. Простемпелевали и отправили из Нью-Йорка, штат Нью-Йорк, 10 октября текущего года. В этот день гардеробщица «Времен года» последней видела Александру Кордову. В обратном адресе имя не значится – только «МОТТ-СТРИТ, 9», адрес пакгауза, где нашли тело.

Я удивленно посмотрел на Хоппера, но тот ничего не сказал, лишь пристально разглядывал меня, словно это проверка и я должен ее пройти.

Я вытащил то, что лежало в конверте. Плюшевая обезьяна, старая, свалывшийся бурый мех, из глаз повылезали нитки, лишь половина красного фетрового рта, шея обмякшая, – наверное, некое дитя ее душило. Обезьяна вся была в засохшей красной грязи.

– Это что? – спросил я.

– Раньше не видел? – спросил он.

– Нет. Это чье?

– Без понятия. – Он отошел, отбросил синее одеяло и сел на диван.

– А кто прислал?

– Она.

– Александра.

Он кивнул, подался вперед, сцапал упаковку папиросных бумажек, вытащил одну.

– Зачем? – спросил я.

– Пошутила неудачно.

– То есть вы все-таки дружили.

– Да не то чтобы, – сказал он, потянулся через стол и нашарил

«Мальборо» в кармане серого пальто. – Не дружили. Скорее были знакомы. И даже это перебор.

– Где вы познакомились?

Он откинулся на спинку дивана, выбил себе сигарету из пачки.

– В лагере.

– В лагере?

– Ага.

– В каком еще лагере?

– В лагере терапии дикой природой «Шесть серебряных озер» в Юте. –

Он глянул на меня, смахнул челку с глаз, принялся потрошить сигарету, отодрал фильтр. – Наверняка же слышал об этом первокласснейшем заведении?

– Нет.

– Многое пропустил. Если есть дети, очень рекомендую. Особенно если хочешь вырастить из ребенка великого американского маньяка.

Я даже не пытался скрыть удивления:

– И ты познакомился с Александрой там?

Он кивнул.

– Когда?

– Мне было семнадцать. А ей типа шестнадцать. Лето две тысячи третьего.

То есть Хопперу и впрямь двадцать пять.

– Подростковая терапевтическая байда и надувало, – продолжал он, рассыпая по бумажке «Золотую Вирджинию». – Обещают помочь вашему беспокойному подростку – на звезды будет глазеть, спиричуэлы у костра распевать. На самом деле стая бородатых дебилов командует психанутыми малолетками – и я таких психанутых в жизни не видал. Булимички, нимфоманки, кто-то тырит пластиковые ножики с обеда и вены себе пилит. Что там творилось – не поверишь. – Он потряс головой. – Большинству родители так прокомпостировали мозги, что там тремя месяцами «дикой природы» не обойдешься. Их только реинкарнация спасет. Помереть и вернуться кузнечиком или хоть сорняком. Что угодно лучше, чем эта мука, которая им досталась просто за то, что родились.

Говорил он со злым вызовом – не о товарищах по несчастью, надо думать, а о себе. Я обогнул белую фуфайку на полу, подошел к шезлонгу, по которому отчаянно всползали колготки, и сел.

– Хрен его знает, где они нашли этих вожатых, – сказал Хоппер, всунув фильтр в самокрутку, и наклонился лизнуть бумажку. – Небось, в одиночках Рикерс-Айленда. Там был один такой жирный азиатский

пацанчик, Орландо. Так они его натурально пытали. Он был из этих, рьяных баптистов, вечно у него Иисус то, Иисус се. Они его голодом морили. Парень за всю жизнь десяти минут не провел без «Твинки» во рту. Не поспевал за остальными, заработал солнечный удар. А они все равно велели ему искать силу в душе, просить Господа о помощи. А Господь занят был. Помочь ничем не смог. Какой-то «Повелитель мух» на стероидах. У меня до сих пор кошмары.

– А ты как там оказался? – спросил я.

Он раскинулся на диване, усмехнулся. Сунул самокрутку в угол рта, поджег. Вдохнул, поморщился, выдул длинную дымовую струю.

– Дядька мой, – пояснил он, вытянув ноги. – Я мотался с маманей по Южной Америке, она тогда на одной миссионерской секте крышей поехала. Я слинял. Дядька живет в Нью-Мексико. Нанял какого-то бугая, чтоб меня нашли. Я вписывался у друга в Атланте. Как-то утром сажу хлопья ем. Подкатывает такой бурый фургон. Если б Смерть на тачке разъезжала, она бы вот эту себе купила. Окон нет, только два маленьких в задней двери, и вот сразу видно, что там какого-то невинного ребенка похитили и типа обезглавили. Раз-два – и я уже в фургоне с медбратом. – Он потрянул головой. – Если *этот* чувак – медбрат с дипломом, я тогда, сука, в конгрессе заседаю.

Он помолчал, затягиваясь.

– Отвезли меня на базу в Спрингдейле. Национальный парк «Сион». Две недели тренируешься с другими такими же чеканутыми, индейские ловцы снов плетешь, слюной сортиры оттираешь – жизненно важные, знаешь ли, навыки. Потом отряд идет на десять недель в поход по глуши, с остановками на шести озерах. С каждым озером ты типа все ближе к Господу и самоуважению, но это херня, на самом деле ты все ближе к психопатии, потому что мозг тебе компостируют мощно.

– И Александра тоже ходила в поход, – сказал я.

Он кивнул.

– А она почему там оказалась?

– Без понятия. Большая была загадка. Явилась, когда уже в поход отправлялись. Вечером накануне вожатые сказали, мол, так и так, к нам еще кое-кто присоединится. Все озверели, потому что этот кое-кто, значит, отвертелся от курса молодого бойца, а по сравнению с этим «Цельнометаллическая оболочка» – просто «Улица Сезам». – Он помолчал, покачал головой, а потом, глядя на меня, скупой улыбнулся. – Но мы как увидели ее – все, вопросов больше не было.

– Почему?

Он перевел взгляд на стол:

– Она была потрясная.

Кажется, хотел продолжить, но смолчал, подался вперед, стряхнул пепел.

– Кто ее привез? – спросил я.

Он поднял голову:

– Не знаю. Утро, завтрак, она сидит за столом. Одна, за деревянным столом, в углу, кукурузный хлеб жуёт. Упаковалась, оделась, бандану красную нацепила. Мы-то все были раздолбаи. Кругами бегали, как куры безголовые, – такие вот сборы. Потом пошли наконец.

– И ты с ней познакомился, – подсказал я.

Он потряс головой, постучал сигаретой о блюдце.

– Не-а. Она отдельно держалась. Все, само собой, знали, кто у нее папаша и что она – та малявка из «Дышать с королями», и все ее осаждали. А она в ответ обдавала холодом, только «да» и «нет», ни слова больше. – Он пожал плечами. – Не то чтобы дулась. Просто ей не катило дружить. Скоро все на нее окрысились, особенно девчонки, потому что вожатые ее не дергали, все спускали с рук. Каждый вечер полагалось у костра заливать про все говно, из-за которого мы там оказались. Кражи. Попытки самоубийства. Вещества. У некоторых полицейские досье подлиннее «Войны и мира». А Сандра не говорила ничего. Ее всегда пропускали, без объяснений. Одна была улика – эластичный бинт на запястье, она с ним приехала. Через пару недель в походе сняла, а под бинтом тяжелый ожог. Откуда взялся, не говорила.

Надо же. Этот самый ожог, вместе с татуировкой на ступне, упоминался в сообщении о пропаже без вести – единственные ее особые приметы.

– На второй день в походе мы поспорили, – продолжал Хоппер. – Кто первый проговорит с Сандрой дольше пятнадцати минут, получит две дозы экстази, которые один лос-анджелесский чувак, Джошуа, прятал в наконечниках на шнурках треккингов. – Он запрокинул голову, выдохнул дым к потолку. – Я решил обождать, настропалиться, а эти пускай там пока сами со своим джихадом. Ну они и давай. Сандра обломала всех. Одного за другим.

– А тебя нет, – сказал я.

Легко вообразить: два подростка, красавцы, нашли друг друга посреди дикой природы юности, расцвели в пустыне двумя орхидеями.

– Вообще-то, как раз наоборот, – сказал он. – Меня она обломала тоже.

Я вытаращился:

– Гонишь.

Он покачал головой:

– Я сделал ход где-то через неделю после того, как всем крылышки пообрывало. Сандра всегда шла последней, ну и я тоже. Спросил, откуда она. Сказала, что из Нью-Йорка. А потом отвечала односложно и один раз кивнула. Ну и я в ауте.

Он затушил сигарету на кофейном столике и бросил к остальным бычкам, сдвинулся поглубже на диване.

– Александра ничего никому не говорила *десять недель*? – спросил я.

– Да нет, она говорила. Обглоданный такой костяк разговора. Все рано или поздно ломались, у всех случались пятнадцать минут побега из Шоушенка, все были в небеса. Поход, вожатые эти, вуайеристы хреновы – всякое прошлое говно из тебя по-любому вытекало. Ломались все. Где-то правду говорили, где-то – только чтоб отстали. Все по очереди претендовали на «Оскара» – рыдали про родителей, про то, как просто хотят быть любимы. Кроме Сандры. Никогда не плакала, никогда не жаловалась. Ни разу.

– А о родных упоминала?

– Нет.

– А об отце?

– Ничего. Прямо сфинкс какой-то. Мы ее так и звали.

– И что – всё? – спросил я.

Он потряс головой, откашлялся.

– Три недели в походе. Орландо, жирный азиат, дошел до ручки. На солнце обгорел так, что вся рожа в волдырях, а вожатые ему только пузырек с каламином сунули. Засохшая розовая корка по всему лицу, рыдает не умолкая, как прокаженный какой. Ну и ночью Джошуа сует ему таблетку Е, в подарок типа. Взбодрить слегка. Орландо, видимо, закинулся с утра, когда мы дальше пошли, потому что в девять он внезапно офонарел – давай с обнимашками лезть, рассказывать всем, какие они красивые, а у самого шары на полвосьмого, и брыкается, как Джон Траволта на конкурсе твиста. Один раз мы его потеряли, пришлось возвращаться – а он носится по полянке и в небеса лыбится. Ястребиное Перо, старший вожатый, прямо озверел.

– Ястребиное Перо? – переспросил я.

Хоппер ухмыльнулся:

– Вожатые велели, чтоб мы друг друга звали по-индейски, хотя почти все там были белые и в контакте с природой примерно как бигмак. Ястребиное Перо – а он такой сильно завернутый христианский мудак –

хватает Орландо за шкурку, отводит в сторону, спрашивает, что Орландо сожрал и где взял. А Орландо так заторчал, что хохочет себе и твердит без остановки: «Это просто немножко тайленола. Это просто тайленол».

Я невольно рассмеялся. Хоппер тоже улыбнулся, но веселье его мигом испарилось.

– Вечером все сильно пересрали, – продолжал он, смахнув челку с глаз. – Даже думать не хотелось, что Ястребиное Перо учинит Орландо и всем нам, лишь бы узнать, кто приволок Е. И он такой объявляет: если ему никто не стукнет, откуда экстази, мы пожалеем, что на свет родились. Все перетрусили. Никто ни слова не сказал. Но я понимал, что рано или поздно это случится: кто-нибудь Джошуа сдаст. И вдруг тихий голос произносит: «Это я». Мы все оборачиваемся и глазам не верим.

Он замолчал, по-прежнему во власти давнего изумления.

– Александра, – сказал я, поскольку пауза затянулась.

Он серьезно глянул на меня:

– Ага. Сначала Ястребиное Перо тоже не поверил. С нее же пылинки сдували. Но потом она предъявила вторую таблетку, которую как-то умудрилась спереть у Джошуа из ботинка. Сказала, что примет любое наказание, какое Ястребиное Перо сочтет нужным. – Хоппер покачал головой. – Тот с катушек слетел. Схватил ее, уволок из лагеря. Отвел куда-то в глушь неизвестно где и велел ночевать там – в одном спальнике, в полном одиночестве. И утром не разрешил возвращаться в лагерь, пока сам за ней не придет.

– И никто его не осадил? – спросил я. – А другие вожатые?

Он пожал плечами:

– Боялись его. Мы же вдали от цивилизации. Как будто никаких законов не осталось.

Он взял пачку «Мальборо» со стола, выбил себе еще сигарету.

– Плюс Сандре полагалось ставить все палатки и собирать хворост. Нам запретили ей помогать. Если она притормаживала, Ястребиное Перо орал. А она только молча на него смотрела – лицо такое, как будто ее вообще не колышет, как будто она в сто раз сильнее его, и от этого он только больше бесился. В конце концов сдался. Кто-то из вожатых ему сказал, что, мол, он перегибает палку. Семь ночей она спала в одиночестве, потом ее пустили назад в лагерь.

Он улыбнулся – глаза непроницаемые. Тряхнул головой, закурил, выдохнул.

– Как только ее пустили назад, мы все просыпаемся в три часа ночи, потому что Ястребиное Перо так визжит, будто его ножом пырнули.

Выбегает из палатки в одних трусах, жирный мудака, лепечет как маленький, кричит, что у него в спальнике гремучая змея. Все сначала решили, что это шутка такая, что ему кошмар приснился. Но одна тетка-вожатая, Четыре Вороны, заходит в палатку, вытаскивает спальник, расстегивает и трясет. А оттуда в натуре выпадает пятифутовая гремучка и чешет через весь лагерь в темноту. Ястребиное Перо белый как простыня, вот-вот обоссется. Поворачивается и глядит прямо на Сандру. А она на него. Он ни единого слова не сказал, но вот зуб даю – он считал, это она змею подложила. Да мы все так считали.

Он помолчал, рассеянно глядя в никуда.

– После этого он от нас отстал. А Орландо... – Он сглотнул. – Орландо выжил. Солнечный ожог сошел. Орландо перестал плакать. Стал таким героем. – Он шмыгнул носом. – Когда наконец добрались до базы, нам всем полагалось одну ночь провести вместе – держаться за ручки и восторгаться нашими подвигами, хотя, вообще-то, лучше бы поблагодарить бога, что не сдохли. Потому что в этом как бы дело – всю дорогу смерть не исключалась. Как будто караулила за скалами. А Сандра все предотвратила.

Я не видел его лица – он смотрел в пол, завесившись волосами.

– Где-то за час до ужина, – продолжил он, – я выглянул из окна коттеджа, а она забирается в черный внедорожник. Рано уезжала. Я расстроился. Хотел пойти поговорить. Но опоздал. Шофер кинул ее вещи на заднее сиденье, и они укатили. И больше я ее не видел.

Он поднял голову, поглядел на меня с вызовом, но ничего не прибавил.

– И она с тобой не связывалась?

Он потряс головой и сигаретой указал на конверт в моей руке:

– До этого – нет.

– А почему ты думаешь, что это она послала?

– Почерк ее. И обратный адрес – это где... – Он дернул плечом. – Я решил, она мне мозг компостирует. Влез туда вчера – думал, там послание какое или знак. Ничего не нашел.

Я помахал обезьяной:

– А это что значит?

– Впервые вижу. Я же сказал. – Он затушил сигарету.

– И никаких соображений, почему она это прислала?

Он испепелил меня взглядом:

– Я типа надеялся, что соображения есть у тебя. Ты же тут журналист.

Плюшевую игрушку облепила красная грязь – на западе ее полно, в Юте уж точно; возможно, игрушка принадлежала кому-то из ребят

в лагере – не исключено, что самому Хопперу. Впрочем, этот в утешение скорее будет таскать с собой потрепанный томик «На дороге».

Однако это полезно – это окно в натуру Александры. Ненадолго она проступила отчетливо, обернулась яростным ангелом возмездия, личностью, которая вполне могла играть музыку так, как Александра ее играла. Непонятно, зачем в день смерти она отправила Хопперу обезьяну – если, конечно, обезьяну отправила она.

Хоппер, похоже, впал в раздражение, развалился на диване, скрестив руки, и поблекшая белая футболка – с надписью «ЗНАМЕНИТОЕ МОРОЖЕНОЕ ГИФФОРДА» – вся вокруг него перекрутилась. Он напоминал мне одного малолетнего автостопщика в Эль-Пасо – на заре мы вдвоем сидели за стойкой в пустующей забегаловке. Разговорились, обменялись историями, он попрощался, уехал на цистерне «Бритиш Петролеум». Я встал, собрался расплатиться и обнаружил, что он слямзил мой бумажник. Никогда не доверяй харизматичным бродягам.

– Может, в ней что-нибудь есть, – сказал я, перевернув обезьяну. Перочинным ножиком взрезал ей спину. Вытащил набивку, пожелтевшую и заскорузлую, пощупал внутри. Ничего.

И тут заметил, что у меня гудит телефон: код 407.

– Алло?

– Можно, пожалуйста, поговорить с мистером Скоттом Макгрэтом?

Женский голос, четкий и мелодичный.

– Это я.

– Это Нора Халлидей. Из гардероба. Я на углу Сорок пятой и Одиннадцатой авеню. Кафе «Помпон». Можете приехать? Надо поговорить.

– Сорок пятая и Одиннадцатая. Через пятнадцать минут буду.

– Хорошо. – И она повесила трубку.

Я потряс головой и встал.

– Это кто был? – спросил Хоппер.

– Гардеробщица. Последняя, кто видел Александру в живых. Вчера чуть не сдала меня в полицию. А сегодня хочет поговорить. Мне пора. Я пока заберу обезьяну.

– Да нет, не стоит. – Опасливо на меня покосившись, он забрал игрушку, сунул в конверт и унес в спальню.

– Спасибо, что уделил мне время! – крикнул я через плечо. – Я позвоню, если что узнаю.

Но Хоппер уже выскользнул следом за мной из квартиры, на ходу влезая в серое пальто.

- Круто, – сказал он. Запер дверь и зашагал по лестнице.
- Ты куда это?
- Сорок пятая и Одиннадцатая. Надо с гардеробщицей потрындеть.

Его шаги эхом разносились в лестничном колодце. Я проклинал себя за то, что проговорился, куда иду. Я всегда работаю *один*.

Но с другой стороны – и я тоже зашагал по лестнице, – может, разок объединиться с ним и не помешает. Есть квантовая механика, есть теория струн, а есть самый заумный фронтир природы – *женщины*. И по моему опыту работы в этой тернистой области знаний – я десятилетиями экспериментировал методом проб и ошибок, выкинул на помойку многие годы ложных результатов (Синтия) и постиг, что, как ни прискорбно, никогда не буду ведущим специалистом, останусь одним из множества середнячков, – женщин описывает лишь одна достоверно вычисленная константа: вблизи таких, как Хоппер, айсберги растекаются лужицами.

- Ладно! – заорал я. – Но разговаривать предоставь мне.

13

Кафе «Помпон» оказалось классической забегаловкой, узкой, как железнодорожный вагон.

Нора Халлидей сидела в глубине, под фотопейзажем Манхэттена во всю стену. Низко-низко сползла по сиденью, вытянув тощие ноги. И в кабинке она не просто сидела. Она как будто уплатила за первый и последний месяц аренды, плюс внесла депозит, плюс выложила непомерную сумму за услуги риелтора, подписала договор и в этой кабинке *поселилась*.

Под боком у нее стояли две гигантские сумищи из магазина «Дуэйн Рид», с другой стороны ее подпирали бумажный пакет из «Цельных продуктов» и большая сумка серой кожи, расстегнутая и раззявленная, точно освежеванная рифовая акула, а внутри виднелось все, что акула сожрала с утра: «Вог», зеленый свитер на вязальных спицах, кроссовка, белые наушники «Эпл», обмотавшие не айпод, а «уокмен». Хорошо, что не граммофон.

Нора не заметила, как мы вошли, потому что, не открывая глаз, бубнила себе под нос – по всему судя, зубрила кусок покрашенного маркером текста из пьесы в книжке. В тарелке перед ней, точно плавающий дом по Миссисипи, дрейфовал в луже сиропа недоеденный гренок.

Нора взглянула на меня, затем на Хоппера. И – вероятно,

от электрического удара его пригожести – рывком села прямо.

– Это Хоппер, – пояснил я. – Он к нам присоединится. Если вы не против.

Не произнеся ни слова, Хоппер сел в кабинку против Норы.

Костюмчик на ней был странный: «вареные» джинсы прямиком из кино восьмидесятых, пушистый свитер, такой розовый, что жгло глаза, черные шерстяные перчатки без пальцев и синюшно-багровая помада. На сей раз она распустила светлые волосы и расчесала на прямой пробор – на удивление длинные, они свисали до локтей и тончали на кончиках.

– Так вы актриса? – спросил я, садясь рядом с Хоппером.

Она улыбнулась и кивнула.

– А играла где? – осведомился Хоппер.

Глаза ее скользнули по нему в растерянности и вернулись ко мне. Даже я понимал, что актеру едва ли можно задать вопрос грубее.

– Нигде. Пока. Я актриса всего пятую неделю. С тех пор, как сюда приехала.

– Откуда вы? – спросил я.

– Сент-Клауд. Это под Наркуси.

Мне оставалось лишь кивнуть: я представления не имел, где находится это Наркуси. По названию судя – индейская резервация и казино, где играют в кости и любят, как двойники Кристал Гейл поют «И от этого грустны мои карие глаза»^[18]. Однако Нора бесстыдно улыбнулась, закрыла книжку и погладила обложку, точно Святую Библию, хотя то был «Гленгарри Глен Росс» Дэвида Мэмета^[19].

– Простите, что нагрубила вчера, – сказала мне Нора.

– Принято.

Слегка нахмурившись, она чопорно обмахнула руками столешницу, сбросив на пол хлебные крошки. Затем открыла пакет из «Цельных продуктов» и заглянула внутрь, словно там таилось что-то живое. Обеими руками осторожно извлекла большой красно-черный ком, положила на стол и подтолкнула ко мне.

Я его мигом узнал.

Женское пальто. На миг кафе и все вокруг растворилось во мгле. Осталась только эта тряпка, яростно *красная*, и она пялилась на меня в упор. Походила на маскарадный костюм, вычурный, с намеком на русские мотивы – красная шерсть, черная овчина обшлаг, черный кант на груди.

В этом пальто была женщина, которую я видел на водохранилище в Центральном парке несколько недель назад.

Мокрые темные волосы, тяжелая поступь, фигура вспыхивает под фонарем и гаснет в темноте, пальто горит сигнальной ракетой, предупреждает... о чем? В игрушки она со мной играла? Как она умудрилась так быстро очутиться в метро – это же никакой логикой не объяснить? Очень странная вышла история; вернувшись в ту ночь домой, я, зараженный этой странностью, не мог уснуть. Не раз и не два вылезал из постели, отдергивал шторы, почти ожидая увидеть ее внизу: тонкий силуэт – красным надрезом в асфальте, лицо запрокинуто, и на меня жестко взирают черные глаза. Я всерьез раздумывал, не лишился ли рассудка, спрашивал себя, не настало ли оно, – некондиционные последние годы наконец довели меня до развода с реальностью, а теперь шлюзы открылись, начинается нашествие бесчисленных адских тварей. Которые выползут из моей башки в открытый мир.

Но алой прорехи на тротуаре не было. Улица и ночь пребывали безупречны и бездвижны.

Я даже стал забывать этот эпизод – а теперь вспомнил.

То была Александра Кордова.

Это открытие пугало, а за ним мигом накатил паранойя: что-то не так, в том числе с этой неловкой гардеробщицей. Наверняка подстава; наверняка гардеробщица замешана. Но девочка лишь невинно мне улыбалась. А вот Хоппер, видимо, заметил, какое у меня лицо – совершенно ошеломленное, – и подозрительно щурился.

– Это что? – спросил он, кивнув на пальто.

– Пальто Александры, – ответила Нора. – Она в нем пришла в ресторан. – Нора взяла вилку и нож, надрезала гренок. – Отдала мне. Когда полиция пришла расспрашивать, я отдала им черное пальто из забытых вещей, сказала, что Александра была в нем. Если б узнали, что я соврала, сказала бы, что перепутала номерки. Но они больше не приходили.

Хоппер придвинул пальто к себе, развернул, приподнял за плечи. Расшито изысканно, однако поношено, даже как будто пахнет городом, грязным ветром, потом. Подкладка из черного шелка, а в черном воротнике я разглядел лиловую бирку. На бирке черные буквы: «ЛАРКИН». Рита Ларкин много лет была у Кордовы костюмером. Я хотел уже было упомянуть эту деталь, но тут заметил, что к рукаву пальто пристал настоящий длинный темный волос.

– Почему ты соврала полиции? – спросил Хоппер.

– Я вам расскажу. При одном условии. Я тоже хочу расследовать. –

Она взглянула на меня. – Вы вчера говорили, что расследуете Александру.

– Все не настолько официально, – отозвался я, прочистив горло, и все-таки *оторвал* взгляд от пальто. – Вообще-то, я расследую ее отца. А Хоппер со мной только сегодня. Мы не напарники.

– Еще какие напарники, – возразил он, покосившись на меня. – Абсолютно. Добро пожаловать в команду. Будешь нашим талисманом. Почему ты соврала полиции?

Нора уставилась на него, от такого напора опешив. Снова перевела глаза на меня, подождала ответа.

Я молчал – я впитывал смыслы моей встречи с Александрой. Глубоко вздохнул, попытался хотя бы притвориться, что обдумываю Норино условие. В скобках отмечу, что нанимать напарника – тем более только что выползшего из флоридских болот – это только через мой труп.

– Великого приключения не будет, – сказал я. – Я не Старски. А он не Хатч. [\[20\]](#)

– Либо я с вами до упора и мы выясняем, из-за кого или чего Александра умерла прежде времени, – провозгласила Нора решительно, словно шестьдесят раз отрепетировала перед зеркалом в ванной, – либо я вам не рассказываю, какая она была, что она делала, и пошли вы оба куда подальше. – Она подтянула пальто к себе и принялась записывать в сумку.

Хоппер выжидательно посмотрел на меня.

– Зачем же сразу так категорично, – сказал я.

Нора будто и не услышала.

– Ну хорошо. Работайте с нами, – сказал я.

– Честно? – улыбнулась она.

– Честно.

Она протянула руку, и я ее пожал, мысленно скрестив пальцы.

– Вечер был тихий, – с жаром начала Нора. – Одиннадцатый час. В вестибюле никого. Она вошла вот в этом – я ее, конечно, заметила. Она была красавица. Но очень худая, глаза почти прозрачные. Посмотрела прямо на меня, и я первым делом подумала: ух, красotka. Лицо четкое, а вокруг все как будто в расфокусе. Но потом она пошла ко мне, и я испугалась.

– Почему? – спросил я.

Нора прикусила губу:

– У нее из глаз как будто все человеческое ушло, а наружу выглядывало что-то другое.

– Например что? – уточнил Хоппер.

– Не знаю. – Она уставилась в тарелку. – Она, кажется, не моргала.

И даже не дышала. Сняла пальто, отдала мне, я ей номерок протянула – а она все не дышала. Я вешала пальто и чувствовала, как она меня разглядывает. Когда обернулась, думала, что она еще у стойки, но она уже поднималась по лестнице.

Я видел такой же внезапный рывок, когда она вдруг возникла в метро.

– Еще кто-то пришел. Я взяла одежду, и тут Александра спустилась в вестибюль. На меня не взглянула, вышла наружу. Я думала, покурить. Как она вернулась, я не видела – мало ли, в суете пропустила, – но перед закрытием ее красное пальто так и висело. Одно-единственное осталось.

Она торопливо глотнула воды.

– Прошло три дня, – продолжала она. – Каждый вечер я закрывала гардероб и складывала ее пальто к забытым вещам. А утром вынимала и вешала. Уверена была, что Александра за ним вернется. И боялась, что вернется. – Она помолчала, заправила волосы за уши. – На четвертый день под конец смены на улице было холодно, а у меня только ветровка. Ну, я закрыла гардероб и ушла в этом пальто. Могла надеть любое из забытых. Но надела это.

Нора посмотрела на свои руки; она вся покраснелась.

– На завтра прихожу в ресторан, а там полиция. Они видели, как я вошла в ее пальто. Когда рассказали, что случилось, я расстроилась ужасно. Что я наделала? Я боялась, они подумают, что я причастна. Ну, достала пальто «Ив Сен-Лоран» из забытых, сказала, что *это* ее пальто. – Она нервно вздохнула. – Думала, они точно узнают, что я наврала, родным это пальто покажут. Но... – Она качнула головой. – Никто больше не приходил и меня ни о чем не спрашивал. Пока, во всяком случае. – Она глянула на меня. – Только вы.

– Что еще на ней было? – спросил я.

– Джинсы, черные ботинки, черная футболка с ангелом на груди.

Одежда, в которой Александра умерла.

– Она говорила с вами? Упомянула, что у нее встреча с кем-нибудь?

Нора потрясла головой:

– Я сказала, как обычно, «добрый вечер» и «вы поужинаете у нас?». Нам полагается учить маленький такой сценарий, для пущего гостеприимства. Но она не ответила. Каждую ночь с тех пор, как я ее увидела, – до того, как узнала, что она умерла, – у меня были кошмары. Знаете, просыпаешься внезапно, в комнате эхо, и понятия не имеешь, какие слова сейчас кричал?

Она по-честному ждала ответа, так что я кивнул.

– Вот ровно так. А моя бабушка Илай, мамина мама, говорила,

что Краи настроены на четвертое и пятое измерения.

Надо срочно вмешаться, пока нас не угостили еще каким-нибудь мудрым наблюдением бабушки Илай. Я улыбнулся:

– Ну, я изучу вопрос и позвоню.

– Сначала надо телефоны записать, – сказала Нора.

Они с Хоппером обменялись контактами. Едва я задумался, как бы эдак отсюда *катапультироваться*, Нора глянула на часы, взвизгнула и принялась выкарабкиваться из кабинки.

– Тьфу ты. На работу опаздываю. – Она схватила чек, порылась в сумке. – Ой. – Посмотрела на меня, прикусила ноготь. – Я кошелек дома забыла.

– Не волнуйтесь. Я заплачу.

– Правда? Спасибо. Я обязательно верну.

Если ее актерские таланты таковы, ее даже в дневную мыльную оперу не возьмут. Нора застегнула сумку, взвалила на плечо и схватила пакет из «Цельных продуктов».

– Я могу забрать пальто, – сказал я. – Чтоб вам не таскать такие горы.

Нора мазнула по мне скептическим взглядом, но затем протянула пакет.

– Увидимся, – чирикнула она и двинулась к выходу, колотя сумками по ногам. – И спасибо за завтрак.

Я встал, посмотрел в чек и почерпнул оттуда, что девушка съела два завтрака: гренок и кофе, но также омлет с беконом, полгрейпфрута и клюквенный сок. У нашей долговязой дамы-командора Джуди Денч^[21] аппетит как у сумоиста. Наверняка она потому и решилась поговорить – чтобы я профинансировал трапезу.

– Что думаешь? – спросил Хоппер, тоже выбираясь в проход.

Я пожал плечами:

– Молодая, впечатлительная. Не исключено, что почти все сочинила.

– Ну да. И поэтому ты так скучал и тебе так не терпелось заграбастать пальто.

Я не ответил, лишь выудил из бумажника две двадцатки.

– Ей, – сказал Хоппер, – как минимум негде жить.

Он смотрел в окно: на другой стороне четырехполосной улицы еще виднелись Нора Халлидей и ее обильный багаж. Глядясь в зеркальную витрину, она собирала волосы в хвост. Затем подхватила сумки и скрылась за фургоном доставки.

Напоследок пронзив меня взглядом – ясно говорившим, что доверия и особой симпатии я не заслуживаю, – Хоппер прижал к уху телефон.

– Ушами не хлопай, Старски, – посоветовал он и зашагал к двери.

Я задержался, подождал, пока он минует окно. Вряд ли я его еще увижу – да и эту Ханну Монтану^[22] тоже. Нью-Йорк восторжествует, и оба останутся валяться на обочине.

Все-таки великолепен этот город – он макиавеллиевский по природе своей. Люди почти не обременяют тебя довершениями, завершениями, свершениями, вообще редко бывают последовательны – и нарочно выкручиваться незачем, тебя просто несет потоком нью-йоркской жизни. Изо дня в день Нью-Йорк подтачивает своих обитателей великим потоком, и только сильнейшим – волевым наследникам Спартака – хватает сил не просто не утонуть, но держаться курса. Касается и работы, и личной жизни. Спустя какую-то пару месяцев почти все оказываются в далекой дали от места назначения, застревают в колючих кустах посреди трясины, хотя направлялись напрямиком к океану. Кое-кто попросту тонет (садится на наркоту) или выползает на берег (переезжает в Коннектикут).

Тем не менее эти двое принесли мне пользу.

В ту ночь в парке была Александра Кордова. Я думал, что самостоятельно решил расследовать ее гибель, и однако невероятным образом она пришла ко мне первой, занозой впилась в подсознание. Надо проверить даты, но, если не ошибаюсь, встреча у водохранилища случилась за неделю с лишним до смерти Александры. Спустя несколько дней после ее побега из психиатрической клиники «Брайарвуд-холл».

Как она догадалась, что я туда приду? Никто, кроме Сэм, не знал, что я во мраке ночи бегая в Центральном парке. Как-то вечером, несколько месяцев назад, я укладывал Сэм спать и она объявила, что я был «далеко», а я ответил, что вовсе нет, я бегал по соседству от ее дома. На каждом кругу смотрел на ее окно и видел, что она крепко и сладко спит в постельке. Это, конечно, натяжка, модную квартиру Синтии и Брюса на Пятой авеню мне видно не лучше, чем Эйфелеву башню, но Сэм все равно порадовалась. Улыбнулась, закрыла глаза и мгновенно уснула.

Значит, Александра следила за мной. Других разумных объяснений нет. После отцовского иска она про меня знала. Отыскала меня, вполне вероятно, хотела чем-то поделиться, что-то рассказать об отце – в голове тотчас всплыли зловещие слова «Джона», «он что-то делает с детьми», – но не собралась с духом.

Впрочем, судя по истории Хоппера, застенчивость – едва ли ключевая черта Александрино характера. Совсем наоборот.

Вернусь-ка я на Перри-стрит. Для начала договорюсь о поездке в «Брайарвуд», разузнаю, как там жилось Александре. И пора проверить

адрес «Черной доски», стибренный с Бекманова компьютера.

Я подхватил пакет с эмблемой «Цельных продуктов» и вышел из кафе. Вылезло солнце, забрызгало светом торопливые машины на Одиннадцатой авеню. И отнюдь не рассеяло моей тревоги, ибо в лицо мне смотрел пугающий непреложный факт: красное пальто, кровавый стежок на ткани ночи, напоследок явился мне вновь.

Он у меня в руках.

От: Элизабет Дж. Пул <ejpoole@briarwoodhospital.org>
Тема: НА: Экскурсия
Дата: 25 октября 2011 г., 18:24:44
Кому: Д-р Леон Дин <leoncdean@gmail.com>

[Свернуть](#)

Уважаемый доктор Дин!

Спасибо за Ваше письмо.

Я с удовольствием покажу Вам наше передовое медицинское учреждение и отвечу на любые Ваши вопросы. Я записала Вас на завтра, 11:30.

Пока посмотрите наш веб-сайт и прилагаемые материалы о «Брайарвуде» и его почтенной истории.

Пожалуйста, позвоните мне, как только будет возможность.

Искренне Ваша,

Элизабет Дж. Пул,
директор по приему пациентов

Клиника «Брайарвуд-холл»

Возвращаем душевное здоровье с 1934 года

Добро пожаловать на «Черную доску»

   [http://tunnelstaircase8903-5493r89jldfj9w0129e61??\)*#\(\(\(sovereigndeadlyperfect.blackboards.onion](http://tunnelstaircase8903-5493r89jldfj9w0129e61??)*#(((sovereigndeadlyperfect.blackboards.onion)

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА «ЧЕРНУЮ ДОСКУ»

Это главная межпространственная черная дыра для кордовитов, где время течет вспять, деревья растут вниз, свет пожирает сам себя, страх распаивает двери, а жизнь самовластна, смертоносна, совершенна.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ВЕБ-САЙТ СОДЕРЖИТ НЕПРИКРАШЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МИРА КОРДОВЫ И РЕАЛЬНОГО МИРА.
ЕСЛИ ВАМ ТРУДНО ЭТО ВЫНЕСТИ, НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ГЛАЗ.

ВОЙТИ >

Добро пожаловать на «Черную доску»

[http://tunnelstaircase8903-5493r89jdfj9w0129e61\)??\)*#\(\(\(sovereigndeadlyperfect.blackboards.onion/chuzhoy](http://tunnelstaircase8903-5493r89jdfj9w0129e61)??)*#(((sovereigndeadlyperfect.blackboards.onion/chuzhoy)

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ,
ТЕБЕ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО.

ПРОЧЬ ОТСЮДА.

ПРОЧЬ
ПРОЧЬ

ВОЙТИ >

Наутро, за час до поездки на север в «Брайарвуд», я варил в кухне свежий кофе, и тут в квартиру постучались.

Я вышел в прихожую и посмотрел в глазок.

Под дверью стояла Нора Халлидей.

Черт ее знает, как она выяснила, где я живу; впрочем – точно, твою ж мать, во «Временах года» я дал ей визитку, там был адрес. Кто-то, видимо, впустил ее в подъезд. Я решил было прикинуться, будто меня нет дома, но она снова постучала, а старые половицы скрипят на каждом шагу – Норе слышно, что я стою за дверью.

Я открыл. Мне предстала Нора в узком жакете черной шерсти, с воротником из страусовых перьев, в черных колготках, сапогах и нейлоновой мини-юбке цвета зебры. Больше всего смахивало на костюм фигуристки с Олимпийских игр в Лиллехаммере. Нора явилась без пакетов, только с серой кожаной сумкой, а волосы заплела в две косы и обернула вокруг головы.

– Привет, – сказал я.

– Привет!

– Вы что тут делаете?

– Я готова работать.

– Сейчас восемь утра.

Она ногтем поковыряла какую-то корку на подоле жакета.

– Ну да, я подумала, от меня будет польза, если вам захочется вслух порассуждать и нужен слушатель.

Я едва не велел ей приходить завтра – тогда, ясное дело, сегодня придется переехать или просить помощи в программе защиты свидетелей, – но вспомнил Хопперово наблюдение, что девчонке негде жить. Если приглядеться – и впрямь бледная и слегка вымотанная.

– Кофе хотите?

Она просияла:

– Еще бы!

– Я скоро уеду на встречу, так что давайте недолго.

– Без проблем.

– Что это на вас такое? – спросил я, ведя ее через прихожую в гостиную. – Мама-то вам позволяет так одеваться?

– Вполне. Она мне все позволяет. Она умерла. – Нора уронила сумку

у дивана – в сумке таился минимум один шар для боулинга.

– А эта ваша бабушка – она вам разрешает в таком виде разгуливать?

– Илай? – Из этого имени она выдавливала все до капли: «И-И-И... ЛАЙ!» – Она тоже умерла.

Пожалуй, надо бы мне остановиться, пока не опередил события.

– А отец?

Она всмотрелась в картину над камином.

– Он в Старке.

– Старк – это что?

– Тюрьма штата Флорида. У них там Искрометный Старикан.

Искрометный Старикан – так называют электрический стул. Я подождал, не уточнит ли Нора, что ее папаше не грозит randevu с Искрометным Стариканом, однако она перешла к книжному шкафу и принялась разглядывать книги: беседа повисла, будто кончик гирлянды, который Нора не потрудились приклеить к стене.

– Как вам сделать кофе? – спросил я, ретируясь в кухню.

– Сливки, два куска сахара. Только если это не очень затруднит.

– Ни капли не затруднит.

– А пожевать у вас ничего не найдется?

Я усадил девицу в гостиной, снабдив кофе, двумя поджаренными булочками с густым слоем масла и мармелада и своей книгой «Кокаиновые карнавалы». Удостоверившись, что нигде не валяются деньги и прочие ценности, которые Нора может скормить своей хищной сумке, я вернулся в кабинет распечатать маршрут до «Брайарвуд-холл».

Еще я снова сунул на сайт «Черной доски», но меня выкинуло опять.

Кажется, заблокировали по айпи.

Нора в гостиной устроилась с комфортом. Сняла сапоги, накрыла ноги шерстяным пледом и извергла на кофейный столик кое-что из сумки: две пьесы, тюбик губной помады и помятый «уокмен».

– С. Л. М. – это кто? – спросила она, полистав книгу и открыв страницу посвящения.

– Моя бывшая жена.

– У вас есть бывшая жена? – изумилась Нора.

– Я думал, у всех есть.

– А где она?

– В спортзале на персональной тренировке, наверное.

– И дети есть?

– Дочь.

Она поразмыслила. Я решил, что загадку ее проживания можно

обсудить и прямо сейчас.

– Так вы где живете? – спросил я.

– Адская кухня.

– Где именно в Адской кухне?

– Угол Девятой и типа Пятьдесят второй.

– *Типа* Пятьдесят второй?

– Я только въехала, не выучила перекресток. А раньше у подруги на раскладушке. – И она снова погрузилась в книгу.

– Соседи в квартире есть?

Она не подняла головы.

– Двое.

– И чем занимаются?

– В смысле?

– Сутенеры, торчки или снимаются в порно?

– Ой, ну нет. Я не знаю, что они делают днем. Вроде славные.

– Как зовут?

Она замялась.

– Луиза и Густав.

Воображаемые соседи, к гадалке не ходи. Я живу в Нью-Йорке двадцать с лишним лет и даже издали не видал людей с такими именами.

Я посмотрел на часы. Времени нянчиться с ней больше нет.

– Мне надо к врачу, – объявил я. – Вам пора. Но мы можем завтра поговорить.

Она распахнутыми глазами наблюдала, как я уношу ее тарелку и кружку. В кухне я сунул их в посудомойку.

– Спасибо за кофе! – крикнула из гостиной Нора.

– Да не стоит.

Воцарилась довольно двусмысленная тишина.

Я уже собрался проверить, чем это Нора там занимается, но услышал, как дважды вжикнула сумочная молния. Вещи собирает – слава тебе господи. Впрочем, ясно, что времени я выиграл всего ничего: завтра она вернется. Эта девица – вроде мелкой рыбешки, что милую за милей непреклонно плывет под брюхом громадной акулы-людоеда. Придется обзвонить старых знакомых, профсоюзных, может, или банковских, взять за горло – пусть ее выгодно наймут на двенадцать часов в день, скажем, в банке «Кэпитал Уан» в Джерси-Сити.

– А что в Шандакене? – внезапно крикнула она.

– Что? – Я вышел из кухни.

– У вас маршрут куда-то в Шандакен, штат Нью-Йорк.

Она стояла в прихожей и листала папку с маршрутом до «Брайарвуд» и моей перепиской с директором по приему. Рядом на столе стоял пакет с красным пальто.

– У вас экскурсия по учреждению? – удивленно спросила Нора. – По какому учреждению?

Я забрал у нее папку, глянул на часы – я уже десять минут как должен быть на Нью-Джерсийской платной магистрали, – выдернул черную куртку из шкафа, надел.

– По психбольнице. – Я выключил свет в коридоре.

– Зачем вам экскурсия по психбольнице?

– Подумываю туда лечь. Завтра поговорим. – Я схватил папку и Норин костлявый локоток, подвел ее к двери и легонько подтолкнул: она оказалась за порогом, я вышел следом и запер дверь.

– Вы в письме наврали, – сказала Нора. – Вы сказали, вас зовут Леон Дин.

– Опечатка.

– Вы едете расследовать Александру.

Я зашагал по коридору, и Нора кинулась следом.

– Нет.

– Но вы взяли ее пальто. Я тоже поеду.

– Нет.

– Я могу быть вашей дочерью, вы хотите меня туда положить. Сыграю угрюмого подростка. Я отлично импровизирую.

– Я еду за информацией, а не шарады разыгрывать.

Я выступил в солнечное утро, придержал дверь для Норы – ходила она быстро и кривобоко, то ли из-за сколиоза, то ли из-за неподъемной сумки.

– Эту больницу охраняют как Пентагон, – сказал я, сбегая с крыльца. – Я много лет беру интервью, выработал методы, люди мне доверяют. Потому что я работаю один. Глубокая Глотка ни за что бы не стал говорить с Вудвордом, если б за Вудвордом таскалась малолетка из Флориды.

– Глубокая Глотка – это что?

Я остановился и вытаращился на нее. Девушка не притворялась.

Я зашагал дальше.

– Хотя бы кино вы видели? «Вся президентская рать». Роберт Редфорд, Дастин Хоффман? Их-то вы знаете? Или не в курсе, что бывают кинозвезды старше Джастина Тимберлейка?

– Их я знаю.

– Так вот они играли Вудворда и Бернстайна. Легендарных журналистов, которые раскрыли Уотергейтский скандал. Заставили

президента Соединенных Штатов покаяться и подать в отставку. Один из величайших подвигов журналистского патриотизма в истории этой страны.

– Тогда вы будете Вудвордом. А я Бернстайном.

– Я не о... ладно, допустим, у них была команда, но оба вносили ощутимый вклад.

– Я тоже могу вклад.

– Например, какой? Ваше глубинное понимание Александры Кордовы? Она застыла.

– Я еду, – объявила она мне в спину. – Или я звоню в больницу и говорю, что вы липа под липовым именем.

Я тоже застыл, обернулся, смерил ее взглядом. Да, узнаю этот тефлоновый нрав, с которым столкнулся лоб в лоб во «Временах года». Вот вам женщины во всей красе – вечно *трансформируются*. Вроде беспомощные, бездомные, просят булочек, но оглянуться не успеешь – а они безжалостно гнут тебя как хотят, точно ты из жести.

– Так. Ясно. Шантаж.

Она кивнула, полыхая глазами.

Я подошел к своей побитой серебристой «БМВ» 1992 года, припаркованной у тротуара.

– Ладно, – процедил я через плечо. – Но ты сидишь в машине.

Восторженно взвизгнув, Нора кинулась к пассажирской двери.

– Делаешь все, что я скажу, без исключений. – Я отпер багажник, запихал туда пакет с пальто. – Играешь безличную и безмолвную оперативницу. Перевариваешь и исполняешь мои приказы, как робот.

– Ой, ну конечно!

Я сел, рывком пристегнулся и завел двигатель.

– Отзывов о моей работе не потребуется. Болтовни тоже. Никаких ляля, и мне категорически не нужны тополя.

– Хорошо, только уезжать пока нельзя. – И она включила радио.

– Это почему еще?

– К нам Хоппер идет.

– Нет. Хоппер к нам не идет. У нас тут не пикник для четвероклассников.

– Но он хотел встретиться. А ты ненавидишь людей, да?

Это замечание я пропустил мимо ушей, двинулся на дорогу, однако такси, что несло по Перри мне в зад, налегло на клаксон. Я дал по тормозам и кротко уполз обратно к тротуару; мимо потекла кавалькада, машины сгрудились на светофоре, и мы оказались заперты.

– Ты похож на одного дядьку в Терра-Эрмоса.
– Что еще за Терра-Эрмоса?
– Дом престарелых. Хэнк Уид его звали. На обеде всегда занимал лучший столик у окна, а к пустому стулу прислонял ходунки, чтоб больше никто не садился и не любовался видом. Так и умер.

Я не ответил, вдруг сообразив, что, вообще-то, понятия не имею, говорит ли эта девица хоть одно слово правды. Может, она и впрямь хорошо импровизирует. Неизвестно даже, по-честному ли ей девятнадцать и зовут ли ее Нора Халлидей. Может, она как свитер с невинной ниточкой на подоле: дернешь – и весь распустится.

– Машину водишь? – спросил я.
– Конечно.
– Покажи права.
– Зачем?
– Мало ли – вдруг ты пропавший ребенок. Или про тебя был сюжет в «Дейтлайн». Может, ты преступная школьница.

Она ухмыльнулась, порылась в бездонной сумке и извлекла зеленый нейлоновый бумажник «ЛеСпортсэк», такой замурзанный и грязный, словно пару лет дрейфовал по Нилу. Перелистала фотокарточки в пластиковых холдерах – нарочно повернув бумажник так, чтоб я не видел, – вынула права и протянула мне.

На фотографии ей было лет четырнадцать.

Нора Край Халлидей. Флорида, Сент-Клауд, улица Смелая, 4406. Глаза: голубые. Волосы: светлые. Дата рождения: 28 июня 1992 года.

И в самом деле девятнадцать.

Я вернул ей права, ничего не сказав. И второе имя Край, и Смелая улица – не говоря уж о дате рождения, каковое имело место примерно *вчера*, – лишили меня дара речи.

На светофоре зажегся зеленый. Я осторожно двинулся прочь от обочины.

– Если хочешь ждоть Хоппера – пожалуйста. А у меня работа.
– Да вон он! – взвизгнула она.

И точно, по тротуару волочился Хоппер в своем сером пальто. Помешать я не успел – Нора нажала на клаксон. Вскоре Хоппер в облаке холодного воздуха, сигаретного дыма и алкогольных паров рухнул на заднее сиденье.

– Чё творится, собаки?

Пацан опять нажрался.

Я проскочил на желтый и помчался поперек Седьмой авеню. Хоппер

нечленораздельно бубнил. Через полчаса попросил остановить на Нью-Джерсийской платной, и его вырвало на обочине.

Похоже, дома он не ночевал: явился во вчерашней белой футболке «ЗНАМЕНИТОЕ МОРОЖЕНОЕ ГИФФОРДА». «ПОПРОБУЙ 13 ВКУСОВ МЕДОВОГО ПИРОГА», – выцветшими буквами шептала она. Доблевав, Хоппер, кажется, захотел посидеть на парапете и посмотреть, как мимо моего «БМВ» пушечными ядрами проносятся машины, поэтому Нора вылезла и помогла ему сесть обратно. Вела она его заботливо, очень нежно – ей явно не впервой. За кем она ухаживала? За умершей матерью? За приговоренным отцом, которого, возможно, поджидает Искрометный Старикан? За бабушкой И-и-и-Лай?

Какого рожна ее так трогает Александра Кордова – и вообще вся эта история? А Хоппер – вправду ли только из-за анонимно присланной плюшевой обезьяны он возжелал в среду утром составить общество мне, а не лечь в постель с Хлоей, Райнкинг или еще какой избалованной девчонкой, воняющей сигаретами и инди-роком?

Очевидно, что эти два молокососа знают в разы больше, чем говорят. Но если они что-то утаивают, я скоро выясню. Даже у закоренелых преступников тайны – лишь воздушные пузыри, сокрытые в грязи на океанском дне. Порой требуется землетрясение, а порой достаточно нырнуть и поворошить придонный ил – тайны по природе своей стремятся на поверхность, вырываются.

Нора погрузила Хоппера в машину и сняла с него темные очки. Он что-то буркнул, затем, пьяно вздохнув, растянулся на сиденье, закинул руку за голову и отключился. Нора снова покрутила радио. Нашла какие-то народные песнопения – «Лукавый рыцарь на дороге»^[23], гласил дисплей, – устроилась поудобнее и стала смотреть на клочковатые поля за окном.

Утро устало протирало небо губкой, омывало дорожные знаки и ветровое стекло тусклой мыльной водой; покрышки отстукивали шоссейный ритм.

Мне тоже не хотелось разговаривать. Удивительно, где я вдруг очутился: рядом два совершеннейших незнакомца, за спиной у нас всевозможные истории, впереди ждет неизвестно что, но пока три тоненькие ниточки наших жизней бежали параллельно.

В «Брайарвуд».

– Гости для нас – не пациенты, – сообщила мне Элизабет Пул, шагая по дорожке. – Они на всю жизнь – члены семьи «Брайарвуд». Расскажите мне поподробнее о вашей дочери Лисе. – Она оглянулась на Нору, временно известную как Лиса и отставшую от нас шагов на двадцать. – Сколько ей лет?

– Первокурсница. Была, – ответил я. – Бросила.

Пул подождала продолжения, но я лишь улыбнулся и постарался изобразить неловкость, что не составило труда.

Элизабет Пул была коренастая, пухлая, за пятьдесят и с такой кислой миной, что я было решил, у нее во рту карамелька, однако минуты текли, а гримаса ничуть не менялась. Жидкие русые волосы Элизабет Пул зализывала в хвостик и носила комфортные джинсы с высокой талией.

Клиника не столько стояла на чистеньком холме, сколько *пригвозждала* его длинными коробками пристроек и серыми щупальцами дорожек. Оставив Хоппера в обмороке на заднем сиденье, мы с Норой отыскивали кабинет Пул в цокольном этаже «Дайкона», корпуса красного кирпича, где располагалась администрация. Я взглянул на Пул, а затем и на ее белоснежную мальтийскую болонку Ириску, которая выскочила из-за стола, звеня колокольчиком и с розовой заколкой на макушке смахивая на платформу на параде в честь Дня благодарения, – и мне немедленно захотелось отменить нашу эскападу.

Ситуацию существенно осложняли Норины актерские таланты – точнее, их вопиющее отсутствие.

Мы сели, и я объявил, что у дочери моей Лисы проблемы с дисциплиной. Нора скорчила рожу и потупилась. Пул буравила меня всепонимающим взглядом, в котором, впрочем, я отчетливо читал не сочувствие, но хладнокровный упрек, будто она понимала, что дочь моя – липа. Но когда я уже уверился, что сейчас нас выпрут, Пул – и Ириска, звякая и задыхаясь, – с толкача завела нашу экскурсию, и мы двинулись из «Дайкона» на обширную территорию.

– Как у вас тут с безопасностью? – спросил я.

Пул замедлила шаг и оглянулась на Нору, которая прожигала взглядом асфальт (так Сью Эллен взидала на мисс Элли весь двенадцатый сезон «Далласа»)^[24].

– Детали мы обсудим с глазу на глаз, – ответила Пул. – Но если вкратце, каждому пациенту назначается уровень наблюдения, от общего, когда сотрудники проверяют его днем и ночью каждые полчаса, до постоянного – пациент всегда находится на расстоянии вытянутой руки от обученного сотрудника и в столовой пользуется только ложкой. Когда

Лиса к нам поступит, мы обследуем ее и назначим уровень.

– У вас в последнее время случались побеги? – спросил я.

Вопрос застал ее врасплох:

– Побеги?

– Простите. Я не имел в виду, что у вас тут Алькатрас. Просто если Лисе выпадет шанс сбежать, она сбежит.

Пул кивнула. Если и вспомнила Александру Кордову, виду не подала.

– У нас сорок шесть акров, – сказала она. – По периметру ограда и камеры видеонаблюдения. Любой транспорт въезжает и выезжает через ворота, а там круглосуточная охрана. – Она скупой улыбнулась. – Безопасность пациентов – наш первый приоритет.

Вот, значит, какова их официальная позиция: Александра отсюда не сбегала.

– Что интересно, – продолжала Пул, – когда пациенты привыкают, их сложнее выгнать, чем оставить. «Брайарвуд» – убежище. Это настоящая жизнь жестока.

– Я так и понял. У вас тут красиво.

– И впрямь, да?

Я согласно улыбнулся. Красиво, как инъекция морфина.

По обе стороны от нас простирался огромный безупречный газон, гладкий, плоский и беспощадно зеленый. Справа вдалеке стоял массивный дуб, под ним пустая черная скамья. Похоже на открытку с соболезнованиями. И сверхъестественно безлюдно, только изредка пробегают улыбчивая медсестра в сиреневых штанах и сиреневой же куртке с жизнерадостным узорчиком – наверняка чтобы отвлекать пациента, пока его пичкают колесами. Поодаль меж кирпичных корпусов целеустремленно шагала кто-то лысый.

Пул объяснила, что в клинике (я так понял, «клиника» – кодовое обозначение психбольницы) в этот час все на поведенческой терапии, и все равно у меня бежали мурашки – как будто на все заведение надели намордник. Я бы не удивился, если б ветерок и чириканье птичек внезапно прорезал душераздирающий человеческий вопль. Или если бы распахнулась дверь – в один из тех корпусов, которые Пул подчеркнуто проигнорировала; «Тут у нас просто спальни», – пояснила она, когда я поинтересовался, что там, – и выбежал бы пациент в белой пижаме, рванул бы на волю, но был бы сбит с ног медбратом и уволочен на сеанс электрошока, оставив по себе чопорно безмятежный пейзаж.

– Сколько у вас пациентов? – спросил я, оглянувшись на Нору.

Она еще больше отстала.

– В общей сложности в программах душевного здоровья и злоупотребления наркотиками сто девятнадцать взрослых. Не считая амбулаторных.

– И психологи пристально работают с каждым?

– О да. – Она остановилась и стряхнула бурый листик, застрявший у Ириски в шерсти. – При поступлении каждому гостю назначается личная медицинская команда. Терапевт, фармаколог и психолог.

– И как часто они общаются?

– По-разному. Зачастую ежедневно. Иногда дважды в день.

– Где?

– В «Страффене»^[25]. – Она указала на кирпичный корпус слева, почти скрытый за сосняком. – Мы туда скоро зайдем. Сначала посмотрим «Бьюфорд».

Мы свернули с тропинки к серому каменному зданию. Подле меня потрусил Ириска.

– Здесь наши гости питаются и проводят досуг. – Пул поднялась на крыльцо, первой открыла деревянную дверь. – Трижды в неделю преподаватели из Пёрчейз-колледжа читают лекции. Тематика – от глобального потепления и охраны природы до истории Первой мировой войны. Это один из элементов нашей философии исцеления – показать гостям разностороннюю картину мира, дать ощущение истории.

Я кивнул, улыбнулся, через плечо глянул, где там носит Нору. Она за нами не пошла – осталась стоять посреди газона. Прикрывая глаза ладонью, что-то рассматривала – мне за ней было не видно.

– Я понимаю, почему вам с ней трудно, – сказала Пул, перехватив мой взгляд. – Девочкам в этом возрасте бывает нелегко. А где, если позволите, миссис Дин?

– Она в картине отсутствует.

Пул кивнула. Нору, кажется, подмывало сделать ноги. Помявшись, она сгорбилась, побрела к нам; остановилась, смерила Пул взглядом, достойным доктора Зло, и взбежала по ступенькам. Через вестибюль, где отчетливо пахло дезинфекцией, Пул провела нас в столовую. Большой солнечный зал, круглые деревянные столики, арочные окна. Стайка работников деловито раскладывала приборы.

– Здесь гости питаются, – сказала Пул. – Мы, естественно, заботимся о физическом здоровье не меньше, чем о душевном, поэтому в меню есть блюда с низким содержанием жира, вегетарианские, веганские и кошерные. Наш шеф-повар прежде работал в мишленовском ресторане в Сакраменто.

– А когда я познакомлюсь с теми, кто тут *живет*? – осведомилась

Нора. – А то вдруг тут все психи?

Пул потрясенно заморгала, посмотрела на меня – я ответил смущенным взглядом, – но затем взяла себя в руки и улыбнулась.

– Сегодня ты ни с кем не познакомишься, – дипломатично ответила она и поманила нас за собой; Ириска проплыла мимо нее в коридор, стуча коготками. – Но если будешь у нас гостить, увидишь, что люди здесь, как и везде, очень разные.

Пул затормозила у темной ниши и, поразмыслив, включила верхний свет. На стенах – сплошь стенды, увешанные списками участников всяких кружков и фотографиями с мероприятий.

– Как видите, – Пул взмахнула рукой, – гости у нас очень даже счастливы. Мы всех стараемся занимать, физически и умственно.

Нора, насупившись, ступила в нишу.

– А когда это снимали? – спросила она.

– В последние месяцы.

Нора скептически сверкнула глазами и уставилась на фотографии, скрестив руки на животе. Я подумал, что она совсем поехала крышей, решила изобразить Энджи из «Прерванной жизни»^[26], но потом сообразил, что она задумала.

Она искала Александру.

Разумно. Я тоже шагнул посмотреть. На фотографиях пациенты бегали эстафеты, ходили в походы. Кое-кто правдоподобно доволен жизнью, но большинство слишком худы и апатичны. Александра бросалась бы в глаза, так? Темноволосая, чуть в стороне, во взгляде вызов. Я пригляделся. Фотографии с музыкального концерта – но за фортепиано мужчина с дредами. Куча снимков с летнего барбекю на центральном газоне – пациенты толпятся вокруг столов, жуют бургеры, но Александры ни следа.

Я оглянулся – Пул наблюдала за нами в легкой тревоге. Видимо, мы слишком уж пристально изучали эту выставку.

– Все такие счастливые, – заметил я.

Она ответила мне хладнокровным взглядом:

– Может быть, пойдем дальше?

Я вышел из ниши; мохнатая кружевная салфеточка по имени Ириска носилась вокруг меня и смотрела так, будто в кармане я припрятал вяленое мясо. Нора перебирала списки записавшихся в книжный клуб, откровенно читая все имена подряд.

– Лиса, – сказал я. – Пойдем.

Наружу, по газону к «Страффен-холлу», затем напрямик на второй

этаж, где занимались музыкой, рисованием и йогой. По отрывистым комментариям и напряженному тону Пул было ясно, что мы с моей ершистой дочерью очень ей не нравимся. Я старался расхваливать клинику, но Пул в ответ лишь чопорно улыбалась.

Когда мы проходили мимо зала медитаций – свечи, фотографии лугов и небес, – из репродуктора раздался сигнал, две ноты. Пронзительный и раскатистый – музыкальный аналог отбитого пальца на ноге.

– Мне надо в туалет, – раздраженно объявила Нора.

– Разумеется. – Пул остановилась у питьевого фонтанчика и указала на дверь «Дамы» в середине коридора. – Мы тебя тут подождем.

Нора закатила глаза и отбыла. Стены в коридоре яркие, наполовину белые, другая половина розовая, как кошачий нос, но обстановка сочилась больницей и клаустрофобией, точно купе в поезде. Недоумочный экспресс отправляется в Шизотаун. Все на борту.

Из аудиторий потянулись пациенты. Все в джинсах и мешковатых хлопковых рубашках – ни ремней, ни шнурков, отметил я, – и возрастной разброс поражал воображение. Из класса рисования выполз мужик лет восьмидесяти с седым ежиком. Большинство, проходя мимо, отводили глаза. Роились мозгоправы и прочие умники – болтали, кивали, симулировали конструктивность. В толпе они не терялись – все во флисках и куртках «Л. Л. Бин», в шерстяных буроватых свитерах, – вероятно, чтобы пациенты решили, будто попали на лыжный курорт.

Пул поправила заколку на Ириске.

– Я слышал много хорошего о докторе Аннике Энгли, – сказал я.

Пул выпрямилась, подхватив собаку на руки.

Анника Энгли – психолог, которая при первичном приеме заполняла карту Александры, в итоге очутившуюся в полицейском досье.

– Мне ее рекомендовал друг, – продолжал я. – Насколько я понял, она прекрасно работает с девушками, страдающими депрессивным расстройством. А нельзя с ней поговорить?

– Ее кабинет на третьем этаже. Посетителей мы туда не водим. И пока еще рано обсуждать доктора Энгли или любого другого врача. Если Лиса к нам поступит, ей назначат группу медиков в соответствии с ее потребностями. И кстати, пойду проверю, как она там.

Пул опустила Ириску на пол, улыбнулась мне – прозрачно намекая: «Ни с места», – и зашагала прочь, плюхая по линолеуму черными ортопедическими ботинками.

Вернулась спустя минуту, красная как свекла.

– Лисы там нет, – возвестила она.

Я растерянно на нее уставился.

– Лиса потерялась. Вы ее видели?

– Нет.

Пул развернулась и ринулась по коридору:

– Она, наверное, вышла с другой стороны.

Мы с Ириской – равно ошарашенные новым поворотом сюжета – устремились следом; проходя мимо дамской комнаты, я все-таки открыл дверь и окликнул:

– Лиса? Детка?

Пул ожгла меня взглядом через плечо:

– Ее там нет. Правда.

Она промчалась мимо стайки пациентов, распахнула дверь в конце коридора и вылетела на лестницу. Я не отставал. Она задрала голову, посмотрела в следующий пролет – отделенный металлической дверью и табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» – и затопотала вниз. Мы ворвались на цокольный этаж, отпихнув человека с кипой папок, и на резком повороте Ириска пошла юзом на полированных половицах. Мы вошли в кабинет «ПРОГРАММА „НАРКОТИКИ И АЛКОГОЛЬ“».

– Бет, тут разгуливает пять сорок шесть, ты не видела? Худая блондинка? Микро-мини? Косы вокруг головы? – Мне достался ледяной взгляд. – Перья?

– Нет, Лиз.

Пул, что-то бормоча, маршем вернулась по коридору.

– Что такое «пять сорок шесть»? – спросил я.

– Потенциальный гость. Мне придется просмотреть записи с камер наблюдения. Она у вас любит бегать, а? Есть идеи, куда она могла пойти?

– Если доберется до дороги, попытается уехать стопом.

– Никуда она не уедет. Если у нее, конечно, нет крыльев и она не может перелететь тридцатифутовую электрическую ограду.

– Мне ужасно жаль, что так получилось.

Мы вышли через стеклянные двери. По ту сторону газона пациенты – многие в сопровождении медсестер – по дорожкам шли обедать. Норы не видать. В таком наряде она выделялась бы. Я понятия не имел, куда она делась, – в моем инструктаже ничего такого *не было*. Нора устроила бунт.

Спустя минуту Пул усадила меня на цветастый диван у себя в кабинете.

– Ждите здесь, – велела она. – Я скоро вернусь с вашей дочерью.

– Спасибо.

Она лишь испепелила меня взглядом и хлопнула дверью.

Я остался наедине с Ириской. Собака сбегала к своей подушке под цветами в горшках и приволокла писклявый резиновый хот-дог.

В репродукторах опять блякнуло.

Я осмотрел потолок. Вроде бы камер нет.

Встал и подошел к столу.

На мониторе скринсейвер. Естественно, там плавали портреты Ириски, хотя временами на заднем плане мелькал худой и лысый сконфуженный человек. Мистер Пул.

Я потыкал в клавиатуру, и у меня спросили пароль.

Я набрал «Ириска». Не сработало.

На углу стола в лотках «Входящие» и «Исходящие» лежали кипы бумаг. Я полистал: благодарственные записки, заявления на прием, подписка о неразглашении, электронное письмо от доктора Роберта Пола, который информировал о выходе на пенсию. Наверняка же должна быть служебная записка про Александру Кордову. Присланная крупной больничной шишкой, с оборотами типа «это очень щекотливый вопрос», «репутация клиники под угрозой» и так далее.

Я заглянул в ящики стола.

Канцелярские принадлежности, интерьерный каталог «Поттери Барн», россыпь мятных карамелек.

Я перешел к шкафчикам с картотекой у задней стены. Все заперты, ключей не видеть.

Сходил к двери и выглянул в коридор.

Пусто, если не считать двух медсестер напротив главного входа в «Дайкон».

Из-за Норы меня по-любому отсюда выставят. Можно и сыграть камикадзе. Ириска взялась грызть игрушечный хот-дог прямо у меня на ноге. Одна медсестра осеклась и удивленно глянула на нас.

Я швырнул игрушку через весь кабинет – хот-дог застрял в листе гигантской кукурузы на окне, Ириске предстоит восхождение на шесть футов по стволу – и опять выглянул.

Медсестры тихонько переговаривались. Я выскользнул в коридор и нырнул в боковую дверь.

Очутившись снаружи, я направился в «Страффен».

Клинику опять объяла тишина, только немногочисленные опоздавшие шли в столовую. Я быстрым шагом одолел газон и направился к крыльцу,

где курили и болтали пациенты, лишь скользнувшие по мне глазами. Внутри я устремился к лифтам.

В лифте нажал «3». Кнопка не загорелась.

Нужен какой-то код. Я уже собрался выйти, но тут в лифт шагнула седовласая женщина, взглядом приклеившаяся к «блэкберри». Не подняв на меня глаз, она набрала на панели четыре цифры. Не помогло, – очевидно, потому, что я нажал кнопку. Женщина нахмурилась, нажала «сброс», снова набрала код, и двери закрылись. Мы стали подниматься. Женщина нажала «6». Я шагнул ближе и опять попробовал «3». На сей раз получилось.

Женщина обернулась и с любопытством меня оглядела.

Двери открылись на третьем этаже. Я вышел, чувствуя, как она недоумевает, кто я такой, но двери закрылись, не успела она хоть слово сказать.

Я был один.

Третий этаж «Страффена» как две капли воды походил на второй, только неоновые потолочные лампы розовее, линолеум глянцевее, а стены выкрашены мятной зеленью. В оба конца тянулась череда черных дверей. Кабинеты врачей. Я зашагал по коридору, читая таблички с именами. Слышались приглушенные голоса и бамбуковые дудки – музыка, какую включают в спа во время массажа. Посреди коридора на банкетках под окном растянулись двое юношей; оба строчили в блокнотах.

На меня они не обратили внимания.

Я отыскал табличку «АННИКА ЭНГЛИ, доктор медицины». Легонько постучал, ответа не услышал и повернул ручку. Заперто. Я вернулся к юношам.

– Простите? – сказал я.

Они испуганно подняли взгляд. Один блондин – на нежном лице неуверенность. Другой краснолицый, рябой и в темных кудряшках.

– Вы не могли бы мне помочь? – продолжал я. – Здесь прежде была гостья, Александра Кордова. Вы ее не знали?

Блондин нерешительно посмотрел на шатена:

– Нет. Но я только поступил.

Я повернулся к шатену:

– А вы?

Тот медленно кивнул:

– Да. Слышал про нее.

– Что вы слышали?

– Что здесь лежала дочь Кордовы. Всё.

– Вы ее видели? Знакомы с ней?

Он покачал головой:

– Она была «серебряный код».

– Что такое «серебряный код»?

– Интенсивная терапия. Они живут в «Модсли»^[27].

– Прошу прощения, – раздался мужской голос у меня за спиной. – Я могу вам помочь?

Я обернулся. На меня смотрел низенький толстяк с густой бурой бородой.

– Надеюсь, – ответил я. – Я ищу свою дочь, Лису.

– Пойдемте.

С застывшей сердитой улыбкой он повел рукой – мол, отойдите от пациентов. Я благодарно им кивнул и следом за толстяком свернул за угол.

– На этот этаж вход воспрещен всем, кроме гостей и врачей. Как вы сюда попали?

Я как можно смятеннее объяснил, что приехал к Пул на экскурсию по клинике, а моя дочь потерялась.

Оглядев меня с превеликой неприязнью – впрочем, похоже, купившись на мой идиотизм, – он подошел к какой-то двери и позвенел ключами. Толкнул дверь, включил свет.

– Пожалуйста, подождите здесь со мной. Я переговорю с Элизабет.

– Я, вообще-то, знаю дорогу. Я сам вернусь.

– Сэр, немедленно зайдите в кабинет, или я вызову охрану.

Судя по табличке, звали его Джейсон Элрой-Мартин, д. м. н. Я вошел, сел на кожаный диван, а доктор, заводясь все больше, принялся названивать по телефонам из списка контактов на стене, возле его медицинского диплома Университета Майами. Оставив Пул два сообщения, он наконец до нее дозвонился, и его лицо (то, что от лица оставалось, – борода густо покрывала щеки) тотчас гневно побагровело.

– Он прямо передо мной, – сказал доктор, сверля меня глазами. – Разговаривал с двумя сто семнадцатыми. Когда они в вольной форме вели дневники. Да. Да. – Он помолчал, послушал. – Легко.

Он повесил трубку, откинулся на спинку офисного кресла, переплел пальцы.

– Я свободен? – спросил я.

– Вы сидите здесь.

И хмурился, пока в кабинет не постучали.

Дверь открылась, явив взору двух здоровенных охранников.

– Скотт Бэ Макгрэт, – произнес один, – вы идете с нами.

Он произнес «Б» – обозначавшее мое второе имя, Бартли, – и это не сулило ничего хорошего.

Они сопроводили меня в службу безопасности – приземистый бункер из шлакоблоков на опушке, поодаль от прочих корпусов. В голом вестибюле за стеклом сидел жабоподобный дежурный. Меня провели мимо кабинетов с мельтешащими мониторами: на всех дерганные черно-белые снимки коридоров и аудиторий.

– А теперь будете пытаться водой? – осведомился я.

Они пропустили это мимо ушей. Мы остановились у открытой двери в конце.

В комнате, обшитой фанерой, на складном металлическом стуле посреди желтого ковра сгорбилась Нора. По счастью, из образа она вышла – грызла ногти и распахнутыми глазами следила за багровой Элизабет Пул, а та возвышалась над нею, практически излучая термоядерный жар. Рядом на краешке стола примостился высокий сидящий человек в глаженных брюках хаки и ослепительно-голубом свитере.

– Скотт, – промолвил он, поднявшись и протянув мне руку. – Я Аллан Каннингэм. Президент «Брайарвуд-холл». Очень приятно познакомиться.

– А мне еще приятнее.

Он улыбнулся. Бывают такие лучезарные люди – не просто чистенькие, но надраенные, с безупречной кожей, какая обычно встречается лишь у младенцев и монашек.

– Итак, Нора, – произнес он, улыбаясь ей сверху вниз (и она даже улыбнулась в ответ), – сегодня, я так понимаю, выступает под псевдонимом Лиса. Она как раз поведала нам, что вы не потенциальные клиенты, как утверждалось прежде, а в обход закона ищите сведения о нашей бывшей гостье.

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Об Александре Кордове. Она сбежала из-под вашей опеки и спустя десять дней умерла. Мы выясняем, не было ли в клинике нарушений, прямо повлекших за собой ее смерть.

– Нарушений не было.

– То есть вы признаете, что Александра Кордова у вас лечилась.

– Ни в коем случае. – Улыбка до ушей давалась Каннингэму с явным трудом. – Но могу сказать, что никаких нарушений безопасности у нас не случилось.

– Если Александре *разрешили* уйти среди ночи с неопознанным мужчиной, почему клиника на следующий день сообщила о ее пропаже?

Он, кажется, разъярился, однако смолчал.

– Она была «серебряный код». Отделение интенсивной терапии. Им не разрешают уходить без сопровождения. Значит, кто-то в клинике лоханулся.

Каннингэм глубоко вздохнул:

– Мистер Макгрэт, у нас не государственная больница. Вы подпадаете под законы о противоправном вторжении. Я могу вас обоих отправить в тюрьму.

– А вот и нет. – Я расстегнул молнию на кармане и вручил Каннингэму сложенную брошюру. – Как видите, мы с Норой не только обеспокоены судьбой Александры, но также приехали распространять информацию о нашей религии, на что имеем полное право в соответствии с прецедентом «Марш против штата Алабама». По решению Верховного суда, согласно первой и четырнадцатой поправкам к Конституции, законы о противоправном вторжении не применимы к тем, кто распространяет религиозную литературу даже в частных владениях.

Каннингэм полистал старый буклетик «свидетелей Иеговы».

– Мило. Очень мило, – сказал он. – Вас проводят с территории. Я подам жалобу в полицию. Если я узнаю, что вы или ваши друзья – в том числе человек, который спит в машине, – снова пытались проникнуть в клинику, вы сядете за решетку.

Он смял брошюру и неплохим броском – попал по ободу – отправил ее в мусорную корзину у двери. Я уже собрался было поблагодарить его за то, что уделил нам время, но меня отвлекло внезапное движение в окне у него за спиной.

По тропинке, огибая безлюдную стройку, неслась женщина в сиреневой медсестринской униформе и белом кардигане. Ее рыжие волосы горели на солнце, и она, похоже, сильно торопилась в наш корпус.

Каннингэм глянул через плечо и вновь невозмутимо повернулся ко мне:

– Я, мистер Макгрэт, ясно выразился?

– Яснее некуда.

Он кивнул охранникам, и те вывели нас наружу.

Мы гуськом зашагали вокруг стройки. Лиса, вопреки своим

хулиганским закидонам, сильно присмирела. Мы шли между двумя охранниками, и она то и дело стреляла в меня глазами – мол, ужас-ужас, что нам делать? – а это доказывало, что столкновением с властями она наслаждается. Если, конечно, этих громил можно назвать властями. Они больше походили на пухлые раскладные кресла.

Впереди на дорожке я опять заметил рыжую медсестру. Она возникла из ниоткуда и мчалась к нам, подчеркнуто глядя в землю. Когда до нас оставались считанные ярды, она вздернула голову и взволнованно уставилась прямо на меня.

Я в удивлении застыл.

Она лишь прибавила шагу и свернула на другую дорожку по задам спального корпуса.

– Мистер Макгрэт. Идемте.

Когда мы добрались до стоянки, весть о лазутчиках, видимо, уже разнеслась по клинике, и с крыльца «Дайкона» за нами наблюдала стайка зевак – медсестры, администраторы, психиатры.

– О, отвальная, – сказал я. – Ну что вы, не стоило.

– Будьте любезны пройти к вашему автомобилю, – приказал охранник.

Я отпер дверцу, и мы забрались внутрь. Хоппер по-прежнему дрых. С нашего ухода он, кажется, даже не шевелился.

– Проверь – у него пульс-то есть? – шепнул я, заводя машину.

Я потихоньку двинулся со стоянки к выезду. У «Дайкона» роились люди, смотрели на нас, однако рыжеволосой медсестры я не заметил. Чего она хотела? Чтоб я пошел за ней? Понимала же, что на глазах у охраны не получится.

– Пульс есть, – бодро чирикнула Нора. – Чуть не попались, а?

– «Чуть»? Я бы так не сказал. Скорее – прямо в яблочко.

Я свернул вправо и поддал газу, торопясь побыстрее слинять, – нам предстояло головокружительные две минуты мчаться по лесу.

– Ты что, злишься? – спросила Нора.

– Да. Злюсь.

– Чего это?

– Этот фокус а-ля Гудини, да? Ты не просто привлекла к нам внимание. Ты обвела нас красным кружком, поставила стрелочку и надписала: «Они тут». В следующий раз захвати мариачи-бэнд.

Она надулась и принялась крутить радио.

– В эту самую минуту Каннингэм звонит Александриным родным – может, Кордове лично – и говорит, что репортер по имени Скотт Макгрэт и белая флоридская поселенка разнюхивают историю болезни его дочери.

Все мои надежды сохранить расследование в тайне пошли прахом – за что спасибо тебе, *Бернстайн*. И кстати, о твоём актерском мастерстве. Не знаю, может, тебя не оповестили, но дело жизни тебе надо срочно менять.

Я глянул в зеркало заднего вида. Позади возник синий «линкольн» – на передних сиденьях безошибочно различались шкафы в форме сотрудников охраны.

– А теперь еще у нас на хвосте Мумбо и Юмбо, – буркнул я.

Нора в возбуждении обернулась. Девчонка деликатна, как полуприцеп с негабаритным грузом.

Мы слетели с холма и свернули за рощицу. От поворота до момента, когда снова появился синий седан, я насчитал пятнадцать секунд. Дал по газам и одолел следующий поворот.

– Небось, я про Сандру узнала больше тебя, – объявила Нора.

– Да ну? И что же ты узнала?

Она лишь пожала плечами и улыбнулась.

– Ни фиги. Я так и думал.

Мы опять свернули; на пересечении со служебной грунтовой дорога выпрямлялась. Я притормозил на знаке «Стоп», потом нажал было на газ, но тут Нора заорала.

Справа вниз по крутому лесистому склону летела та самая женщина – рыжая медсестра. На дорогу она выскочила прямо перед машиной.

Я вдарил по тормозам.

Она рухнула на капот, разметав рыжие волосы. На ужасное мгновение я решил, что она пострадала, но она выпрямилась, обежала машину и лицом почти вплотную придвинулась к моему окну.

Веснушки, покрасневшие карие глаза, в глазах отчаяние.

– Морган Девольт! – прокричала она. – Найдите его. Он вам расскажет.

– Что?

– Морган. Девольт!

Она бегом обогнула машину, выскочила на обочину и кинулась вверх по склону, и тут позади возник синий седан.

Лихорадочно, на четвереньках, она взбиралась по крутизне, оскальзываясь в грязи и листве. Добралась до вершины, запахнула кардиган, посмотрела на нас сверху.

Охрана подобралась вплотную и забибикала.

Они ее не заметили.

Я снял ногу с тормоза и, все еще в дурмане потрясения, покатил дальше. На следующем повороте я разглядел в зеркало, что женщина так

и стоит на холме и ветер швыряет шевелюру ей в лицо, пятная его рыжими кляксами.

Каменноликий охранник открыл электронные ворота, и мы шмыгнули на волю, а «линкольн» развернулся и направился обратно в клинику.

– Мать честная, – выдохнула Нора, прижав ладонь к груди.

– Как, она сказала, имя? – спросил я.

– Морган Девольт?

– Запиши. Де-вольт.

Нора судорожно порылась в сумочке, нашла ручку, скусила колпачок и нацарапала имя на тыльной стороне кисти.

– Я ее видела, когда мы были в службе безопасности, – сказала Нора. – И она прошла мимо, когда нас выводили. Она хотела поговорить.

– На то похоже.

– Чё творится? – хрипло пробубнили с заднего сиденья.

Хоппер проснулся и теперь зевал. Потер глаза, без удивления посмотрел, как за окном течет сельский пейзаж.

Я отдал Норе свой телефон.

– Погугли «Морган Девольт» и «Нью-Йорк». Расскажешь, что найдешь.

Прошло несколько минут – связь мерцала.

– Толком ничего, – сказала Нора. – Только генеалогический сайт какой-то. Морган Девольт жил в Швеции в тысяча восемьсот тридцать шестом году. У него был сын Генрик.

– И все?

– Имя встречается на сайте «Грешные гольфики».

Мимо пронесся указатель. «Биг-Индиан, 5».

– Это мы где? – поинтересовался Хоппер, опуская стекло.

Развернувшись, Нора с жаром поведала, что успело произойти за последние четыре часа.

– И нас уже хотели арестовать, – рассказывала она, – но Скотт был прямо рок-звезда. Вытаскивает такой буклетик, на обложке написано: «Самый великий человек, который когда-либо жил. Об Иисусе Христе для молодежи». – Она захихикала. – Шикарно.

Нора пустилась объяснять, что приключилось с медсестрой, и тут справа я заметил «Квик-Март», дал по тормозам и свернул.

– Иди, – велел я Норе, подкатив к бензоколонке и отрубив двигатель. – Спроси, нельзя ли одолжить телефонный справочник. И купи что-нибудь перекусить. – Я вручил ей двадцатку и занялся заправкой.

С заднего сиденья, потягиваясь, выполз Хоппер.

– Что выяснили про Сандру? – прохрипел он.

– Мало чего. Она была пациенткой «серебряный код» – это самый критический уровень медобслуживания.

– Но вы не узнали, что с ней было?

– Нет.

Он, кажется, хотел спросить что-то еще, но развернулся и зашагал по стоянке, на ходу вытаскивая сигареты.

Пятый час. Солнце ослабило хватку, распустило тени, подогрело и разбавило свет.

Через дорогу посреди замусоренной и заросшей лужайки стоял белый деревенский дом. На провисшем телефонном проводе сидели две черные птички – не вороны, слишком мелкие и толстые. Динькнула дверь «Квик-Марта», я обернулся и увидел старика в зеленой фланелевой рубаше и тяжелых сапогах – он направлялся к пикапу: в кузове бурая дворняжка. Старик уселся за руль, и они выехали, нацелились вправо и, рывкнув глушителем, развернулись в опасной близости от Хоппера.

Тот будто не заметил. В меланхолическом трансе взирал на дорогу, не видя несущихся мимо машин.

Может, в том и дело – он воображает, как шагнет под колеса. Он словно стоял на берегу, готовясь броситься в реку. Не драматизируй, сказал я себе. Наверное, после явления медсестры еще не рассеялась паранойя. Перед глазами так и стояло это веснушчатое лицо – взгляд тревожный, губы обветрены, окно запотеваает от дыхания, стирая девушке рот.

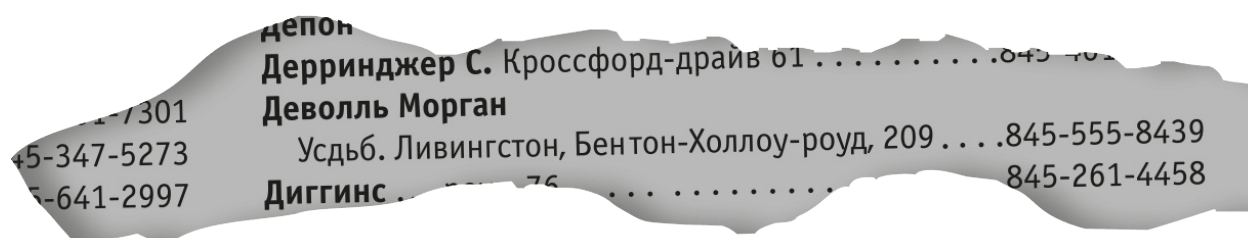
Хоппер затаился, откинул волосы с глаз, посмотрел в небо, прищурился на толстых птичек. Птички на проводе размножились. Их стало семь – семь крошечных черных нот на совершенно пустом нотном листе, где линейки и целые такты проседали, висло тянулись от столба к столбу и завивались вдаль по дороге.

Снова динькнуло, и появилась Нора с грудой кофейных стаканов, жележных конфет, кукурузных чипсов и телефонным справочником. Его она расправила на капоте.

– Я купила Хопперу кофе, – прошептала она, беспокойно в него вглядевшись и предъявив мне великанский стакан. – По-моему, ему нужен кофеин.

– По-моему, ему нужны обнимашки.
Она отставила стакан, полистала справочник.

– Вот он, – изумленно прошептала Нора.
Я подошел и заглянул.

19

– Следующий съезд, – сказала Нора, щурясь на телефон.

До усадьбы Ливингстон мы полтора часа тряслись по грунтовкам. Темнело, небо вылиняло до гематомной синевы. На Бентон-Холлоу-роуд не было ни уличных указателей, ни номеров домов, ни фонарей, ни даже разметки – лишь тусклые фары моей машины не столько отталкивали надвигающийся мрак, сколько нервно в нем шарили. Слева возвышалась стена сплошных кустов, колючих и непроходимых; справа простиралась черная земля – взъерошенные поля, выцветшие домики, – и только одна крылечная лампочка точкой светилась в ночи.

– Вот, – взволнованно шепнула Нора, указывая на провал в живой изгороди.

На железном почтовом ящике – ни номера, ни имени.

Я свернул.

Узкая гравийная дорожка шла вверх через густые заросли – места едва хватало человеку, не говоря о машине. Дорожка забирала все круче, я жал на газ, и машина неудержимо вибрировала, словно космический челнок при попытке преодолеть звуковой барьер. Длинные тонкие ветви хлестали ветровое стекло.

Спустя где-то минуту мы вскарабкались на гребень холма.

И я тотчас вдавил по тормозам.

Вдалеке, за неопрятным газоном, забившись между высоких деревьев, стоял деревянный домишко, до того обветшалый, что мы онемели.

Белая краска потрескалась и облупилась. В черепичной крыше зияла

черная рана, окна чердачного этажа выбиты и обгорели до черноты. Во дворе рухнуло дерево, и возле него в палой листве валялись детские вещи – коляска, трехколесный велосипед, а в темном углу лопнувшим волдырем раззявился старый пластиковый бассейн.

Застывший в тенистом мраке дом был до того зловещ, что я машинально выключил двигатель и фары. Одинокaя лампочка на веранде освещала завалившиеся набок качели и старый кондиционер. Где-то в задней комнате горела другая лампочка – прямоугольное окошко светилось плотно задернутыми мятно-зелеными шторами.

Этот человек, Морган Деволл, – он ведь совершенно лишен контекста. Мы послушались совета абсолютно незнакомой женщины, которая, если вспомнить, как она бросилась нам под колеса, не то чтобы блещет здравым умом.

Сбоку у сарая стояли пикап и старый серый «бьюик» – из кузова свесился кусок полиэтилена.

– И что? – нервно спросила Нора, куснув ноготь.

– Еще раз обсудим план, – ответил я.

– «План»? – хохотнул Хоппер, склонившись между нами. – План у нас простой. Разговариваем с Морганом Деволлем, выясняем, что он знает. Пошли.

Я и рта не успел раскрыть, как он выбрался из машины, грохнул дверцей и зашагал по двору. Серое шерстяное пальто захлопало на ветру; Хоппер шагал, пригнув голову, и походил на сумрачного персонажа из комиксов, готового обрушить на обитателей дома жестокую месть.

– Из мира мертвых он явно вернулся, – пробормотал я. – Что ты ему в кофе подсыпала?

Нора возилась с дверной ручкой и не ответила – мельтешила она, точно младшая сестра, которая боится, что все уйдут вперед, а ее не подождут. Наконец она выбралась из машины и побежала за Хоппером.

Я не спешил. Пусть на разведку идут они – скромные рядовые, которые ищут мины до приезда *генерала*.

Слышались только их шаги – тихий хруст хвороста на палой листве и траве. Может, виновата чешуя облупленной краски, но дом смахивал на живую рептилию, что притаилась в засаде за деревьями, наблюдая за нами одиноким глазом горящего окна.

Где-то вдалеке гавкнула собака.

Хоппер уже добрался до крыльца, так что я тоже вышел из машины. Он обогнул кондиционер, открыл дверную сетку и постучал.

Никто не ответил.

Он постучал снова, подождал; ветер взметнул листву на газоне.

Ответа по-прежнему не было. Хоппер отпустил сетку – она стукнула о косяк – и прыгнул в клумбу, где щетинились мертвые стебли и клубком свернулся садовый шланг. Прикрывшись обеими руками, Хоппер заглянул в окно.

– Кто-то дома есть, – прошептал он. – В кухне телик работает.

– Что они смотрят? – тихо спросил я.

Миновав гигантское упавшее дерево, а затем Нору, я наклонился – в траве что-то лежало ничком. Оказалось, старый плюшевый медведь.

– А что? – обернулся Хоппер.

– Пойдем, что за люди. Если хардкорное японское аниме, дела плохи. А если спецвыпуск Барбары Уолтерс^[28]...

– По-моему, повтор «Цена верна»^[29].

– Час от часу не легче.

Хоппер на цыпочках вернулся на крыльцо и на сей раз заметил заскорузлый дверной звонок. Дважды нажал.

Внезапно торопливо защелкали замки, скрежетнула цепочка, дверь ахнула, и за сеткой появилась немолодая блондинка – мешковатые серые треники, заляпанная синяя футболка, исполосованные перекисью волосы затянуты в хвост.

– Добрый вечер, мэм, – сказал Хоппер. – Простите, что оторвали от ужина. Мы ищем Моргана Деволля.

Она подозрительно оглядела его, выгнула шею и посмотрела на меня.

– Зачем вам Морган?

– Просто поболтать, – безмятежно пожал плечами Хоппер. – Всего на пару минут. Мы из «Брайарвуда».

– Моргана нет дома, – огрызнулась женщина.

– А не знаете, когда вернется?

Она сощурилась:

– Ну-ка брысь с нашего участка, не то полицию вызову.

Она уже собралась грохнуть дверью, но тут за спиной у нее возник мужчина.

– Что случилось?

Говорил он тихо и любезно – неожиданный контраст с этой женщиной, очевидно его женой. Он был существенно ниже ее и на вид моложе, чуть за тридцать; плотный, в линялой голубой фланели, аккуратно заправленной в джинсы, рукава засучены. Темные волосы ежиком, широкое красное лицо – не уродливое, не красивое, обыкновенное. Как у миллионов прочих.

– Вы Морган Девольт? – спросил Хоппер.
– А что такое?
– «Брайарвуд».
– Свести у вас нет – сюда заявляться, – заметила женщина.
– Стейс. Все в порядке.
– Больше никаких контактов. Ты же слышал, что адвокат сказал...
– Все нормально.
– Ничего не нормально...
– Давай я сам разберусь! – рявкнул он, и где-то в глубине дома разрыдался ребенок.

Женщина кинулась в темноту, напоследок одарив мужа яростным взглядом:

– Гони их в шею.

Морган – очевидно, это он и был – шагнул к нам, извиняясь улыбкой. Дитя завывало, он молча стоял за сеткой, и в эту минуту напомнил мне наш с Сэм последний визит в Бронкский зоопарк: она тогда в великом расстройстве показала на шимпанзе, что скорбно взирал на нас из-за стекла, – такая глубокая печаль, такая обреченность.

– Вы из «Брайарвуда»? – неуверенно спросил Морган.

– Не совсем, – ответил Хоппер.

– Так в чем дело-то?

Секунду Хоппер смотрел ему в глаза, а затем сказал:

– Александра.

Удивительно, как расчетливо он это произнес. Более того – хитроумно, намекая, что Александра – их общее невероятное переживание, до того памятное, что никакая фамилия не нужна. Александра – прекрасный тайный остров, секретный дом на скалистом утесе, куда заходят лишь редкие посвященные. Если Хоппер нарочно расставил эту ловушку, она сработала: в лице Моргана тотчас проступило узнавание.

Он воровато обернулся туда, где исчезла его жена. Потом с виноватой улыбкой, стараясь не шуметь, одним пальцем толкнул сетчатую дверь.

– На улице поговорим, – шепнул он.

Мы последовали за Морганом Девольтем на край двора, где под густыми деревьями стоял детский бассейн с черной водой, усыпанной листьями. Ребенок не замолкал, но поодаль от дома ветер

смягчал плач, размывал его, укутывал в складки холодной ночной дрожи.

– Как вы меня нашли? – весьма понуро спросил Морган, заложив большие пальцы в карманы джинсов.

– Через медсестру в «Брайарвуде», – ответил Хоппер.

– Которую?

– Она не представилась, – сказал я. – Молодая. Рыжие волосы, веснушки.

Он кивнул:

– Женевьева Уилсон.

– Вы с ней дружите?

– Не особо. Но я слышал, она подняла вонь до небес в администрации, когда меня выперли.

– Вы работали в «Брайарвуде»?

Он опять кивнул.

– Чем занимались?

– Служба безопасности.

– Долго?

– Лет семь. А до того – в Вудбёрне то же самое. В «Брайарвуде» уже нацелился на повышение. Думал, буду замначальника. – Он грустно улыбнулся, посмотрел мимо меня на свой дом – озадаченно, точно не узнавал его или не помнил, с чего вдруг тут поселился. – Вы вообще кто?

– Частные детективы, – не в силах скрыть восторга, ответила Нора.

Сэм Спейд только что перевернулся в гробу.^[30] Я был уверен, что Морган враз раскусит нашу прозрачную ложь, но тот лишь кивнул.

– Кто вас нанял? – серьезно спросил он. – Ее семья?

В смысле – семья Александры.

– Мы в свободном полете, – ответил я.

– Можно все строго между нами, – вставила Нора.

Он и это проглотил; посмотрел на черную воду в бассейне. Похоже, решил я, ему все равно, кто мы. Порой людей так тяготит тайна, что они готовы выдать ее за здорово живешь первому, кто готов выслушать.

– Стейс не в курсе, – сказал он. – Думает, меня уволили, потому что мы адвентисты, а в «Брайарвуде» про это узнали.

– Так оно и останется, – сказал Хоппер. – Как вы познакомились с Сандрой?

Но Морган не слушал. Увидел что-то в бассейне и отвлекся. Нахмурившись, отошел, подобрал ветку, сунул в воду и поворошил гниющие листья и грязь.

Со дна всплыло что-то громоздкое. Морган подцепил его веткой и подтащил к себе.

Может, зверек утоп, подумал я. Белка, опоссум. Нора тоже сделала такой вывод и смотрела на меня в горестном ужасе. Морган сунул руку в воду и выволок мокрого утопленника.

Оказалось, пластмассовая кукла-голыш.

У куклы не хватало глаза и половины волос, в остатках желтой шевелюры застряла листва. С куклы текла почерневшая вода, и однако она улыбалась, как маньяк, раздувая щеки. Белое сборчатое платье в черных пятнах, по шее отвратительными ростками цветной капусты расползся какой-то грибок. Пухлые ручки тянулись в пустоту.

— За последние недели я весь дом перевернул, пока ее искал, — пробубнил Морган, трясая головой. — Дочка плакала три дня, что кукла потерялась. Так и не нашел. Как будто кукле все обрыдло, и она слиняла из дома куда подальше. Ну, я посадил дочь перед собой — так, мол, и так, кукла умерла, поселилась с Господом на небесах. А она была тут, значит.

Он усмехнулся над иронией судьбы — напряженный, раздраженный смешок.

— Как Сандра выбралась из «Брайарвуда»? — спросил Хоппер и глянул на меня со значением — дескать, с мужиком что-то не то.

— Со мной, — просто ответил Морган, не отводя глаз от куклы.

Хоппер кивнул, подождал развития истории. Развития не последовало.

— Но как? — тихо повторил Хоппер.

Будто вспомнив, что мы еще здесь, Морган поднял глаза и грустно улыбнулся:

— Забавно. Одна ночь меняет всю твою жизнь, а начинается как все ночи.

Куклу он держал за ногу — платье задралось ей на голову, открыв кружевные трусы, и истекало чернотой в траву.

— Я подменял друга, — сказал Морган. — В ночную смену. Стейс ненавидела, когда я ночами работал, а мне нравилось на мониторы смотреть. Работенка — не бей лежачего. Сажу один в задней комнате. Пациенты спят, в коридорах ни души, тихо. Ты как будто последний живой человек на земле. — Он откашлялся. — Было часа три ночи. Я особо не следил. Журналы читал. Не положено, но я миллион раз так делал. Ничего же не происходит. Никогда ничего, только медсестры «красные коды» проверяют.

— Что такое «красные коды»? — спросил я.

— Пациенты с суицидными наклонностями.

– А «серебряный код»? – спросил Хоппер.

– Этих держат отдельно – они могут повредить себе и другим. Я дежурил всю ночь. Все как обычно. Тишина. Листаю журнал, поднимаю голову и вдруг вижу что-то странное. Музыкальная комната на втором этаже в «Страффене». Там кто-то *есть*. И тут раз – монитор переключился. Видео переключается каждые десять секунд. Можно вернуться, посмотреть в реальном времени. Я возвращаюсь, включаю музыкальную комнату. А там девушка. Пациентка – в белой пижаме, как положено. Сидит за пианино. Камера высоко, в углу, я смотрю сверху, ей через плечо. Вижу только, как худые руки бегают по клавишам, темная коса. Никогда прежде эту девицу не видел. Я в основном днем работаю. Со временем пациентов узнаёшь. Ну, включаю звук, увеличиваю громкость...

Он умолк, ладонью огладил макушку, словно сам не верил тому, что сейчас скажет.

– Что? – спросил я.

– Перепугался я.

– Почему?

– Похоже на запись. В основном пациенты на пианино «Сердце и душу»^[31] тарабанят. Я сначала подумал, она этот, полтер... э...

– Полтергейст, – с готовностью подсказала Нора.

– Ну да. Ненастоящая. И играет так яростно, голову опустила, руки мелькают. Потом я решил, что у меня крыша поехала. Вижу странное. Хочу тревогу поднять, но что-то меня удерживает. Она доигрывает, начинает новое, я оглянуться не успел, а уже целых полчаса прошло, потом еще полчаса, а у меня палец все лежит на кнопке – сигнализировать про нарушение режима. Потом она доигрывает и долго-долго просто сидит. А потом очень медленно поднимает голову. Я вижу ее только сбоку, но она как будто...

Он умолк и нервно передернулся.

– Как будто что? – спросил Хоппер.

– Она знала, что я смотрю.

– В смысле? – спросил я.

Он серьезно посмотрел мне в лицо:

– Она меня видела.

– Видела камеру на потолке?

– Не просто камеру. Она встала, а у двери обернулась и улыбнулась прямо мне. – Он недоуменно помолчал, вспоминая. – Я ничего подобного в жизни не встречал. Темноволосый ангел. Выскользнула за дверь. Я за ней проследил. Смотрел, как она идет по коридору, потом наружу. Очень

быстро. Сложно уследить с разных камер. Я видел, как она идет по дорожкам до самого «Модсли». Думал, ее просто обязаны засечь, но она вошла, а на посту никого.

Он растерянно потряс головой.

– Она вбегает внутрь, вверх по черной лестнице, и так несется – как будто вообще не касается земли. Поднимается на третий этаж, мчится в палату. И это тоже невероятно. Она же «серебряный код», при ней медсестра должна дежурить круглосуточно. Я все смотрю. Через двадцать минут вижу охранника и дежурную медсестру с третьего этажа. Поднимаются из подвала, у обоих улыбки до ушей, и я смекаю, что они не постирушку там затеяли. У них романчик. А девушка узнала. – Он помолчал, вытер нос. – Первым делом я уничтожил записи. Их и так никто не проверяет. Если тревоги не было. Но я все равно уничтожил, на всякий случай. Наутро попросил, чтоб меня ставили в ночные смены.

– Это зачем? – не без упрека осведомился Хоппер.

– Должен был снова ее увидеть. – Морган застенчиво пожал плечами. – Она каждую ночь ходила на пианино играть. А я смотрел. Музыка... – Он как будто не мог подобрать слово. – На небесах такое слышишь, если повезло туда попасть. И всю дорогу она на меня внимания не обращала, только *смотрела* под конец. – Морган улыбнулся себе под ноги. – Я хотел узнать, кто она. К историям болезней допуска не было. Ну и наплевать. Я должен был выяснить.

– И что выяснилось? – спросил я.

– Она боялась темноты. Как-то это называется – никла... забыл.

– Никтофобия? – выпалила Нора.

– Точно. Я про это почитал. Такие люди в темноте сходят с ума. Тремор. Судороги. Им кажется, они тонут и умирают. Иногда в обморок падают. Или кончают с собой...

– Погодите, – перебил я. – А Александра разве не в темноте была, когда вы через камеру смотрели?

Морган потряс головой:

– В «Брайарвуде» свет всю ночь. Дорожки и центральный газон освещены для безопасности. В корпусах лампочки с детекторами движения, экономные, и они зажигались, когда она проходила. Иногда с задержкой. Я замечал, она ждет, пока зажжется свет, а потом идет дальше. Снаружи ходила только по светлой стороне дорожек. Не наступала в тень, будто боялась растаять. Очень старательно тени огибала.

Я нахмурился, пытаюсь вообразить такую манеру ходьбы – скачки по кляксам света. Припомнил подъем через «Висячие сады» на крышу

пакгауза в Чайнатауне, – может, слабого света хватало до самого верха? Но у водохранилища в Центральном парке, где Александра в красном пальто мелькала под фонарями, в основном стояла непроглядная тьма.

– И еще, – продолжал Морган, – ее лечащий врач оповестила весь персонал, что Александре запрещено играть на пианино. Мол, это провоцирует маниакальные эпизоды. Разослала служебную записку, а следующей же ночью я впервые Александру и увидел. Она как будто не могла не играть. Ни на что невзирая. – Он помолчал. – На восьмую ночь, уже уходя, она что-то вынула из кармана и на секунду задержалась у пианино. Все очень быстро случилось. Я даже не понял, что увидел-то. Перемотал запись – оказалось, она в пианино что-то засунула. Я дождался конца смены, пошел в «Страффен», в музыкальную комнату. Там еще чувствовался ее запах, присутствие. Духи и тепло, что ли. Я подошел к пианино, заглянул под крышку. Между струн бумажка. Я забрал, но прочел уже в машине.

Он опять умолк, явно смущаясь.

– И что там было? – спросил я.

– Морган!

Грохнула сетчатая дверь.

– Ты чего тут торчишь до сих пор?

На крыльце под лампочкой, прижимая к груди ребенка и ладонью прикрывая глаза, стояла Стейс. Следом вышел еще один ребенок, девочка лет четырех в белой ночнушке – кажется, с вишенками.

– Они что, еще не уехали?!

– Все нормально! – крикнул Морган. Потом шепнул нам: – Езжайте по дорожке, подождите меня, хорошо? – и заспешил по газону.

– О боже мой. Я же сказала, гони их в шею!

– Они из кадров. Проводят опрос. Зато смотри, что я нашел.

– Но нам нельзя... это что еще такое?

– Лялька. Я ее из бассейна спас.

– Ты что, рехнулся?

Девочка заорала – поскольку, несомненно, взглянула на эту куклу. Нора и Хоппер уже шагали по траве. Я пошел за ними, и мы сели в машину. Чета Деволль возвратилась в дом, однако ветер еще доносил к нам их крики.

– Морган влюбился в Сандру, – сказала Нора. – Это же очевидно.

– И ты можешь его упрекнуть? – спросил я. – У него в женах Оно. Не пропусти аллюзию на Стивена Кинга.

– Маньяк он, и все дела, – сказал Хоппер.

Я повернулся к нему:

– А ты помнишь, чтобы в «Шести серебряных озерах» у Александры была никтофобия?

Прожигая меня взглядом, он выдул сигаретный дым в окно.

– Ни фиги.

Мы остановились на повороте и сидели здесь уже сорок пять минут. Не считая наших фар, освещавших неприметную дорогу, петлявшую впереди в густом кустарнике, вокруг стояла крошечная, абсолютно пустая тьма. Ветер крепчал. Настойчиво свистел, оглаживая машину по бокам, и в ветровое стекло нервно постукивали ветви.

– Он, наверное, не придет, – вполголоса заметил я. – Стейс надела на мужика ошейник, отвела назад в подвал и посадила в клетку.

– Ну, она не настолько ужасная, – возразила Нора, пронзив меня взглядом.

– Позволь судить мне как единственному среди нас, кто побывал на темной стороне брака и выжил. Она ужасна. И по сравнению с ней моя бывшая жена – просто мать Тереза.

– Он придет, – буркнул Хоппер. – Иначе никак.

– Почему?

– Ему до смерти охота о ней поговорить.

Он затушил сигарету на стекле и выкинул окурок.

Тут Нора ахнула – в свет фар выступил Морган.

Не знаю, как мы умудрились не услышать его шагов. Как-то странно он выглядел – стоял в своей линялой фланелевой рубашке, неловко моргая и застенчиво потупившись. Поначалу никто ни слова не произнес. Что-то не так. Но Хоппер и Нора уже отпирали дверцы и вылезали из машины. Я еще обождал, разглядывая мужика. Это внезапное бледное видение как будто смущалось – или даже обиделось.

Я вылез, не выключив фары.

– У меня пять минут, – нервно сообщил Морган. – Не то Стейс достанет дробовик.

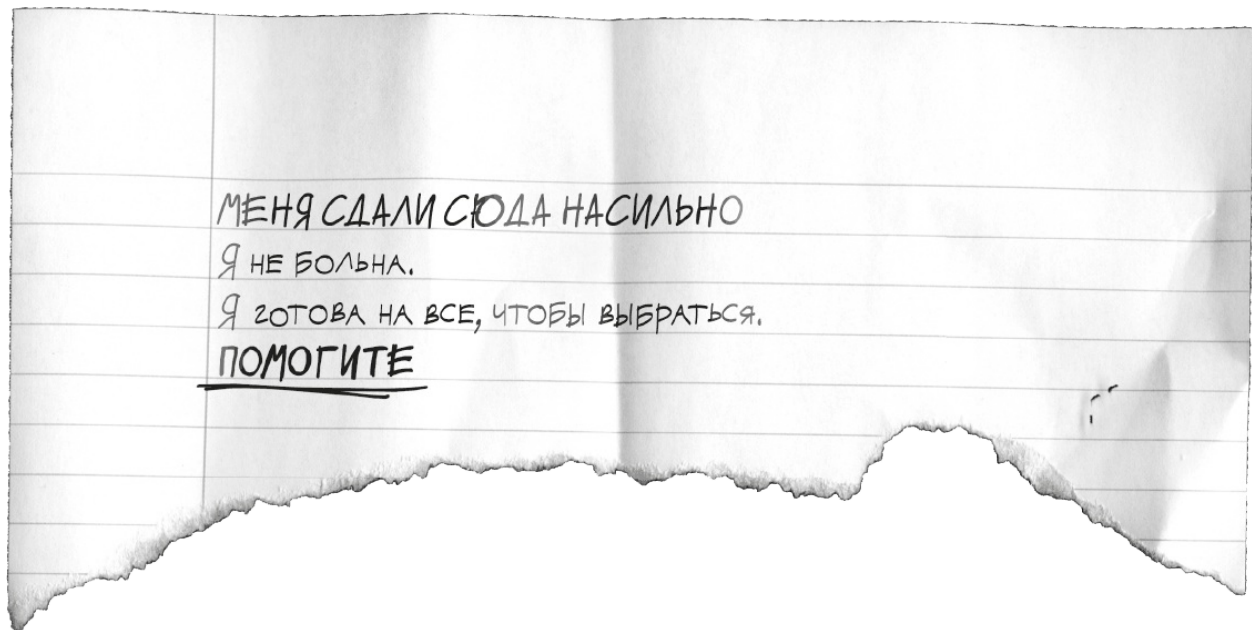
Видимо, это была шутка. Впрочем, говорил он пугающе серьезно.

Хлопая глазами, он протянул нам сложенную бумажку.

Хоппер выхватил ее, подозрительно покосился на Моргана и в свете фар развернул. С непроницаемой гримасой прочел, передал Норе,

та глянула, распахнув глаза, и протянула мне.

Листок, выданный из линованного блокнота.

– Три недели планировал, – сказал Морган. – Решил, подменю видеозаписи. Поставлю старые вместо тех, что в реальном времени. Тайм-коды не совпадут, но никто ж не проверяет. Сходил в гардероб, где вещи пациентов до выписки хранят, забрал ее одежду, сложил дома в коробку. У нее было только красно-черное пальто. Очень модное.

– И все? – спросил я, отметив, как странно, старательно он это выговорил. Я поневоле вообразил, как он беззвучно выскальзывал из постели среди ночи, пока Стейс спала, прокрадывался в темный подвал, открывал картонную коробку, смотрел на красное пальто – то самое пальто.

– Ага, – сказал он. – Все.

– А мобильный? Сумка?

Он покачал головой:

– Не-а.

– А остальная одежда?

– Ничего. У нее, понимаете, отец знаменитый. В Голливуде кино снимает. Я решил, ей захочется красивых тряпок. Оставил записку, спросил размеры. Потом взял отгул, съездил в Либерти, купил джинсы какие-то, черные ботинки и красивую черную футболку с ангелом.

В этой одежде Александра и умерла.

– Когда все разрулил, – продолжал Морган, – сходил в музыкальную

комнату, оставил записку между струн в пианино, где она мне оставляла. Мол, когда будет готова, пускай сыграет «Вспыхни, звездочка, мигни»^[32]. Это мне будет зеленый свет. Прямо на следующую ночь я приду за ней в два часа, пока медсестра с охранником кувыркаются в бойлерной.

– Почему именно эту песню? – спросил я.

– Александра ее прежде играла, – улыбнулся он. – Как услышу – вспоминаю ее. В ту ночь Стейс загремела в больницу на постельный режим. Пришлось перейти на дневные смены. Александру не видел неделю. Боялся, что она сыграла, а я пропустил. Но в первую же мою ночную смену она прибежала в музыкальную комнату, и я записывал, не знал, сыграет ли. А она *сыграла*. Прямо под конец. То есть все по плану.

Морган посмотрел на нас – в глазках мерцал свет. Вспоминая, он снова оживился.

– На следующую ночь, где-то около часу, я поставил старые видеозаписи. Сказал дежурному на въезде, что у Стейс опять тревога по беременности и мне надо срочно домой. Пошел в «Модсли», думал, придется просачиваться в палату. А Александра уже стоит у дверей в этой своей белой пижаме, ждет. Сердце у меня колотится как ненормальное. Дергаюсь, как школьник, потому что, ну, я же впервые ее вижу во плоти. А она берет меня за руку, и мы бежим по газону, вот так запросто. – Он застенчиво ухмыльнулся. – Как будто *она* вела *меня*. Как будто это *она* все спланировала. Я открыл багажник, она туда забралась, и мы уехали.

– В багажнике же темно? – спросила Нора. – Если у Александры никтофобия, она бы туда не полезла.

Морган гордо улыбнулся:

– Я все предусмотрел. Положил ей два фонарика, чтоб не боялась.

– А на воротах вас не остановили? – спросил я.

– Остановили, конечно. Но я сказал, что жена опять заболела, и меня пропустили. Как только выехали, я остановился, Александра вылезла из багажника. Я привез ее сюда – душ принять, переодеться. И дочку спать уложил. Стейс еще не выписали, за ребенком соседка приглядывала. Я спросил Александру, куда она хочет дальше, а она сказала, что на станцию, потому что ей надо в Нью-Йорк.

– Она сказала зачем? – спросил я.

– Я так понял, встретиться с кем-то.

– С кем? – встрял Хоппер.

– Не знаю. Она застенчивая была. Молчаливая. Только смотрела на меня. Но дочка моя, Мелли, ей понравилась. Почитала ей на ночь, пока я Стейс в больницу звонил.

– А куда именно в Нью-Йорк она ехала? – спросил я.

– «Уолфорд-Тауэрс»? Что-то такое.

– Это она вам сказала?

Он виновато потупился:

– Нет. Она попросилась к компьютеру. Пока была в ванной, я проверил в браузере, куда она заходила. На сайт отеля какого-то на Парк-авеню.

– «Уолдорф-Тауэрс»? – предположил я.

Морган кивнул:

– Вроде похоже. Она оделась, нацепила это красное пальто, и я в жизни никого красивее не встречал. Повез ее на станцию. Добрались часа в четыре утра. Я дал ей денег каких-то, оставил в машине, а сам пошел добывать два билета до Гранд-Сентрал.

– Два билета? – переспросил я.

Он сконфуженно кивнул.

– Вы хотели уехать с ней.

Он опять потупился:

– Сейчас-то сам понимаю, что бред. Но я романтик. Думал, мы вместе уедем. Она все время мне улыбалась. Но когда я вернулся к машине с билетами, ее уже не было. Я видел, как подъехал поезд. Выбежал на платформу, а двери уже закрылись. Я бегу, в вагоны заглядываю, мне дурно уже, а потом я ее нашел. Сидела прямо у окна. Я постучал. А она медленно так повернулась, посмотрела на меня. До конца жизни этот взгляд не забуду.

Он помолчал, ссутулился.

– Она меня не узнала.

Он с дрожью выдохнул.

– И вскоре вас уволили? – тихо спросил я.

Он кивнул:

– Как выяснилось, что Александра пропала, меня сразу вычислили.

– Когда вам стало известно, что она умерла?

Он прикрыл глаза:

– Президент клиники меня вызвал.

– Аллан Каннингэм?

– Он самый. Сказал, что по закону мне ничего не будет, если дам подписку о неразглашении, заявлю, что действовал один, и никогда, ни за что на свете никому не расскажу...

– Морган!!!

Опять Стейс. Перепугала нас всех – мало того что голос пронзительный, так еще и совсем близко. Мы не видели ее, но по темной

гравийной дороге к нам приближались тяжелые шаги.

– Морган! Они что, еще не уехали?

– Лучше сматывайтесь, – прошипел Морган.

Я оглянуться не успел, как он вырвал у меня из рук бумажку и помчался назад по дороге.

Я кинулся за ним:

– Записка – мы бы хотели оставить...

Но он улепетывал с отменным проворством. Я едва за ним поспевал.

На гребне холма возникла Стейс. Я застыл. Дробовиком она не размахивала – что ужаснее, она размахивала детьми. На руках у нее лежал полуголый младенец, а за руку, посасывая палец, держалась девчонка в ночнушке.

– Они уезжают, – сказал Морган. – Не поняли, как до шоссе добраться.

Он обнял ее за плечи, что-то еще сказал и повел семейство в дом, на ходу запихивая бумажку в задний карман.

Вот черт. Я хотел забрать записку, сравнить почерк с тем, что на конверте с обезьяной.

Деволли скрылись, но я слышал, как они шуршат листвой. Стейс невнятно огрызалась, младенец хныкал.

Я развернулся и зашагал по гравию туда, где в луче фар меня ждали Хоппер и Нора. Не успел я сделать и десяти шагов, позади покотился камешек.

Я вздрогнул, обернулся и обнаружил, что не один.

За мной шла девчонка в ночнушке.

Лицо во тьме – точно камень, глаза – черные провалы.

Шла она босиком. Белизна ночной рубашки сияла лиловым; вишенки походили на звенья цепей и колючую проволоку. Приглядевшись, я заметил, что на сгибе локтя она несет гнилую утопленницу *Ляльку*.

Сначала накатило отвращение, затем острое желание бежать со всех ног.

Девочка вытянула руку. По спине у меня побежали мурашки.

Она целилась в меня взглядом, крепко сжимая в кулачке что-то черное и блестящее. Не поймешь что, но похоже на пупса.

Не успел я сообразить, что творится, она развернулась, бросилась назад по дороге и белым вихрем исчезла за гребнем.

Я постоял, озирая пустоту холма, отчего-то предчувствуя, что девочка вернется.

Она не вернулась. И стояла поразительная тишина.

Ни намек на карканье Стейс, ни младенческого хныканья, ни шагов,

ни скрипа сетчатой двери, ни грохота – ничего, только ветер распахивал кусты.

Даже далекая собака заткнулась.

Я потрусил к машине.

– Что такое? – спросил Хоппер.

– Девчонка его за мной увязалась.

Мы сели в машину и вскоре уже мчались назад по Бентон-Холлоу-роуд. Хоппер и Нора помалкивали, но я подозревал, что и они вздохнули с облегчением, едва расстояние между нами и Деволлями стало ощутимо расти.

– Вот что бывает от неправильной жены, – сказал я. – Жена создает мужчине обстановку. Чуть оступился – и до скончания дней своих из пластмассовых колонок слушаешь на повторе гундосый мюзак Майкла Болтона^[33]. Потому что надо включать мозги. Конечно, мужик хотел слинять. Я его не виню.

– Он debil и лузер, – отозвался Хоппер с заднего сиденья.

– И так тоже можно сказать.

Мы мчались по Нью-Джерсийской, обсуждая Моргана Деволля и все, что узнали про Александру в «Брайарвуде»; еще несколько минут – и Нью-Йорк.

Все-таки прекрасен этот город: пусть ты провел несколько нервных часов в сельском пейзаже, среди медсестер, которые бросаются тебе под колеса, и диковатых семей, но Манхэттен все ближе, ты смотришь на ошетилившийся городской силуэт – а затем на мужика, который только что подрезал тебя на «ниссане», извергающем техано-польку на максимальной громкости, – и понимаешь, что мир по-прежнему хорош.

– Сандра ему играла, – продолжал Хоппер, не отводя взгляда от телефона, жужжащего сообщениями. – Понимала, что кто-то смотрит. Решила, что этот неизвестный кто-то и поможет ей сбежать.

– А страх темноты? – спросил я, покосившись на Нору. – И кстати. Откуда ты слово-то знала? Никтофобия?

Нора распустила длинные косы и теперь рассеянно глядела в окно, распутывая кончики.

– Терра-Эрмоса, – ответила она. – На втором этаже жил такой господин, Эд. Читал списки фобий и хвастался, какие у него есть.

Никтофобии не было. Зато была автоматонофобия.

– А это что?

– Боязнь чревовещательских кукол. И вообще восковых лиц. Сходил посмотреть «Аватар» – так его потом госпитализировали.

– В Верхний Ист-Сайд ему лучше не соваться.

– Это все фигня, – сказал Хоппер, смахивая челку с глаз. – Сандра не боялась темноты. Небось, прикидывалась, чтоб врачи лишний раз не трогали.

– А как она смотрела на Моргана из поезда? – сказала Нора. – Может, правда не узнала. Может, у нее амнезия, потеря кратковременной памяти какая-нибудь.

– Да нет, – возразил Хоппер. – Он свою задачу выполнил, она умыла руки. Все.

– Меня одно беспокоит, – сказала Нора.

– *Только одно?* – переспросил я.

– Морган сказал, Сандра читала его дочери на ночь.

– И что?

– Не станешь ведь незнакомого человека, которого только что спас из психушки, пускать к ребенку, правда?

– Ну, звание отца года Моргану явно *не светит*. А невеста Чаки, которую он из бассейна выудил? *Лялька*. Не говоря уж об этой козьявке, которая увязалась за мной. Когда вырастет, я б ей рекомендовал подольше погостить в «Брайарвуде».

Нора склонила голову набок:

– Вы как думаете, он же не обидел Сандру? Когда привез домой переодеться – он так рассказывал, меня аж мороз подирал.

– Он и пальцем ее не тронул, – вмешался Хоппер.

– А ты откуда знаешь? – обернулась к нему Нора.

– Иначе он был бы мигом серьезно покалечен.

Вздвогнув от его тона, я глянул в зеркало заднего вида. Хоппер смотрел в окно, по лицу скользили огни машин. За последние часы я уверился, что его знакомство с Александрой – *Сандрой* – существенно глубже, нежели якобы случайное пересечение многолетней давности. Хоппер знал ее лучше, чем утверждал, либо пристально наблюдал за ней – может, издали, как Деволль. Подмывало надавить – пусть признает, что рассказал не все, – но я решил обождать. Хоппер, небось, только и будет что сверкать глазами и огрызаться, а пользы выйдет ноль.

Я глянул на приборную доску – на часах 21:42.

– Ну, где вас высадить?

Нора обернулась ко мне:

– Мы еще не закончили. Теперь в этот «Уолдорф», – может, там кто-то видел Сандру. Морган сказал, она ехала туда. Нам тоже надо.

– Пристойный план, – буркнул Хоппер, встретившись со мной взглядом в зеркале.

– Не без натяжки, – сказал я. – Но ладно. Давайте проверим.

Как и большинство ньюйоркцев, «Уолдорф-Асторию» я старательно избегал. Он у нас – как очень богатая, очень грузная и, по счастью, очень дальняя родственница, двоюродная бабка с тремя лишними подбородками, вся в тафте и с таким командирским нравом, что с ней даже не надо видаться, достаточно услышать ее – и общения хватает на ближайшие пятнадцать лет.

Но если вознамеришься проникнуть в вестибюль сквозь вращающиеся двери ар-деко, мимо бизнесменов из Милуоки и унитариянской делегации, сделаешь передышку, а затем пробьешься сквозь толпу вверх по устланной ковром лестнице, минуешь очередь в «Старбакс» и женщину, которая катит чемодан прямо по твоим туфлям, – на тебя тотчас обрушится раздутая роскошь. Сводчатые потолки. Пальмы. Позолоченные часы. Мрамор. Если в отеле имеет место свадебный прием – а свадебный прием, как правило, имеет место, жених и невеста, Бобби и Марси из Мэссепикве, *Ложно-Айленд*, – вестибюль пульсирует, как школьная дискотека в спортзале.

Следом за мной Хоппер и Нора одолели вестибюль, увернувшись от большого семейства в одинаковых свитерах «Ред Сокс», и добрались до скромной деревянной двери. Золотая табличка гласила: «Уолдорф-Тауэрс» – очень деликатно, чтоб никто и не заметил.

Мы прошагали по коридору и вошли в лифт.

– Ты тут все знаешь, – отметила Нора, когда я нажал «Ж».

Это, увы, правда.

«Уолдорф-Астория» – обманка, отвлекающая публику от крыла, где останавливались солидные люди, от эксклюзивного «Уолдорф-Тауэрс», любимого отеля президентов, герцога и герцогини Виндзорских, саудовских принцев и всевозможных деловых транжир с Уолл-стрит, назначающих здесь свидания любовницам. Как ни прискорбно, примерно в этом ключе познал отель и я.

Я этим не горжусь – и уж точно никому не рекомендую, – но вскоре

после развода я пережил полугодовой ад, вляпавшись в роман с замужней женщиной. И встречался я с нею в «Уолдорф-Тауэрс» целых шестнадцать раз – впрочем, лишь после того, как она принялась по электронной почте слать мне отзывы (тоном недовольного мною начальства) о первой гостинице, которую я выбрал для наших забав, гостинице, которую я мог себе позволить, – обычном «Фицпатрик-Манхэттене» на Лексингтон, преданной клиентуре известном под названием «Фиц», – мол, расположен слишком близко к ее офису, в номерах темновато, простыни воняют, а портье странно посмотрел, когда спросил, надо ли занести багаж в номер, а она объявила, что багажа у нее нет и в номере она пробудет всего сорок пять минут.

Лифт выплюнул нас в вестибюль «Уолдорф-Тауэрс» – небольшой, изысканный и совершенно пустой.

Мы направились за угол к стойке портье, где одиноко торчал юнец родом с Ближнего Востока. Был он высок, узкоплеч и темноглаз. На бирке значилось имя: «Хашим».

Я лаконично представился.

– Мы надеялись, вы нам поможете, – прибавил я. – Мы ищем сведения о пропавшей женщине. И думаем, что в последний месяц она появлялась здесь.

Он, похоже, заинтересовался. И, по счастью, не выразил желания позвать управляющего.

– Не глянете на фотографию? – спросил я.

– Конечно. – Бодрая и доброжелательная речь позолочена британским акцентом.

Из внутреннего кармана куртки я извлек сообщение о пропаже Александры, свернул так, чтобы видно было только фотографию, и показал ему.

– Когда она здесь появлялась? – спросил Хашим.

– Несколько недель назад.

Он вернул мне фотографию.

– Простите. Никогда ее не видел. По фотографии, конечно, трудно сказать. Если хотите, я сделаю копию и повешу в конторе, – может, кто еще из сотрудников видел или вспомнит.

– Ничего из ряда вон не случилось?

– Ничего.

– А камеры в вестибюле у вас есть?

– Камеры есть. Но вам понадобится ордер. Вы же, надо думать, сообщили в полицию?

Я кивнул, и Хашим улыбкой транслировал мне бесконечное пятизвездочное сожаление о том, что больше ничем не может быть полезен, а нам уже пора.

– Она была вот в этом, – сказала Нора, извлекла из пакета красное пальто и комом водрузила на обитую кожей стойку.

Хашим посмотрел, хотел было мотнуть головой, но что-то его остановило.

– Вы узнаете эту вещь, – заметил я.

Он озадаченно разглядывал пальто.

– Нет. Просто одна горничная сообщила об инциденте. Некоторое время назад. По-моему, речь шла о человеке в красном пальто. Я запомнил, потому что сегодня утром вопрос возник опять. Та же горничная отказалась прибираться на одном этаже. Вышло затруднение – мы сейчас забиты под завязку.

Подняв голову, Хашим обнаружил, что мы втроем напряженно подались к нему через стойку, и в тревоге попятился.

– Может, оставите телефон, и управляющий с вами свяжется?

– На управляющего нет времени, – сказал Хоппер и придвинулся еще ближе, оттолкнув Нору. – Человек пропал, каждая минута на счету. Нам нужно поговорить с горничной. Я понимаю, вам придется обойти пару-тройку правил, но... – И он улыбнулся. – Мы были бы признательны.

Это я еще в машине предложил говорить, что Александра не умерла, а пропала: по моему опыту, пропавшие люди эффективнее провоцируют спешку и готовность помочь. Стратегия оказалась выигрышной. Или Хашима пробила и ошпарила внешность Хоппера: портье на него как-то загляделся. В лице кратко мелькнуло откровенное желание – неопровержимое, как нефтяной танкер, что подмигивает встречному судну. Хашим взял телефонную трубку, зажал ее плечом и натякал номер.

– Сара. Хашим, портье. Гвадалупе Санчес. Пару недель назад сообщила об инциденте. Там же было что-то про красное пальто? Вроде как... ага. – Послушал. – Она сегодня еще дежурит? – Еще послушал. – Двадцать девятый. Отлично, спасибо.

И дал отбой.

– Пойдемте, – сказал он, скупно улыбнувшись Хопперу.

В лифте Хашим вставил в слот белую карточку и нажал «29».

Поднимались молча. Хашим изредка косился на Хоппера, тот пялился на свои «конверсы». Уж не знаю, о чем они безмолвно переговаривались, но успех был достигнут: когда двери открылись, Хашим выскочил первым и бодро зашагал по кремовому коридору.

В конце припарковалась тележка горничной – туда мы и направились. Нора подзадержалась: ее заворожили черно-белые фотографии по стенам, портреты Фрэнка Синатры и королевы Елизаветы.

Хашим решительно постучал в приоткрытую дверь с табличкой «29F»:
– Мисс Санчес?

И толкнул дверь. Мы гуськом потянулись в пустую гостиную: голубые диваны, голубой ковер, по стенам экстравагантная роспись – греческие колонны и синекожая богиня.

За кухонной нишей открылась спальня, где застилала постель миниатюрная седая горничная. Латиноамериканка, платье – оттенка пасмурного моря. Нас она не заметила, потому что слушала музыку – к руке приторочен мятно-зеленый айпод.

Подтыкая простыню, она пошла вокруг кровати и тут увидела нас.

Пронзительно взвизгнула, зажала рот рукой и выкатила глаза.

Можно подумать, мы явились в капюшонах и с косами.

Хашим по-испански извинился, что напугал ее, и женщина – Гвадалупе Санчес, надо полагать, – вынула наушники из ушей и что-то сипло пробормотала в ответ.

– Как у вас с гватемальским испанским? – весело спросил Хашим.

– Так себе, – сказал я.

Нора и Хоппер затрясли головами.

– Тогда я постараюсь перевести. – Он чопорно обернулся к горничной и выпустил в нее заряд безупречного испанского.

Слушала она с живым интересом. Временами переводила взгляд с Хашима на нас. Один раз – видимо, когда он объяснил, зачем мы пришли, – закивала почти благоговейно и зашептала «sí, sí, sí»^[34]. Затем обогнула кровать и приблизилась – медленно, опасливо, словно мы быки, что вот-вот ринутся в атаку.

Вблизи я разглядел, что у нее круглое девчачье лицо, толстые младенческие щеки, но карамельная кожа испещрена морщинами, точно бумажный пакет, смятый в кулаке, а затем расправленный.

– Покажите ей снимок, – велел Хашим.

Я вынул бумагу из кармана.

Горничная аккуратно расправила очки, нацепила их на кончик носа и взяла фотографию. Что-то сказала по-испански.

– Она узнаёт, – пояснил Хашим.

Нора пошуршала пакетом «Цельных продуктов», встряхнула пальто за плечи и предъявила горничной.

Едва взглянув, та застыла и что-то зашептала.

– Ей кажется, она уже видела это пальто, – отрапортовал Хашим.

– «Кажется»? – переспросил я. – По-моему, она вполне убеждена.

Он неловко улыбнулся, о чем-то спросил горничную. Та отвечала серьезно и тихо, не спуская глаз с пальто, словно боялась, что оно вот-вот оживет. Хашим перебил, задал другой вопрос, и она ответила с жаром, попятившись. Говорила несколько минут, временами до того театрально, что в ее прошлом я заподозрил блистательные съемки в мыльных операх «Веневисьон». Мысленно вгрызшись в поток испанского, я попытался извлечь знакомое слово – и вдруг извлек.

Chaqueta del diablo. Дьявольская куртка.

– Ну? – спросил я Хашима, когда горничная умолкла, а он и рта не раскрыл.

Хашим раздражился.

– Дело было несколько недель назад, – сказал он. – В пять утра. Она только-только вышла на смену, на тридцатом этаже.

Гвадалупе пристально за ним наблюдала. Он улыбнулся ей, не разжимая губ.

– Она отперла номер и заметила что-то в конце коридора. Красный силуэт. Толком не разглядела. Забыла дома очки. Просто красное пятно. Решила, что чемодан. – Он кашлянул. – Через сорок пять минут она закончила уборку и вышла. В конце коридора по-прежнему было что-то красное. Но оно *шевелилось*. Гвадалупе подкатила тележку и увидела, что это девушка. С фотографии. Сидела на полу, под стенкой. В этом пальто.

– А дальше? – спросил Хоппер.

– Больше ничего, увы.

– Гвадалупе с ней разговаривала? – спросил я.

– Нет. Встряхнула ее, но девушка была в наркотическом ступоре. Лупе побежала к охранникам. Они поднялись на этаж, но девушка уже исчезла. И больше ее никто не видел.

– А она не помнит точно, когда это произошло? – спросил я. – Это бы очень пригодилось.

– Она не помнит. Несколько недель назад.

Гвадалупе грустно мне улыбнулась, а потом, словно припомнив, что-то прибавила, вытянув вперед правую руку. Станный жест: пальцы

скрючились когтями, будто она цеплялась за невидимую дверную ручку. Затем показала на левый глаз и нервно затрясла головой.

– Что она говорит? – спросил я.

– Гвадалупе сильно переживает, – ответил Хашим. – Бродяжки у нас в коридорах – необычный случай. А теперь, если вы не против, пусть Лупе вернется к работе.

Его пятизвездочная манера растеряла примерно четыре звезды. Даже Хоппер не уговорил бы его продолжить беседу. Более того, Хашим нарочно на него не смотрел.

– Внизу вы сказали, что сегодня утром она не хотела работать на своем этаже, – сказал я. – А это почему?

– Очень испугалась. Нам пора вернуться в вестибюль. Если у вас остались вопросы, пожалуйста, обратитесь с ними в полицию. – Он что-то еще сказал Гвадалупе и направился к двери.

Под напряженным взглядом Гвадалупе Нора запихала пальто в пакет, и мы тоже двинулись прочь; но едва Хашим скрылся в гостиной, я украдкой кинулся назад в спальню.

Я хотел остаться с Гвадалупе наедине, – может, она скажет еще что-нибудь, а я потом переведу. Она стояла в ванной над раковиной розового мрамора. Посмотрела на меня в зеркало. И в глазах у нее была такая паника, что я и сам запаниковал. Она собралась что-то сказать и уже открыла рот.

– Сэр! – рявкнул Хашим за моей спиной. – Уходите немедленно, или я вызову охрану.

– Я только хотел поблагодарить Гвадалупе.

Я напоследок оглянулся – Хашим напугал горничную, и она уже отвернулась, склонилась над ванной – и вышел из номера.

– Дальше вам поможет полиция, – сказал Хашим, выпроводив нас из отеля на Восточную Пятидесятую. – Желаю вам всяческих удач.

Посмотрел, как мы дошли до перекрестка с Парк-авеню у церкви Святого Варфоломея, сказал что-то швейцару – несомненно, велел вызывать охрану, если мы снова появимся, – и исчез внутри.

Дело к полуночи, ночь ясна и холодна. На Парк-авеню ревели такси и лимузины, однако широкие тротуары к северу были тихи и пустынные, а от величественной архитектуры остались лишь пустотелые соборы

на фоне небес. Невзирая на плотное движение, здесь было одиноко. Паперть усеивали черные неподвижные силуэты – люди в громоздких пальто спали на картонках. словно темные киты, внезапным отливом брошенные на ступенях.

– Ну, что думаешь? – спросила меня Нора.

– Про Лупе? Слегка мелодраматична, но наверняка говорила правду. Насколько сама ее понимает.

– Почему Сандра спала на полу на тридцатом этаже?

– Может, жила у кого-то. Не было ключа. Или с кем-то встречалась.

– Ты видел, как Лупе смотрела на пальто. Как будто оно ее сейчас укусит.

– Назвала его «дьявольская куртка». Хашим забыл упомянуть.

– Он много чего забыл упомянуть, – вмешался Хоппер. До того он все оглядывался на двери отеля, но теперь подошел к нам, роясь в карманах. – Половину сочинил.

– Так ты знаешь испанский, – сказал я.

– Я с семи лет жил в Каракасе. А потом с год таскался по Аргентине и Перу, – небрежно объявил он, выбил сигарету из пачки и принялся закуривать, повернувшись к ветру спиной.

– Как Че Гевара в «Дневниках мотоциклиста»^[35]? – спросила Нора.

– Не совсем. Это был ад. Зато хоть для чего-то пригодилось. Скажем, сразу понятно, когда меня дурят.

Ты подумай, а? Я и не ожидал, что пацан двуязычный. Впрочем, он ведь и впрямь проговорился в нашу первую встречу: «Я мотался с маманей по Южной Америке, она тогда на одной миссионерской секте крышей поехала. Я слинял».

– Я хотел проверить, не врет ли он. А он врал и не краснел. – Хоппер выдул длинную струю дыма. – Он мне не понравился.

– Зато ему понравился ты.

Хоппер не удостоил ответом это замечание, сразу от него заскучив.

– Ну и что она говорила на самом деле? – спросил я.

– Там трудно было разобраться, гватемальский же диалект. Плюс у нее шарики за ролики заехали.

– Почему шарики за ролики? – удивилась Нора.

– Она верит в привидений, духов – типа они вокруг нас тут плавают, вроде пыльцы. Минут пятнадцать разорялась про то, как она из рода сплошных *curanderas*.

– Это кто? – спросил я.

– Целительницы народные, типа того. Я про них слыхал. Лечат тело

и душу. Все проблемы враз исправят.

– Так где он соврал-то?

– Он правильно сказал, что горничная видела Сандру на тридцатом этаже. Но как только она покатила тележку по коридору, он стал вольничать. На самом деле горничная назвала ее *espíritu rojo*, красным призраком. Она и не думала, что там человек сидит, – решила, что заблудшая душа, застряла между жизнью и смертью. Чем ближе подходила, тем сильнее чувствовалось что-то, как будто менялось земное притяжение. Она присела на корточки и увидела, что Сандра *inconsciente*. Без сознания. Но не от наркотиков. Горничная ее назвала *una mujer de las sombras*. Женщина из теней. – Он пожал плечами. – Без понятия, что это значит. Горничная ее потрогала, и Сандра была холодная как лед. Тогда горничная потрясла ее за плечи, Сандра открыла глаза, и горничная увидела *la cara de la muerte*. Лик смерти. – Он умолк, поразмыслил и прибавил: – Она сказала, Сандра меченая.

– В каком смысле?

– Дьяволом. Я же говорю – эта Лупе психованная. Сказала, что у Сандры в левом глазу второй зрачок, какая-то фигня, и... – Он отшвырнул сигарету. – Она это назвала *huella del mal*. – Он каблуком затоптал окурок, поднял голову и, кажется, удивился, до чего жадно мы ждем перевода. – Это значит «печать зла», – пояснил он.

– Вот почему она себе в левый глаз тыкала, – сказал я.

Нора, онемев, смотрела на Хоппера. Только плотнее скрутила пакет с пальто, будто старалась не выпустить наружу его *aura negativo*^[36].

– А потом что? – спросил я. – На руках у Гвадалупе появились стигматы?

– Она перепугалась, побежала в подвал, схватила сумку, ушла и до вечера проторчала в церкви. Охрану не вызывала – Хашим потому и злился. Она не соблюла протокол. Хашим думал, Сандра бездомная, пригрозил Гвадалупе, что пожалуется на нее начальству. Из-за нас у нее, похоже, проблемы.

Логично. Видимо, с такой странной гримасой глядя в зеркало, Гвадалупе в ужасе раздумывала о том, что рискует потерять работу.

Судя по всему, Хоппер от этой истории предпочитал отмахнуться. Вынул телефон из кармана, пролистал сообщения.

– Я поскакал, – объявил он. – Пока привет.

И, мельком улыбнувшись, ступил на мостовую.

По Парк-авеню приливной волной катили машины, но Хоппер потрусил им наперерез – то ли не замечал, то ли плевать хотел, что его

могут сбить. Такси дало по тормозам и загудело, но Хоппер даже не обернулся, прыгнул на разделительную полосу, переждал поток на встречной и устремился к тротуару, а мы с Норой молча смотрели ему вслед.

Нора не хотела, чтоб я подвозил ее домой, но я настоял, и она велела остановиться на углу Девятой и Пятьдесят второй. По дороге мы ни словом не обменялись.

День выдался, мягко говоря, *долгий*. Я ничего не ел, кроме железных конфет и кукурузных чипсов. От беспрестанного Хопперова курения в голове завелась тупая боль. Все, что мы выяснили про Александру, – побег из «Брайарвуда», видение, явленное горничной, – было слишком свежо и осмыслению в такой час не поддавалось. Надо вернуться домой, залить в себя стакан, уснуть и посмотреть, как оно все будет выглядеть поутру.

Я свернул влево на Девятую и затормозил перед корейским продуктовым.

– Спасибо, что подвез, – сказала Нора, вцепившись в сумочную лямку и открывая дверцу.

– А работу ты сегодня прогуляла? – спросил я. – Во «Временах года»?

– Ой, да нет. У меня вчера был последний день. Постоянная девочка рожала, а теперь вернулась. Я завтра выхожу официанткой в «Марс две тысячи сто двенадцать».

– Где твоя квартира?

– Там. – Она неопределенно указала куда-то за плечо. – Ну, наверное, еще увидимся. – Улыбнулась, взвалила на плечо сумку, хлопнула дверцей и пошла прочь.

Я остался. Ярдах в десяти Нора оглянулась – явно проверяла, уехал ли я, – и зашагала дальше.

Еще увидимся.

Я свернул на Девятую, остановился на красный. Нора уходила; замедлила шаг, опять оглянулась. Должно быть, увидела меня, потому что мигом взбежала на крыльцо первого же убогого дома.

Гос-споди боже. Сартр не шутил, говоря, что ад – это другие.

На светофоре загорелся зеленый. Я дал по газам, нацелившись в правую полосу, но меня тут же подрезал автобус с «гармошкой».

Как обычно, шофер водил так, будто он, сволочь, за рулем «смарта», а не сороконожки длиной в квартал. Я затормозил, подождал, пока он проедет, свернул вправо на Пятьдесят первую, потом на Девятую, потом на Пятьдесят вторую.

Спрятавшись за грузовиком, я тотчас заметил Нору.

Она сидела на парапете крыльца того дома, куда якобы удалилась, и смотрела в телефон. Посидела, встала, из-за колонн украдкой посмотрела туда, где я только что ее высадил. Увидев, что я наконец исчез, сбежала по ступенькам и направилась обратно на угол.

Я потихоньку выдвинулся на улицу. Нора миновала корейскую лавку, прошла сквозь строй свежих цветов – по пути сказав что-то старому продавцу – и нырнула в дверь.

Я затормозил и подождал. Вскоре она вынесла на улицу две сумищи «Дуэйн Рид», с которыми приходила в «Помпон», а также – удивительное дело – цилиндрическую белую клетку для птиц.

С этим обильным багажом перешла дорогу и направилась по Девятой к югу.

Я подождал зеленого и повернул направо, наблюдая, как Нора волочется по тротуару впереди. Я притормозил, чтоб ее не обогнать, – таксист позади меня налег на клаксон – и увидел, как она остановилась у двери возле узенькой витрины. На вывеске значилось: «Бабл-о-мат». Нора вдавила кнопку, подождала и исчезла внутри.

Я прибавил газу, вырулил на Пятьдесят первую, припарковался у пожарного гидранта. Запер машину и пешком вернулся на Девятую.

Стеклянный фасад «Бабл-о-мата» пестрел наклейками: «Вестерн Юнион», «Обналичиваем чеки», «Круглосуточные финансовые услуги». Заведение было крошечное: бурый ковролин, пара складных стульев, груды коробок на полу. В задней стене – окошко кассы за пуленепробиваемым стеклом.

Я позвонил. Задняя дверь открылась не сразу. Наружу высунулась голова лысого здоровяка.

Мужик щеголял мордой цвета копченой говядины и черной рубашкой с коротким рукавом. Он нажал переключатель на стене, и дверь со щелчком открылась.

Я вошел, а мордovorот водворился в кассу, вытирая руки о рубашку, на которой я различил вышитые красным стебли бамбука. Как правило, я не доверяю мужчинам с вышивкой на одежде.

– Я ищу девушку с сумками и птичьей клеткой.

Он неправдоподобно изобразил недоумение:

– Кого?

– Нору Халлидей. Девятнадцать лет. Блондинка.

– Тут только я. – Говорил он с густым нью-йоркским акцентом.

– А я, значит, Тимоти Лири, и у меня мощный кислотный приход, поскольку я только что видел, как она сюда вошла.

– Джессика, что ли?

– Именно.

Он воззрился на меня в тревоге:

– Вы из полиции?

– А вы как думаете?

– Я не хочу осложнений.

– Да и я не хочу. Где она?

– В задней комнате.

– Что она там делает?

Он пожал плечами:

– Платит мне сороковник. Я ей разрешаю тут ночевать.

– Сороковник? Больше ничего?

– Эй! – огрызнулся он. – У меня семья все-таки.

– Где тут задняя комната?

Не дожидаясь ответа, я открыл единственную дверь, какая была. За ней обнаружился захламленный темный коридор.

– Я не хочу осложнений. – Мордovorот очутился рядом, и его одеколон чуть не сшиб меня с ног. – Я одолжение делал.

– Кому?

– Ей. Явилась полтора месяца назад, плакала. Я помог.

Я мимо него шагнул дальше. Глухим пульсом инфарктника наверху грохотал рэп.

– Бернстайн! – заорал я.

Ответа не последовало.

– Вудворд пришел. Надо потолковать.

Мимо ведра грязной воды, забытого уборщиком, и кухонного угла, где на складном столе валялся обкусанный сэндвич, я направился к двум дверям в самом конце.

– Я же знаю, что ты где-то здесь!

Первая дверь была приоткрыта. Я толкнул ее ногой. Ванная – на полу журнал с девками и лента туалетной бумаги.

Я постучал в другую дверь. Мне не ответили, и я подергал ручку. Заперто.

– Нора.

– Оставь меня в покое, – тихо сказала она. Похоже, стояла прямо за картонной стенкой.

– Давай ты откроешь и мы поговорим?

– Уйди, пожалуйста.

– Но я хочу предложить тебе работу.

Молчание.

– Мне нужен ассистент. Жилье и кормежка прилагаются. Раз в пару недель по выходным придется спать в одной комнате с моей дочерью и ее коллекцией плюшевых зверей. В остальном комната твоя.

Я глянул через плечо. Мордоворот подслушивал, заткнув телесами дверной проем.

– Зарплата какая? – спросила Нора из-за двери.

– Что?

– На работе. Какая зарплата?

– Триста в неделю. Налом.

– Серьезно?

– Серьезно. Но отмывать деньги будешь сама.

– А медстраховка какая?

– Никакая. Эхинацею пей.

– Я с тобой не сплю.

Это она отметила таким тоном, будто сообщала о пищевой аллергии. Я, мол, не ем моллюсков и орехи.

– Да и пожалуйста.

– Все в норме у тебя? – Мордоворот подобрался ко мне ближе.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Нора – по-прежнему в юбке фигуристки, только волосы распустила по плечам. Лицо глубокомысленное.

– Да, Мартин, – сказала она. – Я уезжаю.

– С копом?

– Он не коп. Он журналист-расследователь. Фрилансер.

Вот это мордоворота напрягло взаправду – и я его не виню. Нора улыбнулась мне, вдруг застеснявшись, и ушла обратно, оставив дверь нараспашку.

Внутри была просторная кладовка с одинокой голой лампочкой под потолком. В углу – простыня и армейское одеяло. Под стенкой пакет булок для хот-догов, груда сложенных футболок, пачка птичьего корма «Форти-Диет», пластиковые вилки и ножи, муравейнички из пакетиков соли и перца, вероятно спертых в «Макдональдсе». Рядом с птичьей клеткой – внутри я никого не разглядел – валялся синий ежегодник «Школа „Гармония“, родина „Лонгхорнов“». Над постелью-самоделкой к стене

скотчем приклеены две крошечные цветные фотографии – примерно над изголовьем. На одной бородатый мужчина, на другой женщина.

Наверняка мертвая мать и приговоренный отец.

Впрочем, нет – вблизи бородач обернулся Христом в изводе воскресной школы: молочная кожа, накрахмаленный синий хитон, борода подстрижена старательно, точно бонсай. Как водится, в ладонях он держал ослепительный свет, будто согревался после целого дня на горных лыжах. Женщина рядом оказалась Джуди Гарленд из «Волшебника страны Оз». Шикарная парочка.

Нора запихала в пластиковый пакет грудку рубашек.

– Если я соглашаюсь на эту работу, тебе запрещается меня допрашивать. Ты расследуешь не меня. – В пакет отправились смятые комом узенькие шорты в золотых блестках. – Это пока мы не выясним про Сандру. А потом я своими делами займусь.

– Договорились.

Я нагнулся над клеткой. Внутри сидел синий длиннохвостый попугай, живой, но такой неподвижный и линялый, что смахивал на чучело. Перед ним на газете валялись игрушки – разноцветные мячики, перья и колокольчики, длинное зеркальце, – но на интерес к ним у птицы явно не было сил.

– А этот пацан кто таков? – спросил я.

– Септим, – пояснила Нора. – Семейная реликвия. – Она подошла, улыбнулась. – Его столько раз передавали по наследству, что никто уже не помнит, откуда он взялся. Бабушка Илай получила его от соседки Джанин, когда та умерла. А Джанин ее завещал Глен, когда сам умер. А Глену он достался от какого-то Цезаря, который умер от диабета. Чей он был до Цезаря, одному богу известно.

– Не птица, а дурное предзнаменование.

– Кое-кто думает, что он обладает магической силой и ему сто лет. Хочешь поддержать?

– Нет, спасибо.

Но она уже отпирала клетку. Попугай подпрыгнул и кинулся ей в руку. Нора переложила его мне на ладонь.

Птиц был не жилец. Кажется, страдал катарактой. И легонько тряся, как электрическая зубная щетка. Я уже решил, что попугай в кататонии, но тут он завалил голову набок и уставился на меня древней бусиной мутного желтого глаза.

– Обещай, что никому не скажешь? – тихо попросила Нора, придвинувшись к попугаю лицом.

– О чем?

– Об этом. Не хочу, чтоб меня жалели. – И она пригвоздила меня взглядом.

– Обещаю.

Она удовлетворенно улыбнулась и продолжила паковаться. Собрала все до единого пакетики с солью и перцем, сдобрила ими содержимое сумок.

– Вообще-то, специи у меня дома есть, – заметил я.

Она кивнула – так, будто я напомнил ей не забыть пижаму, – и принялась сдергивать черные чулки и бюстгалтеры, дикие леопардовые и зебровые тряпки с верхних полок, где они сушились, придавленные дрелями и банками с краской.

Девчонка – как детская книжка с картинками, где страница все раскладывается и раскладывается, пока у ребенка глаза на лоб не полезут. Я подозревал, что раскладывается она бесконечно.

Распихав одежду по пакетам, Нора стала отдирать Иисуса и Джуди Гарленд. Иисус расстался со стеной легко. Джуди, разумеется, потребовалось уговаривать. Нора подхватила школьный ежегодник, открыла, аккуратно вложила туда фотографии и пересадила Септима в клетку.

Узрев оливковую плюху, оставленную мне на память, я сообразил, что птица насрала мне на руку.

– Лучше погоди, пока высохнет, а потом стряхни, – посоветовала Нора. – Я готова. Ой. Чуть не забыла.

Она порылась в сумке и протянула мне цветную фотографию. Я думал, она хвастается родственником, но, к своему удивлению, увидел портрет Александры Кордовы.

В меня впились серые глаза, обведенные темными кругами.

– Это когда я сбежала в «Брайарвуде» и получилось неприятно. Я вот за этим бегала. Увидела на стенде у столовой, называлось «Еженедельный пикник». Это же она, да?

La cara de la muerte, сказала горничная из «Уолдорфа». Лик смерти.

Я прекрасно ее понял.

Наутро в 5:42 меня разбудил скрип за дверью спальни. Шаги удалились по коридору, заверещали водопроводные трубы, шаги вернулись в спальню Сэм, а затем отбыли вниз, где загремели тарелки и стаканы в кухне, словно там готовились к званому ужину на двадцать пять персон.

Раздумывая, не лишусь ли всех ценностей в доме, когда наконец проснусь, я тем не менее вырубился опять, однако меня вернул к жизни тихий стук в дверь.

– Ага, – буркнул я.

– Ой. Я тебя разбудила?

Дверь со скрипом приоткрылась, наступила тишина. Я со скрипом приоткрыл один глаз. На часах 7:24. Из коридора на меня смотрела Нора.

– Я хотела узнать, когда мы начнем.

– Я сейчас спущусь.

– Круто.

Боженька милостивый.

Шатаясь, я натянул халат и поплелся вниз, где Нора свернулась калачиком на диване в гостиной, наряженная в полосатую черную рубашку а-ля Марсель Марсо^[37] и черные легинсы. Она ковыряла скорлупу яйца вкрутую и что-то писала в кожаном блокноте, который я, пережив момент ошеломленного узнавания, опознал как свой. Я нашел его в переплетной мастерской в Неаполе. Его целый год дрожащими артритными руками мастерила восьмидесятилетний итальянец по имени Либераторе. Блокнот был последний в своем роде, поскольку Либераторе умер, а вместо его лавки теперь автосалон «Фиат». Я откладывал блокнот до того дня, когда смогу записать туда что-нибудь дельное и глубокое.

– Ну ты и соня.

Нора бросила писать и улыбнулась мне. Наверху страницы она нацарапала «Дело Александры Кордовы» и теперь покрывала страницу неразборчивыми каракулями.

– Еще восьми нет. Это *рано*.

– Бабушка Илай сказала бы, что весь день насмарку. Я тебе завтрак приготовила.

Не без трепета я вошел в кухню.

На стойке стояла тарелка с омлетом и тостом. И Нора прибралась. Ни одной грязной тарелки, ни одного стакана в раковине.

Я вернулся в гостиную.

– Не готовь мне. И никакой уборки. У нас с тобой черно-белые, прозрачные рабочие отношения.

– Это же просто омлет.

– Мне сорок три года. Я вполне способен прокормиться без посторонней помощи.

– Это пока. В Терра-Эрмоса был такой дядька, Коди Джонсон. Так у него первые симптомы деменции начались лет в тридцать девять.

– По-моему, я эту байку уже слышал. Он умер в одиночестве?

– Все умирают в одиночестве.

Ни убавить, ни прибавить. Эта Терра-Эрмоса – какой-то *дуст*. Девчонка убивает им любой разговор подчистую.

Я налил себе кофе и поманил Нору за собой в кабинет.

– Здесь все, что я знаю о Кордове, – сообщил я, предъявив ей коробку с архивом. – Разбери по темам и датам. Всю информацию о фильмах – отдельно. Посмотри и отложи то, что поможет нам лучше понять Александру, – характер, музыка, хобби, детство, юность, все упоминания о семье или о «Гребне» – это их поместье в Адирондаке.

Из коробки торчала тонкая пачка бумаг – сверху скрепкой присобачена фотография «Гребня» из старого «Нэшнл джиогрэфик». Я выдернул пачку из коробки и протянул Норе:

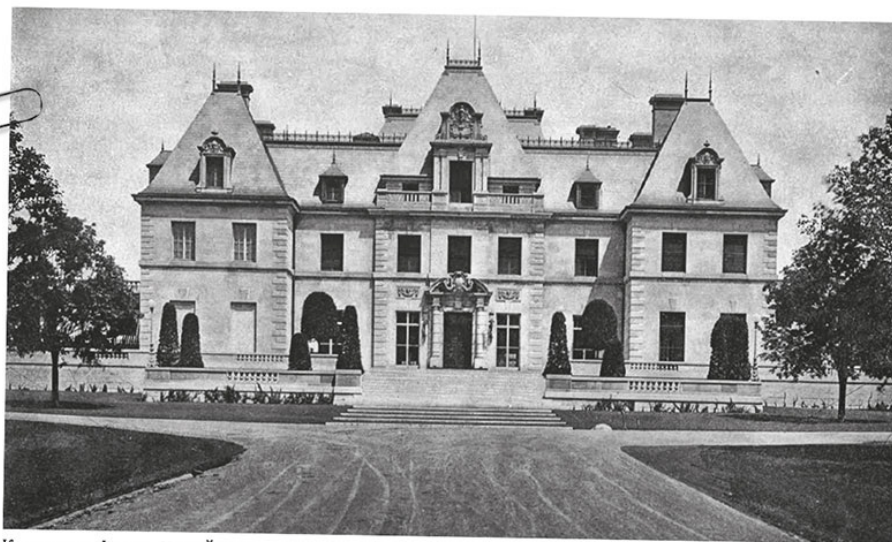
– Начни с этого. Это я пять лет назад ездил в Каргаторп-Фоллз. Побродил, поболтал с местными. Тут все, что я раскопал.

Я двинулся к двери, а Нора по-турецки устроилась на диване, прилежно заправила волосы за уши и принялась читать.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

3–13 апреля 2006 г.

Каргаторп-Фоллз, Нью-Йорк

Харрисон, Тейлор и Вудз, архитекторы

«ГРЕБЕНЬ», ДОМ ЭДВАРДА РОББА РОКФЕЛЛЕРА, ЭСКВ. — ПАРАДНЫЙ ФАСАД

«Гребень», ок. 1912

Поместье «Гребень», некогда летний дом, принадлежавший Рокфеллерам и спроектированный архитекторами Харрисоном, Тейлором и Вудзом, расположен к северу от озера Лоуз, в диких Адирондакских горах на севере штата Нью-Йорк.

Ближайший город — Каргаторп-Фоллз, один из беднейших в регионе. Собственно город (жителями прозванный попросту Карга) составляют стоянки для мобильных домов, заброшенные амбары, парковки, мотели, придорожные салуны и топлес-бары. Чтобы добраться из Карги до «Гребня», требуется хорошо знать окрестности: здесь почти нет мощеных и размеченных дорог.

Станислас Кордова и его первая жена Джиневра, наследница итальянского рода Кастаньелло, выкупили недвижимость по закладной у британских аристократов, лорда и леди Слудли из Сассекса. Вскоре после переезда в 300-акровое поместье в 1976 г. Кордова приступил к постройке обширных павильонов, дабы снимать, монтировать и озвучивать свои фильмы, не покидая территории.

По истечении контракта с «Уорнер Бразерс» Кордова стал сам себе продюсером, превратив «Гребень» в личную студию на одного и лишь усугубив свою загадочную репутацию режиссера-отшельника, безумца и агорафоба.

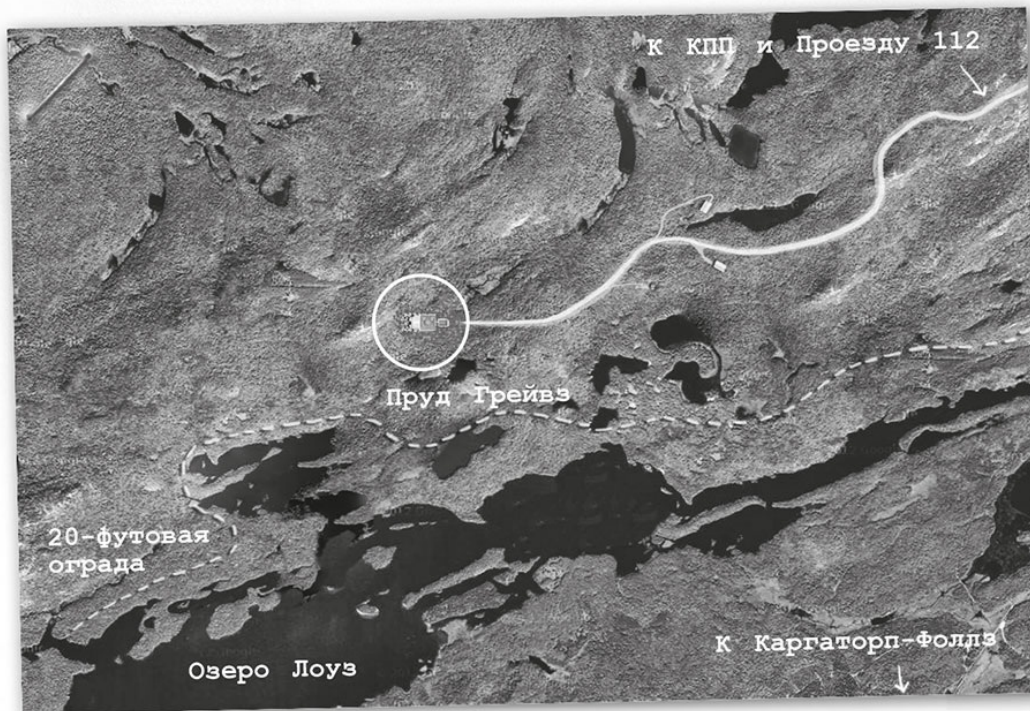
Источник: [Wikipedia.org/wiki/Stanislas_Cordova](https://ru.wikipedia.org/wiki/Stanislas_Cordova)

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Вид на «Гребень» с воздуха

Особняк «Гребень» расположен в густом лесу на вершине высокого холма к северу от небольшого пруда Грейвз, который, в свою очередь, находится севернее озера Лоуз.

Все поместье — простирающееся на север за пруд Штопальная Игла вблизи Клюквенного озера — обнесено двадцатифутовой оградой военного образца.

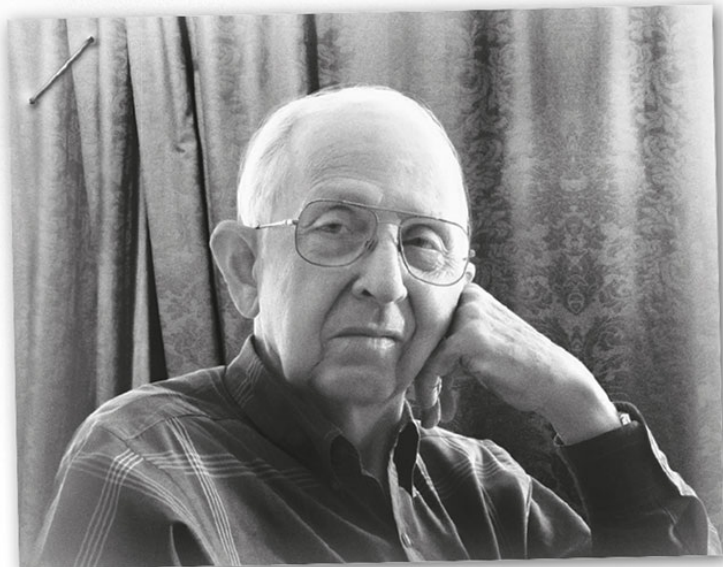

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Интервью с Нельсоном Гарсией — 3 апреля 2006 г.

*Декабрь 2004
Мед. обзоров?*

Гарсия — ближайший сосед Станисласа Кордовы, 78-летний яблочный фермер на пенсии, уроженец Лафайетта, штат Нью-Йорк. С 1981 г. проживает в одинарном трейлере цвета ржавчины на опушке напротив заросшего проезда к «Гребню». Утверждает, что не знаком с семейством Кордовы и даже никогда их не видел, — по причине диабета 2-го типа он редко выезжает в город, а трижды в неделю его навещает и снабжает припасами сиделка. Однако Гарсия смог описать несколько занимательных случаев, касающихся его пресловутого соседа.

«Раньше у нас тут везде были указатели, но почтальон сказал, они всё поубирали», — сообщил он.

«Кто такие „они“?» — спросил я.

«Которые вон там живут».

«Кордовы?»

Он кивнул.

«Зачем им убирать указатели?» — спросил я.

«Не хотят, чтоб туда люди ездили. Любят сами по себе. Я в городе слышал.

Раньше-то я видел, как всякие новомодные авто туда-сюда катаются, с полуночи до самого утра. Особенно в восьмидесятые и девяностые. Лимузины. Однажды „роллс-ройс“ проезжал. Несколько раз слышно было, как там вертолеты садились. И музыка. Но с начала нулевых стало тихо. Ни души — никто не заходит, никто не выходит».

По словам Гарсии, в начале декабря 2004 г. ему по ошибке доставили ряд посылок UPS, предназначенных для «Гребня». В первой посылке содержалась большая коробка со штампом «Сенчури Сайентифик».

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Интервью с Нельсоном Гарсией — 3 апреля 2006 г.

Корпорация «Сенчури Сайентифик», расположенная в Скрэнтоне, штат Пенсильвания, выпускает медицинское оборудование. Она продает койки, кресла-каталки, носилки и другие больничные агрегаты в частные клиники.

«Дочь иногда шлет посылки — я и расписался, — рассказал мне Гарсия. — Мальчонка уехал, я смотрю — а это не мне».

«А кому она была адресована?» — спросил я.

«Какому-то Джевлину Кроссу. И адрес был — Проезд 112, 1014. *Мой* адрес — Проезд 112, 33. Открывать не стал. Но она тяжелая была. Я еле поднял. Фута четыре в высоту. Наверное, кресло какое-то — коробка была похожей формы.

Гарсия позвонил в UPS, и через час посылку забрали.

Спустя неделю шофер доставил другую посылку, снова адресованную Джевлину Кроссу.

«В обратном адресе было что-то там „фармацевтическое“, — рассказал Гарсия. — Я мальчонке говорю: ты адресом ошибся. Он извинился, сказал, что недавно работает. И на этом, собственно, все. Правда, месяц или два, днем, раз в неделю, мимо проезжал грузовик, сворачивал вон там, привозил им бог знает что. Я подожду несколько минут, потом слышу жуткий такой визг — электронные ворота, значит, открываются, грузовик пропускают. Так пронзительно визжало — ушам больно. Вот-вот телевизор взорвется от визга этого. — Он покачал головой. — Я так думаю, кто-то у них захворал. Или поранился».

Гарсия рассказал, что, наверное, вообще забыл бы о путанице с адресами, если бы через неделю после ошибочной доставки не заметил еще кое-что странное. Он отвозил мусор на свалку в конце дороги и почуял странный запах, исходящий другими пластиковыми мешками.

«Никогда ничего похожего не нюхал. Ужасная вонь. Похоже на горелый пластик».

Гарсия сообщил, что свалкой пользуются только он и Кордовы. Еще через неделю он заметил, что больше мешков с мусором на свалке не появлялось, и по сей день ею пользуется он один.

«Теперь они сами весь свой мусор жгут, — сказал он. — Если ночью жарко — чуешь. Гарья несет. А иногда, если ветер с юго-востока, я даже дым вижу».

Я спросил Гарсию, смотрел ли он хоть один фильм Кордовы. Он покачал головой.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Интервью с Нельсоном Гарсией — 3 апреля 2006 г.

«У меня кошмары будут», — пояснил он.

«В его фильме „Изолятор 3“, — сказал я, — одного персонажа держат в плену. Он бывший заключенный, главный герой должен отыскать его и освободить. И зовут этого персонажа Джевлин Кросс — как на посылках».

Гарсия задумчиво кивнул.

«А каково в городе общее мнение о Кордовах?» — спросил я.

«В смысле?»

«Что люди говорят о нем? О поместье?»

«Никто о них говорить не любит. Уж не знаю отчего. Не любят, и все. У нас тут ведь как устроено — все своим заняты, никто в чужое нос не сует».

Ему, похоже, нечего было добавить и хотелось посмотреть «Колесо Фортуны», так что я поблагодарил его и уехал.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Кейт Миллер

*28 мая 2003 г.
05:30*

28 мая 2003 г. в 5:30 утра 62-летняя Кейт Миллер шла по пустынной Олд-Фордж-роуд в Бейнвилле, штат Нью-Йорк, курортном городке в ста милях к северу от Олбени и сорока пяти минутах езды от Каргаторп-Фоллз.

Ночь выдалась долгая. Миллер всю ночь — в «ведьмовскую смену» — дежурила за стойкой регистрации в мотеле «Лесные виды», туристической гостинице к югу от городка. Каждое утро, в дождь и снег, 6 дней в неделю Миллер проходила 2 мили от мотеля до Главной улицы Бейнвилла, чтобы успеть на автобус «Треилуэйз», который вез ее за 20 миль к северу в Дэнвилл, где она проживала с мужем и двенадцатилетним внуком.

Олд-Фордж — узкая двухполосная дорога, которая идет к городу под крутой уклон. Ее резкие повороты чреваты многочисленными авариями — в основном страдают местные подростки и туристы. Миллер рассказала мне, что в двух милях от города, когда она шла по левой стороне навстречу движению, по правой полосе мимо пролетел серебристый спортивный седан.

«Я решила, водитель пьяный, [потому что] его мотыляло по дороге туда-сюда, — сказала Миллер. — Исчез за поворотом, стало тихо, а потом грохот, звон стекла, треск. И клаксон гудит».

Миллер поспешила на место происшествия, хотя артрит коленных суставов не позволял ей передвигаться бегом. Вскоре она увидела, что произошло: не рассчитав на повороте, водитель потерял управление и врезался в тсугу над восьмифутовым обрывом у дороги.

Автомобиль серьезно пострадал, и оттуда на четвереньках по земляной обочине к дороге ползла блондинка пятидесяти с небольшим лет. Она была в сильном шоке, однако не пострадала, если не считать ссадин на лице и руках.

«Она плакала. И вся тряслась. Я спросила, есть ли у нее телефон, но она ответила, что забыла его дома. А у меня мобильного сроду не водилось... Ну и я сказала, что схожу в город и вызову „скорую“. Спросила, нет ли с ней еще кого, и она покачала головой».

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Кейт Миллер

Направляясь в город по Олд-Фордж, Миллер успела заглянуть в машину.

«На этот раз я заметила, что на заднем сиденье кто-то лежит, — сказала она. — Крупный мужчина, в черном, без сознания, весь забинтованный. И руки забинтованы сплошь, и лицо. На бинтах кровь. Но я с этой женщиной решила не спорить — она же только после аварии, сама не понимает, что несет. Я решила, лучше побыстрее помощь прислать».

Спустя пятьдесят минут, когда Миллер одолела две мили и с бензоколонки позвонила в службу спасения, на место происшествия прибыли полиция и «скорая». Там они обнаружили женщину, которая назвалась Астрид Гонкур. Автомобиль, серебристый «мерседес» 1989 г., был пуст.

Гонкур, заявившую, что она превысила скорость, по результатам проверки признали трезвой. Полиция не обнаружила никаких признаков того, что в автомобиле с ней был кто-то еще. В местной больнице ей обработали мелкие порезы и ссадины и спустя несколько часов отпустили.

На следующий день «Нью-Йорк дейли ньюс» и «Таймс Юнион» (Олбени) сообщили, что миссис Кордова угодила в автомобильную аварию по пути домой с дня рождения друзей и отделалась мелкими телесными повреждениями. Тот факт, что «Гребень» находится в часе езды от Бейнвилла (продолжительная поездка, в которую едва ли отправишься в 5:00 утра), не насторожил полицию, хотя остается неясным, в чем проблема — в версии Астрид или в небрежности репортера.

Через три недели после аварии Миллер снова связалась с полицией. За это время она успела почитать про Астрид и ее знаменитого мужа («Я, вообще-то, ужастики не люблю», — объяснила она, когда я спросил, как случилось, что их имена поначалу ничего ей не говорили) и теперь опознала в человеке, виденном в машине, Станисласа Кордову.

В бейнвиллском полицейском участке записали показания Миллер и указали ей на дверь.

Дальнейшее расследование не проводилось.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Поместье — 13 апреля 2006 г., 14:14

Естественно, я обязан был посетить «Гребень» лично.

Я сел в машину, свернул влево к владению 1014 по Проезду 112 (согласно GPS) и поехал по дороге без опознавательных знаков.

В самом начале грунтовка была грязна и изрыта колеями от покрышек, но где-то через шесть ярдов разгладилась в замечательно ухоженную гравийную дорогу. Очевидно, что некто регулярно за ней ухаживает, — ее не марали ни единая заблудшая ветка или травинка, ни один кустик. Тут и там кто-то явно отпиливал нижние ветви деревьев, мешавшие проезду.

Следуя за изгибом дороги, я свернул. Меня обступали леса. Я словно очутился внутри шерстяного свитера: листва над головой была густа, кроны тяжелы и узловаты, и лишь изредка в крошечных прорехах мелькало синее небо. Внезапно одуряюще запахло бензином, — может, стоило сгонять машину в автосервис, — но не только бензином; еще *гарью*.

Я миновал нелепое дерево — три могучих ствола обвивали друг друга в пароксизме наслаждения или боли. Порнографическая картина. Боже мой, подумал я, неужто все будет так просто?

После чего успел одолеть всего несколько ярдов.

За поворотом передо мной выросла сторожка — кажется, заброшенная, вся заросшая плющом. Обогнуть ее не представлялось возможным — ни на машине, ни пешком. По обе стороны кованых ворот лес прорезала массивная ограда, как на военной базе. Я осторожно подвел машину ближе. По углам ворот осиными гнездами притаились две камеры наблюдения. Я опустил окно, посмотрел в камеру. Отчетливо увидел, как объектив шевельнулся, — и на меня уставился глазок Циклопа.

«На чашку кофе не пустите?»

В застывшем дневном жаре моя реплика прозвучала беспомощно и плоско.

Как он тут *живет*? Что это — его версия ранчо «Неверленд» Майкла Джексона, «Грейсленда» Элвиса, «Волшебного королевства» Уолта? Быть может, слухи о сумасбродстве Кордовы — всего лишь миф и никакой он не темный князь, а попросту старик, который надеется прожить остаток дней своих в покое и уединении?

А может, истина совершенно иная. Может, Кейт Миллер права: ранним утром 28 мая 2003 г. на заднем сиденье машины она и в самом деле видела Кордову. Может, в «Гребне» произошел несчастный случай, Кордова был тяжело ранен или даже погиб. Кейт Миллер, одинокую свидетельницу, обманом вынудили покинуть место аварии. Вероятно, у Астрид все-таки был мобильный телефон, она вызвала кого-то — друга или одного из детей Кордовы, Тео либо Александру, и за пятьдесят минут они успели вытащить Кордову из машины и увезти. Жив ли Кордова в своем «Гребне»? Прикован к креслу-каталке или к постели, лежит без сознания? Это объяснило бы посылки с медицинским оборудованием, доставленные Нельсону Гарсии полтора года спустя.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Поместье — 13 апреля 2006 г., 14:14

Я вышел из машины и сфотографировал сторожку. Затем поехал назад, выбрался на Проезд 112, миновал трейлер Гарсии и свалку. Я не снимал ноги с педали газа, пока не очутился на запруженной ФДР-драйв на Манхэттене.

Какова ни есть правда о Кордове, его пятнадцать страшных фильмов учат, что глаза и разум постоянно обманывают нас и познанное никогда не бывает подлинным.

Остается лишь надеяться, что однажды он вернется и вновь откроет нам, сколь слепы были мы.

*Нельсон Гарсия
Тел. (518) 555-1493*

– Номер не обслуживается, – сообщила Нора, повесив трубку. По телефону из моих записок она дозванивалась до Нельсона Гарсии.

– Умер уже, небось, – ответил я. – Он и тогда еле-еле с дивана подымался.

Нора не ответила, лишь взяла расшифровку звонка от анонимного «Джона» и сощурилась, вчитываясь.

Время близилось к девяти вечера. Я только что вернулся, рано поужинав в кафе «Сан-Амброуз» со старым другом Хэлом Киганом – он фотожурналист из «Инсайдера», мы вместе работали, хотя в последние годы виделись редко. О текущих своих занятиях я не распространялся. Хэлу я доверял, но, хоть нас и спалила охрана в «Брайарвуде», надеялся сохранить расследование в тайне. Репортеры – народец суеверный, хоть и прикидываются упертыми реалистами. Об этом не говорят, однако всем известно: когда журналист охотится на сюжет, интуитивные прозрения и теории витают в воздухе и коллеги могут подхватить их, как простуду. Рано или поздно конкуренты обзаведутся теми же догадками, что и ты. Иллюзий я не питал: само собой, не я один копаю гибель Александры Кордовы. Но раскусить дело вторым или третьим чести мало. Засчитывается только первый.

Когда я вернулся, Нора сидела там же, где я ее оставил, и по-прежнему сортировала мои бумаги. Я принес ей лингвини с песто, но, сказав: «Ой, спасибо, вкуснотища», она едва притронулась к еде и продолжала сосредоточенно изучать Бекманову программу брошенного курса по Кордове. Удивительное упорство. Нора просидела у меня в кабинете двенадцать часов подряд, прерываясь, только чтобы осыпать знаками внимания доисторического Септима, чью клетку она водрузила на книжный шкаф у окна, пояснив, что попугай любит смотреть на людей.

Ничего конкретного Нора не говорила, но я пришел к выводу, что ее воспитывала толпа свободомыслящих старых хрычей в этом заведении, которым она сдабривала любую беседу, – в Терра-Эрмоса. Нора была сверхъестественно настроена на режим доения и кормления престарелых. О том, каковы у меня планы на ужин, она осведомилась в 16:45 – легенды гласят, что в этот час пожилым полагается трапезничать, – и употребляла характерные словечки эпохи Маккарти: «батюшки», «мать честная», «вишь ты» и «не кипишуй».

– Вот ты съездил в Каргаторп-Фоллз – а потом сколько времени прошло до анонимного звонка? – спросила Нора, откладывая расшифровку.

– Несколько недель. – Я сидел на кожаном диване, набивая на ноуте заметки о нашем визите в «Брайарвуд» и «Уолдорф».

– Значит, ты что-то настоящее раскопал.

– В смысле, Кейт Миллер и Нельсона Гарсию?

Она кивнула:

– Наверняка «Джон» потому и позвонил. Кордова, наверное, разглядел тебя в камеру у сторожки. А «Джон» был ловушкой.

– Я склонен согласиться, но доказательств так и не нашел.

– Может, Кордова и правда пострадал в аварии. И кто-то в «Гребне» правда болел, и поэтому им присылали медицинское оборудование.

– В отчете я не упоминал, – сказал я, откладывая ноут и садясь поудобнее, – но мне всегда казалось слегка подозрительно, как это Кейт Миллер опознала Кордову. Через полгода после того, как я с ней общался, она пыталась всучить этот сюжет «Инкуайреру», но они его и пальчиком коснуться не хотели. Ни одного слова не подтвердить, ввязываться в судебные разборы неохота. А если ты так грязен, что тебя боится коснуться даже «Нэшнл инкуайрер», значит ты весь извалялся в говне. – Я допил скотч. – Короче, Миллер так и не смогла объяснить, откуда знает, как выглядит Кордова. Потому что на самом деле этого не знает *никто*. Фотография в «Роллинг Стоуне», судя по всему, подделана. И считается, что на знаменитом крупном плане со съемок «Наследия» не он, а дублер.

– Может, он изуродован, как Призрак Оперы, – разволновалась Нора. – Или, может, Кейт Миллер видела в машине труп.

– Мы не вправе заключить, что имеем дело с маньяками-убийцами. У нас нет доказательств.

Она как будто не слышала.

– Наверное, у Кордов есть какая-то магическая сила. Нам же горничная в «Уолдорфе» рассказывала вчера. И даже Морган Девоэль – Сандра ведь откуда-то знала, что он на нее смотрит. И ему сначала показалось, что она мертвец. А Гарсия говорил, что никто не обсуждает «Гребень». – Нора взяла диск Александры, посмотрела на вкладыш. – Даже музыка ее. Называется «Дьявол в ночи».

– Ты удивишься, как часто выбирают сверхъестественное объяснение, не находя другого, – ответил я и направился к шкафу за добавкой скотча. – Хватают его, как кетчуп за столом. Однако я, а следовательно, и ты, моя подчиненная, будем работать с *неколебимыми фактами*.

Я решительно не верил в сверхъестественное, и все же невозможно

отмахнуться от воспоминания о том, как Александра явилась мне ночью у водохранилища. Я не рассказывал об этом Норе. И вообще никому. Правду сказать, и сам уже не понимал, что же такое видел. Словно та ночь не имела касательства ко всем прочим ночам – лишенная логики, кишащая фантазиями и странностями, рожденная моими одинокими иллюзиями ночь, коей нет места в мире подлинного.

Нора извлекла из конверта полицейское досье Александры и протянула мне первый лист.

Цветная копия фотографии – тело, доставленное на судмедэкспертизу. Разные ракурсы, в одежде и без одежды, хотя Шерон не соврала: самые откровенные – торс спереди и сзади – в деле отсутствовали. А на этом снимке была верхняя половина лица – серые глаза в красно-желтых пятнах, застыли, потускнели.

– На левый глаз посмотри, – сказала Нора.

На радужке было черное пятнышко.

– Это? Это пигментация радужки. Встречается сплошь и рядом.

– Не *такая*. Прямо по горизонтали от зрачка. Наверняка Гвадалупе про это и говорила. Отметина. Забыла, как по-испански, Хоппер говорил. «Печать зла».

– *Huella del mal*.

– И что случилось с первой женой Кордовы.

– С Джиневрой?

Нора кивнула.

– Я уже проверял. – Я отдал ей фотографию и вернулся на диван. – И полиция тоже, и, в свое время, примерно сотня других журналистов и светских репортеров. Она научилась плавать всего за два месяца до того. Ее родные – а это миланские снобы, они *ненавидели* Кордову, считали, что он какой-то пролетарский варвар, – так вот даже они признали, что это трагический несчастный случай. Джиневра всю жизнь была импульсивная. Сообщила няне сына, что пойдет поплавать на озере, потренируется. Ее попросили обождать, она не пожелала. День был пасмурный, накрапывал дождь, вскоре началась гроза. Видимо, она заплутала. Не поняла, где берег. Ее искали, нашли на дне – запуталась в водорослях. Кордова тогда монтировал «Треблинку», у него был десяток алиби, вся съемочная группа и продюсер Арти Коэн из «Уорнер Бразерс» – он потом выступил перед журналистами. Спустя пять месяцев Кордова дал последнее интервью «Роллинг Стоуну». И больше на публике не появлялся.

Нора, кажется, не вникала. Она кусала губу, увлеченно перебирая бумаги. Достала статью из моих старых заметок, протянула мне.

Я вспомнил, как много лет назад распечатывал эту вырезку с микрофиши в библиотеке. «Таймс юнион», Олбени, датировано 7 июля 1977 года.

КАСТАНЬЕЛЛО УТОНУЛА СЛУЧАЙНО, ЗАЯВЛЯЕТ ПОЛИЦИЯ

Джейсон Монтерсон

Джиневра Кастаньелло, супруга кинорежиссера Станисласа Кордовы, рано утром в воскресенье была найдена мертвой в озере на территории своего поместья в Адирондаке, где она, по словам правоохранительных органов, случайно утонула.

Артур Бейли, главный криминалист окружного отдела судмедэкспертизы Сент-Лоренса, по результатам вскрытия сделал вывод, что Джиневра Кастаньелло, 31 год, умерла в результате нечаянного утопления.

Кастаньелло исчезла под вечер в субботу, отправившись плавать в пруду Грейвз, одном из многочисленных водоемов поместья. В последний раз ее видели в 16:00 — она в красном купальнике заходила в воду. Спустя час, когда началась гроза, а Кастаньелло не вернулась, были вызваны спасатели. После пятнадцатичасовых поисков рано утром в воскресенье ее тело было обнаружено службой спасения и противопожарной безопасности округа Сент-Лоренс.

По сообщению WNYT-TV, Кастаньелло лишь недавно на-

училась плавать, преодолев врожденную аквафобию.

«Я потрясена, — говорит Анушка Понти, подруга детства, гостившая в доме на момент смерти Кастаньелло. — За несколько часов до того мы вместе пообедали. Джиневра пошла на озеро поплавать и отдохнуть, как только ребенка уложили спать. Она грустила. Это так неожиданно — я ничего не понимаю. Она была такая красивая».

Лейтенант Джейсон Рестиг, офицер по связям с общественностью службы спасения и противопожарной безопасности округа Сент-Лоренс, заявляет, что, хотя расследование еще не окончено, вполне очевидно, что именно произошло. «Мы не подозреваем ни преступного умысла, ни употребления наркотиков либо алкоголя, — говорит он. — Это просто весьма прискорбная трагедия».

Джиневра вышла замуж за Станисласа Кордову в 1975 году, познакомившись с ним на Венецианском кинофестивале, куда он привез «Где-то в пустой комнате». Кастаньелло — бывшая миланская фотомодель и наследница легендарного бан-

ИТАЛЬЯНСКАЯ КРАСАВИЦА.
Кастаньелло два года была замужем за Станисласом Кордовой. В субботу она утонула в своем поместье

ковского состояния, сложившегося еще в XIX столетии в результате альянса с банком «К. М. де Ротшильд и Фильи».

Кастаньелло пережили ее муж Станислас Кордова, в настоящее время работающий над своим шестым фильмом «Треблинка», и четырехмесячный сын Теодор.

Ольга «Таймс юнион» Дата: 7 июля 1977

ЗАЩИТНИКИ ДОСТУПНОГО ЖИЛЬЯ МИТИНГУЮТ ПО ВСЕМУ ШТАТУ

— Ладно, пусть даже несчастный случай, — сказала Нора. — Но если у тебя случайно погибают и первая жена, и дочь, с кармой нелады. И вообще-то, в глаза бросается то, что сказала ее подруга.

— Что Кастаньелло грустила.

Нора кивнула:

— Джиневра, наверное, покончила с собой. И если Сандра тоже, что это говорит нам о Кордове?

— Что он токсичен. Но покончить с собой, оставив сиротой младенца? А материнский инстинкт?

— Это потому, что она была рядом с ним. — Нора подалась вперед,

с сомнением оглядела грудку бумаг. – Я читала другие твои заметки, но с тобой так никто и не поговорил о нем толком.

– Спасибо. Я помню.

– А что «Матильда»? Известно о ней что-нибудь?

– Якобы последний фильм Кордовы?

Удивительно, что Нора в курсе. Про «Матильду» знают только упертые кордовиты.

Она кивнула.

– Помимо неподтвержденных слухов о том, что сценарий получился на тысячу страниц и свел Кордову с ума, – ничего, – сказал я.

Нора погрызла ноготь, вздохнула:

– Нам нужно сменить вектор.

– У меня была многообещающая зацепка. Но я ее так и не расколол.

– Какая?

– «Черная доска». Невидимая луковая сеть кордовитов. Сообщество преданных фанатов.

– В смысле – «луковая»?

– В глубокой паутине. Для доступа нужен плагин к «Файрфоксу». Я добыл адрес у друга, профессора, и пытался залогиниться. Меня каждый раз выкидывает.

Я перенес ноут на стол, показал Норе, как логинюсь, но меня снова выбросило на страницу «Добро пожаловать на „Черную доску“».

– И вот почему, – сказала Нора. – У тебя логин – «Сир Фогуотт». Надо что-нибудь покорднее.

Нора отключила от розетки беспроводной маршрутизатор в углу, подождала пять минут – объяснила, что так я получу новый айпи-адрес, которого сайт не узнает и не заблокирует. Опять включила, добралась до страницы «На борт» и вбила новые регистрационные данные.

– Логин у нас будет «Гайтана Стевенс двадцать девять девяносто один».

Гайтана Стевенс – имя персонажа Александры Кордовы в «Дышать с королями» (1996). Последний фильм Кордовы, один из *черных фильмов*.

Поразительное дело. Видели его очень немногие. Мне удалось глянуть у Бекмана пять лет назад. У него была пиратская копия, и он отказывался дать мне на посмотреть, поскольку диск был непрошибаемо защищен от копирования и скачивания, и Бекман подозревал – пожалуй, небезосновательно, – что назад его никогда не получит.

Посмотрев «Дышать с королями» однажды, я совсем потерялся в калейдоскопе ярких сцен, от которых аж на стуле подпрыгивал, и,

помнится, смутно удивился, после финальных титров возвратившись в реальный мир. В фильме клубился мрак, и я не был уверен, вправду ли возвратился, будто, став свидетелем этому зрелищу, необратимо взломал (или же просто сломал) себя и постиг душу человеческую в такой глубинной ее черноте, что уже не стану прежним. Конечно, под натиском повседневности тревога рассеялась. Даже сейчас эта кошмарная история осталась в памяти лишь россыпью страшных образов в тусклом свете, перемежаемых присутствием Александры Кордовы – прекрасного сероглазого ребенка с хвостиком, перевязанным красной лентой.

Весь фильм она молча вбегает в гостиные, выбегает, прячется под лестницами и в спальнях служанок, заглядывает в замочные скважины и кованые ворота, носится по газону на велосипеде, оставляя бледные шрамы следов на траве.

Сюжет прямолинейный, как и большинство сюжетов Кордовы, сводимых к одиссее или охоте. Кордова экранизировал малоизвестный голландский роман, *Ademen Met Koningen* Августа Хауэра. Членов богатого и развращенного семейства Стевенсов – шикарного клана распутных Калигул, проживающих в неназванной европейской стране, – расчетливо убивают одного за другим. Полиция в растерянности. Инспектор, расследующий это дело, в конце концов арестовывает бродягу, которого семья наняла заниматься ландшафтными работами, однако внезапный финальный поворот открывает зрителю, что на самом деле убийца – младший ребенок, немая и осторожная восьмилетняя Гайтана, сыгранная, как мы понимаем, Александрой. Инспектор складывает чудовищную мозаику истины, но поздно. Девочка исчезла. В последней сцене мы видим, как она шагает по обочине и ее подбирает странствующая семья в «универсале». В традиционном стиле Кордовы остается неясным, обречены доброхоты на ужасную судьбу девочкиных родных или та нарочно осиротела, чтобы затем ее воспитали люди попристойнее.

– А ты-то как умудрилась посмотреть «Дышать с королями»? – спросил я.

Нора зарегистрировалась на «Черной доске», нажала «Готово», и теперь мы ждали, загрузится ли наконец страница.

– Моэ Гулазар.

– Кто такой Моэ Гулазар?

– Мой лучший друг. – Она сдула прядку с лица. – Он был объездчик, жил дальше по коридору. Кордову обожал. У него были связи на черном рынке, и он как-то раз обменял все свои жокейские трофеи на коробку черных фильмов. То и дело устраивал тайные полуночные показы

в комнате досуга. – Она посмотрела на меня. – Моэ был трехмерный.

– Широкий, высокий и глубокий?

Она потрясла головой:

– Говорил по-армянски, объезжал жеребцов и переодевался женщиной.

– И впрямь меры не знал.

– Когда переодевался, даже ты бы его принял за женщину.

– Отучаемся говорить за всех.

– Моэ считал, когда умрет он, вымрет целый редкий вид. «Я навеки один в своем роде и в клетке, и в дикой природе». Такой у него был гимн.

– И где теперь старина Моэ?

– В раю.

Она сказала это печально и уверенно, будто Моэ переехал на Бора-Бора.

– Умер от рака гортани, когда мне было пятнадцать. Дымил как паровоз с двенадцати лет, потому что рос на ипподроме. Но завещал мне всю одежду. Теперь Моэ навечно со мной.

Она стащила рукав громоздкого кардигана серой шерсти и показала красную бирку с вычурными буквами на загравке: «Собственность Моэ Гулазара».

Значит, пышным гардеробом она обязана престарелому армянскому трансвеститу. Первым делом я решил, что она все сочинила. Небось, нашла коробку поношенных тряпок в «Гудвилле», на всех была таинственная бирка, и Нора сочинила сказку о том, откуда они взялись. Но когда она снова натянула рукав, я заметил, что лицо ее порозовело.

– Я скучаю по нему каждый день, – сказала она. – Как это погано, что, если человек по правде тебя понимает, надолго его не удержишь. А от тех, кто не понимает вообще, поди отделайся. Не замечал?

– Как не заметить.

Ну, может, не соврала. И пожалуй, оказавшись перед выбором, верить в армянского объездчика-трансвестита или не верить, предпочтешь *поверить*.

– Ты поэтому хотела расследовать? – спросил я. – Потому что много знаешь про фильмы Кордовы?

– Само собой. Это же был знак. Сандра дала мне свое пальто.

К моему изумлению, страница на сайте успешно загрузилась, и наверху теперь значилось: «Победа».

Я подтащил к столу деревянный стул, сел, попутно заметив, что от Норы мускусно пахнет мужским одеколоном, волнующим, как дуновение горького шоколада, и поневоле вообразил, что это и есть

искомое доказательство, намек на старого Моэ Гулазара, который навечно с ней.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

ПО_БЕДА

Ты отыскал этот тайный сайт, а значит, некто счел, что ты достоин сюда войти.

Поздравляем, твоя жизнь начинается. Ты тоже кордовит. Здесь можно делать что угодно, сознаваться в чем угодно, но нельзя лгать. УХОДИ лгать куда-нибудь еще, нацепляй на рожу фальшивую улыбку, оглупляй себя, если нравится, идиотским выбором между НРАВИТСЯ и НЕ НРАВИТСЯ. Здесь, в полной анонимности, у нас одна вера — неопровержимая правда. Правда Кордовы: сложность человеческого разума и сила человеческого духа. Жажда ужаса. Жажда любви. Жажда душераздирающих эмоциональных переживаний.

Этот сайт — страшная реальность. Священная мастерская. Зловещий лес. Здесь можно обсуждать и ставить под вопрос все, что угрожает и внушает страх твоим родным и друзьям, твоей религии и социуму. Наш мир далек от глянца и коммерции. Здесь грязно, мрачно и жутко, неряшливо, уродливо и восхитительно. Здесь нет дна и нет стен. Здесь есть лишь борьба за нечто достойное. Честное. За то, что Кордова всем своим творчеством призывает нас искать в себе самих. Наше честное «я».

Кордова не имеет к этому сайту никакого отношения. Возможно, он даже не знает, что сайт есть. Сайт был создан самыми серьезными поклонниками Кордовы в развитие того, что он — кто бы он ни был — сделал для нас: указал путь вниз по черному тоннелю, который приведет нас к свободе. Первый шаг — страх.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Если мы узнаем, что ты подрываешь экосистему нашего дикого обиталища, тебе это с рук не сойдет. Мы верим в неоднозначность и свободу самовыражения, однако мы, создатели этого зачерненного уголка, будем сражаться за его вечную черноту.

Создатели «Черной доски»

Самовластный, смертоносный, совершенный_

?

УСТРАШИ В СЕБЕ ЗВЕРЯ

Парковка

Оставь все, с чем пришел

Опыты заповедных киносеансов

Кордова

То немного, что нам известно

Его философия:

Устрашать в себе зверя

Последнее интервью:

29 декабря 1977 г.,

«Роллинг Стоун»

Форум

Говори с незнакомцами

Фильмы

Силуэты, омывые светом (1964)

Наследие (1966)

В погоне за красным (1968)

Искажение (1972)

Где-то в пустой комнате (1975)

Треблинка (1977)

Тиски для пальцев (1979)

Меньшее из зол (1982)

Дитя любви (1985)

Ночами все птицы черны
(1987)

La Douleur (1989)

Щель в окне (1992)

Подожди меня здесь (1993)

Изолятор 3 (1994)

Дышать с королями (1996)

НА БОРТ

ОТКОПАЙ ЧТО-НИБУДЬ

?

ЗАБЛУДИЛСЯ? ТЕБЕ СЮДА

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ»

Результат 1 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ (А): Беккет Райнхарт

12/12/1999, 23:39

Моя бабушка в 50-х и 60-х была известной в Нью-Йорке светской львицей. Ее звали Гвендолин (Дотти) Хауард, она была замужем за Л. П. Хауардом, текстильным магнатом и миллионером. Дотти считается одним из первых «лебедей» Трумена Капоте. В 1966 году она была в большом зале отеля «Плаза» на знаменитом Черно-белом балу, который Капоте закатил по случаю успеха «Хладнокровного убийства».

Приведя себя в порядок, Дотти выходила из дамской комнаты, и тут какой-то мужчина схватил ее за запястье.

Проникновенно улыбнувшись, он вывел Дотти из толпы, в алькове вручил ей бокал шампанского и велел «пить». Дотти потрясла подобная наглость. Мужчины этого она никогда прежде не видела. Он был высок и стремителен в движениях, из-за очков, как у ученого, смотрели пронзительные темные глаза. И однако Дотти подчинилась, осушила целый бокал, а мужчина лишь молча наблюдал. Когда она допила, он большим пальцем отер ей губы, наклонился и поцеловал. Едва Дотти, уже впадая в забытие, поняла, что, если он велит, она исчезнет с ним в ночи, незнакомец отстранился, взял ее за руку и отвел на танцпол, где препоручил мужу, пояснив лишь: «Ваша жена потерялась».

Нечего и говорить, весь остаток вечера Дотти в головокружительном трепете искала этого странного, загадочного мужчину в толпе. Около 3 часов ночи, когда веселье поутихло, она увидела, как он садится в ожидавшее такси.

«Но кто это?» — выпалила она.

«Кордова, — ответил кто-то. — Кинорежиссер».

Эту ночь Дотти помнила всю жизнь. Говорила потом, что чувствовала себя закуской, которую он надкусил и отложил на поднос.

Я просмотрел все фотографии с бала-маскарада и, по-моему, нашел Кордову.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

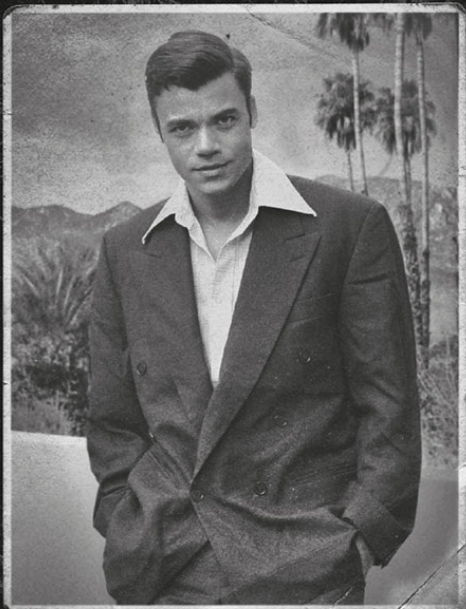
ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ»

Результат 9 из 243

Стэн Кордова
Голливуд, Калифорния, 1962

ОПУБЛИКОВАЛ (А): Иногда Нужно Встать На Колени

12/02/2000, 02:03

Эта фотография нашлась на гаражной распродаже в Беверли-Хиллз в 1999 году. Лежала в коробке, набитой старыми семейными снимками и географическими картами. Откуда взялся этот портрет, владелица не знала. Распродавала вещи отчима. Он только что умер в 82 года. Она сказала, что он работал бухгалтером во всяких голливудских компаниях, многие нелегальные, в том числе у известной мадам из Беверли-Хиллз, управительницы сети публичных домов высшего класса, которые обслуживали и женщин и мужчин.

На «Черной доске» писали, что, задумав свой первый фильм, «Силуэты, омытые светом», Кордова поехал в Голливуд и зарабатывал деньги на съемки, устроившись жиголо. Я так думаю — и это просто догадка вслепую, — что фотографию украли из архива этой самой мадам, а та в свое время показывала ее потенциальным клиентам.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 22 из 243

Мама и маленький 8 1/2 мес.

ОПУБЛИКОВАЛ (А) : Аксель

12/10/2001, 04:18

Моя мать сдавала дешевые квартиры в нескольких домах в Бронксе возле Моррис-авеню. Жили там в основном итальянские и испанские иммигранты, многие нелегально.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

Одна жилища в 1967-м неожиданно съехала, ни слова не сказав. Осталась только эта фотография — завалилась под ковер в гостиной. Квартиру — 2D, студию — двадцать с лишним лет снимала итальянка, почти не говорившая по-английски. Поселилась там в 1944-м, только эмигрировав из Испании. У нее был маленький сын, но не было мужа. Договор аренды она подписала как «Лола Кордова». Мне кажется, это фотография матери Кордовы с маленьким Станисласом, вскоре после их приезда в Америку. Моя мать рассказывала потом, что эта женщина была тихая, аккуратная, платила вовремя и без усталости вкалывала на двух работах — горничной в манхэттенской гостинице и уборщицей в богатых домах. У моей матери было четыре дома, очень много дел, и она не помнит, видела ли, как мальчик рос или играл во дворе. По сей день она не знает, куда делась эта женщина и что с ней случилось.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» *Результат 59 из 243*

Антиквариат Харви Куна

ОПУБЛИКОВАЛ(А) : Эмили Джексон Не Псих

02/08/2002, 00:39

Летом 2001 года я работал у нью-йоркского антикара Харви Куна. Кун специализируется на экстравагантных раритетах, от пыточных инструментов испанской инквизиции до старых морских приборов. В клиентах куча богатых чудаков, многие покупают анонимно. Как-то раз, выписывая счет-фактуру, я наткнулся на знакомый адрес доставки: Нью-Йорк, Каргаторп-Фоллз, Проезд 112, 1014.

Это адрес «Гребня», поместья Кордовы.

Заинтересовавшись, я глянул историю покупок клиента. Последними он купил тиски для пальцев — средневековый пыточный инструмент, с помощью которого заключенным ломали пальцы на руках и ногах. Это те самые тиски Брэда Джексона, медиевиста из одноименного фильма Кордовы.

По тому же адресу были доставлены еще две покупки: водолазный шлем королевских ВМС «Зибе Горман» и очень дорогой румынский кол XV века, вертикальное стальное копье, на которое пленных насаживали, как свиней, чем особо прославился Влад, Сажатель-на-кол, также известный под именем Дракула. Очевидно, что Кордова — или кто-то из его родных — коллекционирует такой вот странный антиквариат.

На следующий день после этого открытия меня уволили из-за «сокращения бюджета». По сей день не в курсе, узнало ли начальство, что я разнюхивал и обнаружил Кордову среди клиентов, или это просто совпадение.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

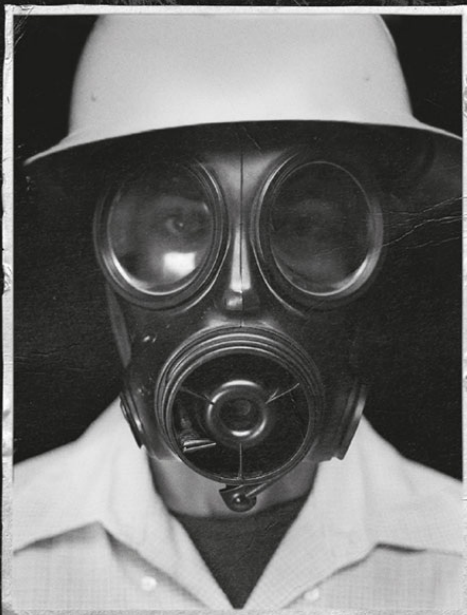
УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 85 из 243

24/01/79

Джеймс,

Кордова думает дать тебе роль
в следующем фильме
«Меньшее из зол».

Если тебя устраивает, позвони
мне, договоримся и съезжим к
нему обсудить.

— Инес Галло

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Правда — Это Чересчур

22/11/2003, 04:19

Мой отец в 70-х и 80-х работал менеджером по работе с талантами в компании «Открытие». Он представлял кинозвезду Джеймса Кобёрна. В юности папа слышал историю о том, что с Кобёрном переписывалась помощница Кордовы Инес Галло, в том числе присылала ему жуткую фотографию Кордовы в противогазе. Мне всегда казалось, что отец шутит, — он вообще любил розыгрыши. Когда он умер в 1994-м от инфаркта, у него в столе среди бумаг нашлось вот это. Снимок 8 × 10, на обороте записка фломастером.

Еще я помню, отец говорил, будто знающие люди шептались, что у Кордовы неполадки с глазами — болезнь, называется фотофобия: это когда глаза чувствительны к открытому воздуху и свету, и поэтому он часто в очках, густо-черных или шоферских, какие в давние времена носили в Британии.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 104 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Если Увидишь Мертвую Птицу

09/08/2004, 00:39

В 1991 году я работал ассистентом продюсера Арти Козна. Как-то ночью Арти объявил, что задержится на работе. Это было неслыханно: он обычно ехал домой к шести и ужинал с детьми. Он был дерганный, велел мне уходить, посоветовал отвезти подружку поужинать. Я знал, что он давний продюсер Кордовы, и сообразил, что дело нечисто. Попрощался и сгонял домой за фотоаппаратом. Вернулся в наш офис в Трайбеке, поднялся по черной лестнице, пристроился у окна, чтоб улицу было видно, и принялся ждать.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

И ждал, и ждал. Спустия четыре часа задремал. Проснулся, спустился к кабинету Арти — там горел свет. Арти сидел один. И мало того — он напился и разговаривал сам с собой. Я вернулся на свой наблюдательный пост. Наконец, в 02:27 из-за угла появился одинокий человек, перешел пустую улицу. Ночь, толком не видно, но я понял, что это Кордова. Я снял его вслепую, потому что в видеоискатель ничего не разглядеть — темно. Он зашел в наше здание. Я решил, что прослежу за ним, когда он уйдет, и еще поснимаю. Снова принялся ждать. Вскоре встало солнце. Я в недоумении сходил проверить кабинет Арти. Там было заперто и темно. Видимо, они вышли черным ходом. Или я на пару минут уснул и сам не заметил? Я в расстройстве вернулся домой и проявил пленку. Фотографии получились расплывчатые и черные — кроме вот этого единственного кадра.

Арти об этом случае никогда не упоминал. Я спросил его, зачем он задержался, но отвечал он нервно. «Я тут был один», — заверил он меня. В конце концов, эта фотография вполне доказала мне, что Кордова взаправду существует, хотя почему-то выходит только по ночам.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

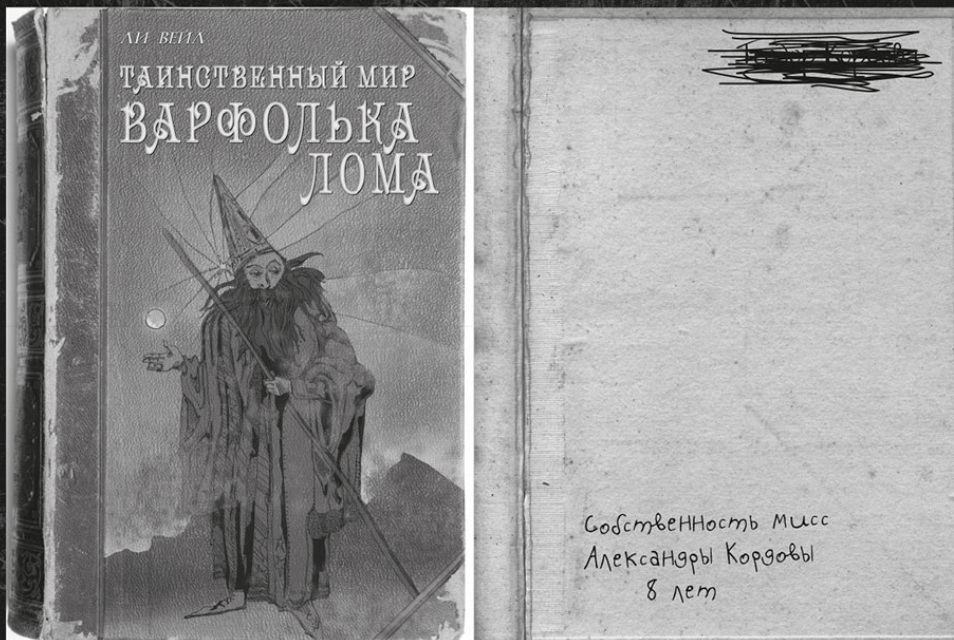
УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 172 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Скоро Где-то Будет Смех

28/10/2006, 01:48

Это забыли на тумбочке в гостиничном номере, где 25 июля 1996 г. останавливалась легендарная актриса Марлоу Хьюз. «Отель дю Кап-Эден-Рок» на мысе Антиб. На следующий день позвонила женщина и спросила, нашли ли мы книгу. Я работал портье и говорил с ней по телефону. Соврал, что ничего в номере не находили.

Сверху карандашом написано и зачеркнуто «Теодор Кордова».

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 218 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ(А) : Экземпляр 919

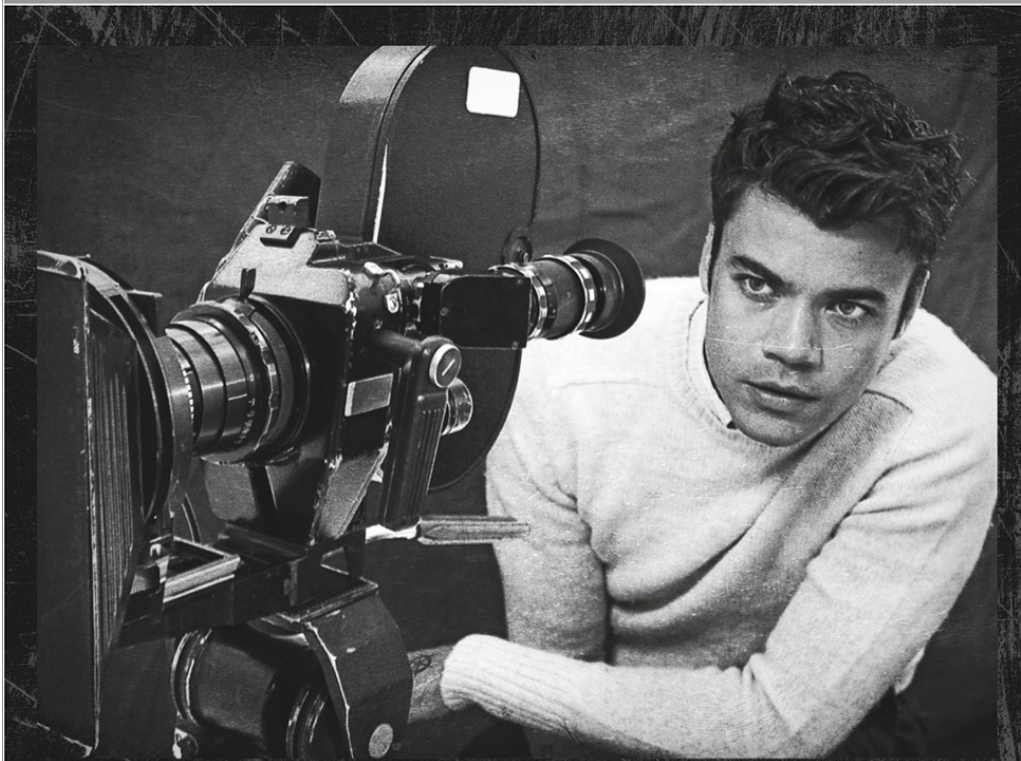
11/05/2008, 23:28

Мне кажется, Инес Галло, давняя помощница Кордовы, и Станислас Кордова — это один человек. Когда ей вместо Кордовы вручали «Оскара» за «Тиски для пальцев» (1979), у нее на тыльной стороне кисти виден вытатуированный штурвал.

ДАЛЬШЕ >>

Такая же татуировка видна на руке Кордовы на официальном фотопортрете «Уорнер Бразерс», который рассылали журналистам перед выходом первого фильма «Силуэты, омытые светом» (1964).

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ»

Результат 243 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Дайэн с Писательского Курса

21/02/2011, 03:06

Зритель при просмотре фильма Кордовы.

ДАЛЬШЕ >>

ОПУБЛИКОВАЛ(А) : Карга123

23/12/2006, 23:27

Я живу в Лонг-Лейк, в 13 милях к югу от Каргаторп-Фоллз.

Однажды ночью в июне 1992-го я ужинал в закусочной и заметил, что в одной кабинке сидит мексиканский подросток в сильном расстройстве. По-английски он не говорил. Я преподаю испанский в местной средней школе. Спросил, не нужна ли ему помощь. Он ответил, что стал свидетелем ужасного.

Он рассказал, что был в группе мигрантов, которых больше месяца назад перевезли из Мексики в Каргаторп-Фоллз работать на съемках. Я заподозрил, что он нелегал, но давить не стал — он и так боялся говорить. Он объяснил, что в тот день снимали сцену на машине с двумя актерами в лесу. Съемки длились несколько часов, и тут в кадр крича вбежал незнакомый человек, какой-то подросток. После продолжительной катавасии выяснилось, что мальчик — сын режиссера, он чинил моторку на озере поблизости и нечаянно отрезал себе три пальца.

Мальчик сжимал в руке отрезанные окровавленные пальцы, кричал от боли и просил отца вызвать «скорую».

Режиссер отказал. Вместо этого он тотчас уволил одного из актеров и велел сыну сыграть его роль.

Режиссер заставил его отыграть шестнадцать полных дублей, после чего мальчик потерял сознание. В конце концов вызвали «скорую». Но времени уже прошло слишком много, и пришить пальцы не удалось.

Потом мексиканец испуганно притих, вытер слезы и ушел из закуской. Я позвонил в полицию Каргаторп-Фоллз, попросил их расследовать инцидент, но мне так никто и не перезвонил.

Эта история мучила меня годами. Мне удалось разыскать в интернете фильм ужасов, который Кордова снимал в тот период, «Подожди меня здесь». Я с ужасом увидел, что роль неизвестного в начале играет сын Кордовы Тео. Я уверен, что мексиканец говорил правду. Невыносимая боль на лице Тео подлинна, и, если остановить фильм ровно на 05:48, видно, как торчат голые кости отрезанных пальцев.

ДАЛЬШЕ >>

Почти всю ночь мы с Норой просидели на «Черной доске». Все равно что в крошечной темноте бродить по зеркальному лабиринту, на каждом шагу натываясь на люки и тоннели, слыша голоса из комнат без дверей, ощупью спускаясь по шатким лестницам, бесконечно уводящим в недра земли.

Всякий раз, когда я открывал было рот – мол, пора расходиться, пусть глаза отдохнут, утром еще покопаемся в этом бездонном архиве, – попадалась еще одна байка, на которую никак нельзя не кликнуть, еще один непостижимый эпизод, слух или странная фотография.

«Устраши в себе зверя» – немало страниц на сайте посвящалось якобы жизненной философии Кордовы, каковая вкратце сводилась к тому, что ужас, *страх до потери сознания*, рождает свободу, открывает тебе глаза на живописные, темные и великолепные стороны жизни, тем самым побеждая чудовищ разума. Это означало, как выражались кордовиты, «отправить агнца на бойню» – избавиться от кроткого пугливого «я», сбросив с себя оковы, наложенные друзьями, родными и обществом в целом.

«Едва агнец умерщвлен, ты способен на все и на что угодно; отныне весь мир твой, – провозглашал сайт. – Самовластный. Смертоносный. Совершенный».

Эти три слова, которыми Кордова в том самом интервью «Роллинг Стоуну» описал свой любимый кадр – крупный план собственного глаза, – были лозунгом кордовитов на «Черной доске» и по жизни. *Самовластие*: индивидуальность священна, индивид – благородный, могущественный, самодостаточный борец, единолично властвующий над собой вдали от общества. *Смертоносность*: неотступное осознание неизбежности собственной смерти, а раз смерть неизбежна, отчего не вгрызаться в жизнь зверем. *Совершенство*: постигай, что жизнь твоя и любые текущие обстоятельства идеальны. Ни сожалений, ни вины: даже тупик – всего лишь кокон, откуда следует вырваться, *выпустить жизнь на волю*.

Я и так знал, что поклонники Кордовы полагают его аморальным чародеем, темным служителем, который уводит их прочь из затхлой и скучной повседневности в глубокие норы сырого мирового нутра, где, что ни час, случаются сюрпризы. Прочесывая перешептывания и гипотезы на «Черной доске», густые джунгли анонимных комментариев – от пиетета

до испуга, от блистательных вывертов логики до извращений, – я лишний раз убеждался в том, что давным-давно заподозрил: Кордова – не просто сумасбродный чудаков вроде Льюиса Кэрролла или Говарда Хьюза^[40]; Кордова внушает толпам преданность и благоговение, чем немало напоминает идеолога религиозной секты.

К 3:45 мы с Норой – уже в бреду, с пустыми глазами – перешли в гостиную, где откопали пиратский диск с «Подожди меня здесь» (купленный за семьдесят пять долларов у Бекмана) и посмотрели первую сцену, в которой двадцатидвухлетняя Тамсин Поук в роли Дженни Декантер среди ночи одиноко едет по лесной грунтовке.

Внезапно из-за деревьев выламывается Тео Кордова – в роли неизвестного № 1, – отчего Дженни кричит, бьет по тормозам, а заглохшую машину крутит и выбрасывает в канаву.

Мне всегда казалось, что Тео Кордова смахивает здесь на обезумевшего Пака: истощенный, полуголый, глаза остекленели, на голой груди кровь и, похоже, отметины человеческих зубов. Теперь, после истории Карги123 на «Черной доске», Тео смотрелся еще жутче. Он постучал в боковое стекло, подергал дверь, произнес свою единственную реплику – «Умоляю, спасите меня», – еле слышную за воплями Дженни, и голос его сочился изо рта, точно древесная смола.

Нора сделала паузу.

Потом кадр за кадром подобралась к 05:48, и стало видно, что у Тео на руке не хватает трех пальцев.

– Вот!

– Это же кино. Спецэффекты, грим, протез...

– Ты на лицо посмотри. Это настоящая боль. Я же вижу.

Она нажала «Вкл.», и рука Тео упала.

Дженни умудряется завести машину и, чуть не сбив измученного раненого мальчишку, мчится дальше по дороге, визжа покрышками и треща ветвями, хлещущими в стекло. Улепетывая в слепом ужасе, смаргивая слезы, она наблюдает за Тео в зеркало заднего вида.

Полуголая фигура красно сияет в свете габаритных фонарей, быстро тончает, чернеет, а затем – стремительно, как насекомое, – бросается прочь с дороги и исчезает.

Нора заползла на диван, накрыла ноги пледом и подобрала с кофейного столика Септима, будто дряхлая птица защитит ее от надвигающегося экранного ужаса.

– Сделать попкорна? – спросил я.

– Безусловно.

В итоге мы досмотрели «Подожди меня здесь» до финала.

На фильмы Кордовы подсаживаешься, как на опиаты, – невозможно посмотреть минутку и выключить. Хочешь еще и еще. Около 5:30, когда мозг мой лопался от кровавых картин и адского сюжета, не говоря уж о шепотках анонимов с «Черной доски», мы с Норой разошлись спать.

Проснувшись наутро, я узнал, что «Вэнити фэйр» располагает «сенсационными подробностями» касательно Александры Кордовы и в ближайшие дни опубликует статью у себя на сайте. Это означало, что по следу идут и другие журналисты, но мало того: вероятно, рано или поздно они тоже явятся в «Брайарвуд-холл» – и на порог к Моргану Деволли. И тогда с преимуществом, которым я был обязан Шерон Фальконе и полицейскому досье Александры, можно попрощаться.

А мое расследование, увы, забуксовало.

Мы узнали, как Александра бежала из «Брайарвуда», выяснили, что ей диагностировали никтофобию – «острый страх темноты или ночи, вызванный искаженными представлениями о том, что может или должно случиться с телом в отсутствие света», как пояснил «Новоанглийский медицинский журнал». Мы одержали маленькую победу, успешно проникнув на «Черную доску», переворошили байки самых преданных фанатов Кордовы.

Однако новых зацепок не появилось.

Бежав от Моргана Деволля, Александра поездом прибыла в город, но зачем она сюда приехала и где провела еще десять дней (помимо тридцатого этажа «Уолдорф-Тауэрс») – по-прежнему загадка.

Можно, конечно, подкупить сотрудника отеля и выпросить список всех, кто проживал на этаже с 30 сентября по 10 октября, – но опыт подсказывал, что этого мало: еще нужно знать, через какой фильтр отсеивать имена. Список будет внушительный, многие постояльцы, несомненно, окажутся богатыми туристами, не обрадуются расспросам о том, чем занимались в отеле, и не сочтут, что обязаны честно отвечать. Допустим, я всех вычислю и всем предъявлю фотографию Александры – но данных, вероятно, толком не прибавится, и, что хуже, времени я потеряю вагон.

– А если показать фотографию в магазинах возле «Уолдорфа»? – предложила Нора, когда я примерно так и описал ей ситуацию. – Вдруг

Сандру видели? Она же в этом красном пальто выделялась.

– С тем же успехом можно выйти на Таймс-сквер и опросить прохожих. Слишком большая выборка. Нам нужна конкретика.

Тогда Нора посоветовала посмотреть Кордову.

– Может, найдем что-нибудь секретное. Как пальцы Тео.

Поскольку сию секунду альтернативы не возникло, я смахнул пыль с коробки, оформленной под знаменитый «самсонитовский» дипломат из «Тисков для пальцев»: внутри восемь фильмов, выпущенные «Уорнер Бразерс», – от «Наследия» (1966) до «Дитяти любви» (1985). Мы задернули шторы в гостиной, сделали еще попкорна и приступили к Кордовскому марафону.

Нора позвонила Хопперу, хотела позвать и его, но он не откликнулся. Вообще-то, я бы не удивился, если б мы не увидели его больше никогда. Дерганый пацан: каковы ни были его отношения с Александрой, я подозревал, что его энтузиазм окажется непостоянен, как и его настроение. Хоппера швыряло от острого интереса к желанию выкинуть всю эту историю из головы.

Мы сели смотреть «Тиски», я в кухне грел очередную порцию попкорна, и тут позвонили в дверь.

– Я открою! – пропела Нора.

Спустя минуту, заметив, что в квартире стоит гробовая тишина, я высунул голову в коридор. К моему потрясению, в прихожей, недоуменно разглядывая Нору, стояли Синтия и Сэм.

В эти выходные дочь у меня. *Я забыл.*

От свиданий с бывшей женой меня до сих пор потряхивало. Посредником при Сэм была назначена Джинни. Синтия в моем доме – все равно что гризли, забредший ко мне в лагерь на отшибе: опасный для жизни сценарий, который я обдумывал, но лишь в качестве наихудшего поворота сюжета.

Была она, как всегда, ослепительна: кремовое шерстяное пальто, джинсы, грива выпрямленных светло-пепельных волос. Синтия работала арт-дилером в эксклюзивной галерее современного искусства на Мэдисон-авеню и нередко взидала на странно одетых прохожих, как на аэрографические портреты Элвиса за 99 центов.

– Привет, зайка, – сказал я Сэм. – Миссис Куинси. Чему мы обязаны таким удовольствием?

Синтия обернулась ко мне:

– Ты мои сообщения не получил? Джинни в больнице. Слегла с моноклеозом, уехала в Вирджинию лечиться. Месяца на полтора

минимум.

Я посмотрел на Сэм – та стискивала ручку чемоданчика «История игрушек» и, распахнув глаза и открыв рот, разглядывала Нору.

– Зайка, ты уже познакомилась с моей новой ассистенткой? – спросил я.

Сэм не ответила. При встрече с незнакомцами она немела от чистого восторга, и теперь застенчиво спряталась за мою бывшую жену.

– Можно с тобой поговорить? – осведомилась Синтия, скупно улыбаясь.

– Ну конечно.

– Сэм, побудь здесь. Я сейчас вернусь. – И первой зашагала по коридору.

В кабинете она закрыла за мной дверь.

– Это еще кто?

– Нора. Помогает мне со статьей.

– Сколько ей лет? Шестнадцать?

– Девятнадцать. И она очень взрослая для своего возраста.

Приятно было бы думать, что Синтия взревновала, увидев меня с другой женщиной, но это тут ни при чем. Она волновалась за Сэм.

Синтия огляделась и нахмурилась, увидев груды бумаг на полу, – несомненно, подумала: кое-что в мире не меняется.

Она по-прежнему была красавицей. Ужасно. Я все ждал, что она углубится в пятый десяток и пойдет морщинами, как легендарный ухоженный газон, изрытый кротовыми норами. Так ведь нет – ее зеленые глаза, эти ее скулы, выразительный ротик, выражавший любое настроение с усердием переводчика ООН, оставались молоды и чисты. Теперь, просыпаясь по утрам, это лицо первым делом видел Брюс. Все-таки невероятно, что этому человеку – пятьдесят восемь, пузо, волосатые запястья и яхта «Доминион II» в Лиффорд-Ки – дозволено изо дня в день жить подле такого великолепия. Умеет мужик выцеплять выгодные сделки, с этим не поспоришь. Когда Синтия продала ему Дэмьена Хёрста под уместным названием «Красивая кровоточащая рана на материализме денежной живописи», Брюс заметил, что Синтия и сама произведение искусства, которым можно любоваться всю жизнь. Я, правда, не предвидел, что Синтия продастся вместе с полотном.

На втором курсе Мичиганского университета, когда мы познакомились, она была взбалмошна и бедна, изучала Францию и цитировала Симону де Бовуар. Когда шел снег, отирала сопливый нос рукавом куртки, высовывала голову в окно машины, как собака, и ветер взметал ее волосы фейерверком. Этой женщины больше нет. И не ее в том

вина. Вот что делают с человеком большие деньги. Сдают его в химчистку, жестоко крахмалят, выглаживают, отпаривают все неровные края, всю грязь, и голод, и простодушный смех. Мало кто выживает среди настоящих денег.

– И вы с этой девочкой просто вместе работаете, – сказала Синтия.

– Да. Она моя ассистентка.

– Ну, у тебя ассистентки чем только не занимаются.

Это был удар под дых, но я стерпел. Это правда: после развода у меня случились *отношеница* с последней ассистенткой, 34-летней Орелией Файнштейн; впрочем, во имя исторической правды отмечу, что предсказуемой радости это не принесло. Секс с Орелией – все равно что рыться в картотечном шкафу безлюдной библиотеки в поисках давно забытого и мало кем востребованного сборника венгерской поэзии. Мертвая тишина, совета ни от кого не добьешься, и все не там, где должно быть.

– У нас тут очень невинно, в чем проблема-то?

– Ты даже не вспомнил, что Сэм сегодня приедет.

– Неправда. Она отлично тут поживет. Если что не так, я позвоню – прилетишь за ней на «Черном ястребе».

– А Нэнси?

– *Нора*. К десяти уйдет. – Сейчас не время сообщать, что у Сэм будет соседка по комнате.

Синтия вздохнула, скорчив знакомую гримасу капитуляции.

– Привези ее в воскресенье к шести. Мы с Брюсом перенесли Санта-Барбару на следующую неделю – у вас с Сэм будут долгие выходные. – Она смерила меня недоверчивым взглядом. – Если справишься, конечно.

– Я справлюсь.

– Мы едем с друзьями – тебе нельзя вдруг передумать.

– Честное слово. Я только рад подольше с ней побыть.

Она, видимо, смирилась, перекинула гриву через плечо и уставилась на меня, явно ожидая, когда я что-нибудь прибавлю.

То была одна из величайших загадок нашего брака. За шестнадцать лет совместной жизни Синтия то и дело ждала, когда я что-нибудь прибавлю, будто на свете существовали некие конкретные слова, которые ее отпрут (поскольку она у нас сейф наиновойшей модели). К вычислению кода я и близко не подобрался. «Я тебя люблю» не помогало. Равно не помогало «О чем ты думаешь?» и «Скажи, что ты хочешь услышать».

Теперь она подождет с минуту, а то и больше, сообразит, что до дальнейших уведомлений придется стоять запертой, и уйдет,

скрывшись под герметичной печатью молчания. Так и вышло: она распахнула дверь и пошла по коридору.

Я шагнул было за ней, но в кармане зазвонил телефон. Хоппер.

– Угол Пятьдесят восьмой и Бродвея! – заорал он, и вместе с ним в трубку ворвалась полицейская сирена. – Быстро!

– Что?

– Я нашел человека, который видел Сандру за несколько дней до смерти.

Синтия в прихожей снимала с Сэм пальто.

Бл-лин.

– Двадцать минут, – сказал я и дал отбой.

Значит, Хоппер все же не слинял. Он у нас, похоже, козырная карта.

31

Сэм взирала на меня угрюмо. Присев на корточки, призвав на помощь все свое актерское мастерство, я объяснил, что папе надо заняться *суперсекретной работой* и пора бежать, поэтому Сэм останется с мамочкой. Дочь в ответ не промолвила ни слова.

– Через неделю мы пробудем вместе четыре дня, – пообещал я. – Только мы вдвоем, хорошо?

Она еще помолчала. А затем – видимо, думая какую-то очень серьезную думу – погладила меня по голове. Она никогда так не делала. Раскрасневшаяся Синтия пронзила меня взглядом – *ну ты папаша хоть куда*, – но, ради Сэм любезно улыбаясь, подняла ручку на чемодане, наклонила его к Сэм, и та послушно покатила свой багаж к двери, точно усталая стюардесса, которой сообщили, что остался еще один перелет до Цинциннати.

– Пока, зайка, – сказал я. – Я тебя люблю больше... как там было?

– Солнца плюс Луны, – ответила она на ходу.

– Я ей компенсирую, – сказал я Синтии.

– Ну еще бы. – Она тряхнула гривой, улыбнулась и шагнула следом за дочерью. – Мы запишем тебе в счет.

Стараясь не утонуть в цунами угрызений, я открыл шкаф в прихожей.

– Звонил Хоппер, – сказал я Норе через плечо. – Встречаемся на Пятьдесят восьмой, сейчас. Он нашел зацепку. – Я схватил ключи, однако Нора так и стояла на пороге гостиной. И смотрела на меня во все глаза. – Что такое?

– Это был ужас.
– Что было ужас?
– Вот это.
– Моя бывшая жена? Да не говори. Представляешь, когда-то *эта женщина* жила ради субботнего караоке. В колледже мы ее звали «Бэнглз». Что с ней ни делай, целыми днями распевала на публике «Ходишь как египтянин».^[41]
– Я не про нее.
Я помог Норе надеть пальто.
– А про что? Давай скорей, нам бежать пора.
– Ты думаешь, ты не палишься, а ты палишься еще как.
Я выпихнул ее за дверь и повертел ключом в замке.
– Что значит – я палюсь?
– Ты безумно ужасно в нее влюблен.
– Эй. Никто тут не безумен, не ужасен и не влюблен.
Она положила руку мне на плечо – в глазах читалась откровенная жалость.
– Тебе надо жить дальше. Она счастлива.
И с этими словами Нора бодро поскакала по коридору, а я стоял и смотрел ей вслед.

Хоппер ждал нас на углу возле банка «Эйч-эс-би-си» и курил; судя по опустошенному лицу и серьезной гримасе, за два прошедших дня он почти не спал.
– Что мы тут делаем? – спросил я.
– Помнишь, что Морган Девольт говорил? Что Сандра не могла не играть на пианино?
– Ну да.
– Я вот вчера подумал. Сандра приехала в город искать кого-то – где она играла бы, если б ей приспичило?
– Джазовые клубы. Джуллиард. В вестибюле отеля? Трудно сказать.
– Туда не пустят играть не пойми кого с улицы, да еще так, чтоб тебя не отвлекали поминутно. А потом я вспомнил. У меня один друг – крутой спец по классике. Демозалы в Фортепианном ряду хороших пианистов пускают за милую душу. Я днем там побродил, поспрашивал, и в одном магазине менеджер ее узнал. Сандра за неделю до смерти приходила

дважды.

– Молодец, – сказал я.

– Он сейчас нас ждет, готов поговорить. Только быстро, а то они скоро закрываются.

Хоппер выбросил окурок и зашагал по тротуару.

О Фортепианном ряде я слышал впервые. Кривой квартал Пятьдесят восьмой улицы между Бродвеем и Седьмой авеню, где между громадами жилых домов шестидесятых, точно воробышки среди бегемотов, притулились хрупкие фортепианные магазины. Мы пробежали мимо «Фортепиано Бетховена» – плакаты в витринах рекламировали концерты Вивальди и уроки вокала. Внутри дюжими танцовщицами кордебалета в ожидании выхода на сцену застыли, распахнув крышки, одинаковые и блестящие кабинетные рояли. Хоппер прошаркал мимо супермаркета «Мортон Уильямс», перешел дорогу, миновал пожарную станцию и притормозил у грязно-зеленого навеса лавки под названием «Клавирхаус».

Я пропустил Нору в дверь. В отличие от «Фортепиано Бетховена», в «Клавирхаусе» стояло всего три пианино. Магазин пустовал – ни покупателей, ни продавца. Похоже, в эпоху интернета фортепиано, как и бумажные книги, стремительно превращались в культурный пережиток. Так и будут потихоньку загнивать, пока «Эппл» не изобретет какое-нибудь «айПиано», которое помещается в кармане и управляется через СМС. *С «айПиано» каждый может стать айМоцартом. Сочиняйте свой «айРеквием» на свои «айПохороны», куда придут миллионы ваших айДрузей, которые вас айЛюбят.*

Из-за двери в дальнем углу Хоппер привел немолодого тщедушного человечка в коричневых вельветовых штанах и черной водолазке, с худосочным седым клоком на лысеющей голове. Человечек походил на престарелого мальчишку – на классической музыке таких взросло немало. Водятся эти любители Малера в радиусе десяти кварталов от Карнеги-холла. В одежде предпочитают земляную палитру, собрали всю телевизионную коллекцию «Величайших исполнений» на DVD, живут одиноко в квартирах Верхнего Вест-Сайда и ежедневно беседуют со своими цветами в горшках.

– Это Питер Шмид, – объявил Хоппер.

– Менеджер «Клавирхауса», – гордо добавил Питер.

Мы с Норой тоже представились.

– Насколько я понял, пару недель назад к вам приходила Александра Кордова, – сказал я.

– Тогда я этого не знал, – пылко отвечал Питер, сцепив руки. – Но по описанию мистера Коула – да, пожалуй, к нам приходила именно она.

Он был из тех, у кого поначалу подозреваешь иностранный акцент, но затем слышишь, что он американец, просто изъясняется деликатно, тщательно *отряхивая и поднося к свету* каждое слово.

– А полиция вас не расспрашивала?

– Нет-нет. Полиция к нам не заглядывала. Я и не подозревал, кто эта девушка, пока сегодня не пришел мистер Коул. Он ее описал, и я узнал мгновенно. – Питер посмотрел на Хоппера. – Темные волосы. Красное пальто с черным кантом. Красавица.

– Когда она приходила? – спросил я.

– Вам назвать точную дату?

– Не помешало бы.

Питер забежал в нишу администрации. Повозившись за прилавком, извлек большой, набитый бумагами ежедневник в кожаном переплете.

– Почти наверняка был вторник, потому что у нас только что прошел музыкальный салон, – пробубнил он, откидывая обложку. – Обычно заканчивается к половине одиннадцатого. А в тот вечер около одиннадцати я наводил порядок в задней комнате и вдруг услышал великолепнейшую интерпретацию «Благородных и сентиментальных вальсов» Равеля. Вы их, разумеется, знаете?

Мы потрясли головами, чем, кажется, его насторожили.

– Ну что ж. Я забыл запереть дверь. – Он нахмурился, глядя в ежедневник, задумчиво прижал палец к губам. – Было четвертое октября. Да. Я почти уверен. – Улыбнулся, развернул ежедневник к нам и пальцем постучал по дате. – Я выбежал в зал и увидел ее за роялем.

– Каким и где он? – спросил я.

Он ткнул пальцем:

– «Фаццоли». В витрине.

Я подошел к роялю, Нора за мной.

– Хороший рояль? – спросил я.

Питер усмехнулся, будто я пошутил, и тоже подошел.

– «Фаццоли» – лучшие на свете. Многие профессионалы считают, что они лучше «Стейнвеев».

Роскошный и грозный инструмент, даже на мой дилетантский взгляд.

– Фортепиано – они как люди, – негромко отметил Питер. – У каждого уникальный характер. Он познается постепенно. И порой фортепиано бывает одиноко.

– А у этого какой характер? – спросила Нора.

– Ха. Это у нас примадонна. Училась бы в школе – была бы королевой бала. Временами капризничает, любит командовать. Если ее распустить, заберет власть. Но если пианист тверд, она воссияет. Фортепианные деки делаются из елового дерева. Так вот Фаццولي использовал ели из лесов Валь-ди-Фьемме в Северной Италии.

Он подождал нашего восхищения, но мы лишь молча хлопали глазами.

– Та же древесина, из которой в семнадцатом веке Страдивари мастерили свои легендарные скрипки. Она дает сочный, бархатный звук – ныне мастера не умеют его воспроизводить. Поэтому скрипки Страдивари стоят миллионы.

– И что вы сделали, когда ее услышали? – спросил я.

– Хотел сказать ей, чтоб приходила завтра. Мы ведь закрылись уже. Но ее игра... – он зажмурился и покачал головой, – будоражила. Сразу видно, что она училась у европейца, – непримиримая, порывистая артикуляция и в то же время глубочайшая проникновенность, в идеальном равновесии. На ум приходят величайшие пианисты. Аргерих. Паскаль Роже^[42]. Духу не хватило помешать. Гении же не с девяти до пяти работают, *n'est-ce pas*? Не заговорил, пока она не доиграла.

– Долго играла? – спросил я.

– Минуты полторы. Лицо знакомое, но очень отдаленно. Будто внезапно вспомнил мелодию из детства, но не помнишь слова, почти ничего не помнишь, кроме горстки загадочных нот. – Он вздохнул. – Теперь-то я понимаю, что это была Сандра Деруин. Совсем выросла. Один из владельцев, Габор, говорил, что девочкой она приходила играть постоянно. Но я не сообразил. – Он в задумчивости помолчал. – Закончив, вежливо спросила, нельзя ли сыграть целиком всю сюиту, от *Assez lent* до *Epilogue*. Это минут пятнадцать. Разумеется, я сказал «да». – Он улыбнулся. – Попроси она разрешения сыграть все бетховенские сонаты, я бы тоже согласился. Доиграла, подняла голову, посмотрела на меня. Взглядом словно пронзила насквозь.

– Сказала что-нибудь?

– «Спасибо». Тихий голос. Хриплый. Пластика лебединая. Наружность безупречна. Что в глубине – не поймешь. Посидела, помолчала. Чувствовалось, что ей тяжело говорить. Я еще подумал, может, у нее английский неродной. Подобрала сумку, а потом... – Его взгляд перелетел к роялю, словно он воображал, как Александра идет к двери. – Я уговаривал ее остаться, но когда спросил, кто она такая, она ответила: «Никто». И ушла.

- Как она держалась? – спросил я.
- В каком смысле «держалась»?
- Подавлена? Психически нездорова?

– Помимо неразговорчивости? Нет. В тот раз – нет. В тот раз она, когда закончила, была вполне довольна. Как после энергичного заплыва в Тихом океане. С музыкантами так бывает после удачных репетиций. – Он откашлялся, уставился на пустую улицу за витриной. – Я смотрел, как она уплывает по тротуару, будто сама не понимает, куда направляется. Ушла в сторону Бродвея и пропала. Вернувшись домой, я всю ночь не мог уснуть, очень отчетливо помню. Но я был совершенно умиротворен. В последнее время у меня не все гладко в личной жизни – от подробностей я вас, разумеется, избавлю. Но мне было даровано ее появление. Отчасти важно и то, что видел ее я один. Она вполне могла оказаться порождением моей фантазии. *Demoiselles* Дебюсси^[43]. Я сомневался, что снова ее увижу.

- Когда она вернулась? – спросил я.

Вопрос его, кажется, опечалил.

- Через три дня.

– То есть седьмого октября, – уточнил я, делая пометку в «блэкберри». – Не помните во сколько?

– Через час после закрытия. Часов в семь, наверное. Я был один, как и в первый раз. Даже наш стажер куда-то подевался. – Он указал на большую, антикварную на вид кожаную тетрадь на столике у задней стены. – Всех посетителей мы просим подписать гостевую книгу «Клавирхауса». Считается, что, если артист распишется в нашей гостевой книге, это дарует профессиональную удачу и мастерство. Такое, если угодно, крещение. Все легенды у нас расписывались. Цимерман. Брендель. Лан Лан. Горовиц.^[44]

Сообразив, что имена ничего нам не говорят, и упав духом, он судорожно вздохнул и указал на компьютер в нише:

– Я набирал адреса и имена, и тут в стекло постучали. Говоря строго, мы уже закрылись. Однако я ее узнал – и, разумеется, впустил. Но едва отпер дверь, увидел, что дела очень плохи.

- То есть? – спросил Хоппер.

Питер смущенно помялся:

– С первой нашей встречи она, по-моему, не принимала душ – может, даже пальто не снимала. Волосы всклокочены. От нее несло грязью и потом. Отвороты на джинсах замараны. Сельская грязь, подумал я. Она была как будто под кайфом. Я сообразил, что она, должно быть,

бездомная. К нам нередко забредают бездомные. Отсыпаются на паперти Святого Фомы на Пятой, приходят сюда. Их притягивает музыка. – Он вздохнул. – Она спросила, нельзя ли поиграть. Я сказал «да». И она тотчас села туда же. – Он посмотрел на пустующий табурет коричневой кожи перед «Фацьоли». – Она пробежала пальцами по клавишам и сказала: «Сегодня, пожалуй, Дебюсси. Он на меня меньше злится». Нечто в этом духе. А потом она...

– Погодите, – перебил я. – Она так о нем говорила? Как будто они знакомы?

– Ну да, – беспечно кивнул Питер.

– Как-то странно.

– Отнюдь нет. Концертные пианисты сильно сродняются с мертвыми композиторами. Это неизбежно. Классическая музыка – не просто музыка. Это дневник. Признания во мраке ночи, без купюр. Обнажение души. Возьмем современный пример. Скажем, «Флоренс и Машина». В песне «Космическая любовь»^[45] Флоренс последовательно описывает, как темнеет и распадается мир, когда у нее, довольно страстной девушки, разбито сердце. «Звезды, Луна – теперь все погасло». Так вот. У Бетховена и Равеля ровно то же самое. Все свое яростное существо они изливали в музыку. Заучивая произведение, пианист узнает мертвого композитора очень близко – и отсюда вытекают все наслаждения и сложности напряженных взаимоотношений. Музыкант познаёт лживость Моцарта, его острый дефицит внимания. Жажду признания Баха, его нетерпимость к простым решениям. Взрывной темперамент Листа. Неуверенность Шопена. И посему, когда пианист оживляет эту музыку на концерте, на сцене, перед тысячами слушателей, ему очень нужно, чтобы мертвец его поддержал. Потому что он возвращает мертвеца к жизни. Подобно Франкенштейну, гальванизирующему свое чудовище, понимаете? Порой случаются поразительные чудеса. Или рождаются новые чудовища.

Я глянул на Хоппера. Тот смотрел на Питера не отрываясь, в равных дозах смешивая сосредоточенность и скептицизм. Нора была зачарована.

– И что случилось на сей раз?

– Она заиграла. Открывающие параллельные квинты *La cathédrale engloutie*...

– Кто открывающий и параллельный? – нахмурившись, перебила Нора.

– *La cathédrale engloutie*. «Затонувший собор».

Разгадав наше очевидное невежество, Питер просиял, не в силах скрыть восторга:

– Клод Дебюсси. Французский импрессионист. Одна из моих любимых прелюдий. В ней повествуется о соборе, погруженном на дно морское. В ясный день он вздымается из бурлящих вод и тумана, исступленно звоня колоколами, и на считанные секунды застывает в воздухе, блистая под солнцем, а затем вновь погружается в бездонную пучину и пропадает. Дебюсси велит музыканту последние аккорды играть пианиссимо, на полупедали, и действительно звучит так, будто церковные колокола звонят под водой, ноты сталкиваются, затухают и иссякают, как иссякает на свете всё – как иссякаем все мы: реверберация финальных аккордов, а после тишина.

Он умолк и помрачнел.

– У нее не получалось. Ее игра – прежде такая проникновенная, такая нежная и лиричная, такая романтическая – теперь лишь баламутила душу. Она вгрызалась в музыку, однако ноты ее бежали. Получалось невнятно. Отчаянно. И когда она взглянула на меня, я... – Он звучно сглотнул. – Глаза у нее налились кровью. Словно взаправду кровоточили. Это лицо вселило в меня ужас – до того оно переменилось с прошлой нашей встречи. Я помчался звонить в полицию. Оставил ее играть у витрины. Но едва я вошел в заднюю комнату, музыка смолкла. Наступила тишина. Я выглянул. Она застыла за роялем, и эти глаза следили за мной, будто она знала, что я надумал. Потом схватила сумку и ушла. Раз – и нету. – Он щелкнул пальцами. – И вот это перепугало меня окончательно.

– Почему? – спросил я.

Он в волнении заломил руки:

– Она двигалась как зверь.

– Зверь? – переспросил Хоппер.

Питер кивнул:

– Слишком быстро. Нормальные люди так не умеют.

– Куда она пошла? – спросил я.

– Не знаю. Я вернулся в зал, но ее уже не увидел. Даже наружу вышел, осмотрелся. Ее не было нигде. Я поспешил запереть магазин. Не хотел оставаться тут в одиночестве.

Он меланхолически потупился.

– Она больше не приходила. Я о ней думал. Но до вас никому не рассказывал. – Он посмотрел на Хоппера. – Я так рад, что вы о ней спросили. Какое счастье, что я не вымечтал ее из ничего. Мне... Мне в последнее время нелегко. – Он покраснел. – Скажем так: приятно знать, что я не схожу с ума. – Он снова посмотрел на рояль. – Она, пожалуй, была как тот собор. Явилась, потрясла меня, распалась и исчезла,

по себе оставив только эхо. А я стою и уже не понимаю, что́ увидел.

– У вас в магазине есть камеры наблюдения? – спросил я.

– У нас сигнализация. Камер нет.

– Она ничего больше не говорила? Где живет, например?

– Ой, нет. Что было, я вам рассказал, а помимо этого, мы не беседовали.

– И она ничего не оставляла? Никаких личных вещей?

– Боюсь, что нет.

Нора перешла к столику и принялась листать гостевую книгу.

– Честное слово, больше я ничего... ой, пожалуйста, аккуратнее. – И Питер засеменил к Норе. – Страницы очень хрупкие, а это единственная копия.

– Я просто подумала: может, она расписалась, – пояснила Нора; Питер нервно заглянул ей через плечо.

Хоппер приблизился к «Фацьоли», церемонно провел ладонью по блестящим клавишам, сыграл несколько резких нот.

Нора отыскала в книге 4 октября и пальцем скользила по списку имен и адресов.

– Дэниэл Хуан, – читала она. – Юджа Ли. Джессика Сонг. Кирилл Люминович. Борис Энтони. – Она довольно бесцеремонно перевернула страницу, и Питер прижал ладонь ко лбу, словно вот-вот грохнется в обморок. – Ханна Глосс. Виктор Козлов. Лин Бл...

– Что ты сказала? – перебил я.

– Виктор Козлов.

– До этого.

– Ханна Глосс.

Я шагнул ближе и изумленно уставился на страницу.

Нацарапано черной ручкой – знакомый почерк, тот же, без сомнения, что в записке Моргану Деволю, – а может, и на конверте с обезьяной.

– Это она, – сказал я.

Улочки были узки, и на них впритирку теснились согбенные винные лавки и поблекшие пятиэтажки. Окна верхних этажей, заставленные цветочными горшками и бутылками шампуня, светились электрической синевой и зеленью, точно заиленные аквариумы. То и дело мимо, неся оранжевые пластиковые пакеты из магазина или кутаясь в пуховик,

пробежал какой-нибудь одиночка, чаще всего китаец. Почти все оглядывались на нас, понимая – вероятно, потому, что мы ехали в такси, – что нам тут не место.

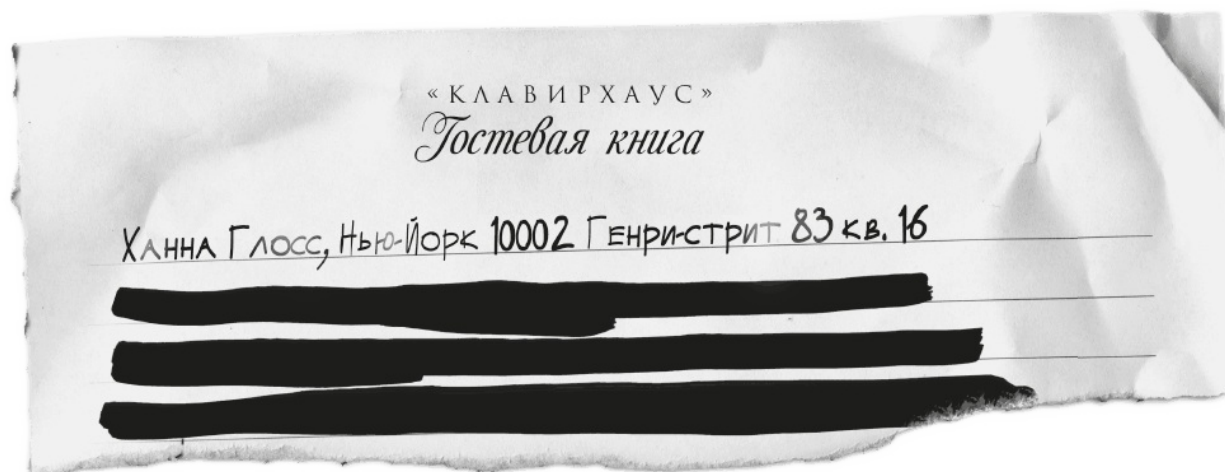
Таксист свернул на широкий четырехполосный бульвар Пайк-стрит. Слева приземистое кирпичное здание – по вывеске судя, «Манхэттенская ремонтная компания». Справа, кажется, публичная школа.

– Вот Генри-стрит, – внезапно подал голос Хоппер, изогнув шею и прочтя указатель; таксист свернул налево.

Супермаркет «Гонконг», салон красоты «Жасмин». Восьмой час вечера, магазины позакрывались, рольставни опущены и заперты на висячие замки.

– Это дом девяносто один. – Подавшись вперед, Нора озидала пустынную улицу. – Восемьдесят три сейчас будет справа.

Александра расписалась в гостевой книге «Клавирхауса» – и Питер Шмид понятия не имел, когда она успела.

Ханна Глосс. Так звали пропавшую подругу в «Меньшем из зол», незримую женщину, которая приглашает свою новую коллегу Кассандру и ее жениха Митчелла на выходные в родительский дом на пляже. В первые минуты экранного времени Кэсс и Митч, проспорив почти всю дорогу из города, уже за полночь подъезжают к темному и пустому дому. Ханны Глосс нигде нет. Обыскав дом – модернистскую стеклянную конструкцию, памятником нигилизму воздвигшуюся на самой кромке океана, – они обнаруживают, что там за какие-то секунды до их прибытия свершилось ужасное преступление и злодеи – в масках, с ног до головы в черном – по-прежнему здесь.

Я узнал это имя не только потому, что «Черная доска» изобиловала

гипотезами, а порой и алтарями, посвященными неуловимой Ханне Глосс. Я к тому же слышал пространную лекцию Бекмана об этом имени и его значении. Он полагал, что в «Ханне Глосс» зашифрован хаос. Утверждал, что пропавшая женщина – и вопрос о том, что с ней произошло, – метафора неизбежного мрака жизни. Такая фигура – фирменный знак Кордовы, и в честь нее Бекман назвал одного кота: Тень.

– Ханна Глосс – это Тень, что неотступно нас преследует, – говорил Бекман. – То, за чем мы охотимся, то, чего никогда не отыщем. Загадка бытия, осознание того, что, даже если мы обрели все желаемое, в один прекрасный день оно ускользнет. Невидимка, катастрофа на периферии зрения, тьма, придающая жизни объемность.

Из всех возможных псевдонимов Александра выбрала этот – пропавшую женщину из отцовского фильма, – отчего напрашивались всевозможные выводы психологического свойства, и навязчивее всего такой: истории отца вплетались в ее повседневную реальность – быть может, даже затмевали ее саму. Как она ответила, когда Питер Шмид спросил, кто она такая?

«Никто», – сказала она.

Я вспомнил очерк в газете Амхёрста. «Это так прекрасно – затеряться в музыке. На время забыть, как тебя зовут».

Такси замедлило ход на опустелой улице. Перед нами диагонально, словно упавшее дерево, которое никто не потрудился убрать, протянулся Манхэттенский мост. Вокруг него пустили ростки неопрятные жилые дома.

– Здесь, – сказал Хоппер, показав на дом справа.

Навес над фасадом был помечен «Генри-стрит, 83» – белые буквы, затем китайские иероглифы. По бокам от парадного входа – зеленой двери с прямоугольным окошком – опущены металлические решетки.

Я уплатил таксисту, и мы вышли.

Стояло странное, застылое безмолвие – слышались только слабые стоны машин, незримо мчавшихся по мосту. Я заглянул в окошко.

За рядами почтовых ящиков вглубь подъезда уходил грязный коридор, весь расписанный граффити.

– Смотрите, – прошептала Нора.

На табличке под звонком № 16 значилось «Х. Глосс».

– Не нажимай, – велел я.

Отступил на тротуар, оглядел дом: пять этажей, осыпающийся красный кирпич, проржавевшая пожарная лестница. Все окна черны, кроме двух на втором этаже и еще одного на пятом, с кружевными розовыми занавесками.

– Кто-то идет, – шепнул Хоппер и шмыгнул за угол на автостоянку.

Нора попятилась, заторопилась по тротуару. Обогнув грудку мусорных мешков на обочине, я тоже зашагал.

Вскоре у меня за спиной открылась дверь, торопливо застучали подошвы.

Из дома к Пайк-стрит направился азиат в синей куртке. Судя по всему, нас он не заметил – даже Хоппера, который проскользнул мимо и успел придержать закрывающуюся дверь.

– Чудненько, – взволнованно зашептала Нора, вбегая за ним. – Шестнадцатая – это, небось, наверху.

– Придержите коней, – сказал я, тоже войдя в подъезд.

Но Хоппер уже промчался по коридору и скрылся из виду, а Нора от него не отставала. Я оглядел почтовые ящики. Помимо «Глосс» в № 16, здесь были только Докинс в № 1 и Вайн в № 13.

Я пошел на цыпочках. За стенкой поблизости болботал телевизор. Хоппер и Нора звонко грохотали вверх по лестнице. Где-то впереди горел яркий свет, и их черные удлиненные тени внезапно разметались по стенам, двумя длинными черными языками соскользнули на пол, лизнули треснувшую коричневую плитку и пропали.

Я тоже стал взбираться. Лестница изобиловала мусором и рекламой азиатского эскорта, в основном по-китайски. Флаер, всунутый за раму грязного окна, обещал «азиатский девичий массаж» и изображал полуголую кореянку в резиновых ковбойских наштанниках, которая застенчиво смотрела через плечо. «Познакомьтесь с Юми», – рекомендовал флаер.

Хоппер и Нора исчезли где-то наверху. Я шагнул на очередной марш, отфутболил пивную банку «Цинтао», и тут на первом этаже что-то грохнуло.

Я перегнулся через железные перила.

Никого. Однако мне отчетливо слышалось дыхание.

– Есть кто? – окликнул я, и голос эхом заметался по лестничному колодцу.

Ответа не было.

Я одолел оставшиеся марши, открыл дверь под номером «5». Хоппер и Нора стояли в конце длинного сумрачного коридора перед 16-й квартирой. Когда я подошел, оба испуганно уставились мне за спину.

В конце коридора стояла какая-то тетка.

Одинокая неоновая лампочка на потолке выкрасила ей лоб и нос тошнотворной желтизной. Тетка была довольно грузная, сутулая, в длинной зеленой юбке и черной футболке, всклоченные русые волосы по плечам.

– Вы чего это тут делаете, а? – хрипло пробасила она.

– Друга навещаем, – ответил я.

Она приблизилась, шлепая вьетнамками по полу.

– Это кого еще?

– Александру.

– Кого?

– Ханну, – вмешалась Нора. – Он хотел сказать «Ханну».

Тут тетка застыла, явно расхотев подходить ближе. Шестой десяток, кожа пятнистая, недостает нескольких зубов, лицо смахивает на крошащуюся статую.

– И где она, эта Ханна? – осведомилась тетка. – Она мне за три недели аренду должна, так ей и передайте. У меня тут не богадельня.

Хоппер полез в карман пальто, показал ей черно-белую фотографию:

– Это она?

Снимок, видимо, из интернета, потому что прежде я этого портрета не видел. А может, из личной коллекции, со времен «Шести серебряных озер».

Тетка вглядываться не стала, только выпятила подбородок:

– Копы, что ль?

– Нет, – сказал я. – Мы друзья Ханны.

– Когда вы ее видели в последний раз? – выпалила Нора.

Тетка посмотрела недобро:

– Я с копами не толкую.

– Никакие мы не копы, – сказал Хоппер и из заднего кармана достал бумажник; едва бумажник открылся, черные теткинны глазки метнулись к нему, точно мухи к кашке. – Ответьте на наши вопросы, и в обиде не останетесь.

Он протянул ей три двадцатки – она мигом выхватила, пересчитала и запихала глубоко за ворот футболки.

– Это Ханна? – повторил Хоппер, помахав фотографией.

– На вид – вылитая.

– Когда вы в последний раз ее видели? – спросил я.

– Да уж несколько недель как. Я потому и пришла. Услыхала, как вы

тут шныряете, думала, она вернулась за шмотьем своим, хочет слинять потихому. Не в курсе, часом, когда ее высочество планирует пожаловать?

– Не особо.

Эта весть ее разгневала.

– Я б эту комнату уже пять раз пересдала! А теперь слесаря звать. Барахло ее выносить.

– А слесаря почему? – спросил я.

Она кивнула на дверь:

– У меня ключа нет. Она взяла и замок поменяла.

– Зачем?

– Да хер ее знает.

– Какая она была? – спросила Нора.

Тетка скривилась:

– Как герцогиня какая. То одно ей подавай, то другое, прям королева английская. Свет ей в ванной почини, потому как слишком, видишь ли, темно, холодный кран, горячий кран. У нас тут что – «Марриотт»?

– Не знаете, что она в Нью-Йорке делала? – спросила Нора.

Тетка сощурилась, будто ее походя оскорбили:

– Мне платят за время, а чем в комнатах занимаются – меня не волнует. Она мне, правда, разок сделала доброе дело. Мне сбегать надо было кой-куда, а она с племяшей моим пару часиков посидела. Вот за это ей спасибо. Но потом она берет и меняет замки, сбегает, аренду не платит. У меня бизнес тут. А не благотворительность. – Она в негодовании уставилась на дверь. – И еще слесарю платить.

– Сколько она тут прожила? – спросил я.

– С месяц. Но я ее которую неделю не вижу.

– А как она о вас узнала?

– По объявлению. Я у Порты флаеры расклеила.

– А сколько стоит взломать? – спросил Хоппер, проведя рукой по двери. – И мы вам оплатим все, что Ханна должна.

– Э... ну, не знаю – сто пятьдесят. И плюс за ущерб двери.

– Вот вам три сотни.

Хоппер сунул ей пачку купюр, которые она молниеносно цапнула. Затем сходил в конец коридора, к двери с захватанным стеклом – видимо, общей ванной, – выдрал из стены огнетушитель, вернулся и со всей дури саданул им по замку.

Пять ударов один за другим брызнули щепой; затем, ненапряжно и непринужденно, из чего следовало, что он делает это не впервые, Хоппер отбросил огнетушитель, отошел и вмазал по двери с ноги. Дверь

распахнулась, грохнула об стену и опять закрылась, оставив щелочку на дюйм.

На миг все застыли. Хоппер подтолкнул дверь.

Внутри стояла крошечная темнота – свет из коридора едва освещал шероховатый бетонный пол и лупящуюся краску на голубых стенах.

И отчетливо чем-то воняло – что-то сгнило.

Я хотел было спросить у домовладелицы, когда она в последний раз сюда заглядывала, но та уже пятилась.

– Мне вниз надо, – пробормотала она, развернулась и зашлепала вьетнамками прочь. – Схожу гляну, как там племяша. – Она выскочила на лестницу и загрохотала вниз.

– Боится чего-то, – заметил я.

– Еще бы. Запах-то какой, – прошептала Нора.

35

Хоппер шагнул внутрь. Я вошел следом, ведя руками по стене, нашаривая выключатель.

– Мля. – Хоппер закашлялся. – Ну и вонь.

Раздался душераздирающий скрип, – кажется, Хоппер споткнулся об металлический складной стул, – а затем свет внезапно нащупал лампы и тускло озарил комнату.

Тесная, скудно обставленная; потертый бурый ковер, драная штора на окне, продавленная железная койка в углу. Простыни отброшены, зеленое одеяло свесилось на пол – а в подушке отчетливая вмятина, словно Александра встала только что, буквально минуту назад. Вся эта убогая конура намекала на ее недавнее присутствие – едва ушла, в затхлом воздухе еще чувствуется ее дыхание.

Отвратительную вонь канализации пополам с гарью источали как будто сами стены. На потолке над окном растеклось бурое пятно, точно кого-то зарезали на крыше и бросили тихо истекать кровью по балкам. На полу валялись пластиковые обертки и липко расплылось пятно темной газировки.

– Деволль говорил, Сандра из «Брайарвуда» уехала в пижаме? – спросил Хоппер.

– Ну да, – сказал я.

– Вот и пижама.

И впрямь – белые хлопковые рубаха и штаны на веревочке грудой

валялись на простынях.

Прикасаться к ним Хопперу, видимо, не захотелось. Я подобрал штаны, с удивлением отметив, что внутри на поясе отпечатано «А. Кордова МХ-314», номер ее палаты, но мало того – штаны до сих пор держали очертания ее тела. Как и рубаха, скроенная угловато, под хирургическую униформу: левый рукав по-прежнему скручен на локте.

Я бросил пижаму на постель, открыл узкий гардероб. Внутри пусто – лишь четыре проволочные вешалки на деревянной штанге.

– Там что-то есть, – сообщил Хоппер, заглянув под койку.

Мы подхватили ее, перенесли в центр комнаты и в немом замешательстве уставились на то, что открылось глазам.

Сказать нам было нечего.

36

Первым делом я решил, что это мишень. Найдя такое под кроватью у себя, подумал бы, наверное, что это весточка от старухи с косой лично – уведомление о том, что на днях она за мной зайдет, – или что мои враги желают напугать меня до инфаркта.

На полу черным прахом были аккуратно выложены четыре концентрические окружности. В центре – если б Александра лежала навзничь на постели, центр располагался бы где-то под сердцем – находилось что-то обугленное. Пирамидой дюймов шесть, побелевшие камни крошатся, бетон под ними почернел.

– Это что? – прошептала Нора.

– Воняет тут этот пепел, – отметил Хоппер, присев на корточки.

Сфотографировав инсталляцию, Нора откопала в сумке пакет из-под сэндвича, мы вывернули его наизнанку и взяли образец. Кажется, мелко порезанные листья, грязь и кость. Я закрыл пакет и запихнул в карман куртки.

– Ни фиги себе, – прошептал Хоппер у нас за спиной. – Вы гляньте.

Он стоял у двери и рассматривал что-то на верхнем косяке – пучок каких-то палочек. В самом углу, будто их нарочно спрятали, чтобы не бросались в глаза.

Хоппер вытащил их и повертел на свету из коридора. Походили они на корни – толстые, тонкие, туго закрученные в спирали, но все, похоже, от одного растения. Каждый перетянут белой веревочкой, все перевязаны друг с другом.

– Что-то оккультное, – сказал я, бережно забрав их у Хоппера.

За многие годы я не раз сталкивался с диковинными религиозными обычаями: в Индии швыряют детей, монахи-джайны разгуливают нагишом, «одетые в воздух», в некоторых племенах мальчишек заставляют носить перчатки, набитые кусачими муравьями, потому что таков ритуал инициации. И здесь, похоже, нечто в том же духе.

– А почему над дверью? – спросила Нора.

Я посмотрел на Хоппера:

– Александра что-нибудь такое практиковала, ты не помнишь? Вера, странные ритуалы?

– Нет.

– Давайте еще раз все осмотрим. Может, что-нибудь пропустили. И выметаемся отсюда к чертям.

Нора и Хоппер кивнули, опасливо озираясь. Я шагнул к тумбочке, но тут мельком заметил, как за дверью прошмыгнуло что-то зеленое. Зашлепало стаккато. Вьетнамки.

Я высунул голову за дверь. По коридору удирала домовладелица. Старая гримза шпионит.

– Ну-ка погодите! – крикнул я и вышел к ней.

– Ничего не знаю, – буркнула она.

– Но запах из ее комнаты вы ведь наверняка заметили?

Она замерла в конце коридора и повернулась, блестя испариной.

– Что девчонка там себе творила, я не в курсе.

– А другие жильцы ничего не говорили?

Она не ответила. У нее была обескураживающая манера двигаться – она каменела, как ящерица, будто знала, что ее замаскируют тусклый свет и потрескавшиеся стены, и потом внезапно улепетывала. Сейчас она застыла и рассматривала меня, склонив голову набок.

– Пугала она людей. – Домовладелица усмехнулась. – Уж не знаю как, тощая ведь совсем. И у меня тут такие хмыри живут – обычно это они всех пугают. Но я так решила: дело не мое. Пуцай занимаются чем хотят, лишь бы платили.

Я одолел полкоридора и остановился, потому что из-за лестничной двери на меня смотрел маленький мальчик, лет пяти или шести. Помявшись, он скользнул в дверь и угрюмо встал рядом с теткой. На нем была грязная футболка, слишком короткие хлопковые штаны и носки, предназначенные на крупную взрослую ногу.

– Ваш племянник? – спросил я.

Она хладнокровно глянула на него, затем вновь на меня, но ничего

не сказала.

– Вы говорили, Ханна как-то раз с ним сидела. Может, он мне про нее расскажет?

Она ткнула в меня пальцем:

– Что-то маловато вы о ней знаете. А еще друг.

Шевельнулась дверь поблизости, выползла полоска света. Кто-то подслушивает. Не успел я разглядеть, кто это, раздался грохот. Домовладелица с племянником исчезли в лестничном колодце. Я кинулся за ними:

– Подождите!

– Отцепитесь от нас!

Поскальзываясь на портретах Юми, я помчался вниз, догнал их на следующей площадке и, недолго думая, схватил мальчишку за плечо. А тот душераздирающе завизжал, будто я клеймил его раскаленным железом.

Я в испуге отдернул руку, но мальчик все орал, глядя, как выроненная игрушка – вроде супергерой какой-то – пролетела сквозь прутья перил, проскакала по ступеням и застыла на плиточном полу первого этажа. Захныкав, мальчик ринулся супергероем на помощь.

– Вы это что ж творите-то, а? – в ярости забубнила домовладелица, топоча следом. – Забирайте своих друзей и проваливайте. Мы знать ничего не знаем.

Спустившись, я увидел, как они лихорадочно ищут игрушку. Мальчик выпрямился, повернулся к тетке, и его пальцы замелькали в воздухе. Он говорил на языке глухонемых. Он глухой. А я его травмировал.

Я виновато завертелся, осматривая плитку, ногой вороша флаеры и обертки. Вскоре игрушка обнаружилась в прямоугольнике света под лестничным пролетом.

Деревянная резная змейка – три дюйма, пасть раскрыта, торчит язык, тело перекручено. На удивление тяжелая.

Подкравшаяся домовладелица выхватила у меня игрушку, сунула мальчику и за локоть поволокла его прочь. Когда она втокнула его в квартиру и нырнула следом, я успел разглядеть захламленную комнату и мультики по телевизору; потом дверь захлопнулась.

Нора и Хоппер неслись сверху, и от их топота ворчал весь дом. Они вылетели в коридор, и Нора молча замахала руками – мол, быстрее наружу. Я вынырнул в прохладу ночи и судорожно глотнул воздуху – будто нечто незримое давно душило меня и наконец-то выпустило из хватки.

– Корни с косяка взяли? – спросил я, догнав Нору и Хоппера на улице.

– Ага, – сказала Нора и предъявила мне недра своей сумки.

– Так, ладно, ловим такси...

– Пока нельзя. К нам сейчас Сандрина соседка спустится.

Я вспомнил полоску света из 13-й квартиры.

– Пока ты бегал за этой бабой, вышла другая – ей шум мешал. Хоппер показал ей фотографию, и тетка Сандру узнала. Сейчас к нам выйдет.

– Вы молодцы.

– Вон она, – прошептала Нора, когда из дома 83 выступила фигура.

Эта женщина была высока, в кроссовках и белой кенгурухе на молнии. На плече черный вещмешок, и его содержимое – *винтовки*, судя по очертаниям, – немалой тяжестью пригибало ее к земле. Женщина перебежала через дорогу к нам.

– Простите, что долго, – пропыхтела она, запрыгивая на тротуар в густом облаке парфюма. – Ключи куда-то подевала. Я на работу, так что давайте побыстрее. Что вы хотели спросить?

Лицо у нее было симпатичное, в обрамлении осветленных кудряшек, но с таким слоем макияжа не поймешь, где заканчивалась она и начиналась иллюзия. Лет тридцати, – впрочем, я заметил, что она нарочно встала подальше от фонаря и сгорбилась, сунув руки в карманы кенгурухи, словно ей не очень-то приятно, когда ее пристально разглядывают.

– У нас только пара вопросов про вашу соседку Ханну.

Она улыбнулась:

– Ой, Ханна. Как она? Давно ее не видела.

– У нее все хорошо, – сказал я, не обращая внимания на Норину гримасу. – Мы ее друзья и хотели узнать, как она тут жила. Чем она занималась?

– Блин, да я даже не знаю. Мы толком не общались. – Поставив мешок на тротуар (загадочный груз металлически лязгнул), она достала из кармана клинекс и высморкалась. – Простите, только от простуды отошла. Я видела Ханну типа всего раз.

– Когда? – спросил я.

– Да с месяц назад. Возвращалась с работы. Часов в пять-шесть утра. Зашла в ванную макияж снять. Ванная одна на этаж. На всех. Провела там минут сорок пять, зубы чистила, может, даже сама с собой разговаривала, а потом вдруг слышу – за спиной что-то плещется. – Она содрогнулась. –

Перепугалась до смерти. Заорала. Перебудила, наверное, весь дом.

– И что это было? – спросил я, поскольку она замолчала и снова принялась сморкаться.

– Это она была, – пронзительным колокольчиком захихикала женщина. – Ханна.

– Где?

– В ванне. У меня за спиной, ванну принимала, все эти сорок пять минут.

Я глянул на Хоппера и Нору. Они, видимо, думали то же, что и я: неуютная суть мизансцены от женщины, похоже, совершенно ускользала.

– Я представилась, – продолжала та, хлюпая носом. – Она сказала, как ее зовут, а потом легла, закрыла глаза, как будто устала за день и не хотела разговаривать. Я намазалась кремом от морщин, пожелала ей доброй ночи. Потом услышала, как она выходит из ванной, и вернулась – пасту на раковине забыла. Ханна не спустила воду из ванны, я сунула руку – затычку вытащить. – Она покачала головой. – Уж не знаю, как она там руки-ноги не отморозила. Вода была ледяная.

– И больше вы Ханну не видели? – спросил я.

– Не-а. Зато слышала. Стены-то бумажные. У нее, я так поняла, режим вроде моего.

– Это какой?

– Я ночами работаю, – неопределенно ответила она, глянув мимо нас на пустынную улицу. – Ой, знаете что? Наврала. Был еще один раз. Простите, от лекарств в голове вата. Я тогда не работала, значит суббота была. Шла из супермаркета, встретила Ханну на лестнице. А она в клуб собралась. Забыла название. – Она тряхнула головой. – Женственное такое. Похоже на французское. По-моему, она сказала, что он в бывшей тюрьме на Лонг-Айленде. Спросила, не ходила ли я туда, но я не ходила.

– В бывшей тюрьме? – переспросил я.

Она пожала плечами:

– Пять секунд поговорили. И еще знаете что? Я на той неделе у нее под дверью видела двоих мужиков. Посмотрели на меня так – мол, не суй нос куда не просят, – ну, я и не совала.

– Как они выглядели?

– Просто мужики. Один постарше, другому за тридцать, что ли. Я потом слышала, как Дот их выгнала. Она чужих не любит.

– Дот?

– Ага. Вы с ней разговаривали.

– Это у которой мальчик?

– Люшен. Племянник ее.
– Давно он здесь живет?
– Дольше меня. А я тут где-то год. – Она опять шмыгнула носом, поддержала рукав и глянула на часы. – Ой. Надо бежать. – Она забросила мешок на плечо – он лязгнул. – Передайте Ханне привет.
– Непременно.
– Как нам с вами связаться, если будут еще вопросы? – спросила Нора.
Не без колебаний женщина расстегнула мешок и протянула Норе черную визитку. Потом улыбнулась и зашагала к Манхэттенскому мосту. Нора молча отдала визитку мне.
«ИОНА, – говорилось там. – РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА МАЛЬЧИШНИКАХ».

– Ночной клуб на Лонг-Айленде, – сказал я. – Французское название. Возможно, в бывшей тюрьме или заброшенном здании. Есть идеи?

Я стоял на Мотт-стрит перед «Житаной», бойким франко-марокканским кафе, и звонил Шерон Фальконе. Мы перебазировались сюда с Генри-стрит – перекусить и осмыслить полученные данные. Когда на запрос «клуб, Лонг-Айленд, французский, бывшая тюрьма» «Гугл» ответить не сумел, я решил позвонить Шерон – мало ли.

– Ты жуешь мне мозг, потому что сам не можешь устроить свою светскую жизнь? – предположила Фальконе.

Из трубки доносились визги телефонов и новости по телевизору – значит, Шерон все сидит в раздолбанном офисном кресле в участке и, нацепив очки на кончик носа, изучает подробности очередного дела, на которое давно забили ее коллеги.

– Не совсем, – ответил я. – У меня зацепка.

– Я знаю Лонг-Айленд как свою кухню. Я понимаю, что он создан для моего удовольствия, но мне все никак не удастся туда добраться. Пользы тебе не принесу. Можно я еще поработаю?

– А что у нас в городе с оккультизмом? Сильно распространен?

– Поклонение деньгам считается?

– Да нет – странные практики, ритуалы. Тебе часто такое попадаетеся на месте преступления? Ты бы удивилась, если б попалося?

– Макгрэт. Мне попадаютсся ножевые ранения. И огнестрельные. Мне попадаетсся богатый пацан, который ударил мать в шею ножом,

полугодовалый младенец, которого затрясли до смерти, и дядька, которого кастрировали в отеле «Интерконтиненталь» на Таймс-сквер. Еще бы нам не попадался оккультизм. Нам что угодно попадает. На каждом углу «Старбакс», в каждом ухе айфон, но ты не переживай – люди по-прежнему психанутые. Еще вопросы?

Я уже хотел ответить «нет» и извиниться за беспокойство, но тут мне в голову пришла другая мысль.

– Может быть, у меня есть дело для ювенальной юстиции.

Она ответила не сразу, хотя я почти воочию увидел, как она вздернулась, отрыла из-под кип свидетельских показаний и фото из лаборатории желтый линованный блокнот, перелистала свои нечитабельные каракули до пустой страницы, схватила ручку.

– Слушаю.

– Я только что видел женщину, которая опекает маленького глухого мальчика. Выглядит подозрительно. Дом – адская дыра, не исключено, что бордель.

– Адрес?

– Генри-стрит, восемьдесят три, между Пайк и Форсайт. Женщину зовут Дот. Она домовладелица.

– Я пошлю кого-нибудь проверить.

– Спасибо. Итак, когда я веду тебя выпить?

– Когда этот город станет белым и пушистым.

– То есть никогда?

– Я все надеюсь. – В участке заблеял телефон. – Мне надо ответить...

И она дала отбой.

Одиннадцатый час, пятничный вечер. Тротуар заполнили стайки молодежи на третьем десятке лет жизни: молодежь брела выпить или потусоваться. На другой стороне, где косая стена красного кирпича, окружавшая старый собор Святого Патрика, резко сворачивала за угол, я заметил мужчину в черной кожаной куртке – прикрыв ладонью микрофон, он говорил по мобильному.

И смотрел *на меня* – невозможно было отделаться от ощущения, что про меня он и говорит.

Не прерывая разговора, он перевел взгляд куда-то за магазин «Ральф Лорен» на углу. Я вернулся в «Житану».

Параноя одолела. Бывает.

– Я как раз говорила Хопперу, – сообщила Нора, когда я подсел к ней под окно. – Я нашла чек у Сандры в мусорке.

Хоппер рассмотрел желтую бумажку и с сомнением протянул мне.

Рукописный чек из тату-салона «Восставший дракон» на Западной Четырнадцатой улице, 51. Кто-то – надо полагать, Александра, хотя имя не указано, – 5 октября 2011 года в 20:21 заплатил \$363,24 наличными за татуировку «Американский флаг / портрет». Из документов судмедэкспертизы я знал, что татуировка у Александры на правой ступне была сделана раньше. Большая загадка, что за «американский флаг / портрет» такой.

– Съездим завтра, – сказал я. – Покажем фото, – может, ее опознают.

– И кого-то надо спросить, что за круги она выложила под кроватью, – сказала Нора, кусая тост с авокадо.

– Не факт, что это она выложила, – возразил Хоппер. – Любой придурок мог.

– Согласен, – сказал я. – Домовладелица подслушивала – насчет ключа вполне могла соврать. И два мужика, которых Иона видела под дверью. Может, Александра пряталась – не исключено, что от родных. Зачем еще ей снимать комнату под псевдонимом и менять замки?

– Впечатление такое, будто Сандры было две, – задумчиво произнесла Нора.

– В смысле? – спросил я.

Она воткнула вилку в кускусную башню на тарелке.

– Есть пианистка. Бесстрашная и безудержная женщина. Знакомая Хоппера из «Шести озер». И есть другая, про которую все говорят. Существо со сверхъестественными наклонностями.

– Со сверхъестественными наклонностями, – повторил я.

Нора серьезно кивнула:

– То, что Гвадалупе говорила. Что Сандра «меченая». – Она перевела взгляд на Хоппера. – Мы в судмедэкспертизе и правда видели у нее черную точку в левом глазу. И как она манипулировала Морганом Деволлем, не говоря ни слова. Гипнотизировала его. И еще Питер из «Клавирихауса». Сказал, что она двигалась как зверь.

– Ее насильно сдали в психушку, – сказал Хоппер, сползая по креслу. – Кто его знает, чем ее там пичкали? Я видел, как люди сидели на колесах и пытались слезть. Сами не врубались, что делают.

– И я кое-что заметила, – прибавила Нора, понизив голос. – Сандра как-то странно интересовалась детьми.

Ты смотри-ка – глазастая. Этот мотив я заметил и сам.

– Она читала дочери Моргана Деволля на ночь, – продолжала Нора. – И сидела с племянником домовладелицы. Если она приехала в город встречаться с кем-то в «Уолдорфе» – а теперь еще и в ночном клубе, – зачем бы ей время тратить?

– Может, детей любила, – сказал Хоппер.

– Всего несколько дней, а она с ними общалась плотно. Помните, Морган Деволля куклу из бассейна вытащил? Он сказал, кукла потерялась несколько недель назад.

– И? – спросил Хоппер.

– Это примерно когда Сандра была у него дома.

– Ты считаешь, куклу утопила она?

– Может быть. Зачем она грязью круги под кроватью рисовала? И корни пихала за косяк?

– Мы ведь уже поняли, что это, видимо, не она! – рявкнул Хоппер. Две фотомодели за соседним столиком умолкли и уставились на него; он подался к нам и тоже понизил голос: – Я понимаю, тебе в кайф думать, что Сандра – ведьма из Блэр, зелья варила из щенячьих хвостов, младенческих пальчиков или еще какой херни. Но это бред. Во всем виновата ее семья. Вот они – психи, они ее в «Брайарвуд» сдали. Она хотела от них сбежать. Может, потому и погибла. – Последнюю фразу он пробормотал себе под нос, смахнул челку с глаз и пырнул запеченное яйцо, в раздражении растеряв аппетит.

Нора стрельнула в меня глазами, ничего не сказала и продолжила есть. Я тоже молчал. Ее замечание – «Сандра как-то странно интересовалась детьми» – напомнило мне анонима пятилетней давности. «Он что-то делает с детьми», – сказал этот «Джон», и его реплика так с тех пор меня и преследовала.

Что это значит? Что вся семья повернута на детях? Или, по крайней мере, отец и дочь? Почему?

Едва вопрос был задан, разум машинально выдал страшнейшие из возможных версий. Эта дихотомия – важнейший мотив творчества Кордовы: взрослое зло, детская чистота, столкновение двух зарядов. «Где-то в пустой комнате», «Тиски для пальцев», «Наследие», «Дитя любви» – так или иначе это есть везде, хотя в «Дышать с королями» Кордова перевернул уравнение с ног на голову, наделив порочностью ребенка, а безгрешностью – взрослых. В «Дитяти любви» Марлоу Хьюз произносит одну реплику – аллюзию на Уильяма Блейка:

«Удави лучше дитя в колыбели, но не издевайся над ним, возвращая чудовище»^[46].

Я припомнил Мелли, дочь Моргана Деволля, – как она неслышно кралась за мной по дороге, тянула руку, в кулачке сжимая что-то черное.

Может, я неверно понял? Может, это она просила о помощи, умоляла не уходить? Хорошо, что я рассказал Шерон о мальчике на Генри-стрит. Изучив ситуацию поглубже, я бы без колебаний сообщил и о детях Деволлей. Мысль эта так разбередила меня, что я тут же отправил Синтии эсэмэску: извинился за перемену планов, сказал, что очень жду Сэм на следующие выходные, когда Синтия уедет в Санта-Барбару.

– Этот мужик уже третий раз проходит мимо и на нас смотрит, – отметил Хоппер, глядя в окно.

Я обернулся. Тот же самый мужик – высокий, темноволосый, черная кожаная куртка. И стоит примерно там же.

– Он за мной следил, когда я выходил позвонить, – сказал я.

Хоппер выпрыгнул из-за стола, толкнув официантку, которая чуть не уронила полный поднос, и ринулся на улицу. Увидев его, мужик нырнул за угол. Я вскочил и кинулся за ними.

Прямо по разделительной Хоппер успел одолеть полквартала. Я догнал его на углу Лафайетт.

– Только что уехал! – заорал он, тыча пальцем в такси, катившее к Хьюстон-стрит, ступил в поток машин и замахал, пытаясь поймать другое, а я кинулся за первым.

Вдалеке на перекрестке светофор переключился на желтый, и такси, вырулив на среднюю полосу, газануло. Пролетит на желтый – и привет. Но оно резко затормозило и остановилось на красный.

У меня считанные секунды. Петляя между машинами, я кинулся к такси с правого фланга. Темный силуэт на заднем сиденье глядел через плечо – надо думать, искал в потоке Хоппера. Я подергал дверцу.

Он в испуге развернулся, но едва сообразил, что дверца заперта, потрясение сменилось хладнокровием. На кого-то он был смутно похож.

– Вы кто такой? – заорал я. – Что вам надо?

Он потряс головой и пожал плечами, будто не понимал, кто такой я. Может, не то такси? Оно поползло вперед, лицо мужика скользнуло в тень. Потом включился зеленый, и такси метнулось через Хьюстон-стрит, а вокруг меня, вихляя, загудели машины.

Когда такси отъезжало, на свету показалась левая рука мужика.

У него не хватало трех пальцев.

В «Житане» я поведал Хопперу и Норе, что произошло – что за нами почти наверняка следил Тео Кордова.

– Это все меняет, – сказал я. – Семья пронюхала – теперь исходим из того, что за каждым нашим шагом следят.

Они восприняли эту весть с сумрачным смирением. Хоппер тотчас бросил на стол смятые купюры и отчалил на зов очередной эсэмэски, а мы с Норой направились домой. Она легла спать, а я налил себе «Макаллана» и поискал в интернете «Тео Кордову».

«Гугл. Картинки» выдал мне минимум тысячу результатов – сплошные кинокадры Кордовы. Тео играл в эпизодах «Ночами все птицы черны» и «Щели в окне», однако большинство картинок – первая сцена из «Подожди меня здесь», где он полуголым выбегает на дорогу.

Чем пристальнее я вглядывался, тем сильнее убеждался, что в такси видел его – тот же длинный тонкий нос, те же бледно-карие глаза. Я поискал в своих заметках дату его рождения: больница Святого Петра в Олбени, 12 марта 1977 года – значит, сейчас ему тридцать четыре.

На «Черной доске» про Тео нашлось мало нового. В мире Кордовы сын его приходил на ум лишь запоздало и случайно. Согласно одному источнику, последние одиннадцать лет Тео жил в полной неизвестности в сельском районе Индианы, работал дизайнером ландшафтов и поменял фамилию на Джонсон.

Я еще полистал «Доску», и на меня снизошло озарение. В разделе «Говори с незнакомцами» я повесил простенький пост: мол, помогите, надо найти и без лишнего шума попасть в загадочный клуб на Лонг-Айленде, название французское, «находится в бывшем СИЗО или заброшенной тюрьме».

Затем я усыпил компьютер и отправился в постель.

Я вымотался, но заснуть не мог. Грызло ощущение, что он по-прежнему где-то бродит, следит за мной.

Тео Кордова. Ощущение было до того острое, что я выбрался

из постели, отдернул штору и выглянул в окно. Однако Перри-стрит пребывала тиха и мрачна, на ней толпились тени и ничто не шевелилось – только деревья вздрагивали от слабых заморозков. Я превращаюсь в психованного параноика прямиком из Достоевского.

Я вернулся в постель, укрылся с головой, яростно притягивая сон, пихнул подушку на прохладную сторону. Не прошло и минуты, она стала влажна и горяча. Простыня тоже обжигала – вылезла из-под матраса и сбилась в районе поясицы, словно меня душило плотоядное растение. Едва я закрывал глаза, возникало лицо Тео, полузатопленное во тьме такси, тусклые глаза, изуродованная рука прижималась к стеклу, будто хотела что-то сказать, молила меня, предостерегала, пугающая и неуловимая, как Александра в ту ночь у водохранилища.

Где-то около трех я, наверное, все-таки уснул, потому что тихий стук в дверь меня разбудил.

Я приоткрыл глаза. На часах 3:46.

– Можно? – прошептала Нора.

Не дожидаясь ответа – слава тебе господи, я надел пижамные штаны, – она прокралась в спальню. В темноте я ее почти не различал, но она, похоже, была в белой ночнушке с длинным рукавом – точно призрак, что вплыл ко мне, завис в изножье и разглядывал, прикидывая, стоит ли пугать меня и обитателей моего дома.

– Я тут подумала... – начала она и осеклась.

– Зачем ты думала в четыре утра? – спросил я, подоткнув подушки и прислонившись к изголовью. – Ты уж тогда что-нибудь хорошее придумай.

– Я про Хоппера. Я сначала не понимала... – Она уперлась пятками в перекладину кровати и натянула ночнушку на колени. – Откуда он знал про фортепианный магазин? Как он во всем городе нашел единственное место, куда она ходила? Слишком невероятно.

Не поспоришь. Редкая удача, что Хоппер отыскал человека, видевшего Александру в «Клавирхаусе». Когда что-то мнится совпадением, в девяти случаях из десяти это не оно.

– А когда я сказала, что Сандра выложила эту штуку под кроватью, он взбесился.

– Я заметил.

Она прикусила ноготь.

– Как думаешь, может, он тоже как-то виноват в том, что с ней случилось?

– Пока не уверен. Но Хоппер явно что-то скрывает.

– И по-моему, мы ему не нравимся.

– Это крупный минус. Отметим также безостановочное курение, угрюмые рожи и стрижку под малолетнего смутьяна. Воображает себя бунтарем из фильма Джона Хьюза^[47].

Она хихикнула.

– Мы воспользуемся отточенным приемом из тактического учебника Макгрэта. Называется «Корлеоне». Будем держать его к себе поближе. В конце концов он раскроется. Всякий раз срабатывает.

Она заправила волосы за уши, отчего затряслась кровать, но ничего не сказала.

– Можно спросить? – рискнул я.

Во тьме она обратила ко мне молочное пятно лица.

– Терра-Эрмоса. Как тебя туда пустили жить? Наверняка же там возрастной ценз.

– А. Я нелегально. Не бросать же Илай. Она меня воспитала. Это к тому времени был худший день моей жизни – когда она упала на стоянке «Жареных кур Бонни Ли» и врачи сказали, что ее надо в дом престарелых.

– Сколько тебе лет было?

– Четырнадцать.

– А родители?

Она потеряла кружевные рукава.

– Мама умерла, когда мне было три. Сердце. Папу тогда уже на двадцать лет посадили.

– За что его?

– Почтовое мошенничество, электронное мошенничество, кража личности, кредитные карты. Он был очень усердный мошенник. Илай говорила, если б он половину той энергии, которую тратил, чтоб срезать углы, использовал, чтоб их объехать, он бы стал миллиардером.

Я кивнул. Такой контингент я знал – расследовал немало подобных людей.

– Я поначалу проводила с Илай день, уходила, а ночью пробиралась назад. Потом меня поймали и уже собрались сдавать в опеку. Но Илай с другими престарелыми на этаже объединились и подняли крик до небес. А президент удивила всех, потому что только восстания престарелых ей и не хватало. Сказала, если буду прятаться, когда приходят инспектора проверять, могу жить там, пока не окончу школу. Какая-нибудь комната всегда была, потому что всегда кто-нибудь умирал. Когда Илай умерла от рака, я уехала, ни с кем не попрощавшись. Боялась, если сразу не уеду,

останусь там навсегда.

Она помолчала, откашлялась.

– Она умерла в больнице в воскресенье, а я пошла в ее комнату за вещами. На комнаты очередь заявок, я же понимала, что скоро туда кто-то въедет. Если родня не забирает вещи, их просто выкидывают. Пара минут – и комната такая, будто тебя и не было никогда. Кровать старая, кресло, окно только и ждет, когда в него следующий будет смотреть. Я вещи собираю, и вдруг Старый Неряха Билл мне свистит.

– Старый Неряха Билл? Ты его не упоминала.

– Его все звали Неряха Билл, потому что у него вечно черная грязь под ногтями. Воевал во Вторую мировую и всем хвастался, что был рядом с бункером Гитлера, когда бункер взорвался. И люди говорили, у него под ногтями до сих пор куски этого бункера и поэтому такие грязные руки.

Она шмыгнула носом.

– И он мне свистнул, чтоб я зашла, – он жил напротив. И всем свистел. А я боялась зайти. Никто к нему не заходил, там плохо пахло. Но он полез под кровать, достал обувную коробку, «Рокпорт». Сказал, что копил на мои мечты. Шестьсот долларов там было. Отдал мне и говорит: «Это твой шанс кем-то стать. Сматывайся, девонька». И я смоталась. Пошла на автовокзал Киссимми, села в автобус до Нью-Йорка. Никто не понимает, как легко поменять жизнь. Взял и сел в автобус.

Мы оба помолчали. Норина история плавала между нашими берегами плотиком.

– Мне повезло, – прибавила Нора. – Обычно у всех только одни мама с папой. А у меня была толпа.

– Тебе очень повезло.

Она, кажется, обрадовалась, втянула руки в длинные белые рукава.

– В темноте быть собой проще. Не замечал? Надо, наверное, поспать. – Кровать вздрогнула, когда Нора соскочила и побежала из комнаты. – Спокойной ночи, Вудворд.

– Спокойной ночи, Бернстайн.

ВФ ЕЖЕДНЕВНО

Культура, общество, политика

КУЛЬТУРА ИНТЕРНЕТ-ЭКСКЛЮЗИВ

Дочь чародея

29 ОКТЯБРЯ 2011 г.

ГЛАВНОЕ

Джон и Йоко
о распаде «Битлз»

Террорист-смертник
атакует НАТО

«Захвати Лондон»
обретает голос

ВЫБОР ЧИТАТЕЛЕЙ

1. Темные стороны американских писателей
2. Фотоколлекции Станисласа Кордовы — мания и мажор
3. Дочь чародея
4. Ночные стражи: новое поколение Ли Харви Освальдов?
5. Опросник Пруста: Шер

Нравится

16

Твитнуть

2

Комментировать (0)

Отправить

Поклонники культового кинорежиссера-затворника Станисласа Кордовы были потрясены, когда две недели назад стало известно, что в нью-йоркском пакгаузе найдено тело его 24-летней дочери Александры, по-видимому покончившей с собой. Корреспондент «Вэнити фэйр» ЛИЗ КРУГЕР отыскала студентку колледжа Амхёрста, соседку Александры по комнате на первом курсе, и выяснила, что, трагически уйдя из жизни, блестящая и неукротимая дочь оставила по себе не меньше тревожных вопросов, нежели ее знаменитый отец.

Фото: «K&M Рекординг»

«Мы прожили в одной комнате почти целый год, но я бы не сказала, что знала Сандру, — говорит Эмма Бэнкс, соседка Александры Кордовы на первом курсе колледжа Амхёрста в 2005–2006 гг. — Она была бунтарка. Я из Моулина, штат Канзас, население — 371 человек. У нас таких девушек нет. У нее на ноге была чокнутая японская татуировка, и она пила виски, сочиняя курсовые».

В среду утром я сижу в «Пастис», ем круассаны с женщиной, которая взаправду была знакома с Александрой Бретт Кордовой, и это немножко сюр. С того дня, как стало известно о якобы самоубийстве Александры в заброшенном пакгаузе в Чайнатауне, — первая за многие годы новость, касающаяся Кордовы, если не считать скандального иска о клевете против журналиста Скотта Макгрэта около пяти лет назад, — я искала друзей, соседей, коллег Александры, хотела послушать, что они скажут о ней, смогут ли объяснить трагедию, — но безуспешно.

КУЛЬТУРА ИНТЕРНЕТ-ЭКСКЛЮЗИВ

Дочь чародея

29 ОКТЯБРЯ 2011 г.

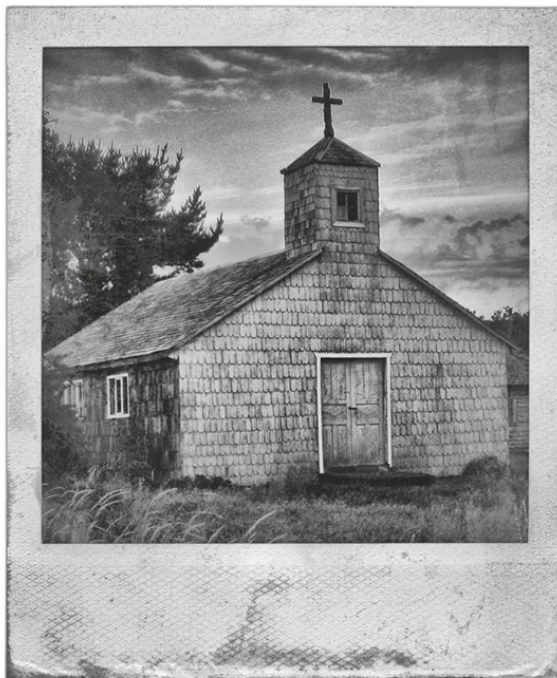
Александра не пользовалась социальными сетями, а в нашу эпоху это означает, что ее не существовало. «Гугл» выдает сведения только о ее детской музыкальной карьере и роли в последнем отцовском фильме, «Дышать с королями», который мне удалось найти лишь в пиратской версии на «Крейглисте» за \$1950. Запросить ее личное дело в школе Спенс (где Александра, по слухам, проучилась полтриместра) и в колледже Амхёрста (где она получила диплом) невозможно — ее документы никому не выдают.

Пока мои безнадежные поиски привели меня только к 25-летней Эмме Бэнкс из Моулина, Канзас, ныне проживающей в Нью-Йорке, в районе Челси. Бэнкс, защитившая в Амхёрсте диплом по экономике, работает аналитиком в «Джей-Пи-Морган-Чейз».

«Сандра читала, к примеру, „Интервью“ и лорда Байрона, — продолжает Бэнкс, задумчиво разламывая круассан надвое. — Иногда ночь напролет сочиняла музыку. Просыпаюсь в четыре утра, а она лежит в постели с фонариком, карандашом строчит.

Мы все, остальные первокурсники, бродили такими бестолковыми толпами и психовали: какие у нас оценки, кто с нами будет дружить, впишемся или не впишемся. А она уже понимала, кто она такая. И не боялась ничего».

Я уточняю, что она имеет в виду, и Бэнкс описывает случай, произошедший в середине осеннего триместра, когда она с подругой пошла в город на вечеринку. В задней комнате стоял гвалт. Пробравшись через толпу, Бэнкс обнаружила, что все наблюдают за алкогольным стрип-покером: играли Александра Кордова и восемь мужчин, сплошь старшекурсники.

В конце 2005/2006 учебного года, съезжая из комнаты в общежитии, Бэнкс нашла эту фотографию — один из трех снимков, завалившихся за комод Александры

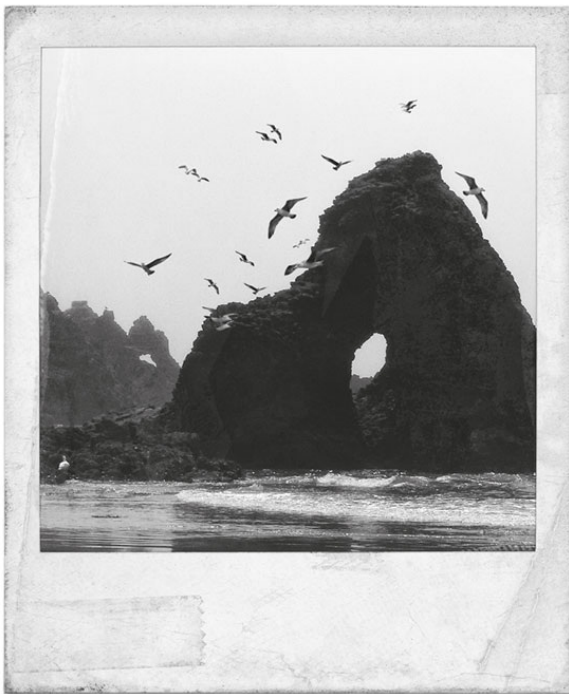

КУЛЬТУРА ИНТЕРНЕТ-ЭКСКЛЮЗИВ

Дочь чародея

29 ОКТЯБРЯ 2011 г.

«Я бы ужас как смущалась, — говорит Бэнкс. — Они все были из команды по лакроссу, экономисты, дико выпендренные. Все такие из себя Джорджи Соросы. И Сандра их всех перепила. Четверо ушли блевать на газон. Вскоре остались только она и один богатый парень, Карсон. Третий курс, урод редкостный. Из тех, знаете, кто в разговоре употребляет слово „изощренный“ и распространяется про летние каникулы на Мартас-Винъярд. В общем, спустя час он остался в одних белых труселях и такой был пьяный, что упал со стула и отрубился. Сандра была совершенно трезвая. Сгребла их деньги, сама за всю игру сняла только свитер. И с этой минуты все парни на кампусе влюбились в нее по уши».

Второй из трех поляроидных снимков, забытых Александрой

Бэнкс рассказывает и другую историю: как-то раз вечером она вернулась из библиотеки, а Александра в комнате затеяла играть в «Правду или действие». «От правды Сандра отказывалась, всегда выбирала действие, — говорит Бэнкс. — Действия становились все безумнее, а она и бровью не вела. Один раз кто-то велел ей затушить сигарету пальцами. Она затушила об язык. Когда велели залезть на крышу, она тут же залезла и прошла по краю — а мы были на третьем этаже, на верху „Эпплтон-холла“. Мне стало дурно, и я ушла. Через час вернулась, веселье уже закончилось, и Сандра читала в постели. Как будто ничего не случилось».

Я спрашиваю, говорила ли Александра о доме — в частности, об отце.

«Нет, она была закрытая. Но, помню, на вечеринке перед рождественскими каникулами я видела, как она целовалась с первокурсником-футболистом, Мэттом, по которому сходили с ума все девчонки на кампусе. Наверное, она с ним и ушла, потому что в комнату не возвращалась четыре дня. Когда вернулась, легла на кровать, свернулась калачиком и зарыдала. Я перепугалась, я ее никогда такой не видела, спрашиваю, что случилось, а она говорит: „Разрушенное сердце“. В чистом виде Сандра. Ей не просто разбили сердце, его разрушили, понимаете? Сказала, что влюблена и надежды нет. Я решила, это Мэтт ее кинул. Но Мэтт стал беспрерывно названивать, добивался встречи, так что вряд ли дело было в нем. Тут что-то другое. Кто-то другой. Я так и не узнала кто».

КУЛЬТУРА ИНТЕРНЕТ-ЭКСКЛЮЗИВ

Дочь чародея

29 ОКТЯБРЯ 2011 г.

Бэнкс училась на экономическом и почти все вечера просиживала в библиотеке. Вскоре у нее появился парень, и она редко заглядывала в комнату общаги — но когда заглядывала, Александры там не было.

«По-моему, она все время поездом каталась на Манхэттен, занималась там своими делами плюс к учебе. Вечно где-то моталась, но училась лучше меня. Помню, я увидела распечатку оценок за триместр у нее на столе — сплошные „отлично“. Все делала по максимуму, „из-под земли фонтаном“ — это она так говорила. Ненавидела блеклое, слабое, осторожное — а я ей, наверное, такой и казалась».

О родных Александры моя собеседница не знала ничего, кроме того, что они, как и ее родители, звонили регулярно. «Чаще всего ее мать. Говорила с сильным французским акцентом. Очень шикарно. Но как-то раз я подошла к телефону, когда Сандры не было, и ее спросил мужчина с густым басом. Я спросила, кто звонит, а он ответил: „Ее отец“. И все».

Такое положение дел сохранялось где-то до середины весеннего триместра, когда Александра внезапно исчезла из Амхёрста, ни словом свой отъезд не объяснив.

«Несколько раз кто-то звонил ей в общагу, — говорит Бэнкс. — Голоса я не узнавала. Мужской. И внезапно Сандра пропала. Через неделю приехала какая-то латиноамериканка, собрала ее вещи. Меня не было, соседи видели. Я вернулась в комнату, а там все оголилось. Остались только три фотографии, которые я нашла спустя пару месяцев, когда уезжала на лето. Завалились за ее комод. У нее был старый поляроид 1970-х, она вечно им щелкала. Три снимка остались».

Я спрашиваю, куда, по мнению Бэнкс, делась Александра.

«Люди шептались, что, мол, она беременна, — отвечает Бэнкс. — Или у нее с законом нелады, или она сидела на тяжелых наркотиках и легла в клинику на реабилитацию. Никто не знал. Но следующей весной она вернулась — я уже на втором курсе была. Ей разрешили жить в городе. Мы с ней больше не общались. Но как-то раз я видела ее одну, в библиотеке, в конце четвертого курса. Хотела подойти, поздороваться, но не подошла. Пожалуй, еще боялась ее».

Последний поляроидный снимок, забытый Александрой

КУЛЬТУРА ИНТЕРНЕТ-ЭКСКЛЮЗИВ

Дочь чародея

29 ОКТЯБРЯ 2011 г.

Бэнкс говорит, что новость о смерти Александры ее опечалила. (На момент написания этой статьи Департамент полиции Нью-Йорка пока не выпустил официальное заключение судмедэкспертизы, однако предварительные данные указывают на самоубийство.) Бэнкс признает, что блистательная свободолюбивая соседка повергала ее в трепет. Теперь же она лишь сожалеет, что не познакомилась с Александрой ближе, не разглядела, что таится за этой бесшабашностью и жадной жизни.

«Я поняла про нее по меньшей мере одно: она жила с таким жаром, на какой большинство из нас не отваживаются, — говорит Бэнкс. — Но что-то не давало ей жить обыкновенной жизнью. Отчасти неудивительно, что она умерла. Работа, муж, дети, дом на пляже? Это не для Сандры. Не могу объяснить, но она была как стихия — врвалась в жизнь, отрицая логику, пугала, даже ранила, потому что она была тем, чем хотела быть ты, и ты знала, что у тебя кишка тонка, — а потом ее не стало. Вот такой мне виделась Сандра Кордова».

Бэнкс умолкает. Ее недоеденный круассан лохматыми хлопьями лежит на тарелке.

«Это было когда-то, в далекой стране, / Что отсюда весьма далека. / Там я девочку знал (это было давно), / И я звал ее Сандра К.».

Она смущенно улыбается: «В весенний триместр, когда она вдруг исчезла, кто-то на этаже — я по сей день не знаю кто — написал это на доске у нас на двери. Я оставила, потому что это изумительно. Ради меня никто никогда не стал бы переименовывать Эдгара Аллана По, понимаете?»

Бэнкс смотрит на часы. Натягивает серую куртку, цепляет на плечо сумку с логотипом «Джей-Пи-Морган-Чейз». «Больше я ничего не знаю, — говорит она, допив остатки капучино и осторожно поставив чашку на блюдце. И вздыхает. — Видимо, мне пора возвращаться в свою жизнь».

Я закрыл в «блэкберри» статью «Вэнити фэйр». Одиннадцатый час утра, мы в такси неслись по авеню А.

Собственно говоря, статья – опубликованная на сайте с утра пораньше – меня успокоила. Журналистка, хвала небесам, не особо продвинулась в расследовании; погуглив новости про Александру Кордову, я уверился, что ни один репортер не раскопал ключевую зацепку – «Брайарвуд», – а значит, мы по-прежнему в голове гонки. Пока что.

Я мысленно отметил лишь одну странную деталь: внезапный отъезд Александры из Амхёрста на первом курсе.

– Здесь, – сказала Нора, и таксист затормозил.

Мы свернули на Восточную Девятую, и Нора указывала на узкую витрину, утопленную между домов футов на пять, черную калитку и помятый жестяной навес с одиноким лиловым словом:

ЧАРЫ

На своем сайте «Чары» отрекомендовались «Старейшим и Крупнейшим в Нью-Йорке Магазином Принадлежностей для Ведьмовства и Поклонения Богине».

Мы поднялись на крыльцо, инкрустированное палой листвой и окурками, и вошли.

Тотчас из-за кассы выскочил высокий морковноволосяй парнишка и завопил:

– Зеро, ну-ка сюда! – («Зеро» был белый персидский кот, ломанувшийся к открытой двери, которую я, впрочем, успел закрыть у него перед носом.) – Спасибо, чувак, – сказал парнишка.

Оглушительно пахло ладаном, потолок практически наседавал на макушку, а узкие кирпичные стены наклонялись внутрь, как в коридорах с гравюр М. К. Эшера. По стенам висели полки, забитые мистическими цацками. Очевидно, в «Чарах» все священные предметы были созданы равными. Лавка выглядела так, будто Христос, Будда, Мохаммед, Вишну и случайный язычник-другой скорешились и устроили гаражную распродажу.

Ведьмовские мини-котлы (толл, гранде и венте) нагло громоздились

подле святого Франциска, Девы Марии и парочки католических святых. Рядом лежала сильно захватанная «Магия еврейской каббалы» в мягкой обложке, дальше – Библия, затем карты Таро, мешочки с ароматическими смесями под названием «Саше „Счастье и удача из Уанги“», корзина резных восковых распятий, глиняные лягушки и пластмассовые флаконы «Святая вода» (распродажа, по \$5,95).

Видимо, немало ньюйоркцев плюнули на психотерапию с йогой и подумали так: «Блин, надо бы поколдовать», – потому что в лавке было не протолкнуться. В глубине женщины за тридцать роились вокруг высокого книжного шкафа, в лихорадочном напряжении перебирая сотню разноцветных свечей. Утомленный немолодой мужчина в синей рубашке – пугающе похожий на моего биржевого маклера – внимательно читал пояснения на обороте спиритической доски.

Обогнув Нору и серьезного парня с русыми волосенками, листавшего брошюру (я заглянул ему через плечо и прочел название: «Планетарные и магические значения. Руководство»), я подошел к витрине. Внутри лежали серебряные ожерелья, кулоны и амулеты, изрезанные иероглифами и прочими не опознанными мною символами. С потолка над кассой свисала пятиконечная звезда в круге, пентаграмма – знак сатанистов, если я правильно помню по студенческим временам. За ней на стене в рамках висели черно-белые портреты 8 × 10 – суроволикие мужчины и женщины с дохлыми изюминами глаз, как у серийных убийц: несомненно, легендарные ведуны и ведьмы.

Рядом скотчем прилепили маленькое рукописное объявление:

Принадлежностей для черной магии не продаем, даже не спрашивайте.

Отконвоировав Зеро в заднюю комнату, к нам подбрел морковноволосяй кассир:

– Помочь вам?

– Да, – сказала Нора, возвращая на витрину книгу «Знаки, символы и предзнаменования». – Мы надеялись, кто-нибудь сможет опознать травы и корни. Мы их нашли в странном виде у подруги в комнате.

Он кивнул, ни капли не удивившись, и большим пальцем указал на заднюю дверь:

– Спросите дежурных ведьм. Они всё знают.

Я не сразу разглядел в глубине лавки деревянную стойку, за которой сидел малолетний латиноамериканец.

Мы с Норой направились к нему в обход женщин, ахавших над разноцветными свечами. Одна, с рыжими кудрями, держала лиловую, желтую, оранжевую и зеленую.

– Что мне взять? И святого Илию, и Сан-Мигеля? – спрашивала она подругу.

– Не угробь нам разговор, – шепнула Нора. – Я понимаю, ты в это не веришь, но все равно хамить незачем.

– Это я-то? Что ты такое говоришь?

Она предостерегающе покосилась на меня и встала в очередь за девушкой, тихо совещавшейся с латиноамериканским малолеткой. Тот сидел на барном табурете и большим охотничьим ножом усердно вырезал по зеленой свече.

На ведьму он не походил, – впрочем, это, вероятно, тупое замечание, вроде как соседка говорит корреспонденту «Ивнинг ньюс», что старый Джимми, который жил у матушки в подвале и редко выбирался на свет божий, не походил на маньяка-убийцу. Юный ведьмак был черноволос, космат и одет в защитного цвета рубаху, из тех, что ввели в моду Фидель Кастро и Че Гевара, отчего смахивал на социалистического командира в тропиках.

На стойке перед ним грудami валялись цветные свечи, саше с травами, флаконы масел и каких-то темных жидкостей, резак для бумаги, бечевки, перочинные ножики. К планшету, за веревочку подвешенному на стойке сбоку, цеплялась кипа потрепанных бумаг. Я взял планшет – «Меню заказной резьбы», было написано там – и полистал.

«Победа в суде. Эта свеча поможет вам выиграть в любых судебных тяжбах, крупных и мелких».

«Лиловая мудрость. Традиционно используется для преодоления преград, известных и неизвестных, а также для пророческих решений. Предназначена для обретения мудрости в области древних наук – астрологии, герметики, каббалистики и прочих магических систем».

«Приди ко мне. Эта свеча помогает встретиться тем, кто полон сексуального желания. Это ОЧЕНЬ СИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ свеча – используйте осторожно».

Надо было мне сюда прийти сто лет назад.

Девушка отошла от стойки, и мы шагнули ближе.

– Чем могу помочь? – осведомился малолетка, не поднимая глаз.

Понизив голос, Нора деликатно объяснила, зачем мы пришли, вынула из сумки два зиплока – в одном образец праха, в другом горстка корней, перевязанных белой веревочкой.

– Вот это мы нашли у подруги под кроватью, концентрическим узором, – пояснила Нора, протянув ему прах. – Объясните, пожалуйста, что это такое и зачем оно там было.

Малолетка отложил нож и не торопясь вытер руки тряпкой. Перетер прах в пальцах, не открывая пакет, рассмотрел под маленькой настольной лампой. Затем открыл пакет, понюхал, от вонии сморщился. Снова запечатал пакет, отложил, соскочил с табурета. Из угла приволок невысокую стремянку, поставил у полок справа. Полки высились до самого потолка и были в несколько рядов набиты стеклянными банками с травами – на каждой поблекший ярлык.

Я подошел ближе – почитать.

МАРАНТА. БАЛЬЗАМ ГАЛААДА. ФУКУС ПУЗЫРЧАТЫЙ. ЛИАТРИС ПАХУЧАЯ. СМОЛА ДРАКОНОВА КРОВЬ. ПЯТИЛИСТНИК. КОРЕНЬ ИОАННА ЗАВОЕВАТЕЛЯ. ТАВОЛГА ВЯЗОЛИСТНАЯ. ИОВЛЕВЫ СЛЕЗЫ.

Малолетка взобрался на стремянку, встал на цыпочки и потянулся за банкой на верхней полке.

«ВАЛЕРИАНОВЫЙ КОРЕНЬ», – информировал ярлык.

Малолетка принес банку за стойку, отвинтил крышку, ложечкой выложил на ладонь горстку какой-то грязи.

Сравнил с содержимым зиплока.

– Текстура одна, запах один, – пробубнил он себе под нос.

– Это что? – спросила Нора.

– Кошачий ладан.

– Что это такое? – спросил я.

– Трава такая. С довольно черной магической репутацией.

– У нее есть «магическая репутация»?

Он кивнул – мой скептицизм его не задел.

– Конечно. Часто используется в черной магии. Порча. Привороты. Средства от сглаза. Это примерно как найти у лучшего друга в кладовке костюм для бондажа. Никак не отмажешься, понимаете?

Я не был уверен, что понимаю, но кивнул.

– Вы сказали, он был выложен узором?

– Да. – Я показал ему фотографию на «блэкберри».

– И еще мы нашли вот эти веточки, связанные, – прибавила Нора, кивнув на другой пакетик. – Были спрятаны за косяком входной двери.

Нахмурившись, малолетка сунул руку в коробку слева, надел латексные перчатки и вытащил корни.

– Где-где вы все это нашли? – неуверенно спросил он.

– У подруги в съемной комнате, – ответил я.

Он сощурился, повертел корни в пальцах.

– По-моему, это фигня очень высокой ступени. Вам бы с Клеопатрой поговорить. Пойду гляну, что там у нее.

Он отдернул тяжелую бархатную портьеру в задней стене и исчез; я мельком увидел соседнюю комнату – тусклый красный свет и опять свечи.

– За бумажником следи, – посоветовал я Норе. – В нас распознали лохов. Сейчас допустят туда, где гнездятся птицы высокого полета. Они предложат нам заглянуть в будущее, потрепаться с мертвыми или приобрести какой-нибудь душеспасительный реквизит, который убережет нас от дурных вибраций и избавит от пары штук долларов.

– Тш-ш, – с упреком шикнула она, а из-за бархата высунулась голова.

– Она вас примет, – объявил малолетка и откинул портьеру.

Нора схватила зиплоки и заспешила за ним, будто ее удостоили аудиенции папы римского в ватиканских внутренних покоях.

Я пошел следом, безмолвно восславив Деву Марию.

44

В задней комнатухе горел сумеречный красный свет, осыпающиеся кирпичные стены были задрапированы черной тканью, у круглого деревянного стола толпились складные стулья, а над столом висела красная витражная лампа.

В глубине у захлавленной стойки, повернувшись к нам спиной, по беспроводному телефону разговаривала женщина – я так понял, Клеопатра. Высокая, пухлая, в черной крестьянской блузе, джинсах и старых красных «док мартенсах». Прическа – черные-черные волосы до плеч, прошитые лиловыми прядями, – сидела на голове абажуром.

– Садитесь, – сказал латиноамериканский малолетка и отодвинул два стула от стола. – Меня, кстати, Декстер зовут.

– Да, давайте попробуем, – бесстрастно промолвила Клеопатра в телефон. – Ягоды можжевельника. Посмотрим, что с ним будет. Если не позвонит назначить третье свидание, выберем что-нибудь посильнее.

Она отложила телефон и обернулась.

Оказалась она азиаткой – корейкой, решил я, под пятьдесят. Круглое лицо сурово, в волосах массивная заколка с перьями лазурной птицы, целая выставка серебряных браслетов и обручей на руках, висюлек-черепов в ушах и ожерелий на шее – в том числе четырехдюймовый тигриный клык, – и при ходьбе Клеопатра лязгала и звенела.

– Я Клео, – сухо объявила она. – Я так поняла, вы нашли улики черных дел.

– Мы не знаем, что это такое, – ответила Нора.

Клео, которой явно уже приходилось слышать подобное, придвинула к столу мягкое кресло, подтекавшее пенополистиролом. Села, подогнув под себя ногу, задрала другую коленку, обвила ее руками и застыла, вся извернувшись, – то ли очень радикальная асана, то ли скрюченноедохлое насекомое на подоконнике.

– Введи в курс? – с легким нетерпением велела она Декстеру.

Тот, предъявив зиплоки и мой «блэкберри», описал симптомы, точно интерн, советующийся со специалистом по поводу невнятной МРТ.

– Но вот, видишь? – сказал он, на что-то показывая. – И вот здесь. Я... я не понял симметрии. Сначала думал, крошево с наковальни и, например, кроличьи фекалии. Но тут ведь вот *это*. Я никогда не видел... – И он в сомнении замолчал.

Клеопатра схватила «блэкберри» и сощурилась, увеличивая картинку.

– Ясно, – сказала она, глянув на Декстера. – Можешь идти.

Он кивнул и, напоследок посмотрев на нас – похоже, с искренней тревогой, – нырнул за портьеру обратно в магазин.

С минуту Клео молча разглядывала фотографии.

Взяла пакетик с прахом, понюхала – даже не покривившись, – затем пригляделась к корням. Когда она склонилась над столом, лазурные перья легли ей на щеку.

– Расскажите, где вы все это нашли, – тихо сказала она.

– В съемной комнате одного человека, – ответила Нора. – Круги и все жженое были под кроватью.

– Кто этот человек?

– Мы бы предпочли не называть, – сказал я.

– Мужчина или женщина?

– Женщина, – ответила Нора.

– И где она сейчас?

– Это мы тоже предпочли бы не обсуждать.

– Как у нее дела?

– Нормально, – ответил я. – А что?

Клео перевела пристальный взгляд с букета корней на меня. Глаза у нее были черны и так глубоко утопи в пухлом лице, что я не видел белков – лишь черные радужки посверкивали в сумраке.

– На вашей подруге лежит очень сильное проклятие.

Больше она ничего не прибавила, отложила веточки и откинулась на спинку кресла, терпеливо дожидаясь, пока выскажемся мы.

Мы только молча таращились.

Обычно я склонен лишь плечами пожимать в ответ на такие заявы. Подумаешь, суеверие. Но что-то такое было в этой Клеопатре – прямолинейная ее категоричность, – и просто пожать плечами мне не удавалось. Довольно и того, что эта женщина смахивала на припанкованную сестру Конфуция. А изъяснялась сухо и монотонно, как опытный нейрохирург.

– Какого рода проклятие? – спросил я.

– Не уверена, – ответила Клео. – Не простой сглаз. – Взяла мой «блэкберри», предъявила нам картинку. – Она его снимала, выполнила самый сложный ритуал. Кошачий ладан в круге, мешается с серой, солью, хитином насекомых, сухими человеческими костями – может, и не только, но от остального вас вывернет. Все это выкладывается вокруг асафетиды, сожженной на правильной пирамиде из угля. Наверняка запах был отвратительный.

– О да! – поспешно подтвердила Нора.

– Это вонючая ферула. Асафетида. Отталкивает зло и причиняет урон недругам. Чтобы снять проклятие, можно еще смешать ее с валериановым корнем, перьями черной курицы, черным порошком и прядью волос того, кто наложил проклятие. Мочишься туда, складываешь все это в стеклянную банку и закапываешь там, где он регулярно ступает, – у крыльца, в гараже. После чего он, в общем, оставляет тебя в покое до конца твоих дней.

– А на бывших жен действует? – спросил я. – Если она живет в многоэтажке на Пятой авеню, можно просто отдать консьержу?

Нора глянула на меня с упреком, но Клеопатра лишь откашлялась.

– Если нет доступа туда, где бывает этот человек, – терпеливо продолжала она, – поступаешь так, как ваша подруга. Рисуешь ладанный круг.

– А это помогло? – спросила Нора. – Сняло с нее проклятие?

– Понятия не имею. Заклинания – они как примитивные антибиотики. Пробуешь разные, смотришь реакцию. Суперзаклятия, бывает, сопротивляются, как бактерии, – штамм постоянно мутирует, цепляется за носителя, пожирает его. Вы давно общались с вашей подругой? Как она

себя чувствует?

Нора сконфуженно посмотрела на меня.

– А эти ветки над дверью? – спросил я.

Клео откинулась на спинку кресла, воззрилась на букетик.

– Это калина. Встречается в природе, входит в семейство жимолостных. Растет на лугах и в лесах. Используется для защиты. В глуши американского Юга из таких корней плетут ножные браслеты. Или мочат их в виски и закапывают. А можно поступить, как ваша подруга. Взять девять веточек, белую веревку, завязать по узлу вокруг каждой – девять веток, девять узлов – и вставить куда-нибудь у входной двери или под крыльцо. Некоторые на переднем дворе закапывают.

– А что эта калина делает?

Некоторое время Клео непроницаемо смотрела на меня. Затем ответила:

– Сбивает дьявола с толку.

– «Сбивает с толку»?

– Останавливает. Замедляет.

– Понял, – сказал я, подбирая веточки и корни. – Прямо не знаю, зачем США тратят шестьсот миллиардов на национальную безопасность. Надо просто в каждом американском доме за косяк сунуть такую штуку.

Очевидно, к неверующим и скептикам Клео была привычна, и они ничуть ее не смущали. Она лишь переплела на колене пальцы, унизанные кольцами – черепа, коптские кресты, кошачья башка.

– Ваша подруга принимала ванну до рассвета?

– Да, – ответила Нора. – В очень ледяной воде.

Я уже хотел было спросить, что она несет, но вспомнил странную историю Ионы, спозаранку заставшей Александру в ванне.

– То есть ритуалы очищения она проводила, – кивнула Клео.

– А это зачем? – спросил я.

– Очищают от зла. Не насовсем. Это временный пластырь такой. А полы она мыла?

Нора глянула на меня.

– Мы не знаем.

– На ощупь холодная была?

– Без понятия, – ответил я.

– Вы не замечали, ей трудно было разговаривать? Как будто во рту арахисовое масло или песок.

– Мы не знаем.

– А подозрительная тяжесть?

– Какая тяжесть?

Клео пожала плечами:

– Я слышала, иногда люди, на которых подолгу лежит сильное проклятие, встают на обычные весы, а те показывают триста, а то и четыреста фунтов, хотя на вид человек очень исхудалый.

– Этого мы тоже не знаем, – сказал я, хотя внезапно всплыло грозное воспоминание о единственной моей встрече с Александрой – эта странная походка, точно в трансе, гулкая тяжелая поступь в шелесте дождя у водохранилища.

Клео посетила новая идея – она опять взяла «блэкберри» и полистала фотографии.

– Я одного не вижу – возвращения. Когда речь идет о черной магии, проклятие нужно снять, а потом вернуть, чтобы оно бумерангом вернулось к тому, кто проклял. – Она подняла глаза на нас. – Заклинания – это просто энергия. Как направленный поток заряженных частиц. Их же надо куда-то девать. Энергия не создается и не разрушается – она передается. А свидетельств передачи я не вижу, и это меня беспокоит. – Она в задумчивости склонила голову набок, повертела в пальцах тигриный клык. – Не заметили в комнате возвратных свечей?

– Что такое возвратные свечи? – спросила Нора.

– Снизу белый воск, сверху черный.

Нора покачала головой.

– А картонной коробки с разными предметами?

– Нет.

– Зеркального возврата не было, – прошептала Клео себе под нос.

– Какого возврата? – спросил я.

Она посмотрела мне в глаза:

– Зеркального. Берешь черную свечу, процарапываешь на ней имя недруга, закапываешь на кладбище с осколками битого зеркала. Вся негативная энергия или зло, направленные на тебя, вернется оператору. – Она откашлялась, воздела чернильно-черную бровь. – Вернемся в ее комнату. На полу был порошок или отметки мелом?

– Там темно было, – сказала Нора. – Но нет. Мы бы заметили.

– Только пол липкий, – прибавил я.

Клео уставилась на меня:

– Липкий?

– Как будто его газировкой полили. И пара пластиковых оберток.

Клео развернулась как змея, подалась ко мне через стол, выпятила подбородок.

– Обертку вы *подобрали*? – спросила она так яростно, что я почуял ее дыхание, жаркое, чесночное и едкое, словно после какого-то странного травяного чая. Зубки у нее были мелкие и в табачных пятнах, налезали друг на друга, а в глубине блестело немало золотых коронок.

– Нет, – сказал я.

– Тогда с чего вы взяли, что это пластиковые обертки?

– Они шелестели похоже.

Она нервно перевела дух.

– То есть вы заходили в комнату?

– Само собой. Как бы мы, по-вашему, нашли эту штуку под кроватью?

– Когда это было?

– Вчера вечером.

Она заглянула под стол.

– Вы в этих ботинках были?

– Да.

Она встала, отошла к стойке, вернулась с латексными перчатками и грудой поблекших газет. Со щелчком натянула перчатки, расстелила газеты на столе.

– Снимите, пожалуйста, один ботинок и медленно передайте его мне.

Глянув на Нору – ей, кажется, поплохело, – я стащил черный кожаный ботинок и протянул Клео.

Осторожно, будто бешеную тварь, она положила ботинок боком на газету, подошвой к себе. Порылась в кармане джинсов и извлекла четырехдюймовый перочинный ножик – прихотливая резная рукоять из звериной кости. Зубами вытащила лезвие, свободной рукой придержала ботинок, поскребла подошву. Словно забыв о нас, она занималась этим несколько минут; перестав, поднесла ножик к самому носу – на лезвии скопился черно-бурый клейстер. Похоже на высохшую черную патоку.

– Вот вам и возврат, – прошептала она. – Изощренная порча на ноги. Никогда не видела ничего подобного.

– Что такое порча на ноги? – спросила Нора.

– Недруг должен в нее ступить. Это ловушка.

– Но туда ступили мы, – заметил я.

Глаза Клео метнулись от ножа ко мне.

– У нее есть причины думать, что вы и есть ее недруг? – спросила она.

– Нет, – ответил я, и тут же по спине побежали малоприятные мурашки.

Я вдруг вспомнил, как Александра следила за мной у водохранилища, как внезапно появилась на ступенях гидроузла, как ее окаменелое лицо

взирало на меня сверху вниз. Она считала, я ей угрожаю? Что я сделал ей и ее отцу? Я всего лишь добивался правды. Может, одно это превращало меня во врага. Что ж у них за лицемерная семейка? Почти каждый герой в фильмах Кордовы отчаянно добивается того же самого. Это что, не в счет? Искусство разве не отражает ценностей создателя хотя бы на малую толику? Да вот необязательно. Когда надо истолковать чужие поступки, люди рассуждают, отбросив логику и оправдывая себя.

– Уж не знаю, что ее подвигло, – прошептала Клео, словно прочтя мои мысли, и вновь пригляделась к темному клейстеру на лезвии ножа, – но ясно одно.

– Что? – Во рту у меня вдруг пересохло.

– На вас навели порчу.

– Вы не могли бы объяснить внятнее?

Клео осторожно отложила нож, встала и удалилась к книжному шкафу.

– Смотри, – шепнула Нора, разглядывая треснувшие подошвы своих мотоботинок.

Там тоже сгустками черной жвачки блестели темные пятна. Нора стянула один ботинок, пригляделась в свете потолочной лампы. В черном клейстере я рассмотрел песок, нитку, даже, по-моему, обрезанные ногти; сверкнули осколки – кажется, стекла.

Клео приволокла на стол многотомный труд: «Худу – заговор – колдовство – зелья» Гарри Миддлтона Хайатта, судя по корешкам. Антикварные тома, оранжевые переплеты подвязаны истрепанной черной лентой. Клео села, взяла первый том, отыскала содержание, пальцем провела по странице. Добравшись до конца – и, видимо, не найдя искомого, – она захлопнула первый том и взяла второй.

Я сцапал книгу, которую она только что отложила. От фолианта несло плесенью, страницы пожелтели. Выпущен в 1970-м, и на сгибе титула запекся томатный соус – или кровь. «Худу – заговор – колдовство – зелья. Верования многих негров и белых людей, записанные со слов черных и белых».

Общий обзор системы верований с. 1. Вера в духов, призраков, дьявола и т. п. с. 19. Расчет времени заклинаний и повторение действия заклинаний со временем с. 349.

Похоже, энциклопедия заклинаний – краткие статьи перемежались

пространными. Транскрибированные интервью южан из глухомани, чьи заковыристые акценты переданы фонетически. На странице 523 под заголовком «Амулеты в приблизительно алфавитном порядке, по названиям основных ингредиентов (напр., конский каштан, иглы, кость черного кота)» помещался следующий фрагмент:

669. Так шта – кароч, цопни се змеюку, мож гремушку цопнуть, шкуру ейную посуши, а после шкуру энту возьми и дей из ее порошку дурного. Кого хошь убьет.

[Уэйкросс, Джорджия]

– Вот что-то похожее, – пробормотала Клео, вперилась в подошву моего ботинка, а затем вернулась к книге.

Я выгнул шею, чтобы тоже прочитать.

Том четвертый, «Другое колдовство с использованием человеческих органов и отходов».

– «Заклятие черной кости, – прошептала она, заправляя за ухо густую лиловую прядь. – Истрепанная пеньковая веревка, гуммиарабик и дурной порошок». Ваша подруга слегка подправила рецепт. Я тут вижу темный песок и водоросли. Видимо, она это собрала в каких-то экзотических краях. Размещаешь все это на полу квинканксом – получается как бы перекресток. Недруг, ничего не подозревая, через него проходит. Все прилипает к его ботинкам и спустя несколько часов начинает пожирать его жизнь.

– «Пожирать»? – переспросил я. – Это как?

Она пожала плечами:

– Я слыхала, бывает кома. Инфаркты. Внезапная потеря всего, что любишь, – работы, семьи. Неожиданный паралич от шеи и ниже. – Она дернула бровью. – У вас странных ощущений в ногах не было?

– Я когда проснулась утром, у меня ступня занемела, – всполошилась Нора.

Клео кивнула, будто именно этой дурной вести и ждала. Склонила голову, взялась за тигриный клык, покатала его в пальцах.

– Беспокоит меня другое. Пластиковые обертки на полу. Сомневаюсь я, что это были обертки.

– А что тогда?

– Вероятно, змеиная кожа. Если она была набита могильной землей, ваша подруга насылала смертное проклятие.

– И это...

– Ровно то, что вы подумали. Оно убивает.

– Министр здравоохранения то же самое говорит про сигареты.

Клео не отвела взгляда.

– Сигареты убивают десятилетиями. А под проклятием вы можете погибнуть через несколько недель.

Нора пришла в ужас.

– Вы не очень-то деликатная ведьма, вы в курсе? – заметил я.

– Это черная магия. Тут подслащивать пилюлю ни к чему.

Я попытался утешительно улыбнуться Норе, но та не обратила внимания – разглядывала проклятую подошву мотоботинка, точно скопление злокачественных опухолей.

– Могильная земля, – сказал я. – То есть наша подруга собирала землю на кладбище?

– Именно. А ее добыть непросто. Нужно идти в определенный час ночи. В определенной фазе Луны. Знать, с чьей могилы берешь землю. Как человек умер. Некоторые ведьмы считают, лучше всего земля с могилы убийцы, младенца младше полугода или человека, который без ума тебя любил. Не все равно, где копать, – над головой, сердцем или ногами. И нужно оставить что-нибудь в благодарность. Обычно приговораются деньги или виски. Потом замешиваешь землю в сброшенную змеиную кожу с дурным порошком.

– Что такое дурной порошок? – спросила Нора.

– Колдовская водородная бомба. Дурной порошок – духовный яд. Его еще называют «гуфер», слово пришло из Конго – от «куфва», что значит «умирать». Обычно желтоватый порошок, но с могильной землей темнеет – не заметишь. Очень сильный: мало-помалу незаметно пожирает разум. Отравляет рассудок и любовь. Отвращает ближайших друзей, совершенно тебя изолирует, сшибает лоб в лоб со всем миром, оттесняет на грань, на окраину жизни. Он сводит с ума, а это в своем роде хуже смерти.

– То есть наша подруга – кандидат колдовских наук? – спросил я.

– Она блестяще знает черную магию. Без вопросов.

– А что вообще такое черная магия? Вуду? Худу?

– Много чего. Общее обозначение любой магии, которую используют во зло. Я не эксперт. Я понимаю про богиню Земли, заклинания плодородия, духовное очищение, в таком духе. Черная магия нередко подпольная. Передается из поколения в поколение. Тайные полуночные встречи. Древние дневники в кожаных переплетах, заклинания задом наперед. Чердаки, забитые невразумительными ингредиентами – оленьими

зародышами, фекалиями ящериц, младенческой кровью. Развлечение не для брезгливых. Но работает. Ваша подруга не из семьи оккультистов?

– Не исключено, – сказал я.

– В общем, она считала, что проклята. Очень старалась это прекратить, вернуть оператору. Хотела его убить. Мне кажется, дело было так. Может, она думала, что туда зайдете не вы, а кто-то другой – тот, кто наложил на нее проклятие. Я бы вам посоветовала отыскать ее и расспросить.

Нора осторожно глянула на меня.

– Вот чем я могу помочь, – продолжала Клео, покашляв. – Отскребите все с подошв ножом или бритвенным лезвием. Ни в коем случае не трогайте голыми руками. Заверните в газету и выбросите все на перекрестке или в чистую пресную реку.

– Гудзон, значит, не подойдет.

– Я вам дам возвратные свечи. – Она снова отошла, присела на корточки у шкафа, порылась на полках. – Еще раз: у меня с такими вещами опыта нет. Вам бы лучше проконсультироваться у черного колдуна.

– И где мы его найдем? В «Дисней Уорлд»?

– Погуглите. Кого-нибудь найдете. Но все настоящие колдуны живут в Луизиане.

Клео вернулась, протянула Норе две свечи – черные у фитиля, белые у основания.

– И на сколько мы разоримся? Пара сотен баксов?

– Бесплатно. Неэтично брать деньги, если человек пострадал от черной магии. Все равно что в неотложке пациенту со смертельным огнестрельным ранением счет выставять. Постарайтесь спасти свои жизни. Деньги ни при чем.

Задумчиво катая в пальцах тигриный клык, она смотрела, как мы обуваемся. Нора взяла свечи, сообщила, что, вообще-то, в комнате нас было трое, поэтому Клео откопала третью свечу и проводила нас в лавку.

Народу там прибавилось. Элегантная пожилая пара разглядывала свечи-черепя. Четыре школьницы изучали благовония. Юноша, чей отчаянно вылизанный и бодрый студенческий видок выдавал безработного аналитика с Уолл-стрит, читал брошюру «Расписание осенних занятий в „Чарах“».

Магия – забавно и занятно, пока на подошвах у тебя не обнаружилась колдовская водородная бомба.

Видимо, Декстер отчитался о нашей судьбе морковноволосяму кассиру, потому что оба теперь не отрывали от нас замороженных взглядов.

Шуганув белого перса, Клео выпустила нас наружу.

– Удачи, – сказала она.

– Спасибо, – промямлила Нора и вышла.

Я задержался:

– А если я во все это не верю? Меня воспитывали в католичестве.

Клео невозмутимо воззрилась на меня, хотя в черных глазах на миг, честное слово, вспыхнуло веселье.

– Тогда, надо думать, вам нечего бояться.

Сосредоточенно хмурясь, она захлопнула дверь и ринулась в гущу толпы – несомненно, возвращалась под красный свет своей берлоги.

46

– Как думаешь, мы умрем? – нервно спросила Нора, когда мы двинулись прочь от «Чар».

– Все имеют такое свойство.

– В ближайшие дни. От дурного порошка. Она же сказала: он убивает, а ты не замечаешь.

– Бывшие жены тоже прекрасно это умеют. Из того, что она сказала, интереснее всего другое: что черная магия передается из поколения в поколение.

– Думаешь, Кордовы это и прячут? Что у них там все ведьмы?

Я смолчал. Абсурд, конечно. И однако Кордова – творческий чудак, окопался в уединенном поместье, а оно, если вдуматься, идеальная чашка Петри для выращивания диковинных и нелепых культур. Клео утверждала, что Александра весьма искусна в колдовстве. От кого-то же она научилась творить заклинания.

Но кому предназначалось заклятие черной кости – мне? Сотворила, зная, что я буду расследовать ее гибель и в конце концов окажусь на Генри-стрит? А как же Хоппер? Ему прислали плюшевую обезьяну, он откуда-то знал, что Александра захаживала в «Клавирхаус». Или она проклинала кого-то другого? Иона видела у нее под дверью двоих мужчин. Допустим, один – Тео Кордова. Может, Александра полагала недругами семью? Вот Хоппер считает, что во всем виноваты они. Скажем, они преследовали ее, искали, боялись, что она вот-вот их разоблачит. Она ведь следила за мной – отчего ее родные бесспорно могли занервничать.

Нора размышляла, грызя ноготь.

– Может, Сандра потому и покончила с собой. Не вынесла стыда за то,

что ее семья годами колдовала по-черному. – Она сморщила нос. – Тогда горничная в «Уолдорфе» это и заметила – она же сказала про отметину в глазу. Догадалась, что Сандра практикует черную магию.

– Все это пока домыслы.

Притворив железную калитку, я заметил, что у меня жужжит телефон. Думал, что звонит Хоппер, но нет, прилетело оповещение с «Черной доски»: кто-то отозвался на мой пост. Впрочем, чтобы прочесть, мне нужен ноутбук и «Тор».

– Ты, наверное, думаешь, что магия – чушь собачья. А вот я в нее верю, – сказала Нора, скребя подошвами по бордюру. – Не проклятие, а цемент какой-то.

– Давай-ка вернемся в квартиру. – Я сошел с тротуара и махнул подъезжающему такси.

– А «Восставший дракон»? Мы же хотели про чек спросить?

– Потом спросим. Мне на «Черной доске» ответили.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

ГОВОРИ С НЕЗНАКОМЦАМИ — ПОМОГИТЕ

Опубликовал(а): Гайтана Стевенс 2991

29/10/11 в 02:11

Просмотров: 9332

Помогите, пожалуйста: мне надо найти и без лишнего шума попасть в загадочный частный клуб на Лонт-Айленде. Мне сказали, у него французское название и он в бывшем СИЗО или заброшенной тюрьме.

Большое спасибо за любые наводки.

НА: ПОМОГИТЕ: «OUBLIETTE»

Опубликовал(а): Спецагент Фокс

29/10/11 в 10:24

Просмотров: 189

«Oubliette» — так зовется
Искомый вертеп,
И лишь тот не рыдает в нем,
Кто глух и слеп.

Запретные бабочки
Обитают в сем грешном притоне,
Пред палачом простираются
Те, кто обычно на троне.

Будь ты Членом клуба, тебе не пришлось бы
Задавать подобный вопрос.
Тебе там не место. Ты шутишь?
Я, впрочем, отвечу всерьез:

В Монтоке появляйся в полночь,
Иди по пляжу на восток.
Увидишь лестницу Дюшана —
Знай, что вблизи цветет порок.

«Oubliette» — психбольница,
Преисподняя, бой.
Будь ты гость иль зевака —
Следи за собой.

Если выкажешь слабость и выдашь себя,
Твоя ночь будет вечно длиться.
И всем, кто еще тебя любит,
Останется только молиться.

ОТВЕТИТЬ>>

Oubliette.

В интернете упоминаний о таком частном клубе не нашлось – заявление спецagenta Фокса ничем не подтверждалось. «Википедия» разъяснила, что слово происходит от французского глагола *oublier* и означает «забытое место». Исторически ублиетт – самое клаустрофобское, самое потайное помещение в подземелье замка, где есть лишь железный люк в потолке, и никакого света, – до того крошечная камера, что заключенному зачастую не удавалось развернуться или даже пошевелиться: гроб для живых, но проклятых. Там держали самых ненавистных пленников, о которых поимщики желали забыть.

Секс-клуб, надо полагать. Вряд ли он обещал уж очень *занятный* субботний вечер, но Иона утверждала, что Александра туда собиралась, так что явно стоило поискать там каких-нибудь очевидцев.

В восемь вечера по октябрьскому пасмурному холоду мы с Норой поехали с Перри-стрит за Хоппером. Тот наконец отозвался на наши сообщения, пожелал примкнуть, и я был отнюдь не против: он подарил нам большую удачу с «Клавирхаусом» и тем самым оказался неожиданным подспорьем расследованию.

Хоппер велел заехать за ним на угол Бауэри и Стэнтон. Мы прождали двадцать с лишним минут, но когда я уже подумывал ехать без него – до Монтока три часа дороги, это на самом востоке Хэмптонов, – Хоппер появился из гостиницы «Солнышко».

Знаменитая дыра, одна из последних ночлежек в Нью-Йорке, номер – говоря точнее, стойло, где поселится разве что деревенский мул, – \$4,50 за ночь. Оставалось лишь предположить, что у Хоппера там были дела – раздавал конфетки многочисленным любителям сладкого, – поскольку мужчины, толпившиеся у входа, заулыбались пугливо и благодарно, когда он просквозил мимо.

– Как делишки в «Солнышке»? – поинтересовался я, едва Хоппер рухнул на заднее сиденье.

Не потрудившись поздороваться, он вынул грудку мятых купюр, пересчитал и запихал в карман пальто.

– Шикарно, – буркнул он.

Спустя несколько минут мы уже мчались по шоссе Бруклин – Куинс, и Нора, задыхаясь, излагала Хопперу все, что мы узнали в «Чарах»,

включая смертное проклятие черной кости, в которое мы, спасибо Александре, наступили. Показала черное на подошвах его «конверсов» – на левой пятке была здоровенная плюха. Хоппер едва снизошел до циничного недоверия.

– А что с тату-салонем? – спросил он. – С «Восставшим драконом»?

– Туда мы пока не добрались, – ответила она. – Как увидели, что на «Черной доске» ответили про *Oubliette*, сразу поехали на Перри-стрит.

Хоппер промолчал и задумчиво сощурился в окно.

Через три часа он валялся в отрубе на заднем сиденье, а Нора крутила ручку спутникового радио. Я мчался на восьмидесяти в час по пустынному 27-му шоссе, что серой прорехой раздирало болотные и луговые солончаки. В брачные времена я здесь бывал нередко, но в пять минут первого ночи и с подобной миссией – ни разу.

– Я тоже хочу пойти, – сказала Нора.

– Мы же все обсудили, – ответил я.

– Но Сандра ведь ходила. А я легко прикинусь мальчиком. Я взяла штаны и бейсболку.

– У нас тут не «Парни не плачут». И после твоего выступления в «Брайарвуде» мы уже поняли, что ты не Хилари Суонк. [\[49\]](#)

Вскоре мы въехали в Монток, даже в крошечной тьме походивший на эвакуированную ярмарку. Залитые светом тротуары, усеянные песком и пластиковыми бутылками, были пусты. Крытые гонтом громоздкие и темные коттеджи, летом такие жизнерадостные, угрюмо хохлились на холме, напрягшись в предчувствии зимы. Даже местных нигде не видать.

Вправо на Южную Эмери-стрит, влево на Эмерсон, мимо лавок и гостиниц без света, мимо «Океанского курорта», мотеля «Рожденные свободными», вывесок «До следующеГода». Затем возникло кафе «Морская гавань» – в окне круглосуточный голубой неон, на стоянке несколько машин. Я миновал кафе и свернул в Китобойный переулок, просочился мимо группки кондоминиумов на берегу и пристроился сзади к побитому пикапу у обочины.

Отрубив мотор, где-то во тьме впереди я расслышав рев океана.

– Ну что, вояки, – сказал я. – Выдвигаемся.

Мы вылезли. Хоппер зевал и потягивался. Я запер машину, отдал ключи Норе, и мы пошли назад к Эмерсон-стрит.

– Может, Хопперу с тобой пойти? – спросил я.

– Сама справлюсь, – вскипела Нора, забросила сумку на плечо

и зашаркала прочь.

Мы посмотрели ей в спину, послушали, как хрустит у нее под ногами песок; под фонарем подол ее платья вспыхнул зеленым. Оделась она под гибрид Лили Мюнстр^[50] с Золушкой, только припанкованный: бархатное гороховое платье, черные колготки-сеточки, мотоботинки Моэ и черные перчатки без пальцев.

– Может, догонишь ее? – предложил я. – Глянешь, не страшно ли ей будет ждать?

Хоппер дернул плечами:

– Ничего с ней не будет.

– Приятно знать, что рыцарство еще живо.

Он лишь сощурился Норе вслед. Она потянула на себя дверь кафе, исчезла внутри и обратно не вышла. Я застегнул молнию на куртке.

– Пошли, – сказал я.

Вдоль деревянного забора по Китобойному переулку мы дошли до самого пляжа, куда не дотягивался свет уличных ламп. Я достал карманный фонарик. Мы побрели по песку, затем вверх на пологий холм; ледяной ветер лупцевал нас, и одежда ему ничуть не мешала. Я не знал, каков дресс-код в *Oubliette*, и надел сплошь черное – кожаная куртка, брюки, рубашка, – понадеявшись, что образ русского «вора в законе» внушит людям, что меня лучше не трогать.

Ветер окреп, и, когда мы перевалили через гребень холма, Атлантика загрохотала оглушительно. На пляже никого. Океан бурлил, вскипал барашками, волны яростно бились о берег, и лишь эти белые водяные взрывы пятнали купол черноты, объявшей нас.

Впереди на берегу фасадами к востоку развернулись кондоминиумы и особняки – все темны, все заколочены на зиму, – а поодаль от фонарей вдоль воды вздымались крутые обрывы Монтока.

Лестница Дюшана.

Подсказка, мягко говоря, двусмысленная. Аллюзию я уловил: кубистское полотно Марселя Дюшана «Обнаженная, спускающаяся по лестнице, № 2» 1912 года. Мы с Норой перед отъездом погуглили картину, хотя поди пойми, как связать ее с *этим* пляжем.

Я обернулся к Хопперу, но тот убрел к воде и там застыл – пальто хлопает за спиной, морская вода пенится под ногами. Сумрачно

и меланхолично он созерцал грохочущие волны – хоть бы в объятия морской пучины не шагнул.

– Нам сюда! – позвал я, еле перекивая ветер.

Хоппер, видимо, услышал и зашагал за мной.

Прогулка не задалась.

Недавний шторм усыпал пляж мусором – спутанными косицами водорослей, битыми раковинами, бутылками и камнями, из песка тянулись длинные костлявые руки плавника. Мы плелись, и ветер, воодушевившись, пихал нас, карябая и кусая соленым воздухом. Мы миновали несколько кварталов приземистых кондоминиумов с пустыми подъездами и стоянками, мотели с темными вывесками, зазывавшими в гости. Я разглядывал каждую битую лестницу наверх, искал хоть какого следа жизни – и не находил.

Мы здесь были одни.

Спустя двадцать минут мы вышли из Монтока на серферский пляж Дитч-Плейнз. Он тоже пустовал – только в песок зарылась потерянная ножная петля от доски. Взбираясь на валуны, я не успел отскочить, когда налетела волна, и очутился в ледяной воде по голень. Про русского вора в законе придется забыть: когда доберусь, буду, блин, вылитый Том Хэнкс в «Изгое».^[51]

Если доберусь.

Пляж ощутимо сужался, и вдоль побережья мускулистыми шишковатыми плечами вздувались утесы. Впереди виднелись только поместья за многие миллионы долларов, а тайная тусовка очень вряд ли обнаружится в одном из них. Проливая слезы на ветру, я различал черные силуэты пляжных домов, примостившиеся в вышине на утесах, но ни единого огонька.

Oubliette. Забытое место.

Может, там веселятся в *темноте*.

Хоппер ушел вперед. С упрямой решимостью, вперив взгляд в песок, он молча шагал, как будто не чувствуя ни холода, ни прибоя, промочившего ему «конверсы» и подол пальто. Я прибавил шаг, лучом фонарика обмахивая скалы, пустые крабовые панцири, водорослевое макраме. Хоппер ждал меня у подножия деревянной лестницы.

Ступени вели к дому, притаившемуся высоко над обрывом.

– Может, здесь? – крикнул Хоппер.

Лестница ничем не напоминала картину.

Я потряс головой:

– Пошли дальше.

Мы двинулись вперед и, не прошло и десяти минут, добрались до следующей лестницы – эта наполовину развалилась. На первый взгляд я и в ней не обнаружил никаких намеков на Дюшана, но затем, поведя фонариком, с удивлением заметил, что ступени повыше и впрямь кубистские. Грубо сбитые занозистые куски плавника непредсказуемым зигзагом взбирались по голому обрыву и исчезали за вершиной. Не столько лестница, сколько шаткая стремянка, из последних сил державшаяся за скалу.

Однако это была здесь вторая лестница. А в названии картины фигурировал «№ 2».

– Видимо, тут! – крикнул я.

Хоппер кивнул и запрыгнул на первую ступеньку. Пять футов от земли – на песке валялись расщепленные обломки нижних ступеней и перил. Вся конструкция зловеще тряслась под его весом, но Хоппер лез дальше и наконец вскарабкался туда, где сохранились перила и было за что уцепиться.

Я шагнул на первую ступень и, велев себе не смотреть вниз, тоже полез. Сырые и прогнившие доски проседали под ногами. Один раз ступень под Хоппером треснула пополам, нога провалилась сквозь еще две гнилые доски, и он повис на перилах, а я пригнулся, чтобы не получить по физиономии гвоздями от просвистевших мимо деревьяшек.

Хоппер вскарабкался на следующую ступеньку, которая его выдержала, и снова припустил вверх по скале. Вскоре он исчез на вершине. Когда туда дополз я, пришлось подтягиваться до белизны костяшек, потому что последних ступеней не было вовсе. Я выпрямился в высоком песколюбе и выключил фонарик.

Мы выбрались к кому-то на задний двор.

За ухоженным газоном, крытым бассейном и островками поздней черемухи возвышался особняк с кедровой кровлей – ни огонька, ни звука.

Второй час ночи, сообщили мне часы.

– Может, мы опоздали, – прошептал я.

Хоппер смерил меня взглядом:

– По-моему, тебе надо бы из дома выходить почаще.

И сквозь заросли ирги неторопливо зашагал по тропинке к дому. Когда до заднего патио нам оставалось ярдов двадцать, дверь в доме неожиданно распахнулась. Воздух наполнила густая пульсация музыки. Плитняк залило водянистым белым светом.

Мы застыли, распластавшись по ограде вдоль тропинки.

Долговязый паренек в черном барном фартуке поволок через патио

гроздь мусорных мешков и по одному пошвырял их через парапет. Раз за разом ночь разрывал звон бьющегося стекла. Все выбросив, парнишка вернулся в особняк и с силой захлопнул дверь.

Дом снова объяла тишина.

С минуту мы ждали, слыша только ветер и далекий рев океана внизу.

Затем, обменявшись кивками, бегом одолели финишную прямую – через патио и вверх по ступеням. Хоппер дернул дверь. Она легко открылась, и мы скользнули внутрь.

Судя по всему, очутились мы в кладовой.

Верхний свет не горел, холод стоял собачий. Кажется, мы были одни. Вокруг громоздились большие деревянные ящики и коробки, к стене прислонилась тачка. Я почитал ярлыки на ящиках. «Реми Мартен». «Водка „Дива“». «Шато-лафит». «Ямайский ром „Рэй и Племянник Лимитед“».

Небежно люди живут. Вдоль стены выстроились пузатые стальные холодильники, а в нише за ними на крюках висели черные брюки и рубашки – видимо, официантская униформа. В центре стоял длинный деревянный стол, заваленный припасами. Я разглядел грудку белых кирпичей в целлофане – кокаин, каждый кирпич на кило, всего не меньше сотни. Плюс четыре переносных сейфа на замках, металлическим кабелем притороченные к ножкам стола.

– Дьюти-фри в Картахене, – пробормотал я.

Хоппер тоже подошел, воздел бровь:

– Или какой-то миллиардер оборудовал бункер на случай конца света.

Он подхватил кирпич кокаина, подбросил, будто это футбольный мяч, а сам он – опытный распасовщик. Поймал и запихал в карман пальто.

– Ты совсем сбрендил?

– А что?

– Положи на место.

Он пожал плечами и отошел к холодильникам:

– Я рынок изучаю.

Он вывернул ручку на стальной двери холодильника: полки забиты пенопластовыми упаковками и контейнерами.

– Знаю я эти тусы. – Он подвигал контейнеры. – Всё оплачивает саудовский принц – или русский. Эта фигня для них – как для нас «будвайзер лайт» с претцелями. Подумаешь, пара пакетов чипсов пропала.

Я взял коробку кубинских сигар. «Коиба Беике».

Хоппер повертел черную стеклянную банку, поставил на полку.

– Тут черной икры больше, чем в Черном море.

– Угощайся. Я сваливаю, пока саудовскому принцу не приспичило подкрепить нервишки.

И я направился к двери. За стенкой пульсировал хаус – проворачивался, неумоимо мерцал, как шестеренки земного шара.

Я приоткрыл дверь, выглянул. И не сразу понял, что вижу.

Ну да – вечеринку. Однако полы – геометрический узор черно-белых плиток – шли рябью, словно море. Они покрывали гигантский круглый атриум, опоясанный коринфскими колоннами, но потолка над ним не было – лишь ярко-голубое небо с облачками. Как это они тут устроили идеальный летний день? Поодаль, за увитыми плющом каменными арками и темными ходами, уводившими по тропинкам прочь, открывался роскошный цветущий сад, где на солнышке прилегли греческие статуи. В блистающем ручье бродила белая цапля. Красно-зеленые попугаи порхали в джунглях, солнечный свет божественно проникал древесные кроны.

Глаза мои лихорадочно искали хоть какого-то подобия реальности, а рассудок закоротило, и он ошалело перебирал рациональные объяснения этой ерунде: искусственная экосистема, театральная декорация, «Дисней Уорлд» для взрослых, портал на другую планету? Но затем в тропическом раю обнаружился изъян: электрическая розетка над полом.

Все нарисовано – фотореалистичная обманка, до того богатая и подробная, что в тусклом янтарном свете будто жила и цвела. В углублении посреди зала на кожаных диванах и вокруг мраморных столов сидела и стояла плотная толпа. Вот она несомненно была настоящая. Немолодые мужчины – лица ветхих горгулий выдавали магнатов, поднявшихся из низов (кое-кто обрюзг – эти, надо полагать, состояние унаследовали), главным образом европеиды, несколько японцев. Среди них, истекая нарядами и драгоценностями, перемещались женщины, но, поскольку пол был жидким, они словно дрейфовали по озеру, цеплялись за стайку мужчин, как бумажки за ветку, и снова отправлялись кружить, подхваченные новым подводным течением.

Дресс-код тут был *строгий*, о чем мой корреспондент на «Черной доске» не упомянул. Все мужчины в костюмах и при галстуках. Мы с Хоппером явно будем выделяться – не говоря уж о том, что на штанинах у меня остались белесые кольца морской соли.

Подошел Хоппер, и я отодвинулся, чтоб он тоже полюбовался.

– Рехнуться можно, – прошептал он.
– У них тут секта, зуб даю. Если будут пичкать прохладительным или зазывать в горячий душ, откажись. И не забудь, зачем мы пришли. Ищи тех, кто видел Александру.
Он протянул мне руку:
– Пока привет.
Мы обменялись рукопожатием, и я вышел из кладовой.

Вдоль стены тянулась черная мраморная стойка, и в дальнем ее конце пустовал один красный табурет.

Бар – идеальный наблюдательный пункт. Подожду, осмотрюсь, пока не пойму, что тут такое. Я непринужденно зашагал вдоль стены, мимо колонн – они оказались настоящие, – в легком головокружении созерцая подвижные полы и кипящие жизнью пейзажи.

Потолок был высок, как в соборе, а небо на фреске реалистично блистало бездонной синевой. Едва я задрал голову, меня повело, и я чуть не столкнулся с толстым лысеющим коротышкой, который вдруг бросился мне наперерез. Подчеркнуто не глядя в глаза, он резко свернул к каменной садовой стене. Толкнул мшистую урну на столбе, и столб плавно распахнулся дверью. Я мельком заметил выложенную черно-белой плиткой уборную, где у раковин, сцепив руки и скромно опустив очи долу, стоял лакей в черном, а затем все снова растворилось в садовом великолепии.

Я сел у стойки – к счастью, табурет был прочный и настоящий – и повернулся обозреть обстановку.

Меж мраморных столиков, балансируя напитками на серебряных подносах, скользили официанты в черных брюках и азиатских кафтанах. На своей колокольне сидел диджей – в лиловой футболке, с наушниками на шее, дреды по пояс. На вид относительно нормальный, прямиком из Бруклина или Сан-Франциско, хотя я заметил, что, мастерски работая на микшере и двух «макбуках», он старательно отводит глаза от людей внизу.

Вероятно, ему велено не пялиться на гостей.

Я снова переключился на толпу. Женщины ослепляли взор. Каких угодно рас, многие темнокожи и экзотичны, однако все под шесть футов ростом и худые – они напоминали рой насекомых, ненасытно пожирающих темные костюмы и плечи. Молодые. Одна обернулась – волосы до того

светлые, что будто обнимали ее лицо мерцающим белым нимбом, – запорокинула голову, улыбаясь, и я разглядел выпяченный кадык.

Гос-споди. Это мужик.

Отмахнувшись от иррационального смутения, я взгляделся в другую, в синем платье с блестками. Она – или он – побродила в толпе, поболтала с мужчинами, тронула одного за плечо. Длинные ногти выкрашены черным, руки унизаны украшениями. Очень плавно, будто здесь запрещено двигаться резко – резкое движение острием проткнет эту грезу, и греза сдуется, – оба отделились от группы. Взяв мужчину за запястье, девушка повела его вверх по ступеням вдоль осыпающейся каменной стены, за которой простиралось Эгейское море. Они нырнули в сводчатый проход – таких в атриуме было с дюжину, – шагнули на тропинку, пропали. И вела она его... куда? К жестоким играм, как и полагается всякой Дил.^[52]

Очевидно, здесь БДСМ-клуб высшего класса. Нельзя недооценивать желание замечательно успешных мужчин мучить себя забавы ради.

– Принести вам что-нибудь, мистер?..

Я обернулся – на меня смотрел бармен. Как и прочие, одет он был в изысканный серый костюм, а шейный платок синего шелка подвязывал двойным виндзорским узлом, однако мускулистость, ежик, загрубелые черты лица и железная выправка выдавали в нем, пожалуй, бывшего военного.

– Скотч, без льда, – ответил я.

Он не шевельнулся, и дружелюбие его рассеялось. Я облажался, выставился самозванцем. Я не шевельнулся. Он тоже. Анаболические стероиды так раздули его мышцы, что он походил на пластмассового супергероя, у которого не гнутся руки в локтях и от чрезмерно рьяных игр в детском саду может отвалиться голова.

– Какой скотч предпочитаете? – спросил он.

– На ваш выбор.

Он взял с полки бутылку «Гленфиддиха».

Пока он наливал, за баром – в пасторальном тосканском пейзаже – открылась потайная дверь и с коробкой стаканов появился парнишка, который выбрасывал мусор в патио. Склонив голову – ему, видимо, тоже велели в глаза не смотреть, – он принялся расставлять стаканы на зеркальных полках.

Бармен принес мне скотч и выжидательно замер.

– Ваша карточка? – подсказал он.

– Которая? – Я принялся как можно театральнее нащупывать бумажник.

– Членская.

– А. У меня нету. Я гость.

– Чей?

– Гарри, можно стакан воды, быстро? Голова кружится.

Идеально выбрав момент, к стойке подкралась женщина – ну или *мальчик*, если они тут мальчишки. Надутые губки, кукольный профиль, длинные светлые волосы, лиловое платье, такое тугое, будто ее облили шелком.

Бармен Гарри – а я-то думал, его зовут Геркулес, – пронзил ее яростным взглядом, давая понять, что подобной просьбой она серьезно нарушает протокол.

– Внизу спроси, – ответил он, скупно улыбнувшись.

– Не могу. Я... мне просто воды, и нормально.

Он одарил ее хмурой гримасой, жестко посмотрел на меня – я, мол, с тобой еще не закончил – и отошел.

– Веселый малый, – отметил я.

Женщина посмотрела на меня неуверенно; руки ее – тоже с длиннющими черными ногтями – вцепились в стойку, словно эта худышка боялась улететь под потолок гелиевым воздушным шариком. Густо накрашенные голубые глаза водянисты, зрачки огромны. Губы не от природы пухлые – она их подправила, вколола что-то, и рот получился клоунский, чрезмерный и грустный.

– Как вас зовут? – спросил я.

На лице у нее немедленно нарисовалось «Игра окончена». Она смерила меня ледяным взглядом. Я был уверен, что она сейчас же уйдет, но она склонила голову набок:

– Вы друг Фадила.

– А куда он подевался? Что-то я его не вижу.

– Во Францию вернулся, куда ж еще.

Гарри грохнул на стойку стакан воды. Женщина схватила его и осушила одним глотком – капелька убежала из уголка рта и скользнула на подбородок. Женщина отставила стакан, нестойко пошатнулась на каблуках, и бармен молча отошел налить еще. Они это проделывают не в первый раз.

Она пальцами отерла рот.

– С вами точно все нормально? – вполголоса спросил я.

Она не ответила, лишь осмотрела глубокий острый вырез платья, клоунски надула и без того надутые губки и расправила ткань.

– Вам бы поесть чего-нибудь. Или домой пойти. Отоспаться.

Она взглянула на меня с вялым недоумением, будто я обескуражил и ее. Гарри пихнул ей второй стакан, и она выпила воду, ни слова не сказав.

Я откашлялся, улыбнулся бармену:

– Так вот, я друг Фадила.

Это арабское имя что-то ему объяснило. Он неохотно кивнул и ушел на другой конец бара, откуда ему махал толстый коротышка.

Я склонился к женщине:

– Вы, наверное, можете мне помочь.

Но ее внимание было приковано к молодому помощнику официанта, который распихивал стаканы под стойкой. Темные космы, веснушки, лет шестнадцать – он словно соскочил с картины Нормана Рокуэлла [\[53\]](#).

– Эй, – шепнула женщина. – Будь другом, а? Налей водки с клюквой?

Он притворился глухим.

– Да блин. Наплюй ты на Гарри. Он у нас душка. Я ж подыхаю.

В ответ на ее мольбы, угрожавшие стать пронзительными, мальчишка нехотя поднял голову и покосился на Гарри, деловито соорудившего очередной напиток. Затем в приступе жалости схватил бутылку «Смирнофф».

– Ах ты мой ангелочек, – прошептала женщина.

Он добавил клюквенного соку, поставил коктейль перед ней и вернулся к своим стаканам.

– Можно мне льда? – спросил я, подтолкнув к нему скотч.

Он кивнул. Когда принес стакан обратно, я сунул ему в руку стодолларовую купюру. Он в испуге вытаращился.

– Не реагируй, – сказал я, тоже покосившись на Гарри. – У меня вопрос. – Я вынул из кармана Александрина фотографию, подтолкнул к нему по стойке. – Узнаешь ее?

Не поднимая головы, он позвенел стаканами.

– Уберите с бара, – шепнул он. – Тут камеры.

Я сунул фотографию в бумажник. Если кто смотрит, будем надеяться, решит, что я показал парнишке портрет своей дочери – или, с учетом местной клиентуры, моей несовершеннолетней восточноевропейской подружки, которая ни слова не знает по-английски.

– Помоги, а? – сказал я.

Мальчишка скосил глаза вправо, почесал щеку:

– Ну да, она была нарушение.

– Что-что она была?

Он опять зазвенел стаканами.

– Нарушение безопасности недели три назад. Внизу ее фотка висит.

- А что случилось?
- Простите. Я не могу. Меня в говне утопят, если...
- Вопрос жизни и смерти.

Парень снова испуганно захлопал глазами. Ему бы разносить газеты или командовать бойскаутами, а не в этом заведении ишачить. Я выудил из кармана еще сотню, потянулся за черной барной ложкой и уронил купюру к его ногам.

Он нагнулся, подобрал купюру и принялся сортировать красные салфетки, помеченные одиноким черным «О» – если приглядеться, не буквой, а открытым ртом – кричащим ртом.

- Она атаковала гостя, – тихонько бормотнул парнишка.
- Атаковала?
- Ну, типа, напала на него. Я так слышал.
- Каким образом?

Распространяться он не захотел – или сам не знал.

- На какого гостя?

Он опасливо глянул на Гарри, взял полотенце и потер стойку.

- Зовут Паук.
- Как-как?

Он пожал плечами:

- Кликуха такая.

Его слова любопытным образом подействовали на женщину. Все это время она потягивала коктейль, не обращая на нас внимания, но теперь развернулась на табурете и попыталась сфокусировать на мне затуманенные глаза.

Парнишка серебряными щипцами восполнял убыток мараскиновых вишен в хрустальной вазе на стойке. Вишни, как ни странно, были совершенно черны, до самых черенков, и сплошь парные близнецы.

– А на самом деле как его зовут? – спросил я, непринужденно прикладываясь к стакану.

Он покачал головой. Не знает.

- Сегодня он здесь? Можешь показать?

Он нервно облизнулся, открыл было рот, но, увидев что-то за моим плечом, схватил пустую коробку и, опустив очи долу, удрал за дверь, под защиту тосканских красот.

Интересно, что его спугнуло.

Сквозь толпу, взглядом приклеившись к губастой женщине в лиловом, шагал немолодой мужчина с шипастой седой шевелюрой. Подошел, нагнулся, что-то шепнул ей на ухо.

Женщина в панике вздернула голову. Он схватил ее за голый локоть и рывком стащил с табурета – коктейль пролился и оставил на платье уродливую темную рану. Женщина обиженно забормотала что-то на иностранном языке – за музыкой я не расслышал. Затем она кинулась прочь, пробилась сквозь толпу в центральном салоне, одолела лестницу и слиняла в один из темных проходов.

Я отвернулся к стойке и глотнул скотча, не обращая внимания на мужика, хотя он теперь сверлил взглядом меня.

– Мне кажется, мы не знакомы, – заметил он.

51

– Вам не кажется, – ответил я.

– Давайте это исправим.

– Я гость Фадила.

Он опешил. Наверняка менеджер клуба. Дорогой костюм, беспроводная гарнитура, выкаченная грудь – типичный неуверенный в себе коротышка, добившийся власти. Он уже готов был отчалить, но, оглядев меня с головы до ног, заметил следы соли на брюках и насупился:

– Откуда вы знаете мистера Бурдажа?

– Поинтересуйтесь у него.

– Пройдемте со мной, будьте любезны.

– Я бы хотел допить.

– Пройдемте со мной, или у нас будут серьезные неприятности.

Я оглядел его со скучающим негодованием:

– Уверены?

– А как по-вашему?

Я пожал плечами, неторопливо допил скотч и встал.

– Вам же хуже, – сказал я.

Если это его хоть чуть-чуть осадило, виду он не подал: деревянно шагнул к ступеням, уводящим в центральный салон, и оглянулся.

Это добром не кончится. Я пошел следом и в толпе испытал еще один неприятный приступ головокружения. Точно, споткнувшись об реальность, нырнул в другое измерение. Очевидно, стены-обманки расписывались с расчетом на созерцание отсюда, потому что все они виделись теперь очень четко. Прибрежные города кипели жизнью. Поля с подсолнухами рябили на ветру, и над ними распахивалась воронья стая, невластная, впрочем, улететь. Сотрясались бромелиевые в джунглях, крался некий

темный зверь. Над парашетом извивалась змея. Даже пульсация музыки набрасывалась на меня со всех сторон. Я взаправду чувствовал, как шею обжигает солнце. Мы проталкивались в тесноте, среди костюмов и галстуков, девушек, мальчиков в платьях – не из ткани, похоже, а из рыбьей чешуи, – и сквозь музыку я улавливал обрывки разговоров: «прийти сюда», «иногда», «я согласен», «водные лыжи».

Надо взять себя в руки и двигаться к выходу – срочно. Направлялись мы, видимо, к одному из этих темных ходов в стене, и будь я проклят, если пойду за мужиком туда, где мне переломают ноги, а то и что похуже.

Глаза метались по стенам атриума в поисках двери в кладовую, но она затерялась в блеске декораций.

Менеджер снова поджидал меня, сверкая глазами. Какой-то высокий блондин постучал его по плечу – поздоровался, стиснул руку.

Я подходить не стал. А вот, пожалуй, и мой шанс.

Блондин представил менеджеру своего друга. Менеджер оторвал взгляд от меня, а я развернулся на сто восемьдесят, ринулся прочь в гущу толпы и нечаянно врезался в спину официанту. Тот не удержал коктейль, и бокал разлетелся вдребезги на полу.

Я поднажал, пряча глаза. Все женщины на шпильках, ногти на ногах выкрашены черным и *заострены*, как диковинные шипы. А затем отметил неуместную деталь: грязные белые «конверсы». На официанте.

Хоппер.

Он вырядился в униформу из кладовой. Раскачивая серебряным подносом, по-хозяйски бродил среди гостей. Я пристроился рядом.

– Мне пора валить. Меня вычислили.

Он кивнул:

– Пошли.

Мы свернули влево, поработали локтями в толчее и сбежали по мраморным ступеням. Хоппер неторопливо направился к крошащейся каменной стене, которая опоясывала весь зал.

Зримой двери в ней не было. Хоппер ладонью нажал на лицо прилегшей женской статуи, покрытой мхом.

Двери не появилось. Нахмурившись, он потыкал в растрескавшиеся руки, ноги, голые ступни. Клятая дверь не отворялась.

Я оглянулся.

За нами из салона беспокойно наблюдали двое гостей. Один помахал официанту.

Появился менеджер. Он рьяно толкался в толпе, что-то шепча в гарнитуру и глазами сканируя периметр атриума.

Вот-вот меня засечет.

– Не получится побыстрее? – прошептал я.

– Я только что отсюда вышел, честное слово.

Я шагнул ближе, пощупал стену, а Хоппер принялся лапать другую прилегающую статую. Нажал ей на руки, на лицо, груди, глаза, и, слава тебе господи, она вдруг подалась, открыв нормальную прямоугольную дверь в длинный коридор с белыми стенами, оранжевым линолеумом и двойными дверями из нержавеющей стали в самом конце.

Мы кинулись туда со всех ног.

– А говорил, что нас выпрут из-за меня, – бросил Хоппер через плечо.

– Побочный эффект получения важной информации.

– Да ну? Это какой же?

– Александра вломила сюда несколько недель назад. Напала на члена клуба по кличке Паук. Мастерство не пропьешь.

– Паук? А по-нормальному его как звать?

– Не выяснил.

Сквозь распашные двери мы влетели в ресторанный кухню. Жизнь там была ключом: сутили поваров в белом, бурлили котлы, пахло мясом и чесноком. Кое-кто озадаченно глянул, как мы с Хоппером, не сбавляя хода, несемся мимо столов, плит со скворчащими сковородками, сервировочных тележек и подносов с десертами.

Через другие распашные двери мы выбежали в другой пустой коридор.

Хоппер ткнул пальцем и пропыхтел:

– До самого конца, направо, дверь во двор.

Я рванул было туда, но затормозил, когда он за мной не последовал.

– Остаешься?

Он уже возвращался в кухню.

– Я только начал.

– Поосторожнее там. И спасибо, что жопу мою прикрыл.

Он ухмыльнулся:

– Она еще голая.

В конце я свернул направо к запасному выходу. Из репродуктора заверещала сирена.

Менеджер сообщил о нарушении безопасности.

Я толкнул дверь и выскочил наружу.

За дверью оказалась освещенная погрузочная площадка – на дороге толчея грузовиков и два черных «кадиллака-эскалейд». На ящике покуривал одинокий официант. Когда я небрежно прошествовал мимо, он улыбнулся. Я сбежал по ступенькам и зашагал по каменистой дорожке вдоль боковой стены.

Тут у нас, видимо, восточная сторона.

Я свернул за угол и застыл.

Передо мной был парадный вход в особняк – под прихотливой колоннадой порт-кошера толкуются охранники в черном. Перед входом припарковался серебристый «рейнджровер», заднее стекло опущено – кто бы там ни был, его искали в списках гостей. Подъездная дорога изгибалась влево, в густой лес – вероятно, на север, к шоссе Олд-Монток, прочь отсюда, на волю. Еще левее за деревьями виднелись газон и довольно набитая парковка.

Там я не выберусь. Охранников явно предупредили: они рассыпались и пошли внутрь. Один обернулся, махнул другому – и они направились ко мне.

Я попятился и кинулся бежать, снова миновал погрузочную площадку и курящего официанта. Когда я промчался мимо, он вскочил и что-то крикнул; я свернул за неожиданно подвернувшееся крыло особняка, где все окна были темны, но, честное слово, на миг – может, ветер в кустах – расслышал глухой, протяжный человеческий стон.

Да блин. Не сбавляя темпа, по кустам, по клумбам я бросился на задний двор, опять свернул.

И опять застыл.

Газон на задах был залит светом. Вокруг патио и бассейна роились охранники – двое рассматривали лестницу Дюшана.

Я опять развернулся, глянул через плечо. Топот охранников надвигался.

Я протиснулся мимо гор мусорных мешков, вскарабкался на каменный парапет, перебежал травяную полосу, влетел в высокую живую изгородь и ломанулся напрямик в густые ветви – все равно что продираться сквозь туго сплетенный невод. Пригнувшись, я полз, руками ломая сучья.

Позади, перекрикивая рев океана, кто-то завопил.

Я пробился через изгородь и встал.

Очутился я, вопреки надеждам, не в соседнем заднем дворе, а на обширной пустоши – ни домов, ни газонов, лишь темнота и путаница кустов мне по плечо, напролом не пройдешь. Вдоль изгороди – здесь заросли были пожиже, на ощупь остролист или розовые кусты, –

я крадучись двинулся к океану.

Надо найти другую лестницу на пляж. На утес налетал шквальный ветер с Атлантики. Я нестойко побрел по краю, но вскоре уверился, что других лестниц нет.

Тут, наверное, заповедник. Я попал. На многие мили ни лестниц, ни домов.

Я оглянулся. Изгородь тряслась, ее штурмовали черные силуэты. Лучи фонариков шарили в сучковатом кустарнике и неуклонно приближались ко мне.

Не отстают. Наверное, менеджер объявил джихад по мою душу.

Я подполз к самому обрыву. Утес был не отвесный, но крутой и весь утыкан кустами. Уцепившись за ветки, я пополз ногами вперед, вызвав небольшой сель. Фонарики уже ощупывали растительность у меня над головой, крики тонули в грохоте волн. Я спиной вжался в скалу, подождал, когда охранники пройдут, и двинулся дальше; кустики выдирались из скалы, я заскользил в свободном падении, потом ухватился за пристойно крепкий корень.

Я выбрался на скалу над пляжем.

Прилив. Пляжа не осталось – только пятифутовые волны вскипали и пятились, обнажая каменистые зубья под обрывом, а затем вновь налетали кувырком, яростно стучась в скалы.

Я подождал, поглядел наверх. Вроде никого.

Спасен. Им идиотизма не хватит лезть за мной *сюда*.

Но едва я пришел к этому выводу, два темных силуэта склонились надо мной и заорали.

Ощупью я съехал на какие-то валуны. Пополз между ними к западу – волны отступили, надо поторапливаться. Далеко впереди над водой показался ломкий скелет лестницы Дюшана.

Я полз. На вершине утеса замелькали фонарики – они обшаривали береговую линию, и лучи носились по скалам, грозя коснуться меня.

Поджидают. Луч меня отыскал.

Сквозь рокот волн донеслись крики. Я поднажал и не удивился бы, если бы по камням зарикошетили пули.

Под лестницей я для пущей устойчивости заклинил ботинки между камней и задрал голову. Один охранник вздумал спускаться, вся конструкция ходила ходуном. Я вцепился в самую прогнившую перекладину и не без труда ее отодрал, а вместе с ней отвалился большой кусок перил. Все это я зашвырнул в воду и двинулся по камням, до нитки промокнув под очередной атакой океана.

Снова оглянулся.

Под охранником обломились ступени выше тех, что демонтировал я, и теперь он цеплялся за скалу, ожидая подмоги. Я зашагал дальше, прикинул риск на коварном участке, где толком не за что было уцепиться, успел допустить мысль о том, что, возможно, все-таки *выкручусь*, и тут на скалы налетела высоченная волна.

Пальцы разжались. Я упал навзничь, в ушах оглушительно загрохотало, меня перевернуло вверх тормашками, и я наглотался соленой воды. Ловя ртом воздух, еле-еле вынырнул, но другая волна надвинулась, оттащила меня и швырнула к утесам. Отчаянно брыкаясь, я грохнулся о валун и, давясь, умудрился на него вскарабкаться.

Глаза жгло. Я был один в узенькой бухточке. Сидел на валуне и ждал охранников.

Никто не пришел.

Когда небо засеребрилось, я различил на пляже полосу песка. Спрыгнул и припустил трусцой, миновал безмолвные кондоминиумы, пробежал деревянный забор в Китобойном, и в конце концов в расфокусе бледного утра мне предстал пустынный переулок.

Я затормозил и вытаращился.

Моя машина *исчезла*.

Недоумеая, я пошел к Эмерсон-стрит, в кафе «Морская гавань». На парковке машины тоже не обнаружилось – только серебристый пикап и «субару». В кафе не было ни души, кроме старика в дальней кабинке и рыжей официантки, которая, навалившись на стойку, читала журнал.

– Что, ваше судно разбилось в шторм? – поинтересовалась она, когда я приблизился.

– Я ищу девушку. Блондинка. Зеленое платье. Она тут была?

Официантка улыбнулась – узнала:

– Нора, что ль?

– Она самая.

– Ну да, была тут.

– И куда, блин, делась?

– Без понятия. Встала и ушла с час назад.

Я сел на барный табурет и, по-прежнему истекая морской водой, стащил с себя куртку.

– Кофе, яичница из трех яиц, сильно не прожаривать, бекон, тост, апельсиновый сок.

Официантка исчезла за распашными дверями. Вернувшись с кофе, тяжело вздохнула, скрестила руки на груди:

– Ей позвонил парень какой-то. Она страшно разволновалась и убежала.

Я глотнул кофе, поглядел на нее.

– На мобильный позвонил?

– Да нет. Мобильные здесь фигово ловят. Одно деление. Позвонил в кафе, попросил ее по имени. Вы, я так понимаю, папаша ее? За ней приехали? – Не дожидаясь ответа, она со знанием дела кивнула. – Прямо не знаю, как отцы с этим мирятся. Девчонки вечно за плохими парнями бегают. Плюс интернет, а там маньяки пристают только так.

Вскоре – хвала небесам – подоспел завтрак.

В кафе забрела пара-тройка местных, но Хоппера и Нору не видать.

Доев, я им позвонил – как ни удивительно, мой мобильный пережил купание, – но официантка не соврала: связи не было. Я позвонил с аппарата у кассы, но по обоим номерам услышал лишь долгие гудки, а затем меня сбросило на голосовую почту.

В поезде 9:45 Лонг-Айлендской железной дороги, который повез меня назад к цивилизации – если, конечно, про Манхэттен можно сказать *так*, – я отрубился, не успели мы отъехать от перрона.

В город я прибыл уже за полдень. Ни Хоппер, ни Нора не проявлялись. Я на такси вернулся на Перри-стрит. У Нору были ключи, – может, не смогла дозвониться и вернулась домой одна? Но квартира пустовала, автоответчик хранил молчание.

Я принял душ, думал еще поспать, но был слишком взвинчен, слишком издергался – и злился.

Они бросили генерала умирать на поле брани. Или что-то случилось? Тревожиться некогда – мобильный зажужжал, напоминая, что сегодня в 18:00 Пег Мартин, снимавшаяся в «Изоляторе 3», выгуливает собаку в Вашингтон-Сквер-парке. Почти неделя прошла с тех пор, как Бекман подарил мне эту зацепку.

Я насыпал Септиму корма и из архивной коробки выудил интервью, которое Пег Мартин в 1995 году дала «Проныре». После «Роллинг Стоуна» 1977 года то был единственный раз, когда кто-то из участников съемочной группы откровенно говорил о работе с Кордовой.

СВЕЖЕЕ ЛИЦО

ПЕГ МАРТИН

«Проныра» беседует с 18-летней звездой первой оригинальной теледрамы канала «Эйч-би-о» «Обретенная слава» о ее персонаже и обсуждает бурлящие слухи о том, что Мартин дебютировала у Кордовы.

«Зачем такая секретность? Я не знаю».

Мы слышали, твоим золотым актерским шансом стал последний фильм Кордовы «Изолятор 3», который можно увидеть только подпольно. Говорят, он так страшен, что просмотр сопоставим с сошествием во ад. Жуть как охота спросить: хоть толика правды тут есть?

ПМ: Я не хочу об этом распространяться. Но да. В «Изоляторе 3» я сыграла Вивиан Джин.

Как ты угодила в фильм Кордовы?

ПМ: После школы подрабатывала в «Баскин-Роббинс» во Вьенне, Нью-Джерси, — ко мне подошла женщина, сказала, что ей нравится, как я выгляжу. Я один раз поговорила с Кордовой по телефону. На следующий день он перезвонил и сказал, что роль моя.

Кадр из «Обретенной славы»

Это современная версия истории о том, как Лану Тёрнер открыли в голливудской аптеке «Шваб». И каково работать с Кордовой?

ПМ: У меня была крошечная роль. Все три сцены сняли за два дня в павильоне на севере штата Нью-Йорк. Я играла уборщицу, жену садиста. По сценарию, у меня сломана левая рука. Костюмеры наложили мне настоящий гипс, чтобы я привыкала жить с увечьем. А у моего парня Уильяма Бассфендера роль была гораздо крупнее. Он сыграл преступника, который заперт в Изоляторе и пытается выбраться. У него съемки длились три месяца, но он не желает об этом говорить.

«Он никогда не общался со мной лично».

Почему никто не хочет говорить о Кордове?

ПМ: Работая с ним, даешь очень жесткую подписку о неразглашении. И кстати, мне больше нечего рассказать, а то ко мне, наверное, киллера подошлют.

Зачем такая секретность?

ПМ: Я не знаю.

О Кордове ходит масса слухов, в том числе — что это не один человек,

а много разных. Или что он женщина. А ты что скажешь?

ПМ: Он один, и он мужчина. Правда, он никогда не общался со мной лично. Режиссировал через помощницу Инес Галло.

Ты никогда не видела его вблизи?

ПМ: Нет.

А где бы нам раздобыть «Изолятор 3»?

ПМ: Нигде. Копии очень берегутся. Даже я не видела.

Ты не видела собственный фильм?

ПМ: Нет. Не люблю, когда меня пугают.

А где Кордова живет? В поместье, в «Гребне»?

ПМ: А давайте мы про сериал на «Эйч-би-о» поговорим? Мне полагается рекламировать его.

Запросто — но последний вопрос про Кордову. Над чем он сейчас работает?

ПМ: Моя финальная реплика в «Изоляторе 3» такая: «Ученые ищут пришельцев в космосе, а пришельцы уже среди нас. Пришельцы, которые прикидываются людьми. Они нас давно завоевали. И если нам дорога жизнь, лучше их не трогать». По-моему, ни убавить ни прибавить.

У Кордовы Пег Мартин снялась в семнадцать, значит теперь ей тридцать пять.

Я погуглил ее и получил несколько кадров из «Изолятора 3». В фильме у Мартин всего три сцены – зернистая версия одной из них нашлась на «Ю-Тьюбе». Пег играла Вивиан Джин, одну из ночных уборщиц в офисе юридической конторы «Милтон, Бауэрс и Рид», – в какой-то момент она уходит на черную лестницу, и больше мы ее не видим. Перед тем как исчезнуть, она произносит: «Ученые ищут пришельцев в космосе, а пришельцы уже среди нас. Пришельцы, которые прикидываются людьми. Они нас давно завоевали». Говорит она о муже, который ее бьет, о том, какими чудовищами порой оборачиваются те, кого мы любим. Любопытно, что в интервью она описывает Кордову *именно этой* репликой.

Судя по *IMDb*, снявшись в «Обретенной славе» «Эйч-би-о» – римейке «Это случилось однажды ночью»^[54], закрытом после первого сезона, – Пег Мартин сыграла с Джеффом Голдблумом в вестерне «Эй-би-си-ТВ» «Пыль столбом». После 1996 года – ни одной роли. Никакой текущей информации, никаких данных о том, чем она занимается. Впрочем, Бекман, кажется, упоминал, что она сидела на героине, – может, потому и кинокарьера ее оказалась коротка.

Я глянул на часы: почти пять. Пора. Но если одинокий, весь из себя дружелюбный мужчина ни с того ни с сего забредет в парк и примется засыпать Пег Мартин вопросами, сирены тревоги разорутся почему зря.

Мне нужна подсадная утка.

– Миссис Куинси позвонила и предупредила, что зайдете вы, – объявила Дороти, скептически разглядывая меня поверх очков. – Но не на полчаса раньше. У Саманты прослушивание в «Щелкунчик».

Седовласая царица Дороти железной рукой правила Манхэттенской балетной школой. При каждой нашей встрече Дороти вела себя так, будто я сбежал из ГУЛАГа.

– Ладно, но у нас бронь в «Плазе» – папа с дочерью желают выпить чаю.

– Если вы уведете ее сейчас, она выпадет из конкурса на куклу герра Дроссельмейера. И даже на бал может не попасть.

– Да ладно вам, Дороти. Сэм должна попасть на бал. Какой же бал

без Сэм?

Дороти со вздохом уступила:

– Проходите.

Я подмигнул ей и направился в танцзал, скрипя половицами. Синтия – о чудо! – разрешила мне пару часов провести с Сэм – компенсировать отложенный визит. Я не стал уточнять, чем мы будем заниматься в эти часы, но, как бы ни сложилось с Пег Мартин, Сэм понравится собачья площадка, а потом я накормлю ее ужином и мороженым во «Вдохновении 3».

Дочь я разглядел в глубине солнечной студии. В стайке других пятилетних Сэм танцевала под грохот Чайковского. Все прыгали, задрав руки над головой. Я считаю, Сэм готова к Большому театру: гимнастический купальник, алый, как огненный мухоед, белые колготки, балетки и пачка. Она стояла впереди и смотрела, как балетмейстерша демонстрирует па.

Я постучал в стекло.

Дети застыли. Балетмейстерша выгнула шею и царственно воззрилась на меня.

– Да, сэр? Что вам угодно?

Я ступил в зал:

– Я за Самантой.

Темнело, но в Вашингтон-Сквер-парке кишмя кишели студенты, скейтбордисты и влюбленные парочки. Вокруг брейк-дансера с магнитолой из восьмидесятых собралась толпа. Женщины осекались на полуслове и в ослеплении завороченного восторга сияли, глядя, как Сэм ловко скачет мимо, крепко уцепившись за мою руку. Дщерь моя согласилась надеть черное пальто и розовый рюкзак с Рапунцель, но не пожелала снять пачку, колготки и балетки.

– Она очень славная тетя, – сообщил я. – Мы с ней пару минут поболтаем, погладим ее собаку. Идет?

Сэм кивнула и откинула с лица золотые локоны.

– У тебя рука болит? – спросила она.

Руки я сильно изрезал, ползая по скалам.

– Не переживай. Твой папаша *крут*. Расскажи-ка лучше про маму. Все работает в галерее?

Сэм поразмыслила.

– Маме нелегко со Сью.

– Менеджером. Они все время бодаются. А твой отчим?

– Брюс? – уточнила она.

Отлично. Он по-прежнему имя собственное, как и я. Слава богу, он не стал *папой*.

– Он самый. Комиссия по ценным бумагам еще не приступила к расследованию? Может, были аресты за инсайдерскую торговлю? Ты уж не таи.

Сэм покосилась на меня:

– У Брюса пузо.

– Это мама так сказала?

Сэм кивнула и повисла у меня на локте.

– Мама дает ему зеленый сок, и Брюс ложится спать *голодным*.

Ага. Старина Куинси поднабрал пару фунтов и ныне терзаем достославной соковой очистительной диетой. Жизнь моя засияла яркими красками.

– А про меня мама упоминает?

Сэм еще подумала и кивнула.

– Правда? И что говорит?

– Тебе нужна серьезная помощь. – Она даже изобразила фарисейские интонации Синтии. – Ты летаешь на катушке и сносишь малолетнюю шараду.

Слетел, значит, с катушек. Сношаю малолетнюю шалаву. Надо было сменить тему после пуза.

Я подхватил Сэм на руки – мы уже добрались до ограды собачьей площадки у южной границы парка. Внутри не протолкнуться от шумных псин и их безмолвных хозяев, которые маячили поодаль, точно властолюбивые родители юных звезд, и нервно наблюдали, вооружившись поводками, мячиками, совками для какашек и угощением.

– Так, зайчика. Мы ищем большую черную собаку и рыжую даму лет тридцати пяти. Как увидишь, не шуми. Пальцем не показывать, не кричать. Держать себя в руках. Все понятно?

Сэм кивнула и заозиралась. Потом пронзительно взвизгнула и пнула меня. Скорчила рожицу, ткнула пальцем – но только *мизинчиком*.

– Видишь их?

Она опять кивнула.

И точно – в дальнем углу сидела костлявая рыжая женщина, а на скамейке подле нее сгорбился старый черный лабрадор.

– Детка, ты блестящий разведчик. В Министерстве внутренней безопасности тебя на руках бы носили.

Я оглянулся – хотел удостовериться, что никто на нас не смотрит. Я бдительно следил с той минуты, когда вернулся в город, – вдруг снова всплывет Тео Кордова? – но ничего из ряда вон не замечал.

Я открыл калитку, и мы вошли.

Сэм выполняла инструкции четко и хладнокровно. Из девчонки получится козырный «зеленый берет». У нее и впрямь все вышло эдак невзначай. Кружным путем направляясь к Пег Мартин, она остановилась возле белой карликовой чихуахуа, на которой парчи было больше, чем на шлюхе в Ньюарке. Минуту Сэм здоровалась с этой тварью и лишь потом зашагала к черному лабрадору. Синтия явно натаскала ее спрашивать разрешения, прежде чем гладить чужих зверей: я услышал, как Сэм вежливо спросила Пег Мартин, а затем пса, можно ли его погладить.

Видимо, оба согласились, потому что Сэм очень нежно и учтиво потрогала поседевшую собачью голову. Усталые глаза лабрадора взирали не мигая. Мизинцем Сэм гладила четверть дюйма между собачьими бровями.

Мимо прочих собачников, сгрудившихся у забора, я направился к дочери.

– Ничего, если она его погладит? – спросил я Пег Мартин.

– Конечно, – ответила та, глянув на меня.

– Он не кусается?

Она снова перевела взгляд на других собак:

– Нет.

Пег Мартин, точно.

Поредевшие волосы она красила в ненатуральный рыжий, нечто среднее между гниющей осенней листвой и свеклой. В «Изоляторе 3» она была живая чудачка, а ныне, спустя много лет, словно поблекла, посерела и самый костяк ее пропитало изнеможение.

– Как тебя зовут? – спросила Сэм у пса, однако тот не представился.

– Как его зовут? – спросил я Пег.

Наши приставания ее раздражили.

– Леопольд.

– Леопольд, – повторила Сэм.

Она гладила его по темени ладошкой, прямой, как кухонная лопатка. Будто глазурь размазывает.

– Мне кажется, я вас знаю, – сообщил я Пег. – Вы, часом, не преподаете в воскресной школе Святого Фомы?

Она разволновалась:

– Ой, нет. Там преподаю... э... совершенно точно не я.

– Ошибочка вышла.

Она скупно улыбнулась и вновь отвернулась к собакам.

Я тоже минутку посмотрел, чтобы не навязываться уж очень явно. Сворой верховодил гиперактивный далматинец. Белая чихуахуа, бордельная мадам, бегала кругами, отчаянным твяканьем выкликая клиента, но остальных собак совершенно опьянял промокший теннисный мячик.

– Ладно, – сказал я. – Гипотеза смелая, и вы, наверное, подумаете, что я рехнулся.

Пег Мартин опасливо на меня покосилась.

– «Изолятор-три». Уборщица со сломанной рукой. Это же были вы, да?

Она удивленно заморгала. Ее никогда не узнавали. Я откровенно пережал, изумился чрезмерно, однако она кивнула:

– Это я.

– Вы замечательно сыграли. Я на этом фильме сохранил рассудок только благодаря вам.

Она улыбнулась, порозовела.

Актер готов без усталости слушать похвалы блистательной своей игре – все на свете признают сие за истину.^[55]

– Не могу не спросить. Какой он? Кордова?

Улыбка погасла, как задутая спичка. Глянув на часы, Пег Мартин подхватила рюкзак за лямку и уже набросила ее на локоть. Тут, о счастье, Сэм наконец очаровала Леопольда. Собачий хвост заходил туда-сюда, как автомобильный дворник. Посмотрев, как Сэм тихонько обсуждает с псом что-то жизненно важное, а тот радуется, Пег Мартин замялась.

– Нет слов, какая трагедия случилась с его дочерью, – отметил я.

Она потеряла нос.

– Но с другой стороны, удивляться нечему, – продолжал я. – Чтобы творить с такой нутряной извращенностью, человек в жизни должен быть чудовищем. Иначе никак. Вспомним Пикассо. О’Нила. Теннесси Уильямса. Капоте. Это что, счастливые люди, сиявшие солнышком? Да как бы не так. Лишь могущественные внутренние демоны понуждают создавать великое.

Может, если засыпать ее словами, она и не уйдет. Вжавшись в скамью,

она сосредоточенно воззрилась на меня:

– Может быть. Снаружи не поймешь, что творится в семье. Но я...

К ее ногам подкатился этот чертов теннисный мяч, и она осеклась. Подняла его, и собаки подозрительно наострили уши и захлопнули пасти. Пег Мартин швырнула мячик, и свора наперегонки ринулась за ним по гравию.

– Но вы?.. – тихонько повторил я.

Ну пожалуйста, пусть она заговорит. И *успокойся* уже, бога ради.

– В начале съемок, – сказала она, – он позвал моего парня в гости. В «Гребень». Он так никогда не делал. Чужих не любил. Ну, так мне говорили. Но его жена устраивала пикник. Летом у них вечно были пикники. Позвали Билли. А он прихватил меня.

«Чужих не любил». В смысле, Кордова.

Билли – это, понятно, Уильям Бассфендер. Мускулистый татуированный шотландец, заключенный в Изоляторе, «Экземпляр 12». Если правильно помню, потом играл на сцене в лондонском Вест-Энде и собирался сниматься в «Никсоне» Оливера Стоуна, но погиб в автокатастрофе в Германии.

Чтобы Пег Мартин не догадалась, как чутко я ловлю каждое слово, я снова перевел взгляд на собак.

– Это был сюр. Мне-то, конечно, любая семья кажется сюрком, если там все дружат, не орут и пьяно не шатаются. Но по-моему, ни до, ни после я не видела семей, где столько любви и радости. – Она удивленно покачала головой. – У них был свой язык.

– Что? – вытаращился я.

– Сын Кордовы, Тео, для всей семьи изобрел язык. Они на этом языке разговаривали, анекдоты травили, смеялись. Довольно страшно. Помню, Астрид мне объясняла: «У русских шестнадцать синонимов для любви, а в нашем языке – двадцать». Принесла блокноты, где Тео все записывал. Составил словарь толщиной с Библию: всякая грамматика, спряжения неправильных глаголов. Астрид меня научила некоторым словам. Я по сей день не забыла. Одно слово – «терулья». Глубоководная любовь. Любовь, которая тебя перепахивает. То, что нужно пережить, прежде чем умрешь, потому что иначе жизнь прошла зря. Я еще изумлялась, что подросток такое выдумал. Но они все так жили. Впитывали жизнь досуха. Никаких препон. Никаких границ.

Она печально умолкла – может, слегка завидовала. Скрестила руки на груди, нахмурилась, воззрилась на собак.

– Пикник, – подсказал я.

– Было солнечно. Когда сворачиваешь в поместье, дорога долго-долго идет по лесам. А в конце возвышается дом, громадный особняк на холме, точно сказочный замок. И ни души. Мы с Билли постучались, побродили вокруг по саду. Никого. Через двадцать минут огромная дверь открылась и на пороге появился японец. Только что проснулся, по-английски не говорил. В зеленой шелковой пижаме, на поясе катана – вышел, потирая глаза и зевая, сказал что-то по-японски, поманил нас за собой. Отвел к озеру. А там все сидят на белых одеялах под белыми зонтиками. Все, кроме Кордовы. Он в тот день работал. Так нам сказали.

Она глубоко вздохнула.

– Мы будто шагнули на картину. В сцену сна. Там были кинозвезды, Джек Николсон и Деннис Хоппер, но звездами пикника были не они. Космонавты рассказывали про глубокий космос. Приехал бывший цэрэушник, который исчез с радаров и в бумажнике носил свой некролог из «Нью-Йорк таймс». Знаменитый драматург. Местный священник, который пятнадцать лет странствовал по миру и вернулся. Тео. Шестнадцать лет, красавец, все фотографировал старой «лейкой», залезал по пояс в болото, чтобы снять стрекозиный бой. У него был очень страстный роман с женщиной по имени Рейчел, на десять лет его старше. Она там тоже была. Вроде бы она снималась у Кордовы.

– В каком фильме?

– Не помню. – Она грустно улыбнулась. – Художник-декоратор Кордовы построил им целый флот разноцветных парусных шлюпок, по озеру плавать – все их называли «пиратские корабли». Была собачья свора, волчьи метисы. Один гость говорил, что Кордовы среди ночи похитили этих псов у фермера, который выращивал их на собачьи бои. Вот такие правдивые истории там рассказывали. Мать Кордовы тоже была. По-английски ни полслова, умирала от рака. Все были с нею так нежны, устроили ее в шезлонге – она сидела под зонтиком, пила лимончелло. Я поклялась себе, что, если мне повезет и у меня будет семья, я хочу вот такую. Я как в царстве фантазий побывала. Я почти все время провела с философом из Франции и Астрид – она учила писать маслом. Все стояли с мольбертами на берегу озера, на ветру, и рисовали. Мы с Билли ушли на закате, и меня обуяла скорбь, будто я провела вечер на райском острове, а теперь волны уносят меня в открытый океан и обратно пути нет.

– Прямо Шангри-Ла, – сказал я, поскольку она умолкла.

Она рассеянно скользнула по мне глазами, не ответила, и я пожалел, что заговорил, развеял ностальгические чары. Слова брызнули и, к величайшему моему изумлению, изверглись из нее, как вода из давно

пересохшего фонтана. Теперь Пег Мартин, кажется, жалела, что открыла рот.

– В каком году это было? – спросил я.

– Когда снимали «Изолятор». Весной девяносто третьего, по-моему. Александра родилась 30 декабря 1986-го. Той весной ей было шесть.

– А с Александрой вы встречались? – спросил я.

Пег кивнула неохотно, однако не смогла оставить столь насущный вопрос висеть в воздухе:

– Она была красавица. Темная стрижка, волосы почти черные. На эльфа похожа. Светло-серые глаза. – Пег улыбнулась, внезапно оживившись. – Мне было семнадцать. К детям равнодушна. А Сандра ни с того ни с сего взяла меня за руку, привела на берег – ива, высоченная трава, вода изумрудная, вокруг ни души. Спросила, вижу ли я троллей. Я помню имена. Эльфрида и Вандерлай. Когда она отпустила мою руку и побежала по лугу за бабочкой – огромной яркой бабочкой, красно-оранжевой, будто в поместье и насекомые были свои, – я уже верила в троллей. До сих пор верю.

Она умолкла, будто застеснявшись такого пыла. Сэм, не сводя глаз с Пег, внимательно слушала.

В парке стемнело, вдоль забора стояли чужаки, лишенные лиц. Раскидистые вязы погружались во тьму, рассеивались. Собачья свора – бело-бурый размытый шквал пыхтения и брызжущего гравия – так и не уgomонилась.

– Я держусь за этот день, – тоненько продолжала Пег, – как за выцветшую открытку. Она прячется в альбоме, напоминает о совершенном счастье – о том, что на краткий миг оно *есть*, как молния на полнеба. Я глазам своим не поверила, когда прочла про Сандру. Я ее совсем не знала, но... это так неожиданно. И неправильно. Если у тебя такая семья, а мир все равно невыносим, на что тогда надеяться нам?

Она улыбнулась с грустью, потупилась.

– Каково было с ним работать? – Я и сам чуть не скривился от своей настырности.

К счастью, Пег лишь пожала плечами:

– У меня была крохотная роль. На площадке провела всего два дня. Честно говоря, не понимала, что происходит. Съемочная группа – сплошь мексиканцы, а помощница Кордовы командовала по-испански.

– Инес Галло?

– Ну да. Но группа звала ее койотом.

– Койотом? Почему?

– Понятия не имею.

– Вы с ним по-прежнему общаетесь? Или с кем-нибудь из тех времен?

Пег покачала головой:

– Он как хирург, который людей на органы режет. Ты играешь, он берет у тебя все, что ему нужно, – и на этом он с тобой закончил. Два дня съемок – и до свидания.

Из рюкзака она достала поводок, пристегнула к ошейнику Леопольда.

– Мне уже пора.

Она вот-вот уйдет. Хотелось задержать ее, подмывало плюнуть на осторожность, засыпать ее новыми вопросами – лишь бы говорила, лишь бы рассказывала дальше. Но я чувствовал, что ее искренность улетучивается, мгновение ускользнуло.

Пег Мартин встала и помогла собаке слезть со скамьи. Леопольд двигался, как старик с артритом. Пег сама переставила ему задние ноги на землю и безразлично мне улыбнулась:

– Удачи вам.

– И вам, – ответил я.

И они с Леопольдом неторопливо пошли прочь, не обращая внимания на суетливую собачью свору.

– Она хорошая? – спросила Сэм, смахивая кудри с глаз.

– Очень хорошая.

Сэм взобралась на скамейку, прижалась ко мне, уставилась в лицо:

– Она грустная?

– Нет, зайка. Она пожившая.

Сэм, похоже, этих данных хватило. Восхитительное свойство. Можно отпускать двусмысленные замечания о натуре человека, о его изъянах и лицемерии, о глубинной его боли, и Сэм принимает мои слова, точно старый ювелир – необработанный камень: повертит в руке, сунет в карман, отложив изучение и огранку на потом, и живет дальше.

Она почесала щеку, сплела руки на коленях – ровно так, как сплел руки я, – и мы молча посмотрели, как уходят Пег и ее пес.

У калитки Леопольд подождал, пока Пег поднимет щеколду, и прошествовал за ограду. Потом остановился, обернулся, посмотрел, как Пег запирает калитку, сует руки в карманы, – и все это походило на балет, какой танцуют лишь те, кто много лет неразлучен. Они уходили по парку и постепенно лишились всяких опознавательных признаков: ясно было только, что они вместе. И даже издали, когда они превратились в два темных силуэта бок о бок, было видно, что они замечательная пара.

– Миссис Куинси сейчас спустится, – сказал консьерж, повесив телефонную трубку.

Я склонился к Сэм. Балетки обляпались, пачка слегка помялась, но в остальном дочь выглядела пристойно.

– Я тобой горжусь, зайныка, – сказал я.

Открылся лифт, и появилась Синтия в накрахмаленной белой блузке, джинсах и замшевых мокасынах «Тод». По улыбке я понял, что Синтия в ярости.

– Привет, детка, – сказала она Сэм, взмахнув ослепительной золотой гривой. – Иди, подожди мамочку у лифта.

Сэм заморгала и послушно почала по мраморному полу.

Синтия развернулась ко мне:

– Я же сказала: в шесть.

– Я знаю...

– У нее были пробы на «Щелкунчик».

– Я договорился с Дороти. Сэм возьмут на бал.

Синтия вздохнула и пошла прочь.

– Про четверг не забудь, – бросила она через плечо.

– А что в четверг?

Она остановилась:

– Мы с Брюсом уезжаем в Санта-Барбару.

– А, ну да. Сэм на выходные у меня.

Пронзив меня предостерегающим взглядом – мол, только не налажай, – она взяла Сэм за руку, и обе вошли в лифт. Я помахал и успел увидеть улыбку Сэм.

Пожалуй, идиллический вечер в «Гребне», пережитый Пег Мартин, на правду походил мало. Но ведь ей тогда было всего семнадцать – наверняка неуверенная, впечатлительная девица, отнюдь не исключено, что она, сама не сознавая, творчески переработала свое воспоминание. Если учесть ужас фильмов Кордовы, *вряд ли* он жил и работал в блаженном раю. Как соотносятся подлинная жизнь художника и его творчество? Об этом пишут диссертации. И однако в эпизоде с троллями на озере

проглядывала некая неопровержимая правда. А равно в замечании о том, что Кордова подобен хирургу: режет на органы и бросает актера умирать.

В сердцевине прихотливой лжи всегда таится крупица правды.

Я открыл дверь в квартиру, и из гостиной донеслась музыка. Бросив куртку на стул, я пошел на звук. Нора свернулась калачиком в мягком кожаном кресле, на колене у нее восседал Септим. Хоппер валялся на диване и листал какие-то бумаги. На кофейном столике подле коробки из-под пиццы горели три возвратные свечи.

– Ты дома! – возрадовалась Нора.

– Дайте угадаю, – сказал я. – Вы оба потеряли мобильники, а ураган повырывал телефонные столбы по всему Восточному побережью.

– Прости нас. Но мы не просто так потерялись. – Она со значением глянула на Хоппера, и тот улыбнулся – их объединял общий восторг.

Хоппер протянул мне бумаги. Пятнадцать страниц, тысячи две имен. Куча каких-то ООО и абсурдных прозвищ – например, «Маркиз де Рош».

– Это список членов *Oubliette*, – возбужденно пояснила Нора.

– Да уж вижу. Как вы его добыли?

– Не без труда, – с гордостью ответил Хоппер, закинув руки за голову. – Когда слинял ты, там наступил какой-то сектор Газа. Но я был одет официантом, на меня и не смотрел никто. Поговорил с одной девчонкой – ну, я думаю, что она девчонка. Она объяснила, как спуститься в подвал, где офисы. Я нашел один пустой, включил компьютер, поискал на жестком диске «члены клуба». Нашел какие-то таблицы в «Экселе». Залогинился в свою почту, отправил себе файлы, почистил кэш и ушел. Но они, я так понял, глянули записи с камер, увидели, как я спасаю твою жопу, и за мной погнались два охранника. Я убежал к соседям. Влез в дом, позвонил Норе, чтоб меня забрала. Еле объяснил, куда нас занесло.

– Все по правде, как в кино, – вклинулась Нора. – Покрышки визжали. Я была как Тельма и Луиза. ^[56]

– А я думал, ты Бернстайн, – заметил я.

– Нора подъехала, фары не включала, – продолжал Хоппер. – Я выбрался через окно, ноги в руки, через двор, и мы свалили.

– Это во сколько было?

Нора неуверенно глянула на Хоппера:

– Часа в четыре?

– Я ждал в кафе до девяти. Чем вы занимались пять часов?

– Мы вернулись в клуб – я хотела посмотреть, – объяснила она. – Спрятались, хотели поговорить с гостями на выходе, показать им Сандрину фотку, но ни к кому не подоברались. Все выжатые, всех развозили слуги

на дорогущих тачках, на лимузинах всяких. Один мужик в кресле-каталке, по-моему, вообще умер. И охранников толпа.

– А позвонить вы не догадались? Вы бросили босса, самого, можно сказать, Эль-Хефе, в поле и даже связаться с ним не подумали?

Хоппер встал, зевнул и потянулся:

– Все, народ, я сваливаю, с утра увидимся.

– С утра? – переспросил я.

Нора кивнула:

– Мы завтра на Генри-стрит развешиваем объявления про Сандру. – И протянула мне флаер с фотографией, которую стырила из «Брайарвуда».

ВЫ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ? ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА ПОДЛИННУЮ ИНФОРМАЦИЮ. ПОЖАЛУЙСТА, СРОЧНО ЗВОНИТЕ.

– А тех, кто врет, будем отсеивать. Спрашивать, какого цвета у Сандры пальто.

Хоппер отбыл, а я ушел в кабинет, оставив Нору корябать в блокноте. Список членов клуба – блистательная работа, гораздо лучше всего, что в последнее время удавалось *мне*, чего я, конечно, Хопперу ни за какие коврижки не скажу. Еще несколько часов я сопоставлял список гостей *Oubliette* с актерами и прочим окружением Кордовы, слабо надеясь, что одно имя окажется в обоих подмножествах, – но увы. Зато одну из версий это исключало. Выходит, человек, которого Александра искала в *Oubliette*, – Паук этот – с Кордовой не работал. Кто он – друг? Чужак? Причастен к Александриной смерти?

Я выключил лампу, потер глаза и вышел в коридор.

В квартире стояла тишина. Уходя наверх, Нора задула возвратные свечи, но фитили почему-то все равно тлели оранжевым, будто не желали гаснуть, – три оранжевых булавочных укола в ткани темноты. Я свалил их в кухонную раковину и поливал водой, пока не потухли, а затем отправился в постель.

– Хоппер обещал быть. – Нора сощурилась, озирая пустой квартал. – Это же он флаеры придумал.

В девять утра мы снова стояли перед домом 83 по Генри-стрит, вооруженные сотней флаеров «Вы видели эту девушку?». Мы решили разделить: я окупил кварталы к западу от Манхэттенского моста

до Восточного Бродвея и Бауэри, а Нора – все, что от моста к востоку.

Район был преимущественно китайский: вряд ли наши англоязычные флаеры сильно помогут делу. Не в моем стиле лепить листовки на стены, будто Александра – сбежавшая кошка, но хуже не будет. За нами шпионит Тео Кордова, сохранить расследование в тайне уже не удастся. Почему бы не сменить тактику – мы нагло учиним ковровую бомбардировку района портретом Александры и посмотрим, что нам это даст.

Я клеил флаеры на фонарные столбы и телефонные будки, на почтовые ящики и стенды «Дополнительного образования». Китайка на велосипеде, болтая оранжевыми продуктовыми сумками на руле, притормозила посмотреть, что я делаю, нахмурилась и поехала дальше. Иногда мужики в винных лавках не разрешали мне наклеить листовку – увидев, что там, качали головами и гнали из магазина.

Когда это случилось в шестой раз, я всерьез озадачился. Они что, думают, пропавшая белая женщина принесет им неудачу? Или им не нравится фотография? Впрочем, возможно, причина еще прискорбнее: *я смахиваю на сотрудника иммиграционной службы.*

В парикмахерском салоне «Хао» на Мэдисон-стрит откликнулись совсем иначе. Малолетняя администраторша, управляющая, две стилистки и клиентка (розовый халат, волосы под фольгой) окружили меня, заулыбались и возбужденно затрещали по-кантонски. Очень старательно приклеили флаер в витрине, рядом с выгоревшей рекламой коррекции бровей нитью, и потом махали мне вслед, будто я возлюбленная родня, с которой они еще лет сорок не увидятся.

Бродя среди китайских ресторанов, сувенирных лавок, унисексовых парикмахерских и бело-оранжевых японских карпов в витринах зоомагазинов, я все отчетливее ощущал, что за мной наблюдают. Я озирался – один раз даже заскочил в ландромат и выглянул оттуда, – но не замечал ничего подозрительного.

Может, виновата Александра – слишком пронзительно, слишком живо и настойчиво она смотрела с белой страницы. Любая листовка «Пропал человек» – где человек этот, не ведая своей судьбы, улыбается с любительской фотки, снятой на дне рождения или в кафе в «счастливый час», – бережит душу. А Александра, одиноко сидящая за уличным столом в «Брайарвуде», была серьезна и словно понимала, что ее ждет.

Впрочем, расхаживая по улицам, я в конце концов сообразил, что не ошибся. За мной и впрямь наблюдали – *все жители района.* Хопперова идея расклеить флаеры – вовсе не примитив. Если даже я здесь так выделяюсь, притягиваю столько сердитых взглядов

и любопытствующих велосипедистов – один раз я задрал голову и увидел, что какая-то старуха смотрит на меня сверху вниз, отдернув кружевную занавесочку в окне пятиэтажки, – Александру тут замечали наверняка.

Она ходила по этим тротуарам в своем красном пальто, и все окрестные жители видели ее, следили за ней, размышляли.

Главное, чтобы кому-нибудь из них хватило смелости позвонить.

– Том-Мэ! – с отчетливым нью-йоркским акцентом взревел парень за стойкой, повернувшись к дюжине занятых татуировщиков. – Тут к те вопрос!

«Восставший дракон» – просторная тату-студия на втором этаже в доме без лифта по Западной Четырнадцатой улице. Декор жизнерадостный, горят флуоресцентные лампы – не то что в других тату-салонах, где обстановочка сумрачная, под «Беспечного ездока»^[57], а громилы с челюстями как пассатижи орудуют индукционными машинками, похоже, лишь в свободное от основной работы время, а так-то промышляют заказными убийствами. Здесь свет был яркий, больничный, на стенах кальки и обрамленные карандашные наброски боди-арта во все тело – черепа, будды, воины, племенные татуировки маори. Полки заставлены флаконами разноцветных чернил и йода. В динамиках грохочет «Шкатулка в форме сердца»^[58].

– Они копы? Спроси их. – Осиное жужжание тату-машинки прорезал мужской голос.

Однако все художники по-прежнему склонялись над клиентами, и я не понял, кто заговорил.

– Копы, а? – осведомился парень за стойкой, от ужасной этой мысли морщась.

У него были обесцвеченные перекисью белые волосы и навеки потрясенное лицо серфера из Малибу, которому повстречалась нежданно высокая волна. На бицепсах скалились вытатуированные волки.

– Нет, – сказал я.

Парень переварил эту информацию и заорал:

– Не копы!

– Тогда пусть заходят!

Кивая в такт музыке, парень указал на нишу в дальнем углу.

– Идите с Томми поговорите. Он менеджер.

Томми оказался немолодым бугаем в черных латексных перчатках. Он сосредоточенно работал – издали мне почудилось, что он проводит вскрытие кашалота. Клиент его лежал ничком на черном массажном столе и весил не меньше трехсот фунтов – лысый, голый и блее белой булки. Приблизившись, мы с Норой увидели, что Томми набивает мощное дерево лотоса – узловатый ствол вырастал у кашалота из задницы, всползал по хребту и расцветал на спине, ветвями обнимая грудь. На предплечьях восседала пара еще не покрашенных птичек.

– Чего вам сделать? – спросил Томми, не поднимая головы.

– Вы ее узнаете? – спросил я, протянув ему фотографию Александры. – Она в начале октября приходила к вам в салон.

Он не смотрел, пока не докрасил розовый цветок лотоса.

Взрослые люди с детскими именами – Бобби, Джонни, Фредди: какой-то неписанный закон гласит, что на вид они грознее прочих смертных. У Томми была широкая бандитская физиономия и седина в волосах. Из ворота и рукавов обтягивающей полиэстерной рубашки выглядывали неразборчивые тату. Он исходил непринужденной самоуверенностью, будто привык, что люди гуськом бредут через весь салон к его столу в глубине – татушному аналогу углового кабинета председателя совета директоров высоко в поднебесье – и интересуются его мнением по разным вопросам.

Он скучающе оглядел нас обоих, посмотрел на фотографию и снова склонился над клиентом.

– А, ну да. Была тут с месяц назад.

– Какого цвета у нее было пальто? – спросила Нора.

– Красное. С черным.

Нора удивленно глянула на меня.

– Она хотела сделать татуировку? – спросил я.

– Не. Хотела свою фотку после.

– Фотку после? В смысле – после?

Томми прервал труды и уставился на меня:

– После того как мы заканчиваем тату, мы, блин, фотографируем. –

Он махнул рукой на стену, увешанную фотографиями улыбчивых людей, щеголяющих новенькими татуировками. – У нее была парная, кириш на щиколотке, – продолжал он, вернувшись к работе. – Спрашивала, не осталось ли у нас фотки после.

– «Парная»?

– Одна тату на двоих. Когда по отдельности, ничего особенного. А когда вместе, в обнимочку, под ручку, по уши влюбленные и все такое,

получается красиво. «Джерри Магуайр»^[59], «ты моя половинка», в таком духе.

Ах да – у Александры на щиколотке только ползверя, голова и передние ноги.

– Вы сказали, это кирин? – переспросил я.

– У любителей японских тату очень популярно. Мифический зверь.

– А она говорила, на ком вторая половина? – спросила Нора.

– Не. Но это большой хит у влюбленных, молодоженов, школьных королей и королев бала, пар, которым надо расстаться, – типа, один в тюрьму загремел. Делал на той неделе. Парочка за семьдесят. Прикатили сюда из Форт-Майерса на золотую свадьбу. У меня фотка после где-то есть.

Выключив машинку, он развернулся вместе с креслом и порылся на захламленном столе. В черных латексных перчатках каждый жест его смутно отдавал театральностью, как у форточника или мима. Он отыскал фотографию, протянул Норе, снова включил машинку и заглянул под массажный стол:

– Ты там как, Мел?

– Нормалек.

А по виду не скажешь: Мел пускал слюни на пол.

Нора отдала фотографию мне: там в обнимку улыбалась пара пенсионеров в одинаковых желтых рубашках поло и бермудах хаки. У нее на правой ноге и у него на левой было вытатуировано по половинке красного сердца с крылышками. Когда ноги рядом, сердце становилось целым.

Чересчур сентиментально, на мой вкус, однако Нора пришла в восторг.

– Всем клиентам, кто приходит за парными тату, – бодро продолжал Томми, – я говорю: на тысячу процентов будьте уверены. Миллион раз девчонка прибегала в слезах через месяц и хотела все убрать, потому что ее настоящая любовь слиняла с ее лучшей подругой. Я сначала думал, эта ваша девица тоже убрать хочет. Но она только фотку попросила.

– Не сказала зачем? – спросил я.

– Не.

– А фотку забрала? – спросила Нора.

– Не-а. Ей набили давно, в две тыщи четвертом, еще на старом месте, в отеле «Челси». Переехали, много чего порастеряли. Я ее пустил наши архивы посмотреть. Пару часов рылась, искала. Не нашла.

– У нас есть чек – она что-то у вас купила, – сказал я, достав бумажку из кармана.

Он и головы не поднял.

– Тут заходил солдатик в увольнении. Хотел портрет жены над сердцем. Она тоже солдатик, убили в Афганистане. Фигово ему было. А это ж серьезная работа. Денег не хватило. Мы решили, набьем только имя ее. Но ваша подруга за все заплатила. Как-то так между делом.

Нора потрясенно выкатила глаза.

– Она странно себя вела? – спросил я Томми.

– Вроде нет. Говорила только мало.

– А на вид была нездоровая?

– Бледновата, пожалуй.

– Вы знаете, кто ей тату набивал в две тысячи четвертом?

– Старый мой мастер. Ларри. По тату сразу понятно.

– Где бы нам найти этого Ларри?

Томми усмехнулся:

– Где-то между раем и адом.

Он промокнул готовый цветок салфеткой, пристально на него посмотрел и перешел к следующему.

– Вышло-то чего? Сидит такой Ларри, краску вбивает. Потом опа – валяется на полу, кровь из носа хлещет, как из фонтана «Белладжио» в Вегасе. Помер в «скорой». Мозговая аневризма. – Он насупился, наклонился к клиенту. – Мел, ты там правда нормально? Ты ж как труп.

– Я слушаю, – пояснил Мел.

Томми опять насупился, глянул на нас и вздохнул:

– Короче, что было-то. Ваша подруга заглянула, а вечером я прихожу домой и давай вспоминать про Ларри. С ним за пару недель до того, как помер, приключилась история. Это где-то летом две тыщи четвертого. А чтоб все ясно было, надо понимать, кто таков Ларри. Гигантская туша. Больше холодильника, больше кресла кожаного – вот честно, на стопке Библий поклонюсь.

– Больше меня? – глухо подал голос Мел из-под стола.

– Нет, *тебя* – не больше. Но близко. – Томми вернулся к дереву лотоса. – Художник был – пипец. Учился в Йокогаме у Хориёси^[60]. Набивать умел – закачаешься, таких мастеров по пальцам пересчитать. Тэбори умел, хоримоно, ирэдзуми, что угодно – я его потому и нанял. В остальном-то он был мудака. Я ему так прямо и говорил. Он своим мудачеством гордился. Детей не переваривал. Называл личинками. Четыре бабы у него было. Ни одна про трех других не в курсах. Не жизнь, а хрен пойми что. Сплошь вранье и увертки, неотвеченные звонки и подставы. Короче, раз прихожу – в лавке тихо. Свет не горит, а Ларри сидит сам по себе в темноте, будто заболел. Я спрашиваю, что такое, а он совсем

убитый. Жизнь, говорит, у него говняная. Мол, трус он и кидала. Столько, говорит, лажи наворотил. Теперь, говорит, пересмотрю *приоритеты*. Первый раз слышал, чтоб он слово из пяти слогов осилил. Ну, я ему подыгрываю. Спрашиваю, с чего вдруг на него снизошла благодать. Я, говорит, только что сделал парную японскую двум подросткам. Десять минут назад из лавки ушли. Влюблены, говорит, были так, что аж электричеством било. Вроде как молния с бухты-барахты, и грозы-то никакой нет, а в небе как полыхнет чего-то – ух. Смотришь – и прямо чувствуешь, что еще не все потеряно. И давай заливаться про жизнь, любовь и надежду. – Томми скривился. – Прямо вдруг натуральный Шекспир. Я особо не слушаю. Бешусь, потому как он сделал нелегальное тату двум детям, у меня за такое лицензию могут отобрать. И вообще, это ж Ларри. Через пару дней опять будет мудака мудаком, с гарантией. Через неделю прихожу я в лавку. – Томми потряс головой и потер подбородок. – А там мелкая девчонка. Я в лавку детей не пускаю, а тут опа – ребенок. И на вид ненормальная. Большая. Руки-ноги длиннющие, аж на ходу путаются. Брекеты. Кучеряшки вот досюда. – Он показал на фут от головы. – Веснушек тьма – на роже как взорвалось чего-то. Это чья же, говорю, такая красота? А она дочурка Ларри. Оказывается, была у него дочь, он от нее скипнул за пару лет до того, когда еще в Кентукки набивал. Говорит, будет теперь настоящим папой. – Томми с усмешкой покачал головой и вновь занялся лотосом. – Папой, понимаешь ты, настоящим. А было это за пару дней до того, как он кони двинул. Почему знать, – может, от тех двух подростков у него в башке и впрямь включилось что-то. Хорошо бы. Хорошо, если он насовсем такой стал. Ну а чего нет? Иногда люди так тебя удивляют – сдохнуть можно. Выдирают тебе сердце – и все, и ты как пластилин, а?

В запале у него даже голос сорвался. Томми замялся, откашлялся и, склонившись над клиентом, приступил к последнему розовому цветку.

– Ваша подруга зашла, а я потом вечером все думал. Может, она и была один из этих подростков. Беглецов. Это Ларри про них так сказал. Куда-то они вместе намылились. Уж не знаю куда. Небось, в Тимбукту.

Томми опять оторвался от работы, и лицо его исказила нежность.

– Ну и кто она? – спросил он.

Японский кирин считается самым могущественным существом на земле, сильнее драконов, минотавра, феникса — и даже человека. Кирин могуч, но его подлинное величие кроется в доброте, ибо свою силу он использует только для защиты

невинных. Кирин — страж и хранитель, воплощение всего, что есть хорошего на свете. Он так добр, что не охотится, питается ветром и дождем, а когда ходит, не приминает траву.

Однако пред лицом зла и лжи губительная ярость кирина не знает границ. Небо полыхает огнем, отчего ослепительно краснеют закаты, и кирин скачет в воздухе, ревя столь оглушительно, что хрипнут птицы и замерзают океаны. Порой земля потом дрожит целый год.

У кирина голова дракона, тело оленя, чешуя рыбы, ноги лошади и хвост быка. Обычно у него есть рога или один рог. Его нередко изображают обнятым пламенем

В состоянии покоя кирин кроток и показывается лишь тем, чье сердце чисто. Люди, видевшие кирина, утверждают, что он быстр, как молния, с драконьей головой и лошадиным телом, нередко покрытым блестящей рыбьей чешуей. По общему мнению, красота его невероятна, и очевидцы клянутся, что, где бы ни появился кирин, после его исчезновения облака расходятся, открывая золотое небо и солнце.

Я возвратил распечатку Норе.

– Зачем Сандра вернулась за фотографией? – спросила Нора. Она сидела на диване, а на подлокотнике хлопал крыльями Септим.

– Может, на фотографии подсказка, – предположил я. – Чтобы выследить Паука.

– И у Паука, наверное, другая половина татуировки.

Я склонился к экрану ноута, проглядел хронологию Александриных передвижений.

– Деволль вытащил ее из «Брайарвуда» тридцатого сентября. Четвертого октября она пришла в «Клавирхаус» играть на «Фаццоли». Пятого – в «Восставший дракон». Через два дня, седьмого, она снова пришла в «Клавирхаус». По словам Питера Шмида, была неопрятна и странно себя вела. Десятого отправила Хопперу посылку, зашла в бар при «Временах года», а спустя несколько часов упала, прыгнула или была спихнута в шахту и погибла. Плюс в какой-то момент она поселилась на Генри-стрит и побывала в *Oubliette* и в «Уолдорф-Тауэрс».

И, что немаловажно, хоть мы и оставили это на закуску, прогулялась у водохранилища.

– Как будто напоследок обходила важные места, – заметила Нора. – Подвязывала концы, навещала, прежде чем... – Договорить она не смогла.

– Прежде чем покончила с собой, – сказал я.

Она неохотно кивнула.

– Или прежде чем ее настиг тот, от кого она скрывалась. Или кого преследовала.

– Например, Паук, – прибавила Нора.

Должен же быть некий тайный мотив, который прояснит смысл этих скитаний, – помимо решения наложить на себя руки.

Что говорила Пег Мартин? «Впитывали жизнь досуха. Никаких препон. Никаких границ».

Стремление умереть в двадцать четыре года не вяжется ни с этим, ни с тем, что нам известно про Александру. А если бы Кордовы не боялись того, что я могу откопать, Тео бы за мной не следил.

Я взял телефон – тот получил письмо и теперь жужжал.

Кому: Скотту Б. Макгрэту

От: Стю

Тема: Fwd: Ваш клиент

31 октября 2011, 13:59

Макгрэт,

утром мне пришел любопытный запрос. См. ниже.

С нежностью,

Стю

P. S. Ты вообще жив?

Кому: Стюарт Лотон

От: Личный секретарь

Тема: Ваш клиент

Уважаемый мистер Лотон!

Миссис Оливия Эндикотт Дюпон хотела бы побеседовать с Вашим клиентом, журналистом Скоттом Макгрэтом. Не могли бы Вы переслать ему это письмо, чтобы он смог с нами связаться?

Миссис Дюпон хотела бы обсудить с ним крайне важный предмет.

Искренне Ваша,

Луиза Бёрн

Личный секретарь миссис Оливии Э. Дюпон
(212) 555-9290

Мой адвокат Стю Лотон исчез с радаров несколько недель тому, еще когда я угодил на благотворительную коктейльную вечеринку. Он мне написал, известил о смерти Александры, просил перезвонить.

Я не перезвонил. Стю – британский аристократ и закоренелый сплетник: намекни я ему хоть полусловом, что могу возобновить расследование, об этом тотчас узнали бы все поголовно отсюда

и до антарктического поселения Макмёрдо.

Я набрал его рабочий номер.

Ответила помощница. Заставив подождать и послушать музыку в трубке, она сообщила, что мистер Лотон на совещании, – это означало, что Стю сидит за столом, жуёт сэндвич с яичным салатом, раскладывает пасьянс «косынка» и перезвонит, когда на него найдет стих.

И надо же – случилось это всего две минуты спустя.

– Ты трепло, – сказал я.

– Ни словечка не проронил, – упорствовал Стю.

– Ты, небось, пошел транжирить представительские в ресторане и упомянул одновременно меня и Кордову. Потому что других объяснений я не вижу.

– Я сознаю, сколь нелегко тебе это постичь, Макгрэт, однако у меня имеются и другие клиенты, а посему я не обсуждаю тебя часами изо дня в день, хотя, не могу не признать, удерживаться мне мучительно, ибо ты поистине завораживаешь взор.

Для беседы со Стю требуется перенастроить мозги. Этот английский дворянин великолепно образован, располагает обширным лексиконом и кратчайшие беседы сдабривает иронией, остротами и блестящим пониманием текущих событий – все равно что разговаривать с Дживсом, который устроился вести передачи на Би-би-си.

– Ну а как ты это объяснишь? – спросил я.

– Не спрашивай меня – я не знаю. Если Господь дарует чудо и Оливия Эндикотт захочет, чтоб ты написал ее автобиографию, – соглашайся. Как говаривал капитан Смит, «хватай что подвернется и валяй к шлюпке по головам пассажиров»^[61]. Тех, кто промышляет медленным печатным словом, скоро занесут в Красную книгу, как гребенчатых тритонов. Сначала поэты, драматурги, затем романисты. Настал черед закаленных газетчиков.

– Мне что, дрожать и плакать?

– Если дают работу – хватай ее зубами, друг мой. Ныне твой конкурент – четырнадцатилетний интернет-пользователь в пижаме, который выступает под ником Ниндзя-Истины-двенадцать и полагает, что проверка фактов осуществляется посредством чтения твитов предмета расследования. Страшись.

Заверив Стю, что позвоню Эндикотт, я повесил трубку.

– Нежданно-негаданно мы теперь можем вычислить Марлоу Хьюз, – возвестил я, раскачиваясь на стуле. – Не бывает таких совпадений. Кто-то где-то что-то ляпнул. Кто-то из тех, кого мы разговорили или подкупили.

Нора растерянно молчала.

– Со мной возжелала встретиться Оливия Эндикотт Дюпон.

Нора свела брови к переносице:

– Кто такая Оливия Эндикотт Дюпон?

– Сестры. Актрисы. Друг друга они ненавидели.

Таким манером Бекман всякий раз начинал любимейшую свою голливудскую историю – «Повесть о враждующих сестрах Эндикотт» – и последнюю фразу выпевал с такой ветхозаветной строгостью, что прямо чувствовалось, как сереют небеса, наизнанку выворачиваются тучи, а на горизонте туманом клубится черный рой саранчи.

При мне Бекман, окрыленный водкой и безраздельным вниманием студентов, покрытый испариной и занавешенный черными волосьями, излагал эту историю минимум раз пять – всегда в четвертом часу утра после очередного суаре. И я всегда внимал охотно – по двум причинам.

Во-первых, враждующие сестры вообще разжигают воображение. Как говаривал Бекман: «В сравнении с Марлоу и Оливией Эндикотт Каин с Авелем – просто братья Фаррелли»^[62]. А не в пример прославленным войнушкам Бетт Дэвис с Джоан Кроуфорд, Лиз Тейлор с Дебби Рейнольдс, Оливии де Хэвилленд с Джоан Фонтейн и Анджелины Джоли с Дженнифер Энистон, яд, которым плевались друг в друга сестры Эндикотт, в прессу не попадал (ну, может, Билл Дакота в журнале «Голливуд Стар» изредка и наобум что-нибудь скажет), и эта мертвая тишина лишь подчеркивала его явную смертоносность.

Во-вторых, невзирая на Бекмановы драматические таланты и его склонность все разыгрывать по ролям, будто он на сцене бродвейского «Недерландера», ни одна подробность не менялась – не возникало ни единого нового штриха или преувеличения. История уподоблялась драгоценному колье: раз за разом Бекман доставал ее из тайника, и ограненные, аккуратно оправленные детали во всем своем блеске неизменно составляли один и тот же узор.

Пять лет назад, едва начав расследовать Кордову, а попутно и Марлоу Хьюз, все факты я проверил. Марлоу Хьюз была ведущей актрисой,

а на протяжении трех месяцев и женой Кордовы, звездой душераздирающего фильма «Дитя любви». Все имена, даты и топонимы безупречно подтверждались открытыми источниками, и в итоге я пришел к выводу, что немыслимая Бекманова повесть о враждующих сестрах, видимо, все-таки правдива.

Оливия Эндикотт родилась в апреле 1948 года, опередив свою сестру Марлоу Хьюз всего на десять месяцев.

Естественно, Марлоу Хьюз под таким именем не родилась. Родилась она Джин-Луизой (Джей-Эл) Эндикотт 1 февраля 1949 года в Токио.

Обычно люди являются в мир красными сморщенными троллями. Джей-Эл походила на ангела. Когда акушерка шлепнула девочку, дабы та сделала первый вдох, Джей-Эл не заверещала мартышкой, а вздохнула, улыбнулась и уснула. С той минуты, когда ее принесли домой из родильного отделения, Оливия как будто превратилась в предмет мебели.

– Уродиной Оливия не была, – вещал Бекман. – Отнюдь. Темные волосы, приятное личико – миловидная девочка. Но если в комнате появлялась ее сестра, окружающие интересовались Оливией не больше, чем ситцевой занавеской.

Девочки были дочерьми полка. Мать – медсестра, отец Джон – врач на авиабазе в Ируме. В 1950-м они переехали из Японии в Пасадину, штат Калифорния, и спустя несколько месяцев отец сбежал из семьи, оставив ее в долгах как в шелках, отчего матери пришлось устроиться горничной и посудомойкой в мотель. Спустя многие годы Марлоу наймет детектива и узнает, что отец переехал в Аргентину, где живет с женщиной, полковником в отставке.

Об отце сестры никогда не поминали.

Они соперничали с начальной школы. Оливия резала одежду Джей-Эл и мочилась на ее зубную щетку. В отместку та попросту *приходила* туда, где уже была Оливия, – в балетную школу, в хор, – отчего сестра оборачивалась, как выражался Бекман, «крохотной дырочкой на обоях». Потому что Джей-Эл тоже умела танцевать – да и петь. К тому же Оливия была застенчивая, чопорная и нервная – а Джей-Эл травила грязные моряцкие анекдоты и хохотала, запрокидывая голову. Она была вылитая Ава Гарднер, только блондинка: лицо сердечком, зеленые глаза, ямочка на подбородке (словно Господь, желая оставить автограф на этом своем творении, гордо вдавил туда большой палец). Все, от балетмейстера и хормейстера до друзей Оливии, теряли голову.

Коверкая сестрины инициалы, Оливия тишком звала ее Жа Ло

Эндикотт.

После началки они учились в разных школах – мать пыталась ослабить напряжение, – но любой мальчик, которого приводила домой Оливия, неизбежно влюблялся в Джей-Эл. Она что, нарочно? Красота ее – вина ее?

Ничего тут не поделать, пояснял Бекман.

– Если тебе за так дадут «астон-мартин», ты сядешь и помчишься – проверишь, быстро ли едет. Естественно, подростком Марлоу перегибала палку. Если Оливия делала гадость ей – тибрила домашку по математике или подмешивала майонез в кольдкрем, – Джей-Эл в шортах и топе ложилась на диван смотреть «Телетеатр Форда»^[63] на глазах парня Оливии. Когда та предлагала ему перейти в другую комнату, бедный обезумевший пацан ее даже не слышал.

Оливия старалась не подпускать друзей к дому, но скрывать сестру от людей – все равно что запихивать солнце обратно за горизонт.

– Ну и что оставалось Оливии, простой смертной, которую генетика цепями приковала к богине?

Оливия сбежала из дома.

В 1964-м, в шестнадцать лет, она с двумя подружками из «Балетной школы мисс Дайны» переехала в Западный Голливуд. Через три месяца обзавелась агентом и снялась статисткой в крошечном эпизоде «Пляжных игр» 1965 года^[64]. Оливия была старательна, исполнительна, репетировала больше всех. Она наконец-то обрела голос и призвание, ей стали давать роли на телевидении, в том числе в сериалах «Беги во весь дух» и «Дни в Долине Смерти»^[65].

– Впервые в жизни она почувствовала, что существует, – говорил Бекман.

Джей-Эл в то время об актерстве даже не задумывалась. Она открыла для себя секс, потеряв невинность с учителем естествознания. Но когда об Оливии написали коротенькую заметку «Восходящие звезды» в «Вэрайети», Джей-Эл, чтоб нескучно было, прогуляла школу и явилась на открытые пробы телесериала «В бой!»^[66]. Ассистент режиссера по кастингу влюбился в нее, но решил, что вместо шипастой скороговорки «Джей-Эл Эндикотт» ей нужно другое имя.

По случайности он тогда читал «Глубокий сон» Реймонда Чандлера про знаменитого детектива Филипа Марлоу. А еще перед ним лежал скандальный лос-анджелесский таблоид «Конфиденциально: между нами, без цензуры» за десять центов, открытый на статье о якобы наркомании Говарда Хьюза.

Так он и склеил имя, достойное королевы кино: *Марлоу Хьюз*.

Золотой шанс выпал Марлоу в 1966-м – она сыграла Женщину в «Аппалузе» с Марлоном Брандо (и недолго крутила с ним роман). Оливия между тем прозябала на второсортном телевидении, играя в эпизодах «Шоу Энди Гриффита» и «Ястреба»^[67]. К 1969-му Марлоу стала звездой, снялась в четырех фильмах, и ее имя трубили афиши над Сансет-бульваром. Оливия ретировалась в Нью-Йорк – попробовать себя на сцене. В 1978 году, на садовом приеме Уоррена Битти в отеле «Бeverли-Хиллз», Марлоу познакомили с удалым Майклом Принсом Уинтропом Дюпоном, отучившимся в Принстоне футболистом, героем войны, одним из наследников состояния «Дюпон», прототипом удаłego миллионера Лео Фарнсуорта, персонажа Битти в «Небеса могут подождать»^[68]. За невозможную красоту и старомодное обаяние все звали его Принцем. Через три месяца Марлоу и Принц объявили о помолвке.

Жизнь Марлоу сияла так ярко, что впору было надевать черные очки, а жизнь Оливии между тем тускнела и истаивала. Ей удалось раздобыть лишь место дублерши в бродвейской постановке «Ржавчины в ванне» 1972 года, которая закрылась прямо в вечер премьеры^[69].

По слухам, сестры не разговаривали друг с другом тринадцать лет. Одна на Западном побережье, другая на Восточном, – казалось, расстояние наконец безопасно их разделило.

Но 25 октября 1979 года вмешался роковой случай.

Марлоу с друзьями каталась верхом в Монтесито, и ее коня спугнула газонокосилка. Конь встал на дыбы, кинулся в галоп, выпрыгнул через забор на шоссе 101 и выбросил Марлоу из седла. Та чудом отделалась лишь множественными переломами левой ноги, однако до того серьезными, что врачи велели ей два месяца лежать на растяжке в больнице «Сидарс-Синай».

Каждый день после обеда Принц являлся к постели Марлоу и читал невесте вслух. Два месяца истекли, и врачи решили, что ей нужно полежать еще несколько недель. Принц продолжал ее навещать – но в один прекрасный день опоздал, назавтра опоздал еще больше, а на третий день не явился вовсе. Он отсутствовал десять дней – и все десять дней Марлоу не знала о нем ничего, – а затем вновь пришел в больницу.

И объявил, что помолвка отменяется. Извиняясь, рыдая от печали и стыда, он преподнес Марлоу Хьюз платиновое кольцо с черной жемчужиной; на платине были выгравированы четыре слова: «Лети дальше, прекрасное дитя».

Марлоу была убита. По словам медсестер, она пыталась выброситься из окна палаты. Спустя месяц, через два дня после ее выписки, «Нью-Йорк таймс» опубликовала поразительное объявление: «Наследник „Дюпон“ Принц женится на актрисе Оливии Эндикотт».

Тихая свадьба состоялась в семейном поместье в долине реки Гудзон.

Никто, даже Бекман, не имел представления, как Оливии это удалось – где она познакомилась с Принцем и как умудрилась его нежные чувства к Марлоу, одной из прекраснейших женщин на свете, обратить на себя, женщину обыкновенную. Кое-кто предполагал гипноз и даже сделку с дьяволом, начиная прямо с рокового падения с лошади.

Или попросту плачевное стечение обстоятельств?

Марлоу никогда публично не высказывалась об этой истории, но спустя годы, когда в интервью ее спросили о сестре, ответила: «Я не помочусь на Оливию, даже если она будет сгорать заживо».

Марлоу полетела-таки дальше – во всяком случае, попыталась. Она выходила замуж трижды: за художника-постановщика в 1981-м, потом за Кордову в 1985-м – этот союз протянул всего три месяца, хотя, снимая «Дитя любви», Кордова выжал из нее потрясающую игру, – и за ветеринара в 1994-м. С ветеринаром она развелась четыре года спустя. Детей у нее не было. На пятом десятке сюжетная линия персонажа мисс Хьюз привела ее туда, где до нее побывали многие кинобогини: она стала смертной. Постарела. Ей больше не предлагали ролей. Последовала пластическая операция, поползли слухи о том, что она плотно сидит на болеутолителях, затем случилось ее позорное появление в «Супермене 4: Борьба за мир»^[70], где макияж у нее был такой, словно его накладывали фломастерами, и после недолгой борьбы она исчезла прочь с глаз публики.

Оливия по сей день замужем за Принцем. У них три сына. Последние двадцать семь лет она заседает в совете директоров Метрополитен-музея, а в светской жизни Нью-Йорка это наивысший взлет.

– Марлоу досталась слава, Оливии – принц, – негромко, нараспев заключал Бекман, блистая глазами в свете камина. – Но кто выиграл в жизни?

Общее мнение гласило, что Оливия.

– Не исключено, – отвечал Бекман. – Но кто знает, какая зависть глодала ей нутро, точно кислота – ржавые трубы?

Был и завершающий аккорд. Касался Кордовы.

Уже выйдя за Принца, Оливия Эндикотт в восьмидесятые работала тут и там на Бродвее, хотя забросила сцену, дабы посвятить себя материнству, супружеству и благотворительности.

Однако по-прежнему рьяно поклонялась Кордове.

По словам Бекмана, Оливия преследовала режиссера с бешеным упорством и засыпала его письмами. Умоляла дать ей шанс поработать с ним, прийти на пробы, сняться хоть статисткой, в роли без слов. Хотя бы с ним увидеться. Похоже, Кордова оставался последним кусочком мозаики – последним куском пирога, – который она жаждала отхватить, дабы одержать окончательную победу над сестрой.

– И на каждое письмо Кордова отвечал Оливии одной и той же отпечатанной на машинке фразой, – говорил Бекман.

Тут он поднимался, придерживаясь за персидскую тахту. Шаркая, удалялся в темный и сырой угол гостиной, где зверским рывком распахивал ящик стола, набитый бумагами, чеками, «Плейбиллами»^[71], и принимался там рыться. Спустя минуту нестойко возвращался к собранию с чистейшим кремовым конвертом в руке.

Медленно-медленно он вручал конверт ближайшему студенту, и тот, трепеща, поднимал клапан, извлекал письмо, читал молча, а затем восхищенно хлопал глазами и передавал соседу.

Бекман утверждал, что ненароком откопал эту бумагу на распродаже чьей-то частной коллекции.

11 ноября 1988 г.

Моя дражайшая Дюпон.

Даже вымри все человечество на Земле, кроме Вас, Вы бы все равно у меня не снялись.

Кордова.

Я пересказал эту повесть Норе, хотя до драматических талантов Бекмана мне было очень далеко.

– «Лети дальше, прекрасное дитя»? – переспросила она. – Самое грустное прощание на свете. Думаешь, это все правда?

– Думаю, да.

– Звони Оливии. Сию секунду.

Я набрал номер.

– Ну конечно, мистер Макгрэт, – промолвила секретарша в трубке. – Вы свободны завтра? Через два дня миссис Дюпон уезжает в Санкт-Мориц.

Она надеется, вы простите ее за такую поспешность и вставьте в свое напряженное расписание, поскольку она пробудет в Швейцарии четыре месяца.

Я пообещал прийти к Оливии на квартиру завтра в полдень. Адрес – максимальное приближение к Букингемскому дворцу, возможное в Америке: Парк-авеню, 740. Там росли Жаклин Кеннеди и прочие легендарные наследники и наследницы без числа – старый богатый Нью-Йорк в чистом виде: неколебимый, сидящий, келейный и надменный до оскомины.

Повесив трубку, я заметил, что у меня жужжит мобильный.

Номера я не опознал. Какой-то «Рынок „Золотой путь“».

– А это кто? – спросила Нора.

– Я подозреваю, первый, кто звонит по объявлению про Александру.

Рынок «Золотой путь» оказался китайской бакалейной лавкой, которая так демонстративно делала вид, будто английского языка в природе не существует, что я, вдыхая едкие ароматы рыбы и кунжута, почти уверился, что перенесся в китайскую провинцию Чунцин.

Вокруг болтались сморщенные куры, подвешенные за когти, триллионы тонн лапши, черных чаев и смертоносного на вид чили – красного, до того острого, что потом год не чувствуешь языка, и зеленого, до того заостренного, что рискуешь перерезать себе горло изнутри. С тротуара лавка смахивала на тяжеловеса из преисподней: грязный красный навес глубоко надвинут на загвазданные окна и на прилавки с фруктами в помятостях синяков.

Нора в глубине стояла одна перед столом, заваленным пакетами, – я думал, там чипсы, пока не прочел этикетку: «Жареная стружка кальмара сушеного».

Нора растерянно пожала плечами:

– Я только что говорила с каким-то дядькой, но он провалился вон туда, – и она показала на стальные двери возле аквариумов, где от стенки к стенке телепались серые рыбины.

Когда я ответил на звонок, человек, еле-еле изъяснявшийся по-английски, объявил, что располагает «информацами», но не смог объяснить, в чем их суть. Потом какая-то женщина прогавкала в трубку адрес: Маркет-стрит, 11. Неподалеку от Восточного Бродвея, всего

в полутора кварталах от дома 83 по Генри, – легко допустить, что Александра сюда захаживала.

Появился миниатюрный китаец средних лет, а за ним, очевидно, все его обширное семейство: жена, дочь лет восьми и бабуля, которая, судя по лицу, застала Мао Цзэдуна.

Ч-черт – может, она и есть Мао. Такой же высокий лоб, усталое лицо, серые рабочие штаны и вьетнамки на босых ногах, напоминавших два сухих щербатых кирпича, которые выпали из Великой китайской стены.

Семейство с жаром заулыбалось нам и суетливо взялось пристраивать бабулю на табурет. Затем жена протянула бабуле мятую бумагу, в которой я узнал наш флаер.

– У нас есть информация, – объявила девочка на прекрасном английском.

– Про девушку с листовки? – уточнил я.

– Вы ее видели? – спросила Нора.

– Да, – сказала девочка. – Она приходила сюда.

– Что на ней было надето? – спросил я.

Семейство бурно посовещалось на кантонском.

– Ярро-оранжевое пальто.

Ну, почти угадали.

– И что она тут делала? – спросил я.

– Говорила с бабушкой. – Девочка кивнула на Мао – та внимательно разглядывала флаер, словно текст речи, которую предстоит толкнуть перед классом.

– По-английски?

Девочка захихикала, будто я удачно пошутил.

– Бабушка не говорит по-английски.

– Что, по-китайски?

Девочка кивнула. Выходит, Александра знала китайский. Вот так сюрприз.

– О чем они говорили? – спросил я.

На несколько минут воздух загустел от кантонского – нам с Норой оставалось только молча наблюдать. Затем семейство поспешно притихло, ибо из пересохшего горла Мао наконец исторгся еле слышный голос.

– Она спросила, где бабушка родилась, – объяснила девочка. – Скучает ли по дому. Купила жвачку. И поговорила с таксистом, он ходит сюда ужинать. Он сказал, что отвезет, куда ей надо. Бабушке она очень понравилась. Но ваша подружка была сильно усталая.

– В каком смысле усталая? – спросил я.

Девочка уточнила у бабули Мао и пояснила:

– Сонная.

– А этот таксист – вы его знаете?

Девочка кивнула:

– Он сюда ходит есть ужин.

– Во сколько?

Дебаты возобновились – говорила в основном мать.

– В девять часов.

– А сегодня придет? – спросила Нора.

– Иногда приходит. Иногда нет.

Я посмотрел на часы. Восемь.

– Можем и подождать, – сказал я Норе. – Вдруг появится.

Я так и сообщил девочке, а та – своим родным. Я поблагодарил, и все, улыбаясь, придвинулись пожать нам руки, а потом посторонились, чтобы мы пожали руку Мао.

Я достал бумажник, сказал спасибо отцу семейства и попытался впихнуть ему сто долларов, но он отказывался брать. Переговоры длились добрых десять минут, хотя я заметил, что глаза его жены от купюры не отлипали. Я просто *обязан* был всучить ему деньги – иначе, судя по физиономии этой женщины, мужик рискует не дожить до утра.

В конце концов он уступил, и я снова повернулся к бабуле Мао, намереваясь задать еще пару вопросов. Но старуха уже беззвучно сползла с табурета и скрылась за стальными дверями.

– Мля, братан, – сказал таксист, – напугал ты меня до усрачки. Я уж думал, ты меня депортировать пришел. – Он загоготал, сверкнув белыми зубами с несколькими золотыми коронками. Затем сквозь красно-желтую растаманскую шапку поскреб макушку и взгляделся в портрет Александры. – Ага, было дело. Вozил ее.

– Когда? – спросил я.

– Пару недель назад?

– Какое на ней было пальто? – спросила Нора.

Он поразмыслил, потирая седой щетинистый подбородок.

– Буро-зеленое? Но я дальтоник, сеструха.

Он представился Зебом. Чернокожий – с Ямайки, судя по легкому акценту, – шесть футов шесть дюймов, тощий, всклокоченный и сутулый,

точно пальма после несильного урагана.

За тот час, что мы его ждали, удалось кое-что разузнать. В «Золотой путь» он приезжал ужинать пять вечеров в неделю. Ел снаружи, привалившись к капоту, опустив окна и громко включив музыку в машине, а потом уезжал в ночную смену до семи утра.

– Я суда приехал, – продолжал Зеб, почесывая голову, – а она в глуби болтает со старушенцией. Закупил пожрать себе. Она ко мне вышла.

– И вы ее куда-то отвезли?

– Ага.

– Адрес помните?

Он поразмыслил.

– В Верхний Ист, в какой-то дом пузатый.

– Отвезете нас?

– Ну не, – отмахнулся он. – Када возишь, все сливается, хде тормознул, хде поехал.

– Мы заплатим, – вставила Нора.

Он наострил уши:

– Чё, по счетчику?

Она кивнула.

– Лады. Давайте. Это мы могём.

Ухмыляясь, будто сам не верил своей удаче, Зеб резво сцапал пенопластовый контейнер и принялся набивать его лапшой, яичными рулетами, курицей в кунжуте – если это, конечно, была курица: серое мясо больше смахивало на *баоцзы*, говоря точнее – на кошку в пирожке на пару, которую я однажды ненароком съел в Гонконге. Поразительно, как быстро деньги освежили мужику память.

Мы с Норой пошли наружу.

– Это будет дорого, – пробормотал я, озираясь.

По Маркет-стрит к нам тащилась одинокая фигура. Серое пальто и сигарету я узнал моментально.

– Ты подумай, кто до нас снизошел.

Нора накинулась на Хоппера, бурно нервничая:

– Ты почему нас кинул? Мы тебя ждали. Я чуть в полицию не начала названивать.

– Дела случились, – неубедительно ответил он.

Похоже, он всю ночь не ложился. Я уже догадывался, что ключ к его поведению обнаруживается в его же характеристике Моргана Деволля. «Он придет. Иначе никак. Ему до смерти охота о ней поговорить».

Нора с жаром пересказала ему свежие новости. Вскоре мы, втроем

втиснувшись на заднее сиденье, рванули по Парк-авеню в такси с синим мохнатым чехлом на руле и зеркальцем заднего вида, увешанным золотыми цепями гуще Мистера Ти^[72]. Подавшись вперед, я прочел удостоверение Зеба – полностью его звали Зебулания Акпунку, – и на пассажирском сиденье засек потрепанную книжку в мягкой обложке «Шаг в хорошую жизнь»^[73].

– Вы не заметили в девушке что-нибудь необычное? – сквозь пуленепробиваемое окошко спросил я Зеба.

Тот пожал плечами:

– Белая деушка. Все они на одно лицо. – Он довольно загоготал, потом заткнул себе рот куском курицы.

– Она с вами говорила? Что-нибудь можете нам о ней сказать?

– Не, братан, ето не годится. У меня одно шоферское правило.

– Какое?

– В заднее зеркало зырить – ни-ни.

– «Ни-ни»? – Подрезав другое такси, Зеб отдрейфовал в левую полосу.

– Нехорошо ето – зырить все время, чё у тя позади.

Через десять минут мы уже курсировали туда-сюда по Восточным Шестидесятым между Мэдисон и Лексингтон. На счетчике натикало двадцать долларов, затем тридцать, затем сорок.

– Да, точно, ето здесь, – твердил Зеб, наклоняясь вперед и вглядываясь в тихие ряды таунхаусов, пока не доезжал до конца квартала. – Мля. Ошибся. – В показном огорчении вздыхал и бодро подкреплялся курицей в кунжуте. – Не парься, братан. Следующий квартал.

Но все повторялось и в следующем квартале. И в том, что за ним.

Спустя еще четверть часа натикало \$60,25. Нора грызла ногти, а Хоппер, за всю поездку не сказавший ни слова, развалился на сиденье и глядел в окно.

Я уже хотел было прекратить наши мучения, но на Восточной Семьдесят первой Зеб вдарил по тормозам.

– Здесь! – и показал на здание слева.

Погруженный во тьму массивный таунхаус – футов двадцать пять шириной, из бледно-серого известняка – больше смахивал на посольство, чем на резиденцию. Щербатый, обветшалый, крыльцо засыпано палой листвой, двойные двери обклеены листовками с меню забегаловок навынос – верный знак, что внутри неделями никто не бывал.

– Мы тут уже проезжали, – сказал я.

– Я те говорю. Вот здесь дом.

– Ладно. – Мы вылезли, и я отдал Зебу восемьдесят долларов.

– Бывай, братан.

Счастливый Зеб запихал деньги в карман рубашки – кажется, еще там лежал огромный недокурный косяк. Потом включил «Роллинг Стоунз» погромче и на желтый свет – он сигнализировал Зебу дать по газам и молиться – вылетел на перекресток с Парк-авеню, гремя металлическими деталями и трансмиссией-заикой, грохнул багажником на канализационном люке, свернул на юг, и стало тихо.

Мы перешли дорогу. Там света было меньше – лишь уличный фонарь и небоскреб с парадным входом за углом на Парк-авеню, – так что можно было в относительном покое обозреть дом.

В двенадцатом часу ночи район совершенно опустел. Может, Нью-Йорк никогда и не спит, но состоятельные обитатели Верхнего Ист-Сайда отправляются почивать на заказные простыни около десяти вечера.

– Тут, похоже, много лет никто не жил, – заметил я.

Хоппер сверлил таунхаус глазами – лицо непроницаемое, однако в нем читалась затаенная злоба, словно в этом громоздком архитектурном величии крылось нечто Хопперу омерзительное.

Дом и впрямь был беззастенчиво роскошен – пять этажей, сад на крыше, древесные ветви дотягивались до верхнего карниза. Во всех окнах темень, кое-где тяжелые портьеры, стекла грязны. На втором этаже вдоль окон тянулся узкий крытый балкон – бронзовая крыша, покрытая патиной, чугунные кованые перила. И однако, несмотря на богатство – или же из-за него, – дом излучал холод одиночества.

– Постучим? – прошептала Нора.

– Стойте здесь, – велел я.

Я опять перешел улицу и взбежал на мраморное крыльцо, усеянное листвой и мусором – салфетка из кулинарии, сигаретный окуроч. Я позвонил, отметил черный пузырь камеры слежения над домофоном. Внутри звякнуло – пронзительный звонок прямоком из викторианской Англии, – но никто не ответил.

Из почтовой щели я выдернул застрявшие бумаги – меню «Райских бургеров» и две рекламные листовки круглосуточных слесарей по взлому замков. Все поблекло, от дождя покособилось. Лежит тут не первый месяц.

– Владелец, наверное, жирный европеец, – сказал я, вернувшись

к Хопперу и Норе. – Приезжает на два дня в год.

– Вариантов у нас нет, – ответил Хоппер. Напоследок затянулся, выбросил сигарету, задрал воротник пальто и зашагал через дорогу.

– Чего это он? – зашептала Нора.

Хоппер подошел к дому, уцепился за чугунную решетку нижнего арочного окна и *полез*. Пара секунд – и он в двенадцати футах над землей. Подождал, глянул вниз, ногой уперся в старый фонарь сбоку от парадных дверей и, перешагнув пять футов пустоты, ухватился за бетонный карниз балкона на втором этаже.

Подтянулся выше, повисел – серое пальто распахнулось плащом супергероя. Правую ногу перекинул через перила и боком свалился на узкий балкон. Тотчас вскочил и, снова украдкой покосившись на тротуар, прокрался по балкону к дальнему справа окну. Присев на корточки, прикрыл глаза ладонями, посмотрел сквозь стекло, пошарил в карманах и достал, кажется, бумажник. Видимо, провел в щели рамы кредитной картой – створка щелкнула, – а затем поднял окно и, ничуть не смущаясь, вполз внутрь.

На миг все застыло. Потом опять возник силуэт Хоппера – он опустил окно и исчез.

В потрясении я ждал, что вот-вот пронзительно завизжат сирены или служанка. Но стояла тишина.

– Он что, совсем того? – прижимая ладонь к сердцу, прошептала Нора. – И что нам делать?

– Ничего. Ждем.

Ждать, как выяснилось, предстояло недолго.

И десяти минут не прошло, как подкатило одинокое такси – и затормозило прямо перед домом.

– Ой батюшки, – выдохнула Нора.

Задняя дверца отворилась, и появилась грузная женщина.

– Эсэмэс Хопперу, – сказал я. – Пускай выметается оттуда срочно.

Нора лихорадочно порылась в поисках телефона, а я скользнул меж припаркованных машин и зашагал к женщине, которая шла к крыльцу таунхауса, нашаривая в сумочке ключи.

– Простите, пожалуйста?

Она не обернулась. Пихнула ключ в замок, толкнула створку.

– Мэм, вы не подскажете, как найти ближайшее метро?

Она нырнула в дом и включила свет. В щели мелькнула белая прихожая, черно-белый шахматный пол, а затем – в тот миг, когда женщина повернулась и грохнула дверью, – и сама женщина.

Скрежетнула задвижка, пропищали семь цифр кода сигнализации.

Я ошеломленно застыл. *Я эту женщину знаю.*

Фонари на крыльце окатили меня ярким светом. Хочет посмотреть через камеру.

Я поднялся по ступенькам и позвонил.

Мне не ответили.

Я позвонил еще раз, потом еще. Я не ждал, что она откроет, – я лишь хотел предупредить Хоппера. Так он поймет, что пора сматываться. Я бодро сбежал с крыльца, зашагал к Парк-авеню. На углу перешел дорогу и обнаружил Нору на прежнем месте.

– Он внутри, – прошептала она. – Я ему написала, а он не отвечает...

– Ты не поверишь. Это была Инес Галло. Помощница Кордовы. Видимо, это их дом.

Мозг ошеломленно цепенел – мало того что Хоппер взломал и проник, он же теперь еще и застрял в личной резиденции Кордовы.

Изумленная Нора уставилась на таунхаус; на втором этаже как раз загорелся свет, проступила сумрачная, обшитая деревом библиотека, набитые книгами стеллажи.

– Теперь ему совсем некуда деться, – сказала Нора. – Может, спасателям позвонить?

– Пока не звони.

– Но надо же что-то делать. А вдруг она его пристрелит...

– Ему нужно время осмотреться.

– И сколько времени?

На ее вопрос ответил далекий вопль сирен – и он становился все громче. На улицу ворвались три полицейские машины, с визгом затормозили у дома. Выпрыгнули четверо полицейских, взбежали по ступеням, Галло им открыла, и они исчезли внутри. Двое встали на крыльце, подозрительно озирая улицу.

– Пора линять, – сказал я.

– Но надо же проверить, как он...

– Если останемся на свободе, пользы ему будет больше.

Тут загомонили голоса, и полицейские свели Хоппера на тротуар.

Он был в наручниках, серое пальто у него отобрали, оставив в выцветшей синей футболке и джинсах, но в целом происходящее его,

очевидно, не обескураживало. Он подчеркнуто не смотрел в нашу сторону, хотя зуб даю, что, когда его пихнули в темя и бесцеремонно втолкнули на заднее сиденье, на лице его мелькнула слабая улыбка.

Дома я позвонил старому другу, уголовному адвокату Леонарду Блюменстайну. Мне он никогда не пригождался – во всяком случае, до сего дня, – но из узенького просвета между молотом и наковальней вытащил массу моих знакомых. Можно кокнуть жену, а через пару часиков звякнуть Блюменстайну, и шелковистый голос, мягче шарфика от «Эрме», заверит тебя, что все будет хорошо. А затем проинструктирует, словно ты просто-напросто паспорт потерял.

Я оставил сообщение дежурному секретарю: так и так, человек помогал мне в расследовании, его занесло, вломился в частную резиденцию – невооруженный, ничего не украл – и теперь задержан.

Женщина заверила, что Блюменстайн мне перезвонит.

Мы с Норой пошли в кабинет изучать Инес Галло.

– Что мы о ней знаем? – спросила Нора, калачиком свернувшись на диване подле коробки с бумагами.

– Мало чего, – ответил я. – Вроде как она много лет помогает Кордове.

Перерыв бумаги, я отыскал свадебную фотографию Галло. Снимок неизменно всплывал всякий раз, когда о Галло вспоминала пресса. На фотографии сияла обыкновенная новобрачная, отчего судьба ее казалась еще трагичнее. Спустя несколько лет она бросит вот этого самого мужа и двоих детей, станет работать на Кордову.

– На «Черной доске» что-то было, – вспомнила Нора. – Про то, что она и Кордова – один человек. У обоих на левых руках набит штурвал. Ты уверен, что видел женщину?

– Абсолютно.

Мы покопались на «Ю-Тьюбе» и отыскили зернистый клип знаменитой речи Галло от имени Кордовы на церемонии «Оскара» в 1980-м.

В начале соведущие, Голди Хон и Стивен Спилберг, объявили: «И премия „Оскар“ присуждается... Станисласу Кордове за фильм „Тиски для пальцев“».

Зал ахнул – весьма огорчительное потрясение. Считалось, что «лучшего режиссера» без вопросов получит Роберт Бентон за «Крамер

против Крамера»^[74]. Более того, сам Бентон был так уверен в победе, что уже встал и устремился к сцене, но тут жена вскочила и силком усадила его на место. Повисла долгая растерянная пауза – аудитория в замешательстве перешептывалась, озиралась. Может, ошибка? И что, Кордова взаправду явился?

Затем камера сфокусировалась на Инес Галло, которая быстро пробиравлась по узкому боковому проходу павильона Дороти Чандлер. Ее усадили на задах, подальше от настоящих звезд – Джека Леммона, Бо Дерек, Салли Филд и Дадли Мура.

Черноволосая, грузная Галло в черной футболке и берцах жесткими грубыми чертами очень походила на Кордову с ранних фотографий. Позже люди в зале уверяли, будто решили, что она явилась без приглашения, как в 1974-м Роберт Опель, который нагишом пробежал по сцене, когда Дэвид Нивен собрался представить Элизабет Тейлор, или как Сачин Маленькое Перо, которую прислал на церемонию 1973-го Марлон Брандо, чтоб она от его имени отказалась от награды «Лучшая мужская роль» за «Крестного отца» в знак протеста против искаженного изображения коренных американцев в кино. Инес Галло неловко приняла статуэтку из рук Спилберга и, запрокинув голову, произнесла в микрофон: «Вот призыв ко всем зрителям: вырывайтесь из клеток, подлинных либо воображаемых».

Затем она сбежала со сцены, и включилась реклама.

Мы пересмотрели эту речь несколько раз и зашли на «Черную доску». В обсуждениях речь шла в основном о природе взаимоотношений Галло с Кордовой: кто она – его сестра, кукловод и Свенгали^[75], его женский доппельгангер^[76], одержимая нянька, которая носится с ним как с писаной торбой и выполняет малейшие прихоти, или опекунша, подтирающая за ним грязь?

Прочесывая слух за слухом, Нора начала клевать носом и отправилась в постель, а я читал еще несколько часов.

Может, меня сотряс шок этой встречи, но что-то неисповедимо аномальное чудилось мне в ее широком топорном лице, резких чертах, ожесточенном голосе.

Может, Клео и впрямь угадала ключ ко всему: «Черная магия передается из поколения в поколение».

Я поискал на «Черной доске» «черную магию», «колдовство», «Инес Галло» или новые соображения о штурвале, якобы вытатуированном у них с Кордовой на левой руке, но, помимо краткой реплики о том, что Галло

родом из мексиканской Пуэблы и ее бескорыстное служение режиссеру вошло в легенды («Ради его безопасности Галло способна на все», – утверждал один пользователь), ничего не нашел.

– Вудворд?

Я приоткрыл глаз. На часах 4:21.

– Спишь?

– Сплю.

– Можешь поговорить?

– Вполне.

Нора в этой своей призрачной ночнушке открыла дверь и бледным пятном примостилась у меня в ногах.

– Что случилось? – спросил я, приподнимаясь на подушках.

Она не ответила. Кажется, нервничала. У нее была манера болтать не умолкая, а потом вдруг осекаться и замирать, и ты разглядывал ее лицо, как неумолимое синее небо над пустыней, отыскивая хоть какой-то признак жизни, пусть и далекий, – ястреба, насекомое.

– Придется намекнуть прозрачнее, – сказал я, выдержав паузу. – Я же мужик. В смысле чтения между строк я безграмотен.

– Ну...

Она вздохнула, будто разговор уже закончился, а вовсе не подбирался к началу. Следовательно, поскольку она женщина, эту беседу она уже сто тысяч раз провела у себя в голове.

– Ты из-за Хоппера? – спросил я. – Переживаешь, что он заночует в тюрьме? Так с ним ничего не будет.

Матрас подпрыгнул.

– Это ты кивнула? Темно, я ж не вижу.

– Хоппер тут вообще ни при чем. Я сказала кое-что, а теперь мне плохо.

– Что ты сказала?

– Что я с тобой не сплю.

– Уточнять нет нужды. Это само собой разумеется. И не то чтобы мне впервые это говорили.

Я не врубался, к чему Бернстайн клонит, но меня обуяли дурные предчувствия. Позарез надо выпереть девчонку из спальни, отправить спать, срочно. Мешать секс и журналистику – светлая идея, сопоставимая

с выпуском «пинто» на заводе «Форда»: думали, будет весело, сексуально и практично, а вышел кошмар, и все получили увечья.^[77]

– Ты красивый, – сказала Нора. – В Терра-Эрмоса все дамы от любви умирали бы.

– Они ж там по-любому умирают?

– Я не хотела переходить профессиональных границ.

– И *молодец*. Не могу описать, со сколькими женщинами я перешел *все возможные* границы, а потом была жуть.

– Правда?

– Как на духу за пару недель до кончины.

Она хихикнула.

– Прямо с этого и начал, в пятнадцать лет. Лорна Дунберри. Вот где границы-то: она с моей матушкой играла в бридж. Меня занесло. Уронил ее на душевую занавеску. Знаешь в ваннах такие мыльницы маленькие?

– Ну.

– Долбанулась об нее лицом. Два зуба потеряла. Всюду кровища. Была приятная такая Лорна, разведенка за сорок – а стала главной героиней «Ночи живых мертвецов».

– А у меня первый раз был с Тимом Бейли.

Я подождал дополнительных сведений. Они не поступили.

– Только не говори, что он квартировал в Терра-Эрмоса.

– Ой, ну нет. Он работал в «Бассейн-Премьер». По пятницам чистил бассейн.

– Сколько ему было?

– Двадцать девять.

– А тебе?

– Шестнадцать. Но *взрослые* шестнадцать. У него жена и двое детей. Я переживала страшно. Это ужас какой-то – врать. Такое поле – пашешь, сажаешь, поливаешь, а ничего не растет. – Она обхватила руками коленки, передернула плечами. – Пару раз пыталась это прекратить, но мы ходили за кухню, пока у всех «Вино и Сыр», и он танцевал со мной под кантри из окна. Он отлично танцевал. Грустил только. Мечтал сбежать и начать заново, будто никакой жизни еще и не было.

– Сбежал?

– Не знаю. Можно я тебе что-то скажу?

– Конечно.

– Обещаешь не кипишевать?

– Обещаю.

– Когда я только приехала в Нью-Йорк, к Порту, было три часа ночи.

И Септима украли.

Она помолчала, коленками зажала ладони.

– Один человек из автобуса. Я знала кто. Сел в Дейтона-Бич, всю дорогу сидел рядом. От него алкоголем пахло, и он все старался разговор завязать, но я сунула наушники в уши и притворилась, что сплю. С ним что-то было не так. В смысле, с головой. Но в Порту, на высадке, я все проморгала. Там одной женщине надо было ребенка в коляску посадить. Я ей помогла, сходила к автобусу за сумкой, возвращаюсь – Септима нет. Клетка исчезла. Я чуть с ума не сошла. Бегу к водителю, он говорит, мол, сообщи в диспетчерскую, а у меня в голове одно: я вот сейчас умру. Умру без Септима. Вообще не соображала. И пассажиры уже разошлись. Выхожу со стоянки, вокруг сплошь магазины, тихо. Вдруг раз – тот же человек за мной идет. И шепчет, что моя птица у него. И он ее отдаст. Только пусть я ему отсосу в туалете.

Я вытаращился – это внезапное признание вышибло из меня дух. Я постарался даже не шевелиться.

– Я сказала, что ему не верю, и он завел меня за «Виллу Пиццу» в женский туалет. И там клетка на полу, пустая. А потом я увидела, что он засунул Септима в такую серебряную штуку в кабинке. Ну, знаешь – мусорку? И Септим там бился, с ума сходил. Он же ненавидит темноту. Всегда такой был. На клетку полагается тряпку набрасывать, чтобы птица успокоилась, но Септим этого не любит. Ему *надо видеть*. И этот человек сказал, пусть я сделаю это, и он Септима отпустит. Я с ним зашла в кабинку. Там в углу даже какая-то тетка переодевалась, я ее окликнула, но она не ответила. Он расстегнул штаны и выгнулся весь, кулаками крышку на этой мусорке прижал. Ну, и я сделала. Думала, как бы Септима спасти, укусить этого человека, но не получалось. Когда переставала, он меня кулаком бил по лицу. И все время называл Нэнси. Нэнси да Нэнси. Когда закончилось, он улыбнулся, вынул Септима, сжал его в кулаке, сдавил, как зубную пасту. Я давай орать, а когда стало совсем невыносимо, он засмеялся и выбросил его из кабинки. Я сначала не поняла куда. А потом нашла на полу под батареей. Схватила клетку и сумку, побежала со всех ног. Вокруг пусто, все закрыто, только несколько человек смотрят в пустоту, как призраки. Я на эскалатор и вверх на улицу. Примчалась на стоянку такси, села и попросила шофера отвезти меня в центр всего. Это Мадонна так сделала, когда только приехала в Нью-Йорк. Попросила таксиста отвезти ее в центр всего.

Она посмотрела на меня, будто вопрос задала.

– А он не знал, где это. Я сказала, что на Таймс-сквер. Он меня отвез.

Везде люди, огни горят, словно день на дворе. И я поняла, что со мной все будет нормально. Потому что я ровно там, где должна быть. Я всю жизнь как будто ждала, когда окажусь не там, где я есть. А тут впервые не ждала. – Она опять обняла колени. – Я никому не рассказывала.

– Хорошо, что рассказала мне.

История токсичными парами дрейфовала по комнате – такое сразу не развеется. Мне было дурно и отчаянно хотелось проверить, все ли хорошо с Норой, вырвать это воспоминание у нее из головы. Снова и снова сражает нас не катастрофа, но постижение ее.

– В полицию не пошла?

Она покачала головой:

– Лишней минуты не хотела на все это потратить. Моя жизнь *начиналась*. Если с тобой случается плохое, это необязательно должно что-то значить. И вообще, перед Богом он ответит.

Это она объявила с превеликой убежденностью. Благоговение не позволило мне сразу заговорить: у девчонки нету ничегошеньки, кроме попугая, а она неколебимо верит, что мировое зло будет наказано. Сам-то я этой верой так и не обзавелся – слишком часто наблюдал безнаказанность порока.

За окном по Перри-стрит проехала машина – в ночной тишине она урчала дремотно и безмятежно, будто шлюпка мимо проплыла.

– Ты изумительная, сильная личность, – сказал я.

Я не планировал выражаться буквально так – за всю жизнь не наострил нужными словами залечивать неизбывную рану женского сердца, – однако Нора улыбнулась. Придвинулась ко мне, скрипнув матрасом, чмокнула в щеку и соскочила с кровати – голубым голубем порхнула в темноте.

– Я твой фанат, – прибавил я. – С безусловной пожизненной гарантией. Я как чемоданы «Викторинокс» и носки «Дарн таф».

Она сонно рассмеялась и заскользила из комнаты.

– Спокойной ночи, Вудворд, – шепнула она через плечо. – Спасибо, что выслушал.

Не знаю, сколько я просидел, глядя в темноту; минуты шли, затвердевшие тени подтаивали, слышно было только, как, не просыпаясь, вздрагивает город за окном. Потом я задремал, но ее присутствие в комнате не рассеялось, точно здесь побывало дикое животное – олененок, радужная птица или, может, *кирин*.

– Ночь его продержали в манхэттенских «Гробницах», – сообщил мне Блюменстайн по телефону. – Послал за ним младшего партнера. Кражу второй степени сняли, но взлом с проникновением оставили. Залог будет в районе пяти штук.

– Почему так много? – Я плечом прижал телефон к уху и принялся натягивать куртку.

– У него три привода. Нападение на полицейского в Бьюфорде, Джорджия. Мелкая кража во Фритц-Крик, Аляска.

– Аляска?

– И еще один, два года назад. Хранение веществ с целью сбыта. Это в Лос-Анджелесе.

– Что за вещества?

– Марихуана и МДМА. Отсидел два месяца, сто часов общественных работ.

Я сказал Блюменстайну, что оплачу залог, повесил трубку и пересказал наш разговор Норе. Мы собирались на встречу к Оливии Эндикотт. С утра я поджарил Норе омлет, но она, едва глянув, покраснела и объявила, что не голодна. Я списал это на черный ящик необъяснимого женского поведения, а потом сообразил – проклиная себя за тупость: это же из-за того, что она рассказала ночью. Она не хотела, чтоб я плясал вокруг нее на цыпочках, будто она хрупкая и уже треснула. Так что я цинично метнул омлет в ведро и объявил, что черные в блестках леггинсы Моэ Гулазара и блузка с Джеком Воробьем не подходят для встречи с одной из элегантнейших лебедушек Нью-Йорка. Послал Нору переодеваться, отчего она с облегчением разулыбалась и кинулась наверх выполнять приказ. Затем мы вышли и зашагали по Перри-стрит.

День был пасмурный, небо набухло дождем. Мы уже опаздывали и потому направились к подземке. Уж кое-что я про нью-йоркских богачей понимал: они любят, когда *ты* ждешь их, а не наоборот.

– Мистер Макгрэт. Добро пожаловать.

В дверях квартиры 17G нас встретила женщина за пятьдесят в пыльно-сером костюме. Лицо у нее было как потускневшая лампочка – человек всю

жизнь провел в услужении, сразу видно. Глаза ее вопросительно переметнулись к Норе.

– Моя ассистентка. Она к нам присоединится, если вы не против.

– Разумеется.

Улыбаясь, женщина провела нас в прихожую, где старый хрыч в мятом бордовом пиджаке, выступив, кажется, прямо из стены, забрал у нас одежду и без слов ретировался в сумеречный коридор.

– Сюда, пожалуйста.

Винного оттенка стены темной галереи были покрыты живописью – так строительные леса в центре увешивают концертными афишами, только здесь красовались Матисс и Шиле, Клементе^[78], а кое-где Магритт, и над каждой картиной – бронзовый светильник, точно шахтерская каска. Между шедеврами зияли черные проходы; я заглядывал на ходу, замедляя шаг. Комнаты смахивали на промозглые гроты со сталактитами парчовых портьер: кресла эпохи Людовика XIV, вазы и лампы Тиффани, мраморные бюсты, статуэтки черного дерева, книги. Над парадной столовой с сельдерейными обоями замороженной медузой зависла хрустальная люстра.

Бодрым шагом женщина ступила в просторную гостиную. Окна обрамляли вид на северо-запад: город снаружи застыл под серыми небесами, точно безмятежный натюрморт. Над Гудзоном заплутавшей мухой кружил вертолет.

Женщина указала на желтый чинцевый диван у кофейного столика, заставленного статуэтками: фарфоровые ризеншнауцеры, пастушьи собаки, чаши для пальцев. Над китайской вазой взрывался букет свежих красно-желтых тюльпанов – под цвет желтых стен и красных курток охотников на лис с гигантского полотна маслом.

Нора чопорно села подле меня и сложила руки на коленях. Похоже, нервничала.

– Принести вам пока чаю? Миссис Дюпон договаривает по телефону.

– Чай бы не помешал, – ответил я. – Спасибо.

Женщина выскользнула из комнаты.

– Вот это и называется «непристойная роскошь», – прошептал я. – Эти люди – отдельный чудной биологический вид. Даже не пытайся их понять.

– Видел – в коридоре доспехи стояли? Настоящие сияющие доспехи, стоят себе, рыцаря ждут.

– Два процента богатейших людей владеют половиной богатств земного шара. Лично я считаю, что вся она хранится в этой квартире.

Нора, прикусив губу, указала на приставной столик, где в антикварной серебряной рамке стояла черно-белая фотография. Оливия подле Принца, лет двадцать назад. Они в обнимку позировали перед антикварным же «бентли» возле исполинского загородного особняка. Взглянешь на лица – вроде счастливы, но это, конечно, мало о чем говорит. На фотографиях все улыбаются.

Нора рывком выпрямилась.

В комнату вошла женщина. Я вскочил, Нора, нервно расправляя юбку, последовала моему примеру.

Оливия.

Она не шла – скорее плыла, и под ногами у нее толклись три пекинеса. Очевидно, комнату декорировали под хозяйку – ну, или наоборот. Русые с сединой волосы до подбородка – густые карамельные завитки вокруг лица – подходили к персидскому ковру, к резным львиным ногам стола, даже к серебряной сигаретнице с изысканной резьбой на крышке: инициалы «ОДЭ», буквы – как волосяной колтун, забившийся в душевой сток.

Уж не знаю, чего я ждал, – пожалуй, гранд-даму, всю в волдырях драгоценностей, – но Оливия оказалась замечательно легка, воздушна и без излишеств. Она надела простое черно-серое платье, шею дважды оплели пухлые жемчуга. Приятное и нежное овальное лицо, аккуратный макияж, длинные лучины бровей над ярко-кариими глазами, изящная шея – точно стебель цветка, едва-едва начинающего увядать. Сколько раз Марлоу Хьюз мечтала свернуть эту шейку?

Оливия с улыбкой приблизилась, и я заметил, что правая рука ее безвольно висит на перевязи из черно-красного цветастого шарфа. Рука застыла сломанным крылом, но Оливия, видимо, была полна решимости сносить увечье с доблестью: ногти на высохшей руке безупречно выкрашены в помидорный цвет.

На безымянном пальце здоровой руки, которую она как раз протянула нам, красовался бледно-голубой алмаз – карат двенадцать, не меньше. Он уставился на нас немигающим глазом жертвы гипноза.

– Оливия Дюпон. Я так рада, что вы смогли выбраться, мистер Макгрэт.

– Мне в удовольствие.

Обменявшись рукопожатиями, мы все расселись, включая пекинесов, похожих на толстых девочек в меховых костюмчиках. Оливия устроилась на белом диване против нас, закинула руку на белый плед, брошенный на спинку, а собаки окружили хозяйку мохнатой крепостной стеной

и посмотрели на нас выжидательно, будто нам полагалось их развлечь.

– Простите, что заставила ждать. С этим переездом тут полное безумие.

– Уезжаете из города? – спросил я.

– На сезон. Зиму мы проводим в Швейцарии. Съезжается вся семья. Внуки обожают гулять и ходить на лыжах, а мы с Майком склонны лентяйничать. Обычно садимся перед камином и не встаем четыре месяца.

Она рассмеялась – ясный изысканный звон, точно ложечка постучала по хрустальному бокалу, призывая послушать тост крупного сановника.

Ты смотри, как далеко от яблони упало это яблочко. Поразительно, что женщина, наткнувшись на брачную золотую жилу, обзаводится не только новым гардеробом и новыми друзьями, но и голосом прямиком из граммофона тридцатых (ломкий, моно-стерео), а также лексиконом, в котором непременно найдутся слова «лентяйничать», «сезон» и «весьма сожалею». Приходилось напоминать себе, что Оливия – отпрыск военных и росла в такой нищете, что матери ее пришлось выйти на третью работу и мыть туалеты в той самой публичной старшей школе, где училась Оливия. А теперь у Оливии, должно быть, шесть поместий и яхта площадью с городской квартал.

– Мой внук Чарли – большой ваш поклонник, мистер Макгрэт.

– Скотт. Прошу вас.

– Чарли в восьмом классе в Тринити. Летом прочел вашу первую книгу, «Государство МастерКард». Остался под *большим* впечатлением. А теперь читает «Кокаиновые карнавалы» и хочет заниматься журналистскими расследованиями.

Я решил, что сейчас она спросит, не окажу ли я любезность прочесть чудный рассказ у него в блоге или найти ему работу – так и выяснится, зачем нас сюда пригласили.

– Я, знаете ли, никогда в вас не сомневалась, – продолжала Оливия, изогнув бровь. – Эта шумиха вокруг вас с Кордовой, вымышленный шофер, ваше возмутительное выступление на телевидении. Я прекрасно понимала, что происходит.

– Правда? Потому что для меня-то это осталось загадкой.

– Вы чем-то его раззадорили. – Она улыбнулась в ответ на мое немое удивление. – Вы ведь, несомненно, замечали, что пространство вокруг Кордовы искажается. Чем ты ближе, тем ниже скорость света, информация коверкается шифрованием, рассудок теряет логику, впадает в истерику. Искривление пространственно-временного континуума – как гигантское солнце искривляет пространство вокруг. Вот же искомое, под рукой, и ты

тянешься к нему – а его никогда и не было. Я сама это наблюдала.

Она в задумчивости умолкла. Три служанки в униформе принесли чай и принялись накрывать столик: тонкий фарфор, пятиэтажная серебряная ваза, груженная пирожными, птифурами, мини-кексами и треугольными сэндвичами. Оливия сбросила бархатные туфли – «Стаббз и Вуттон», отметил я, «Найки» для миллиардеров, – подобрала под себя ноги в черных чулках. Служанки разливали чай, а Нора, ошеломленно моргая, разглядывала великолепие сервировки.

– Спасибо, Шарлотта.

Шарлотта и остальные девушки кротко кивнули и метнулись прочь, неслышно ступая по ковру.

– Вы, вероятно, недоумеваете, зачем я вас позвала, – промолвила Оливия, глотнув чаю. – Вы вернулись к расследованию Кордовы, не так ли?

Она отставила чашку и взглянула на меня в упор. Глаза у нее блестели, как у школьницы.

– Откуда вы знаете?

– Аллан Каннингэм.

Знакомое имя.

– Директор клиники «Брайарвуд». Я для них собирала средства. Он сказал, что поймал вас на той неделе – вы весьма бесстыдно разнюхивали что-то на территории. Притворяясь будущим пациентом.

Ах да – Каннингэм. Который отволок меня в службу безопасности и угрожал арестом.

– И как продвигается расследование? – поинтересовалась Оливия.

– Люди разговаривать не хотят.

Она поставила чашку на блюдце, села поудобнее.

– Я – хочу, – объявила она.

Такая прямота меня позабавила, и я не сдержал улыбки:

– О чем?

– О том, что знаю. А знаю я немало, уверяю вас.

– Из-за сестры?

Улыбка ее угасла. Надо же – я-то думал, она давным-давно пришла в себя, спрятала Марлоу в сейф, где хранит детство, заперла и выбросила ключ. Ан нет – упоминание о сестре явно ее раздосадовало.

– Мы с Марлоу не общались сорок семь лет. Не знаю, что она думает про Станисласа и что с ним пережила. Однако я и сама сталкивалась с Кордовой. И не желала об этом говорить. До сего дня.

– А почему передумали?

– Александра.

Ответила она сухо. Нора подалась вперед, опасливо разглядывая птифуры, словно боялась, что они разбегутся, стоит протянуть руку.

– Полиция считает, что Александра покончила с собой, – заметил я.

– Это возможно, – кивнула Оливия. – Но все гораздо сложнее.

– Откуда вы знаете?

– Мы однажды встречались. – Она отпила, отставила чашку и пронзила меня взглядом. – Вы верите в сверхъестественное, мистер Макгрэт? В призраков и потустороннее, в необъяснимые силы, незримые, однако могущественные?

– Да не особо. Но я верю, что человеческий разум умеет преобразовать все это в якобы подлинную реальность.

– У Станисласа и его третьей жены Астрид поместье в Адирондаке, возле озера Лоуз.

– Да, я знаю. «Гребень».

Она задрала бровь:

– Бывали там?

– Пять лет назад пытался, заехал с визитом. Дальше сторожки не продвинулся.

Оливия одарила меня понимающей улыбкой.

– Я приехала туда в начале июня семьдесят седьмого года. Невезучая актриса. Двадцать девять лет. Кордова готовился снимать «Тиски для пальцев». Его помощница Инес Галло написала моему агенту и сообщила, что Кордова видел меня в «Резне в День святого Валентина» и восхищен моей работой^[79].

Она, похоже, смутилась.

– Роль у меня была довольно жалкая – статистка, всю сцену спиной к камере. Я решила, меня жестоко разыгрывают. Но помощница утверждала, что Кордове очень понравилось, он подумывает взять меня на весьма необычную роль, которую написал специально для меня. Приглашает в «Гребень» на выходные – поговорить, обсудить. Жила я тогда в Ист-Виллидж. Одолжила денег у подружки, взяла напрокат «паккард-универсал» и поехала одна. Мне год никто не предлагал ролей. Я была готова на все. И в дороге я сказала себе: ради этой роли я сделаю что угодно – абсолютно что угодно.

Она помолчала, рассеянно погладила пекинеса.

– Дорога там чудесная. Миновав сторожку, тихо катишь себе среди дубрав и низких холмов. Вокруг ни души. Ясный день, жара. Было солнечно, но, помнится, я так нервничала, что вскоре меня обуял смертный страх, будто я в ночную темень пришла на кладбище. То и дело в вышине

кричали птичьи стаи – вороны. Я притормаживала, выглядывала, но ни в кронах, ни в небе не было ничего. *Пусто.*

Она глотнула чаю.

– Дом – гигантский темный особняк, прямо из... ну, я не знаю... из рассказа По. Я припарковалась на стоянке. Машин было немало, будто в поместье позвали и других актрис. А я никак не могла заставить себя выйти. Это было ужасно. Но я хотела получить роль. Мне обязательно нужно было ее получить. Сняться у Кордовы – это предел, понимаете? Я слыхала, это не просто меняет твою профессиональную судьбу – это меняет всю твою жизнь.

Тут она сама себе иронически улыбнулась.

– Я выбралась, постучала в парадную дверь, и мне тут же открыла итальянка – ослепительная красавица, но какая-то безучастная. Ни слова не сказав, поманила меня к столу – снаружи, на увитой глицинией лоджии, уже обедали. Много народу – я никого не узнавала. Решила, что поклонники Кордовы. Сам он не появлялся. Я, правда, толком и не знала, как он выглядит. Спросила кого-то, где же Кордова, и мне, как положено, ответили, что он работает. Меня усадили. Все обсуждали некий предмет, кем-то купленный на частном аукционе. Передавали его из рук в руки. В конце концов он добрался до меня. И едва я его взяла, все отчего-то притихли и спросили, что это, по моему мнению, такое. Странная вещь. Походила на кинжал. Бронзовая рукоять с прихотливой резьбой, узкое лезвие, дюймов пять, посередине непонятное кольцо. Во главе стола молодой блондин в сутане – прекрасный, как Адонис, – посоветовал мне ткнуть этой штукой в запястье, посмотреть, что будет. Все захохотали. Не смеялась только прекрасная итальянка. Я так поняла, жена Кордовы, Джиневра. Она лишь смотрела на меня с тоской, точно пленница, которая боится заговорить. Я была в смятении, сама не своя, испугалась, что вот-вот разрыдаюсь, но тут кто-то забрал у меня этот предмет, и на том обед завершился. Потом я проверила и выяснила, что это было.

– И что же? – спросил я, поскольку она умолкла.

Она глянула хмуро:

– Колющая игла. В Европе шестнадцатого-семнадцатого веков их использовали при охоте на ведьм. Драгоценные металлы, искусная резьба. Обвиняемую, как правило, раздевали догола, и судья тыкал ее иглой по всему телу. Если где-то не шла кровь и не чувствовалась боль, значит он отыскивал ведьмин знак. Разумеется, если ведьмин знак и находили, то лишь потому, что женщина больше не могла кричать. Ее ткнули иглой раз триста,

она лежала без сознания и медленно истекала кровью. Среди некоторых увлеченных коллекционеров подобные вещи, древние орудия пыток, пользуются бешеной популярностью.

Нора так увлеклась, что забыла дожевать изрядный кусок пирожного. Из рта выпала крошка – Нора торопливо подобрала ее с подола свитера и звучно сглотнула.

– Вскоре, впрочем, я выбросила из головы этот курьезный обед, поскольку некая мужеподобная баба с потным лицом и горящими черными глазами объявила, что Кордова готов со мной побеседовать. Меня многочисленными коридорами провели в большую комнату с рядами картотек и длинным столом. Во главе стола сидел человек. Как король на троне, а вокруг горы бумаг, фотографий натуры, костюмов, заметок к сценариям. Он был толстый, но не гротескно, как разжирел Орсон Уэллс, или Хичкок, или даже Брандо. Массивность его была, как бы это сказать, элегантна. Круглое лицо, густые черные волосы, очки – круглые чернильно-черные линзы. Он был красив. То есть мне так кажется. Бывают, знаете, лица, которые завораживают, и однако спустя несколько минут их забываешь, будто мозг не в силах запомнить эти черты, как не в силах вы зубрить бесконечное число. Вероятно, это из-за очков – потому что нет глаз. Я поначалу решила, что он слеп, но слеп он не был: поглядел на меня, а затем оповестил, что у меня на губе петрушка. И не ошибся, как ни печально это признавать. Затем спросил, хочу ли я у него сниматься. Само собой, я с жаром ответила да, о да, еще как. Я его пылкая поклонница еще со времен «Силуэтов». Он улыбнулся. А потом засыпал меня неудобными вопросами – чем дальше, тем интимнее и острее. Есть ли у меня семья, парень, веду ли я активную половую жизнь, как часто хожу к врачу, кто мой ближайший родственник? Я здорова? Пуглива? Он вникал в самые глубины. Интересовался, чего я боюсь: высоты, пауков, утонуть, моря. Сколько боли мне приходилось вытерпеть? Каков мой худший кошмар? Я уже заподозрила, что цель допроса – не познакомиться со мной или понять, гожусь ли я на роль, но скорее выяснить, насколько я одинока, кто заметит, если я исчезну или изменюсь. Я то и дело спрашивала, что за роль. Очень хотела почитать сценарий. В ответ – лишь молчание и хитрая улыбка. Наконец вошла какая-то женщина и увела меня. Мне казалось, он терзал меня больше часа. Но нет, всего пятнадцать минут.

Оливия глубоко вздохнула и здоровой рукой подлила нам чаю. Когда она щипцами подхватила кусок сахара и уронила себе в чашку, я с удивлением отметил, что пальцы у нее трясутся. Она нервничала.

– Стало ясно, – снова заговорила она, – что обсуждение «Тисков

для пальцев» продолжится после ужина. Служанка проводила меня в мою комнату. Дом был огромный, комната моя – целые апартаменты: окна во всю стену, занавески прозрачны, как свадебная фата, далеко под холмом видно озеро. Я никогда не бывала в таком красивом жилище. Я прилегла, хотела подремать минутку, но глубоко уснула. Должно быть, вымоталась в дороге. Через три часа я внезапно проснулась в темноте, ловя ртом воздух, и горло болело так, будто меня душили. Запястья и локти ныли, словно меня придавливали к постели. Взаправду больно. Но в комнате никого не было, и ни веревок, ни наручников – ничего. А потом я в ужасе увидела, что чемодан мой пуст. Вся одежда аккуратно развешена в гардеробе. Даже белье уже в ящике, аккуратными стопками. И выложено мое платье, которое, видимо, полагалось надеть к ужину, вместе с серьгами и серебряным гребнем. Окна распахнуты, вздуваются занавески. Когда я засыпала, окна были закрыты. Все волоски на руках встали дыбом, будто меня вот-вот молнией ударит. Я думала только об одном. Бежать. Ужин в восемь, приглашены другие гости. Мне было все равно. Я побросала одежду в чемодан, выскочила, отыскала черную лестницу. Вылетела в ночь. Нашла свою машину на стоянке и уехала, не включая фар. Поначалу была уверена, что за мной гонятся. Позади за поворотами мелькали фары. Но когда я добралась до ворот, фары исчезли. Ворота были закрыты. Я вылезла, отперла их и в панике умчалась. Ехала шесть часов без передышки. Но это чувство – тяжесть, удушье, будто все тело мое сжимали тисками, – оно не проходило еще много дней. Я едва не пошла сдаваться в больницу.

Оливия замолчала, взяла из вазы два апельсиновых птифура, один съела сама, другой скормила пекинесу. И горестно улыбнулась нам:

– Конечно, со временем это воспоминание становилось все унижительнее. Время высасывает из памяти и страх, и боль. Я рассудила, что мой так называемый ужас – лишь плод молодости, разыгравшегося воображения. «Искажение», фильм Кордовы о заразном подростковом безумии, в свое время сильно меня потряс. Разум сыграл со мной шутку. Я подменила искусство жизнью или наоборот. Вскоре после я отправила Кордове три записки с извинениями, но в ответ получила лишь весьма неучтивую отповедь.

– Что он написал?

– Нечто в том смысле, что, если даже я останусь последним человеком на Земле, он ни за что не возьмет меня к себе сниматься. Видимо, приглашение в «Гребень» было пробами, а я их провалила.

Я невольно усмехнулся. Слова ее безупречно подтверждало письмо,

которое Бекман демонстрировал студентам.

Оливия небрежно дернула плечом:

– Я не расстроилась. Через два года я вышла замуж. Семья, настоящая любовь, настоящая жизнь. Я давно отказалась от грез о кино, о славе. Я понимала, что, добиваясь славы, обрекаешь себя на дешевый карнавал, где ты навеки заточен в клетке, и тебе аплодируют, однако над тобою равно и насмеются. Но в девяносто девятом я ни с того ни с сего получила приглашение. От Кордовы. Он звал меня на ужин, на сей раз в городе. За несколько лет до того он выпустил свой последний фильм, давным-давно ушел в подполье, стал еще нелюдимее, устрашал еще сильнее. Я согласилась неохотно, однако это ведь все-таки Кордова. Я по-прежнему поклонялась ему. Немало потрудились, чтобы контрабандой раздобыть его работы. Мне он виделся чародеем, гипнотизером в духе Распутина. Не кинематографистом. И спустя столько лет безответность еще мучила меня. Грызла по чуть-чуть – терзала вопросом, на который не получен ответ. В приглашении значился адрес по соседству, за Парк-авеню, на Семьдесят первой. Если что, я откланяюсь и попросту уйду домой пешком.

Я покосился на Нору, и та еле заметно кивнула, сделав тот же вывод, что и я. Таунхаус, куда ночью вломился Хоппер, находился на Восточной Семьдесят первой, – очевидно, про него и речь. И я понимал чувства Оливии – эту безответность, нужду в завершенности, в финале, эти многолетние гнетущие терзания. Я и сам с этим жил.

– Мне тогда стукнуло пятьдесят – уже отнюдь не чувствительная инженерю. Двадцать лет замужем, вырастила троих сыновей. Напугать меня – это надо сильно постараться.

Она подалась вперед, взяла еще пирожное. Пекинесы дружно впились в него глазами. К их явному огорчению, хозяйка отправила пирожное себе в рот, пожевала.

– Ужин был великолепный, но Кордова, странное дело, не пришел. Только его жена Астрид, которая объяснила, что на мужа свалилась работа за городом и выбраться он не сможет. Это был удар. Я заподозрила, что дело нечисто, меня заманили в ловушку. Однако общество подобралось замечательное, двоих я знала еще по театральным временам. Все мои сомнения вскоре рассеялись. Русская оперная звезда, датский ученый, французская актриса, невообразимая красавица, – но центром внимания была безусловно Александра. У нее в то время развивалась прямо-таки звездная фортепианная карьера. Двенадцать лет, красивее ребенка я в жизни не встречала. Глаза почти прозрачные. Она сыграла нам. Шуберта,

концерт Баха, фрагмент из «Петрушки» Стравинского, а затем села с нами за стол. Неизвестно почему, выбрала место рядом со мной. Я встревожилась. Прекрасные ее глаза – они были...

Оливия стиснула руки и нахмурилась.

– Что? – спросил я.

Она взглянула мне в лицо:

– Древние. Слишком многое видели.

Она перевела дух, снова печально улыбнулась.

– Блистательный ужин. Увлекательнейшая беседа. Обворожительная Александра. Но, умолкая, она словно удалялась, ускользала в некие иные миры. После ужина Астрид предложила нам японскую игру – сказала, что у них в семье нередко играют так после ужина, научились у настоящего японского самурая, который, как выяснилось, одно время с ними жил. «Игра ста свечей». Я потом нашла японское название. *Хякумоногатари кайданкай*. Не слышали?

– Нет, – покачал головой я.

– Старая японская салонная игра. Периода Эдо. Семнадцатый, восемнадцатый век. Зажигают сто свечей и задувают по одной, едва кто-нибудь расскажет короткий *кайдан*. Историю о призраках. Все рассказывают, свечи гаснут, вокруг постепенно темнеет, наконец задувают последнюю свечу. И в этот миг в комнату нисходит сверхъестественная сущность. Как правило, *онрё* – японский призрак, жаждущий мщения.

Оливия вздохнула поглубже.

– Мы начали, все довольно сильно перебрали портвейна и десертного вина, все с трудом продирались сквозь свои истории, но Александра рассказывала очень лаконично. Я решила, она их выучила наизусть – вряд ли двенадцатилетняя девочка способна на такое красноречие экспромтом. Говорила она неторопливо и тихо, и временами голос ее словно от нее отделялся. Все истории захватывающие, порой кровавые и страшные. Помнится, одна была про хозяина, который изнасиловал бедную служанку и бросил умирать у дороги. Я еще удивилась, как легко ее губы складывают эти слова, будто речь о совершенно естественных вещах. Порой под ее повествование мне начинало мерещиться, что я вне тела, не здесь. А затем – я не поняла, как это получилось, – осталась всего одна свеча, и Александра приступила к последнему кайдану. То была история безнадежной любви, повесть о Ромео и Джульетте, о недуге и надежде, и девушка умерла юной, освободив своего возлюбленного. Все зачарованно слушали. Александра задула последнюю свечу, и в комнате стало темным-

темно. Слишком темно. Гости захихикали. Кто-то отпустил грязную шутку. И вдруг раздался свист, будто чей-то рот всасывает воздух, и моего лба коснулся холодный палец. Наверняка Александра. Я завизжала, хотела вскочить, но у меня занемели ноги. К величайшему моему унижению, я рухнула из кресла на пол. Астрид кинулась извиняться, помогла мне встать, включила свет. Все хохотали. Александра не смотрела на меня, но улыбалась. И чувство, посетившее меня много лет назад в «Гребне», – тяжесть, будто мне стискивают нутро, – оно вернулось. Меня мутило. Вскоре я сочинила подобающий предлог, извинилась и ушла. Вернулась домой, выпила чаю, легла в постель. Но спустя несколько часов Майк проснулся и увидел, что я в коме. Меня хватил удар. Я очнулась в больнице и обнаружила, что у меня отнялась правая рука.

Оливия воззрилась на обмякшую руку в люльке шарфа, словно это посторонний предмет – искалеченный альбатрос, которого она вынуждена таскать на себе.

– Аневризма головного мозга. Врачи списали на стресс за ужином. Я, мистер Макгрэт, прагматик. Я не склонна кликушествовать. Но я знаю точно: они что-то сделали с Александрой. Они заставили ее так поступить.

– Кто – они?

– Семья. Кордова.

– И что, по-вашему, они с нею сделали?

Она поразмыслила.

– У вас есть дети?

– Дочь.

– Тогда вы понимаете, что дети рождаются невинными, но все окружающее впитывают как губка. Образ жизни в «Гребне», мой тамошний эпизод, вопросы Кордовы. Впечатление такое, будто на мне ставили опыты. Я думаю, и на Александре тоже. Вот только она сбежать не могла. По крайней мере, в детстве.

Я глянул на Нору. Та слушала как загипнотизированная. Слова Оливии подтверждали мой вывод: на момент смерти Александра была в ссоре с семьей – пряталась под вымышленным именем, искала какого-то Паука. Непонятно другое: зачем она вернулась в таунхаус? Разве что встретиться с Инес Галло. Может, Галло там и живет.

– Вы не слышали о человеке по прозвищу Паук? – спросил я. – Он как-то связан с Кордовой.

– Паук. – Оливия наморщила лоб. – Нет.

– А Инес Галло? Это не ее прозвище, часом?

– Помощница Кордовы? Насколько мне известно, нет. Но я о ней

ничего не знаю – разве что, если не ошибаюсь, она и провожала меня к Кордове. И пока он меня допрашивал, сидела по правую руку, как наемный громила или телохранитель. Или его подсознание.

Я кивнул: раболепный и грозный образ вполне соотнобразуется с комментариями на «Черной доске».

– Почему о Кордове не говорят? – спросил я.

– Боятся до смерти. Ему приписывается некое могущество – я уж не знаю, подлинное или мнимое. Но точно знаю, что в истории этой семьи творились злодеяния. Я уверена.

– Почему вы не расследуете сама? Очевидно, что тема вас остро волнует. Наверняка в вашем распоряжении огромные ресурсы.

– Я обещала мужу. После того, что случилось, он попросил меня оставить все это в прошлом. Начни я баламутить воду, докапываться до правды, вдруг бы я лишилась и другой руки? А потом и ног? Видите ли, в глубине души я отчасти верю, что эта девочка вызвала в комнату нечто и задуманное отмщение осуществилось по плану. Я заплатила за некую якобы обиду, которую нанесла сестре.

Я вспомнил о смертном проклятии. Будем честны: с тех пор, как мы в него вляпались, опасностей в жизни прибавилось: я чуть не утонул. «Мало-помалу незаметно пожирает разум, – говорила Клео. – Совершенно тебя изолирует, сшибает лоб в лоб со всем миром, оттесняет на грань, на окраину жизни». Я вполне понимал, как подобное может случиться с тем, кто идет по следу Кордовы.

Оливия вздохнула. Она устала, побледнела – запал иссяк.

– Боюсь, у меня мало времени, – заметила она, покосившись на дверь.

Увлечшись, я и не заметил, что давешняя женщина в сером – секретарша, надо полагать, – сунула голову в комнату, безмолвно напоминая хозяйке о следующем неотложном деле.

– Вы упомянули Аллана Каннингэма, – сказал я. – Перед смертью Александра лежала в «Брайарвуде». Я выяснял обстоятельства ее поступления, но Каннингэм не поддался. Не поможете мне с ним?

– Меня Аллан уверял, что Александра вовсе не была пациенткой, – в некоторой растерянности ответила Оливия. – Но я, конечно, еще спрошу. Мы до конца марта пробудем в Санкт-Морице. – Она сунула ноги в туфли. – У вас есть телефон – это номер моей секретарши. Если я смогу быть хоть чем-то полезна, позвоните ей. Она мне передаст.

– Я очень признателен.

Оливия поднялась с дивана – пекинесы плюхнулись ей под ноги на ковер – и поправила шарф на парализованной руке. Мы с Норой тоже

встали, и Оливия с обезоруживающей улыбкой, блестя глазами, сжала мою руку.

– Это было чистое удовольствие, мистер Макгрэт.

– Благодарить следует мне.

Мы все шагнули к двери.

– Еще кое-что, – сказал я.

Она остановилась:

– Слушаю вас.

– Как бы мне поговорить с вашей сестрой?

– Она вам ничем не поможет, – рассердилась Оливия. – Она и себе-то помочь не в состоянии.

– Она была замужем за Кордовой.

– И с первого до последнего дня просидела на барбитуратах. Вряд ли запомнила хоть что-то – ну, может, пару перетрахов.

Вот оно: под безупречной элегантностью мелькнула дочь полка.

– И все-таки беседа с ней была бы бесценна. Что она видела, что он за человек, как жил. Она же инсайдер.

Оливия, непривычная к возражениям, надменно воззрилась на меня в упор. Может, злилась, что даже спустя все эти годы при ней по-прежнему всплывает имя Марлоу.

– Даже если я дам адрес, она с вами говорить не захочет. Она ни с кем не видится, кроме горничной и дилера.

– Откуда вы знаете?

Оливия глубоко вздохнула:

– Ее горничная еженедельно приносит мне счета и докладывает о состоянии ее здоровья. Моя сестра не знает, что осталась без гроша, а за ее уход и наркотики уже двадцать лет плачу я. И если вас интересует, отчего я не устроила ее в «Бетти Форд», «Обещания»^[80] или тот же «Брайарвуд» – уверяю вас, я устраивала. Одиннадцать раз. Без толку. Есть люди, которые попросту не желают трезветь. Реальность им не нужна. Жизнь подставила подножку – им удобнее так и валяться носом в грязи.

– Ну хорошо, – сказал я. – Но если это правда...

– Еще какая! – огрызнулась она.

– ...тогда Марлоу тем более бесценный источник. Даже самый ненадежный свидетель в душе таит истину.

Оливия с вызовом смерила меня взглядом, опять вздохнула:

– «Кампаниле». Бикмен-плейс. Квартира одиннадцать ноль два. – И она стремительно поплыла к двери, а ее мохнатая свита, вывалив языки, судорожно засеменила следом. – Поговорите с консьержем Гарольдом, –

бросила Оливия через плечо. – Я попозже ему позвоню. Он все устроит.

– Спасибо вам огромное.

– Когда увидите с ней, меня не упоминайте. Ради вашего же благополучия.

Честное слово, губы ее искривила мимолетная самодовольная усмешка.

– Даю слово.

Она проводила нас по галерее к вестибюлю, где уже поджидал старый гардеробный хрыч. Он совсем закаменел, словно час с лишним так там и простоял.

– Спасибо вам, – сказал я Оливии. – За все. Ваша помощь неоценима.

– Надеюсь, вы сможете что-то сделать. Отомстить за эту девочку. Она была уникальная.

Я шагнул в лифт следом за Норой, но придержал двери:

– Еще один вопрос, если можно, миссис Дюпон.

Она склонила голову – искусное движение на полпути между любопытством и высокомерием.

– Как вы познакомились с мистером Дюпоном? Я давно хотел узнать.

Она смотрела не мигая – вот-вот ледяным тоном объявит, что это не моего ума дела. Но нет – удивив меня, она улыбнулась:

– В Лос-Анджелесе, в больнице «Сидарс-Синай». Вместе зашли в лифт. Ехали на восьмой этаж к Марлоу. Лифт застрял. Какая-то пробка перегорела. Через час, когда лифт *отстрял*, Майк уже не хотел подниматься к Марлоу на восьмой этаж.

В глазах ее полыхало торжество.

– Он хотел спуститься в вестибюль со мной.

Слегка улыбаясь, Оливия невозмутимо развернулась и в сопровождении троицы пекинесов исчезла в сумеречном коридоре.

Когда мы выступили под бледно-серый навес на Парк-авеню, обнаружилось, что на улице льет. Из квартиры Оливии я и не заметил – видимо, заслушался. Или же элегантность ее жилища попросту *вычеркивала* дурную погоду, как неловкий публичный проступок.

Консьерж вручил мне гольфистский зонтик, сам открыл другой и побежал ловить такси.

– Я думал, она совсем не такая, – сказал я Норе. – А она была честна

и довольно убедительна.

Нора потрясла головой и выдохнула:

– А я только и думала, что про Ларри.

– Татуировщика?

Она рьяно закивала:

– Помнишь, что с ним случилось?

– Умер.

– *От аневризмы головного мозга. Понимаешь? Это тенденция.*

У Оливии аневризма, у Ларри аневризма. И у обоих после встречи с Сандрой.

– Ну и что ты хочешь сказать? Александра – Ангел Смерти?

Я имел в виду съязвить, но, еще не договорив, припомнил случай в «Шести серебряных озерах»: Хоппер рассказывал, как в спальнике вожатого нашли гремучую змею и все сочли, что ее подсунула Александра. Плюс ее явление у водохранилища.

– Оливия ездила в «Гребень», и Пег Мартин ездила в «Гребень», – сказал я. – Но насколько разные впечатления. У одной смертный ужас. У другой – сказочная детская греза.

– Интересно, кто врал.

– Может, и никто. Разница в шестнадцать лет. Оливия ездила в июне семьдесят седьмого. Это через год после того, как Кордова с Джиневрой купили «Гребень», и за месяц до того, как утонула Джиневра. А пикник Пег Мартин был в девяносто третьем.

– Как она описывала Джиневру. Кошмар, да?

– Пленница, которая страшится заговорить.

Нора кивнула.

– А эта ведьминская игла?

– Вообще-то, она подтверждает то, что говорила Клео. Что Александра – из династии черных магов.

Нора в испуге прикусила ноготь.

– Если проберемся в «Гребень», страшно подумать, что мы там найдем.

Это уж точно. В мозгу запечатлелось, как Клео живописала мрачные реалии черной магии: «Древние дневники в кожаных переплетах, заклинания задом наперед. Чердаки, забитые невразумительными ингредиентами – оленьими зародышами, фекалиями ящериц, младенческой кровью. Развлечение не для брезгливых. Но работает».

Швейцар раздобыл нам такси, мы бегом кинулись из-под навеса и запрыгнули на заднее сиденье. Я, оказывается, пропустил один звонок

от Блюменштейна и два от Хоппера. Хоппер к тому же прислал СМС:
Выпустили под залог. Миллион спасибо. Иду к тебе в кв.

Вот и отлично. Не терпелось расспросить, какие плоды принес взлом с проникновением, – не говоря уж о том, откуда Хоппер знал, как залезть в таунхаус.

Нора испуганно застыла и схватила меня за локоть, тыча пальцем.

Дверь в квартиру была взломана до щепы.

Я осторожно ее толкнул. Внутри темно – ничего не слышно, только дождь стучит.

Я шагнул в прихожую.

– Не надо, – прошептала Нора. – Вдруг там кто-то есть...

Я прижал палец к губам и на цыпочках двинулся по коридору, на каждом шагу скрипя половицами. Из гостиной донесся глухой «бум».

Я кинулся к двери и успел заметить, как из окна выбирается мужчина – дождь яростно молотил его по черному пальто и вязаной шапке. Взломщик перелез через цветочный ящик, спрыгнул и пропал.

Я промчался мимо Норы по коридору и успел увидеть, как незнакомец бежит к западу по Перри.

Я вылетел наружу и припустил за ним. Он уже одолел полквартила и как раз миновал пешехода – в котором я узнал Хоппера.

– Держи его! – заорал я.

Узрев мое стремительное наступление, Хоппер развернулся и кинулся за грабителем, который исчез на Западной Четвертой.

Слишком низенький – не Тео. Кто-то другой.

Хоппер свернул за угол. Когда к перекрестку прибежал я, Хоппер уже мчался за взломщиком к Чарльз-стрит. Я ринулся за ними, уворачиваясь от машин, велосипедов, прикованных к стойкам, и людей, тащивших пакеты с продуктами. Взломщик успел к светофору на Гудзон, Хоппер несясь следом, вопя, но слов я не разбирал за раскатами грома. Вест-Сайдское шоссе перегородила крупная авария. Хоппер рванул через разделительную, а мне пришлось ждать зеленого.

Взломщик удирал на север по велосипедной дорожке вдоль Гудзон-Ривер-парк, мимо полицейских заграждений. Потом свернул влево к 46-му пирсу и исчез.

На светофоре зажегся желтый, в потоке возникла прореха, я бросился

через дорогу и поравнялся с Хоппером на дорожке.

– Не догнал, – пропыхтел он.

Я огляделся, от дождя прикрывая глаза ладонью. Не считая парочки с немецкой овчаркой – никого. Но вот пирс, как обычно, кишел людьми – человек тридцать или сорок разгуливали по променаду, экипировавшись дождевиками и зонтиками.

– Он на пирсе, – сказал я. – Я проверю на этом конце. Ты поищи с той стороны.

Я миновал семейство туристов в полиэтиленовых пончо, юношу с джек-расселлом и пару подростков, которые, хихикая, забились под бурое пальто.

Ни следа.

За группой бегунов в дождевиках – все потягивались, держась за перила, – в самом конце пирса я углядел одинокую фигуру.

Человек сидел на скамейке и смотрел на Гудзон. Куртка цвета хаки, алый зонтик. Выглядел он как-то подозрительно, и, приблизившись, я сообразил, в чем дело: мало того что редющие седые волосы стоят дыбом, словно он только что содрал с головы вязаную шапку, но вдобавок плечи ходят ходуном, будто он задыхается.

Я подобрался к урне у скамейки и посмотрел незнакомцу в лицо.

Обыкновенный старик – рука лежит на набалдашнике четвероногой ортопедической трости, джинсы промокли насквозь. Рядом большой синий рюкзак «ДженСпорт» и огрызок сэндвича из «Сабвея».

Я нахально разглядывал старика в упор, но он лишь покосился на меня, улыбнулся и что-то буркнул.

– Что-что? – крикнул я.

– Понадобится нам Ноев ковчег, как думаете?

Я пресно улыбнулся и перешел на окончечность пирса. Ливень хлестал такой, что не разберешь, где дождь, а где разбухшая река.

Я обернулся к старику – еще раз проверить на всякий пожарный.

Но он невинно горбился на скамейке, и дождь бурлящим водопадом стекал вокруг него с красного зонтика.

Старик улыбнулся, поманил меня – судя по его возбужденной гримасе, в моем взгляде он прочел сексуальный подтекст.

Старый педрила, выискивает клиентуру.

Гос-споди боже.

– Поделиться? – спросил он, возведя глаза к красному зонтику, который окрашивал его физиономию в розовый. – У меня, по-моему, есть запасной. – Облизнувшись, он расстегнул рюкзак и порылся внутри.

Я отмахнулся и быстро зашагал прочь; хлопбыстнула молния, оглушительно зарокотал гром. На велосипедной дорожке у северной стороны пирса гомонила небольшая толпа. Я кинулся туда, протолкался между зеваками. В центре Хоппер с другим мужиком поднимали с земли пожилую афроамериканку.

Баюкая больную руку, бедняга рыдала. В тоненьком розовом халате она вымокла как мышь.

– Что случилось? – спросил я какую-то женщину в толпе.

– Ограбили. Этот урод даже трость у нее отнял.

Услышав это, я кинулся пробиваться сквозь толчею и со всех ног помчался назад.

Старик исчез.

Я в ярости уставился на скамейку.

Там валялись красный зонтик, рюкзак, ортопедическая трость, куртка и обертка от сэндвича. Хитрая сволочь, небось, выудил ее из урны – типа эдак неторопливо обедает.

Ровно там, где он сидел, валялась белая бумажка.

Я ее подобрал и перевернул. Оказалось, моя визитка.

Реквизит я вернул пострадавшей.

Все принадлежало ей: и синий рюкзак «ДженСпорт», и красный зонтик, и трость, и пальто. Все деньги на месте. Напали со спины, отняли вещи, толкнули на землю.

– Да ну какой еще старик! – перекрикивая ливень, заорал Хоппер, когда мы трусцой перебежали Гринич-стрит, возвращаясь на Перри.

– Я тебе говорю. Старик.

– Тогда он, небось, овсянку вовсю трескает. Крутящий момент у него, как у «судзуки». Что он спер?

– Сейчас узнаем.

Мы прибавили шаг. Все произошло так быстро – невозможно успокоиться и подумать. Зря я так опрометчиво бросил Нору одну. Не сообразил, что у взломщика мог быть поделщик.

Мы вбежали в дом. В коридоре Нору не было.

– Нора!

Я пнул дверь и кинулся через прихожую. В гостиной ничего не тронули. Я вбежал в кабинет и застыл как вкопанный.

Там как будто случилось землетрясение. Бумаги и коробки, папки, целые стеллажи перерыты и свалены на пол. Окно распахнуто, внутрь льет. В руинах лихорадочно рылась Нора.

– Что такое? Ты цела?

– Его нету!

– Что?

Она тряслась в панике.

– Септима. Не могу найти.

На полу лежала пустая птичья клетка.

– Где мой ноут?! – заорал я.

– Всё украли. Тут кто-то еще был. Я слышала, как он в окно вылезал, но не видела. – Она перешла к шкафу – дверь перекосило на направляющей.

Сквозь бардак я пробрался к окну и яростно его захлопнул. Из картотек повыдергивали ящики, бумаги расшвыряли. Мою статью из «Тайма» содрали со стены. Постер «Самурая» повис на одном гвозде, и Ален Делон – обычно невозмутимо взиравший из-под федоры в никуда – сверлил глазами пол. Это что, шифрованное послание? Намек? Потому что я близорук, потому что моя картина мира искажена?

Я поправил рамку, метнул на диван кожаные подушки. Приподнял упавший стеллаж и ненароком наступил на перевернутую фотографию. Подобрал ее, и меня кольнуло ужасом: мой любимый портрет Сэм, через несколько часов после рождения. Стекло разбилось. Я вытряс осколки, поставил фотографию на стол, шагнул к опрокинутой коробке с материалами по Кордове.

И чуть не рассмеялся вслух.

Коробка была пуста, если не считать флаера эскорта «Познакомьтесь с Юми». Полуголая девица лукаво смотрела через плечо, точно нашептывала: ну а чему ты удивляешься?

Что же я за болван. Что за беспечный дурак. Просто слов нет. Я ведь знал, что за нами следят, – почему я не принял меры? Фантастический идиотизм, если вспомнить, что в прошлый раз, едва я нацелился на Кордову, жизнь моя обрушилась дешевыми водевильными декорациями. А теперь мои бумаги в руках объекта расследования. Кордова прочтет все мои заметки, все каракули, все вдохновенные идеи до единой. Будет шляться у меня в голове, как в универмаге. Ноут запаролен, но его взломает любой пристойный хакер. Теперь Кордова о последних днях Александры узнает все, что знаем мы.

Все преимущества, какие были у нас после *Oubliette*, «Уолдорфа»,

«Брайарвуда», после того, как всплыл этот неизвестный Паук, – все пропало.

Я поднял музыкальный центр, поставил ресивер на полку и с изумлением увидел, что компакт-диск Александры тоже исчез. Новая ужасная мысль посетила меня.

– А где досье?

Нора копалась в кладовке.

– Досье Александры, которое мне *в нарушение всех правил* дала Шерон Фальконе, – ты же его читала на днях. Где оно?

Нора обернулась – лицо отчаянное:

– Я не знаю.

Тут она заплакала, и я тоже стал рыться в руинах. Страшно вообразить, какие пойдут круги, если досье обнародуют: Шерон потеряет работу, из-за моего дебилизма ее карьера позорно закончится, мое имя опять токсичным мусором замелькает в прессе. Я так разъярился, что не сразу расслышал, как нас зовет Хоппер.

Он стоял в кухне перед открытой духовкой.

Вокруг вентилятора, судорожно трепеща крыльями, носился попугай.

Нора бросилась к нему и нежно сгребла в ладони. Попугай был жив, но трясся как припадошный.

– Духовка была включена? – спросила Нора Хоппера.

– Нет.

Она принялась утешать птицу, а Хоппер между тем многозначительно глянул на меня.

Мы с ним подумали об одном. То был не акт милосердия. То была угроза. Поощадив попугая, нам ясно дали понять: власть в их руках. Они хотели позабавиться, поиграть, чуток попугать хрупкое создание. Но вообще-то, могли и убить.

То же касается и нас.

Еще несколько часов мы разбирали завалы в кабинете, а слесарь менял запоры на входной двери. Все, что имело отношение к Кордовам, исчезло – за редкими исключениями: мои давние заметки из Каргаторп-Фоллз, визитка «Иона. Развлечения на мальчишниках». Эти огрызки мы нашли под диваном, из чего сделали вывод, что кабинет сначала разгромили, а обыскивали уже потом.

Местами нам везло. Например, красное пальто не забрали. Пакет из «Цельных продуктов» стоял за дверью, – видимо, взломщики решили, что это мусор. И полицейское досье тоже отыскалось. Два дня назад Нора забрала его наверх почитать перед сном. Оно так и лежало на тумбочке – значит, до второго этажа грабители не дошли.

Я все думал про Оливию Эндикотт. Как удачно вышло: пока мы слушали ее, взломщики получили безраздельный доступ к моей квартире. Может, я ошибся в Оливии? Может, она за них, свистнула им про нашу встречу? Но зачем? С чего бы Оливии прикрывать Кордову?

И в происходящем наблюдалась тревожная симметрия. Мы шли по следу Александры; Тео Кордова шел по нашему следу. Хоппер ночью вломился в их дом; сегодня они вломились в мой. Разыскивая человека на пирсе, я нашел лишь себя – свою же визитку. Они что, взаправду считают, что мы для них угроза? Или это у них такая игра – повторять за нами, возвращать нам бумеранг, нашествием платить за нашествие: мы преступаем границы Кордовы – он преступает мои?

Я совершенно терялся, но хоть в одном Оливия, похоже, не ошиблась: «Пространство вокруг Кордовы искажается... скорость света ниже, информация коверкается шифрованием, рассудок теряет логику, впадает в истерику».

Я сходил наверх, ополоснулся, выдал полотенца Хопперу и тоже спровадил его в душ. Закажу китайской еды, расспрошу Хоппера про таунхаус – он обронил, что до поимки толком ничего не успел. Оставив Нору дежурить с Септимом, я ушел в спальню выгрести все из старого сейфа в кладовке. Сейфом я не пользовался годами, но отныне все записи и улики будут заперты там.

Я разбирал старые редакции, и тут в дверь постучали.

В дверях стояла Нора с пепельным лицом.

– Что такое? Септим?

Она потрясла головой и поманила меня за собой.

В гостиной она врубила музыку на максимум – заглушить наши шаги. Мы прокрались по коридору, и Нора указала на узенькую щель в двери ванной.

Внутри был Хоппер, из крана лилась вода. У меня вообще-то не водится привычки подглядывать за мужиками в ваннах, однако Нора махала руками очень настойчиво.

Я склонился ближе. Обернувшись полотенцем, Хоппер чистил зубы над раковиной.

И тут я увидел.

– Чё творится? – спросил Хоппер, шагнув в гостиную.

– Садись-ка, – промолвил я. – Потолкуем.

– А. Про дом.

– Нет, не про дом, – озлилась Нора. – А про твою татуировку.

Он в шоке замер:

– Что?

– Кирин, – сказала она. – Другая половина – у тебя.

Он покосился на дверь.

– Хоппер, мы видели. Ты нам врал.

Он прожег ее взглядом и внезапно рванул в коридор, но я был готов. Схватил его за футболку и бесцеремонно швырнул в кресло.

– У тебя татуировка на щиколотке. Давай колись.

Видимо, от потрясения Хоппер лишился дара речи – или сочинял отмазки. Нора встала и налила ему скотча.

– Спасибо, – угрюмо буркнул он. Глотнул, посмотрел в стакан и тихо произнес: – Знать ее, а потом не знать – это как сесть на пожизненное. Все видишь как будто издали, сквозь толстое стекло, часы посещения, телефонную трубку. Вкуса не чувствуешь вообще. Куда ни глянешь – решетки. – Он усмехнулся. – И не сбежать.

Он напряженно уставился на нас, будто вспомнил, что мы еще здесь. В глазах его читалось даже некое облегчение.

И он стал рассказывать о ней, а ливень бился в окна, точно к нам рвалась целая армия.

– Я не врал, – сказал Хоппер. – Я и правда познакомился с Сандрой в «Шести серебряных озерах». И мы с пацанами правда поспорили. И она меня правда отшила. И была эта история про пацаненка, над которым все ржали. Орландо. Он сожрал экстази, а Сандра всех прикрыла и взяла вину на себя. Это правда было, ясно? Но я не сказал, что планировал оттуда линять.

– Из «Шести озер»? – уточнил я.

Он кивнул.

– Мне этой развлекухи по уши хватило. Даже после гремучки

оставалось еще полтора месяца. Спасибо Сандре, Ястребиное Перо пересрал, но толку-то? Каждый день под сто градусов^[81]. Пациенты – будущие Теды Банди^[82], вожатые – извращенцы и мудаки. Ночами слышно, как один, Уолл Уокер, в палатке дреочит. Рано или поздно позовет кого-нибудь компанию ему составить. Из девчонок имеет смысл общаться только с Сандрой, а она смотрит так, будто я со стеклянной фабрики. Короче, думаю, нахер это все. Одна вожатая, психологиня там была такая, Конский Волос, вечно проверяла по карте, куда нас занесло, а карту в рюкзаке прятала – думала, очень скрытная. Как-то ночью пошла по душам беседовать с кем-то из девчонок, а я эту карту спер. Увидел, что, если выбраться из национального парка «Сион», довольно близко федеральное шоссе, можно уехать на запад до Невады. Если до шоссе доберусь, стопану дальнобойщика. Я с ними раньше ездил. Большинство дальнобойщиков не переваривают копов, так что они надежные, как не знаю что. А остальных под метом так прет, что они вообще не в курсах, кто с ними катается. Я решил, поеду в Вегас. Конский Волос подняла вонь из-за спертой карты, всех в лагере допросили. Шмон устроили, рюкзаки вверх дном перевернули, ничего не нашли. Вожатые решили, что Конский Волос ее посеяла. А я спрятал карту под стелькой в ботинке. Разработал план побега. Буду еду экономить, лишнее прятать в ногах спальника. Дождусь, пока подберемся ближе к этому шоссе. По моим прикидкам, через три дня. До шоссе будет полдня перехода. Слияню, пока все спят. Там одна была вожатая, Четыре Ворона, ей полагалось ночами дежурить, но она втихаря заваливалась спать где-то в час, так что уйду без проблем. Но кое-чего я не учел. Орlando этого.

Хоппер пальцами взъерошил волосы.

– Мы жили в одной палатке. В самом начале тебе назначают соседа. Мне дали Орlando. Как-то ночью я не сплю, карту разглядываю, и вдруг из темноты: «Хоппер, эт чё у тя?» Орlando проснулся и шпионил за мной. Уж не знаю, долго ли. Сказал ему, что ящерица мне померещилась, вали спать. Но он хитрый был. Привык, что ему вечно все врут. Наутро я проснулся, а он все вещи мои перерыл и нашел карту. И говорит такой: я знаю, что ты лиять намылился, а если меня не возьмешь, я вожатым настучу.

Он от души хлебнул скотча.

– К Орlando, небось, в жизни никто по-доброму не относился – всех шантажировать приходилось. Хотел, чтоб я ему пообещал именем Иисуса, – он из Северной Карoлины, родители новообращенные баптисты.

Он вечно так говорил, будто к Иисусу через день бегают в соседний двор по хозяйству пособлять. Ну, я ему отвечаю: ладно. Без проблем. Шикарно. Поклялся именем Иисуса Христа, что возьму его с собой. И что мы команда. Как Фродо и Сэм.

Он глянул на меня.

– Я ж не собирался его брать. Проще с угловым диваном на спине, чем с Орландо. Он прямо камень на шее какой-то.

На этой реплике он как будто занервничал, смахнул челку с глаз, снова сосредоточенно вперил глаза в кофейный столик.

– Пара дней прошла, и наступила эта ночь. Мы встали лагерем ровно там, где мне надо было. Помню, когда все по палаткам расползлись, небо такое было ясное и тишина – никогда не забуду. Обычно-то всю ночь в ушах комары зудят. А тут все замерло, будто живность разбежалась подчистую. Я поставил будильник, чтоб в полночь проснуться. Но меня разбудил вожатый. Весь отряд на ногах. Льет как из ведра. Лагерь затопило, все проснулись в лужах дюйма в три. Дурдом. Вожатые орут, велят палатки складывать. Надо, говорят, перебираться выше, боятся наводнения. Наше-то благополучие им до лампочки, но самим сдохнуть неохота. Все вопят, все психуют. Никто ничего не может найти. Я думаю: о! Повезло, в этом бардаке слинять легче легкого. Я же знал, куда идти, где тропа. Помог Орландо собрать палатку, и пока собирал, на другом краю лагеря увидел Сандру. Она уже все собрала, ждала нас. Кто-то на нее фонариком посветил, и я увидел, что она смотрит на меня. И у нее такое лицо – будто знала, что я задумал. Ну, мне вникать некогда. Кто-то уже лезет по тропе к следующей стоянке. Я пристроился сзади. Держался в хвосте, а когда они отошли подальше, выключил фонарик, сошел с тропы в скалы и подождал. Видел, как кто-то по гребню тащится, кто-то с палатками носится. Ливень, тьма крошечная, дальше фута не видать. Что я сбежал, заметят только утром. Я опять включил фонарик и пошел.

Он еще отхлебнул скотча.

– Десяти минут не прошло, оборачиваюсь – а позади меня другой фонарик. Орландо. Я взбесился. Заорал на него, чтоб возвращался, а он ни в какую. Все твердил: «Ты обещал. Ты обещал меня взять». И не заткнется никак. У меня башню снесло. Сказал ему, что я его не перевариваю. Что он жирный, что над ним все смеются. Что он жалкая сопля, даже мать его на самом деле не любит. Что его вообще не любит никто на свете и не полюбит никогда.

И Хоппер зарыдал, мучительно задыхаясь, и всхлипы раздирали ему нутро.

– Я хотел, чтоб он ненавидел меня. И вернулся. Не хотел ему нравиться. Не хотел, чтоб он мною восхищался.

Хоппер глубоко вздохнул и умолк, обхватив голову руками. Посидел так, локтем отер лицо, сгорбился, решив договорить, пробиться сквозь свою историю, чтобы не потеряться в ней, не утонуть.

– Я ушел. Оглядываюсь – вижу его фонарик, маленький такой белый огонечек в темноте, далеко-далеко. Вроде уменьшается – значит, Орlando возвращается к тропе. А потом я уже перестал понимать, ко мне он идет или от меня. Может, все равно решил за мной. Я дальше двигаю. А через час понимаю, что выхода нет. Тропа ведет через каньон, называется Узкий, и там повсюду грязь, скользко, а вместо тропы река несется. И не перейти никак. Пришлось поворачивать. Целую вечность выбирался, потому что тропа превратилась в какой-то сплошной оползень. Я уже сомневался, что дойду, и, наверное, не дошел бы, если б не карта. Целую вечность по темноте чапал. Через три часа вылез на гребень к новому лагерю. Часов в пять утра, еще лило. Все спят. Никто и не заметил, что меня не было. Я раскатал спальник, залез в чужую палатку и рухнул. Когда проснулся, вожатые всех пересчитали по головам. Орlando не видать. К обеду вызвали национальную гвардию. Помню, прекрасный был день. Огромное синее небо, яркое такое, прекрасное.

Он склонился ниже, глубоко и рвано дыша, глядя в пол.

– Нашли его в одиннадцати милях от лагеря – утонул в реке. Все думали, несчастный случай, потерялся в суматохе. Но я-то знал. Это из-за того, что я ему наговорил. Он ушел, увидел реку и утопился. Я виноват. Убил славного пацаненка, который никому ничего не сделал, только был собой. Он был нормальный. Это я урод. Я лузер. Я зря землю топчу. Это меня никто на свете не любит. И не полюбит никогда. Понимаете, Сандра спасла Орlando, – прошептал он. И прибавил с такой тоской, будто слова эти намертво высечены у него в сердце: – А я уничтожил.

Он зажмурился, потом заставил себя поднять голову – глаза красные и в слезах.

– Нас вертолетами переправили на базу, – продолжал он. – Слетелись разъяренные родители. Вожатых обвинили в халатности. Двоих посадили. Вскрылись тамошние дисциплинарные методы, и спустя год лагерь переименовали в какие-то, что ли, «Двенадцать золотых лесов». Никто не знал, что я причастен. Кроме Сандры. Она молчала. Но так смотрела, что я понимал. Мы уезжали последними. Ее увозил черный внедорожник, родители не явились, только тетка в костюме. Сандра у машины оглянулась

и посмотрела на меня – я из коттеджа видел. Она не могла меня там разглядеть, но вот разглядела. Она все знала.

Он снова чуть не расплакался, но сдержался, сердито отер глаза.

– Забирать полагалось родителям, – хрипло сказал он. – Дядька мой не собрался. А там дурдом – полиция, репортеры, родители Орlando, то-се, и в конце концов копы посмотрели на меня и сказали: «Иди». Можно было свалить. Я и свалил.

Я так увлеченно слушал, что почти не заметил, как Нора метнулась к книжному шкафу за коробкой клинексов, протянула Хопперу и вернулась на диван.

– Следующие пять месяцев – чернота, – сказал он, высморкавшись. – Ну, или черная дыра. Я мотался автостопом. Сгонял в Орегон и в Канаду. Сам не понимал, где я. Просто шел и шел. Ночевал в мотелях и на стоянках, в стрип-моллах. Тырил деньги и еду. Покупал героин, на пару недель запирался в мотеле, плавал как в тумане, надеялся, что отыщу край Земли и вообще уплыву в открытый космос. На Аляске заехал в один городок, Фритц-Крик, и спер шестерик «Пабста» в ночном магазине. Я ж не знал, что на Аляске в любой семейной лавке под кассой дробовик лежит. Владелец пальнул в двух дюймах от моего уха, витрину с чипсами разнес и наставил дуло мне прямо в лоб. Я попросил его, за ради всего святого, не стесняться и палить. Сделать мне такое одолжение. Подстрекал его, точно шизик какой, и, наверное, перепугал до усрачки, потому что он запсиховал, опустил дробовик и вызвал полицию. Через месяц я оказался в Питерсон-Лонг – это военный интернат в Техасе. Проваландался там неделю, помню, сидел в библиотеке – с решетками на окнах, – думал, как теперь отсюда-то сматываться, и вдруг ни с того ни с сего приходит мейл.

Он неохотно улыбнулся в пустоту, словно до сих пор удивлялся.

– В теме только и было: «Посмею?» Я не знал, что это значит и кто вообще пишет. А потом на адрес посмотрел. Александра Бретт Кордова. Я думал, это шутка такая.

– «Посмею?» – переспросил я.

– Это из «Пруфрока», – сумрачно пояснил Хоппер.

Ну конечно. «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Стихотворение Т. С. Элиота, сокрушительное живописание паралича и безответной романтической тоски в современном мире. Я не перечитывал его с колледжа, но некоторые строки помнил по сей день, ибо они выжигаются в мозгу с первого же прочтения: «В гостиной дамы тяжело беседуют о Микеланджело»^[83].

– И вот примерно так мы подружились, – просто сказал Хоппер. – Переписывались. О своей семье она не говорила. Иногда поминала брата. Или чему учиться. Или своих собак – у нее была пара беспородных найденыхшей. Из-за ее писем я из интерната и не выломился. Боялся потерять с ней связь, если смоюсь. Она однажды написала, что, может, мне надо перестать бегать от себя и постоять спокойно. Ну, я так и сделал. – Он потряс головой. – К весенним каникулам я ужас как хотел с ней увидеться. Я, пожалуй, в глубине души не верил, что пишу ей, – подозревал, что она плод моей фантазии. Я знал, что она в городе, зашел в Сеть, отыскал место в Центральном парке, на променаде у зеленого театра. Сказал ей, пусть она встретится со мной там второго апреля ровно в семь. Пошло до одури. Да и плевать. Она два дня не отвечала. А потом ответила – одним словом. Лучшим словом в человеческом языке.

– Это каким? – спросил я, поскольку он замолчал.

– «Да». – Он застенчиво улыбнулся. – Я на трех автобусах добрался до Нью-Йорка. Приехал на день раньше, заночевал в парке на скамейке. Дергался – кошмар. Как будто с девчонками никогда не встречался. Но она была не девчонка. Она была диво дивное. Наконец семь вечера, семь тридцать, восемь. Ее нет. Кинула меня. Мне стыдно – не сказать как, уже собрался отчаливать, и тут прямо за спиной ее тихий голос: «Привет, Тигриная Лапа». – Он насмешливо тряхнул головой. – У меня в «Шести серебряных озерах» было такое племенное имя. Оборачиваюсь – а там она.

Он в задумчивом изумлении помолчал и тихо продолжил:

– Ну и вот. Мы не спали всю ночь, просто разговаривали, по городу гуляли. По этим кварталам можно вечно гулять, иногда садишься на бортик фонтана, ешь пиццу и фруктовый лед, любишься, какой вокруг человеческий карнавал. Она была невероятная. Быть рядом с ней – и больше ничего не надо. На заре мы сидели где-то на крыльце, смотрели, как светает. Она сказала, свету надо восемь минут, чтобы оторваться от солнца и долететь до нас. И невозможно не любить этот свет – он же из такой дали летит в космическом одиночестве, только бы попасть сюда. Мы будто остались два единственных человека на земле.

Он еще помолчал, пронзил меня взглядом.

– Она рассказывала, что отец учил ее проживать жизнь за гранью, далеко за краем, куда почти никому не достаёт смелости ступить, где тебя ранят. Где невообразимая красота и боль. Она вечно спрашивала себя: «Посмею? Я посмею потревожить мирозданье?» Это из «Пруфрока». Ее папаша, я так понял, на стих молился, и вся семья жила ответом на этот вопрос. Вечно напоминали себе, что хватит измерять жизнь кофейными

ложками, утрами и полуднями, плыли дальше, в глубь, на дно океана, слушать, как «русалки пели, теща собственную душу». Туда, где опасности, и красота, и свет. Одно сплошное сейчас. Сандра говорила, лишь так и можно жить.

После этого лихорадочного словоизлияния Хоппер умолк, взял себя в руки, глубоко вздохнул.

– Вот такая она и была. Сандра не просто мчалась по волнам и что ни день ныряла туда, где поют русалки, – она сама была русалка. К тому времени, когда я проводил ее до дома, я ее любил. Телом и душой.

Тон ровный, лицо нагое и бесстрашное. Похоже, он впервые по-настоящему о ней говорил. Голос прерывается, а речь такая, будто эти затхлые, витиеватые и хрупкие слова были погребены в нем годами: они рассеивались в воздухе, едва вылетев наружу.

– Ты ее провожал на Восточную Семьдесят первую? – уточнил я.

Он покосился на меня:

– Где мы были вчера вечером.

– Так вот откуда ты знал, как туда влезть, – потрясенно прошептала Нора. – Ты туда уже лазил.

– После этой первой ночи, когда она не пришла домой, ее родители закатили скандал. Они ее застраивали только так. Сказали, чтоб к часу ночи была дома, иначе сошлют куда-то, в поместье на север. И всю неделю я к часу ночи приводил ее домой, а потом ждал через дорогу, где мы вчера стояли. Где-то полвторого она вылезала из окна, и мы уходили – в порт, или в «Карлайл», или в Центральный парк. В шесть утра она залезала обратно. Перерезала провода, чтобы сенсоры на окне не врубали сигнализацию. Родители были не в курсе. Очевидно, не в курсе до сих пор. Когда я туда вчера залез, там все было по-прежнему. Я так и ждал, что Сандра вот-вот из окна вылезет.

Он устался в пол и допил скотч.

– Неделя закончилась, – тихо продолжал он, – я вернулся в школу и первым же делом написал родителям Орландо – рассказал им, что случилось. Она мне смелости придавала, хотя ни словом об этом не обмолвилась. Сунул письмо в ящик, и у меня будто петлю с шеи сняли. Они молчали несколько недель, но потом ответили, и я – ну, не знаю, я стал перед ними преклоняться. Они меня благословили за то, что написал, рассказал правду. Просили, чтоб я простил себя, обещали за меня молиться, и, мол, в их доме мне всегда рады.

Хоппер покачал головой – видимо, все не мог справиться с потрясением.

– Еще пару недель мы с Сандрой переписывались каждый день. А в конце мая она на неделю замолчала. Я чуть не рехнулся – думал, случилось что. Потом звонок. Никогда ее голоса не забуду. Она была в отчаянии, плакала. Сказала, что больше не может жить с родителями, хочет уехать, чтоб они ее не нашли. Спросила, поеду ли я с ней. И я сказал... короче, я сказал лучшее слово в человеческом языке.

– «Да», – прошептал я.

Он кивнул.

– Одолжил денег на билеты у одного учителя. Десятое июня две тысячи четвертого. Двадцать один тридцать пять. «Юнайтед», рейс семьдесят пятьдесят семь. Из Кеннеди в Рио-де-Жанейро. На юге, на острове Санта-Катарина, есть такой город, я там раз бывал. Флорианополис. Ничего красивее в жизни не видел – не считая ее. У меня друган там баром рулит на пляже. Обещал помочь с работой, пока не сориентируемся. Наступили летние каникулы, я опять на трех «грейхаундах» мотанул в город ее увидеть. И когда увидел, понял, что все по плану. Мы уедем, все бросим. Лучшая ночь моей жизни – когда мы эти татуировки сделали. Я слышал про «Восставший дракон». Но кирина придумала она.

– Ларри делал, да? – спросила Нора.

– Ага. Здоровенный такой мужик. В салоне никого, только мы трое. Сложный дизайн. Такие вещи полагается делать месяц, чтоб боль была полегче. Но у нас назавтра самолет – либо сейчас, либо никак. Когда все закончилось, она меня руками обхватила, смеется, словно и не больно совсем, и говорит: до завтра. Завтра все начнется.

Хоппер глубоко вздохнул, переплел пальцы, глядя в окно, где вода так и хлестала в стекла. Он перенесся в далекую даль, потерялся в бездонной расселине прошлого, откуда все не мог выбраться. Или, может, вспоминал подробность, которой предпочел не делиться, ее слова или жест, которые навеки останутся между ними.

Потом он перевел взгляд на нас, – кажется, ему расхотелось продолжать.

– Ничего, если я закурю? – тихо спросил он.

Я кивнул. Он пошел достать сигареты из кармана пальто, а я глянул на Нору. Она, как загипнотизированная, за пятнадцать минут не шевельнула ни единым мускулом – так и сидела, опершись на подлокотник кресла и уткнув подбородок в ладонь.

Хоппер сел, выбил сигарету из пачки, ловко поджег. Повисла долгая пауза, его лицо омрачила печаль, сигаретный дым вился вокруг, цепляясь

за пустоту.

– Больше я ее не видел, – вымолвил Хоппер.

– Назавтра у нас самолет, – продолжал он. – Десятого июня. Встреча в шесть вечера в «Кофейне Нила» – это на Лекс, в квартале от ее дома, – а оттуда вместе в аэропорт. Шесть часов – нету. Седьмой час. От нее ни звука. Потом семь. Восемь. Звоню ей на мобильный. Не отвечает. Иду к дому, звоню в дверь. Обычно там свет горит, а тут темно. Я стучу. Никто не открывает. Я залез, как Сандра залезала, по чугунной решетке на балкон, на второй этаж, окно справа. Внутри роскошь, прямо дворец, но все вещи вывезены. В спешке. Словно бандитская шайка сматывала удочки. Мебель простынями укрыта, но через раз – половина простыней на полу. Постельное белье с кровати снято. На тротуаре горы мусорных мешков, а в них молоко, фрукты, хлеб. На третьем этаже нахожу Сандрину комнату. Пара-тройка фотографий, книги, но кучу вещей явно собрали и покидали в сумки по-быстрому. На тумбочке у кровати лампа опрокинута. Но в шкафу на верхней полке, за одеялами, я нашел кожаный чемоданчик. Вытащил, открыл. А там ее одежда, летние платья, футболки, деньги, ноты, путеводитель «Лоунли Плэнет» по Бразилии. То есть ехать она все-таки намеревалась. Тут я понял, что родители прознали и увезли ее – наверное, в это поместье, где она училась всю жизнь на дому.

Он помолчал, большим пальцем нервно покрутил сигаретный фильтр.

– Я уже совсем было собрался идти в полицию, но тут она проявилась. Прислала мне мейл. Ей, мол, ужасно жаль, но она совершила ошибку. Мы просто дети, мы обманываем себя, мы увлеклись. Она не хочет ни к кому привязываться. Ей со мной было замечательно, но это конец, и все дела. Велела мне мчаться по волнам в открытое море, искать эти, сука, морские чертоги, где поют русалки...

Он в раздражении осекся, глубоко затянулся сигаретой.

– Я был уверен, что ее заставили родители, – сказал он, стремительной струей выдохнув дым. – Ответил ей, что не верю. Я ее отыщу, пусть скажет все это мне в лицо. Она попросила с ней не общаться. Я опять написал. Если это моя Сандра, по какому адресу то крыльцо, где мы сидели в первую ночь на рассвете? Она правильно ответила через пять секунд. «Восточная Девятнадцатая, сто тридцать один. И я ничья Сандра». Кинжалом в сердце прямо. Спустя год я узнал, что она учится в Амхёрсте. Значит, с ней все

нормально. Она и впрямь сама так решила.

Он смахнул волосы с глаз, откинулся на спинку кресла – невозмутимый, слегка даже омертвелый.

– Она еще проявлялась? – тихонько спросила Нора.

Он еле заметно кивнул, но промолчал.

– И что сказала? – прошептала Нора.

– Ничего, – бросил Хоппер. – Прислала плюшевую обезьяну.

Ну конечно. Обезьяна. Поблекшая игрушка с торчащими нитками, вся в засохшей грязи. А я о ней почти и забыл.

– Почему? – спросил я.

Он уставился на меня в упор:

– Это обезьяна Орландо. Он с ней в обнимку спал. Уж не знаю, как Сандра ее раздобыла и где вообще нашла. Но я как вынул эту срань из конверта, мне аж поплохело. И у нее с головой плохо, посылать такое – знала ведь, что я этого пацаненка вспоминаю изо дня в день, изо дня в день живу с этим ужасом, с тем, что натворил. Я пошел по обратному адресу с конверта – думал, выясню, зачем она это учудила. А там ты.

– Неудивительно, что ты мне не доверял, – сказал я.

Он пожал плечами:

– Я думал, ты на ее семейку работаешь.

– А откуда ты знал про «Клавирхаус»? – спросила Нора.

– Один раз ходил с ней. Она там репетировала.

Нора прикусила ноготь и насупилась:

– А в «Восставший дракон» ты с нами не пошел почему?

– На измену сел. Боялся, что узнают. Давно дело было, но... Не хотел рисковать. И вспоминать не хотел. – Он сердито уставился на татуировку. – Мне раньше снилось, как я отрезаю себе ногу, только бы эту фиговину не видеть.

– Что ж ты нам не рассказал? – спросил я. – Наверняка же понял в итоге, что мы врубаемся не больше твоего.

Он потряс головой:

– Я не знал, что думать. Эта ведьма, за которой мы гоняемся, на ту Сандру вообще не похожа. Проклятия на полу? Никтофобия? Сандра не боялась темноты. Она ничего не боялась.

– Может, она и не посылала обезьяну, – заметила Нора.

– На конверте ее почерк.

– Кто-то из родных скопировал. Может, думали, она тебе что-то рассказала, и хотели тебя отпугнуть.

– Я которую неделю мозги себе вывихиваю. Пытаюсь вспомнить хоть

что-то. Но ее родственничков я никогда не видел, а она редко о них говорила, хотя я так понял, особенно после того звонка, что с папашей они не ладили.

– Колдовство не всплывало? – спросил я.

Он растерялся:

– Даже подумать, что Сандра будет этим заниматься, – бред полнейший.

– А почему ее послали в «Шесть серебряных озер»?

– Она говорила, что сорвалась и обожгла себя свечой. У нее на левой руке был сильный ожог. И все.

– А что вчера в доме было?

Он заерзал:

– *Все то же самое.* Будто с тех пор, как я лазил семь лет назад, там ничья нога не ступала. Ровно та же случайная мебель накрыта ровно теми же простынями. Те же ноты Шопена на пианино, крышка открыта. Те же скатанные ковры, те же книги грудami на столах, тот же стакан на полке над камином, только все покрыто тремя дюймами пыли. И плесенью воняет, как в склепе. Я шел в Сандрину спальню – глянуть, может, она туда возвращалась. Честно ждал, что чемоданчик в шкафу так и лежит. А потом раз – в дверь звонят, пришлось возвращаться. Я уже почти к окну подобрался, но тут включается свет и какая-то тетка говорит: «Руки вверх». И дробовиком, сука, машет.

– Инес Галло, – пояснил я. – Ты ее раньше не видел?

Он нахмурился:

– Мне вот и показалось, что вроде это она Сандру из лагеря забирала. Но я не уверен.

– Сандра заходила в «Восставший дракон» за вашей фотографией, – сообщила Нора. – Хотела ее себе, но фотография потерялась.

Хоппер перевел взгляд на нее:

– Ничего не потерялась.

Он медленно вытащил бумажник из заднего кармана, достал карточку.

Протянул мне.

Фотография была помятая и потертая – ее вынимали и разглядывали тысячу раз.

Даже сейчас, после всего, что он рассказал, вместе они потрясали воображение – будто столкнулись два человека из разных миров. Сплетя руки, они вдвоем сидели на одном складном стуле. Уловленный миг юности, радости – такой свободы, что камера не могла его удержать. Оба шли полосами и кляксами – намек на то, сколь новы они и легки,

нет на свете слов, дабы их описать, – и щиколотки их складывались в одно
доблестное пылающее создание, прыжком достигающее смерти –
или жизни.

Я выдал Хопперу подушку и одеяла и отправил спать на диван. Дождь не прекращался, а Хоппер, я так понял, не рвался домой.

Нора сонно попрощалась и ушла в комнату Сэм.

Я и сам отправился на боковую. Я был выжат психически и физически, но прежде чем выключить свет, поискал «Шесть серебряных озер» на «блэкберри» – проверить детали. Нашел россыпь статей о происшествии в июле 2003-го – кучу отсканированных газетных вырезок выложили на сайт «Потерянныеангелы.com».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ ГИБЕЛИ В ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ «СИОНА»

Стейси Лю

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «СИОН», ЮТА. Пять вожатых частного лагеря для неблагополучных подростков задержаны, а шестой уволился после гибели 15-летнего мальчика в наводнении вечером в понедельник.

Вожатые лагеря терапии дикой природой «Шесть серебряных озер» потеряли Орlando Вана, 15 лет, при переброске лагеря с тропы в каньоне Оверлук под сильным ливневым дождем вечером в понедельник.

Пропажу Вана обнаружили лишь спустя семь часов, когда на район выпало более 5 дюймов дождевых осадков, что вызвало внезапное наводнение. Диспетчерская служба парка получила срочный вызов в начале седьмого утра во вторник. После обширных поисков парковая спасательная бригада обнаружила тело мальчика в Северном рукаве реки Вёрджин.

Вожатые, которым грозит уголовное преследование по обвинению в халатности и нарушении прав несовершеннолетних подопечных, отказались пройти тест на детекторе лжи.

ОБЪЯВЛЯЮТСЯ В

Я прочел и другие заметки – все подтверждали рассказ Хоппера.

Значит, он ее любил. Конечно, это я давно знал.

Сандра.

До чего неуловима, как легко меняет облик, вся словно из соперничающих существ, как ее татуировка. Голова дракона, тело оленя. Колдовские наклонности. Сандра – фонарик Орландо в темноте у нас за спиной, булавочный укол света в ткани яростного ливня, ускользает от Хоппера, ускользает от меня. Сандра – путеводная звезда, чье происхождение неведомо, намерения неясны, не поймешь, куда идет – ко мне, от меня? Какова, если вдуматься, разница между тем, что идет за тобой по следу, и тем, что тебя ведет?

Я выключил свет, закрыл глаза.

Посмею?

Я вздрогнул, сел; сердце колотилось как бешеное. Спальня была темна и пуста, но я отчетливо слышал, как кто-то прошептал мне это слово в самое ухо.

Я схватил телефон с тумбочки, погуглил «Пруфрок» и мутными глазами заскользил по строчкам.

Стихотворение обжигало печалью, как и в студенческие времена, даже, пожалуй, острее, ибо я уже не самодовольный девятнадцатилетний юнец: строки о времени и «Я старею... Я старею...» наполнились смыслом. Лирический герой Пруфрок – точно насекомое, что еще извивается на булавке, пришивившей его к постылой маленькой жизни, к миру бесконечных светских раутов, балов, банальных наблюдений; пожалуй, современный ему эквивалент – человек наедине с телефонами и мониторами, что твитит, френдит и апдейтит статусы посреди беспрестанной сетевой болтовни. Мысли его, запинаясь, мечутся между покорностью, ложным убеждением в том, что время у него еще есть, и глубинной жаждой *большего*, убийства и творения.

Вся семья жила ответом на вопрос, сказал Хоппер.

Если так, то была несомненно яростная, пьянящая жизнь. С ней даже сообразуются таинственный пикник Пег Мартин и кое-какие ранние истории про Александру. Но подобная жизнь может обернуться и рабством, *адам* – вечно добиваешься зачарованного, вечно ныряешь в одинокую русалочью страну. Ищешь русалок.

Трагический путь – все равно что искать Эдем.

Я закрыл глаза; руки-ноги отяжелели, будто расплавились на постели, а рассудок отвязывал мысли, и они разлетались, вольные и беспорядочные.

Атаковала гостя. Зовут Паук. Познала предельную тьму. Ты не уважаешь морок, Макгрэт. По-черному необъяснимое. В истории

этой семьи творились злодеяния. Я уверена. Самовластный. Смертоносный. Совершенный.

Слышно было только дождь, что изнуренным оркестром играл на окнах. Лишь когда я погрузился в сон, гроза проронила несколько нежных нот – обрывки новой песни – и внезапно разошлась.

– Это он, – сказал я.

Нору и Хоппера я оставил на парапете в тупике у Восточной Пятьдесят второй – прямо возле «Кампаниле», элегантной известняковой многоэтажки над Ист-Ривер, – и бодро зашагал к человеку в серой униформе консьержа.

Тот был очень низенький и очень лысенький, с кофейным стаканчиком из гастронома и шаловливо пружинил на ходу. Прямо-таки кузен Дэнни Девиито.

Я догнал его под серым навесом.

– Вы, наверное, Гарольд.

Он весело улыбнулся:

– Он самый.

Я представился. Он тотчас закивал, узнав:

– А, понял. Крутой репортер. Миссис Дюпон предупреждала, что вы зайдете. Так вы, э-э... – Здрава подбородок, он глянул мне через плечо и понизил голос: – Хотите повидаться с Марлоу?

– Оливия сказала, вы можете устроить, чтоб я с ней поговорил.

Он ухмыльнулся:

– С Марлоу не говорят.

– А что с ней делают?

– Ну а что делают со всеми людоедами? Ходят вокруг на цыпочках и молятся, чтоб людоед был не голодный. – Он снова засмеялся, но, заметив мою растерянность, посерьезнел. – Приходите вечером. В одиннадцать ровно. Я вас отведу наверх. Но, э-э, потом справляйтесь сами.

– Это что значит?

– У меня правило: дальше прачечной не заходить.

– Я хочу поговорить с Марлоу. А не квартиру ей взломать.

– Ну, вот так с Марлоу и говорят. Ее и миссис Дюпон навещает так. Она, правда, башли выкладывает за все, так что, в общем, прокрадывается

в собственную квартиру.

– Оливия прокрадывается в квартиру своей сестры среди ночи?

Трудно вообразить, как Оливия *прокрадывается* куда бы то ни было.

– О да. Марлоу Хьюз и дневной свет – неудачный коктейль. А ночами она, э-э, поспокойнее.

– И почему она поспокойнее ночами?

– Дилер приходит в восемь. Еще пару часиков – и она на ковре-самолете рассекает над Шангри-Ла. – Он улыбнулся, но в ответ на мою гримасу потряс головой, оправдываясь: – Я клянусь, больше туда не просочиться никак. Мы и проводку ей так чиним, и мусор выносим, и проверяем, не забыла ли она выключить газ, не засорила ли унитаз письмами поклонников. Раз в неделю миссис Дюпон приносит свежую еду и цветы. Если б приходила днем, кончилось бы смертоубийством. А так Марлоу просыпается и думает, что к ней заглядывали маленькие помощники Санта-Клауса.

Он глотнул кофе и сощурился, снова глянув мне через плечо. Из «Кампаниле» на улицу выбрел другой консьерж.

– Арти на перерыв надо. Короче, вы это... приходите в одиннадцать, я вас отведу. Но... – Он опять прищурился. – Знаете, в цирке такие электробичи, от тигров отмахиваться? Вам бы не помешало. – Он от души расхохотался над собственной шуткой и пошел прочь. – Зигфриду и Рою, конечно, не помогло^[84], – прибавил он через плечо, – так что гарантий не даю.

Спустя четверть часа мы сидели у окна в «Старбаксе» на углу Второй авеню и Восточной Пятнадцатой.

– Идеально, – сказал Хоппер. – Если Хьюз в отрубе, успеем всю квартиру обыскать.

Слава богу, после вчерашнего разговора он вроде оклемался. Трудно заранее прикинуть, как человек поведет себя после таких откровений. Но Хоппер, похоже, взбодрился и сосредоточился.

– Это как тайный доступ в дом Мэрилин Монро, – сказала Нора. – Или Элизабет Тейлор. Вы подумайте, какие там фотки, письма, романы с президентами – и о них не знает никто. Может, она даже в курсе, где Кордова.

– Пошуровать у Марлоу дома, конечно, очень соблазнительно, – сказал

я, – но этот визит нам устроила Оливия. Неловко выйдет, если она узнает, что я рылся в квартире ее сестры, как на дворовой распродаже.

– Мы по-быстрому, – сказал Хоппер. – Там все останется как было.

Я не ответил и, сощурившись, посмотрел через улицу. В нескольких ярдах от «Ресторанте „Лазанья“» под кирпичной стеной болтался подозрительный седовласый мужик в черном пальто. Последние пять минут он стоял, оживленно споря с кем-то по телефону, но то и дело поглядывал на нас.

– Пора добывать список гостей «Уолдорфа», – сказал я, не сводя глаз с мужика. – Все постояльцы с тридцатого этажа между тридцатым сентябром и десятым октября. Сравним с членским списком *Oubliette*. Если одно имя есть в обоих, этого человека Сандра и искала. Это и будет Паук.

Седовласый договорил по телефону и зашагал к северу по Второй. Я подождал – может, он опишет круг, перейдет дорогу, – но он, похоже, взаправду ушел.

– И как мы его добудем? – спросила Нора.

– Единственным способом. – Я залпом допил кофе. – Подкуп и устрашение.

Я прошествовал в вестибюль «Уолдорф-Тауэрс» на разведку.

Сегодня за стойкой стояла симпатичная дамочка за тридцать, с длинными и блестящими черными волосами – ДЕБРА, судя по бирке на груди, – и молодой японец МАСАТО. Несколько раз ответив на телефонные звонки, Дебра пошарила под стойкой и извлекла большую сумку «Луи Витон». Добрый знак: выходит, она любит роскошь и не откажется от лишних денег, чтоб пополнить свои запасы дорогих аксессуаров. Масато между тем неколебимо застыл у другого конца стойки, не делая и не говоря ничего, как мастер кэндо, воин Пути Меча.

Одинокая женщина и последний самурай – не надо быть гением, чтобы вычислить, кого соблазнит взятка.

Я вернулся к Норе и Хопперу – они сидели напротив, на ступенях Святого Варфоломея. Описал им Дебру и устроил сменный наблюдательный пункт, чтобы мы перехватили ее, едва она выйдет из отеля. Один из нас дежурил на выходе для сотрудников напротив Святого Варфа, двое других торчали в «Старбаксе».

Миновало четыре часа. И хотя из дверей выскакивало немало

сотрудников – бегали через дорогу украдкой перекурить, – Дебра так и не появилась.

В четыре я еще раз прогулялся мимо и обнаружил, что Дебра, видимо, ушла через другие двери, потому что за стойкой остался лишь Масато.

– У всех есть цена, – изрек Хоппер, когда я поведал о сем прискорбном повороте событий.

– Да, но, судя по физиономии, его цена – триста декапитаций и катана.

Когда пробило шесть, Нора оповестила нас, что Масато выходит из отеля. Мне удалось залучить его на разговор.

– Да легко, – объявил он с безупречным американским акцентом, когда я объяснил, в чем дело. – Три штуки долларов. Наличными.

Я рассмеялся:

– Пятьсот.

Он встал и вышел из «Старбакса». Я считал, что Масато блефует, пока он не ступил на эскалатор в битком забитом метро.

– Восемьсот, – сказал я, под сердитыми взглядами каких-то теток пробиваясь к нему меж продуктовых сумок; Масато не обернулся. – *Штука*. – Я отпихнул похожую на сову девчонку в черепаховых очках и пристроился к нему. – С домашними адресами.

Масато молча нацепил синие диджейские наушники.

– Штука двести. Мое последнее слово. И за такие деньги мы хотим знать, какие орешки они сожрали из мини-бара.

На том и договорились.

Спустя несколько минут Масато, скроив рожу вполне достойного игрока в покер, нырнул *обратно* в «Уолдорф», а я сходил за угол к банкомату и вернулся в «Старбакс». Прошел час; людское наводнение схлынуло, пересохнув до жалкого ручейка женщин с усталыми лицами и мужчин в помятых костюмах. Миновало еще полчаса – Масато нет. Я уже решил, что дело не заладилось, но внезапно он вошел и из сумки извлек толстый конверт.

Больше двухсот имен, отсортированных по дате, плюс номера, куда эти люди звонили с гостиничных телефонов. Я вручил Масато деньги, которые он не таясь пересчитал. По-видимому, этот «Старбакс» был привычен к подпольным сделкам: сотрудники, наблюдавшие, как мы целый день перешептываемся за столиком у окна, продолжали скучно выполнять заказы.

– Четверной соевый латте вент!

Масато сунул конверт в сумку и ушел, ни слова не сказав. Надел наушники и исчез в метро.

Мы заказали кофе, сели за столик в углу и взялись прочесывать список, сверяя его со списком членов *Oubliette*.

Продолжалось это больше часа – мы по очереди читали вслух, – и тут Нора, распахнув глаза, в волнении подпрыгнула на стуле.

– Как пишется? Вот это последнее?

– Виллард, – повторил Хоппер. – Вил-лард.

– Он тут есть, – потрясенно выдохнула она, предъявив список членов *Oubliette*.

Я прочел имя.

Хьюго Грегор Виллард III.

В списке «Уолдорфа» он был просто «Хьюго Виллард».

Первого октября Виллард на одну ночь останавливался в номере 3010. По телефону не звонил. Домашний адрес в Восточном Гарлеме.

Восточная 104-я улица, 175.

Я погуглил имя на «блэкберри».

Ни единого результата.

– И этот результат настораживает больше всего, – заметила Нора.

– Адрес погугли, – посоветовал Хоппер.

Выпало юрлицо – лавка под названием «Взломанная дверь». Веб-сайта у лавки не имелось, лишь минималистская карточка на портале «Желтых страниц», где говорилось, что это магазин для «разборчивых ценителей неординарного антиквариата».

– Открыт по четвергам и пятницам с четырех до шести, – через мое плечо прочла Нора. – Станный график какой-то.

– Сходим завтра, когда откроется, – сказал я.

С восторгом и облегчением я читал одно и то же имя в обоих списках. Наконец-то ощутимый результат – крошечная щелочка, куда можно всунуть пальцы и все-таки взломать эту историю: человек, которого Александра искала перед смертью.

– Ни о чем не волнуйтесь, – сказал Гарольд на площадке десятого этажа. Он отер взмокшие залысины и двинулся на приступ марша, который только что одолели мы. – Дилер приходил в восемь, так что она в Конфетной стране.

– И она отключается на всю ночь? – спросила Нора.

– Если не шуметь. Пару месяцев назад мы послали слесаря починить

кой-чего. Так она села на постели и давай бедняге пенять, будто он ее бывший муж. Мол, налево ходит. А он просто кран на батарее хотел заменить. Но она слабенькая, даже пары футов без каталки не одолеет, так что вы не парьтесь – драться не будет.

Я обернулся, – может, он шутит? Но Гарольд, тяжело сопя, одолел последнюю ступеньку и наконец взобрался на площадку одиннадцатого этажа. Порылся в кармане брюк, выудил ключи и шагнул к одной из двух белых дверей – под номером 1102.

– Если что случится, в кухне домофон.

– Что может случиться? – спросил я.

– Вы, главное, поосторожнее. Постарайтесь ничего не трогать. Она ненавидит, когда вещи перекаладывают.

Он повернул ручку, мягко толкнул дверь, но изнутри она была закрыта на цепочку.

– Паранойя, видать, сегодня одолела, – пробормотал он, сунул руку внутрь и цепочку ловко снял. – Когда будете уходить, закройте изнутри. – И он зашагал назад по лестнице. – Желаю удачи.

Мы растерянно переглянулись.

– Жалко ее, – сказала Нора. – Сидит там взаперти.

Слышались только зуд неоновой лампочки в лестничном колодце и размеренные шаги удаляющегося Гарольда.

Мы вошли в прачечную, где воняло немытым телом и детской присыпкой. Я включил верхний свет. Повсюду горы шелковых халатов и пижам – они громоздились на стиральной машине, выпадали из корзин, валялись на полу. От одного халата не отказался бы и король Сиамы – широченные рукава, красный кушак. Я на щелочку приоткрыл дверь и выглянул в длинный темный коридор.

Тишина. Из открытого проема в самом конце – из спальни Марлоу, если верить указаниям Гарольда, – лился свет.

– Наверное, на ночь не выключает, – прошептала мне в ухо Нора.

– Проведаем ее, – сказал я. – А потом осмотримся.

Мы двинулись в коридор – стены увешаны фотографиями, как в парадной гостиной. Освещения едва хватало, чтобы разглядеть: Марлоу в широкополой шляпе возлежит у бассейна среди пальм; Марлоу на премьере «Крестного отца II» с Аль Пачино под руку; Марлоу в подвенечном платье по моде восьмидесятых (рукава-фонарики надуты, как манжеты для плавания) снизу вверх улыбается не приметному жениху, которого, похоже, мощно контузила женитьба на такой неопикуемой красе. Наверняка ветеринар, за которого она вышла после Кордовы. Бекман

говорил о нем только одно: «Так высоко взлетел, что заработал себе горную болезнь». Я искал, но не нашел ни снимков Кордовы, ни фотографий из «Гребня». За Марлоу на съемочной площадке «Любовников и других незнакомцев», где она восседала у Гига Янга на коленях^[85], ровно посередине коридора висела жемчужина коллекции, гигантский черно-белый отпечаток ее великолепного профиля – запрокинутая голова омыта тенями и светом. Красота Марлоу потрясала – от этих высоких децибел летели объективы и взрывались лампочки, а закоротивший рассудок лишь мямлил «не может быть». В углу красовалась подпись: «Сесил Битон, 1979»^[86].

Мы миновали три темных дверных проема, но я ничего не разглядел. Наверное, портьеры опущены.

На пороге спальни мы в ошеломлении застыли. Никогда в жизни я не встречал такой гнилой тропической роскоши.

Спальня смахивала на пересохшую лагуну, вольеру фламинго в зоопарке, разорившемся много лет назад. Две гигантские искусственные пальмы скорбно корябили потолок. Черная плесень обсеяла блеклые розовые обои в цветочек – вся комната будто отрастила вечернюю щетину. Мощный запах освежителя «Глейд» забивал вонь плесени, а та забивала вонь хлорки, как в мотельном бассейне. Латунная лампочка заливала розовым антикварные комоды и приставные столики, резные и позолоченные. Фарфоровые статуэтки россыпью – мальчишки-барабанщики, мопсы, лебеди с щербатыми клювами. Вазы пухли от искусственных цветов, которые даже не прикидывались настоящими – блестящие пластмассовыми листьями и распускали гигантские лепестки оттенка ненатуральных конфет. У дальней стены старым паромом на приколе плавала пышная двуспальная кровать.

Прямо в центре, под рябью розовых атласных простыней, калачиком свернулась крошечная фигурка.

Марлоу Хьюз. Последний фламинго.

Она была миниатюрна и костлява – непостижимо, что там взаправду женщина, тем более женщина, которую журнал «Лайф» провозгласил «бассейном в пустыне Гоби». Из-под атласа песчаным колосняком выбивались клочья платиновых волос.

Мы с Хоппером вошли на цыпочках – шаги заглушал ковер, некогда, видимо, бледно-кремовый, а ныне побуревший продавленными тропами. На тумбочке слева – оранжевые флакончики; стеклянный пузырек со странной неоновой-желтой жидкостью; пепельница, забитая окурками –

многие измазаны бордовой помадой. Красный огнетушитель у кровати. На случай, если она невзначай устроит себе крематорий.

Лицо Марлоу совершенно скрывали простыни. Этот неподвижный опавший холмик был до того жалостен, что я устыдился наших занятий.

– Мисс Хьюз? – прошептал я.

Она не шевельнулась.

– Как она там? – в тревоге зашептала Нора с порога. – Нормально?

– Как лопнувшая крышка на обочине шоссе. Нормально.

– Я серьезно. Она спит?

– Похоже на то.

Хоппер читал ярлык на пузырьке с другой тумбочки.

– Нембутал, – шепнул он, погремел таблетками и поставил пузырек на место. – Какое ретро.

Он перешел к комоду между окон с раздутыми розовыми занавесками, походившими на выцветшее платице подружки невесты начала восьмидесятых. Из верхнего ящика выудил лист бумаги и вполголоса прочел:

– «Моя милая мисс Хьюз! Начну с того, что я ваш самый преданный поклонник».

Я тоже подошел. Ящик был забит кипами конвертов – одни россыпью, помятые, другие перетянуты резинками. Письма поклонников. Я вытащил один конверт. Обратный адрес – «Исправительное учреждение Бонвилла», штемпель на марке – от 21 мая 1980 года. Письмо неумело напечатали на тонкой писчей бумаге. «Дорогая мисс Хьюз. 4 июля 1973 года в 1:32 я до смерти застрелил человека на стоянке „Барбекю Джо“». Я дочитал – корреспондент умолял ответить, в заключение клялся в любви. Я убрал письмо в конверт, вытащил другой. «Милая Марлоу, если когда-нибудь окажетесь в Д’Ло, Миссисипи, пожалуйста, загляните ко мне в ресторан „Вилла Италия“. Я назвала в честь Вас блюдо, „Беллиссима Марлоу“. Это капеллини с моллюсками под белым соусом». Я убрал письмо.

Книжный шкаф в углу чуть не лопался от журналов; к нему прислонилось сложенное кресло-каталка. Письма поклонников расплзлись по комнате, как паразиты: торчали во всех закоулках и щелях, заполняли все пустоты, грудой лежали на стопке журналов «Хелло!» и «Стар» аж семидесятых годов – на обложке одного красовался уродливый портрет Марлоу («ОБДОЛБАНА! МАРЛОУ ЛОЖИТСЯ НА ЛЕЧЕНИЕ», – гласил заголовок «сенсационного расследования ее тайного недуга») – и на переплетенных листах, которые оказались сценарием Пэдди Чаефски «Возбудитель» в пятнах кофе. Оскароносный сценарист даже черкнул

Марлоу записку на титульном листе: «Мисс М – я писал это, думая о Вас. П.». Я вытащил другую кипу бумаг – оказалось, распечатки результатов поиска в «Гугле».

Марлоу Хьюз. Результаты: примерно 32 000 000.

Хоппер читал очередное письмо, Нора склонилась над старыми флаконами из-под духов и шкатулками с драгоценностями на туалетном столике – разглядывала фотографии, по-моему, младенца в сепии, вставленные за раму испятого зеркала.

– Давайте шевелиться, – прошептал я. – Вы проверьте другие комнаты. Я осмотрюсь здесь и пригляжу за ней.

Им не очень-то хотелось уходить. Сама спальня действовала как барбитурат – в этих Помпеях утраченных надежд можно было рыться вечно. Однако Нора кивнула, засунула фотокарточку за раму, и оба гуськом вышли, прикрыв дверь.

Я покосился на холмик под простынями. С места он не сдвинулся.

Возле туалетного столика была еще одна дверь. Я подкрался, осторожно ее толкнул и включил свет.

Я попал в большую, распухшую от одежды гардеробную – покоробленные лодочки и шпильки выстроились шеренгами, противоположная дверь ведет в ванную.

Едко пахло нафталином. Одежда, видимо, в основном наследие семидесятых-восемидесятых. В самом углу, будто надеясь остаться незамеченными, из-за стайки вечерних платьев в блестках выглядывали бледно-лиловые портпледы. Девять штук. Можно и глянуть. Я отдернул платья, снял первый портплед, расстегнул молнию.

Ты подумай. Внутри висел модный белый костюм, в котором Хьюз снималась в «Дитяти любви». Весь в травяных пятнах, на внутреннем кармане бирка костюмерши Ларкин.

Я расстегнул следующий портплед. Тот же костюм. Затем еще один – то же самое, но этот забрызган кровью. Я ногтем поковырял ржавые потеки. Вполне похожи на настоящие.

Я раскрыл следующий портплед. Опять костюм, крови и грязи еще больше, юбка порвана. В следующем портпледе костюм абсолютно чистый, ослепительно-белый.

В фильме Хьюз носила только этот белый костюм, время действия – всего один день. Очевидно, Ларкин сшила девять таких костюмов, с разной густотой заляпав их кровью, грязью, потом, пивом и травой – в зависимости от того, что происходит с Хьюз по ходу сюжета. К концу фильма, после всего, что героиня пережила, охотясь за шантажистом,

своим бывшим сутенером, – ее насилуют, избивают, колют седативами, гоняют по стройкам, по шоссе и переулкам, – побуревший костюм изодран в клочья. Она сдирает его с себя и сжигает в барбекю на своем безмятежном заднем дворе в пригороде, а потом заползает в постель к спящему мужу – педиатру, который не знает и никогда не узнает о прошлом жены и о той преисподней, в которой она провела последние двадцать четыре часа.

В жутких последних кадрах он сонно ее обнимает, а она, сна ни в одном глазу, смотрит в темноту их аккуратненькой спальни – картина, где сгустились все представления Кордовы о тонких связях между людьми, о черных тайнах души, в предельной гуманности скрываемых нами от тех, кого поистине любим.

Я сфотографировал костюмы на телефон, повесил портпледы на штангу и выключил свет.

В спальне я изумленно застыл.

Постель пустовала.

Холмика нет. Розовые атласные простыни отброшены.

– Мисс Хьюз?

Ответа не последовало. Твою ж мать.

Наверняка прячется где-то здесь.

Кресло-каталка стоит у книжного шкафа, дверь закрыта. Я приподнял кроватный подзор из розовой тафты.

Только комья клинекса.

Я рывком раздернул занавески, сходил осмотреть ванную. Пусто. Только две горящие лампочки над замызганным зеркалом, на столике россыпь старой косметики – румяна и меловые пудры, накладные ресницы в пластиковых коробочках, – а за дверью обвис красный халат. Я отодвинул душевую занавеску. На проржавевшем душе болталась замурзанная мочалка, на многоэтажной полке – грязные бутылки. «Прелл». «Брек силк-н-холд». Надеюсь, она мыла голову и *после* того, как все это выпустили.

Нору я обнаружил в соседней комнате среди чемоданов и старых коробок. Включив лампу, она рылась в шкафу.

– Я потерял Марлоу.

– Что?

– Отвернулся, а она сбежала.

– Но Гарольд же говорил, что она без кресла не может.

– Гарольд заблуждался. Она шустрая, как вьетконговец.

Мы выскочили в коридор. Обыскали комнату за стенкой – вычурную гостиную, которая смахивала на прогнивший террариум, – и перешли в старомодную кухню, где Хоппер фотографировал газетные вырезки, магнитами прищипленные к холодильнику, – выцветшие развороты с портретами Марлоу.

– Здесь ее быть не может, – сказал Хоппер, когда я изложил проблему. – Я тут всю дорогу.

При этих словах я заметил, как прямо у него за спиной кухонная дверь качнулась.

– Мисс Хьюз? – окликнул я. – Не пугайтесь. Мы просто хотим поговорить.

Я шагнул к двери, а она распахнулась, чуть не вмазав мне по лбу, и миниатюрная фигурка, облаченная в черный атлас – лицо под просторным капюшоном, – со свистом спикировала на меня с напольного шкафа, замахнувшись мясницким тесаком.

Я без труда отбил удар – силы в ней было что в одуванчике, – и тесак пролязгал по полу. Плечики ее были пугающе хрупки – точно оградный шест под пальцами. Я машинально разжал руки, а она развернулась, со всей дури пнула меня в промежность и вылетела из кухни. Дверь зашаталась на петлях. Мы кинулись следом, и Хоппер цапнул ее за капюшон халата.

Марлоу завизжала и забилась. Хоппер обхватил ее руками и поволок в гостиную, где усадил в пурпурное бархатное кресло под искусственными пальмами.

– Уймитесь, – сказал он. – Мы вас не тронем.

Нора включила люстру, и Марлоу мигом свернулась клубочком, лицом зарывшись в коленки, спрятавшись под халатом, – ночной цветик, не выносящий света дня. Черная тряпка с помидорной подкладкой – больше на кресле будто и не было ничего.

– Выключите свет, – сипло прошептала она. – Выключите!

Мороз продрал меня по спине. Тот самый голос.

Голос у Марлоу был уникальный – «голос, что целыми днями нежится в ванне», как написала Полин Кейл в восторженной рецензии на «Дитя любви» в «Нью-Йоркере». Точнее не скажешь. Даже когда Марлоу убегала от бандитов, висела над пустотой, цепляясь за стенку дома, бензином поливала шантажиста и поджигала его спичкой, голос ее неспешно истекал тягучим медом.

Столько лет прошло, а он не изменился – разве что стал чуть неспешнее и тягучее.

Я махнул Норе, и она выключила свет. Я раздвинул портьеры, и, смягчая декор, безвкусицу преобразая в полуночный сад, гостиную залил оранжевый неон ФДР-драйв. Искусственные розы, позолоченные стулья, цветастый диван обернулись лесными цветами, зарослями подлеска, таинственными пнями.

Хьюз медленно подняла голову, и бледный свет омыл ее профиль.

Мы воззрились на нее в потрясении, не веря себе. Знаменитый подбородок с ямочкой, лицо как валентинка, широко расставленные глаза никуда не делись, но были изуродованы почти до неузнаваемости. Нам предстал разрушенный храм. Она перенесла чудовищную пластическую операцию – не прищипка да подтяжка, а *вандализм*: выпяченные скулы, глаза растянуты, словно она буквально расходилась по швам. Кожа восковая, пепельная, черные брови будто нарисованы тряским фломастером.

Нет в мире ничего вечного, время пожирает всякую розу, и Марлоу – наилучшее тому доказательство. Первым делом меня посетила мысль по мотивам фантастического кино: ее великая красота была инопланетной, пожирала ее, съедала заживо и бросила, оставив лишь обглоданный скелет.

– Вы пришли меня убить? – злорадно и, кажется, даже с надеждой прошелестела Марлоу, склонив голову, точно перед камерой, и явив нам позолоченный профиль. Те же склоны и углы, что в молодости («Профиль, по которому охота съехать на лыжах», – разливался Винсент Кэнби в рецензии «Таймс»), но теперь от прошлого остался только вялый набросок.

– Нет, – спокойно ответил я, сев напротив. – Мы пришли спросить про Кордову.

– Про *Кордову*?

Голос ее наполнился изумлением, будто ей не приходилось выпевать это имя годами и теперь она обсасывала его, как карамельку.

– Его дочь отбросила коньки, – выпалила она.

– Что вы об этом знаете? – удивился я.

По-видимому, мы недооценили здравость ее ума.

– У девчонки не было ни шанса, – буркнула Марлоу себе под нос.

– Что-что? – шагнул к ней Хоппер.

Зачем он ее прервал? Убил бы пацана, честное слово. Хоппер сел в соседнее бархатное кресло. Марлоу проницательно улыбнулась:

– Это, я так понимаю, Тарзан, Грейстоук, повелитель обезьян^[87].

Не дотягиваешь – еще надо рычать и махать дубиной. Интересно, как тебе пойдет набедренная повязка. А тут у нас кто? – ядовито осведомилась она, вперившись в Нору. – Кордебалет. Ты, Дебби, так ноги не разведешь, чтобы в середину взяли. А вы, – и она повернулась ко мне, – недоделанный Уоррен из «Красных»^[88]. Вы трое – пердеж художественно озадаченных. И вы спрашиваете про Кордову? – Нарочитая усмешка – будто в горло просыпалась галька. – Так блохи задирают головы к небесам и вопрошают, зачем звезды.

– Кончай дурочку валять, актриса, – сказал Хоппер.

– Она не валяет, – вполголоса возразила Нора, чопорно присев на диван.

– Мы не уйдем, пока не расскажете...

– Хоппер, – оборвал я.

– В таком случае мы, я так понимаю, будем сожительствовать. Ты спишь в гостевой. Я больше быков не укрощаю. Но имей в виду, простыни не меняли с тех пор, как я спала с Гансом, – они еще липкие.

Хоппер вскочил и включил торшер в углу – комната внезапно озарилась голубым. С тем же успехом мог кислотой плеснуть. Ахнув, Марлоу скрючилась и опять спрятала лицо.

– Выключи, – велел я, но он будто и не услышал.

Положение стремительно ухудшалось, а мои выговоры Хопперу, видимо, только раззадоривали Марлоу.

– Александра Кордова. Что вы знаете? – спросил он, нависнув над ней.

– Ни капельки, ничегошеньки! Ты что, глухой, Ромео?

– Хоппер! – Я встал.

– Дулю с маком, – чирикнула Марлоу. – Фигу с маслом. Ни хрена. Ей настали кранты, прямо как родилась.

– Она сама не понимает, что несет, – сказала Нора.

– Что, выбивать из меня будете? Прикончите меня? Вот и славно. Наконец-то у меня будет марка с портретом. А у Александры нету. Никто про нее не вспомнит. Умерла зазря.

Я и глазом не успел моргнуть – Хоппер уже тряс Марлоу за плечи:

– Да тебе до нее как!..

Я рванул к ним, отодрал его от Марлоу и швырнул на диван.

– Ты совсем с дуба рухнул? – заорал я.

Хоппер, похоже, и сам ошалел. Я обернулся к Марлоу. Та неподвижно осела в кресле.

Гос-споди боже.

Кажется, Хоппер вытряс из нее последние капли жизни.

Теперь *нам всем* грозит randevu с Искрометным Стариканом.

Нора кинулась к торшеру, щелкнула выключателем, и гостиная вновь расплылась темными дремотными лозами и острыми камнями, а Марлоу свернулась в кресле юрким раненым зверьком. В припадке ужаса я расслышал ее хныканье – жалобный скулеж из чернейших глубин нутра.

– Простите нас, – шепнула Нора, присев на корточки и положив руку ей на коленку. – Он не хотел вас обижать. Принести вам попить? Воды, может?

Скулеж резко оборвался – будто кнопку нажали.

Марлоу подняла голову:

– О да, дитя мое. Там где-то есть... м-м... газировка. – Изогнувшись, она указала подбородком. – В шкафу, вторая полка – за «Островом сокровищ» найдется... м-м... вода. Будь любезна, голубушка, принеси.

Она энергично потыкала пальцем в стеллажи, обрамленные стеной росписью – нарисованные розы взбирались к потолку по шпалерам. Нора порылась за книгами.

– Тут только виски. – Она извлекла большую бутылку и прочла: – «Бурбон „Хэвен-Хилл Олд Стайл“».

– Неужели? Какая жалость. Должно быть, Люсиль конфисковала мой эвиан. Вечно пеняет мне за то, что много пью воды. Гонит на собрания, к анонимным водохлебам, или как там этих гадов зовут. Придется довольствоваться... м-м... бурбоном, дитя мое. Неси мне мой «Хэвен-Хилл». И поторапливайся.

Нора замялась.

– Отдай ей бутылку, – сказал я.

– Она же на таблетках сидит?

Интуиция подсказывала мне, что старушка Марлоу не сидит ни на каких таблетках – и вообще ни на чем. Бросилась на меня со шкафа, как летучая обезьяна из Страны Оз, и с рефлексам полный порядок. Словоблудие у нее, похоже, чисто психическое, побочный эффект одиночества и безвылазной жизни в четырех стенах. К тому же, хоть она и играла ужас от нашего вторжения, я видел, что ей не терпится выступить перед живыми зрителями.

– Отдай ей.

Марлоу чуть не скакнула к Норе и выхватила бутылку. Открутила крышку, шевеля пальцами ловчее крупье на блек-джеке в Вегасе, и принялась хлестать. Я такую жажду встречал только в рекламе «Маунтин Дью». Из-под длинного рукава выскользнули белые кисти-пауки –

об стекло звякнул металл. Марлоу носила всего одно украшение – кольцо с крупной черной жемчужиной.

Якобы то самое, что ей на прощание подарил бывший жених Принц. В свое время я проверял детали Бекмановой истории, и все равно вздрогнул, здесь и сейчас воочию узрев эту улику, этот символ разбитого сердца.

Марлоу оторвала бутылку ото рта, глотнула воздуха и вытерла губы. Устроилась поудобнее. Спокойная, на вид поразительно здоровая, а бутылку прижимала к себе, точно дитя в пеленках баюкала.

– Так вы хотите знать про Кордову, голубчики? – тихо осведомилась Марлоу.

– Да, – сказала Нора.

– Вы уверены? Порой знание пожирает заживо.

– Мы рискнем, – сказал я и сел в кресло напротив.

Судя по всему, моим ответом она осталась весьма довольна – она готовилась, настраивалась.

Заговорила она минуты через две, и низкий голос ее, прежде усеянный камнями и изрытый колдобинами, вдруг покрылся гладким асфальтом и проворно запетлял в темноте.

– Что вы знаете о «Гребне»? – прошептала она.

– Легендарное поместье Кордовы, – сказал я. – К северу от озера Лоуз, в глухих лесах.

– А вы знаете, что его построили там, где некогда вырезали могавков?

– Не знал.

Она возбужденно облизнулась.

– Убили шестьдесят восемь женщин и детей, тела побросали в яму на холме и запалили. Вот на этом самом месте фундамент и заложили. Стэнни, естественно, не знал, когда покупал. Говорил мне, что ему было известно одно: в поместье жила пара, какой-то британский лорд и его безмозгая жена, и они разорились. Однако Стэнни не сообщили, что жена в этом поместье лишилась мозгов окончательно. Продали поместье, вернулись в Англию, и лорду ничего не оставалось, кроме как сдать чокнутую женушку в дурдом. Спустя несколько дней она пырнула врача ножницами в ухо. Ее перевели в Бродмур, в больницу для невменяемых преступников. Вскоре лорд скоропостижно помер от инфаркта.

И, как говорится, смена закончена, всем спасибо.

Кордову она нежно называла Стэнни.

Марлоу опять от души приложила к бутылке. Каждым глотком она словно реанимировала себя, медленно возвращала к жизни. Даже костлявость ее слегка округлялась – Марлоу себя *заполняла*.

– Мой Стэнни, – продолжала она, откашлявшись, – ни о чем таком не имея понятия, с прелестной женой и новорожденным сыном сразу переехал в чудесный особняк. Я, если вы не заметили, старая циничная сволочь. Я ни во что не верю. Религия? Это для людей, которым подавай вечную страховку. Смерть? Одно большое ничто. Любовь? Выброс дофамина в мозг, и когда запас израсходован, остается одно презрение. Но этих двух простых фактов, убийства и безумия, даже мне хватило бы, чтоб туда не соваться.

Она еще глотнула, рукавом отерла рот.

– Стэнни рассказывал, как в первый же день, едва уехали грузчики, жена ушла подремать наверх, а он отправился гулять. Он всегда подолгу один гулял в лесу, если искал идеи для фильма. И ему как раз требовалась идея. Только что вышел «Где-то в пустой комнате». Фильм прекрасный до боли в сердце. Всем жуть как хотелось знать, что он придумает дальше.

Костлявые руки выползли из рукавов, пальцы поковыряли белую этикетку на бутылке.

– Гулял он с час, на одну тропинку свернул, на другую, забрел в чащу и на ветке увидел красную веревку, всю в узлах. Одинокую красную бечевку. Понимаете, что это значит?

Нора помотала головой. Марлоу ответила кивком и взмахом руки.

– Он ее отвязал – подумаешь, веревочка, – пошел дальше, и тропа вывела его на круглую поляну над бурной рекой. На поляне ничего не росло. И ни упавшего листика, ни шишечки, ни прутика. Только земля, правильным – нечеловечески правильным – кругом. За окружностью он нашел на земле пластиковый лист, а на нем буквы наоборот, слов не разобрать. К деревянной доске за ноги гвоздями прибита голая безголовая кукла, запястья у нее тоже связаны красной бечевкой. Стэнни решил, местные шутники захаживали. Собрал весь этот мусор, выбросил. Но когда зашел на ту же поляну спустя три недели, на земле были черные обугленные круги – явно что-то жгли. И, по запаху судя, недавно. Он пожаловался в полицию. Там составили рапорт, обещали патрулировать окрестности и всем местным сообщить, что в доме теперь живут люди. Стэнни по периметру поместья расставил таблички – мол, не входить. Прошел месяц, и они с женой среди ночи проснулись от пронзительных

криков. Не поняли даже, человек кричит или зверь. Утром Стэнни пришел на поляну. В центре правильного круга стоял алтарь, а на нем новорожденный олененок – глаза вырваны, рот зашит. На пятнистом теле ножом вырезаны странные символы. Стэнни озверел. Опять обратился в полицию. Там опять составили рапорт. Но вот какая штука. Они так на него смотрели и так переглядывались, что Стэнни сообразил: они не просто знают, кто все это учиняет, они сами причастны. Они и неведомо сколько других местных жителей творят в его поместье садистские ритуалы. Зря, конечно, он удивлялся. Он ведь жил среди захолустных психов, малахольной белой швали, дегенератов, прямо как в «Избавлении»^[89].

Она лукаво ухмыльнулась, блестя глазами.

– Короче, все понятно. И понятно, что думала дражайшая женушка Джиневра, отпрыск блестящего миланского рода, об этих дремучих язычниках. Умолила Стэнни поставить ограду, чтоб отвадить дикарей. Он поставил. Двадцатифутовый забор под напряжением, стоил целое состояние. Одна беда – Стэнни не столько отвадил местных снаружи, сколько забаррикадировался с семейством внутри.

Она подержала паузу и заговорила снова:

– Уж не знаю, как вышло, что он начал экспериментировать. Об этом он не рассказывал. Стэнни не боялся неведомого. Ни во вселенной. Ни в нас самих. Тут он был как рыба в воде. На подводных лодках туда спускался. В самые пучины, в темные расселины, в ил человеческих желаний и страстей, в уродливое подсознание. Не угадаешь, когда он вернется, если вернется. Работая над очередным проектом, он исчезал. Дышал работой. Сутками напролет писал по ночам, уставал так, что потом спал по две недели, как чудище в анабиозе. Жить с ним – кошмар. Я-то, как вы понимаете, познала это лично и вблизи.

Явно гордясь этим заявлением, она глотнула бурбона, и по подбородку скатилась капля.

– Как и многие гении, – продолжала она, отерев рот, – Стэнни был ненасытен. Это беда. Он ненасытно жил. Ненасытно познавал. И пожирал. И трахался. И понимал, отчего люди поступают так, как поступают. Он никогда не судил, понимаете? Для него не существовало ничего категорически дурного. Все – человеческое, а значит, достойно изучения, рассмотрения со всех сторон.

Она прищурилась на нас.

– Вы же его поклонники, так?

Ответ ко мне пришел не сразу. Я был ошеломлен – не только ее

повествованием, но и ее внезапной бодростью, здравостью рассудка, каковые росли прямо пропорционально выпитому бурбону, уже ополовиненному.

– Что вы знаете о его юности? – осведомилась Марлоу.

– Единственный ребенок матери-одиночки, – ответил я. – Вырос в Бронксе.

– И прекрасно играл в шахматы, – прибавила Нора. – Играл на деньги в Вашингтон-Сквер-парк.

– Это Кубрик, бестолочь. Это не Кордова. Ты гениев-то не путай. – Марлоу оглядела нас по очереди. – И что – все?

Мы промолчали, и она фыркнула:

– До чего все-таки унылы поклонники. Как увидят тебя живьем – рыдают, ты вилку на минутку возьмешь – они ее потом вставят в рамочку. Но совершенно не способны хоть что-то с этим вдохновением сделать – обогатить, к примеру, свою жизнь. Стэнни, бедняжка, на стенку лез. Говорил мне: «Хьюи, – это он меня так звал, – Хьюи, они по пять раз смотрят кино, шлют восторженные письма, но глубинный смысл до них не доходит. Они ничего оттуда не выносят. Ни героизма. Ни храбрости. Просто развлекаются».

Хьюи вздохнула, еще отпила.

– Стэнни воспитывали в добрых католических традициях. Его мать Лола вкалывала на двух работах, горничной в одном крупном нью-йоркском отеле. Родилась в деревушке под Неаполем. Но отлично разбиралась в *stregheria*. Вы, вероятно, о таком слышали?

– Нет, – покачала головой Нора.

– Это итальянский архаизм, означает «колдовство». Семьсот лет традиции, передавалась в основном в бабушкиных сказках, байках – детей пугать, чтоб ели овощи и пораньше ложились в постель. Отец Кордовы был кузнец из Каталонии. Семья жила в городишке под Барселоной и собралась эмигрировать в Штаты, когда Стэнни было три. В день отъезда отец решил, что уехать не может. Не хотел с родиной расставаться. Ну, Лола взяла ребенка и отправилась в Америку. Через год у отца завелась новая семья. Стэнни с отцом больше ни слова не сказал. Но помнил, как испанская бабка рассказывала про *bruixeria* – это каталонская колдовская традиция. Объясняла ему, что ведьмы сильнее всего в канун Нового года и тогда похищают детей. Учила его класть каминные щипцы крестом на угли, присыпать солью – не пускать ведьму в дом через трубу. В общем, голубчики, Стэнни рос среди суеверий. Серьезно к ним, конечно, не относились, и однако они цвели и с материнской стороны, и с отцовской.

А воображение Стэнни в худшие дни будет помощнее, чем все наши реальности. Я думаю, с таким воспитанием он, как ни печально, был к этому восприимчив... я бы даже сказала, предрасположен.

Она рассеянно повертела на пальце кольцо с жемчужиной, поворачивала снова и снова.

– Он мне никогда не рассказывал, как это вышло. Но вскоре после постройки ограды он понял, что городские по-прежнему к нему залезают.

– Как? – спросил я.

– На лодке. Поместье к северу от озера Лоуз. Если с общественного берега переплыть на северный и свернуть в узкую речушку, в конце концов она впадет в озеро на территории поместья. Когда это выяснилось, Станислас нанял строителей – перегородить речушку сеткой до самого дна, чтоб только наперсток проплыл. Через неделю они с женой проснулись от грохота барабанов. Голоса. Крики. Наутро он пришел к ограде, а сетка в реке вырезана. И видно, что резали из поместья, а не снаружи.

– Кто-то из домочадцев, – вставил я.

Она кивнула, но распространяться не стала.

– Кто? Прислуга?

– В каждом раю найдется змей, – улыбнулась она. – У Стэнни была одна слабость – он верил, что личность переменчива. Считал, что люди – в чистом виде люди – злыми не бывают. Всегда любил, чтобы вокруг толпа. Тусовщики, вы бы сказали – поклонники, а он их называл своими союзниками. Не прожив в «Гребне» и месяца, он абсолютно случайно познакомился в городе с красивым молодым священником, который тоже переехал в Каргаторп, приход обустраивать. Стэнни работал над сценарием «Тисков для пальцев», ему нужен был консультант по религии, и они подружились. Через несколько недель священник поселился в «Гребне». Джиневра лезла на стенку. Она этого священника не выносила. Красавчик был неопиcуемый, такой мускулистый Тайрон Пауэр^[90], златовласый и голубоглазый. И *der Schwanz*^[91] у него, вероятно, был ого-го, если вы меня понимаете. Утверждал, что рос среди кукурузных полей Айовы. Но была в нем какая-то гниль. Джиневра твердила Стэнни, что мужик опасен. Самозванец. Пиявка. Она же итальянка, правоверная католичка, а в познаниях священника о Церкви обнаружились некие зияющие пробелы. И она считала, что он противоестественно одержим ее мужем. Стэнни говорил, мол, оставь, не переживай. Парень завораживал его, вдохновлял.

Тут ее снова надолго отвлекла бутылка.

– Не знаю, как это вышло, – повторила затем она. – Я подозреваю, Стэнни ночью пошел на перекресток высказать горожанам, что о них думает, но спрятался и стал за ними наблюдать. В особняк вернулся на заре, и все это представлялось ему уже в ином свете. Не знаю, что он там увидел, что они вытворяли. Никто ничего не доказал, но Джиневра всегда считала, что во всем виноват священник. Что он заключил с городскими сделку, а может, и сам был одним из них.

Она вздохнула.

– В общем, так началась жизнь Стэнни в «Гребне». В смысле творческом он обрел себя. Конечно, предыдущие его фильмы били навывлет, однако новые, снятые там, – это просто другое измерение. Там он создавал ночное кино. Как-то раз мне объяснил: «Хьюи, – сказал, – я люблю бросать своих персонажей в темноте. Лишь тогда я вижу ясно, кто они такие».

Она пощупала длинные атласные рукава, разгладила ткань на коленях. У меня отнялся язык – и рассказ о Кордове, и сама рассказчица зачаровывали меня. Марлоу оживилась, просветлела – ничего общего с женщиной, которую мы увидели в первые минуты.

– В конце концов необходимость уезжать из «Гребня» вообще отпала, – продолжала она. – Всё и все приходили к нему. В поместье триста акров. Он там строил площадки, там же и монтировал. Выезжал, только если поблизости от Каргаторпа находил подходящую натуру. Он как будто уверился, что сможет обрести могущество лишь на этих землях. И это правда. Он добивался потрясающей игры. Энергия его не знала границ. Он был как Посейдон, актеры – косяки мальков. Работая со Стэнни, ты жил в «Гребне». Питался там же, не выходил за ограду, любые контакты с внешним миром запрещались. Ты отдавал Стэнни свою жизнь – вручал ключи от королевства. И не только тело свое, но и душу. По предварительному уговору. Приезжаешь в первый день съемок – слепой, невежественный. Что за фильм, что за персонаж – неизвестно, понимаешь только одно: знакомая тебе жизнь подошла к концу. Ты отправляешься в путешествие, в другое измерение, в неведомое. Спустя месяца три-четыре, вынырнув оттуда, ты возвращался домой другим человеком. Понимая, что всю прежнюю жизнь проспал.

– Зачем на такое соглашаться? – спросил Хоппер, когда она снова присосалась к бутылке. – Отписать свою жизнь, свое тело и душу одному человеку? Чарльз Мэнсон какой-то.

Забавляясь его пылкостью, она прищурилась:

– Да, человек жаждет обладать свободной волей. Но еще он жаждет быть связан, скручен и с кляпом во рту. Естественно, сняться в фильме

Кордовы – это прямой путь к славе. Тебя вывели на орбиту. После этого ты получал только лучшие роли. Даже когда Стэнни залег на дно. На тебе печать. Ты воин. Но подлинная ценность работы со Стэнни – не в деньгах и не в признании, а в том, что после. Все актеры об этом говорили. Поработав с Кордовой, ты возвращался в реальную жизнь – а ей как будто добавили яркости. Красный краснее. Черный чернее. Ты чувствовал глубже, будто сердце твое разросло, распухло, лишилось кожи. Ты грезил. И какие грезы! Работа с этим буйным человеком – страшнейший период моей жизни. Я погрузилась в свое самое потаенное, самое изувеченное нутро, в недра, которые страшилась открывать, потому что сомневалась, удастся ли их потом закрыть. Может, так и не удалось. Но я бы сыграла у него снова глазом не моргнув. Ты творил кино. Оно тебя переживет. Оно неукротимо. Мощное искусство, не коммерческая поделка, а искусство, и оно пронзит людей насквозь, пустит им кровь. В «Гребне» ты жил как в подполье, сражаясь в сопротивлении, работая на последнего подлинного бунтаря. И ты узнавал, сколь далеко способен зайти, – в любви и страхе, в борьбе и сексе, в эйфории. Сбросить все, чему тебя научило общество, все создать заново. Начать жить с нуля. Вы вообще представляете, как это опьяняет? А потом возвращаешься в мир и понимаешь, что мир спит, валяется в коме и сам о том даже не догадывается.

– Вы поэтому в него влюбились? – опасливо спросила Нора.

От такого вопроса Марлоу чуть не подскочила, выпятила подбородок:

– В него все влюблялись, дитя мое. Ты в его руках стала бы простой глиной. И это всех вас касается. Как устоять пред человеком, который понимает и ценит тебя до последней капли? Мы поженились на съемках.

Тут она грустно взмахнула рукой и заглянула в почти опустевшую бутылку.

– Скажем так, когда все закончилось, я поняла, что любовь наша была тепличным цветочком. Распустилась и цвела в парнике, в очень особенных условиях, а снаружи, в настоящей жизни, умерла. Я не могла навечно поселиться в «Гребне». А Стэнни к тому времени вообще не желал уезжать. Там было его личное пространство, его персональный мир иной. Он хотел навсегда остаться на этой волшебной планете. А мне пришлось возвращаться на Землю.

– Он правда не хотел уезжать? – удивилась Нора.

Марлоу уничтожила ее взглядом:

– Зевс ненавидел покидать Олимп, не так ли? Разве что приспичит смертных помучить. Иногда на съемках Стэнни где-то пропадал неделями,

и никто не мог его найти. Нигде. Мы подозревали, есть некое секретное место. Тайник в тайнике. Когда он наконец появлялся, на ботинках у него была странная каменистая крошка и от него пахло открытым морем. В койке, если вы меня понимаете, он становился решительно ненасытен – будто уходил в океан на пиратском корабле, разорял деревни, сжигал дотла, насиловал, грабил, убивал, а потом возвращался в «Гребень», в волосах запеклась соль, в кожу впитались туман, и пот, и кровь. – Она мечтательно улыбнулась. – В такие ночи он меня пополам разрывал.

– Погодите, – вмешался Хоппер, подавшись к ней, локтями упершись в колени. – А эти городские, которые вламывались в поместье? Вы что хотите сказать – Кордова стал одним из них?

Марлоу раздраженно скривилась:

– Я же говорю, Тарзан, – я не знаю, как именно он был причастен. Но со временем перестал просто наблюдать. И отсюда самоубийство Джиневры. Он мне так и не рассказал толком, что случилось. Но я думаю, она, бедняжка, и без того слабенькая, выяснила, чем он по ночам занят. Священник-то никуда не делся – держался поодаль, выжидал молча. Неотступной маслянистой тенью. Рассудок Джиневры не выдержал. Утопилась в озере в пасмурный день. Полиция сочла, что это несчастный случай, но Стэнни знал правду. Джиневра не просто пошла искупаться. Она села в лодочку, выгребла на середину озера, слезла в воду, а карманы платья у нее были полны камней. Лодочку потом нашли и уничтожили. Стэнни Джиневру, конечно, обожал. Но не настолько, чтобы стать обычным человеком. Никакой женщине его не удержать. И никакому мужчине. Если приглядеться, великие художники не любят, не живут, не трахаются и даже не умирают, как нормальные люди. Потому что у них всегда есть искусство. Оно их питает больше, чем любые связи с людьми. Какая бы человеческая трагедия их ни постигла, она их никогда не убивает совсем, потому что им достаточно вылить эту трагедию в котел, подмешать другие кровавые ингредиенты и вскипятить все это на огне. Не случись никакой трагедии, не вышло бы столь великолепного варева.

Марлоу будто внезапно устала. С минуту не говорила ни слова, только гладила и теребила рукава.

– Конечно, слухи о том, чем Кордова занимается в «Гребне», кишмя кишели. Особенно среди нас, актеров. Одну историю мне рассказал Макс Хидельбрау. Играл отца Джинли в «Щели в окне» и урода этого, патриарха в «Дышать с королями».

Я помнил Макса в обоих фильмах: высокий и грузный австралиец, лицо обвислое, как у блаухаунда.

– У Макса бессонница, это всем известно. Снимали «Щель в окне», он в четыре утра гулял в саду, репетировал. Увидел, как к парадному крыльцу мчится фигура, взбегаёт по ступеням, исчезает в особняке. Стэнни. Вернулся, видимо, из леса, с черным свертком в руках. Макс пошел следом и увидел, что дверная ручка измазана чем-то красно-бурым. Оказалось, кровью. По мраморному вестибюлю и по лестнице – дорожка из кровавых капелек. Макс отправился в постель. К утру кровь исчезла.

Марлоу проглотила остатки виски.

– Люди перешептывались, – продолжала она, не сводя с меня глаз. – Но шишки из «Уорнер Бразерс» периодически заглядывали на площадку и помалкивали. Однако – и это весьма показательно, – хотя «Гребень» – одна из роскошнейших частных резиденций, где им доводилось бывать, с постоянной прислугой, с французским шеф-поваром, ни один из этих прилизанных квадратных голливудцев ни разу не остался ни на одну ночь. Как ни затягивался съемочный день, они всегда уезжали в гостиницу в Таппер-Лейк, а туда от «Гребня» больше часа езды.

– Боялись? – спросила Нора.

Марлоу криво улыбнулась:

– Слабаки, что с них взять. Пока Стэнни приносит им деньги, выпускает фильмы, на которые все рвутся как очумелые, его частная жизнь им до лампочки. Пьет кровь? Читает заклинания? Рубит головы зверюшкам? Подумаешь, неприятность – они и не с такими справлялись. Замяли историю с одной актрисой – работала со Стэнни и, похоже, свихнулась. Так перепугалась, бедная, что среди ночи вылезла из окна на четвертом этаже, доползла до земли, как сороконожка, и больше ее никто не видел.

– Как ее звали? – спросила Нора.

Марлоу пожала плечами:

– Имя забыла. Понимаете, чтобы толкнуть в полет, чтобы актер взрезал собственную душу и истекал кровью перед камерой, а весь мир потом эту кровь пил, Стэнни мог творить что угодно – пока язык у всех за зубами, дела шли себе и шли. Продюсеры смотрели сквозь пальцы. И все мы тоже.

– А Сандра нет.

Хоппер прошептал это так тихо, так решительно, что голос его расколол комнату, вонзился в Марлоу, и та осеклась, слегка даже испугалась.

– Сандра никогда не смотрела сквозь пальцы, – сказал Хоппер.

– Да уж, – ответила Марлоу.

– Случилось это на чертовом мосту, – продолжала она. Ее взгляд был прикован к Хопперу, и она нервно ощупывала грудь и плечи, проверяя, вся ли закрыта халатом. – Слышали о таких?

– Нет, – сказала Нора.

– Средневековые мосты. Фольклор в изобилии. Большинство в Европе, от Англии до Словении, строились с одиннадцатого по семнадцатый век. Сюжеты про каждый мост свои, но общий мотив один: дьявол соглашается помочь построить мост в обмен на первую человеческую душу, которая этот мост перейдет. Деталей не знаю. Так или иначе, в «Гребне» тоже завелся такой мост. Я подозреваю, эти построили.

– Горожане из Каргаторп-Фоллз? – уточнил я.

Она кивнула.

– С первой минуты, едва появилась на свет, Александра была феноменальным ребенком. Ослепительная копия отца. Темноволосая, светлые серо-голубые глаза, прозрачные, как родник. Бесстрашие, ум, неутолимое любопытство – и как она схватывала жизнь. Эти двое были неразлучны. Стэнни любил сына, Тео. Но Александра – она такая... в общем, он ее боготворил и ничего с этим поделать не мог. Ее все боготворили.

Запрокинув голову, она глотнула, не замечая, похоже, что бутылка пуста. Отерла рот.

– Станислас так и не узнал, с чего вдруг Александра пошла за ним той ночью в лес. Она никому не сказала. Но есть у меня сильное подозрение, будто я знаю, кто подсказал ей эту мысль. Понимаете, священник этот – он по-прежнему шнырял в окрестностях. На время уехал из «Гребня». После смерти Джиневры сбежал, якобы странствовал по Африке, проповедовал, но потом вдруг наш старина опять в городе, жить негде, денег почти нет. И Кордова не стал возражать, когда давний приятель опять окопался в «Гребне». Точно не скажу, но думаю, что священник сильно к Александре ревновал. Он обожал Кордову. Надеялся, наверное, что в один прекрасный день он и Стэнни... ну, не знаю. Заживут долго и счастливо? Парочкой влюбленных юнцов?

Марлоу раскинулась в кресле.

– В общем, ночью, в июне – это девяносто второй год, Александре пять лет, – Станислас пришел к чертову мосту, который соорудил с горожанами. Все собрались, происходит то, что у них там происходило, –

неописуемо, полагаю, омерзительный ритуал, – и тут как гром среди ясного неба является Александра. И шагает прямо на мост. Сами понимаете, любого ребенка подобные сцены напугают. Но Александра не боялась. Станислас, как увидел ее, заорал, чтоб остановилась, шла назад. Но в хаосе она, увидев его, поступила, как любая девочка, которая любит отца, – она побежала к нему. Александра пробежала весь мост от начала до конца, остановилась только на другой стороне. Первой человеческой душой, которая перешла мост, стала она.

Марлоу умолкла, качнулась вперед. Белая рука выползла из-под черного атласа, легла на горло.

– Станислас пришел в ужас. Всех мигом разогнали. Потушили костры. Не важно, кто и что были эти люди, – всем велели убираться из поместья. Станислас отвел Александру в дом. К его облегчению, с ней вроде бы все было в порядке. Александра как Александра. Даже не испугалась. В конце концов, ее родовое гнездо – натуральная съемочная площадка. Она видела, как горят костры, взрываются машины, мужчины и женщины признаются в неувядающей любви, неувядающей ненависти; видела сцены драк, секса, погонь, женщин, которые из последних сил цепляются за стены, мужчин, которые падают с небес, – и все это прямо у себя во дворе. Станислас уложил ее в постельку, прочел ей вслух главу ее любимой сказки, «Таинственный мир Варфолька Лома». Александра в ту ночь заснула улыбаясь – как всегда. Жене Стэнни решил не рассказывать. Не знаю, до каких пределов Астрид – это его третья жена – понимала, чем он занят ночами, но, видимо, у них была договоренность: пусть занимается, чем хочет, только бы это не касалось детей. В ту ночь Стэнни лег и стал молиться Богу. Любопытный выбор, если учесть его манеру проводить досуг. Но молился он Богу. Даже тогда не вполне верил в то, чем занимался. И теперь надеялся, что все это не по правде. Не может быть по правде. Ну какая правда? Это же абсурд. Правда ведь?

Исходя циничным весельем, Марлоу опять впилась в пустую бутылку. Может, выпитывает пары.

– Через неделю он стал подмечать перемены. Александра всегда была наблюдательным, одаренным ребенком, но теперь одаренность ее стала зверской. Стэнни работал над следующим фильмом и пригласил в «Гребень» каких-то китайских солдат и бывшего посла. Спустя две недели Александра блестяще знала язык. И она смотрела, смотрела людям прямо в душу, словно читала их мысли, видела, как перед ней, точно тридцатипятимиллиметровая бобина, разворачиваются их судьбы. Она, конечно, по-прежнему смеялась, по-прежнему была красавицей, но теперь

в ней появилась весомость. А еще ведь фортепиано.

Тут Марлоу содрогнулась.

– Астрид училась на пианистку. С четырех лет к Александре дважды в неделю приезжал учитель из Джуллиарда, давал уроки. В пять она была хороша для своего возраста, но особой страсти к фортепиано не питала. Больше любила на воздухе побегать, поскакать верхом, на велосипеде покататься, по деревьям ползать. А теперь стала запирается на долгие часы и играть, пока пальцы не распухали от мозолей. Через месяц была способна освоить любое произведение, какое ни дай, – Бетховена, Бартока, – за считанные часы запоминала наизусть. Перемены становились все заметнее. Стэнни был в отчаянии, отказывался верить. Но приступил к исследованиям. Союзы с дьяволом нередко проявлялись в виртуозном владении музыкальным инструментом. В Италии восемнадцатого века был Паганини – по сей день считается лучшим скрипачом в истории. И блюзмен Роберт Джонсон – пришел на перекресток в Тьюнике, в Миссисипи, продал душу дьяволу за наивысшее музыкальное мастерство.

Она помолчала, дыша нервно и часто.

– Астрид по-прежнему не знала, что произошло. Считала, что у нее попросту растет дочь с бешеным интеллектом. Но Александра на ощупь была странно холодна, а когда Астрид мерила ей температуру, постоянно выходило не девяносто восемь и шесть, как полагается, а где-то девяносто семь, девяносто шесть^[92]. Астрид возила ее по нью-йоркским больницам. Врачи никаких отклонений не нашли. Астрид задержалась, особенно когда у Александры стало меняться поведение. Она больше не смеялась. А когда злилась, находиться рядом было просто страшно. В конце концов пришлось Станисласу все выложить бедной жене. Показал ей дьявольскую отметину у Александры в левом глазу. Жабью лапку так называемую. Довольно крупное пятно на радужке, рядом со зрачком.

Ровно об этом говорила горничная Лупе в «Уолдорфе». *Huella del mal*. «Печать зла». Нора глянула на меня – видимо, вспомнила, как сама разглядела пятнышко на фотографии судмедэкспертизы.

– Астрид, естественно, верить не желала. Но затем случился кошмарный эпизод, и она передумала. Посреди ночи весь дом проснулся от криков. Священник. Кричал в своей постели. Пижама на нем, а также черная сутана в шкафу горели. Он сам горел. Семье удалось потушить огонь, священник был практически без сознания, Астрид запихала его в машину, повезла в больницу, поскольку Кордова, само собой, уже не водил. Отказывался выезжать из поместья. Вызывать «скорую» они не хотели – боялись страшного скандала. В общем, Астрид в полном

безумии неслась как оглашенная, не вписалась в поворот, занесло, врезалась в дерево, машина вдребезги. Примчался Тео на фургоне, вытащил священника, а тот, периодически впадая в беспамятство, стонал и неуклонно умирал по чуть-чуть. Тео доставил его в сельскую больницу под Олбени и уехал. Священника взяли под именем Джона Доу – все тело в ожогах третьей степени. Александра вроде бы эту катавасию проспала. Но наутро Астрид увидела, что у дочери на левой руке сильный ожог. Стало ясно, что дочь виновна. И с того дня Астрид поверила, что проклятие дьявола – не выдумка. – Марлоу покачала головой. – Священник выжил, хотя я слышала, что через месяц он исчез из больницы, и больше его никто не видел, ни в «Гребне», ни где еще.

Я не верил своим ушам. Марлоу в безукоризненных подробностях изложила инцидент, который я откопал пять лет назад. Мотельная консьержка Кейт Миллер стала свидетельницей автокатастрофы. За рулем была Астрид Кордова – она утверждала, что в машине одна, но Кейт клялась, что был кто-то еще – мужчина на заднем сиденье, весь в черном, лицо в бинтах. Кейт считала, что это Кордова.

А это был заживо горевший священник.

– Сколько Александре тогда было? – спросил я.

Марлоу пожала плечами:

– Пятнадцать? Шестнадцать? Они ее потом усадили.

– Куда?

– В какой-то лагерь для беспокойных подростков. Последняя, довольно тщетная попытка сделать вид, будто в проблемах Александры ничего необычного нет.

Я покосился на Хоппера. Тот ссутулился в кресле, закинув лодыжку на колено, и напряженно разглядывал Марлоу.

– Астрид в гнев потребовала, чтобы муж все исправил. И у него завелись кое-какие идеи. Он считал, что проклятие можно отменить, если обменять душу Александры на чью-нибудь еще. Баш на баш. На другого ребенка. И вот так Александра разругалась с семьей. Потому что, когда ей наконец все объяснили, она захотела принять свою судьбу. Но Кордова упрямо искал выход. До последнего дня. Как одержимый. О съемках нового фильма и речи не шло. Осталось только *это*. Оно съедало его заживо, пожирало всю семью. Временами Александра была абсолютно нормальна, и они надеялись, что эту темноту, которая вот-вот ее поглотит, они просто нафантазировали. Но затем что-нибудь случалось, и вновь становилось ясно, что все взаправду. Он за ней придет.

– Он? – переспросил Хоппер. – Это кто – он?

Марлоу посмотрела на него:

– Дьявол, разумеется.

Хоппер усмехнулся:

– А, ну конечно.

Марлоу смотрела, пока он не отвел глаза от ее застывшего маской лица.

– В исламе Иблис, – прошептала она. – В буддизме Мара. В Древнем Египте Сет. В западных цивилизациях Сатана. Если приглядеться, удивительно, сколь повсеместно его на самом деле признают.

Она задумчиво склонила голову набок, повернулась ко мне:

– Станислас считал, что все случится, когда ей будет года двадцать четыре или двадцать пять, – как-то вычислил, лунные циклы, все такое. Уж не знаю, как там и что, но в конце концов вся семья сговорилась на том, что они подменяют одно проклятое дитя другим. Прискорбно, однако идея не так уж и нелепа. Такие культы охотятся на беспризорников, на детей, которых не хватает, если их не хватает. Многие адепты рожают только для того, чтобы возложить новорожденного на алтарь. Оккультные преступления в этой стране очень реальны, но полиция замечает их под ковер, потому что почти невозможно добиться приговора. И не потому, что нет доказательств. Отнюдь не поэтому. Эти люди неизбежно оставляют улики своих чудовищных ритуалов. Если еженедельно проливать кровь, подтирать за собой нелегко. Не поэтому. А потому, что присяжные не вполне верят. Тут нужно рыбкой нырнуть в область фантастического, а они не способны. Такое возможно в ночном кино. А не в настоящей жизни.

Она умолкла. Рефлекторно, тщательно открутила крышку с бутылки, приложила ее к губам и наконец в потрясении заметила, что не осталось ничего – ни капли.

– А вы откуда столько знаете? – тихонько спросила Нора.

Марлоу вроде бы собралась ее отчитать, но скисла, лишь посмотрела на свои руки, мятыми бумажками упавшие на колени. Разглядывала их, будто чужеродный организм, странных насекомых, что всползли ей по ногам, а у нее нет сил их стряхнуть.

– Стэнни мне доверял. Делился. Знал, что я пойму эту боль. Моя утрата выпотрошила меня. Я осталась пустой оболочкой. Когда так любишь и теряешь, исцеление невозможно. Стэнни знал, что я его пойму. Я общалась с Александрой. Поначалу, конечно, не верила. Но когда ей было лет восемь, я взяла ее с собой отдыхать. Мы сидели на пляже неподалеку от Кот-Плонже на Антибах, и я заметила, как она на меня смотрит. Будто

видит мое прошлое и будущее – самую душу мою там, куда душа отправится после смерти, вечные корчи в чистилище. Александра словно видела все это и жалела меня.

Эта утрата, которая ее выпотрошила, – надо думать, удалой жених Принц, бросивший Марлоу ради Оливии.

– Священник, – помолчав, сказал я. – Вы не помните, как его звали?

– Его все называли просто Священник, с игривым таким сарказмом. Я его помню на съемках «Дитяти любви». Он любил днем порыбачить. Я видела издали – стоит над озером, вокруг все разноцветное, небеса, синие озера, деревья, а он весь в черном, расползается, как нечаянная клякса. Пока не подойдешь и не разглядишь длинную удочку и ящик для снастей, не догадаешься, чем это он занят, – совершенно застыл, терпеливо ждет рыбу. И кажется, что самообладания ему хватит прождать до конца времен. Джиневра его прозвала *Ragno*. Паук.

– Что?! – переспросил я.

– П-паук. – Язык у нее уже заплетался. – Он так двигался. Бесшумно.

– А настоящее его имя, часом, не Хьюго Виллард?

– Я... Я, честное слово, не знаю.

Марлоу уплывала, слабела, оседала в кресле, свет до нее уже не дотягивался, и во тьме лишь маячило призрачно-белое лицо. Вначале я сомневался, что нам предстоит услышать нечто разумное, не говоря уж о подлинной правде. И однако она снова и снова удивляла меня подробностями, подтверждавшими все мои прежние открытия.

Да еще разоблачила Паука.

– А с помощницей Кордовы вы встречались? С Инес Галло? – спросил я.

Марлоу в омерзении содрогнулась:

– С Койотом-то? Ну еще бы. Куда Кордова, туда и Койотик трусит. Она его, конечно, обожала. Выполняла любые поручения, любую черную работу, даже самую жестокую. А в ответ просила только дышать одним с ним воздухом. Это же Стэнни придумал название «Дышать с королями» – почтил ее, Койота, чистейшую жалкость. По-моему, она взаправду мечтала, чтоб он съел ее заживо, – тогда она будет к нему ближе всех, остаток дней проживет, свернувшись калачиком в темных закоулках его пуза.

– А сейчас он где? – спросила Нора после паузы. – Кордова?

– Вопрос на миллион долларов. Ответить верно еще никому не удавалось, – рассеянно пробубнила она и надолго замолчала, свесив подбородок на грудь.

Задремала, что ли?

– Надо полагать, он все там же, – в конце концов каркнула она. – Или ушел в моря на своем пиратском корабле и больше не вернется. Александра умерла, и у моего Стэнни теперь, наверное, ни крупинки человечности не осталось. Все отпустил на волю. Пусть летят. Его ничто не держит. Нечему теперь держать.

Марлоу задохнулась и, согнувшись пополам, закашляла резко и сухо.

– В постель, – прошептала она. – Отнесите меня в постельку. Я... я ужасно устала.

Нора глянула на меня. Надо помочь, но я замялся. Боялся крупным планом увидеть ее изувеченное лицо, притронуться к этому хрупкому телу. Она отдалилась, отстранилась, схлопнулась, как старый шезлонг, потрепанный непогодой, – того и гляди распадется в щепу у меня на руках. Нора мягко забрала пустую тару – Марлоу не хотела расставаться с бутылкой, цеплялась за нее, как ребенок за куклу.

– Все будет хорошо, – пообещала Нора шепотом, обняв Марлоу.

Я как можно бережнее взял Марлоу на руки. Она крепко обхватила меня за шею и по пути в спальню прятала лицо в глубинах капюшона. Едва я опустил ее на постель, а Нора и Хоппер шагнули ближе, Марлоу мигом зарылась в простыни, точно жук в песок.

– Не уходите пока, – сипло прошелестела она из-под розового атласа. – Почитайте мне, я тогда смогу уснуть. *А. Стридж*. Вот как.

– Почитать? – переспросила Нора.

– Ко мне приходит мальчик. Каждый вечер в восемь приходит и читает, и я засыпаю. «Графа». Почитайте мне чуть-чуть-чуть...

– Какую книжку? – тихо спросила Нора.

– В ящике. Вон там, да-да. «Граф Кристо». Он ждет.

Растерянно покосившись на меня, Нора потянулась к ящику тумбочки. И я от души понадеялся, что Марлоу не врет. Речь, видимо, о дилере, которого упоминали и Гарольд, и Оливия. Какое фантастическое искажение правды мира – увидеть барыгу в человеке, приходящем сюда читать старухе вслух, свет принять за тьму, рай – за преисподнюю.

Но в ящике не было книги – ничего не было, кроме комьев клинекса и писем поклонников.

Мы с Хоппером обыскали другие ящики, но «Графа Монте-Кристо» не нашли – вообще не обнаружили книг в ее спальне, только журналы про звезд и сотни писем поклонников, адресованные «мисс Марлоу Хьюз» и перетянутые резинками. Хоппер спросил, не почитать ли ей что-нибудь из этого, но она не ответила.

Она наконец уснула.

– Нет, я все *понимаю*, – сказал я, допивая скотч и расхаживая вдоль дивана в гостиной. – Кордова запирается в глуши, в клаустрофобии своего поместья. Никогда оттуда не выходит. Правит королевством в триста акров. Окружает себя теми, кто ему поклоняется, тусовщиками этими, *союзниками*, людьми, которые, несомненно, изо дня в день напоминают ему, что он бог. В итоге сам начинает верить, будто обладает могуществом. Ночами он резвится в лесах с местными, которые почитают дьявола. Вполне логично, что в итоге в дьявола верит уже вся семья, включая Александру. И вера в дьявола их губит.

– А если это по правде? – тихо спросила Нора с дивана; Хоппер сидел в другом его углу, задумчиво покуривая сигарету.

– Что Кордова укротил силы, правящие на землях поместья?

– Да.

– Я сорок три года живу на свете и ни разу не видел призрака. Никакого «хладного дыхания». Ни единого чуда. Всякий раз, когда рассудок рвется к выводу мистического свойства, неизменно выясняется, что порыв этот порожден страхом и существует рациональное объяснение.

– Как тебе вообще удастся расследовать? – удивилась Нора. – Ты же слепой.

Какая муха ее укусила? Оставив Марлоу, мы вернулись сюда, заказали китайской еды и приступили к дискуссии. Как выяснилось, Нора была свято убеждена, что повесть Марлоу – в том числе дьявольское проклятие – категорическая истина от первого до последнего слова, а любые намеки на возможность иного толкования, даже простой скептицизм, выводили ее из себя.

– Все складывается, что тебе непонятно? – Нора заливалась краской. – Сандра приехала в город искать этого Паука. Мы не знаем зачем. Но она понимала, что все началось. Она преображается. За ней все-таки явился дьявол.

– Сандра в это верила, да, но происходило это лишь у нее в голове.

– А как тогда ты объяснишь, что горничная видела печать зла у нее в глазу? И как Сандра заколдовала Моргана Деволля, чтобы спас ее из «Брайарвуда»? И Питер в «Клавирхаусе» говорил, что она двигалась, как люди не умеют. И даже история Хоппера про гремучку сюда укладывается. А эта пара, которая жила в «Гребне» до Кордовы?

– Чудаков среди британской аристократии – тринадцать на дюжину.

Они женятся на кузинах. У них там сплошные инцесты.

– А что случилось с Оливией?

– С Оливией случился инсульт. Они случаются сплошь и рядом.

Нора вздохнула:

– Сколько тебе надо доказательств, чтоб ты хоть заподозрил, что все это может быть по правде?

– Не бывает убедительных доказательств того, что людей продают дьяволу.

– Ты не знаешь.

– Мы в Нью-Йорке. Если бы выяснилось, что поклонение дьяволу действительно помогает, ему бы у себя в студиях поклонялись все честолубцы типа А.

Нора прожгла меня взглядом:

– Ты идиот.

– Внезапно. Это я-то идиот?

– Не внезапно. Ты уже некоторое время идиот.

– Потому что не верю в силу какой-то там церемонии, устроенной стайкой деревенщин? Потому что задаю вопросы? Потому что мне нужны доказательства?

– Ты думаешь, будто знаешь все. А ты ничего не знаешь. Перед тобой жизнь, люди, а ты весь из себя индюк надутый, шуточки отпускаешь, только бы не показать, что тебе страшно. Если б ты был в первом классе, а училка дала тебе карандаш и попросила нарисовать автопортрет, ты бы себя вот такусеньким нарисовал! – И она показала примерно миллиметр.

– А ты в свои девятнадцать, конечно, знаешь все. В своем этом Сент-Клауде под Киссимми ты постигла вселенную. Может, мне тоже надо пожить с Моэ, Старым Неряхой Биллом и этим твоим *попугаем* – который, кстати, магических свойств лишен, если не считать круглосуточного поноса!

– Да ты магию не распознаешь, если тебя носом в нее ткнуть.

– Вывод прост, – сказал Хоппер.

Я обернулся к нему:

– Так?

– Нам надо в «Гребень», – невозмутимо объявил он, затягиваясь. – Чего вы спорите? Это все херня. Мы не знаем, где заканчивается вера и начинается все как есть. Какая вообще разница? Но мы знаем три вещи.

– Какие? – спросила Нора.

– Первое. Сандра охотилась на этого Паука – следовательно, Хьюз хотя бы что-то сказала по делу. Если этот мужик виноват в дьявольском

проклятии, Сандра его бы с крючка не спустила. А если Хьюз один раз сказала правду, по логике, имеет смысл хотя бы обдумать остальное. Второе. Если Кордова влип в черную магию, реальную или наоборот, Сандра влипла из-за него. И поэтому мне охота его убить. Третье. Если тут есть хоть крупица правды, людям не помешало бы знать. Мне-то все равно. Меня только Сандра волнует. Я думаю, она и обезьяну мне прислала, чтоб я узнал правду про ее семейку. Это она мне доверилась – дала понять, что знает про Орландо.

Не поспоришь, конечно. Я с самого начала догадывался, куда все движется: назад в «Гребень».

– Мы придумаем, как туда попасть, – продолжал Хоппер. – Поищем улики. И правду про Кордову, ягненка невинного или первостатейную сволочь... А потом втроем решим, что с этой правдой делать. Проголосуем, и на этом все.

Он очень недоверчиво покосился на меня и стремительной струей выдохнул дым.

– Но сначала мы ищем Паука, – сказал я.

На завтра мы планировали визит в антикварную лавку Хьюго Вилларда «Взломанная дверь» – прямо к открытию в четыре часа дня.

Однако в хаосе последней недели я забыл одну ключевую деталь: Санта-Барбару. Мне предстояло забрать Сэм на долгие выходные. Синтия позвонила с утра пораньше, сообщила, что новая няня – некто Стася Диллон – заберет Сэм из школы в три пятнадцать и привезет прямо ко мне. Синтия дала няне мои ключи, так что проблем не предвиделось: Стася зайдет сама и побудет с Сэм, пока мы не вернемся.

Но прошло все утро, миновал полдень, затем еще час, а от новой няни – ни слуху ни духу. Я звонил ей каждые полчаса, недоумевая, как моей жене в голову пришло довериться женщине, которая так читает собственное имя. С тем же успехом могла нанять няньку по имени Ибица или Текила. Наконец Стася позвонила в половине третьего. У нее приключился форс-мажор: семнадцатилетний сын попал в аварию на автостраде Брукнер. Он цел, но она только что вышла из больницы в Бронксе и опаздывает примерно на час. Ко мне доедет самое раннее в пять. Я ее успокоил, сказал, что без проблем заберу Сэм из школы. Но, значит, придется тащить ее с собой во «Взломанную дверь» –

малоприятная перспектива.

– Позвони Синтии, – сказала Нора. – Наверняка у нее есть запасная няня.

– Не могу. Она уже в самолет садится.

– Может, есть какие срочные няньские службы? – спросил Хоппер, примостившись на подлокотнике дивана.

– Я не могу неизвестно кого послать за Сэм.

– Давай в лавку пойдем мы с Хоппером, – предложила Нора.

– А я в окопе отсижусь?

Она кивнула. Не нужно большого ума, чтобы понять, как родилась эта гениальная идея: после вчерашних жарких дебатов о том, что по правде и не по правде, Нора по-прежнему устраивала мне обструкцию.

– Да бери ее с собой, – сказал Хоппер. – Станет скользко – уйдете.

Я молча размышлял. Мы подбираемся к чему-то важному. Я всеми фибрами чувствовал. Эта встреча критична – вдвоем Хоппер и Нора могут вовсе прошляпить зацепку. Виллард догадается, что мы взяли след, и утечет сквозь пальцы. Но подвергнуть Сэм опасности невыносимо.

– Соображай быстрее, – сказал Хоппер. – Нам пора.

Явной витрины или вывески не было – только закрытая подъемная дверь, вся в облупившейся красной краске.

Долгие извивы сохлых лоз льнули к кирпичному фасаду, как пряди жестких волос к кафелю после душа. Верхние этажи обветшали, окна разбиты или заколочены. Здание, вероятно, некогда было весьма изысканно – гараж обрамляли тщательно отделанные коринфские пилястры, на первом этаже череда желто-синих витражей, – но поблекло и покрылось коркой грязи, будто годами было захоронено и его откопали только на днях.

Я приблизился к двери – может, есть звонки в квартиры – и с изумлением узрел имя воочию – «Виллард»: аккуратным почерком, черной ручкой, против звонка на второй этаж.

– Наверное, прямо над лавкой и живет, – вполголоса заметил Хоппер, разглядывая дом.

Только на втором этаже окна и уцелели. Узкие, высокие и изгвазданные, но в одном я разглядел желтые занавески и терракотовый горшок с какой-то мелкой зеленью.

– Скотт. – Сэм подергала меня за руку. – Скотт!

– Да, зайка?

– Это кто?

Она пальцем тыкала в Хоппера.

– Детка, я же вас познакомил. Это Хоппер.

Она сощурилась:

– Он твой друг?

– Да.

Она серьезно поразмыслила, скривив рот. Потом хмурой гримасой одарила Нору, которая подергала другую дверь.

– Заперто, – шепнула Нора.

Сэм была в школьной форме Спенса – белая блузка, сине-зеленый клетчатый сарафан, – но Синтия, естественно, добавила пару штрихов а-ля «Мёрчант-Айвори»^[93]: черное пальтишко с рукавами-буфами, бархатная заколка в кудрях, черные лаковые туфельки. С той минуты, когда мы забрали Сэм из школы, она стеснялась и наблюдала – особенно за Хоппером. И ужасно ерзала – шаркала ногами, повисала у меня на руке, откидывала голову далеко-далеко назад, задавая мне вопросы, – а это значило, что у нее отходняк после мощного сахарного передоза и ей хорошо бы перекусить.

– Темно, – отметила Нора, вглядываясь в стекло.

– Сколько времени? – спросил я.

Хоппер глянул на телефон:

– Десять минут пятого.

– Давайте через пятнадцать минут вернемся.

Мы направились к Лексингтон-авеню и зашли в кафе «Восточный Гарлем». Я купил Сэм гранолу и еще раз объяснил, что у нас тут экскурсия, а потом мы зайдем во «Вдохновение 3» и съедим там мороженое. Она толком не вникала и лишь притворилась, что грызет гранолу, – ее завораживал Хоппер. Я не понимал, с чего вдруг такое восхищение, пока мы снова не встали в очередь за кофе.

– Хочешь, я пропрыгаю отсюда вон дотуда? – спросила Сэм Хоппера, указывая на пол.

Хоппер неуверенно покосился на меня:

– Ну, э-э... давай.

Сэм приготовилась, сдвинула пятки на краю оранжевой плитки, а потом, убедившись, что Хоппер внимательно смотрит, пропрыгала по всему кафе, до витрины с кофейными кружками.

– Замечательно, – сказал Хоппер.

– Хочешь, я пропрыгаю оттуда вон дотуда и *туда*?

– Ну а то.

Она глубоко вдохнула, задержала дыхание, будто нырять собралась, и лягушкой – хоп-хоп-хоп – поскакала по плиткам в другую сторону. Остановилась и посмотрела на него.

– Потрясающе, – сказал Хоппер.

Сэм откинула кудри с лица и поскакала дальше.

Если будет совсем худо, мы с ней подождем снаружи. Людная улица, деревья, солнце, поток машин. Даже если Паук – маньяк и воплощенная жуть, сейчас, при свете дня, он нам ничего не сделает.

Через десять минут мы вернулись к «Взломанной двери». Вроде бы ничего не изменилось. Подъемная дверь по-прежнему заперта, окна темны.

Хоппер повернул ручку на узкой деревянной двери – и на сей раз она открылась. Я шагнул следом за ним.

Мы попали на сумеречный склад, так плотно набитый антиквариатом – стулья на столах, а те на телегах, – что не поймешь, как тут ходить. Даже дверь не открывалась до конца – вход загораживали птичья купальня, обросшая птичьим же дерьмом, ржавые солнечные часы, поломанные кофры, а поверх всего этого громоздилась радиолка эпохи Эйзенхауэра, потускневшие латунные лампы с пожелтевшими абажурами и кипы старых газет.

Хоппер и Нора прокрались в узкую дверную щель и исчезли внутри. Я подхватил Сэм на руки.

– Нет! – возмутилась она. – Я уже большая.

– Это только на минутку, зайка.

Я прижал палец к губам, расширил глаза – изо всех сил изобразил, какая у нас тут невероятная происходит игра, – и мы вошли.

Голубоватым засаленным светом зудели флуоресцентные лампы под потолком. Хоппер и Нора забрались далеко, гуськом бодро шагали по единственной различимой тропе – узкому ущелью меж мусорных гор. Гигантский гулкий склад, глубиной в квартал, – свету не хватало силенок добраться до окраин, и те купались в жирных тенях. Столы и гардеробы, треснувший чемодан с ярлыком «Асбестовый противопожарный костюм», курительные трубки Шерлока Холмса, графин с заспиртованной, кольцами свернувшейся коброй, красный флакон «Жидкость для бальзамирования „Чемпион“». Аризонскими красными скалами высились груды комиксов. Я старался не дышать – запах сшибал с ног: нечто среднее между нафталином и старческими гнилыми зубами.

Идти приходилось осторожно – лавка была все равно что

заминирована: так и ждала, что ты ненароком двинешь локтем, все рухнет, а с тебя потом сдерут за ущерб кусков двести.

Мы с Сэм протиснулись мимо швейной машинки, антикварной игрушечной железной дороги, деревянного кресла с мумифицированной, кажется, собакой, одеревенело застывшей на сиденье, и очутились среди древних медицинских агрегатов явно варварской природы.

Я пересадил Сэм на другую руку, чтоб не увидела: младенческие больничные койки с посеребренными матрасами, испятнанные кюветы, где, вероятно, обитали пиявки, резиновые жгуты и желтые флаконы с заскорузлым осадком, помпы и шприцы, деревянный футляр с серебряными щипцами, крупными и мелкими. Чопорный строй помятых жестяных шкафчиков. Сотни бурых пузырьков – на каждом белая наклейка, издавек не прочесть – сгруппировались на столе из нержавеющей стали, с которого свисали потертые кожаные ремни. Пристегивать пациента при лоботомии. Я в тревоге глянул на Сэм. По счастью, она смотрела в другую сторону – на Хоппера.

Тот направлялся в глубину, к длинному деревянному столу с грудой бумаг и антикварной кассой.

– Эй? – громко крикнул Хоппер. – Есть кто?

Нора исследовала ассортимент в противоположном углу, и находки ее пленили. Неудивительно. Она-то в этой обстановке как рыба в воде – особенно если учесть винтажные наряды, пугалами висающие вдоль стены: древние грязно-бурые тряпочки сороковых, розовые оборчатые платица без бретелек, прямиком со школьного бала пятидесятых. Нора остановилась у шляпной вешалки, осторожненько сняла лиловую фетровую шляпу – сбоку приклеено жесткое черное перо, – задрала подбородок, нахлобучила эту красоту на голову и пошла на приступ груды барахла, продираясь к пятнистому зеркалу, прислоненному к черному тележному колесу.

– Ау? – заорал Хоппер.

Нахмурившись, он подобрал штык – похоже, настоящий, острый, но заржавленный.

– Не хочу больше на ручках. – Сэм брыкалась, как жеребенок.

– Иначе нельзя. Тут зачаровано.

Она вытаращилась:

– Что такое «зачаровано»?

– Тут.

Я обогнул африканский тамтам – кажется, из человеческой кожи, продубленной и высушенной, – и направился к Хопперу.

По пути я нечаянно пнул ножку деревянного стола, и стол надломился посередине. Горы тусклых ключей-вездеходов, хромовые украшения на капот, грязная хрустальная люстра и прочий хлам потекли на пол оглушительным каскадом хрусталя, цепей и пронзительных звяков. Обнимая Сэм, которая лицом вжалась мне в плечо, я умудрился одной рукой поймать люстру и коленом поправить ножку.

Хоппер щелкнул пальцами.

И указал на замызганный световой люк и узкую дверь с матовым стеклом в задней стене.

Прямо за дверью шевельнулась человеческая тень – и замерла, словно почуяв, что ее засекли.

Кажется, мужчина – вытянутая голова, широкие плечи.

– Есть тут кто? – снова окликнул Хоппер.

Помявшись, человек открыл дверь и сунул голову внутрь. В сумраке лица не видно, но шевелюра рыжевато-блондинистая.

– Прошу прощения. Не услышал, как вы вошли.

Голос сиплый, но нежный – странный. Резко вздохнув, человек вошел и закрыл за собой дверь. И однако, повернувшись к нам, с места не двинулся – похоже, за спиной сжимал дверную ручку, подумывал вот-вот опять удрать.

Наверняка он. Паук.

Массивная фигура – минимум шесть футов шесть дюймов, – громоздкая и мускулистая. Весь в черном, единственное светлое пятно на черноте – белый пасторский воротник.

– Чем могу быть полезен? – Реплика вылетела струей, затем наступила пауза – слова собирались во рту, как галька в стоке, а потом вдруг выпадали, чудные модуляции резали слух. – Что-то конкретное ищите?

– Да, – ответил Хоппер, медленно к нему приближаясь. – Хьюго Вилларда.

Человек застыл каменным изваянием.

– Я понял.

Больше он ничего не сказал и за следующие полминуты не шевельнул ни мускулом. Но даже издали, из-за спин Хоппера и Норы я видел, что плечи у него ходят ходуном.

Бойтся.

– Не трудитесь бегать, – посоветовал Хоппер, подступая все ближе. – Мы знаем, кто вы. Мы просто хотим поговорить.

Человек покорно склонил голову, и свет упал на шевелюру ненатурального оттенка бронзы.

– Вы, надо полагать, из полиции? – спросил он.

Ни один из нас не отозвался. Интересно, как он сделал такой вывод. У меня, между прочим, ребенок на руках.

Может, меня он не заметил. Смотрел он в пол.

– Я... вообще-то, я так и знал, что вы придете, – прошептал он. – Рано или поздно. Нашли там всё, да? Все наконец выплывает наружу.

Голос тихий, необъяснимо женственный – и в нем был страх.

– Сколько их там было? – спросил он.

– Сколько было чего? – осведомился я, шагнув к нему.

Он поднял голову и лишь теперь меня заметил.

Он пристально взгляделся в Нору, затем в Хоппера; до него постепенно доходило, что он неверно истолковал положение дел. Нет, мы не из полиции. И хотя он ничего особенного не сделал, я уловил, как плечи его расслабились, голова приподнялась – он больше не съеживался и не прятался.

Он снова перевел взгляд на меня, и по спине побежали мурашки. Честное слово, его силуэт против двери стал еще чернее, будто под приливом крайней самоуверенности он слегка раздувался, наливался темной силой.

Как там говорила Марлоу Хьюз?

«Священник-то никуда не делся – держался поодаль, выжидал молча. Неотступной маслянистой тенью».

Лицо его не дрогнуло, но глаза блеснули в полумраке, с любопытством обмахнув Сэм.

Надо уводить Саманту от него подальше. *Срочно.*

Я унес ее назад по узкой тропке к витрине. Подальше от него, а я смогу за ней присматривать. Наткнулся на лиловое бархатное кресло – широкое сиденье вытерто до белизны. Рядом на столике – груда журналов и желтая пластмассовая коняга, ничего опасного.

– Не-е-е-е-е-е-е, – прорыла Сэм, когда я сгрузил ее в кресло. – Не хочу-у-у.

– Зайка, посиди, пожалуйста, здесь.

– Тут зачаровано. – И она уставилась на меня, в отчаянии скривив лицо. Вот-вот разрыдается.

– Уже нет, заяц. Тут весело.

Она затрясла головой и обхватила меня за ногу, вжавшись лицом мне в колено. Я взял коня.

– Ты только глянь. Знаешь, что это?

Не отрывая лба от моего бедра, она слегка выгнула шею и посмотрела искоса.

– Это же Эй, Серебряный^[94]. С ума сойти! Ему тысяча лет, и если ты с ним будешь по-доброму, он тебе расскажет свои секреты. Я пока буду вон там. Ничего не трогай. Я скоро вернусь. И мы пойдем есть гигантское мороженое, договорились?

Видимо, желтый конь – годов, должно быть, сороковых, седло и поводья нарисованные – чем-то ее увлек: Сэм взяла его и угрюмо повертела.

К несчастью, беседу нашу слушали все – Нора и Хоппер в тревоге, Хьюго Виллард, кажется, с легкой улыбкой. Впрочем, едва я повернулся, он пригнул голову, словно не хотел, чтоб на него смотрели в упор.

Я встал так, чтоб загородить от него Сэм. Еще пара минут, и я уведу ее отсюда к чертям собачьим.

– Начнем с Александры Кордовы, – провозгласил Хоппер. – Как вы познакомились?

Виллард не ответил.

– Почему она вас искала? – не отступил Хоппер.

– Искала? Вы имеете в виду – охотилась на меня.

– Почему?

Виллард опасливыми шажками удалился от двери и ухватил из-под стола металлический табурет. Медленно подволок к себе – табурет громко проскреб, проскрежетал по бетону, что Вилларду, кажется, понравилось, – и примостился на самом краешке. Каблуком сапога – черного, ковбойского, с прихотливой белой строчкой – зацепился за кольцо подставки.

Посидел, разглядывая нас, – мускулистый старый лебедь, некогда великолепный, а ныне еле живой, громоздкий, но зловеще грациозный. Света его лицу теперь доставалось чуть больше, и я разглядел глубокие морщины, а справа, от глаза и до самой шеи, кожу покрывал глянец шрамов. Очевидно, Марлоу Хьюз не соврала. Отметины наверняка остались с той ночи, когда Сандра чуть не сожгла Паука живьем.

– Что вы делали на тридцатом этаже «Уолдорф-Тауэрс»? – поинтересовался я.

Он удивился:

– Я... я встречался кое с кем.

– С кем? – спросил Хоппер.

– С Моей Искалеченной Сказкой, – улыбнулся он. – Так он себя называл. Познакомились в интернете.

– Кто кому платил? – бесцеремонно продолжал Хоппер.

Виллард смиренно наклонил голову:

– Я платил ему.

– И что было? – спросил я.

– Он дал очень четкие указания, я их выполнил. Снял номер. Под настоящим именем. Разделся догола, остался в банном халате. А когда в дверь трижды постучали, открыл. Думал, там прекрасный юноша. – Он сглотнул. – А не эта тварь.

– Это вы про Александру? – спросил я.

Наши взгляды встретились. Судя по всему, само имя ее наполняло его отвращением.

– Она вас развела, – сказал я.

Он кивнул.

– Никогда в жизни я так не пугался. Оттолкнул ее. Помчался по коридору в лифт, вопя, дрожа, сотрясаясь в шоке. Выбежал на улицу в одном халате. Ни ключей, ни бумажника. Оставил в номере несколько тысяч долларов. Но надо было спасаться. Вопрос жизни и смерти.

Слащавый голосок, придыхания – можно подумать, перед нами нервная пятнадцатилетняя девочка, а не громадный дядька под семьдесят. Мне никак не удавалось примирить этот переливчатый голос с этой тушей. И чем дальше он говорил, тем больше меня это царапало.

И что-то еще было не так.

Например, я не ожидал, что он возьмет табуретку и непринужденно, без малейшего сопротивления усядется поболтать. Я понимал, отчего жаждала поговорить Марлоу Хьюз: одинокая, позабытая павшая звезда мечтает купаться во внимании замороженной аудитории. Но эта-то заскорузлая птица? Почему он откровенничает с такой легкостью? Наверняка ему что-то от нас нужно.

Я беспокойно оглянулся на Сэм. Она водрузила конягу на стол и внимательно разглядывала.

– А где вы видели Александру после этого? – спросил я, снова обернувшись к Вилларду. – В *Oubliette*?

Он опешил. Поерзал на табурете, ссутулился, распрямился и снова замер.

– Ну надо же. Вы неплохо подготовились. Совершенно верно.

– Откуда она узнала, что вы там будете? – спросил Хоппер.

– Надо полагать, нашла членскую карточку в бумажнике. На обороте

личный номер телефона – заказать пленение. Потом я узнал, что Александра позвонила и уговорилась, что придет моей гостьей.

Он помолчал, дыша тяжело – чувственно и тошнотворно.

– Я... я был в камере с моим покорителем, и тут она выступила из темноты. Словно прямо из каменной стены. Я закричал. Убежал. Уведомил охрану. Они припустили за ней, гнали ее по пляжу вдоль утесов, целый полк охранников. Но вернулись с пустыми руками. Сказали, что ее следы оборвались, будто она улетела птицей. Или вошла в океан и утонула. – Он уставился себе в колени. – На следующий день она не появлялась. Но я знал, что это лишь вопрос времени. Она придет.

– Пришла? – спросил я.

– О да. Еще как.

– Куда?

– Да вот сюда. – Он рукой обвел лавку. – Я проводил учет на складе и вдруг заметил, что из магазина ушел весь свет, будто солнце сбегало, спряталось за тучу. Я испугался, поднял голову. А она стоит вон там.

Он указал на витрину – сквозь витражные окна и приоткрытую дверь сочился свет с улицы.

– Она меня не увидела, и я пригнулся, пополз на карачках, старался не шуметь. Спрятался. – И он указал на огромный деревянный гардероб справа в углу. – Различал ее шаги – все ближе и ближе. Будто сам дьявол надвигается. Потом надолго наступила тишина. Я услышал, как она потянулась к ручке. Дверь очень медленно отворилась. И я понял, что минута настала. Я оказался лицом к лицу со своей смертью.

Он сгорбился, содрогнулся.

Отмахиваясь от омерзения, я снова глянул на Сэм. Слава богу, они с конем стали друзья не разлей вода, и теперь она шепотом излагала ему на ухо что-то очень важное.

– Почему она за вами пришла? – спросил Хоппер.

Виллард ничего не сказал, лишь виновато повесил голову.

– Вы сотрудничали с горожанами из Каргаторп-Фоллз? – мягко спросила Нора, шагнув к нему. – Вы впускали их в «Гребень»?

– Да, – вяло улыбнулся Виллард, благодарный ей за доброту.

– А как это получилось? – спросил я. – У вас была сделка?

– Да, – смиренно прошептал он.

– С кем?

Он покачал головой:

– Я так и не узнал. Их было слишком много. Я... Я только что переехал в Каргу. Познакомился со Станисласом, случайно, в местном

универмаге. Жена послала его в город за садовыми перчатками. Он спросил моего мнения об ассортименте. «Какие перчатки подойдут королеве фей?» Первые его слова. Нас тотчас потянуло друг к другу. Друг друга желая, мужчины сшибаются, как шар-бабы, утоляют нужду здесь и сейчас, будто вот-вот настанет конец света. Мы стали встречаться в городе. Не прошло и месяца, он пригласил меня в поместье. Выделил апартаменты на верхнем этаже – красное дерево и красные камчатные портьеры, прекраснейшее обиталище на свете. Спустя несколько недель я снова оказался в городе, обедал в кафе, и тут в кабинку напротив меня скользнул какой-то бородач в рабочем комбинезоне и с зубочисткой во рту. Спросил, не интересуюсь ли я взаимовыгодным сотрудничеством. Денег у меня тогда не было. Я думал, если угожу местным, это поможет открыть приход.

– Но вы же, говоря строго, не священник, – проворчал я.

– Я два года учился в семинарии. Но да, я бросил.

– И однако ходите в сутане. Это же вроде кощунство?

Он лишь скупно улыбнулся и медленно потер ладони.

– Почему вы бросили? – спросила Нора.

– Выяснилось, что католическая церковь не для меня.

– Странно, – сказал я, – а по моим наблюдениям, подонки цветут и пахнут в лучших епархиях.

Виллард не ответил. Пластмассовая коняга в руке Сэм танцевала по столешнице.

– И как же вы «взаимовыгодно сотрудничали»? – спросил Хоппер.

– Они хотели попасть в поместье, – ответил Виллард. – Очень просто. Я прорежу дыру в южной ограде – а они на каноэ доплывут по ручью до озера. И они попросили открыть тоннели.

– Тоннели? – переспросил я.

– Под всем поместьем – лабиринт подземных переходов. С самой постройки особняка, для слуг – чтоб им не выходить под дождь и снег. Станислас, когда купил поместье, о тоннелях не знал. Британцы, бывшие владельцы «Гребня», их запечатали, риелтор о них понятия не имел. А этот бородач попросил меня их вскрыть. Несложная работа, я справился всего за несколько ночей. Их забаррикадировали тят-ляп, забили досками, на кирпичах задом наперед нацарапаны фрагменты стихов, какие-то обрывки, словно там работал полный безумец. И еще меня попросили открывать парадные ворота. По средам в полночь я шел по тоннелю к сторожке – это мили две – и открывал ворота. А потом возвращался в постель. Паутина тоннелей огромна. Есть центр, откуда разные тоннели ведут в разные тайные уголки поместья. Я не знал, что там. Ходил только

до ворот. Больше никуда сунуться не смел. И на этом всё. Конечно, я предавал Кордову. Но, честно говоря, не видел в том вреда. Поместье гигантское. Почему нельзя этих бедных горожан, у которых ничегошеньки нет, пускать на языческие ритуалы, если им в радость?

– А в ритуалах вы участвовали? – спросил Хоппер.

Виллард как будто оскорбился:

– Еще не хватало.

– Зато участвовал Кордова, – подсказал я.

Виллард на миг прикрыл глаза, словно от боли.

– Однажды ночью он эти тоннели обнаружил. Какая-то женщина бежала по тоннелю на поляну. Станислас пошел следом, имея в виду всех выгнать. Но как-то вляпался сам. – Виллард дернул губами. – На каждого найдется наживка, пред которой не устоять.

– А что были за ритуалы? – спросил я.

– Не знаю. Станислас не рассказывал.

– Какова именно природа вашей дружбы?

Тут он смутился:

– Нас объединяла некая... связь.

– Это вы так говорите, – буркнул Хоппер. – Интересно, до чего односторонней она бывает.

Виллард ошетинился:

– Я Кордове дурного не делал. Вампиром был он. Внушал, будто любит тебя, будто ничего драгоценнее у него на свете нет, а между тем высасывал досуха, выпивал твою жизнь до дна. Ты проводил с ним час. После от тебя оставался труп. Ты не чувствовал ни себя, ни пространства, сидишь – и между тобой и креслом нет разницы. Он-то, разумеется, крепнул, оживал еще на неделю, писал, снимал, ненасытный, безудержно живой. Полагалось непрерывно скормливать ему искусство, язык, еду, мужчин, женщин. Прожорливый монстр, которого едва удерживали человеческие стены. Аппетиты его не знали границ...

Все это он выпалил с жаром, но осекся на полуслове.

– Долго вы прожили в «Гребне»? – спросил я.

– Недолго. Наша дружба затрещала по швам после смерти его первой жены. Джиневры. Она очень ревновала. Я почел за лучшее уехать. Путешествовал за границей. Но хоть на край света беги, тот, от кого бежишь, следует за тобой неумолимо, как звезды. И хватка его не слабеет – наоборот. Меня не было пятнадцать лет. Потом вернулся в Каргу, пришел в «Гребень», спросил Станисласа, нельзя ли снова у него пожить. Я надеялся, нам удастся начать с чистого листа, вернуться к тому, что было

до гибели Джиневры. А у него новая жена, Астрид, и прелестное дитя. Александра. И новый фильм, дикое творение, которое он вырубал из ничего. В «Гребне» куча народу – писатели, художники, ученые. Но через месяц он отвел меня в сторонку и сказал, что пора мне подумать о будущем, о том, где я построю эту церковь своей мечты. Разумеется, подальше от него. «Пусть плющ победит», – говаривал он, и это означало, что без толку прибирать и освещать те комнаты в доме, куда он больше не собирается заходить. Он всю жизнь так жил. Он сам – как громадный особняк, где полно заросших покоев: деревья пронзают разбитый потолок, плющ уползает сквозь пол. Я все понял. Он столько раз поступал так с другими. А теперь отсылал восвояси меня. Велел исчезнуть. Раствориться в затемнении. Станислас вечно шел вперед, вечно воевал, вечно любил, галопом мчался к новому таинственному незнакомцу, новому острову, новому морю. Позади оставались одни руины. Но он не оборачивался – он их никогда не видел. Не смотрел. Меня это глубоко ранило. Он был одновременно добрейшим человеком и совершенным варваром. Менял эти качества как перчатки, к своему удобству. Словно прекрасный мерцающий свет заманивал тебя в чащу. И когда ты заблудишься, когда дороги назад уже не отыскать, этот свет атаковал тебя, обнажал, ослеплял, обжигал. Я не мог от него отказаться. Я не смог забыть Станисласа за пятнадцать лет. Уж не знаю, какого рожна он решил, что смогу теперь!

Последнюю фразу он невожатанно рявкнул, брызнув слюной, но мигом прикусил язык. И вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

Я ошеломленно его разглядывал. Марлоу Хьюз говорила, что он «маслянистый» – очень странный эпитет. И однако он в самом деле был как масло, что подтекает из расхлябанной трубы, беззвучно и безжалостно каплет на пол. Поначалу пятно едва различимо, но проходит время – и оно безбрежно, отвратительно.

Его жалость к себе была тошнотворна, но я различал в нем очень подлинную, очень глубокую рану, которая так и не зажила.

– Вскоре, – продолжал Виллард, – я среди ночи пробрался в комнату его девочки. Нелепо, до чего легко это оказалось. Какая, если вдуматься, ирония, что он не защитил самое драгоценное свое творение – вот именно он, Кордова, вечно предостерегавший, что необходимо бояться своей тени, ибо нет в мире ничего страшнее. – Он усмехнулся. – Я ее встряхнул, разбудил, но она не испугалась. Села, потерла глаза, спросила, не приснился ли мне кошмар. Это было мягко сказано. Я ответил, что случилось ужасное. Мне нужна ее помощь. Ее отца похитили тролли, надо идти его спасать глубоко-глубоко в лесную чащу. Выдернул ее

из постели, велел молчать, не то тролли придут и убьют ее мать и брата. Она и не пикнула. Я отвел ее напрямик в подвал, вниз по ступенькам, в тоннель. Даже куртки ей не дал, туфельки не надел. Но Александра не боялась. О нет. Она же дочь Кордовы. Всего пять лет, и такая уверенность, ни капли страха. По сей день помню, как шлепали ее босые ножки, как тихо и *чисто* они ступали подле меня по земле и как мой фонарик касался подола ее белой ночной рубашки, ошпаривал его. Мы шли, и тоннель был – словно черная вена, и все вился и вился. В центре на распутье она сказала, что поранила ногу. У нее шла кровь. Наверное, на гвоздь наступила. Но я поволок ее дальше, по узкому проходу к поляне. К перекрестку. Я там прежде не бывал. Я не смел.

Он покачал головой, переплел пальцы, стиснул руки, будто молился. Я обернулся на Сэм. Она поставила коня на журналы, тихонько беседовала с ним и гладила по гриве. Еще несколько минут – и все.

– Наконец, – почти неслышно прошелестел Виллард, – как раз когда я заподозрил, что мы спускаемся не в леса, но к самому ядру земному, замаячил тупик. Земляная стена, железная лестница. Я взобрался, отодвинул задвижку на люке. Открывался он в густом подлеске, и далеко справа, за каким-то мостом над бурной рекой, я их и увидел. Толпу. И костер. Оранжевый свет на черных-черных мантиях – как стробоскоп. И однако шум – я никогда не слышал ничего подобного. Точно звери, но я не узнавал этих зверей. Козел, свинья и человек в одной шкуре. Я застыл в ужасе. Я больше не мог идти. Схватил девочку за локоть, поднял. Она от боли вскрикнула. Я выпихнул ее из люка. И объявил, что у нее есть один-единственный шанс спасти отца от адского пламени. Что ее папа вон там, у костра за мостом. И ей надо сделать одно: побежать к нему быстро-быстро, как только умеют бегать ее ножки, и тогда она его спасет. Она выслушала, и такая мудрость была в ее глазах – серые глаза, его глаза, собственно. Она будто обо всем догадалась, все поняла.

Он перевел дух.

– Я не мог смотреть, как она побежит. Я не посмел. Спустился в тоннель, закрыл люк и запер, чтоб она не влезла назад. И побежал по тоннелю. И двух минут не прошло, как я услышал душераздирающий крик. Я узнал голос. Это он кричал. Моя любовь. Кордова. Словно его убивали, словно любимые собаки драли его на куски, отгрызали руки и ноги. Это его губила любовь. Я не остановился. Прибежал в дом, поднялся к себе. Всю ночь прятался под одеялом, и сердце мое грохотало от ужаса того, что я натворил. Я ждал, что Кордова придет ко мне. Понимал, что в отместку он убьет меня, нимало не колеблясь. И однако... я

ошибся. Наступил рассвет. Взошло солнце. Небо синее, облачка – как конфетки, будто ничего и не случилось. Будто все это сон.

Он опять затравленно вздохнул, другой ногой оперся на подставку табурета, сложил руки на коленях и нахохлился, будто и сам распадался на куски.

– Ее дальнейшее преобразование...

Он осекся, будто сам не постигал своих слов.

– Видите ли, прежде я никогда не верил. Естественно. А теперь от веры было не отмахнуться. Иных объяснений я не находил. Станислас умирал от отчаяния. Он не знал, какую роль сыграл я, – почему-то Александра ему не сказала. Но при каждой встрече я ловил на себе ее взгляд. И понимал: она вспоминает ту ночь, вспоминает, что я с ней сделал. А Станислас пребывал в неведении и умолял меня остаться. Я ему зандобился, поскольку теперь он цеплялся за Бога. Бог – скучный родственник, про которого не вспоминают – не звонят, не пишут, – пока не потребуется серьезная услуга.

Он улыбнулся.

– Я стал незаменим. Прожил с Кордовами еще десять лет. Посвятил себя Станисласу целиком. Растолковывал католическую теологию. Помогал учиться и молиться – за собственную душу, но особенно за душу Александры – душу, которая постепенно, неисправимо темнела. Я посоветовал обратиться к экзорцисту. Но ведь она не была одержима, так? Отнюдь. То было обещание. Сделка. Изучив легендарные исторические пакты с дьяволом, я отыскал возможное решение. Пусть Станислас на место Александры подыщет другого ребенка. Так на так. Одна чистая душа за другую. Александра освободится. И я прочел, что для ритуала, простой передачи долга, не требуется причинять ребенку вред. Достаточно одежды, любого предмета, который принадлежал исключительно ему. Я рассказал Кордове как-то невзначай – я не думал, что он на такое пойдет. Он, невзирая на все свои изъяны, детей обожал. Но он стал ночами уезжать из «Гребня». Шофер возил его в окрестные школы, и там Станислас бродил по игровым площадкам, по стадионам и коридорам, искал потерянные детские вещички. Вернувшись домой с добычей – рубашечками и туфельками, пластмассовыми солдатиками и плюшевыми мишками, – он сгружал это все в мешок и уходил на перекресток. И ночь за ночью, неделю за неделей пытался обменять неизвестного ребенка на Александру. Знал об этом я один. Но не помогало. Ничего не помогало.

У меня отнялся язык. Ровно об этом пять лет назад мне поведал

анонимный «Джон».

Так это все и вправду было. Меня не подставили. «Джон» не соврал.

От восторга закружилась голова. Меня не обманывали. «Он что-то делает с детьми», – говорил «Джон». Так оно и было. Кордова по ночам навещал школы, надеясь использовать детей, обменять их на дочь, обречь на муки вместо Сандры.

– Потому что он не мог найти равного Александре, – продолжал Виллард. – Дьяволу посулили дитя столь совершенное, столь умное, глубокое и прекрасное, что ее никак не заменить. Попробуй-ка подыскать дублера архангелу. Но Станислас не сдавался. Он пытался, терпел неудачу, пытался снова. Был готов на все, лишь бы спасти ее. И не важно, каким ужасом и виной он запятнает руки. Он понимал, что самому уже не спастись. Но ее спасти можно.

Виллард сглотнул, опустил голову, часто задышал.

– Через несколько месяцев после того, как я предложил ему подмену, я проснулся ночью от невыносимой боли. Горела постель. Горел я сам. И сутана в шкафу, и портьеры. Все пылало и извивалось, как живое. Я закричал, забился, ползу в ванную, к воде, но в дверях стоит Александра. Ее левая рука охвачена огнем – хотя ей не больно, – глаза сияют безумием. Торжеством. Это последнее, что я запомнил. Пришел в себя уже в больнице, узнал, что меня анонимно доставили в травмпункт Олбени. Я не знал, кто меня привез и как, но у меня были ожоги третьей степени на восьмидесяти процентах тела. Мне делали переливания, пересадки кожи, а когда наконец отпустили, я понял, что ни при каких условиях не вернусь. Тварь, в которую она преображалась, желала мне смерти. Само собой – она же держала меня за горло. Я больше не мог их спасти. Но мог спастись сам. Я исчез. Прошло восемь лет, а с месяц назад она меня отыскала.

Значит, Марлоу ни словом не солгала. В машине Астрид был Виллард, жертва пожара. Сандру сослали в «Шесть серебряных озер» за то, что она с ним сотворила.

– Почему вы думали, что мы из полиции? – спросила Нора.

Виллард покосился на нее:

– Я полагал... полагал, вы нашли улики в поместье.

– Улики чего? – спросил я.

– Того, что делал Кордова. Пытаясь ее спасти. Одежда и игрушки не помогали, и я думал... нет, я паниковал: подозревал, что от отчаяния он стал брать живых детей. Возможно, они по-прежнему где-то там. Похоронены. Если всех не сожгли в печах. – Он страдальчески зажмурился

и шепотом прибавил: – «Я покажу тебе ужас в пригоршне праха»^[95].

От напрашивающихся выводов я онемел.

Все вокруг застыло в омерзении, потемнело, отступило в тень, затаило дыхание. Слово «сожгли» огорошило меня. Вытолкнуло на поверхность воспоминание о том, что пять лет назад рассказал мне Нельсон Гарсия.

«Теперь они сами весь свой мусор жгут. Если ночью жарко – чуешь. Гарью несет. А иногда, если ветер с юго-востока, я даже дым вижу».

– Что она с вами сделала? – подал голос Хоппер.

Виллард смущенно глянул на него.

– Когда открыла шкаф и увидела, что вы там сидите в углу, – что она сделала? Вы же до сих пор живы? Таскаете свой кощунственный прикид. Что Сандра сделала – чего вы так перебздели?

Виллард лишь ниже опустил голову.

– Что, даже сказать не можете?

Виллард открыл рот, но звука не получилось. Потом ахнул, будто подавился, и меня окатило отвращением. Мне в жизни редко попадались существа уродливее.

– Она вздернула меня на ноги, – прошептал он. – А потом она...

– Что она? – рявкнул Хоппер.

– Она... – Виллард заплакал. – Это был такой ужас...

– НУ?

– Она сказала, что... прощает меня.

Такие хрупкие слова, такие неожиданные, что мы все онемели.

Виллард застыл на табурете, сутулясь, будто предчувствуя божественную кару, ожидая, что его вот-вот поразит Господь или даже дьявол. Я уже собрался нарушить тишину, но тут он вздернул голову и уставился мне в лицо.

Пронзительный этот взгляд меня потряс.

Глаза его были совершенно сухи.

В голове осталось только одно: я неверно прочел его отчаяние и самоуничтожение. Состарившееся, словно из камня высеченное лицо горело восторгом, а глаза блистали.

Слишком тихо.

Ни шепотка – за спиной тишина. Я развернулся.

Кресло, где сидела Сэм, пустовало.

– Саманта!

Я кинулся по узкому проходу, роняя стопки журналов; по полу поскакала деревянная трость. Сердце грохотало. Я видел шляпные вешалки, и банкирские лампы, и кресла-качалки, и винтажные радиолы,

и все что ни попадя, кроме Сэм.

– Саманта! – заорал я.

К моему облегчению, Сэм высунула голову из груды барахла. Она пряталась под обеденным столом, заваленным звериными чучелами, рогатыми лосиными головами, рысями и ящерицами, обезьяньими черепами. К груди она крепко прижимала пластмассового коня.

– Саманта! Ну-ка вылезай быстро!

Она в тревоге заморгала и послушно двинулась ко мне. Но тут раздался громкий скрежет.

Деревянный торшер ар-деко с раскидистым хрустальным абажуром трясся, клонился к ней, пьяный и живой.

– Сэм! Замри!

Я перепрыгнул кофр, какие-то комиксы, птичий скелет под стеклянным колпаком, но уже понимал, что не успею.

Сэм дернулась вперед, падая, и рядом рухнул торшер; абажур разлетелся на полу, окатив ее хрустальными брызгами, и Сэм пронзительно завизжала. Я перелез через носилки, распахивая глобусы и кукол, устремляясь к ней, к моей Сэм, моей драгоценной Сэм, и почти не слышал, как за спиной воцарился хаос, кто-то заорал, а кто-то выскочил прочь из лавки.

Неоновые больничные лампы смягчали, омывали бледностью лицо Синтии, взиравшей на меня словно из-под воды.

– Врач сказал, у нее останутся синяки и фингалы под глазами месяца на полтора, – сообщила Синтия. – И подбородок опух.

– А швы?

– Четыре на руке, стекло удалили. Но все заживет.

Я оцепенело смотрел на занавешенную палату, с трудом проглатывая ком в горле.

С Сэм сидел Брюс. Занавески он задернул, но я видел дочь в щелочку. Она умоглась на койке под грудой синих одеял – лицо распухшее и красное, на подбородке белый квадратик марли. С Брюсом беседовала врач.

Врачу комфортнее говорить с ним. И ее нельзя упрекнуть. Когда я с рыдающей Сэм на руках ворвался в травмпункт, вопя: «Помогите!», медсестры, несомненно, предположили худшее: что ее ранил я.

И не ошиблись. Меня заверили, что с Сэм все обойдется, но угрызения драли меня на части: это я виноват, я один, я привел ее в эту адскую лавку. Еще более терзала растущая уверенность, что Виллард это подстроил. Я не знал как, я ничего не понимал, но чувствовал: он запел нам с такой готовностью, чтобы зачаровать черной магией своей истории, а между тем прикидывал, как сделать больно Саманте. Может, хотел отвлечь нас и сбежать – потому что в хаосе он удрал из лавки. Хоппер кинулся за ним, добежал до Третьей авеню, но мужик испарился.

В травмпункте по моей ажитации догадались, что я рассказал им отнюдь не все, и, конечно, вздохнули с облегчением, едва появились Синтия и Брюс. Я позвонил Синтии из такси, и их частный самолет, уже намылившийся вылететь из аэропорта Тетерборо в Нью-Джерси, развернулся назад к терминалу. Синтия приехала через полтора часа, и медсестра мягко выпроводила меня в коридор.

Или я брежу? И это простая случайность? Может, история Вилларда, ужас, который он обрушил на Сандру, так захватили меня, что я уже не в силах мыслить здраво.

– Она играла, – сказал я Синтии. – Споткнулась об шнур.

– Это не важно, – монотонно отвечала она.

Я растерянно уставился на нее, но смотреть было не на что. Страшное зрелище – лицо, начисто лишенное эмоций, – будто комната, где я прожил всю жизнь, вдруг осталась без мебели, оголилась: ее разбирали и увозили по чуть-чуть, но она уходила в небытие так исподволь, что я прежде не замечал.

Синтия покачала головой; пронзительно-зеленые глаза покраснели.

– Врач сказала, ты примчался сюда, крича, что ее кто-то поранил? Какой-то священник? Ты совсем сбрендил?

Я не нашелся с ответом.

– На этом с вашими свиданиями покончено.

– Я понимаю.

– Нет, не понимаешь. Я иду в суд. Официально. Ты ее больше не увидишь. Никогда.

– Синтия...

– Даже. Не. Подходи!

Она так рывкнула, что какая-то медсестра на ходу обернулась на меня и нахмурилась.

Синтия разгладила блузку, шагнула было к палате, но вернулась.

– Чуть не забыла. – Она порылась в кармане блейзера. – У Сэм в пальто медсестра нашла вот это.

И Синтия сунула мне статуэтку.

Резная змейка черного дерева. Когда миг ошеломления миновал, я вспомнил, где уже такое видел: с этой статуэткой играл глухой мальчик в доме 83 по Генри-стрит.

Он уронил ее в лестничный колодец. Я нашел и отдал.

А теперь она у Сэм.

– Ты считаешь, такая игрушка подходит твоей пятилетней дочери? Мне прямо не терпится показать это судье.

Больничный шум, репродукторы, щелчки и телефонные звонки, скрип колеса каталки, шаги – все вдруг заревело мне в уши разом и так же вдруг выключилось.

Высоченная черная волна снова вздыбилась надо мною, потащила в море. И она все росла, все крепла.

Брюс отдернул занавеску. Сэм снизу вверх смотрела на врача, и забинтованная ручка лежала на одеяле, как потерянная варежка.

Я развернулся и ринулся прочь по коридору.

– Ну-ка вернись! – заорала Синтия мне в спину. – Отдай, я хочу это сохранить!

Я миновал старика на каталке, моргавшего в потолок, потом врача в белом халате. Толкнул двери в вестибюль. С банкетки под телевизором на меня посмотрели Нора и Хоппер.

– Скотт? – крикнула Нора.

Я не остановился, и вращающиеся двери выплюнули меня в ночь.

«Чары» закрылись пять минут назад.

За запертой дверью еще бродила стайка покупателей.

Я замолотил кулаком в стекло. Из-за стойки вышла женщина:

– Мы закрыты!

– Мне нужно к Клеопатре! Это срочно!

Она тряхнула головой, отступила и отомкнула дверь:

– Чувак, извини, конечно, но...

Я рванул мимо нее и немногочисленных клиентов прямо к стойке.

– Она здесь?

На меня в смятении вытаращился блондинистый панк. Я юркнул в глубину, отдернул черный бархат.

– Эй! Вам туда нельзя!

Я шагнул внутрь; Клео за круглым столом беседовала с молодой парой.

– Это срочно. Мне нужна ваша помощь.

– Он прямо ворвался, – пояснил блондин, вбежав за мной.

Клео мое вторжение ничуть не смутило.

– Ничего страшного, – сказала она. – Мы почти закончили.

Пара вскочила, схватила со стола пакет трав и гуськом – нервно меня огибая – отбыла следом за блондином.

Из кармана куртки я выудил статуэтку. Она как будто потяжелела – раньше была легче.

– Вот это нашлось в кармане у моей дочери. Что это за фигня?

Клео поднялась и шагнула ко мне. Белая расшитая крестьянская блуза, джинсы, красные «док мартенсы», пальцы и запястья по-прежнему увешаны серебром. Она осмотрела змейку, стараясь не слишком приближаться, ушла к набитым шкафам в глубине и вернулась с латексными перчатками.

Со щелчком их натянула, осторожно забрала змейку – будто опасную взрывчатку – и унесла на стол.

– Вы только что это нашли?

– Да. – Я придвинул складной металлический стул, сел напротив. – Но я уже такое видел. У другого ребенка, недавно.

Она повертела змейку в руках, потрясла, послушала.

В ярком красном свете с потолка я разглядел, что дерево покрыто прихотливой резьбой – каждая чешуйка, каждый плавник, каждый зубик отполированы и заострены. На морде у твари застыла похотливая гримаса: зубы оскалены, язык торчит.

– Этой штуковиной человека можно пометить? – спросил я. – Оставить на нем, я не знаю, отметину дьявола? Вы слышали о такой штуке – называется *huella del mal*? Печать зла?

Все это пропустив мимо ушей, Клео поставила змейку посреди стола. Сосредоточенно наклонилась, взяла змейку за хвост – кольцами обвивавший тело – и медленно описала ею круг против часовой стрелки. Так она сделала трижды – слышно было только, как статуэтка, раздирая нам уши, скрежещет по дереву.

Клео отдернула руку, будто ошпарилась, и змейка упала набок.

– Что? – поспешно спросил я.

– Вы что, не видели? – расстроилась она.

– Нет. Что такое?

Глубоко вздохнув, Клео снова взяла змейку за хвост и шепнула:

– За тенью следите.

Когда захлестывает адреналин, очень трудно сосредоточиться на неторопливом движении.

Но потом я увидел.

Тень на столе – непреклонно черная – не последовала за змейкой, как полагается. Застыла, будто зацепившись за незримую преграду, дрожа от напряжения, тень-язык удлинился, далеко вытянулся, а потом рывком встал на место – и все прошло. Я в изумлении заморгал и склонился ближе – наверняка глаза шутки шутят, – но это повторилось.

И повторилось снова.

Клео двинула змейкой в другую сторону, по часовой стрелке, и тень поползла нормально.

– Это как? – спросил я.

– Не знаю. – Она отложила статуэтку. – Я же говорю, у меня с черной магией не очень. Я ничего подобного раньше не видела.

– Но о чем-то подобном *читали*. В рамках обширного колдовского образования.

– Я не могу вам помочь. Вам нужен настоящий практикующий черный маг.

– Я не знаю никаких практикующих черных магов. Я знаю только вас, и разбираться будете вы, даже если нам придется просидеть тут две недели.

Я вскочил, грохнув железным стулом, и кинулся к шкафам. На стойках бардак – расплавленные свечи и пепельницы, бумажки с рецептами и заклинаниями, потрепанные блокноты, полиэтиленовые саше с порошками, помеченные «Да» и «Нет», банки черного пепла. От пола до потолка – заплесневелые фолианты.

«Книга сакральной магии волшебника Абрамелина». «777 и другие каббалистические труды Алистера Кроули».

Клео подскочила ко мне:

– Успокойтесь.

«Дурной глаз». «Книга Товита». «Нострадамус. Основы». Я выдернул «Энциклопедию популярных заклиний XIX века» с красной пентаграммой на обложке, и на пол хлынула лавина черных книжек в мягких обложках.

– Так только хуже, – сказала Клео. – Мощная черная магия и нестабильная психика – все равно что обогащенный уран и запал.

Я открыл энциклопедию, просмотрел содержание.

– Может быть, есть еще одно средство, – сказала Клео. – Но я ничего не обещаю.

Я посмотрел на нее:

– Ну и чего вы ждете?

Скривив губы, она глянула на часы, вздохнула и ушла в угол, к маленькой раковине возле стойки с грудой блокнотов и обколотой бумажками пробковой доской. Полистала, поискала, перебирая нарисованные от руки карты Колдовской страны в Пенсильвании, памфлет «Лиги хрустальной науки», хронологию Иоанна Завоевателя^[96], фотографии сотрудников «Чар», «Этический кодекс практикующего мага». Под открыткой с демонического вида мужиком нашла бумажку, сняла ее и взяла радиотелефон.

Я шагнул ближе.

Бумажка оказалась выцветшим газетным объявлением, обведенным красной ручкой. «ТОЛЬКО В НАИУЖАСНЕЙШИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ», а дальше луизианский телефон. Всё.

– Вот это – ваш эксперт? Вы издеваетесь?

– Я же сказала, что ничего не обещаю, – огрызнулась Клео.

Я подобрал бумажку. На обороте осталось ползаголовка – «НАВОДНЕНИЕ ПРЕРВАЛО», – а выше значилось: «„Лафуршская газета“, 8 ноября 1983 г.».

– Не отвечают, – сказала Клео.

– перезвоните.

Она со вздохом нажала «повторный набор».

Но после еще трех попыток покачала головой:

– Простите. Я даже не знаю, что это за номер. Он тут с незапамятных времен. Никто не знает, откуда взялся. Приходите завтра, попробуем...

Я схватил телефон, снова нажал «повтор», забегал туда-сюда, и с каждым гудком сердце грохотало все громче.

Не может быть, что все закончится так. Не может быть, что я невзначай вверг свою дочь в адскую черноту. Так я твердил себе, а потом ко мне пришло тошнотворное понимание: вероятно, то же самое повторял себе Кордова, когда Сандра перебежала через чертов мост.

Правда, за которой я гонялся, оборачивается правдой моей жизни.

Гудки смолкли. В трубке щелкнуло.

На миг я решил, что звонок сорвался, но потом услышал тихий *хрип*.

– Алло? – сказал я. В трубке шуршало и скрипело. – Вы меня слышите?

– Это кто? – просипел некто доисторический. Мужчина, женщина, существо?

Нахмурившись, Клео выхватила у меня трубку:

– Алло?

Откашлялась, удивленно распахнула глаза.

– Да. Это Клеопатра из «Чар», из Нью-Йорка. Надеюсь, я не очень поздно. У нас наужаснейшие обстоятельства.

Она умолкла – видимо, ей пеняли, – но затем с облегчением улыбнулась мне и кинулась к столу.

– Я понимаю. Да, мэм. Спасибо. Если вам надо проверить печь, я подожду. – Клео опять замолчала и глубоко вздохнула, глядя на черную статуэтку.

После паузы она сухо, бесстрастно и лаконично изложила нашу историю.

– И обратная тень хулиганит, – прибавила она.

Умолкла и стала слушать, серьезно насупившись.

Спустя минут десять прикрыла трубку рукой.

– В шкафу, – шепнула она. – Поищите книгу, называется «Символы черной алхимии звериной и минеральной». Должна быть на верхней полке. – Она еще послушала. – Зеленая обложка.

Я побежал к стеллажам. Книга вскоре нашлась – толстенный том некоего К. Т. Джейбёрда Феллоуза. Я сдернул ее с полки и отнес на стол.

– Она не может помочь, пока мы не опознаем животное, – тихо пояснила Клео.

Я полистал книгу, глазами скользя по заплесневелым страницам, по выцветшим изображениям зверей, поблекшему архаичному шрифту.

Дракон. Сердце. Печень. Олень.

– Я понимаю. – Клео сощурилась на статуэтку. – Плавники, на кончике хвоста маленькая присоска. Такой гибрид змеи и рыбы.

Свинья. Козел. Тигр. Червь.

– Проверьте «левиафан», – с жаром зашептала Клео.

Сова. Колонна. Сосна. Левиафан.

Левиафан на цветной иллюстрации был почти точной копией статуэтки. Та же похотливая ухмылка, тот же расширенный язык.

– Вот это что такое, – объявила в телефон довольная Клео, придвинув к себе том. – Вслух? – Она откашлялась. – «Левиафан – первобытный морской змей, один из Князей Ада, – прочла она. – У Данте олицетворяет воплощение абсолютного зла. Святой Фома Аквинский описывал левиафана как один из Семи Смертных Грехов, зависть – неодолимую жажду того, чего не имеешь. На Ближнем Востоке олицетворяет хаос. В сатанизме – inferнальный демон, которого может укротить ведьма или ведун и наслать на мир с разрушительными целями».

Она еще послушала.

– Дайте я спрошу. – Она глянула на меня. – Скольких детей вы видели с этим предметом?

– Двоих.

– Их что-нибудь связывало? Одна школа, одно хобби, дальнейшее кровное родство? Что-нибудь такое?

Я не ответил – голова пошла кругом. Потому что я вдруг вспомнил Моргана Деволля и его дочь, которая кралась за мной по дороге в этой своей ночнушке с вишенками. Она что-то сжимала в кулаке, что-то маленькое и черное. Вот эту статуэтку.

– Нет, – сказал я. – Троих. Трое детей.

– Что у них общего?

Я потер глаза, постарался успокоиться, *подумать головой*.

– От четырех до шести лет. Сталкивались с одной и той же женщиной. Той, которая наложила смертное проклятие на нашу обувь. Александрой.

Дочь Деволля и глухой мальчик с нею, конечно, сталкивались. Но вывод неизбежен: значит, с Сандрой встречалась и Сэм.

Да быть такого не может.

Синтия никогда не разрешала Сэм разговаривать с незнакомцами. И однако Сандра ведь отыскала меня у водохранилища. Могла отыскать и моего ребенка.

– Как они себя вели? – спросила Клео. – Странные поступки? Перешептывания? Тики, судороги? Транс? Разговоры о смерти и насилии?

У меня словно пропал голос. Меня обуревал ужас, на меня надвигались стены. Что я натворил?

Я привел Кордов прямиком к Сэм.

«Ленточный червь, пожирает собственный хвост. У него нет конца. Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь».

– Ау? – сказала Клео.

За каким чертом я не бросил эту затею, когда был шанс?

– Вы, конечно, меня извините, но у нас тут на телефоне настоящая, живая черная ведьма, – прошипела Клео, зажимая трубку рукой. – Мы позвонили, когда она потрошила королевскую змею для заклятия непокоя. И к тому же у нее такой голос, будто она вот прямо сейчас даст дуба. Я бы на вашем месте сосредоточилась. Как вели себя дети?

– У дочери я левиафана не видел. Моя бывшая жена нашла его у нее в пальто. Но дочь вроде была нормальная.

– А остальные?

– Один ребенок глухой. Расстроился, когда уронил статуэтку. Практически истерику закатил, но успокоился, когда я отдал ее обратно.

– Неотменимый импринтинг, – торопливо проговорила Клео в трубку. – А третий?

Дочь Деволля.

– Я ее почти не видел, – сказал я.

– Ничего необычного?

Я припомнил ту ночь – темный двор, усеянный забытыми игрушками, содрогание деревьев, далекий собачий лай, младенческий визг.

– Ее любимая кукла разлагалась в детском бассейне, – выпалил я.

Клео вздрогнула:

– Гольш?

– Потерялась на несколько недель. Они везде искали.

– И?

– Отец выудил куклу, отдал дочери, хотя кукла была адская – глаза выпали, волосы клочьями повывезали.

Клео нетерпеливо замахала рукой:

– И что было, когда он ее отдал?

– Девочка ужасно огорчилась. Заплакала. А потом побежала за мной по дороге, обнимаясь с этой куклой, и попыталась всучить статуэтку мне.

– Явные признаки кукольной магии! – возбужденно крикнула Клео в трубку и пересказала все то, что изложил я. Еще с минуту послушала. – Хорошо. Я попробую.

Вскочила, убежала к стойке, что-то нацарапала на бумажке.

– Я ему передам. Спасибо вам.

И повесила трубку. Ни слова не сказав, сосредоточенно набычилась, присела на корточки и принялась рыться в шкафах, выуживая книги, свечи и мятые газеты. Вернулась с плоскогубцами, красной чашей, черно-белой возвратной свечой и пинцетом.

Все это аккуратно разложила на столе, точно врач перед операцией в полевых условиях.

– Мы имеем дело с кукольной магией, – сухо объявила она, поджигая свечу.

– Это что?

– Чучела. Куклы вуду с булавками. Кукла магически привязана к человеку и им управляет. Довольно распространенная практика. Левиафан симпатической магией был связан с каждым ребенком – поэтому мальчик и не хотел с ним расставаться. И сейчас мы выясним, зачем это все.

Она села, застыла, прикрыла глаза, что-то зашептала. Взяла левиафана, сжала ему голову плоскогубцами. Рукой придерживая тело, крутанула

плоскогубцы очень резко. Голова не поддавалась. Чем сильнее она сжимала змеиную голову, тем громче звенели браслеты и кулоны. Лицо заалело, исказилось, словно от боли, зубы закрипели.

Внезапно раздался громкий свист и щелчок. Что-то пролетело мимо в стенку и стукнулось об пол.

У меня под ногами лежал черный камешек, обернутый медной проволокой.

– Не трогайте! – гавкнула Клео.

Оглушительно запахло серой. Статуэтка оказалась не цельной, но лишь тонкой оболочкой. Клео пинцетом перекладывала в чашу содержимое – буро-золотую жидкость, пряди темных волос и землю.

И все это предназначалось Сэм. Я еле сглотнул поднявшуюся тошноту. Я самодовольно полагал, будто Сандра приведет меня к Кордове, я отомщу за себя, вновь обрету свою жизнь, – но я забыл, что и у меня имеется неверная стезя. Сэм. Он обратил против меня мой же план наступления. Можно подумать, у этого человека прямой доступ ко мне в голову. Теперь этому не будет конца.

– Моя дочь проклята? – спросил я.

Клео задула свечу.

– Что нам делать? – упорствовал я. – Скажите.

– Ничего, – сухо ответила она.

– Ничего?

– Это защитное заклятие. Оно не вредоносно. Совсем наоборот.

Клео улыбнулась моей растерянности, сходила к шкафу и притащила «Худу – заговор – колдовство – зелья». Села, полистала указатель.

– «Неотразимое масло, – наконец прочла она. – Повелительное масло, аир, обсидиан», – это вулканическое стекло, на полу валяется. – Она сурово глянула на меня. – Расплавленная защитная стена. – Она поболтала чашей. – Левиафана взяли, чтобы отпугивать любое зло, грозящее ребенку. А заклятие защищало носителя. Получив эту игрушку, ребенок будет играть только с ней, пока созревает заклятие. Это где-то сто один день. Любые другие любимые игрушки нужно конфисковать и спрятать, чтобы не подрывать силу заклятия. Идеально – утопить, где-нибудь подальше, с глаз долой. Это первый намек на управление через кукольную магию. Эта женщина – Александра, – видимо, украла куклу, спрятала в бассейне, чтобы не ослабить действия статуэтки. Кукла возвращается к ребенку, девочка воссоединяется с любимой игрушкой и играть с левиафаном больше не может. Защита спадает. – Клео нахмурилась. – Но ведьма сказала кое-что странное.

– А именно?

– В магии лечишь подобное подобным. То есть, используя левиафана, символ зависти – «не желай», – Александра, видимо, считала, что этим детям будут завидовать, их пожелают. Вы знаете почему?

Я лишь потрясенно смотрел ей в лицо.

«Так на так». «Простая передача долга». Сандра знала, что после ее побега из «Брайарвуда» отец и брат кинутся на поиски. Выслеживая Паука и встречая на своем пути детей, она, вероятно, боялась, что Кордова использует их – одной душой подменит другую в последней попытке спасти дочь. «И вот так Александра разругалась с семьей, – сказала Марлоу. – Потому что, когда ей наконец все объяснили, она захотела принять свою судьбу. Но Кордова упрямо искал выход. До последнего дня».

– Моя дочь?.. – хрипло пролепетал я.

– С ней, вероятно, все обойдется.

– «Вероятно»? Вы не уверены?

Клео взглядом пригвоздила меня к месту:

– Торнадо сносит дом и владелец гибнет. Трагедия. Но если выясняется, что владелец – серийный убийца, трагедия оборачивается чудом. Правда о том, что творится с нами в этом мире, непостоянна. Текуча. Неизбывно меняется. Иногда и после смерти. – Она встала, вручила мне желтую бумажку с каракулями. – Сюда отправьте плату ведьме. Любую сумму, какую сочтете справедливой. Она предпочитает наличные.

Абонентский ящик в Ларозе, штат Луизиана.

– А вам я сколько должен?

Она покачала головой:

– Идите домой уже.

Я поглядел на опрокинутого и обезглавленного черного левиафана. Он, кажется, слегка посветлел – увядал цветочком, срезанным с животворной ветки. Впрочем, не исключено, что у меня разыгралось воображение. Я вошел сюда, полагая, будто способен отличать факты от вымыслов. Теперь я сомневался, что понимаю разницу.

Я встал, пронзительно провизжав стулом по полу.

– Спасибо, – сказал я Клео.

Она кивнула, и под ее взглядом я нырнул меж черных портьер.

Покупатели разошлись, огни погасли, и потертые половицы заливал оранжевый уличный свет. Двое продавцов за кассой тревожно перешептывались, но осеклись, когда я прошел мимо и отпер дверь.

– Откуда к нам? – спросила меня женщина.

Была она пухлая, с круглым добродушным лицом. Накануне вечером, когда мы заселялись, они с мужем дежурили вдвоем.

– Саратога, – ответил я.

– Неплохо прокатились. На каноэ плавать собрались?

Трудно не заметить, что у моей машины каноэ на крыше.

– В ближайшие дни холод обещают, одевайтесь потеплее.

– Лишний ключ дадите? – спросил я.

– А, точно. Какой номер?

– Девятнадцатый.

Она отцепила кольцо с ключом, протянула мне.

– Карты нужны? Рассказать, показать?

– Нет, спасибо, – ответил я и подхватил с пола магазинный пакет.

– В ресторане ужин до одиннадцати. Все домашнее. И яблочный пирог – закачаетесь. Очень рекомендую.

– Спасибо, учтем.

Стеклянная дверь звякнула колокольчиком у меня за спиной, и я обернулся. Все хозяйкино дружелюбие как рукой сняло: она внимательно разглядывала меня поверх бифокальных очков.

Я помахал и зашагал по крытой веранде.

Накануне, глянув все придорожные мотели вдоль Нью-Йоркской дороги номер 3 в Адирондаке между Файн и водопадом Муди, я выбрал «Мотель и ресторан „Вид на закат“» за его анонимность. В Чайлдуолде, в сорока милях к северу от Каргаторп-Фоллз, он куксился прямо у обочины: двадцать унылых номеров, каждому выделено одно жалкое заляпанное окошко и одна коричневая дверь. При мотеле имелась популярная среди населения едальня, а на автостоянке теснились машины, которые, по номерам судя, съехались отовсюду, от Мичигана до Вермонта. Через дорогу располагался людный автотуристический лагерь «Зеленые луга» («ГОСТЕПРИИМСТВО СЕВЕРНЫХ ЛЕСОВ», – гласила деревянная вывеска), и, по моим догадкам, через «Вид на закат» проезжало столько народу, что в отдельных гостей владельцы не станут особо вглядываться.

Тут я *не угадал*. Эта женщина смотрела так, будто предвкушала, как спустя считанные дни станет тыкать в меня пальцем на опознании подозреваемых.

На ходу я взглядом скользил по стоянке. После обеда она опустела,

машин раз-два и обчелся – ничего подозрительного, никто за мной не наблюдает. Какой-то лысый вылез из белого седана, потянулся, зевнул и направился в администрацию мотеля.

Я остановился у номера 19 – предпоследнего – и один раз стукнул в дверь.

Хоппер открыл. Я просочился внутрь.

– Как успехи? – Он повернул ключ в замке.

– Нормально. Пришлось мотануть аж в Таппер-Лейк. – Я протянул ему пакет, и Хоппер выудил новый аккумулятор для фотоаппарата: утром выяснилось, что Хопперов не заряжается, и я поехал за новым. – У нее только один лишний ключ. Кому?

– Норе отдай.

Нора сидела в углу на двухспальной кровати и грызла протеиновый батончик. Взяла ключ, бледно улыбнулась, и ее глаза задержались на моем лице.

Я понимал, о чем она думает, – мы все трое об этом думали. Что, если план, который мы методично составляли последние двенадцать дней, – все-таки ошибка?

Мы взвесили все возможности. Других не обнаружилось. Если я позвоню Шерон Фальконе и расскажу о преступлениях оккультного толка, творящихся, как я подозреваю, в «Гребне», она скажет мне то, что я знаю и без нее. Для получения ордера полиции нужны улики, а улик у меня нет.

Зато у меня есть представление о том, как тайно проникнуть в «Гребень». Паук говорил, что для горожан прорезал в ограде дыру над узкой речкой. Марлоу упоминала, что речка вытекает из Лоуза.

Изучив подробные карты местности, я никаких таких речек не нашел. Затем, однако, мы откопали геологическую карту Адирондака аж 1953 года и вычислили, где эта речка может быть: безымянный хлипкий ручеек, что петлял вдоль северного берега Лоуза и сквозь густой лес вел к поместью.

Если удастся отыскать этот ручей и незаметно пробраться за ограду после темноты, мы раз и навсегда выясним, что там происходит, – есть ли улики не только оккультных практик, но и взаправдашних убийств детей, на которые намекал Паук. Постараемся собрать доказательства, до зари выйдем так же, как вошли, а потом все передадим в полицию.

Риск вслепую – и хуже того: незаконно, аморально, нарушает границы даже либеральнейшей этики журналистских расследований, совершенно возмутительно. Вполне вероятно, в итоге кто-то из нас угодит за решетку – или покалечится. Лично мне, вероятно, светили новые бездны

профессионального позора. Я прямо видел заголовки: «Показалось мало: падшего журналиста задержали при попытке проникновения в поместье Кордовы. Судья назначил всестороннюю психиатрическую экспертизу».

Я так и объяснил Норе с Хоппером, подчеркнул, что это мое решение, решение личное, а не профессиональное, и им лучше бы отсидеться в тылу. Но Хоппер тоже выступил категорично. Сказал угрюмо: «Я в деле», будто давным-давно это понял. Нора тоже откликнулась с жаром.

– Я еду, – объявила она.

На том и порешили.

Однако за последнюю неделю, пока мы зубрили план, собирали припасы и по заросшим дорогам семь часов катили в Адирондак под унылым серым небом, реальность предстоящего росла экспоненциально. Мы взялись карабкаться на гору, но она под нами внезапно разбухла хаосом небоскрежного горного хребта, стряхивала нас, а снежная шапка вершины терялась в облаках.

Каждое Норино певучее слово – «А можно мы заедем на заправку? Я хочу гренок с кленовым сиропом» – звучало обреченно, и я снова и снова жалел, что разрешил ей поехать.

Я нервничал: сколько бы мы ни раскопали информации про Сандру и ее отца, картина во всей полноте так и не сложилась. Клео ведь предупреждала: «Правда о том, что творится с нами в этом мире, непостоянна... Неизбежно меняется».

Вполне возможно, «Гребень» – и сам Кордова – как запертая шестиугольная китайская шкатулка Бекмана, которую я много лет назад пытался взломать: им тоже надлежит навеки пребывать запечатанными, и нутро их сокрыто от света дня не без причин.

Клео уверяла, что заклятие в левиафане не злое, но это мало меня утешало. Пусть Сандра хотела защитить Сэм, пусть Хоппер любил Сандру – все равно она оставалась изменчивой загадкой, а ее поведение в ту ночь у водохранилища в Центральном парке по-прежнему непостижимо. Как у Сэм в кармане пальто очутилась статуэтка? Воображая, что однажды Сандра приближалась к моей дочери, я вскакивал среди ночи в ужасе, который лишь обострялся, ибо я понимал, что это моя вина.

Из-за меня Сэм пострадала. А вдруг так мне явлена была моя истинная природа – неприкрашенный портрет, бесконечный и непроверяемый, как меж двух зеркал: эгоистичный слепец, которым я был и останусь навеки. Я названивал Синтии, хотел справиться о Сэм, но Синтия не подходила к телефону.

А ведь еще Паук и «Взломанная дверь».

Из «Чар» я вернулся напрямик в антикварную лавку. Лавка была закрыта, окна черны. Нора и Хоппер приходили туда со мною назавтра, потом еще два дня подряд. Мы наблюдали за домом из тени на крылечке через дорогу, подкарауливали промельк света наверху, трепыхание занавески.

Но здание оставалось непроницаемо и безмолвно.

Очевидно, Паук вернулся, упаковал чемодан и исчез в ночи – возможно, навсегда. Логично: в конце концов, его настигло прошлое, сначала Сандра, потом мы. Но осыпавшийся красный фасад «Взломанной двери», загадка исчезновения Паука и, что еще страшнее, раздумья о том, что же случилось с Сэм в его лавке, – все это оставило по себе вопросы, которые грызли меня заживо, изматывали, как неотступная лихорадка.

Я даже сомневался, что мыслю здраво. Сэм – это предел. Граница нарушена. Ловко скрываясь во мраке, предъявляя нашим взорам лишь рукотворные искаженные тени на стене, Кордова по-прежнему существовал главным образом у меня в голове. Для недруга нет крепости прочнее, о чем вам поведают и его фильмы. Подозреваемая, но незримая угроза, питаемая воображением, изнурительна и всемогуща. Она калечит, не успеваешь ты выйти из комнаты, вылезти из постели, хотя бы открыть глаза и вздохнуть.

Статуэтка левиафана и ее трепещущая тень, своенравно скользившая по столу, – привет из сокровенного мира за пределами того, который я принимал за данность всю жизнь, за гранью реальности, якобы, как уверяли меня наука и логика, постоянной и меняющейся лишь в пределах конечного набора законов. Хулиганящая тень – точно краешек неведомого. Несомненность и истинность этого мира дали трещину. Крошечная дырочка в обоях – можно закрыть на нее глаза, списать на то, что разум шутики шутит. А можно отодрать побольше, все шире и шире, и она гротескно разрастется, а потом отклеится вовсе – и какая же стена откроется мне? А если снести эту стену – что за ней?

Против сомнений было одно средство: отпихнуть их подальше и сосредоточиться на конкретном плане.

Хоппер дошнуровал ботинки. Встал, застегнул куртку. Нора стояла перед зеркалом и из таинственных соображений мазала рот красной помадой, уместной в парижском джаз-клубе. Почмокав, она присела, подтянула повыше камуфляжную штанину и термобелье, поправила на лодыжке нож, который я купил ей вчера в «Уолмарте» Саратога-Спрингс.

Пусть, по крайней мере, сумеет себя защитить.

– Так, бойцы. Повторим последний раз.

Я расстегнул рюкзак, вынул карту.

Наш тщательно выношенный план – веревка, за которую мы цеплялись.

И все же я спрашивал себя: а вдруг, на ощупь зайдя по ней во тьму, мы обнаружим, что другой конец ни к чему не привязан?

* * *

На озеро Лоуз мы отправились кружным путем, старательно огибая центр Каргаторп-Фоллз.

И очутились в паутине безлюдных петляющих закоулков.

Машина была прокатная – черный джип, – но не угадаешь, кто в Каргаторпе причастен к тому, что творится в «Гребне», а я не хотел рисковать, привлекая к нам внимание. Мы наблюдали за Перри-стрит, не говоря уж обо всех машинах, что попадались по пути на север, но, похоже, никто за нами не следил.

За минувшие пять лет я и забыл, до чего непроходима эта глушь, до чего безвоздушна. Холмы кишели хвойными, кленами и буками, мощные ветви тянулись к дороге, словно хотели нас придушить, и поглощали жалкие остатки дневного света. Срубы, продуктовые лавки, разорившиеся пункты видеопроката одиноко торчали на разлагающихся пустырях.

– Следующий поворот налево, – сказала Нора.

Вскоре возник указатель: «Поляна Уэллера».

Я притормозил, свернул влево на стоянку. Еще две машины: синий пикап и универсал, – наверное, туристы уже вышли на озеро. Я заполз на парковочное место в самом дальнем углу, занавешенном крупной тсугой, и вырубил мотор.

– Все чисто, – сообщил Хоппер, выглянув в заднее стекло.

– Что-нибудь беспокоит? Последний шанс, – сказал я и посмотрел на Хоппера.

Он пронзил меня взглядом из зеркала заднего вида, и этот взгляд был красноречивее слов. Его теперь не остановит ничто.

– Бернстайн? – окликнул я.

Нора натянула черную вязаную шапочку и запихивала под нее беглые пряди.

– Ой, мать честная. Чуть не забыла. – Она порылась в кармане жилета

и вынула два полиэтиленовых пакетика. Открыла один, выудила тонкую золотую цепочку. Поманила меня, а когда я наклонился, надела цепочку мне на шею. – Это святой Бенедикт.

Топорно сработанная бижутерия – кулон с каким-то исхудалым собратом Иисуса в мантии.

– Он в католическом сонме святых – как напалм, – пояснила Нора, перегнувшись через спинку, чтобы нацепить такую же красоту на Хоппера. – Что бы ни случилось, если есть Бенедикт – ничего больше не нужно. Он нас там от всего защитит.

– Спасибо, – сказал Хоппер.

– Ты себе-то припасла? – спросил я.

– Ну а то.

– Тогда двинулись.

Разгружали машину шустро – меньше шансов попасться кому-нибудь на глаза. И еще я понимал, что сейчас, стоит хоть чуть-чуть замяться, сомнения затопят нас, как вода – дырявую лодку.

Хоппер отнес весла на причал. Я отцепил каноэ «Сурис-ривер» от багажника на крыше. Нора взяла спасательные жилеты и рюкзаки. Я спрятал ключи от машины под камнем у корней тсуги, на случай если разделимся и кто-то вернется раньше. Мы с Хоппером подхватили каноэ и, напоследок оглянувшись на джип, зашагали через стоянку.

Мы спустили каноэ в воду, Хоппер ступил внутрь и запихал свой рюкзак под сиденье на носу. Нора забралась следом – на шее у нее болтался бинокль. Я взял весло, кинул в каноэ свой рюкзак, собрался уже залезать, но тут заметил, что в куртке вибрирует телефон.

Я подумал было не отвечать, но потом сообразил, что это, может, Синтия. Стащил с руки перчатку, расстегнул карман. Номер заблокирован.

– Алло?

– Макгрэт.

Как не узнать этот голос. Шерон Фальконе.

– Блин, связь дерьмовая. Ты как будто в другом полушарии. Дай я перезвоню...

– Нет-нет-нет, – выпалил я. Накатило зловещее предчувствие: что-то не так. – Что случилось?

– Да ничего. Ты же нам сведения дал – вот хотела поделиться впечатлениями.

– Сведения?

– Для ювенальной юстиции.

Домовладелица и ее глухой племянник в доме 83 по Генри-стрит.

Я и забыл.

– Ты уверен, что адрес был правильный? Генри, восемьдесят три?

– Абсолютно точно.

– Они проверили. Нет данных о том, что в доме кто-то проживает.

– Что?

– Там никто не живет. Нету жильцов в...

Ее голос вдруг прервался. На линии что-то металлически загрохотало.

– Алло?

– ...незаконно... пару раз на той неделе...

– Шерон!

– ...по колено в серьезных...

Голос ее прорывался сквозь дикуую статику.

– Алло?

– ...се было нормально. Макгрэт, ты еще тут?

– Да! Алло?

В трубке раздался скрежет, и Шерон пропала.

Я попытался перезвонить, но соединиться не удалось. Я подождал еще минуту, слабо надеясь, что она пробьется опять, но связи не было. Я спрятал телефон в карман и изложил свежие вести Норе и Хопперу.

– Как это – пусто? – удивилась Нора.

– Там не было жильцов.

– Но этого же быть не может.

– Думаешь?

– Да нет, – сказал Хоппер. – Может, они были нелегальные мигранты.

Пришли мы, они испугались.

– Но Сандрина соседка, – возразила Нора. – Иона. Она-то была легальной. Акцент американский, сказала, что живет там уже год. Она-то почему сбежала?

– Не хотела, чтоб арестовали за проституцию.

Нору это не убедило.

– Как-то странно все это.

Оба примолкли в ожидании моей реплики. Я распознал этот миг – шанс бросить наш замысел, передумать, вернуться.

Белое небо поблекло, посерело, лес вокруг застыл в безмолвии. Я забрался в каноэ и взялся за весло.

– Проверим, когда вернемся, – сказал я.

Никакого ручья – сплошное болото.

Последний час был потрачен на преодоление озера Лоуз – гребли мы с Хоппером. Потрепанные переменчивыми течениями и безжалостным холодным ветром, мы плыли мимо пустынных островов, заросших соснами, мимо призрачного дерева, что росло прямо из воды, уставив в небеса чахлый ствол с жидкими ветвями, точно молящий о пощаде изгой. Теперь же, добравшись до северного берега, мы упорно искали сокровенный ручей, что приведет нас в «Гребень». Мы застряли в илистой воде, заросшей осокой и покрытой толстым слоем зеленых водорослей, который распадался на комья, а затем, едва мы протискивались, затягивался снова, стирая наш след подчистую.

Ветер поутих – странно, всего пару минут назад на озере он бушевал. Нас обступали густые деревья – плотным строем, точно жертвы кораблекрушения, навеки брошенные на берегу. Ни единой птицы, ни шевеленья в ветвях, ни вскрика – можно подумать, все живое отсюда драпануло.

– Ну явно ведь что-то не то, – сказала Нора, обернувшись.

Я сидел у нее за спиной, а потому не заметил, как она разнервничалась.

– Дай карту.

Она протянула мне карту и компас.

– Надо возвращаться, – бросила она, глядя в камыши.

– Что? – окрылся Хоппер, тоже оборачиваясь.

– Нам нельзя тут застрять в темноте. Тут же спать негде.

– Зачем нам тут спать?

– Нам надо по ручью. И где ручей?

– Еще чуть-чуть поищем, – сказал я.

Не прошло и пары минут, мы зацепились за утопленное бревно. Не моргнув глазом, Хоппер залез в воду и, по бедра в грязи, толкнул каноэ. Когда забрался назад, джинсы его были все в иле и странных светящихся водорослях – он, кажется, не замечал и плевать хотел. Он решительно смотрел вперед, будто в трансе, и молотил веслом по озерной траве. Наверняка вспоминал Сандру – здесь, в этой суровой глухой пустоте, сами собой пробуждались сожаления и страх.

Продвигались мы медленно. Болото воняло гнилью – видимо, амбре источали водоросли, и чем дальше мы углублялись в топь, тем они становились гуще. Чтобы одолеть лишний дюйм этой жижи, этого душного коридора меж желтых камышей, весла приходилось вгонять вертикально.

Я глянул на запястье. Пять уже миновало. Меньше часа до заката.

В это время мы планировали уже оказаться в «Гребне».

Нора вдруг ахнула, прихлопнула рот ладонью и ткнула пальцем влево.

На камышинке висела выцветшая красная бечевка – кончик болтался в воде. Знакомый натюрморт: Марлоу говорила, что такие бечевки и привели Кордову на ритуальную поляну.

– Мы на верном пути, – сказал Хоппер.

Мы налегли на весла, и дно болота внезапно ушло в глубину, а ил истончился. Словно из ниоткуда возникло неверное, но ощутимое течение. Слышался только плеск воды да шорох трав, что склонялись погладить каноэ по бокам.

– Я вижу ограду, – сообщил Хоппер.

Далеко впереди я тоже различил темный абрис ограды, перерезавшей ручей южной границей поместья.

В двенадцати футах от ограды мы свернули к берегу. Ограда походила на укрепления заброшенной тюрьмы: проржавевшая сетка, колючая проволока по верху. Там, где сетку пересекал ручей, она была жестоко изрублена – ровно так, как описывала Марлоу: заскорузлые концы загибались, открывая треугольную дыру в фут шириной.

– Камер не видно? – спросил я.

Нора поводила биноклем и покачала головой.

Я расстегнул рюкзак, вынул люминесцентную лампочку и вылез из каноэ. И тут же разглядел три провода, горизонтально пересекавших изуродованную сетку. Провода обвисли, а на ближайшем железном столбе вырвались из изоляции.

Цоколем лампочки я потыкал в провода. На первых двух – ничего. Но на третьем, нижнем, лампочка вспыхнула оранжевым и перегорела.

Столько лет – а ток все идет. Я шагнул ближе к ручью, проследил, как провод вяло ползет меж разорванных звеньев сетки, перевешивается через ограду и продолжается на другой стороне.

– Он под напряжением, – сообщил я, вернувшись. – Лампочку мне пережег.

– Убийственная система безопасности, – отметил Хоппер. – Извините за каламбур.

– Не смешно, – возразила Нора, неуверенно глянув на меня.

– Мы пролезем, – сказал я. – По одному и лежа.

Был и другой вариант – вплавь, без лодки мы проскочили бы с легкостью, – но температура вот-вот упадет ниже двадцати градусов, и если мы промокнем по шею, это серьезно подорвет наши силы и затруднит систематический обыск поместья. Проплыть под проводом

в каноэ – оптимальный выход; главное лежать ниже бортов. Каноэ из стекловолокна, но по внешнему краю алюминиевый кант. Я, конечно, не электрик, но, по-моему, алюминий наэлектризуется, если его коснется провод.

– Хоппер, – сказал я. – Ты первый.

Он спихнул рюкзак к середине каноэ, лег и скрестил руки на груди.

Мы отошли подальше, нацелили нос в брешь. Может, меня в сумерках обманывало зрение, но едва каноэ заскользило вперед, я, честное слово, увидел, как оградная сетка *сжалась*, принялась извиваться, точно растение, способное чутко движение жертвы.

В двух футах от ограды нас подхватило и снесло сильным течением; каноэ врезалось в брешь боком, и от удара провод свалился ниже.

– Сейчас коснется, – прошептала Нора.

– Металл руками не трогать, – велел я.

Она подняла весло, я взмахнул своим, втиснул нос каноэ в прореху, и драная сетка заскрежетала. Мы вдвинули лодку еще на несколько дюймов, и тут я заметил, что провод опять опускается – мы в капкане. Я ничего не успел предпринять – он стукнулся о борт каноэ. Я сжался в ожидании белой электрической вспышки.

Ничего.

Я сунул весло в воду, удерживая каноэ ровнее. Проплыл еще с фут. Хоппер уже очутился на другой стороне, провод – у Норы перед носом, сетка скребла по бортам.

– Прошел, – сказал я.

Хоппер сел. Нора подтолкнула к нему весло, подползла ближе и свернулась калачиком.

– На случай если меня стукнет, а мне пора умирать: я вас обоих люблю, и мне никогда в жизни не было так прекрасно.

– Тебе еще не очень пора, Бернстайн, – отозвался я.

Мы поволоклись вперед. Тишина, только плещет вода и скрипит сетка, с трудом нас пропускающая. Каноэ на что-то наткнулось под водой, провод опустился и коснулся бортов. Я отчетливо услышал, как вокруг негромко фыркнуло электричество, но тут провод опять поднялся, мы пролезли, и настала моя очередь.

Я лег; вокруг бурлила вода.

– Последнее слово будет? – осведомился Хоппер.

– Постарайтесь меня не убить.

Каноэ дернулось, провод стукнулся о борт в считанных дюймах от моего носа. Проскользнул у меня над головой и исчез.

– Проскочили, – шепнул Хоппер.

Я сел, оглянулся – ограда удалялась с замечательной быстротой. Течение стало сильнее, вода разливалась, будто ей не терпелось доставить нас... куда? Однако ограда – не просто ограда. Это была ловушка. Может, Марлоу не по простоте душевной помянула этот тайный ход – может, хотела заронить семя, чтобы ровно здесь мы и попытались войти. Зачем? Прикончить нас электрошоком? Или благополучно заманить в поместье Кордовы, чтобы тут мы и остались навсегда?

* * *

Мы гребли, и со всех сторон черным приливом накатывала ночь.

Прежде лес был объят тревожным безмолвием. Теперь же отовсюду доносились шумы. Трещали ветви. Шелестели листья. Содрогались деревья – будто дикое зверье, что днями пряталось, теперь продирало глаза и выползало из нор.

Глаза мои не различали ничего, кроме Нориных сгорбленных плеч и силуэта Хоппера на носу. Я вспомнил, как Оливия Эндикотт описывала свое удушье, и меня кольнул страх. Ровно те же ощущения: я словно ухожу, устраниюсь, утопаю. Сначала я все свалил на адреналин и нервы, но тяжесть наваливалась очень отчетливо, будто я надышался влажным воздухом, и теперь он расползается во мне, связывает руки, подавляет мысли.

Хоппер указал вперед. В конце черного древесного тоннеля блестела открытая вода.

Пруд Грейвз, где утонула Джиневра.

Вскоре мы миновали устье, пристали к берегу и прислушались. Нора отвела от глаз бинокль, кивнула, и мы беззвучно двинулись дальше, свернули вправо, стараясь держаться у самого края, под защитой нависших ветвей.

Далеко слева, на другом берегу, показалась деревянная пристань.

Похоже, заброшенная – в воду уходила кривая деревянная лестница. Каменистая тропинка петляла вверх по крутому холму, постепенно проступавшему в темноте.

Хоппер и Нора встрепнулись.

Тогда и я увидел, что надвигается, что неспешным темным солнцем вздымается над холмом.

«Гребень».

В лунном свете исполинский особняк на гребне холма полнился такой чернотой, что ночь вокруг посерела. Величием своим он отсылал прямиком в дворянскую Европу, утраченный мир карет и свечей. Заостренные фронтоны копьями пронзали небо. Я разглядел прихотливый портик, колоннаду порт-кошера, три этажа темных окон – и все это пропитано тенью, будто тени и есть тот раствор, что не дает дому развалиться. Если вдуматься, особняк как будто знать не знал о законах физики, о неизбежном разложении и распаде грандиознейших рукотворных сооружений и гордо обещал возвышаться над холмом еще не одно столетие.

От пруда Грейвз к особняку, задыхаясь, избегала заросшая лужайка. Ни единого шевеления, ничего живого. Похоже, особняк давно заброшен.

Мы отошли к берегу, каноэ приткнулось в грязи, а мы вылезли и вытащили рюкзаки. Вдвоем с Хоппером отнесли лодку повыше, положили меж деревьев, за упавшим бревном, и забросали листьями и ветками. Нора воткнула в землю прут, чтобы мы потом знали, где искать наш тайник. Затем мы оглядели друг друга. Хоппер как будто оживился, лицо во тьме ожесточилось. У Норы лицо подозрительно пустое. Я ободряюще сжал ее плечо, но она лишь подергала замок на молнии и застегнула куртку под самое горло.

– Не забываем запасной план, – прошептал я. – Если что, встречаемся здесь.

Мы кивнули друг другу и двинулись в путь. Планировали мы так: сначала сходить к дому, проверить, не удастся ли влезть внутрь, а потом искать ритуальную поляну. Шли мы к северу, жались к берегу пруда, а затем гуськом вскарабкались на крутое взгорье по лесу, примерно в направлении особняка. Забрались на вершину и, не выходя из спасительного леса, обозрели восточное крыло «Гребня».

Вблизи особняк оказался великолепен, но видны были избитый ветрами фасад и потеки на темном известняке. Я различал затейливые детали фронтонов и углов, черную ковку и каменную резьбу вдоль свесов на крыше. На подоконниках и над дверями гнездились горгульи-вороны – на первый взгляд как живые. Солярый под стеклянным куполом на первом этаже выходил на лоджию с колоннами – все пропитала темнота, будто там забродили черные испарения особняка.

От крыльца террасы, извиваясь в высокой траве, каменистая тропинка

бежала к покинутой бирючине за домом и где-то за ней терялась. Я помнил аэрофотосъемки: тропа уходила в обширные сады, где было снято столько сцен «Дышать с королями». Судя по «Гугл Планета Земля», осколки причудливых ландшафтных работ там еще сохранились – гравийные дорожки, скульптуры, – но почти все заволокло одичавшей растительностью.

– Пойду гляну, есть ли кто дома, – сказал Хоппер.

– Что? Ну уж нет. Ждем здесь.

Остановить его я, впрочем, не успел: Хоппер шагнул на лужайку и невозмутимо потрусил вниз по холму. Добрался до крыльца террасы, пригнулся, взбежал по ступеням и пропал.

Потрясение мое мигом сменилось яростью. Надо было дотумкать: Хоппер безрассуден, у него свои планы. Я уже собрался было последовать за ним и притащить его назад, но застыл.

Лаяла собака. И похоже, поблизости.

Нора в ужасе обернулась ко мне. Я выставил ладонь – мол, погоди. Встречу с собаками мы учли и купили одежду, маскирующую запахи, – по идее, она должна скрыть наш запах от животных.

Собака снова залаяла, сердито и настойчиво.

А потом в окне щипца под крышей появился одинокий слабый огонек. Закамуфлированный плотными портьерами – и тем не менее.

Кто-то все-таки дома.

Собака умолкла, по лесу промчался ветер. Хоппера не видать. Надо думать, прячется на террасе, ждет шанса возвратиться к нам. Тут, однако, я безошибочно расслышал, как грохнула тяжелая дверь, рассыпалось стаккато шагов и зазвенела собачья цепь.

Я расстегнул Норин рюкзак, порылся среди одежды и нащупал перцовый баллончик. Сунул ей в руку, и тут крупная псина, возмущенно гавкая, кинулась от парадных дверей через лужайку.

Шелудивая, в серых и белых пятнах зверюга с длинным загнутым хвостом смахивала на помесь русской борзой и койота.

Застыла, еще раз предостерегающе взревела и, наострив уши, уставилась вниз, на пруд Грейвз.

Появилась вторая собака – еще крупнее и вся черная. Она поскакала вокруг дома напрямик туда, где притаились мы, и остановилась ярдах в двадцати от террасы, где прятался Хоппер. Угрожающе зарычала. А потом, уткнувшись носом в землю, зигзагом побежала вверх по холму к нам.

– Возвращайся к каноэ и жди меня, – прошептал я.

Нора топталась на месте.

– Иди.

Она в ужасе кинулась прочь, а я – в другую сторону, на лужайку, и вокруг зазвенел лай. Побежал я прямо к откосу, промчался мимо террасы по тропинке и устремился к бирючине. Глянул через плечо – ну да, все как ожидалось: обе собаки неслись за мной, продираясь сквозь высокую траву.

Я рванул вдоль изгороди, нашел в ней брешь и слепо ринулся туда, по заросшему сорняками белому гравию.

Собаки, похоже, нагоняли; лапы стучали по камням.

Я очутился в лабиринте: меня высоченными стенами обступали бирючины, изъеденные лишайником птичьи купальни и лозы на шпалерах. Во мраке белели осыпающиеся статуи – безголовая девушка, змей, обвивший голый мужской торс. Вокруг вздымались гигантские кусты – некогда, вероятно, фигурные, однако их звериные силуэты давно оплыли.

Я взлетел по каким-то ступенькам и вбежал в узкую нишу с пересохшим фонтаном и кованой калиткой.

Остановился и прислушался.

Собаки, похоже, привели друзей – лай доносился со всех сторон.

Я подкрался к калитке.

С другой стороны, зарывав, на меня бросилась собака. Я шарахнулся, уже предчувствуя, как мне в руку вопьются зубы, но пес лишь в негодовании взвыл. Я рванул обратно – с другой стороны на меня побежала другая собака.

Сквозь дыру в изгороди я вылез на открытый двор. В центре, под листом полиэтилена, – большой бассейн.

Я кинулся к дальнему его углу, присел, содрал перчатки и нащупал нейлоновые завязки покрытия.

Собаки скулили, не понимая, как до меня добраться. Я развязал несколько узлов, откинул полиэтилен, заглянул, и меня чуть не вырвало.

* * *

Черная гниль.

Я сдернул рюкзак и ботинками вперед, скрипя зубами, скользнул внутрь. Ледяная вода проглотила меня по шею. Я втащил рюкзак, стараясь его не замочить, – между водой и полиэтиленом оставался какой-то фут. Я вынул фотоаппарат из внешнего кармана, набросил обратно

полиэтиленовый край и, щурясь в наступившей темноте, отплыл подальше от дыры.

Коварно приблизился звон цепи. Собаки нашли меня и теперь лаяли и скулили, носясь вокруг бассейна, ритмично стуча лапами по плитам.

Как можно тише я ощупью двинулся вдоль края; пальцы нашаривали битую склизкую плитку, холод грыз меня заживо.

Я не отрывал глаз от полоски света между полиэтиленом и кромкой бассейна. Левая нога на что-то наткнулась. Олень утоп? Я добрался до угла, оттолкнулся, и вода заплескала чересчур громко. Я замер.

Послышались тяжкие шаги. Кто-то идет – прошагал по мощеной дорожке и ступил во двор.

– Что тут у вас, ребятки? – Тихий мужской голос.

Собаки повизгивали, скача вокруг бассейна, а человек все приближался. Потом остановился.

Кордова?

Мощный луч фонарика заплескался по полиэтилену, золотой круг света заскользил в угол, где прятался я, и меня скрутила паника.

Я спиной вжался в плитки и постарался не шевелиться.

Шаги застучали быстрее, край полиэтилена отбросили прочь.

Фонарик прорезал воду, осветил почерневшие листья и ветки, силуэты лягушек или, может, белок, что дрейфовали в глубине.

Луч поплыл к моему рюкзаку – еще несколько футов, и конец. Я запихал фотоаппарат под полиэтилен на краю, глубоко вдохнул и осторожно погрузился в воду с головой, потянув за собой рюкзак. Утоп на пару футов, открыл глаза, которые тотчас начало немилосердно резать, и посмотрел, как луч пролетел у меня над головой.

Я ждал и старался взять себя в руки; легкие готовы были взорваться. Ч-черт, ну ведь только что дела шли нормально. Как это все вдруг развалилось?

Еще несколько секунд луч повисел надо мной и наконец ускользнул в другой угол. Я всплыл, ловя ртом воздух.

Ночь прорезал пронзительный крик. Кажется, женский.

Нора?

Собаки разразились злобным лаем, затопотали, а луч света утек. Я услышал какую-то возню, затем шаги удалились по камням.

И настала тишина. Ушли.

Я схватил фотоаппарат, доплыл до дыры и обнаружил, что дыры нет. Отмахиваясь от паники – воображение немедленно прикончило меня и пустило мой труп плавать тут среди прочего мусора, – я пощупал

под полиэтиленом.

Завязки снова закреплены.

Я опять положил фотоаппарат на кромку, подтянул к себе рюкзак, отыскал в кармане перочинный ножик, открыл его зубами и стал пилить.

Замерзшие пальцы не слушались, но несколько завязок я перерезал. Сначала выпихнул наружу рюкзак, затем не глядя вывалился сам, и меня тотчас принялся лупцевать холодный ветер. Я огляделся – слава богу, никого.

Я взгромоздился на ноги и нацепил рюкзак на плечо. Взял фотоаппарат, заковылял к арочному проему в изгороди, и в ботинках на каждом шагу хлюпала эта тошнотворная вода.

Я надеялся, что Нора цела, что Хоппер с ней. Мы встретимся у каноэ и придумаем новый план.

Собаки – и человек с фонариком, – видимо, успели уйти довольно далеко: вокруг тихо.

Через арку я вышел на другую мощеную дорожку и очутился у западной границы сада. Справа, за заросшей лужайкой, высился густой сосняк, огромный и черный, а слева, высоко на холме, за всклокоченной растительностью застыл дом.

Его осеняла тьма.

По траве я направился под прикрытие леса, а затем вдоль его границы к югу, вокруг холма, назад к пруду Грейвз. От волглого холода трясло, но я старался не обращать внимания и хотел даже перейти на трусцу. Ноги, впрочем, на мое пожелание не откликнулись. Продираясь сквозь ветки и упавшие деревья, я свернул к востоку и слева разглядел просвет – меж стволов заблестала вода. Вскоре я вышел к устью ручья, по которому мы приплыли, кинулся вброд, погрузившись по бедра в воду и грязь, и поспешно выкарабкался.

Я поплелся по западному берегу и с облегчением – и изумлением – увидел Норин прутик.

– Нора, – прошептал я и шагнул под деревья.

Но, отыскав упавшее бревно, застыл как вкопанный.

Ветки и листья разбросаны.

А каноэ исчезло.

* * *

Я огляделся. Деревья словно заключили меня в тюрьму пожизненно.

Я отошел к пруду, поглядел на лунную воду.

Пусто.

Наверное, Хоппера и Нору поймали. Или они уплыли, а меня бросили. Или за ними гнались, они сбежали, решили вернуться, когда очистится горизонт. Или лодку нашел и забрал кто-то *другой*, и теперь он поджидает меня, наблюдает.

Я изо всех сил вслушивался в ожидании шагов, но ничего не услышал.

Здесь оставаться нельзя. И фонарик не включишь – заметят. Я опять зашагал по берегу, примерно туда же, куда мы уходили отсюда втроем.

Гавкнула собака.

Похоже, до нее несколько миль. Но я ускорил шаг вверх по холму; последний ошметок тепла где-то в животе вяло замерцал, будто вот-вот погаснет.

Я остановился. Справа за деревьями высилось какое-то строение – оно слабо светилось синим в темноте. Я направился туда.

И обнаружил гигантский ангар – крыша плоская, окон вроде бы нет. Я свернул за угол, отыскал стальные двери: ручки перетянуты ржавой цепью на замке. Я побродил вокруг, нашел подходящую каменюку и не с первой попытки, но раздолбал-таки замок. Пусть хоть все человечество слушает – мне уже плевать.

Я сбросил цепь на землю, потянул на себя дверь и ввалился в ангар.

За мной внутрь пролилась Луна – осветила нетесанные стенные балки, бетонный пол, спинку коричневого дивана, одеяло, аккуратно сложенное на спинке, а затем железные двери гулко захлопнулись, и все отступило в черноту.

Я скинул рюкзак, развязал шнурки, разделся до трусов и, чуть не грохнувшись на приступке, рухнул на диван. Нащупал одеяло, укрылся. И съежился, неудержимо дрожа, уговаривая рассудок оттаять. После минутного ошеломления до меня дошло, что на самом деле я хочу только спать. Тут я догадался, что у меня переохлаждение, но эту мысль срочно отогнал подальше.

Сон тебя убьет. Сон – наркотик, тело дает его тебе, прежде чем свернуть лавочку.

Шли минуты. Не знаю сколько – я не мог двинуть рукой и посмотреть на часы. Мысли крохотными сдувшимися буйками ускользали прочь, едва я тянулся к ним, чтобы не утонуть. Я воображал, будто сижу в постели, в квартире на Перри-стрит, и смотрю в потолок. Я спрашивал себя, не угодили ли мы в аварию по пути к «Поляне Уэллера», – может, это я сейчас без сознания, улетел из этого мира, болтаюсь между жизнью

и смертью, между землею и неведомым.

Может, я по-прежнему в этом пакостном бассейне.

Может, я оттуда так и не выбрался.

Но через некоторое время глаза привыкли к темноте. Я смотрел на газету, разложенную передо мной на кофейном столике.

«Страж Довервилла».

ПОЛИЦИЯ РАССЛЕДУЕТ ГИБЕЛЬ МАЛЬЧИКОВ.

* * *

Я заморгал. Я сидел в скромно обставленной гостиной. Белый длинноворсовый ковер на половицах, эргономичные кресла, занавешенные окна, кирпичный камин.

Я здесь уже бывал.

Я бывал *в этой самой комнате*.

На дальней стене подле мини-кухни – три фотографии в рамках. Над диваном нависает торшер с кремовым абажуром. Я нашарил выключатель, щелкнул.

Гостиную залил тусклый свет.

У двери стояло плетеное кресло – на спинку брошено мужское пальто в елочку. Справа на приставном столике – бронзовая статуэтка ар-деко, женщина с хрустальным шаром на голове. Эмили, от ужаса рыдая, хватает эту статуэтку вместо оружия, а затем бежит по коридору и прячется в шкафу в спальне. Вот этот диван, где я сижу, – Эмили сидит ровно здесь в первой сцене, читает в газете о новом убийстве ребенка, а затем входит Брэд и швыряет пальто и дипломат на кресло у двери.

Я поднял голову. Потолка нет – только леса футах в сорока. Оттуда на меня пялились прожектора.

Я на съемочной площадке.

Я в гостиной Брэда и Эмили Джексонов из «Тисков для пальцев» – «зловещего повествования о подозрениях, паранойе, браке и непостижимости человеческой души», как выражался Бекман.

Красавец Брэд, профессор-медиевист из небольшого гуманитарного колледжа в сельском Вермонте, только что женился на Эмили, молодой обладательнице смертоносного воображения. Ее увлекает череда нераскрытых убийств мальчиков в округе – всем по восемь лет, – и она подозревает, что убийца – ее муж. «Тиски для пальцев» так и не дают внятного ответа, виновен ли Брэд. Лично я считал, что Брэд виновен, хотя

интернет и, разумеется, «Черная доска» изобиливали обоснованиями обеих возможных позиций. В своей книге «Американская маска» Бекман посвятил «Тискам для пальцев» целую главу: глава 11, «Дипломат». Он писал, что правда, способная даровать освобождение как Эмили, так и зрителям, кроется в потертом кожаном дипломате, который Брэд, вечерами возвращаясь домой после лекций, тщательно запирает в сейф вместе со своими тисками для пальцев – средневековым орудием пытки.

Этот дипломат царит и властвует над фильмом – Эмили им одержима, отчаянно пытается его украсть, взломать замки, посмотреть, что там хранит муж, – по сути дела, дипломат выступает главным героем, на экране появляясь чаще самого Брэда. Ни Эмили, ни зрителям так и не показывают, что внутри, – нарративный прием, который спустя пятнадцать лет использует Тарантино в «Криминальном чтиве»^[97].

В третьем акте, во время столкновения Эмили и Брэда, когда они дерутся – Эмили убеждена, что отбивается от психопата, Брэд убежден, что жена сошла с ума, – дипломат невзначай заваливается между кроватью и стеной. Там он и остается, незамеченный, таится в крохотном вермонтском коттедже, который – поскольку сироту Эмили сдают в психбольницу, а Брэд мертв – будет пустовать еще неизвестно сколько лет.

В последних кадрах нам показывают этот дипломат, камера медленно отъезжает из-под кровати, петляет по коридору, вылетает из двери, мимо полиции, в леса – и наступает затемнение.

Я скатился с дивана – ноги смутно припомнили, что значит чувствовать, – и подошел к камину.

Затем к книжным шкафам. «Тиски для пальцев» снимались в 1978 году, и на полках стояли «В поисках мистера Гудбара», «Жребий Салема», «Близнецы-соперники»^[98]. Потрепанные книжки, привет из тех времен, как и геометрический буро-горчичный узор на обоях, и лакированная мебель, и нарядный оранжевый светильник у парадной двери, и оранжевая плитка в кухоньке, и старая вафельница «Дженерал Электрик» на кухонном напольном шкафу.

Время застыло – точно жизнь замерла на полуслове. Похоже, здесь десятилетиями никто не бывал.

Я вышел в темноту узкого коридора. Продвигался я ощупью, наткнулся на две фальшивые двери – обе открывались обратно в ангар, – но дверь в конце привела меня в другую комнату.

Хозяйская спальня Джексонсов. Я открыл шкаф. На штангах висела одежда Эмили – халаты, джинсовые клеши, сандалии на платформе

и модные танцевальные сапоги. С другой стороны – одежда Брэда: шерстяные брюки, твидовые пиджаки.

С верхней полки я стащил коричневые вельветовые штаны и желтую рубашку из полиэстера. И надел *очень быстро*, потому что не хотел даже пытаться объяснить себе, как меня угораздило облачиться в тряпки семидесятых, принадлежащие Брэду Джексону, как я дошел до того, что буквально мародерствую в «Тисках для пальцев».

Штанины оказались коротковаты, но в целом брюки подошли. Значит, Рэй Куинн-младший, сыгравший Брэда Джексона, в отличие от большинства голливудских звезд, пигмеем не был. Я натянул красный свитер, в рукавах слишком узкий, отыскал носки в ромбик. На комод красовалась магнитола «Филипс» с «Расплатой» Джеймса Брауна на вертушке^[99]. Я уже собрался вернуться в гостиную и перегруппироваться, но в дверях застыл.

Мне вдруг привиделся Вольфганг Бекман – как он орет, пуча глаза: «Ты нечаянно забрел в вермонтский дом Брэда и Эмили Джексонов и тебе не пришло в голову поискать под кроватью дипломат? Ты для меня навеки умер».

Прислушавшись к этой галлюцинации, я сел на корточки и заглянул под кровать.

Слишком темно; я встал, включил лампу на тумбочке и оттащил кровать от стены.

Что-то упало. Он – там.

Я вытаращился.

Знаменитый бежевый дипломат «самсонит».

Он застрял между стеной и другой тумбочкой. Удивительное дело – однако что там говорила Эмили в фильме? «Куда дипломат, туда и Брэд». Я невольно оглянулся, отчасти ожидая, что на стене коридора нарисуется искаженная тень Брэда.

Я схватил дипломат за ручку – надо же, тяжелый – и плюхнул на кровать.

Подергал замки. Заперт. Но ведь я знаю комбинацию – Эмили из кожи вон лезет, чтоб ее раздобыть. Дата падения Рима, последняя соломинка, довершившая развал Римской империи и положившая начало Средневековью.

410.

Я покрутил колесики. Замки щелкнули.

Я поднял крышку.

Дипломат был набит бумагами. Я извлек номер «Тайма» за 31 июля

1978 года – на обложке первый в истории ребенок из пробирки. Под журналом – кипа студенческих работ с оценками и рукописными комментариями. «Марси, ты убедительно доказываешь, что Средневековье – естественный исторический этап, но нужно смотреть глубже».

Увидев то, что было под бумагами, я застыл.

В уголке – аккуратно сложенная клетчатая мальчишеская рубашка.

Я вынул ее, и к горлу подкатило – сморщенные рукава развернулись, будто по собственной нетвердой воле.

Грудь рубашки затвердела – ее покрывали темно-бурые пятна.

На вид устрашающе натуральные – подлинный сувенир подлинного убийства. Сама ткань на вид избитая, словно в нее впитались и высохли следы невообразимой жестокости.

Ничего себе постарались ради реквизита, который в фильме и не мелькает ни разу. Я вспомнил изуродованные белые костюмы в гардеробной Марлоу. «Я погрузилась в свое самое потаенное, самое изувеченное нутро, в недра, которые страшилась открывать, потому что сомневалась, удастся ли их потом закрыть».

Может, фильмы Кордовы подлинны? Экранный ужас – подлинный ужас, убийства – подлинные убийства? Возможно ли такое?

Это объяснило бы его популярность – ничто не трогает людей, ничто не притягивает взгляд сильнее правды. И это объяснило бы, почему все, кто с ним работал, потом помалкивали. Может, они сообщники – поведав миру об ужасах на площадке, подставились бы сами. Вполне вероятно, под конец съемок у Кордовы на всех накапливался компромат, и это гарантировало их молчание. Помнится, Оливия Эндикотт рассказывала – мне тогда эта деталь показалась довольно странной, – как Кордова с ней беседовал: «Я уже заподозрила, что цель допроса – не познакомиться со мной или понять, гожусь ли я на роль, но скорее выяснить, насколько я одинока, кто заметит, если я исчезну или изменюсь».

Несомненно, Кордова отбирал тех, кем можно манипулировать. Он одержимо фиксировал на пленку подлинное; он собственного сына заставил сниматься в «Подожди меня здесь», вместо того чтоб отправить в травмпункт пришивать отрубленные пальцы. А «Черная доска» – и Пег Мартин – говорили, что в съемочную группу Кордова нанимал нелегальных иммигрантов, полк сообщников, которые никогда ни словом не обмолвятся о том, что видели.

Дикое возбуждение охватило меня. Как изящно все это переплетается с тем, что я успел узнать, идя по следу его дочери!

Очевидно, что Кордова подбирал актеров очень тщательно – у всех разные истории, кое-кто вообще никогда не снимался. Он привозил их в этот затерянный мир, запирали, не позволял выходить на связь с миром внешним. Кто по доброй воле согласится на такое, кто отпишет свою жизнь одному человеку?

Об этом Хоппер спрашивал Марлоу. Вопрос, пожалуй, праздный. Миллионы людей без чувств влачатся по жизни, отчаянно мечтая ощутить хоть что-то, ощутить себя живыми. Выбрав тебя, Кордова дарил именно такой шанс – не просто славу и богатство, но возможность скинуть прежнюю твою личность, как змеиную кожу.

Что конкретно они терпели от Кордовы? Все, что выпадало на долю их персонажам? Но тогда его ночное кино документально – реальные, а не вымышленные хорроры.

Он оказался еще чудовищнее, чем я полагал. Безумец. Сам дьявол. Может, не от природы: может, он стал таким здесь. Однако если фильмы его подлинны, с какой легкостью этот человек во спасение Александры взялся бы увечить настоящих детей.

Я снова перерыл бумаги в дипломате. Только лекции, конспекты, машинописное послание из «Саймона и Шустера» от 13 января 1978 года: «Уважаемый мистер Джексон. С сожалением сообщаем, что Ваш роман „Убийство в «Барбикане»“ не укладывается в наш текущий план выпуска художественной литературы». У Брэда имелся стенной сейф, Брэд то и дело его отпирал, но сейф в домашнем кабинете, которого, похоже, на этой площадке не было. Из спальни открывалась дверь – в фильме за ней располагалась ванная, но я обнаружил только черную стену павильона.

Я запер дипломат, сунул обратно, в его знаменитое гнездо за кроватью, а затем свернул окровавленную детскую рубашку и запихал в задний карман штанов: нельзя ее потерять, лучше хранить при себе. Я выключил лампу и вернулся в гостиную.

Поворошил свои мокрые тряпки, валявшиеся у дивана, и в куртке отыскал фотоаппарат. Хорошо, что мне хватило ума его не мочить, – камера по-прежнему работала, в отличие от мобильного и фонарика. Те сдохли с концами. Я поснимал гостиную и кухню, укомплектованную продуктами семидесятых – сыр «Вельвита» (тридцать лет прошло, а до сих пор съедобен), «Доктор Пеппер», бекон «Быстрые шкварки», – и выглянул наружу.

Передо мной раскинулся громадный павильон. За торшером и диваном стояла конструкция на металлических подпорках – вероятно, площадка на другой стороне.

Тут я сообразил, что меня до сих пор трясет. Куртка ничуть не высохла, и поэтому, зашнуровав ботинки, я цапнул с кресла пальто Брэда Джексона и надел, по-прежнему гоня от себя мысль о том, как это абсурдно – облачаться в пальто вероятного психопата.

Будем надеяться, это не заразно.

Я глянул на часы, но после нырка в бассейн они, видимо, остановились. 19:58 – быть такого не может. Наверняка больше времени прошло.

Закинув рюкзак на плечо, я вышел из «Тисков для пальцев» и вдоль лесов отправился посмотреть, что еще есть в этом гигантском павильоне, в каких еще мирах, порожденных коварным разумом Кордовы, можно провести археологические раскопки в поисках костей.

* * *

Совсем ослепнув в темноте, я сделал снимок и посмотрел на экран фотоаппарата.

Слева на бетонном полу обнаружилась огромная красная птица, грубо нарисованная спреем. Этот знак я встречал в статьях о Кордове. Так поклонники вызывали дух Кордовы – анонимным сигналом, что манит его вернуться. Я зашагал дальше, обогнул леса и ступил в какой-то громадный зал. Во мраке смутно проступила высоченная гора, усеянная камнями. Я опять сфотографировал и разглядел на экране, что гора эта – мусор, а камни – гигантские грибы изъеденных ржавчиной бензиновых бочек.

Я пошел напрямик и врезался в деревянную вывеску:

СВАЛКА «ЗЕЛЕНый МИЛФОРД»
НЕ ВХОДИТЬ
ОПАСНО

Я оказался в *La douleur* – это «боль» по-французски.

Робкая главная героиня, серая мышка Ли – днем работает администратором в автосалоне, вечерами учится в муниципальном колледже, – соглашается шпионить за мужем лучшей подруги, немцем по имени Аксель, и не только по уши в него влюбляется, но к тому же рискованно впутывается в его бандитские дела.

В первую ночь она через весь город едет за его бордовым «меркьюри-

гранд-марки» и в конце концов где-то перед рассветом оказывается здесь, на свалке «Зеленый Милфорд». Ли видит, как Аксель паркуется и пешком идет через свалку, где над мусором вопящими выхлопами вспархивают чаячьи стаи.

У Акселя в руках пакетик безошибочно узнаваемого аквамаринового цвета, из ювелирного магазина «Тиффани». Ли как зачарованная на цыпочках крадется следом – волосы электризуются и встают дыбом, допотопная блузка выбивается из юбки. Ли прячется в старом катафалке и оттуда наблюдает, как Аксель лезет на холм к перевернутому школьному автобусу. Там он достает из-под руля бумажный пакет, а вместо него сует пакетик из «Тиффани». Ли ждет, пока Аксель не уедет, потом, оскальзываясь и спотыкаясь, сама идет к автобусу. В пакетике она находит аквамаринovou шкатулку – обычно в таких лежат помолвочные кольца. Ли уже собирается ее открыть, но, заметив, что на стоянку у свалки подкатила черная машина, теряет равновесие, и шкатулка падает в открытое окно автобуса. Ли ныряет в автобус за ней. Вскоре бандит по имени А. приходит за шкатулкой и видит, что пакетик пуст. Ли между тем прячется в автобусе. И в этот момент *La douleur* из вуайеристского саспенса превращается в гипнотическую, кошмарную историю *не того человека*.^[100]

Запах свалки опасностей не обещал. В воздухе витали затхлая сырость, будто в давным-давно запертом подвале, и слабая бензиновая вонь. Я оглянулся – я словно оказался снаружи. Вдоль лесов стояли гигантские задники. Футы в двадцати над нарисованными призрачными облачками распаханное небо обрывалось в черную пустоту павильона. От этого зрелища кружилась голова – оно как бы намекало на некую глубинную правду о человеческом восприятии, неизбежно ограниченном шорами. Загляни ты чуть дальше, Макгрэт, увидел бы, что все обрывается... в пустоту.

Впереди – я не сразу рассмотрел – открывалась тесная гравийная парковка в бахроме кустов, и там под перегоревшим фонарем стояла одинокая машина. Я вздрогнул: громоздкий синий «шеви-сайтейшн» Ли, прямоком из 80-х. Будто ждет ее возвращения.

Может, она так и не вернулась. Может, Ли так и не ушла из этого ангара – или из «Гребня». Я не припоминал, чтобы эта актриса потом где-нибудь еще снималась.

Я взгляделся в размытое пятно на холме и пошел на приступ. Уже по пути сообразил, что это перевернутый школьный автобус, тот самый, где застряла Ли. В финале *La douleur* бандиты запихивают ее

туда, скрученную по рукам и ногам и с повязкой на глазах. Она отважно сопротивляется, пытается резать путы на руках о металлический стержень, торчащий из распавшегося сиденья, но судьба ее остается неясной. Ли плачет, бьется, и наступает затемнение, хотя крики ее слышны до конца финальных титров и их не может заглушить даже «Собираем банду» «Бисти Бойз»^[101].

Склон оказался ужасно крут; я спотыкался и скользил среди пластиковых мешков, лопнувших покрышек, матрасов и треснувших телевизоров. Одолев несколько ярдов, я заметил, что угол склона все ближе к вертикали, да еще подо мной задвигался мусор. Гора зашевелилась – и вскоре уже опадала целиком. Я замер, но это не помогло: я упал навзничь, и меня чуть не погребла лавина ржавых банок и мусорных мешков. Отбившись от драного костюма химзащиты, я поднялся, и волна вынесла меня к границе площадки, а гора продолжала осыпаться – в том числе и автобус. Туда никак не залезть. Я ощупью добрался до холста с небом, приподнял край и пополз сквозь леса; за спиной грохотала свалка. Хватит с меня *La douleur*. Черта с два я помру среди мусора Кордовы.

Я вскочил и зашагал по темному коридору. Далеко впереди, в самом конце – дотуда как будто миля, – слабо светился красным проем. Я понадеялся, что это выход.

* * *

То и дело я останавливался и прислушивался, но различал только вой ветра в вышине над ангаром. Чем дальше я шел, тем упорнее, настойчивее держался вдали красный свет. Может, у меня глюки? Или бетонный пол ангара – на самом деле бегущая дорожка и я шагаю на одном месте? В какой-то момент я почуял море – сильно запахло водой, водорослями и песком. Что за ерунда? Наверное, другая съемочная площадка, но леса слева чересчур высоки – не заглянешь.

Теперь красный свет приближался, и меня обуяло мучительное любопытство. Что там? Пригородный «МакДом» Марлоу Хьюз из «Дитяти любви»? Бордель, где Энни ищет отца в «Ночами все птицы черны»? Логово Арчера в товарном вагоне из «Наследия»?

Я свернул за угол.

Оранжерея из «Подожди меня здесь».

Как там Бекман говорил? «Декорации, идеально иллюстрирующие

вероломность психопатического рассудка, – вовсе не мотель „Бейтс“^[102], но семейная оранжерея Райнхартов: заплесневелые стеклянные купола и ржавый металл, а под ними, точно одичавшие назойливые мысли, цветут тропические растения, и неверная песчаная дорожка змеится среди зелени, как исчезающие во мгле последние остатки человечности».

Оранжерея была прямоугольная, под куполом, вся из стеклянных панелей и бледно-зеленого окисленного железа – архитектурная копия «Королевских оранжерей» в Брюсселе. Таилась она в безмятежном уединении густого средневекового леса, среди Дугласовых пихт – изображенных на задниках, окружавших площадку. Нутро оранжереи источало яркую красноту – и я, разумеется, вспомнил ее по фильму.

Красное ботаническое освещение.

Я подождал, удостоверился, что вокруг никого, и шагнул на лужайку; под ногами захрустела посеребренная трава. Я недоверчиво на нее уставился – на вид совсем настоящая, даже омыта утренней росой. Я нагнулся и пощупал. Трава оказалась пластиковая, роса – блестящие, радужные брызги краски на каждой травинке.

Я вышел на тропу и по камням направился к стальной двери оранжереи – задней двери, если правильно помню. От грязи и десятилетий конденсата стекло помутнело. В окна вжимались тени темных листьев, точно руки и лица запертой толпы, рвущейся наружу.

Я взялся за железную ручку – в виде довольно изящной и весьма зловещей буквы «Р» (потому что Райнхарт) – и потянул дверь на себя.

* * *

В лицо ударила кипящая влажность.

Градусов девяносто пять, не меньше.^[103]

Вглубь убегала тропинка чистейшего белого песка – в нескольких футах от двери ее совершенно погребли под собой буйные заросли узловатых растений. Под потолком рядами висели позеленевшие железные бочки, залитые вишневым и синим светом; вся оранжерея смахивала на гигантскую печь, где что-то жарят.

В «Подожди меня здесь» за этой флорой любовно ухаживает Попкорн, глухонемой садовник, давным-давно работающий у Райнхартов, – его первым подозревают в ледвиллских убийствах, но потом он оказывается невиновным. Оглядевшись, я содрогнулся: растения выглядели

точно так, как в кино. Я пощупал и поскреб огромный блестящий черный лист, свесившийся мне на плечо. Оказалось, настоящий.

«Подожди меня здесь» снимали в 1992 году. Эти красно-синие лампочки не протянули бы двадцать лет.

Кто-то регулярно приходит сюда, ухаживает за оранжереей.

Мороз продрал меня по спине, но я решительно шагнул внутрь и притворил за собой дверь, оставив щель, чтобы хоть чуть-чуть разогнать духоту.

Перспектива застрять тут навечно и изжариться под этими лампами тоже не прельщала. Но хотя я подсунул резиновую подпорку, обнаруженную рядом в песке, тяжелая железная дверь настойчиво захлопывалась, едва я отворачивался, так что я плюнул – ладно, пускай. Я проверил, смогу ли снова ее открыть, и, раздвигая листву, двинулся по тропе.

Я словно очутился в джунглях Амазонки. Стебли, усеянные белыми трубчатыми цветами, мощные и перекрученные, как водопроводные трубы; деревья высотой футов восемь; какой-то чертополох, черные звезды соцветий, бутоны с красными ягодками – все это лезло мне в лицо, хватало за руки, точно орда сирот, что выпрашивают подачку, жаждут участия. Едкий аромат сбивал с ног – сладость жимолости в ноздрях оборачивалась гнилью земной. В трех слоях шерстяной одежды Брэда Джексона, предназначенной для суровых зим Вермонта, я уже обливался потом. Стараясь не обращать внимания на жару, продрался сквозь рожицу зазеленевших деревьев с вислыми желтыми цветками размером с мою ладонь. Цветки молотили меня по лицу, лезли в нос и рот, и пыльца их была терпкой и кислой.

Я сплюнул – кислятина осталась во рту. Одолев еще несколько ярдов, с облегчением узрел нечто знакомое: пруд с карпами.

Пруд – правильный каменный круг, до краев полный черной воды. В «Подожди меня здесь» по водной глади плавали гигантские амазонские кувшинки. А спецгент Фокс едва не тонет в этом пруду: убийца держит его под водой, он из последних сил цепляется за эти кувшинки, а они хлипко распадаются под пальцами.

Сейчас в пруду ничего не росло, и черная гладь блестела, будто пластмассовая, хотя, продравшись сквозь заросли к каменному парапету, я отчетливо увидел, что она настоящая. На всякий случай сунул туда палец. Ленивые круги исказили отражение красных ламп и громадного купола из железа и стекла.

Я думал, карпов уже нет – все-таки двадцать лет прошло. Я ошибся –

в мороке мутной воды стремительно просквозило что-то бело-оранжевое. И мигом исчезло.

Кто-то регулярно приходит сюда, кормит рыб.

В фильме, как известно, Попкорн кормил их сладким попкорном «Крекер Джек» – таскал коробку в переднем кармане заношенного и грязного комбинезона «ливайс».

Может, кормит до сих пор.

Может, бедняга работает здесь, живет здесь же.

Я развернулся, взглядом скользя по сплетению ветвей, ища старого садовника – морщинистое лицо в испарине, улыбка блестит золотым зубом. «Великолепная оранжерея Райнхартов – святилище Попкорна, – как-то ночью вещал Бекман студентам. – Там он спасается от насмешек – это единственное место на земле, где ему не страшно».

Я перевел дух, подстроил рассудок, успокоил себя: я один, а всё вокруг – нарративы, выуженные из головы Кордовы. Я никогда не бывал и не окажусь в «Подожди меня здесь», – впрочем, едва подумав так, я сообразил, сколь кошмарно уже то, что мне приходится себя в этом уверять.

Я что, совсем спятил? Пока еще не совсем.

Отерев пот с лица, я зашагал вокруг пруда, всматриваясь в залитые краснотой заросли.

Вскоре я нашел то, что искал: сарай Попкорна.

Потертая синяя дверь приоткрыта, снаружи прибита знакомая кривая табличка: «ЧАСТНОЕ НЕ ЗАХОДИТЬ». Я тихонько толкнул дверь.

Попкорна дома нет.

Сарай – не больше кладовой, весь увешан полками и ящичками: конвертики с семенами, пластмассовые кюветы, терракотовые горшки, мешки мульчи и удобрений. Под стеклянной стеной оранжереи – от грязи непрозрачной – стол и табурет, где Попкорн вечно курил свои сигары, читал комиксы и слушал «Битлз». На столе, подле поблекшего комикса «Друг Майки!»^[104] и недокуренной сигары в пепельнице – небольшая проволочная клетка: ловушка для енотов.

Я понюхал окурок. По запаху судя, недавний.

На старой пробковой доске над столом висели бумажки с каракулями – как окучивать почву, как ухаживать за растениями – и помятая открытка с разноцветными свайными хижинами вдоль берега темного залива.

Я отодрал открытку и перевернул. На обратной стороне адреса не было, только три слова от руки.

«Скоро ты приедешь».

Я повесил открытку назад и огляделся. На старых костылях по стене развешаны садовые инструменты: ручные серпы, австрийские косы, ножовки, топоры всевозможных размеров. Я подошел рассмотреть повнимательнее – как рассматривал их спецгент Фокс.

В «Подожди меня здесь» тела ледвиллских убитых были изуродованы так, будто все одиннадцать подростков пали жертвами несчастных случаев на старой бумажной фабрике: химические ожоги, взрывы бойлера, застревание в прокатном станке. Но имелась и другая константа: все жертвы, ученики старших классов, были убиты ударом в левый желудочек сердца, и удар наносился шпалерными ножницами с лезвиями в девять с половиной дюймов.

Спецгент Фокс проникает сюда в глубокой ночи, осматривает садовый инструментарий Попкорна – каждую пилу, каждый секатор и нож, – разыскивая лезвие такого размера. И ничего не находит. Потому что шпалерные ножницы, вопреки его подозрениям, были спрятаны не в сарае.

А где же?

Глаза резало, я обливался потом – варился заживо, как омар. В убийственной жаре мозг не работал. Я восстановил в памяти кульминационную сцену в конце, когда Попкорн случайно откапывает ножницы в одной из своих драгоценных клумб.

Я помнил запекшуюся кровь на лезвиях и лицо бедного Попкорна, когда он наткнулся на эти ножницы, высаживая новые семена под каким-то абсурдным названием. В глазах его читался бесконечный ужас.

Подлинный ужас?

Воображение разыгралось, или тут правда стало еще жарче?

Я спустил с плеча рюкзак, стащил с себя пальто и свитер и кинул поверх проволоочной ловушки. Взял мотыгу со стены, вышел из сарая, обогнул пруд.

В фильме один Попкорн знает правду об убийствах. «Порой лишь тот, кто хранит безмолвие, постигает истину целиком». Это Бекман сказал или кто-то в фильме?

Надо отыскать эти ножницы.

Я шагнул прямо в клумбу, еле продираясь сквозь сплошной ковер растительности.

Нагнулся и разглядел белую рукописную табличку.

ВОРОНИЙ ГЛАЗ, оповещала она.

Я перешел к следующей.

БЕШЕНАЯ ВИШНЯ.

Табличек под листьями скрывалось без числа.
ЖЕЛЕЗНЫЙ ШЛЕМ. ВОЛОВИЙ ЯЗЫК. ГРОБ-ТРАВА. ДУРЬЕ
ЗЕЛЬЕ.

Дурье зелье я где-то встречал. Засучив рукава, я поворошил рыхлую землю мотыгой и тотчас нащупал твердое. Что-то блеснуло.

Латунный компас, стекло треснуло.

Компас принадлежал Попкорну. Весь фильм над Попкорном из-за этого компаса потешаются. Весь город смеется, потому что Попкорн то и дело вынимает компас из кармана комбинезона и внимательно вглядывается, будто проверяет, не сбился ли с курса, обстоятельно странствуя по свету; шутка в том, что бедняга родился в Ледвилле и в жизни не выезжал за окраины крошечного городка.

Я сунул компас в карман, глубже вгрызся мотыгой в грунт и отыскал что-то еще.

Я присел на корточки. Картонная коробка, размокшая и размякшая, однако буквы я разглядел.

«Крекер Джек».

Я ее отбросил, отгоняя накативший страх, и упрямо продолжил копать. Нашел нечто большое. Склонился посмотреть.

Глубоко в земле что-то погребено.

Сглатывая тошноту – наверняка невыносимая жара виновата, эти красные лампы, под которыми каждый листик и даже мои руки словно все в крови, – я ударил мотыгой. Она зацепилась за корни. Я принялся выдирать окрестную растительность – листья и ветки негодуяще затряслись.

Я поводил в яме руками – там что-то спрятано, и оно твердое.

Размером с человека. Попкорн?

Но это же бред. В конце фильма Попкорн спасен, ему ничего не грозит. Он сохранил тайну убийцы – а кто лучше немного умеет хранить тайны? И что тогда здесь похоронено? Откуда здесь его компас и коробка «Крекер Джек» – два предмета, с которыми садовник не расставался никогда в жизни? Его все-таки прикончил убийца? Или Кордова?

Мысли бурлили, и тут вдалеке глухо стукнуло. Будто захлопнулась дверь. Я вскочил.

К оранжерее приближались шаги – не один человек, скорее два, а может, и три. Шаги гулко разносились по ангару, люди торопились – наверное, бежали по узким коридорам между съемочными площадками.

Я здесь больше не один. Несколько секунд я пытался игнорировать переменившуюся реальность и руками яростно рыл клумбу.

Одним бы глазком взглянуть, что там. Я выдираю цветы, отбрасывал, копал, пальцы что-то нашли.

Как будто джинса. Комбинезон Попкорна.

Я сунул руку в карман за фотоаппаратом – вот идиот, я же оставил его в пальто Брэда. Чтобы извлечь на свет похороненное здесь нечто, придется снимать грунт со всей клумбы.

Я замер и прислушался.

Шаги стали громче. Кто-то наверняка прознал, что я здесь.

Придется вернуться потом.

Я вылез из зарослей, в обход пруда кинулся в сарай. Схватил пальто Брэда, натянул, нацепил рюкзак. И продрался сквозь растительность к задней двери.

* * *

Я приоткрыл ее на щелочку и посмотрел на пустующую лужайку. Глотая холодный воздух – наконец-то этот кровавый свет, эта тропическая жара позади, – выскользнул в морозную темноту ангара.

И застыл. Весь ангар икал шагами – доносились они, похоже, из того коридора, что вел в «Подожди меня здесь».

Я рванул в другую сторону, по каменистой дорожке прочь с площадки и на огромный пляж – белые песчаные дюны, щетина взморника. Вдалеке на фоне неба возвышался угловатый пляжный дом на сваях.

Дом Ханны Глосс в «Меньшем из зол».

Я по песку зашагал к дому и залитому Луной океану. По-моему, эта площадка должна вывести меня обратно к Джексонам и, хочется надеяться, прочь отсюда.

Далеко впереди по дюнам прямо ко мне заскользил темный силуэт с фонариком.

Я метнулся вбок и назад, нырнул в первый же проход и помчался по оси безлюдной улицы.

Главная улица маленького городка – города-призрака, который я не узнавал, хотя видел неплохо, поскольку вдоль дороги мерцали красно-зеленые рождественские гирлянды.

Мимо проносились темные витрины.

САЛУН «СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР».

БАКАЛЕЯ «СОЛНЫШКО».

КЛУБ ДЖЕНТЛЬМЕНСКОГО ДОСУГА, ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ

КЛУБА.

Позади рикошетили шаги. Я скакнул на тротуар против «Синема „Мечтай-кино“», потянул на себя дверь и мимо киосков с конфетами и газировкой кинулся в узкий коридор, где афиши обещали показать «Искажение» в одиннадцать тридцать и «В погоне за красным» в двенадцать.

Я дернул ближайшую дверь, и она, слава тебе господи, выплюнула меня обратно в ангар и впечатала в твердое – оказалось, в бетонную стену. Я ринулся вдоль нее, то и дело оглядываясь. Фонарик вновь нагонял, другой кинулся наперехват. Я уцепился за стойки лесов и полез. Пролез футов двенадцать и заполз на деревянные подмости.

– Что-нибудь есть? – спросил мужской голос снизу.

– Он в другую сторону побежал.

Я полежал несколько минут, а когда фонарики удалились, осторожно поднялся. Подмости были крепкие, вольфрамовые лампы на кронштейнах смотрели вниз, в какой-то каменный колодец. Футы в четырех от меня колонна с транспарантом – я еле разглядел слова: «Возмущай воду»^[105]. Церковь отца Джинли из «Щели в окне». Прямо подо мной – витражные окна, трехдюймовый подоконник. Я съехал туда и, молча воззвав к Деве Марии, прыгнул, намереваясь схватиться за колонну и сползти по ней.

Промаяхнулся. Под руку попала только какая-то деревянная табличка со стены. Она отвалилась, вокруг загрохотали плитки, я грохнулся на пол, а табличка поскакала по камням.

Твою ж мать. Я вскочил. Впереди в арочной галерее заскользил фонарик – он осветил сводчатый потолок, статуи в нишах. Я помчался прочь вдоль скамей, к заднему портику, к исповедальне в углу. От одного вида ее у меня сердце ушло в пятки, но я отпер резную дверь – она тихонько застонала – и забрался внутрь.

Темно, хоть глаз выколи, и с рюкзаком очень тесно.

Я съежился на полу.

Кто-то вошел в церковь и остановился – несомненно, разглядывая деревянную доску со списком гимнов, которую я содрал со стены.

Я ждал; сердце колотилось, ноздри наполняла вонь. Рвота? Моча? Вновь зазвучали шаги, фонарик подкрался ближе, осветил дверцу исповедальни – деревянный экран, весь в резных лозах и цветах. Я узнал этот узор – самому не верилось, что теперь на эту решетку в ужасе смотрю я, как смотрел на нее отец Джинли – впрочем, пожалуй, по иным причинам.

Фильм начинается именно здесь: Джинли впервые принимает исповедь. Только окончил семинарию, полон самонадеянного оптимизма

неопытной юности, рассчитывает вывести падших на путь праведный. Больше часа он ждет хоть какого кающегося грешника; наконец загадочная фигура заскакивает на другую половину и со зловещим стуком хлопается на скамью.

Вспомнив об этом, я невольно выгнул шею и уставился в окошко над головой – дымовая завеса темной решетки совершенно маскировала лица.

Загадочный незнакомец, как вскоре понимает священник, знает его черную тайну: Джинли вывел свою трехлетнюю незаконнорожденную дочь на крышу в Бруклине, где она побежала по краю за голубями, потеряла равновесие, упала и разбилась далеко внизу на тротуаре, а Джинли смотрел через щель в окне и пальцем не шевельнул. У него, само собой, имелись резоны: он считал, его дочка – воплощение дьявола. Но кто в тот день смотрел на крышу вместе с ним, что за таинственный человек сидит за решетчатым окошком, кто уверенным шепотом обещает «разодрать священника на куски, дабы тот отрекся от Бога», – на выяснение у Джинли уходит весь фильм, и личность незнакомца оказывается еще ужаснее, чем его тайна.

Шаги, похоже, удалялись, а слабый свет исчез.

Я приподнялся, сел на скамью и прислушался. Кажется, я один. А отец Джинли-то в какой из кабинок сидел? Я сейчас за хорошего парня или на стороне зла? И откуда эта вонь? Я наклонился, взгляделся в решетку, в крохотные крестообразные дырочки.

И застыл в ужасе. *Там кто-то был.*

На другой стороне сидел человек.

Я не верил глазам, однако до ушей моих доносилось дыхание, шелест тяжелой ткани, а затем – будто заметив, что за ним наблюдают, – человек медленно обернулся.

Я едва различал лицо под темным капюшоном.

Следующие мгновения пролетели очень быстро – я сам толком не сознавал, что делаю. Вывалился из исповедальни, бегом пересек трансепт, миновал дверь в кабинет Джинли и ворвался в дверь, которая, если правильно помню, вела в подземный склеп. Глаза во тьме отказывали. Я протянул руку, ожидая нащупать холодные камни, но сообразил, что меня опять извергло в павильон.

Раздался грохот, над головой хором заняли неоновые лампы. Включают свет. Меня окатило яркостью, и я чуть не ослеп. Рванулся, нашарил дверную ручку, потянул и выпал в очередную студеную комнату.

Только это была не комната.

Под ногами хрустела настоящая листва. В лицо фыркнул настоящий ветер. Я задрал голову и увидел самую что ни на есть настоящую Луну.

* * *

Я спасся из павильона. Сам себе не верю. Впрочем, отбежав, я оглянулся и увидел ангар, мирно угнездившийся среди лесов. На вид такой невинный, такой тусклый и бесстрастный – ни намека на круги ада внутри.

Здравствуй, холодная надежная реальность. Я потрусил вниз к пруду Грейвз. Преследователи мои, видимо, не сообразили, что я слинял, – за мной больше не гнались. Кто это был вообще? И кто был в окошке исповедальни?

Забыв, что часы остановились, я глянул на циферблат. 19:58.

Я пошарил в карманах, на ходу провел инвентаризацию своих находок: окровавленная детская рубашка и компас Попкорна. Они на месте, и перочинный ножик тоже, а вот фотоаппарат исчез. Видимо, умудрился выпасть из кармана, когда я в спешке натягивал пальто. Проклинаю себя за небрежность, давая желание вернуться и поискать камеру, я снова перешел на бег, и ветер жестоко засвистел в ушах, а дорогу освещала Луна.

Залаяла собака. Наверное, одна из тех, что меня домогались. Теперь она сидела на цепи и злилась – Впрочем, ее в любой момент могут отпустить на волю.

Я достиг пруда и прокрался вдоль берега. Сквозь листву брезжила вода. Ни Хоппера, ни Норы, ни каноэ – ничего и никого. Хоппер и Нора. Имена эти, с изумлением понял я, прилетели ко мне как из далекой дали, из давнего прошлого. Сколько же я бродил по павильону? Годы? Может, там разрыв пространственно-временного континуума, измерение вне времени? О Норе и Хоппере я и не вспоминал – целы ли, живы ли, куда подевались. В голове один сплошной Кордова. Эти съемочные площадки дурманом заполнили мозг до краев.

Наверное, Хоппер с Норой отправились за помощью. Благополучно гребут себе назад по ручью. Нужно верить в это, чтобы не распахнуться и придумать новый план. Но в глубине души я знал, что Хоппер не откажется от Сандры за здорово живешь. И Нора тоже. Значит, оба бродят где-то здесь, отчаянно бегают кругами.

Я поглядел на черный холм по ту сторону воды: через гребень перевалил очередной фонарик. Владелец фонарика спешил по тропе

к пристани. И что-то бежало в траве. Наверняка опять собака.

Я попятился от берега, потрусил на восток. Я помнил карты, помнил, где расположен пруд. Восточная граница поместья и Проезд 112 отсюда ближе всего. Если звать на помощь, лучше отправиться туда. Теперь у меня другие приоритеты. Если Нора и Хоппер тут застряли, ранены – а то и что похуже, – на кону стоит их жизнь.

Рассуждая таким образом, я на бегу машинально вынул из кармана компас Попкорна, стиснул его в руке, точно великую драгоценность, последнюю надежду. И с удивлением увидел, что, хоть стекло и треснуло, дрожащая стрелка по-прежнему указывает на север.

Я покрутился на месте, проверил. Север никуда не делся.

Ты подумай. Работает.

Я помчался дальше, временами поглядывая на компас, чтоб не сбиться с пути, – прямо как старый Попкорн, на забаву всему городу.

Черт, а как же я теперь вернусь в оранжерею? Я слишком быстро сдался. Попкорн, если там и впрямь похоронен он, пребудет погребенной тайной. В голове все путалось, я подгонял себя. Лес тек мимо безжалостным кольцом, точно синтетический задник в старом кино, где персонажи болтают и крутят руль, но никогда не смотрят на дорогу. А деревья-то настоящие? Всякий ствол всякой елки высок и гол, идентичен всем прочим. Какую елку ни возьми.

А затем слева я снова увидел его. Ангар.

В ужасе остановился.

Я описал полный круг.

Компас Попкорна сыграл со мной шутку, нарочно сбил с пути. Но нет – чуть приблизившись, я разглядел, что эта громадина цилиндрическая – выкрашенный желтым элеватор.

Я снова бросился бежать.

Через пятнадцать минут показалось мощное полотно. Видимо, подъездная дорога «Гребня» – значит, я все-таки на верном пути. Я припустил вдоль нее под прикрытием деревьев. Вскоре далеко впереди темным мазком замаячила ограда.

Умирая от облегчения, я ринулся к ней.

Электрических проводов не наблюдалось. Я рискнул, огладил ржавые звенья, ожидая удара.

Ничего не почувствовал.

Вцепился в сетку и полез. Одолев футов шесть, заметил две крыши, почерневшими шпильями проткнувшие листву справа.

Сторожка.

Пять лет назад, выйдя из машины, я снимал эту сторожку, отчаянно рвался внутрь. А теперь отчаянно рвусь наружу. Что там Паук рассказывал? Он ходил подземным тоннелем из особняка к сторожке, заводил горожан в поместье.

А если Паук не врал, вход в подземный лабиринт – прямо здесь, рядом. Блин, да совсем рядом. И можно увидеть его собственными глазами.

Секунда сомнений – и я уже слезал с ограды, назад в «Гребень», и разум мой возмущенно вопил. Я спрыгнул в высокую траву и зашагал вдоль ограды к двум домикам, обрамлявшим чугунные ворота.

В первом не было двери. Во втором была – узкая, черная, наверху окошко. Свет внутри не горел, камер вроде не видать, краска лупится, а за грязным стеклом ничего не разберешь.

Просто гляну на вход в тоннели, подтверждаю историю Вилларда – и смотаюсь отсюда к чертовой матери.

Дверь была заперта, так что я камнем разбил окно, отпер и просочился внутрь. Крохотная комнатенка, окно смотрит на подъезд к воротам, старый компьютер на столе, офисное кресло, глазурированное пылью. Голые половицы, а в углу черный коврик.

Я подошел и отогнул край.

Вот он: деревянный лючок. Я отодвинул железные запоры, схватился за кольца, потянул и уставился в непроглядную черную дыру.

Вниз уводили крутые и узкие бетонные ступени. Я немного спустился, присел и осмотрелся.

Передо мной простирался тоннель, и был он чернее черного. Видно лишь пару футов кирпичных стен, что обрывались затем в абсолютную темноту, словно эту деталь мира так и не достроили – словно здесь рваный край Земли, ныряющий не просто во тьму, но в космос.

Я смотрел, и рассудок велел мне убираться отсюда к чертям, закрыть люк, перелезть через ограду, пока есть шанс.

Но какие улики я нашел? Что я узнал?

Пытаясь остаться на плаву, я мысленно цеплялся за немногочисленные достоверные факты. В кармане у меня – пара предметов, которые, возможно, обличат Кордову, но, вполне вероятно, с точки зрения закона не стоят выведенного яйца. У меня имеются истории, показания очевидцев, признания, правда о том, что Сандра мертва. Но хватит ли этого, чтобы похоронить Кордову? Едва ли я загарпунил своего большого белого кита. Он может и дальше жить со своей черной магией, со своими настоящими ужасами. Сандра умерла, в обмене больше нет нужды, но остановился ли он? Что я видел своими глазами?

Я размышлял, а крошащийся кирпич неощутимо сжимался вокруг.

К чему же я вернусь, благополучно отсюда спасшись?

Пустая квартира. На Перри-стрит меня никто не ждет. Жизнь потечет как прежде. Я буду как прежде. Меня вдруг стало воротить от одной этой мысли.

Ну и чего я жду? Часто ли в жизни тебе является истина? А она ведь здесь – за этой крошечной чернотой. Она где-то впереди, пусть мне пока и не видно.

Посмею? Я спустился еще на три ступени. Воздух был ледяной, холод пробирал до костей. В кармане рюкзака я откопал фонарик, пощелкал кнопкой – не работает. Я вынул «зиплок» со спичечным коробком, чиркнул спичкой.

Вытянул руку, и оранжевый огонек затрепетал.

Я чуть не расхохотался. Тьма отступила на жалкие несколько дюймов. Выщербленные кирпичные стены, нависший заплесневелый потолок. Суженная артерия, что ведет в сердце ада. Я глянул на часы.

Семь пятьдесят восемь. Прекрасно успеваю.

Я вернулся, уцепился за люк. С неопровержимым «бум!» его закрыл. Что, если я захлопнул крышку собственного гроба?

* * *

Спичка погасла. Я зажег новую и пошел.

Когда погасла и она, прибавил шагу. Спичек в коробке сотня – надо их беречь. Помнится, Паук говорил, что от сторожки до особняка две мили. Со скоростью четыре мили в час я через пятнадцать минут одолею полпути. Я ждал, что зрение привыкнет к темноте, но затем сообразил, что крутящиеся перед глазами черные водовороты – это и есть привыкание.

Шаги отмеряли мое дыхание метрономом.

Помимо хруста ботинок на земляном полу, стояла абсолютная тишина – лишь давило со всех сторон, будто меня замуровали, будто тоннель прорезал землю под огромной водою.

Когда темнота стала невыносима, а я уже засомневался, вправду иду или стою на месте, я зажег следующую спичку.

Тесный коридор еще сузился, стал меньше четырех футов в ширину и одинаково тянулся в обе стороны. Неверный свет пугал гораздо сильнее, чем движение в полной темноте. Можно и нырнуть на самое дно. Главное – плыть вперед. Когда спичка догорела, я ее уронил и пошел дальше, правой

рукой для ориентира ведя по крошащимся кирпичам. В мире, в реальности меня удерживала только стена, поскольку тьма была до того абсолютна, что обрела плоть и обнимала меня толстым черным занавесом, переворачивала вверх тормашками. Мне чудилось, будто я тону в черной воде и забыл, где остались воздух и свет. Сила тяготения в этом подземелье как-то ослабела.

Я споткнулся обо что-то крупное; мигом накатил иррациональный ужас. *Тело, отрубленная нога.* Я снова пнул. По звуку – как одеяло.

Я не без труда зажег спичку.

На земле валялся пыльный кусок шелка.

Я его подобрал. Женское платье – клюквенного оттенка, старомодное, с длинными рукавами и черным пластиковым ремнем. На груди почти не осталось пуговиц. Я осмотрел ворот и при последней вспышке спички успел разглядеть бледно-лиловую бирку «Ларкин».

Я расстегнул рюкзак, запихал туда платье, снова застегнул и заковылял дальше. Через некоторое время занервничал, что нечаянно развернулся и теперь вслепую шагаю обратно к сторожке, однако не остановился. Просто дезориентация, темнота издевается над рассудком. Сколь хлипко могущество человека, его понимание собственного места в этом мире. После пятнадцати минут такого даже Эйнштейн усомнится в законах физики, и кто он есть, и где он есть, и жив он или мертв.

К ужасу моему, я опять что-то пнул. Оно с грохотом поскакало по полу – твердое. По звуку – деревяшка.

Нет. Кость. Я зажег спичку.

Запыленная черная женская туфля на потертой квадратной шпильке.

Я бездумно глянул на часы. 19:58.

Встал, вытянул огонек подальше.

Зрелище – точная копия прежнего: и спереди, и сзади в бесконечности исчезает съездившийся кирпичный коридор.

Я словно и не двинулся с места.

Я пошел дальше, стараясь держать себя в руках. Откуда тут *платье*? Женщина пыталась убежать? Подобно окровавленной мальчишеской рубашке, платье представлялось мне свидетелем насилия. Умереть здесь, в одиночестве и холоде, и никто тебя не найдет, никто уже не полюбит. Сэм решит, что я ее бросил. Я старался вытряхнуть из головы эти думы, вспомнить о чем-нибудь веселом, но тоннель, чернота и холод мигом гасили всякое легкомыслие.

Я на что-то наступил.

Камешки.

Я остановился – их тут тьма-тьмущая, твердые, круглые, катаются под подошвами. *Детские зубы?* Моляры, брошенные здесь, точно хлебные крошки?

Я чиркнул спичкой.

Не зубы, а круглые, красные пластмассовые пуговицы от платья.

Я наклонился. Под стеной валялась другая черная туфля. Я подобрал горсть пуговиц, сунул в карман пальто.

Абсолютно тот же самый вид – передо мной и за мной неизменно тянулся черный тоннель. Я на конвейере, я бегу на одном месте. Я застрял в четвертом измерении, в чистилище, где нет времени, нет движения, есть лишь вялый дрейф.

Я и не заметил, что спичка обжигает мне пальцы.

Уронил ее, поднажал. Рассудок раскачивался, точно на канате под куполом цирка, и грозил вот-вот потерять равновесие. Я зажег еще одну спичку и с облегчением увидел: в нескольких ярдах впереди тоннель прерывается. Я рванул туда, и спичку задуло. Я не остановился. Когда стена справа распахнулась, чиркнул новой спичкой.

Я очутился в небольшой круглой нише, и вокруг раззявили рты другие тоннели. Я обошел нишу, еле разбирая слова, намалеванные над входами белой краской.

СТОРОЖКА. ОСОБНЯК. ОЗЕРО. КОНЮШНЯ. МАСТЕРСКАЯ. ДОЗОР. ТРОФЕЙНЫЕ. ПИНКОЯ НЕГРО. КЛАДБИЩЕ. МИССИС ПИБОДИ. ЛАБОРАТОРИЯ. 0. ПЕРЕКРЕСТОК.

«Пинкоя Негро»? «Лаборатория»? «0»? Паук, помнится, говорил, что существует центральный узел, откуда в сокровенные уголки поместья расходятся тоннели. Я зажег новую спичку, поднес ее к слову на доске прямо перед мной.

«Перекресток».

Так Паук называл поляну, куда отвел Сандру.

Доски, которыми некогда наспех забили вход, перерублены топором. Вот чем Виллард помог горожанам. Остались только щепы и скрученные гвозди – кое-что валялось на земле.

Коридор был отделан грубее прочих – едва ли трех футов в ширину, словно через гранит пробит, стены блестят сочащейся откуда-то влагой. Зайдя, я разглядел слова, такой же белой краской намалеванные на камнях. Чуть дальше – нарисованные человечки, палка-палка-огуречик, с торчащими носами и кричащими ртами.

Я склонился ближе – почитать. «Еси дальше пойдешь всю свою любовь брось ТУТА на полу. БЕРЕГИСЬ: с этого пути сойдешь не звером,

не овощом, не камнем. Попрощайся с агнцем. Помоги тебе Бох».

Спичка замигала и погасла.

Я зажег новую и, прикрывая пламя ладонью, заставил себя сделать еще шаг. Огонек мигом потух – в лицо ударил ветер (температура ниже нуля) и быстро стих. В ушах зашипело – так оглушительно и близко, что я шарахнулся назад в нишу, оступился на неровном полу и уронил коробок.

Да чтоб тебя. Сердце колотилось; я упал на колени и зашарил по полу.

Коробок исчез.

И я здесь не один – что-то стояло за плечом, играло со мной.

Глуша панику, я шатко развернулся, встал на четвереньки и руками похлопал в грязи.

Успокойся, Макгрэт. Коробок должен быть здесь.

Левая ладонь что-то задела. Спички. Я их цапнул. Неизвестно как коробок улетел мне за спину, застрял под стеной меж двух тоннелей. Прямо как тень левиафана. Себе на уме.

Отмахнувшись от этой мысли, я поднялся, зажег спичку и вновь ступил в тоннель.

Перекресток. Тоннель резко сворачивал влево – не видно, что дальше.

Я сделал еще шаг – теперь пламя горело ровно. Я праздно порылся в кармане и достал компас – интересно, куда я иду.

Глаза у меня полезли на лоб.

Красная стрелка рехнулась и крутилась влево как ненормальная.

Я потряс компас, но стрелка все вертелась, наматывала круг за кругом.

Мозг с этим поворотом сюжета не справился, так что я кинул компас в карман и, стараясь позабыть, что вообще смотрел на чокнутую железяку, зашагал по тоннелю.

* * *

Не знаю, сколько я шел.

Я отчетливо чувствовал, что не один.

От этой уверенности леденели кости: подле меня нечто живое, я вот-вот вмажусь в него лбом. Но снова и снова я совал в темноту мигающую спичку, ожидая увидеть лицо, очи зверя, и лишь темнота простиралась позади и впереди меня.

С каждым шагом громче в голове звучал вкрадчивый голос Паука, словно в тот день во «Взломанной двери» говорил он не о себе, не о своей тайне, но о будущем, о моем будущем, об этом походе. «По сей день

помню, как шлепали ее босые ножки, как тихо и *чисто* они ступали подле меня по земле».

Это ли слышал я, это ли чувствовал? Сандру?

Я прислушивался – ничего, только моя поступь.

Затем голос Паука ослаб, а разум опустел, как грязная школьная доска в потеках полустертых мыслей.

Здесь шла Александра.

И Кордова. Он ходил здесь всякий раз, отыскав нового ребенка, отправлялся торговаться с дьяволом. Только бы спасти дочь.

С густой влажностью и грязью мешался сильный запах металла. Однажды я различил далекий рокот, будто наверху, в поместье, прогрохотали копыта – в панике разбегались звери. Я коснулся скользких камней, и по пальцам потекла теплая вода. Стена, кажется, вибрировала. С потолка посыпались камешки, застучали по земле. Но потом шум утих, опять воцарилось беззвучие, а я лишь спрашивал себя, не страх ли мой, жажда хоть какой перемены, вызвал этот грохот из ничего.

Я брел и брел, и мозг болтался в черепе, словно таял. В припадке ужаса я заметил, что обливаюсь потом, будто снова очутился в оранжерее, будто так и не спасся оттуда, так и не выбрался из-под кровавых огней. И однако меня колотил озноб, а слабенький огонек в руке являл взору предсказуемую картину: предо мной бесконечно разворачивался черный тоннель.

Едва я смирился, едва понял, что вполне могу здесь и умереть, наступил конец.

Впереди к потолку прорастала гнутая ржавая лестница.

Я остановился – только вой мощного ветра донесся до меня. Я взялся за перекладину и полез – руки-ноги ослабели, будто набитые песком. На вершине лестницы я нащупал деревянный люк – видимо, такой же, как в сторожке. Я отодвинул запоры, налег плечом и открыл.

Я очутился в густом березняке – весь мир в бритвенно-четком фокусе. Я различал всякий листик и прутик, всякий камешек и травинку, омытые лунной зеленью. Должно быть, побочный эффект подземной черноты: глаза мои, в восторге оттого, что им напоследок разрешили видеть, старались всю.

Я вылез из люка.

И зашагал по ухабистой дороге, заприметив красную бечевку, что танцевала на ветру, привязанная к нависшей ветви.

Впереди возник мост. Чертов мост.

От одной этой мысли из легких будто вышел весь воздух.

Вокруг никого. Я один. Ветер гневно завывал и так дергал за полы пальто, будто меня оттаскивала целая толпа.

Мост был арочный, из темно-серого камня. Вся конструкция тщательно сработана, каждый камень уложен рукой мастера – изящная дуга взметалась и ныряла к дальнему берегу глубокого оврага, где, как выяснилось вблизи, ярилась ледяная черная река. Вода не текла привольно, но натывалась на валуны и переваливала через них комьями, как смола. И однако уши мои наполнял обычный речной рокот.

Или это ветер?

Мост был длинный и заканчивался в рощице напротив.

Александра пробежала его до конца.

Первая человеческая душа, что его пересекла.

Я шагнул на нижний камень. Бояться нечего. Проклятие снято. Дьявол получил, что хотел. Сандру. И все же я обернулся, взгляделся в древесные скелеты, проверил, нет ли там кого, не последовала ли за мною Сэм, решив, что на сей раз тролли похитили *меня*.

На полпути накатило головокружение. Мост неуловимо вздымался под ногами – я видел бесконечные дали, глядел с вышины поверх крон огромного леса, что раскинулся на многие мили и полоумным морем волновался на ветру. Среди деревьев торчала крыша с черными шпилями – далеко-далеко.

Замутило, все поплыло, и пришлось отвести взгляд, впериться глазами в конец моста.

А там что-то было.

Я весь окоченел. Было оно лишь наполовину человеком. Чем оно было *еще*, я не понял. Высокое, футов семь или восемь, с длинными руками и круглым широким лицом – кондовым, будто из древесной коры. Я видел глаза – круглые красные глаза, точно две огненные дыры в земле, – и шипастый рот.

Глюки, точно. Или я сплю. Или в коме. Или умер.

Что за чертовщина? Надо же, как непрочен здравый рассудок.

Я подождал, пока глаза сообщат мне, что видение мое – иллюзия, что меня дурят березы, морочат тени, скучившиеся поперек моста, будто отрубленные. Я сунул руку в карман за ножиком и сообразил, что сжимаю компас Попкорна.

Как это он опять пробрался мне в ладонь? Красная стрелка перестала психовать и указывала прямо вперед.

Ветер снова закатил визгливую истерику. Я поморгал, присмотрелся и в ошеломлении обнаружил, что эта тварь на другом берегу мне отнюдь не примерещилась. Она попятилась, вращая костлявыми руками, точно в незримом водовороте, и растворилась среди деревьев.

«Уйди с моста!» – заорало что-то у меня в голове. Я рванул под уклон, оскальзываясь на листве, облепившей камни, вслепую спрыгнул на берег и по тропинке выбежал на круглую поляну.

Никого.

Непонятное видение где-то притаилось. Здесь и отправляли ритуалы, здесь Кордова и причастился. Первый же шаг так сбил мне гироскоп, что я рухнул и уставился в ночное небо – совершенно гладкое, будто меж деревьев разлили черные чернила. Да что со мной такое? Руки и ноги как будто истаивали.

Я с трудом сел. Сидел я не в грязи, а в мелком черном порошке, блестевшем минеральной пылью; поблизости валялось обугленное полено. Я пощупал – удивительное дело: вроде обыкновенные останки костра, но полено тяжелое, будто железное, и поднять его я не смог.

Под ним застрял клочок белой ткани. Как будто от девчачьей блузки.

Я вытащил эту тряпочку, но ветер выдрал ее у меня из рук, одиноким белым листиком погнал по поляне и запрятал среди деревьев. Я заковылял следом. А увидев, куда она убежала, что засосало ее в свои глубины, замер в ужасе, не в силах отвести глаз.

Канава, набитая детскими пожитками.

Футах в пятнадцати подо мной кучами лежали вещи, и я различал все до единой: крошечные туфельки и футболочки, куклы-голыши и поезда, маечки и кроссовки – все распалось, все вымокло, кое-что почернело, будто горело. Сюда Кордова сбрасывал свои украденные находки, которые никак не удавалось обменять на Сандру. Я все видел очень отчетливо, и ясность обжигала мне глаза – его мания, его отчаяние, его готовность зачернить свою душу до последнего тайного уголка, лишь бы дочь выжила.

Тут я с изумлением заметил, что валяюсь лицом в грязи.

Долго я тут лежу? Часы? Дни?

Я приподнял голову – в голове бил молот. Темная земля и тощие деревья пьяно качнулись прочь.

Я был не один.

Поодаль, окружив меня, стояли черные фигуры в мантиях – безмолвные, объятые тьмою, будто и сами выросли из теней. Одна фигура

в черном плаще с капюшоном заскользила меж деревьев, к ней пристроилась другая. Затем третья.

Они наступали. Я с трудом поднялся.

– Стойте где стоите, – сказал я. – Даже не думайте подходить.

Это я ору? Голос доносился будто за многие мили. Я пошарил в кармане. Нож исчез.

Под капюшонами безликие, двигались они стремительно, ненормально. Я почувствовал, как меня хватают и тащат назад.

Ночное небо, затем мешок на голове, запах земли и пота, а пальто в елочку – да нет, это мой рюкзак – отняли, заломили мне руки, будто вырвать хотели. Я услышал чьи-то душераздирающие крики. Они не умолкали, меня вздернуло в воздух, и тогда я понял, что кричу сам.

* * *

Открыв глаза, я узрел только мотылька.

Маленький белесый мотылек в тусклом свете. Видимо, помятый. Одно крыло не складывается на спине как положено. Перед моим носом он карабкался по темной стене. Взялся по дереву и падал, снова лез и падал снова. Встопорщив крылышки, двинулся ко мне. Голова мохнатая, ноги бурые, машет усиками в явной панике. Почувяв, что я живой и большой, мотылек свернул прочь.

Холодно. Ниже нуля. Руки занемели.

Куда это меня занесло? Я лечу. На лице сквозняк – меня треплет ветер, а я кручусь, увертываясь от сгустка черных туч, атмосферных частиц, и лицо мне осыпает град, и пыль, и колючие снежинки. В ушах пронзительно, болезненно звенит – словно мозг прошивает длинная игла.

Я попытался сесть, но грохнулся головой.

Пощупал. Гладкое дерево.

Я внутри какой-то капсулы, что крутится и переворачивается, вибрируя на большой скорости. Но это просто сон. Я отмахнулся от своего страха. Вытянул ноги – я по-прежнему в ботинках, – и они нашарили другую стенку. Я в домике, в космическом корабле – он тесен, но на пару футов шире меня.

Я открыл глаза, поморгал, но смотреть было не на что – я словно завис в вышине над землей, меж атмосферой и космосом. Звон в ушах прекратился.

Не о чем тревожиться – в итоге я проснулся. Для того и нужны грезы – чтобы проснуться, вздохнуть от облегчения, изумиться, как легко обманывается разум. Сбитые простыни, в окно струится солнечный свет. Но в таком случае куда торопиться? Если сон рожден подсознательными страхами и желаниями, отчего не побыть в нем подольше, не проплыть в космосе подальше, не исследовать этот сон, не обыскать его, не познать его законы, свойства, не выяснить, чего же я так боюсь.

Я слегка развел руки, пощупал.

Ага. То же, что сверху и снизу. Гроб. *Я в гробу.*

Я открыл глаза. И в припадке ужаса понял, что это не сон.

Я не могу проснуться. Я и так не сплю.

Белесый мотылек умудрился забраться на потолок и теперь ползал кругами, тоже, видимо, сообразив, что он в ловушке и ползти решительно некуда.

Я заорал, кулаками замолотил в стенки, забился и забрыкался.

Все равно что в земляную яму орать.

Господи, нет, пожалуйста, нет. Не может такого быть. Не может быть, что это по-настоящему.

Ну конечно. Мне положено знать, где я нахожусь. Видеть. Воздух есть, я не умру еще многие дни, а то и недели, я буду сопротивляться, бороться с неизбежным и трезво размышлять обо всем, чего лишен.

Я попытался вспомнить, где был только что, и мозг забуксовал. Впечатление такое, будто я пролетел многие мили. Руки ноют, точно я в гребной шлюпке пересек океан. Значит, может, это все-таки сон – во сне всегда слои во множестве, и скользкие отступления, и финалы финалов, и никак не найти опоры, не за что зацепиться.

Я пошарил руками вокруг.

Станный какой-то гроб. Кажется, у него больше четырех граней. Я завертелся на спине, отталкиваясь каблуками, и пересчитал стенки. Но точки отсчета не было, и, насчитав двенадцать, я уверился, что описал не один круг.

Я согнулся, отцепил шнурки с крючков и содрал с ноги правый ботинок. Перевернулся на живот, нащупал угол, поставил ботинок и снова закрутился на полу против часовой стрелки, щупая стены.

Одна. Две.

Так я и крутился, словно пойманный зверь, что обнюхивает границы клетки.

Три. Четыре. Пять. Шесть.

А вот и ботинок. Шесть сторон.

Шестиугольник.

Меня свело судорогой ужаса. У этого ужаса имелись морда и лапы – исполинская тварь, покрытая черной резиной, с костистым хребтом. Ужас сидел подле меня, ждал, когда я оставлю надежду, предвкушал, как будет мною пировать. Я заметался, заколотил ногами, застучал головой, во всю глотку призывая на помощь – кого-нибудь, хоть кого, – но поскольку ответа не последовало, а в мозгу опять пронзительно зазвенело, будто в черепе праздно рикошетила пуля, которой не хватало сил выбраться наружу, я распластался, хрипя, в своем шестиугольном гробу.

Я зажмурился – пусть страх захлестнет меня. Я омоюсь им, приму его, изопью до дна, он накроет меня с головой, лишится силы потрясать и пугать – и тогда я смогу *подумать*.

Перед глазами просеивались картинки. Явилась Сэм – играет в классики на шахматном полу. Показался «Гребень» – темная громада вырастает над заросшим холмом. Затем я увидел себя – я в пальто бегу через мост, меня перехватывают и заслоняют силуэты, сотканые из черного тумана.

Итак, они бросили меня здесь – это мой *ублиетт*. Почему я не помню? Воспоминания – в них вломились, их вырезали, подправили: от недавнего моего прошлого ничего не осталось – вообще ничего.

Однако, если нашелся ход внутрь, найдется и выход наружу.

Я открыл глаза и заметил, что, отчаянно мечась, ненароком сшиб мотылька. Он сбежал в угол и снова, трепеща крылышками, карабкался по стене.

Стараясь его не раздавить, я умудрился вновь натянуть ботинок и закрутился на спине, как минутная стрелка в часах. Поворачиваясь на фут, я обеими ногами пинал стенку. Так оно и шло, и стук звучал глухо, и меня затопляло отчаяние, и было оно глубоко, словно плескалось по локтям и ступням.

Услышав треск на пятой стенке, я ударил снова. Дерево разломилось ровно пополам, расщепилось и выпало. С колотящимся сердцем я поглядел себе в ноги.

На меня взидала серая прямоугольная дыра.

Я перевернулся, высунул туда голову, и моя эйфория миглом захлебнулась в новом приступе ужаса.

Двигаться было некуда – в двух футах воздвиглась другая деревянная стена.

Похоже, еще один гроб.

Я выполз. Света и пространства стало чуть больше, но почти все место

занимал мой прежний гроб в самом центре. Сесть тоже не удавалось – потолок лишь чуточку выше. Я на животе пополз вдоль периметра, а миновав дыру, убедился, что моя догадка верна: я попал в другую шестиугольную коробку.

Да что за ерунда? Матрешечный ад сплошных гробов, один в другом, и так до бесконечности? Или игры разума, срисованные с гравюры Эшера? Или сцена из фильма Кордовы? Я попытался припомнить, но ни в одном его фильме подобной сцены не видел.

Я выбрался из первого гроба – значит, выберусь и из второго. Упираясь спиной в первый шестиугольник, я принялся пинать по очереди каждую стенку, по кругу.

Так я обогнул свою клетку раз, дважды, трижды. Ни одна стенка не подалась.

В слабом свете я оглядел первый гроб – полированное дерево, черные боковые панели. Зрелище пробудило к жизни воспоминание, погруженное на дно затопленных подвалов в голове.

И до меня дошло, где я это уже видел.

Мысль сотрясла меня до основания, и я полетел сквозь хрупкую реальность, за которую так безнадежно цеплялся, – я рухнул навзничь и завертелся в холодном черном космосе.

– Вот оно, – говорил Бекман. – Шкатулка – таинственный порог, отделяющий реальность от вымысла. Чья она? Райнхарта? Тислтона? А может, твоя? Все мы поголовно храним свои шкатулки – темные покои, где под замком прячется то, что копьем пронзило нам сердце. Там скрывается ответ на вопрос «зачем?» – то, к чему стремишься, во имя чего ранишь все вокруг. И если ее открыть, наступит ли свобода? Нет. Ибо неприступная тюрьма с неуязвимым замком – твоя собственная голова.

В эту самую минуту ровно такая же шкатулка стоит на кофейном столике у Бекмана в гостиной, подле кипы поблекших газет и подноса с чаем. Знаменитая запертая шкатулка убийцы из «Подожди меня здесь», его драгоценное имущество, где хранится то, что уничтожило его в детстве, – шкатулка, которую никогда не открывали. Бекман застукал меня, когда я пытался взломать замок. А всего несколько недель назад, зайдя к нему в гости, я держал эту шкатулку в руках, тряс, слушал загадочные стуки и недоумевал, что же там такое.

А там был я. Это грохотали мои кости. Я хотел заглянуть внутрь – и теперь я заперт внутри.

Я невольно ахнул – какая ирония. В глазах набухли слезы, потекли по щекам. Сколь непостижимо жестокий финал – такую кару мог сочинить

один Кордова. Этот человек внушал мне, что к некоторым тайнам лучше не прикасаться, что разгадка их – и есть неведомое. Вскрывая их, взламывая, являя содержимое свету дня, ты себя убиваешь.

Во внезапном припадке ярости я отчаянно замолотил в стенки, точно рептилия, что вылупляется из яйца. Я спиной подпер потолок, услышал, как он треснул, снова налег, и дерево подалось. Я вылез, заморгал на разгоревшемся свету – я был заперт в третьем черном шестиугольнике. Долго это будет продолжаться? Сколько здесь клеток? Я колотил в стенки, пока не проломилась очередная; затем все повторилось. Раз за разом я спасался, лез сквозь треснувшие стены, из одной шкатулки в другую, туда-сюда, вверх и вниз и порой так терялся, что приходилось садиться, класть руки и ноги, проверять, откуда действует тяготение, где верх и где низ.

Не знаю, сколько гробов я одолел, – кажется, десятки, и в каждом следующем становилось светлее, и свет все приближался. В конце концов я уперся в потолок и подо мной проломился пол.

Яркий свет – а я падал, падал...

В последний миг я отчаянно ухватился за край и повис, а доска, которую я только что пробил, грохнулась на землю.

Я глянул вниз и сощурился.

Может, мне отказывало зрение или глаза разучились распознавать большие глубины и пространства: впечатление было такое, будто я болтаюсь на вершине небоскреба, а до бетонного пола – примерно *миля*.

Откуда-то – из невидимого окна – лился яркий свет. Выгнув шею, я разглядел, что нахожусь в огромной железной башне, поползшей петелькой болтаюсь под дырой в большой деревянной конструкции, подвешенной под потолком.

И больше ничего, только железная лестница, которая взбиралась с самой земли по стальной стене и исчезала из виду над шкатулкой.

Мне надо наверх. Снаружи не добраться. Единственный способ вылезти – залезть внутрь. Я подтянулся и уперся локтями в шкатулочный пол – вся конструкция зловеще закачалась. Кабели или веревки, на которых она держалась, обескураживающим манером заскрипели, будто вся эта штукавина буквально висела на ниточке – и на той же ниточке висел я.

Я заполз и, стараясь двигаться поосторожнее и не раскачивать шкатулку, пробрался назад через все проломленные дыры во всех шестиугольниках. Удручающий вышел поход – опять лезть в гробы, откуда только что освободился, и свет отступал, а мозг протестовал, точно с этим светом уходили остатки надежды на спасение. На выживание.

Еще несколько часов я искал другой выход, обстукивал другие стенки

в других шестиугольниках, нащупывал те, что выведут меня наверх к лестнице.

Как я ни стучал, ни одна не подалась.

Я уже заподозрил, что, в ярости увлекшись беспощадным разрушением, ненароком уничтожил правильный выход отсюда, *единственный* выход, и теперь остается только ждать неминуемого.

Время потекло молоком, и я поплыл, и ленивое течение уносило меня прочь из шкатулки, туда и обратно.

Потом я очнулся. Я лежал на правом боку и глядел в дыру, пробитую в самом первом гробу. Пробудило меня трепетливое шуршание.

Мотылек.

А я о нем и забыл. От этого простого зрелища, от мысли о том, что я не один, мне невероятно полегчало. Мотылек всполз на потолок, упал, невозмутимо поднялся и снова двинулся в путь по стене. Я осторожно смахнул его в руку. Мотылек побрел кругами, усиками ощупывая границы новой клетки – моей ладони.

Итак, здесь я и умру. Сброшу с себя свою маленькую жизнь.

Да я и не носил ее толком. Жизнь была мне костюмом, я надевал ее по особым случаям. В основном она висела в глубинах гардероба, и я про нее не вспоминал. А ведь нам полагается умирать, когда уже расплзаются стежки, когда локти и коленки измазаны травой и грязью, пуговицы оборваны, накладные плечи перекосило, потому что тебя вечно кто-нибудь обнимал и ткань поблекла под ливнями и обжигающим солнцем.

В голову явилась Сэм.

Пришла, как всегда приходила, – прилепала темными босыми пятками, мудрое личико глядит снизу вверх, нос наморщен. Что она подумает, когда Синтия скажет ей, что я исчез? Я стану загадкой, и Сэм придется посвятить ей всю жизнь. Я стану героем, путешественником и исследователем, который пропал, уйдя в открытые моря на поиски таинственного сокровища, – отважнее, чем в действительности был. Или нет – я стану пещерой в ее сердце, и она заложит меня камнями, заклеит обоями, повесит картину, поставит цветы в горшках, дабы никто не узнал, что там сокрыт сырой пустой тоннель.

Я так и слышал Бекмана, будто он внезапно очутился рядом, с сомнением оглядел стены моей тюрьмы, залпом осушил стопку водки. «Я же тебя предупреждал, Макгрэт? Ловить Кордову – все равно что ловить тени в банку. Ты хотел истины. Вот тебе истина. Шкатулки в шкатулках. С чего ты вообще взял, будто способен его понять? Что у его

вопросов есть ответы?»

Но что кричал мне Бекман, застав меня за пьяной попыткой взломать замок на шестиугольной шкатулке? «Предатель! Филистер!» Однако напоследок, захлопывая дверь, он сказал кое-что еще:

– Ты даже не понял, где она открывается.

То был намек: я *не увидел*, не разглядел картину целиком, у меня слепое пятно, выход не есть выход.

Я все неверно понял.

Мотылек, несмотря на поврежденное крыло, ухитрился летать и опять полз по потолку первого гроба. Я посмотрел, как он нарезает круги; помахав усиками и лапками, мотылек замер, потом нырнул и пропал.

Я ощупал дерево там, где он исчез, – дырочка размером с рисовое зернышко. Еще пощупав, я отыскал *щель*. Порылся в одежде – как будто не моя, чужая, я словно обыскивал карманы другого человека, бесчувственного или мертвого. Я все шарил, надеясь отыскать что-нибудь полезное, твердое, но обнаружил лишь какой-то кулон на шее.

Норин святой Бенедикт. Я сдернул цепочку, провел кулоном вдоль щели. Обвел ее по кругу, увидел, что это люк. Чуть-чуть приподнял его, просунул пальцы. Круглая деревяшка высвободилась и отпала.

Я смотрел в черную трубу – ни лучика света, ничего не видно в конце. Ощупал гладкие железные стенки и нечаянно задел мотылька.

Он упал мне на щеку.

Я поймал мотылька в ладонь, убедился, что он не пострадал, и спрятал его во внутренний карман пальто – будем надеяться, там он будет цел и невредим. А потом я заклинился внутри трубы. Была она тесная, чистый кошмар – я будто застрял в старой вентиляции. Ступеней нет, держаться не за что. Оставалось только всползать вслепую, изо всех сил упираясь в стенки спиной и ногами. Так я одолел несколько ярдов и уперся в потолок.

Я нажал. Люк легко открылся, я его отбросил и заморгал в ярком свете.

У меня над головой висела приваренная к потолку железная лестница.

Я выволок себя на верхушку деревянного шестиугольника. Шкатулка как у Бекмана, один в один. Из узких потолочных окон лился свет, но не видать ни деревьев, ни неба – лишь яркая белизна. Не поймешь, искусственная или солнце.

Я сделал шаг. Что-то вздрогнуло, резко щелкнуло.

Я покрепче ухватился за лестничную перекладину, и тут шкатулка качнулась под ногами, на миг зависла – и оборвалась. С небес на землю,

кувыркаясь, полетела черная шкатулка. Раздался свист, а затем взрыв – шкатулки разлетелись на куски.

Я не стал ждать и не стал смотреть вниз. Перехватывая руками перекладыны, я устремился к стене. Поразительно: крохотный белесый мотылек умудрился удрать из кармана. Теперь он полз по моей руке, по манжете, затем по циферблату часов.

По-прежнему всего 19:58.

Я полез вниз вдоль стены башни, и металлические ступени с готовностью прыгали мне под руки и ноги. Затем я в ужасе заметил, что груды расщепленного дерева вовсе не приближаются, сколько ни слезай. Я никогда не окажусь на земле, никогда не почувствую ее твердость под ногами, никогда не проснусь.

Тут выяснилось, что я больше не на лестнице.

Я лихорадочно несусь по черному тоннелю – в точности такому же, какой привел меня на перекресток. Это что же – я шел не один день, не добрался до конца, лег на землю и уснул?

Или я отрубился на диване в гостиной «Тисков для пальцев»?

Я наткнулся на стену – опять лестница, опять деревянный люк. Залез, отодвинул запоры, открыл.

Я на заброшенном заводе – вокруг громоздятся станки с ржавыми лезвиями, горы обтесанных бревен и камни. Я вылез из люка, помчался по стружке и опилкам к маленькой дверце...

Да что ж такое? Я снаружи, мчусь в траве по поясу, пересекаю ветхую железную дорогу. Я миновал заброшенный тормозной вагон, на котором спреем намалевали красную птицу, в шоке сообразил, что бегу с закрытыми глазами.

И открыл глаза.

* * *

На глаза навалилось ослепительное солнце.

– По-моему, он умер.

– Слышь, чувак? Алло?

В плечо ткнулось что-то острое.

– Ой мамочки. Не трогай его. На нем опарыши.

– Это не опарыш. Это мотылек.

Я открыл рот, хотел было заговорить, но мне не удалось. Горло словно обожжено. Медленно возвращалось зрение. Я лежал на боку в слякотной

канаве. Сверху на меня взирали два подростка, мальчик и девочка. Мальчик тыкал меня, судя по всему, веткой. У них за спиной на обочине стоял синий «универсал».

– Вызвать вам «скорую»? – спросила девочка.

Я перекатился и сел. В голове пульсировало. Я оглядел себя, смутно подвел итоги. На мне толстое пальто, вельветовые брюки, туристические ботинки, носки в ромбик, и все это от грязи почернело. Правая рука, тоже в грязи, стискивает какой-то предмет. Похоже, пальцы отнялись, кости переломаны, плоть на них распухла и застыла, – во всяком случае, они не желали отпускать то, что так решительно сжимали, – латунный компас с разбитым стеклом.

И я жив.

– Тебя не было *три* дня, – сказала Нора.

Я таращился, лишившись дара речи.

Я потерялся в «Гребне» на три дня. Как такое вообще может быть?

И равно абсурдно, что мы трое – вместе, живы, здоровы и сидим в уединенной кабинке в глубине сельского ресторана под названием «Добро пожаловать к Дикси». Последние четыре часа прошли в тумане. Между событиями в окружающем мире и моим постижением их проходило, по-моему, с минуту.

Воздвигшись на ноги в канаве, я не без труда уговорил двух подростков *не звонить* в полицию, а отвезти меня в мотель «Вид на закат» в Чайлдуолд. Тут они как-то приободрились – вероятно, решили, что из меня скоро получится новость для местной газеты, а сами они заблестают в роли очевидцев. По дороге жизнерадостно поведали мне, что их школа замутила экологический проект, они подбирают мусор по обочинам, таким образом нашли и меня.

– Мы думали, вы умерли, – сказал мальчик.

– Какой сегодня день? – еле выдавил я.

– Суббота, – ответила девочка, ошарашенно покосившись на мальчика. Суббота? Господи боже. Мы проникли в «Гребень» вечером в среду.

Ребята нашли меня у дороги в гору Араб, поблизости от Нью-Йоркского шоссе номер 3 и озера Таппер, а я, до посинения изучавший карты местности, знал, что оттуда миль четырнадцать на машине до озера Лоуз и миль двадцать до «Гребня». Я что, носился по буеракам и отрубился

в канаве? Или меня привезли сюда и выбросили, как мешок с мусором?

Я понятия не имел. Воспоминания как будто помяли, порвали, порубили и как попало разбросали в голове.

Когда подростки спросили, что со мной приключилось, мне удалось склепать байку про то, как я накануне перепил на мальчишнике и потерялся. Но мы ехали дальше, и мои смятенные размышления о том, где я очнулся и что за чертовщина со мной произошла, вскоре сменились паранойей из-за моего настоящего, в том числе этих ребят, якобы случайно меня отыскавших. Какие-то они были уж больно живенькие – пацифик, синими чернилами намалеванный у него на плече, ее голые ноги, закинутые на крышку бардачка, ее выкрашенные желтым ногти, и как он сделал радио погромче, когда заиграла «В путанице грусти» Дилана^[106]. Оба смотрелись ярко раскрашенными персонажами очередного фильма Кордовы. Я сидел сзади, наблюдал, как на зеркале заднего вида раскачивается висюлька – лист конопли, – и сердце мое билось от тревожных подозрений.

Я до конца не верил, что все-таки, возможно, вырвался из «Гребня», пока мы не влетели на стоянку «Вида на закат». Я поблагодарил ребят, вышел, подождал, пока они вновь свернут на шоссе, и направился в номер 19.

Постоял перед дверью, гадая, что за ней увижу.

Пустая комната, не тронутая с тех пор, как мы уехали? Или там уже кто-то поселился – и он заявит, что живет здесь не первую неделю и не видел никаких Хопперов и Нор? Или на стук мне откроет фигура в черном плаще и кошмар возобновится?

Я постучал. Надолго повисла тишина.

Затем дверь приотворилась на цепочке и кто-то выглянул. Дверь закрылась, цепочку убрали, и мне на шею бросилась Нора. За спиной у нее возник Хоппер. Он молча поманил нас внутрь, подозрительно оглядел стоянку и запер дверь.

Первым делом мы решили выписаться из мотеля, сесть в машину и смотаться как можно дальше. Нора нервничала – на щеке у нее красовались ужасные царапины. Она то и дело твердила:

– Что с тобой случилось? Мы думали, тебя поймали. Мы думали...

Но Хоппер только рявкал, что надо делать ноги сию минуту, поговорим, когда отъедем подальше. Свое поведение он объяснил лаконично: на стоянке он заметил побитый бордовый «пontiак».

– Наверняка они, – буркнул он, застегнул серую кенгуруху и взял с постели флягу. – Окна затемненные. Прямо как из семидесятых. Плюс

у него не работает фара.

Глядя, как они носятся по комнате, торопливо распахивая по рюкзакам тряпки, туалетные принадлежности и шоколадки, я вспомнил, что у меня-то рюкзака больше нет.

Где я посеял рюкзак? Его стащили эти, в плащах.

Я оцепенело приблизился к зеркалу у кровати и обнаружил, что на мне по-прежнему пальто Брэда Джексона. Невероятная его тяжесть объяснялась не только влажностью и грязью – еще ведь карманы: набиты предметами. Один из них я извлек и уставился на него в омерзении: я не помнил даже, что видел его, не говоря о том, что *взял*.

А потом я разглядел свое лицо. И понял, почему подростки были в таком ужасе, почему на меня тревожно косились даже Нора с Хоппером.

Я смахивал на безумца. Иначе не скажешь.

Я смыл грязь в ванной, понаблюдал, как густая жижа утекает в сток.

Мы поспешно вышли из мотеля, и Хоппер сел за руль.

Джип остался, каноэ нет. Я хотел было спросить, куда оно делось, но внезапно так устал, что не хватило сил. Хоппер давил на газ, будто уходил от погони, – поглядывая в зеркало, несясь по пустынным дорогам, и мимо мелькали сосны, клены, голые поля. Нора подавленно сидела рядом с ним, стиснув руки на коленях.

– Видишь «понтиак»? – прошептала она.

Хоппер покачал головой.

Так мы ехали часа три, а потом Нора ткнула пальцем в белый фермерский дом у обочины – «Добро пожаловать к Дикси! Шибко вкусно и по-домашнему!». На стоянке было не протолкнуться. Лишь тогда я решил: пожалуй, есть шанс, что все придет в норму. Правая рука подавала признаки жизни – ее будто покалывало иголками. Пальцы зашевелились, хотя ладонь, сжимавшая компас, по-прежнему была опухшая. Ужас «Гребня» подсыхал – так черная вода, в которой я плавал, испарялась с кожи, оставляя лишь тончайшую пленку.

Мы зашли в ресторан, и Хоппер попросил кабинку в глубине.

– Что у тебя с руками? – выпалила Нора, когда мы зашагали вглубь.

Я не понял. Снял пальто, закатал рукава. Руки покрывала кошмарная сыпь. Мы нырнули в кабинку, и Нора сказала:

– Мы тебя ждали три дня.

– Да блин, – сказал Хоппер. – Дай человеку поесть.

Мы сделали заказ, и затем из разрозненных и напряженных реплик я сложил картинку: за три дня, что я отсутствовал, паранойя и страх за меня не пускали их из мотеля, не считая пары поисковых экспедиций по дорогам

вокруг «Гребня». Вернулись они в четверг по отдельности: первой Нора – в пять утра, затем Хоппер на джипе в седьмом часу вечера.

– Я думала, придется заявлять в полицию, – сказала Нора. – Я не знала, что сказать. «Мы незаконно вторглись тут в одно поместье, а теперь моих сообщников взяли в заложники». Я раздобыла номер твоей полицейской подруги. Шерон Фальконе. Она не ответила.

– Десерт не желаете? – осведомилась официантка, внезапно материализовавшись у нашего стола.

– Яблочный пирог, пожалуйста, – прохрипел я.

– А вы?

Нора и Хоппер удивленно уставились на меня. Я и сам удивился. Мне впервые удалось нормально заговорить.

Они заказали пирог и кофе, а потом, когда официантка все это принесла, Нора, болтавшая и ерзавшая, пока ела, вдруг умолкла и принялась щупать царапины на щеке, будто проверяя, не исчезли ли. Хоппер погрузился в раздумья. Стало ясно, что их мучило не только мое трехдневное отсутствие. Они и сами пережили в поместье нечто странное.

Кроме того, я в тревоге заметил, что ресторан, такой оживленный и шумный считанные минуты назад, неожиданно опустел.

Остались только мы трое, да за стойкой сгорбился старик в черно-зеленой клетчатой рубаше, узловатый и тонкий, как и его трость, прислоненная к стойке. Ощущение такое, будто шепотки о том, что случилось с нами в «Гребне», уже растворились в воздухе, уже слетали с наших губ, омрачали это заведение и все невинные души, все беспечные люди невольно и неосознанно почуяли, что пора уходить.

– Начнем с каноэ, – сказал я.

– Мы не знаем, куда оно делось, – ответила Нора. – Наверное, они забрали.

– «Они»?

– Эти люди, которые там живут.

Она неуверенно глянула на Хоппера. Тот ничего не прибавил, указательным пальцем подцепил кружку за ручку и насупился.

– Я же сказал тебе: жди меня у пруда, – заметил я Норе.

– Я и собиралась. Но я спустилась с холма, заблудилась и слишком забрала на север. Потом вернулась, уже пошла к каноэ, и тут меня сзади

кто-то за плечо схватил. Я заорала, прыснула в него из баллончика и побежала.

– Лицо его видела?

Я помню этот крик, – выходит, и впрямь кричала Нора.

Она покачала головой:

– У него фонарик был. Ослепил меня. Я бежала-бежала, а потом смотрю – никто не гонится. Через час вышла на проселок в лесу. Пошла по нему, думала, он меня из поместья выведет и я пойду за помощью.

Она осеклась и опять нервно покосилась на Хоппера.

– Вывел он тебя из поместья? – спросил я.

Она опять покачала головой.

– А куда вывел? – спросил я, поскольку больше она ничего не сказала.

– На какую-то бетонную площадку. Там древний грузовик. А в центре огромные такие железные коробки. Пять штук в ряд. Сначала я думала, это электростанция, местный генератор. Или, может, звериные капканы. Они на вид были жестокие. Но потом запахло дымом. Я подошла, посветила фонариком, а в каждой коробке ржавая дверь и сверху труба торчит. И вся земля каким-то серым порошком засыпана. Я сначала не поняла, потом наступила туда – а это пепел. Это печи были. И в них недавно жгли – жаром несло.

Печи.

От этого слова в голове почему-то всплыло воспоминание о тоннелях, что уходили из подземной ниши, о почерневших ходах и полустертых словах белой краской. Я сам не верил, не понимал, как это возможно, но помнил их все до единого, припевом детской песенки – будто распевал их в детстве и они навеки застряли в мозгу.

Сторожка. Особняк. Озеро. Конюшня. Мастерская. Дозор. Трофейные. Пинкая Негро. Кладбище. Миссис Пибоди. Лаборатория. 0. Перекресток.

Нора нахмурилась:

– Я вспомнила, как этот Нельсон Гарсия тебе говорил, что весь свой мусор Кордовы сжигают. Я подошла, открыла дверь. Внутри ничего – черные стены, пепел горами. Запах ужасный. Синтетический, но сладкий. Я пооткрывала другие двери, веткой поворошила пепел – думала, может, что-нибудь осталось. Ничего, ни волоска. Я поискала на земле – что они такое старались уничтожить. А потом нашла в грузовике.

– Что?

– Стекланную пробирку, чтобы кровь брать, лечебную. Застряла в щели откидного борта. Вроде пустая, но на ней была розовая бирка

«биологическая опасность». Наверное, откуда-то возили на грузовике отходы, медицинские или токсические, и сжигали в «Гребне». А пробирка нечаянно выпала.

Она перевела дух.

– Я тогда подумала – а вдруг там все заражено? И мне стало плохо, и я побежала. – Она взглядом вперилась в столешницу. – Мне казалось, за мной гонятся, но я все оборачивалась – и никого. Добежала до ограды, даже не думала – взяла и полезла. Мне уже было все равно – хоть помру, хоть током шибанет, хоть порежусь. Пролезла сквозь колючую проволоку и не почувствовала ничегошеньки. Хотела только вырваться оттуда, и фиг меня остановишь.

– А в мотель ты как вернулась?

– Вышла на дорогу – это уже часа четыре утра было, – и подъехал красный «универсал», а за рулем маленькая такая старушка. Предложила подвезти. Я со страху чуть не умерла. Наверняка, думаю, она из городских. Даже на вид настоящая ведьма – блузка зеленая, на пальцах куча колец. Но я так устала, а она была такая дряхлая, что я к ней села. Она отвезла меня прямо в мотель, сказала: «Ты уж себя побереги, девонька». И все. Ничего особенного. Я доползла до номера и проспала тринадцать часов.

Я не отрывал от нее взгляда. Подкрадывалась новая мигрень, но я старался сосредоточиться, подумать. Стеклопая пробирка, чтобы кровь брать? Медицинские отходы? Зачем это все Кордове – для очередного фильма?

Нора помянула Нельсона Гарсию, и я припомнил другую деталь – как ему в трейлер по ошибке доставили медицинское оборудование, предназначенное для «Гребня». За все наше расследование никто из интервьюированных ничем не подкрепил эту историю и подозрения Гарсии, никто не поминал, что в «Гребне» есть раненые или больные, – только сейчас это косвенно подтвердила Нора со своими печами.

Хоппер слушал ее в отчужденном раздражении и прожигал взглядом, когда она поминала некие подробности, – на слове «печи», на пробирке «биологическая опасность».

– А ты? – спросил его я. – С тобой что было?

– Хоппер залез в дом! – возбужденно выпалила Нора. – Он нашел Сандрину комнату...

– Я не уверен, что это была ее комната, – возразил Хоппер.

– Но... еще как ты уверен. – Явно удивившись его внезапной сдержанности, она подалась ко мне. – Он нашел письма, которые писал Сандре, а она на них так и не ответила. Она их хранила прямо у постели,

разложила по датам. И они так выглядели, будто их перечитывали миллион раз. И на столе стоял портрет, где они вдвоем. А потом он нашел ее репетиционную...

– Я не уверен, что это ее репетиционная...

– Но там на фортепиано пьеса, это она сама написала, называется «Тигриная Лапа».

– «Тигриная Лапа»? – озадачился я.

– Это у Хоппера племенное имя было в «Шести серебряных озерах».

Хоппер разъярился:

– Я не знаю, *что* я там нашел, ясно? Я не уверен.

– Как ты в дом попал? – спросил я.

– Залез на крышу. Нашел незапертое окно.

– И как там внутри? Все заброшено?

– Нет. Там... приятно. – Он, кажется, хотел этим и ограничиться, но я ждал, и он смахнул челку с глаз, вздохнул. – Там замок. Гигантский. Мрачный – жуть. Стены красного дерева. Гобелены с единорогами. Медвежьи бошки пасти пораскрывали. На картинах потопы, страсти, пытки. Деревянные кресла, целые троны. Рыцарские мечи на стене, чугунный канделябр, в нем белые свечи, догорели уже и оплыли. Не то чтобы мне там особо удалось погулять. Кто-то впустил собак. Я нашел черную лестницу, ушел в подвал, спрятался в первой попавшейся отпертой комнате. Много часов там просидел.

– И там были тысячи картотек, – вставила Нора.

– Картотек? – переспросил я. – А в картотеках что?

– Портреты актеров. Миллионы фотографий, резюме со всякими дебильскими приписками на обороте.

Нора подождала, пока Хоппер мне объяснит, но он опять от ее прямоты только разозлился.

– Какими приписками? – спросил я, поскольку оба молчали.

– Личные подробности, – сказал Хоппер.

– Например?

– Биографии. Фобии. Тайны.

– Это, наверное, актеры, которых Кордова думал взять на роли, – сказала Нора. – Я вспомнила, как Оливия Эндикотт ходила на пробы. Помнишь, он ей всякие дикие вопросы задавал? – Она покосилась на Хоппера. – А ты мне про кого рассказывал? Какая-то Шелл Бейкер, да?

– Портрет вроде из семидесятых, – пояснил Хоппер. – На обороте кто-то написал: «Родных нет, кроме брата в ВМС, диабет, ненавидит кошек, не любит оставаться одна, сексуально неопытна». А на другой типа:

«Выросла в Техасе, автокатастрофа в пять лет, год на растяжке, болезненно застенчива».

– С собой не прихватил? – спросил я.

Тут он, похоже, взбесился:

– Это еще зачем?

– Улика же.

– Не прихватил. Положил на место и вымелся оттуда к чертовой матери.

– А потом Хоппер нашел пыточную камеру, – вмешалась Нора.

– Никакую не пыточную камеру! – рявкнул он. – Другая комната в подвале, какие-то деревянные носилки и доски, железные уздечки, антикварные – я там половину предметов вообще не узнал. Ушел, по лестнице забрался на третий этаж. Нашел комнату – видимо, Сандрину, – осматривался там и нечаянно уронил лампу. Видимо, громко получилось – кто-то стал по лестнице подниматься. Спрятался в шкафу. Пришел кто-то – кажется, женщина. Побродила по комнате, поставила лампу и ушла. Но меня заперла. Изнутри не открыть. Хотел дверную ручку отвинтить, но услышал, что за дверью собака. Почуяла меня, наверное. Но не залаяла. В комнате такие огромные эркеры, на холм и пруд Грейвз. Я вылез, а внизу отвесная стена. Всю ночь там проторчал, ни звука не издал, ждал, пока собака уйдет. Часов в пять утра кто-то свистнул, и она убежала вниз. Я отвинтил ручку, выбрался из дома, никого не встретил. Пошел к каное, но его, естественно, не было. Двинул вдоль ручья, по которому мы приплыли. Заблудился, правда. Угодил в болото, грязь по шею. Набрел на каких-то туристов – они на меня так глазели, будто я лох-несское чудовище. Сказали, что я в каком-то природном заповеднике «Пруд Хитчинс», а это далеко к востоку от озера Лоуз. Ну и часов в шесть вечера я вернулся к джипу.

– Кто-нибудь из Кордов живет в доме? По твоим наблюдениям? – спросил я.

– Нет. Все спальни на верхнем этаже. Там всю ночь никто не спал. По-моему, люди с собаками – это всё смотрители. Я, правда, вблизи ни одного не видел.

– А в другие комнаты в подвале не заходил?

– Нет. Там все заперто.

– А наверху? Что-нибудь странное было?

Он кивнул, помрачнел:

– На задах нашел целое закрытое крыло. Вверх по винтовой лестнице, в башне, – апартаменты. Половина – совершенно новая. Половицы аж

блестят. Видно, где новое, а где старое. Я подумал, это после пожара отремонтировали. Может, в апартаментах жил Паук. Но там ничего не было. Ни единой фотографии, никаких пасторских воротников. Вообще ничего.

– А этот «понтиак»?

– По-моему, кто-то из зрителей. Я же дверную ручку не привинтил обратно – они знают, что в комнату заходили.

– Не нашел признаков, что Сандра перед смертью там была?

– Нашел, – тихо признал он. – Не знаю, как это, но... – Улыбка скользнула по его лицу и угасла. – Она в воздухе витала.

Подчеркнуто не глядя мне в глаза, он глотнул кофе.

– Теперь твоя очередь, – увлеченно прошептала Нора, наклоняясь ко мне.

И что же случилось со мной? Я сам-то понял?

Я рассказал им все, что помнил, начав с побега от собак и закончив возвращением в мотель. Я, вообще-то, не планировал излагать так подробно – Норе, кажется, поплохело, Хоппер слегка разъярился, и я спрашивал себя, не стоило ли историю подредактировать, – но каждое слово будто выдергивало из меня следующее, пока вся путаница, весь ужас не изошли из меня селевым потоком.

Когда я умолк, они на некоторое время потеряли дар речи. А мне полегчало. По-моему, за все годы моей репортерской работы не случилось, чтобы мне так отчаянно требовалось рассказать кому-нибудь в точности, что произошло, – будто, рассказав, я наконец-то ушел оттуда, вырвался из этих тоннелей и теней раз и навсегда.

– В каком смысле ты что-то нашел в пальто и не помнишь, как это взял? – прошептала Нора.

Я оглянулся – удостоверился, что наша официантка не вышла из кухни. В ресторане остались только мы втроем. Даже старик, что сидел за стойкой, уже ковылял к двери, тяжело опираясь на трость, и каждый шаг давался ему с трудом.

Пропитанное грязью пальто Брэда Джексона лежало на сиденье рядом.

Я подтянул его ближе и, методично опустошая карманы, выложил все свои находки на стол. Компас Попкорна. Окровавленная детская рубашка. Под неоновыми лампами они смотрелись странно, неуместно, сувенирами

из ночного кошмара.

– Как брал это, я помню, – сказал я. – А вот это – нет.

Из глубин кармана я выудил последний предмет. Трехкостный сустав, грязный и потертый, дюймов пять длиной.

– Это, вообще, что? – спросила Нора.

– По-моему, кусок детской ступни. Но я не уверен.

– И откуда он?

– Видимо, я на него наткнулся и взял, решил, что это улика. Но вообще-то, я не помню.

Панический Норин взгляд оторвался от костей на столе и метнулся к моему лицу.

– Совсем ничего не помнишь? Вдруг эти люди что-то с тобой делали или?..

– Я не помню.

– А как ты в шестиугольник попал?

Я помотал головой.

– Тебя накачали чем-то, понятно же, – сказал Хоппер.

Нора нервно закусила губу.

– А теперь нам что делать?

– Отдадим это в лабораторию, – сказал я. – Выясним, человеческие ли это кости и кровь. Если да, надо будет искать чьи. Вдруг Паук не зря Кордову подозревал? И какая-то мать неизвестно где ждет вестей о пропавшем ребенке? Я не могу доказать, что все мною виденное реально, но могу – что Кордова верил в проклятие. До каких пределов он дошел в своей работе, в своих надеждах спасти Сандру? Этот человек мешал вымысел с фактами. Его искусство и его жизнь – одно и то же.

– Мы так не договаривались, – буркнул Хоппер. – Перед тем как пойти в «Гребень», мы договорились, что все втроем решим, что делать. А не ты один.

– Но мы ведь даже не знаем пока, что у нас есть.

– Блин, ты чего хочешь добиться-то? – Он с упреком воззрился на меня. – Своего имени на афише? Славы? Раздеть великого Кордову догола, таскать его на поводке, людям на потеху? А ты будешь сидеть и злорадствовать, – мол, вот он какой на самом деле, не такой уж и великий? Ты считаешь, Сандра этого хотела?

– Я не знаю, чего она хотела.

– Это тебе не в лотерею выиграть. Это ее жизнь. И только попробуй превратить ее в таблоидную дешевку...

– Никто не собирался...

– Мы же знаем, что ей пришлось вынести, – сердито продолжал он. – Мы знаем, в каком дурдоме она росла, что у нее была за семейка. Как ей жилось. Мы знаем, почему она залезла в эту шахту, одна, среди ночи, и прыгнула. Чтобы все это прекратить. Мы знаем. Ты же сам видел эту канаву с туфлями и перчатками. Ну и когда тебе уже будет довольно? Сколько еще истины тебе надо всосать, чтоб ты уже насытился, сука, наконец? – Он в гневе отпихнул тарелку, со звоном уронив вилку на пол, и вылетел из ресторана, хлопнув дверью.

– Он там что-то видел, – прошептала Нора. – Не знаю что. Он, наверное, никогда никому не расскажет.

Зарядил дождь, и Хоппер, застегнув куртку и глядя в землю, нырнул прочь от окна и с глаз долой.

– Уж не знаю, что он там искал и чего от нее хотел, – прибавила Нора, – но он все нашел.

Поездка до города вышла напряженной и по большей части безмолвной. Я заехал в «Ривер Ренталз» в Пайн-Лейк и целиком оплатил потерянное каноэ, объяснив пацану с дредами, дежурившему за стойкой, что каноэ уничтожено.

– Серьезно? Это как получилось-то, мужик?

Мне оставалось лишь молча протянуть ему кредитку. Пацан, честное слово, ты не хочешь знать.

Мы выехали на шоссе, и Нора крепко уснула на сиденье подле меня. Мне казалось, Хоппер тоже, но всякий раз, когда я взглядывал в зеркало, он лишь непроницаемо смотрел в окно, мыслями, вероятно, витая где-то в «Гребне».

Нора абсолютно права. Хоппер сам признался, что всю ночь провел в комнате Сандры, и я, конечно, подозревал, что увиденное, встреченное там переменяло его точку зрения на все, что между ними было. Он обрел свободу. И отпустил на волю свою любовь, этого прекрасного черного дрозда, которого до сей поры держал в клетке. Каково ему было изо дня в день стоять на берегу, на ветру, под дождем, глядеть в океан, мечтать, чтоб она подала ему знак, цепляться за надежду? Должно быть, в «Гребне» она наконец показалась ему – корабль, что не приближался и не уплывал, лишь скользил по тончайшей грани меж небом и землей, и Хоппер едва успел понять, что она любила его, что любовь их была подлинна, а затем

корабль скрылся с глаз – вероятно, навсегда.

Я, разумеется, понимал и его злость на меня, и его желание защитить Сандру. Я это даже предвидел: чем глубже мы станем погружаться в расследование, чем страшнее будет правда о ее семье, тем вероятнее, что мы с Хоппером схлестнемся касательно того, что делать с открывшейся информацией. Но остановиться здесь, не пойти до конца – вариант, который я даже не рассматривал.

Спустя много часов, в сумерках, мы вновь въехали на Манхэттен и покатали ветхими кварталами, среди пешеходов и колдобин в асфальте. Хоппер попросил подбросить его до квартиры в Ладлоу – единственные слова, что он произнес за всю поездку.

Он выбрался из джипа, набросил лямку рюкзака на плечо.

– Пока привет, народ, – бросил он и хлопнул дверцей.

– Погоди, – сказала Нора.

Она торопливо вылезла из машины и повисла у него на шее, обняла его прямо на тротуаре. Он добродушно щелкнул ее по подбородку и поднялся на крыльцо. Нора снова села в джип, и я с изумлением увидел, что она плачет.

– Бернстайн. Ты чего?

– Ты не понимаешь. – Она отерла глаза. – Мы его больше не увидим.

– Чего? Ну что за глупости?

Глядя, как Хоппер заходит в подъезд, она упрямо затрясла головой.

Удивительное, мягко говоря, заявление – да нет, не может такого быть. Не может все закончиться вот так, здесь, когда еще столько вопросов без ответов, – но тут я вспомнил его квартиру, голые стены, рюкзак из Южной Дакоты, цитату из «Идти дальше». Может, и впрямь он отыскал все ответы, каких добивался, и на этом распрощался с нами – вот так запросто, раз – и все?

Я не знал, что тут сказать, – Нору вдруг обуяло горе. Она молча рыдала до самого выезда из Нижнего Ист-Сайда, всю Хьюстон-стрит и добрую часть пути по Вест-Виллидж. Я пытался ее утешать, но страшно вымотался, и сосредоточенности моей хватило лишь на то, чтобы сдать прокатный джип обратно в «Герц».

Вокруг нас детонировала жаркая субботняя ночь. Пока мы пешком возвращались на Перри-стрит, лавируя среди густой толпы и гудящих машин, Нора не произнесла ни слова. Когда я отпер дверь, Нора пропустила мимо ушей мой вопрос, хочет ли она ужинать, и сбежала наверх.

Я направился в кабинет. Мрачный, нетронутый. Глядя в ночь

за окнами, я даже пожалел, что на подоконнике меня не встречает Септим. Общество мне бы пригодилось; он, конечно, попугай, зато разумный. Однако Септима мы сдали на передержку. В доме не осталось никого и ничего.

Я звякнул Синтии – до смерти хотелось услышать тихий голосок Сэм, убедиться, что с ней все хорошо, – но Синтия не ответила. Я оставил сообщение. Пошел наверх, принял душ, все находки из «Гребня» надежно запер в сейф и улегся в постель. Пальто Брэда Джексона я нацепил на плечики и повесил на обратную сторону двери шкафа. Там оно как-то странно обвисло, лишилось жизни. Достаточно ли далеко я зашел в «Гребне»? Довольно ли увидел, докопаюсь ли теперь до дна?

Я проснулся, задыхаясь, и сел, ожидая, что сейчас треснусь лбом о потолок очередной шкатулки, но сообразил, что, вообще-то, я дома. На краю постели примостилась Нора.

– Гос-споди. Ты меня напугала.

– Извини.

– Все нормально? – Я оперся на подушки; какое счастье – она больше не рыдает. – Расстроилась? Я думаю, насчет Хоппера ты ошибаешься.

– Нет. Да. Просто...

– Что?

– Пока мы расследовали Сандру, она была живая. А теперь я чувствую, что она ушла. И когда Хоппер попрощался, я вспомнила про Терра-Эрмоса. Там финал всегда бьет под дых, потому что случается вдруг. Типа сегодня Амелия, которая любит цветы, сидит в столовой со своим кислородным баллоном, заказывает фруктовую тарелку, а завтра что? Ее нигде нет. И остаются только поминки, а поминки зависят от того, на каком этаже ты жил. Если на первом, тогда выставляют мольберт с портретом, ты там улыбаешься и вяжешь, и у тебя очки на шее висят. А если на четвертом, тогда выкладывают такую книгу памяти, там надо расписаться, и еще цветы и стишок про разлуку, распечатанный из интернета. И привет. Через две недели все убирают, и портрет, и книгу, а тебя как будто и не было. Ненавижу это.

– А уж я-то как ненавижу.

– Так нечестно.

– Это да. Но, с другой стороны, таковы правила игры. Потому жизнь

и прекрасна. Потому что заканчивается, когда не хочется конца. Конец придает ей смысл. И кстати, раз уж ты об этом заговорила, дай, пожалуйста, слово, что, когда мне стукнет девяносто и я перестану выходить из дома без кислородного баллона, ты меня кокнешь? Развлечешься по полной программе, ага? Спихни меня в каталке с моста Джорджа Вашингтона – и точка, шикарный финал. Договорились?

От этой просьбы она, кажется, заулыбалась:

– Договорились.

– Я считаю, это надо вставлять в брачную церемонию. Обещаешь ли ты любить, почитать, слушаться меня и прикончить меня, когда я больше не смогу сам стоять в душе?

– Я тебя по правде люблю, Скотт.

Взяла и выпалила. Я так растерялся, что усомнился даже, правильно ли расслышал, но она скользнула ко мне во тьме, поцеловала в губы и отодвинулась, пристально за мной наблюдая, будто ставила новый научный опыт и только что добавила ключевой ингредиент.

– Это ты зачем так сделала?

– Я же говорю. Я люблю тебя. Не как друга, не как босса, а по правде люблю. Я уже целые сутки знаю.

– По-моему, это как желудочный грипп. Скоро пройдет.

– Я серьезно.

Она уселась по-турецки мне на ноги и, не успел я ее остановить, наклонилась и снова поцеловала, руками сжимая мне виски. Сил отбиваться у меня почти не осталось, но мне все же удалось схватить ее за плечи и отодвинуть.

– Возвращайся-ка ты в постель.

– Ты считаешь, я некрасивая?

– Ты роскошная.

Она близко вглядывалась мне в лицо, сильно щурясь, будто перед ней глобус и она никогда прежде толком не рассматривала эти широты – океан с архипелагом безымянных островов.

– Тогда что не так?

– Насколько мне известно, Вудворд и Бернстайн так далеко не заходили. Я бы предпочел, чтобы мы тоже.

– Это ты так шутишь?

– У тебя вся жизнь впереди. Ты молодая, а я... старый велосипед.

Понятия не имею, откуда выпрыгнула эта прискорбная метафора – может, из полусна, – но внезапно мне явилось крайне неприятное видение: я сам в виде ржавого десятискоростного велика на свалке, переднего колеса

нет, а из сиденья ключьями торчит набивка.

– И вовсе нет. Ты чудесный.

– Это ты чудесная.

– Ну вот. Если два человека друг про друга думают, что они чудесные, значит они должны быть вместе сию секунду и перестать думать.

И она бодро улеглась рядом, будто мы ютились в узкой туристической палатке. На ощупь она была костлявая и легкая, а когда перекатилась на меня, волосы ее, благоухающие мылом, занавесили мне лицо – я словно очутился под водопадом.

– Нора. Умоляю тебя. Иди в постель. – Я ее отпихнул, на этот раз посильнее. – Я тебя тоже люблю, – продолжал я, – сама же понимаешь. Но я тебя люблю не так.

Я и сам сознавал, как грубо сляпаны эти слова, – я вдруг снова стал пацаном в школьном коридоре, стою у шкафчика, вот-вот надо идти на математику. Однако так уж оно временами случалось – язык, когда он взаправду нужен, глиной крошился во рту. И тогда говорилось все настоящее.

– Почему ты так себя ведешь, будто я не понимаю, что чувствую?

– Опыт. Мне сорок три. Не исключено, что сорок четыре.

– В прежние времена люди доживали только до тридцати. Я была бы старухой.

– А я покойником.

– Почему ты все время шутишь? Почему нельзя просто быть?

Я не ответил, лишь протянул руку, подождал, пока она протянет свою.

– Ты же знаешь: я всегда буду стоять на трибунах, – сказал я. – Подбадривать тебя. Ты сильная женщина. Ты и дальше будешь сильной, еще много миль. Многие годы. А я тебя только заторможу.

– Может, я и хочу затормозиться. Почему все вечно друг от друга бегает? – Она опять готова была расплакаться. Вырвала руку. – Хоппер прав. Ты вообще ни к кому не привязан. Любишь одного себя.

Она подождала моих возражений, но я не возразил. Может, последние три дня меня доконали. Я высох и вымотался, мне не хватало воли править собственной жизнью. Оставалось только смотреть, как жизнь изворачивается и брыкается предо мною во всей своей красноречивой красе.

– Ты все испортишь. Хоппер правильно сказал. Тебе плевать на меня. И на Сандру тоже. Она для тебя ничто. Даже теперь. Тебе только бы поохотиться.

Она соскочила с постели, белой кометой метнулась к двери.

– Нора, – позвал я.
Но она ушла.

Будильник сработал в семь. К семи тридцати я уже шагнул за порог.

На поезде 1 поехал в Вест-Сайд, в «Барни Гринграсс» – знаменитый столетний еврейский магазин, – явился к открытию и, набив пакет бубликами и лососиной, на поезде М поехал до конечной, «Метрополитен-авеню» в Миддл-Виллидж в Куинсе. Мне предстояло без предупреждения навестить Шерон Фальконе в воскресенье с утра пораньше, так что без приношения не обойтись, а Шерон питала слабость к бубликам с маком, лососю из Новой Шотландии и еврейскому деликатесу под названием «селедка со смальцем» – маринованной рыбе, которая вкусом напоминала, по-моему, дубленую кожу, вывалянную в соли. Вкушая все это, Шерон возносилась на небеса.

Жила она в доме, походившем на портрет из полицейского досье: мутные глаза, красная и трезвая квадратная рожа. Десять с лишним лет назад я как-то раз подвозил ее домой, когда мы работали над одним делом, – только что умер ее отец, завещав ей это жилище, – и я потихоньку записал адрес, на маловероятный случай, если мне понадобится ее отыскать.

Я позвонил, ответа не последовало, и я сел на крыльцо подождать. Может, она уже отправилась в участок или вообще переехала. Но затем во дворе под одиноким кустом я заприметил пустую собачью поилку и облысевший теннисный мячик, а спустя четверть часа увидел и Шерон – она по-спортивному чесала по тротуару. В бордовой куртке «Норт Фейс», в руках два больших стакана кофе. Мне она ничуть не удивилась. Настоящая Фальконе.

– Если ты торгуешь Библиями, у меня уже есть двенадцать штук, – сообщила она, взбегая по ступенькам.

– Я торгую другой великой религией. «Барни Гринграсс».

О счастье – взгляд ее с любопытством метнулся к моему пакету. Она, правда, ничего не сказала. Ловко поставив один стакан на другой, открыла сетку, отперла замок и, точно паникующий крот, нырнула в дом. Появление мое взбесило Шерон, это ясно, однако она не грохнула дверь и не заперлась изнутри.

– Мне тут на днях звонила какая-то девчонка, уверяла, что ты

в смертельной опасности. – Дернув плечом, Шерон сбросила куртку и повесила на крючок.

– Это моя ассистентка Нора. Она иногда драматизирует...

– Я не поняла, с чего она решила, что это не прекрасные новости.

– Прости, – сказал я сквозь сетку; Шерон исчезла в глубине коридора. – Прости, что я пришел. Но мне нужен совет, и я бы тебя не дергал, если б не был уверен, что ты заинтересуешься. Выслушай меня, пожалуйста. А потом выгоняй. И в будущем станем делать вид, что не знакомы.

Видимо, в этой перспективе крылись некие плюсы: и минуты не прошло, Шерон провела меня в столовую – или, может, в гостиную. Так или иначе, комната пустовала, если не считать желтого ковра, шаткого складного стола, двух стульев и подушки в углу, покрытой собачьей шерстью.

Я расстегнул карманы и вынул два полиэтиленовых пакета – в одном окровавленная детская рубашка, в другом кости. Я, естественно, не стал распространяться, где их раздобыл, но, судя по тому, как безмолвно закипела Шерон, некие предположения у нее имелись. Впрочем, едва я выложил рубашку на стол, манера Шерон резко переменилась. И я понял, что не лопухнулся и не рехнулся: эта рубашка застала врасплох *Шерон Фальконе*, а значит, если это и реквизит, то реалистичный. Не отводя взгляда, Шерон поставила два кофейных стакана – уже было ясно, что оба предназначались ей, – и вгляделась сквозь полиэтилен. Придвинулась к нему, как микроскоп, поглядела в упор и застыла.

– Кровь? – спросил я.

– Трудно сказать. Если да, то давняя. Минимум десять лет. Хранили в сухом помещении – иначе хлопок распался бы. Или там есть неорганические волокна. Но судя по виду – кровь. Затвердело. Другие вещества такую ригидность не вызвали бы.

– А кости?

Она вынула их из пакета, взвесила на ладони.

– Понятия не имею. Отдам антропологу, пусть посмотрит.

– Это может быть детская ступня?

– Человеческая ступня длинная и узкая, вес приходится главным образом на пятку. Нечеловеческая ступня шире, вес на пальцы. Но чем моложе кости, тем сложнее определить – они же еще не развились. Младенческая грудная клетка смахивает на ребра небольшого зверя даже на макроструктурном уровне. А детские кости черепа нередко напоминают черепаший панцирь.

Больше она ничего не прибавила – отложила пакет и, не сводя с меня глаз, хлебнула кофе.

– Кстати, из-за этого суицида, который тебя так увлек, у нас кой-какие головы летят.

Из-за Сандры.

– Чьи головы?

– Помнишь, адвокат пытался запретить вскрытие, потому что иудаизм запрещает осквернение тела? Так вот, судмедэксперт имеет право настоять. И он собирался. Только ее тело среди ночи пропало. И по той же причине не хватает фотографий. Кто-то кому-то заплатил.

– Каких фотографий? – растерялся я.

– Я же говорила. В досье недостает снимков. Они нигде не зарегистрированы. В участке роют землю копытом, разбираются, что произошло. Бардак. И зуб даю, что ничего не найдут. Такие следы исчезают еще прежде, чем появились. У девчонки влиятельная семья.

Ах да – в досье нет фотографий Сандриногo торса, спереди и сзади.

– Этот наш разговор на днях, – после паузы сказал я, – про ювенальную юстицию. Связь была так себе...

– Нет документальных подтверждений, что в доме кто-то живет. И никаких признаков жильцов.

– А кто владелец?

– Зарегистрировано на юрлицо. Китайское какое-то. У меня в записях есть. Позвоню скажу. И еще гляну потихоньку, что тут такое, – она взяла со стола пакеты, прожгла меня взглядом, – хотя на самом деле надо бы тебя задержать за то, что от тебя один геморрой. На обработку уйдет месяц минимум. Лаборатория зашивается. Даже не думай опять сюда приходиться. И кстати, выглядишь ты фигово.

С этими словами она унесла пакеты.

– Спасибо, – сказал я ей вслед.

– Ты бы руку врачу-то показал, – крикнула она откуда-то из глубин дома. – У тебя там застряло что-то, стафилококковую инфекцию заработаешь.

Лишь взглянув на правую ладонь, я сообразил, о чем речь. Шерон права. Отек и краснота разрослись. Я думал, там запеклась грязь, но в действительности глубоко под ногтем большого пальца застряла заноза. От этого зрелища накатила паранойя. Люди в черных плащах – они что, поместили меня? Наложили новое проклятие? Может, это отравленный дротик? Ржавый гвоздь, носитель столбняка?

Пора домой.

– Как мне тебя отблагодарить? – спросил я спустя минуту, сообразив, что Шерон, чем-то увлекшись, в гостиную не возвращается. – Подарить тебе новую немецкую овчарку, яхту, остров на юге Тихого океана?

– Выметайся отсюда! – крикнула она.

На Манхэттене я заехал в травмпункт на Тринадцатой. Приемная была набита битком, и врач принял меня спустя часа три. Я объяснил, что вернулся из похода.

– Я так и понял, – весело отвечал он, задерживая занавеску. Жизнерадостный и бодрый говорливый юнец, передознувшийся кофеином; к подолу белого халата приклеился кусок скотча. – У вас контактный дерматит. Ходили в основном в густом лесу? Судя по всему, повстречали там какой-то аллерген.

Я хотел было уточнить, что был в Адирондаке, но – вот болван – сообразил, что этим все не исчерпывается. А как же бассейн? Может, там месяцами разлагался какой-нибудь звериный труп. А семейная оранжерея Райнхартов?

– Что там росло, в этой оранжерее? – спросил врач, когда я в общих чертах кое-что изложил.

– Я не все помню. Одно растение называлось «дурье зелье».

– «Дурье зелье», – повторил врач, склонив голову набок. Думал он при этом, похоже: «И что, вы с воплями не слиняли оттуда подобру-поздорову?»

– И я чем-то укололся. Заноза. Воспалилась.

Я показал. Вскоре медсестра уже промывала мне руку водой и антисептиком, а врач, вооружившись скальпелем и длинным пинцетом, резал ладонь. Потек белесый гной; врач что-то выдернул из пальца. Увидев, что это, я от ужаса онемел; врач, впрочем, невозмутимо кинул занозу на стальной стол.

– Ничего себе прогулялись, – улыбнулся он. – Пожалуй, в следующий раз лучше на пляж.

На столе лежал черный шип какого-то растения, однако я сперва решил, что это острый двухдюймовый ноготь, кривой и гнутый.

На Перри-стрит я вернулся в пятом часу. Предвкушал, как поговорю с Норой, расскажу ей про Шерон, продемонстрирую черный шип. И мы вернемся к работе. Но едва я переступил порог, наверху раздался странный грохот.

Я вбежал в спальню Сэм, – кажется, весь гардероб Моэ Гулазара, а может, и Моэ Гулазар лично взорвались там и разметались по ковру. Повсюду валялись золотистые легинсы в блестках, шелковые блузки, полосатые галстуки и еще норковая накидка (страдающая чесоткой). Нора в черных джодпурах и рубашке под смокинг, засучив рукава, паковала одежду. Иисус и Джуди Гарленд уже покинули стену.

– Что у тебя тут такое? – спросил я.

Она глянула через плечо и отвернулась, сложила лиловые шорты и запахала в сумку «Дуэйн Рид».

– Я уезжаю.

– Что?

– Уезжаю. Нашла прекрасную субаренду.

– Когда?

– Только что. Я больше на тебя не работаю.

– Так. Во-первых, в Нью-Йорке нельзя «только что» найти прекрасную субаренду. На это уходят месяцы. Иногда годы.

– А я нашла.

– И откуда же взялась эта прекрасная субаренда? Архангел Гавриил подарил?

– «Крейглист».

– Так. Давай я объясню. «Крейглистом» обычно пользуются проститутки, маньяки-убийцы и массажисты, с которыми в конце познаёшь неземное счастье.

– Я уже проверила.

– Когда?

– Утром. Огромная комната, боковая, таунхаус в Ист-Виллидж, с эркером. Света – море. Всего пятьсот в месяц и ванная одна на двоих с очень клевой старой хиппушкой.

Я набрал в грудь побольше воздуха:

– Давай я тебе расскажу про клевых старых хиппушек из Ист-Виллидж. Они психованные. Они изучают карты Таро и едят сою. Иногда едят Таро и изучают сою. Большинство не покидали этот островок с тех пор, как президентом был Никсон, и под ногтями у них произрастают вполне отчетливые виды флоры. Ты уж мне поверь.

– Мы только что с ней пообедали. Она суперская.

– «Суперская»?

Нора кивнула:

– Выращивает органические помидоры.

– И удобряет их трупами своих тридцати кошек.

– Много лет работала ассистенткой фотографа Аведона. [\[107\]](#)

– Они все так говорят.

– У нее был роман с Экслем Роузом. Он про нее песню написал.

– Наверняка ту, которая «Приглашаем в джунгли» [\[108\]](#).

– Я не понимаю, чего ты психуешь. Все будет круто.

«Все будет круто». Я как будто стоял босиком на полу, а у меня из-под ног выдергивали ковер.

– Это из-за того, что было ночью, – сказал я.

Она только вздернула подбородок, схватила ежегодник школы «Гармония» и, театрально хмурясь, его полистала.

– Ты сердишься, что я был джентльменом? Уважал границы наших рабочих отношений?

Она захлопнула ежегодник, сунула в сумку.

– Нет.

– Нет?

– Нет, это из-за прослушиваний на «Гамлетту» в Блошином театре.

– Прослушивания на «Гамлетту». В Блошином театре.

Она торжествующе кивнула:

– Они поменяли наоборот все гендеры, чтобы у женщин наконец были хорошие роли. Я хочу попробоваться на Гамлетту, мне надо круглосуточно репетировать монологи. А ты рехнешься – тебе же не нравится, как я играю.

– Неправда. Я очень пристрастился к твоей игре.

Она складывала старый серый кардиган: на плече летящая птица из блесток, на левом локте беззвучно кричащим ртом распахнулась большая дыра.

– Ты же сам ночью сказал, что я должна бежать вперед, а ты мой чирлидер, будешь меня подбадривать. Ну вот я и побежала.

– С чего это ты решила меня послушаться?

– Я же говорила, что это все временно. Пока мы не выясним про Сандру. А мы выяснили. И у меня теперь есть деньги.

До отъезда в «Гребень» я ей заплатил, присовокупив изрядный бонус, о чем теперь отчасти жалел.

– Кроме того, ты будешь занят – тебе надо кричать на каждом углу,

на Сандре деньги заколачивать, как вот Хоппер говорил.

Я посмотрел, как это замечание проплывает мимо – гранатой взрывается прямо перед носом. Нора тысячеглазым насекомым носилась по комнате – складывала, запихивала, упаковывала пожитки.

– Расследование не окончено, – сказал я. – Ты уходишь из голевой зоны, в четвертом тайме из четырех, за пять секунд до конца матча, после третьего дауна.

Она испепелила меня взглядом:

– До тебя так и не дошло, да?

– Что до меня не дошло? Я с восторгом выслушаю.

– Ты ничего не понял. Если бы Кордова кому-то причинял зло, Сандра бы этого не допустила. Я ей доверяю. И Хоппер тоже. А ты совершенно явно не доверишь никому. Забирай свое пальто.

Она яростно сдернула с вешалки черное пальто Синтии и швырнула на кровать. Пальто сползло на пол. Я отдал его Норе, потому что к Оливии Эндикотт стоило надеть что-нибудь без перьев. Нора в пальто влюбилась, с беззастенчивым восторгом объявила, что в нем она как будто «французский человек», – уж не знаю, что имела в виду.

– Я тебе его подарил, – сказал я.

Она надела пальто, шагнула к зеркалу с Большой Желтой Птицей^[109] и очень медленно уложила на шее зеленый шарфик. Потом цапнула с кроватного столбика черную федору и аккуратно водрузила на голову – точно короновала себя, потерянную королеву. Я в некотором ошеломлении сошел за нею вниз. Там она бросила сумки на полу и направилась в кабинет. Она, оказывается, забрала Септима с передержки. Села перед клеткой на корточки.

– Бабушка Илай, когда подарила мне Септима, сказала, что есть правила, – сообщила Нора. – Его полагается дарить тому, кому он нужен. В этом отчасти его магия. Надо понимать, когда пора его отдавать, – это когда больше всего. Я хочу, чтоб его взял ты.

– Я не хочу птицу.

– Но птица тебе нужна.

Она отперла дверцу, и синий попугай спорхнул ей в ладонь. Нора что-то прошептала ему в невидимое ухо, посадила на качели и пошла прочь, мимо меня и в коридор. Остановилась только на пороге.

– Я схожу с тобой. Поговорю с хиппушкой. Мало ли – вдруг она из Симбионистской армии освобождения?^[110]

– Нет. Я сама.

– И что – все? Я тебя больше никогда не увижу?

Она сморщила нос, будто я сморозил редкостную глупость:

– Ну естественно, ты меня увидишь.

Она встала на цыпочки и обняла меня. Обнималась девчонка на «пять» – тощие руки обхватили мою шею, точно кабельные стяжки, костлявые коленки ударились об мои. Словно хотела прихватить с собой нестираемый отпечаток меня.

Затем подобрала сумки и зашагала вниз по лестнице.

Я подождал, пока она свернет за угол, и кинулся следом. Я понимал, что она меня прибьет, если увидит, но, к счастью, тротуары были забиты толпами шопоголиков, я успешно прятался среди них и дошел за Норой до самого метро, где она прыгнула в поезд 1, затем пересела на L, затем на 6 и наконец вышла на Астор-плейс.

Выбравшись с людной станции, я ее потерял. Крутил головой как ненормальный, даже запаниковал, испугался, что вот теперь – все, я так и не узнаю, как она там, все ли у нее благополучно. Бернстайн, драгоценная золотая монета, выскользнула из моих неловких рук и растворилась среди нью-йоркских миллионов.

Но потом я ее отыскал. Винтовой своей походкой она переходила Сент-Маркс-плейс, миновала пиццерию, стойку с журналами. По Восточной Девятой я дошел до треугольного садика на углу с Десятой. Нора взбежала на крыльцо ветхого таунхауса. Держась поодаль, я нырнул в подворотню.

Нора поставила сумки и позвонила в дверь.

Я прикидывал всевозможные сценарии спасения – ворваться в дверь, пнуть с дороги девять кошек, енота и подшивки «Виллидж войс» за сорок лет, промчаться мимо торчков, целующихся на кушетке, и психоделического плаката с Золотыми Воротами в преддверии «лета любви»^[111], наверх в комнату Норы: добро пожаловать, крысы, у нас тут воняет старой посудной губкой. Нора сидит на краю футона, вскакивает, бросается мне на шею.

Вудворд? Я сильно налажала.

И однако. Дом, конечно, подозрительный – ржавые кондиционеры, в окнах ящики с сохлыми цветами, – но на первом и втором этажах даже не один, а два эркера, куда и впрямь струится море света.

Норе никто не открыл. Она позвонила снова.

Пусть никого не будет дома. Пусть у суперской хиппушки приключилась семейная неприятность аж в Вудстоке. А если откроют, пусть на пороге возникнет полуголый автор-исполнитель с татуировкой

во всю грудь «Добро пожаловать на радугу». Пусть я еще разок ее спасу.

Дверь открылась, и появилась пухлая женщина с седыми кудельками и в полосатом фартуке, измазанном грязью, – земля из цветочных горшков или глина с гончарного круга. Женщина *бесспорно* изучала Таро и ела сою, хотя касательно прочего я мог и ошибаться. Нора что-то сказала, женщина улыбнулась, подхватила одну сумку, и они исчезли внутри, а дверь затворилась.

Я еще чего-то подождал, – может, музыку включают или свет. Но ничего не случилось, ничего мне не досталось, больше ничего не осталось мне – лишь ветерок носился по кварталу, гонял одинокие желтые листья и ворошил мусор, прибившийся к бордюру.

Я зашагал домой.

Я решил, что после «Гребня» лучше будет пару дней передохнуть, проветрить голову, а уж затем упорядочить мысли и завершить расследование. Меня вновь не покидало ощущение, будто я проплыл многие лиги почерневшей воды, – нутро налито свинцом, рассудок изгваздан илом.

Однако реальная жизнь призывала в объятия. Неоплаченные счета, голосовая почта, месячной давности электронные письма, которые я не потрудился открыть, – в том числе немало посланий от друзей, в заголовках писавших «Волнуюсь», или «Ты норм», или «Чё ваще?». Я всем ответил – за неделю до отъезда в «Гребень» я купил новый ноут «Хьюлетт-Паккард», – но даже эта простейшая задача бесила своей бессмысленностью.

Болезненно замороженный, я уже догадывался, что так и не ушел из «Гребня» совсем. Ибо довольно было лечь в постель, выключить свет, закрыть глаза – и я вновь оказывался там. Быть может, поместье – мое безответное время, куда мне предстоит возвращаться вечно, как другие в грезах возвращаются к золотым пляскам детства, или на поле боя, или на воскресное озеро с девчонкой в красном бикини. На границе яви и сна я вновь погружался туда, бродил темными садами, среди изрубленных статуй, собак, ослепительных фонариков в руках теней. Я снова тащился по тоннелям, отыскивая уже не улики против Кордовы, но некий важный элемент себя, невзначай там потерянный, – руку, допустим, или душу.

И я, видимо, подсел на страх, на смятение, которое вырывает тебя из тела: от бытия в повседневном мире – смотреть Си-эн-эн, читать «Таймс», ходить в «Сан-Амброуз» и пить кофе за барной стойкой – наваливалось изнеможение, даже депрессия. Наверное, такая же беда у человека, который проплыл вокруг света и теперь вернулся на сушу, взирает на свою ферму, на жену и детей, понимая, что постоянство дома, простершееся пред ним пустыней, бесконечно ужаснее любого грозного шторма с тридцатифутовыми валами.

Как мне в голову-то пришло, что я оклемаюсь, смогу осмыслить «Гребень», словно поездку в Египет или тот раз в Миту, когда меня одиннадцать дней продержали в тюремной камере, – чудовищная история, которую затруднительно переварить и пережить? С «Гребнем» так не выйдет. Нет, «Гребень» и правда о том, что творил Кордова, таились под ложечкой, весьма живые, невредимые, пульсировали, пускали слюни, и от них я болел все мучительнее, а может быть, даже умирал.

Беспокойство мое лишь усугублялось одиночеством. Все ушли. Нора права. С Хоппером покончено – как и с ней. Я звякнул Хопперу дважды – мне никто не ответил. Непостижимо, что они вот так запросто расплевались и с расследованием, и со мной, что им хватило невежества решить, будто на этом все закончилось. Им что, не нужно знать, настоящие ли человеческие кости я там отыскал, не погубил ли Кордова других детей, пытаюсь спасти жизнь Сандры? Их не трогает наивочевиднейший вопрос – где Кордова сейчас?

Я приходил к всевозможным уничижительным выводам (оба наконец показали свое истинное лицо; оба молоды и поверхностны; все это – симптом общего недуга современной молодежи, которая растет, питаясь интернетом, порхает от одной навязчивой идеи к другой, и сила тяготения, действующая на них, не превышает силы нажатия кнопки мыши) – но в действительности я по ним скучал. И злился, что мне не все равно.

И вспоминал, что говорила Клео, обнаружив на наших подошвах смертное проклятие.

«Отвращает ближайших друзей, совершенно тебя изолирует, сшибает лоб в лоб со всем миром, оттесняет на грань, на окраину жизни. Сводит с ума, а это в своем роде хуже смерти».

Я тогда не воспринял всерьез. А теперь поневоле отмечал, до чего точно все сбылось – и изоляция, и разбитые дружбы, и ощущение, будто ты очутился на окраине жизни.

А может, во всем виноват один Кордова. Может, Кордова – вирус, заразный и разрушительный, постоянно мутирует, беззвучно встраиваясь

в твою ДНК, а ты даже сообразить не успеваешь, с чем столкнулся. Подвергшись хотя бы мимолетному его воздействию, подхватываешь увлечение и страх, и они множатся, пожирая всю твою жизнь без остатка.

Лекарства нет. Можно лишь научиться с этим жить.

Три дня пробродив по квартире, отводя глаза от коробки с остатками материалов по Кордове и принимая антибиотики со стероидами от нарыва и сыпи, я понял, что попытки расслабиться слишком дорого мне даются и выбора нет: придется жить в морозе.

В одиннадцать вечера в среду я поймал такси и велел шоферу ехать к дому 83 по Генри-стрит. Фальконе, что неудивительно, не соврала. Я перешел дорогу, поглядел на ветхую пятиэтажку, приютившуюся возле Манхэттенского моста, – похоже, все жильцы неизвестно почему съехали. Все окна темны, хотя на пятом этаже я различил кружевные розовые занавески. Я подергал дверь в подъезд – заперто, конечно. Через окошко я разглядел, что с почтовых ящиков убрали все фамилии.

Я направился к Маркет-стрит и через два квартала наткнулся на парикмахерский салон «Хао», где в окне когда-то повесил флаер с портретом Сандры. Как ни странно, флаер никуда не делся, только поблек.

От Сандры осталось лишь призрачное лицо, слов «Вы видели эту девушку?» почти не разобрать. От этого зрелища внутри заныло: время на исходе. Или просто миновало.

Хоппер и Нора ушли, а теперь ушла и Сандра.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ЛИ» «LA DOULEUR»

Результат 1 из 643

ОХОТНИК И ПРИРОДА

НОВОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ ОХОТЫ

Вып. 102 № 1223 Май 2007 г.

ЗНАМЕНИТАЯ ОХОТНИЦА ИСЧЕЗЛА В НЕПАЛЕ ПРОПАЛА РЕЙЧЕЛ ДЕМПСИ, 41 ГОД

ДОЛПА, Непал — Около месяца назад в охотничьем заказнике Джорпатан в Западном Непале пропала американская охотница. Власти собирают информацию о ее местонахождении.

Рейчел Демпси, 41 год, из Вунсокета, Род-Айленд, прилетела в Непал 30 марта, планируя 10-дневную экспедицию для охоты на голубых баранов и кабанов. В последний раз ее видел шерп из охотничьей партии, когда Демпси внезапно ушла из лагеря рано утром 2 апреля. Ее туристическое снаряжение и радиостанция были найдены в нескольких милях от лагеря, однако ни следа Демпси не обнаружено.

11 апреля спутниковый телефон Демпси был включен в Сантьяго. С него поступил 15-секундный звонок в портовый город Пуэрто-Монт. Дальнейших выходов на связь с этого телефона не зафиксировано.

Демпси была умелой охотницей и славилась обширным опытом в выслеживании самой неуловимой добычи в высокогорных труднопроходимых областях. В 2005 году в Пакистане она вышла в финал на премию Карло Кальдези, подстрелив винторогого козла со счетом 113 по оценке «Сафари Клуб Интернэшнл».

Демпси с памирским архаром во время экспедиции в Таджикистан, 2005 г.

К увлечению охотой Демпси пришла довольно поздно, а до того была успешной киноактрисой. Она снялась в полицейской драме «Разумные сомнения» и сыграла Ли в культовом триллере La Douleur.

Рост Демпси 5 футов 9 дюймов, русые волосы до подбородка и родимое пятно размером с дайм на внутренней стороне левого плеча. В последний раз ее видели в белой

куртке «Гор-Текс», серых ветрозащитных брюках и меховой шапке. При себе Демпси имела бинокль, шкуроръемный нож и винтовку «Винчестер Шорт Магнум» .300.

Всех, кто располагает дополнительной информацией, просят связаться с полицейским департаментом Вунсокета или «ДАТСКИМИ ЭКСПЕДИЦИЯМИ „САФАРИ БОНГО“» по адресу mads@safaribongoexpeditions.dk.

ДАЛЬШЕ >>

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОПКОРН»

Результат 5233 из 14 392

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Поддерживаю Спор

15/05/1996, 02:26

Попкорна в «Подожди меня здесь» сыграл кубинец Фернандо Понти. В начале 1996 года я приехал из Кёльна в Каргаторп-Фоллз, надеясь увидеть Кордову. Прожил в городе шесть дней, удача не улыбалась, но однажды увидел, как по улице идет вот этот человек. Это Попкорн. Я пошел за ним. Заметив меня, он скрылся в магазине «Трофейные стиральные машины» в конце Главной улицы. Я вошел за ним через несколько секунд — внутри там продаются стиральные машины и можно взять напрокат смокинг, — Попкорна нигде не было. Я решил, что он вышел через заднюю дверь. Посмотрел, но дверь открывалась в длинный проулок. Попкорна не увидел, в магазине ему тоже прятаться было негде. Он как будто растворился в воздухе.

ДАЛЬШЕ >>

Я названивал Синтии, надеясь на весточку о Сэм, но Синтия по-прежнему не отвечала. От этого бойкота я лез на стенку, но понимал, что, значит, с Сэм все в порядке: если б возникла серьезная проблема, Синтия бы позвонила. Так, во всяком случае, я себя утешал.

Шерон Фальконе говорила, что на анализ костей из «Гребня» уйдет минимум месяц, раньше я не узнаю, человеческие ли это кости, а пока мне оставалось расследовать несколько важных зацепок.

Я залогинился на «Черную доску», почитал слухи о судьбах Рейчел Демпси и Фернандо Понти, сыгравших у Кордовы, соответственно, Ли и Попкорна. Порылся еще и выяснил, что, как ни странно, «Охотник и природа» – какой-то мачистский охотничий бюллетень для пылких участников Национальной стрелковой ассоциации – историю Рейчел Демпси изложил точно.

Демпси, сыгравшая Ли в *La Douleur*, вообще не всплывала с тех пор, как исчезла в Непале 2 апреля 2007 года. В городской газете Вунсокета о ее пропаже опубликовали две заметки, но дальнейшего развития тема не получила, и никаких данных о том, что у нее были муж или дети, не нашлось. В интернете я разыскал некую Мэрион Демпси, проживающую в Вунсокете, – понадеялся, что это мать или сестра Рейчел. Позвонил в справочную, выяснил телефон, прослушал миллион гудков, а затем раздраженная женщина рявкнула, что она «сиделка миссис Демпси». Когда я спросил, нет ли у ее нанимательницы дочери по имени Рейчел, мне сообщили, что «миссис Демпси это больше не касается» – я трактовал это как да – и бросили трубку.

Фернандо же Понти, харизматичного престарелого кубинца, который сыграл Попкорна, в общей сложности трижды видели в Каргаторп-Фоллз три разных человека в период между октябрём 1994-го (через год после выхода «Подожди меня здесь») и августом 1999-го. Мне отчетливо казалось, что Попкорн *еще там*, ухаживает за растениями и карпами в оранжерее, и три сообщения очевидцев как будто подтверждали мою правоту.

Он так и не уехал? Ему до того понравилась жизнь в «Гребне» – или до того промыли мозги, – что он решил остаться Попкорном, реальности предпочел персонажа? А теперь уже умер и навеки погребен в своем вымышленном саду? Никаких сведений о родных Понти или его

происхождении, помимо *Кубы* – которая поминалась только на «Черной доске», – я не обнаружил. Но меня сильно насторожил пост о том, как Попкорн исчез в «Трофейных стиральных машинах» на окраине Каргаторп-Фоллз.

Слово «трофейные» мне в «Гребне» встречалось. Оно было намалевано над входом в один из подземных тоннелей.

Может, тот тоннель вел в «Трофейные стиральные машины», тайно соединял поместье с Каргаторп-Фоллз? Слишком специфическое слово – вряд ли совпадение. И это объяснило бы, как Попкорн умудрился испариться. Нырнул в секретный люк в магазине и под землей пошел домой.

На «Черной доске» я прилежно искал и других актеров – тех, у кого были крупные роли, кто наверняка на съемках жил в «Гребне». Обнаружил только одну поистине общую черту: поработав с Кордовой, они вступали в новую фазу своей жизни и, как правило, разлетались по всему свету.

Ни один не остался прежним, не подхватил там, где прервался, не вернулся к началу.

Рейчел Демпси, сыгравшая Ли, стала всемирно известной охотницей, и в этом, что занятно, была ясная логика: сыграв доверчивую и ранимую Ли, связанную в захороненном автобусе, с кляпом во рту, она после «Гребня» преобразилась из добычи в хищника. По слухам, Лулу Стридж, сыгравшая Эмили Джексон в «Тисках для пальцев», переехала в новошотландскую глушь и под псевдонимом Э. К. Сиали писала мрачные детские книжки – серию про сиротку Люси Беспризор. Обходительный господин из *La douleur*, сыгравший Акселя – загадочного мужа Дайэн, которого Ли преследует и любит, – пошел учиться на ветеринара и стал крупным специалистом по чистокровным верховым (это он на Кентуккийском дерби в 2008-м усыпил Восемь Красавиц)^[112]. Актер, сыгравший Брэда Джексона, вообще-то англичанин, якобы переехал в Таиланд, где один кордовит видел его в 2002 году в квартале красных фонарей Сой-Ковбой на мотоцикле, с малолеткой за спиной.

Их всех раскидало по земному шару, точно пепел на ветру, – один уехал аж в Южную Атлантику на Тристан-да-Кунья. Спасались от чего-то, прячась в новой жизни? Не поймешь. Узнали правду о Кордове, увидели его вблизи и бежали в ужасе? Или наоборот – освободились? «Отправили агнца на бойню», как выражаются на «Черной доске», избавились от пут? Поработав с Кордовой, нарисовали себе самую неукротимую жизнь, какую умели вообразить, и яростно кинулись ее проживать?

С моего ракурса не поймешь, свобода или страх ими погоняли. Может,

ни то и ни другое – может, Кордова напустил их, своих преданных учеников, на эту планету, разослал с поручениями, велел продолжать его работу – поди пойми какую.

И эти люди, чем бы ни руководствовались, испытывали то же, что и я? Изнеможение, кошмары, некий сдвиг, словно ты весь вдруг распух и в повседневность уже не вмещаешься?

Я изучал эту тему, не очень-то остроумно рылся на «Черной доске» в поисках «последствий Кордовы» и «известных симптомов», и тут меня вдруг выкинуло с сайта.

Сколько я ни перезагружал ноутбук, сколько ни менял настройки, ни получал других айпи и ни сочинял новых логинов, мне показывали все ту же страницу на выход. Забанили, изгнали? Или вычислили?

Добро пожаловать на «Черную доску»

[http://tunnelstaircase8903-5493r89jidfj9w0129e61\)??\)*#\(\(\(sovereigndeadlyperfect.blackboards.onion/chuzhoy](http://tunnelstaircase8903-5493r89jidfj9w0129e61)??)*#(((sovereigndeadlyperfect.blackboards.onion/chuzhoy)

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ,
ТЕБЕ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО.

ПРОЧЬ ОТСЮДА.

ПРОЧЬ
ПРОЧЬ

ВОЙТИ >

Я занялся растительностью, которую пропалывал в оранжерее Райнхартов. Врач из травмпункта на прощание сказал, что у меня сильное отравление и хорошо бы выяснить, чем я отравлен, на случай если сыпь не сойдет. Сыпь сходила и почти исчезла после суток на стероидах. Но одного поискового запроса про «дурье зелье» хватило, чтобы в голове заверещала тревожная сирена.

Дурье зелье оказалось одним из множества названий *Datura stramonium*, он же дурман вонючий, – растения столь ядовитого, что одна чашка дурманного чая способна прикончить взрослого человека. «Википедия» проинформировала меня, что среди побочных эффектов сосания сока дурмана или поедания семян – «неспособность отличать реальность от фантазии, делирий и галлюцинации, нелепое, порой агрессивное поведение, сильный мидриаз (расширение зрачков), что приводит к болезненной фотофобии (непереносимости света), иногда длящейся несколько дней». Дурман внушает предчувствие скорой смерти и превращает нормальных людей в «натуральных дураков».

Вполне возможно, что на жаре в гнетущем кровавом свете, потев как последняя свинья, я перемазался пылью и ненароком ее проглотил.

Я проверил все названия, какие вспомнил. «Воловий язык», «бешеная вишня», «железный шлем», «вороний глаз». Воловий язык и вороний глаз нигде не нашел, но железный шлем оказался аконитом – одним из смертоноснейших растений на земле. Может быть «поглощен через кожные покровы, что вызывает конвульсии, а в течение часа – долгую и мучительную смерть, похожую на результат отравления стрихнином». Бешеная вишня обернулась белладонной, тоже смертоносной и вызывающей фантастические галлюцинации, причем многие из них порождаются надеждами и желаниями человека и превращают их в буйную реальность.

Сам того не подозревая, я, наткнувшись на оранжерею, все равно что забрел на завод по переработке ядерных отходов, где слегка подтекает один реактор, или вслепую заплыл в рифы, облюбованные акулами-людоедами. Удивительно, что я не умер, не отрубился где-нибудь в поместье, не рухнул в ущелье – даже не спрыгнул с чертова моста, вообразив, будто умею летать. Я задним числом боялся за свою жизнь, но к тому же ботаника ставила под сомнение все, что я видел и пережил в «Гребне». Ни единому воспоминанию о том, что было после оранжереи, больше нельзя доверять.

Вправду ли я видел человека в березняке и оказался в шестиугольных шкатулках? Вправду ли была канава, или моя необоримая надежда

отыскать вещественные доказательства создала их мне из воздуха? А роившиеся люди в черных плащах – один притаился в исповедальне, – они-то были настоящие? Или наркотические воплощения моего страха?

Теперь ничего не докажешь и не опровергнешь. С тем же успехом можно было крэка накуриться. Такой поворот событий, мягко говоря, бесил.

В омерзении, невнятно злясь на себя за неосторожность, я решил исследовать что-нибудь конкретное, что-нибудь категорически настоящее – исчезновения людей в Адирондаке.

Через несколько часов, изучив базу данных Национального центра пропавших и эксплуатируемых детей, я составил список лиц, исчезнувших в радиусе трехсот миль от «Гребня» с 1976 года – когда Кордова поселился в поместье – до сегодняшнего дня.

Число пропавших резко увеличивалось после 1992 года, когда Сандра перешла мост и была проклята дьяволом.

Был еще мальчик, пропавший в Роуме, штат Нью-Йорк (114 миль от «Гребня»), 19 мая 1978-го, в год, когда в поместье снимали «Тиски для пальцев». Четверым детям, убитым по сюжету «Тисков», было между шестью и девятью годами. Зацепка хлипкая, но, если Фальконе подтвердит мне, что на рубашке и впрямь человеческая кровь, стоит начать с этого Брайана Бёртона. Ему было шесть лет, когда его мать, официантка из «Мотеля и ресторана „Йодер“», нелегально припарковалась на обочине и забежала в ресторан за зарплатным чеком, оставив сына одного на заднем сиденье. Машину она заперла, но в заднем окне оставила щель. Не прошло и десяти минут, мать вернулась; машина была отперта, а сын исчез. Больше его никто не видел.

С. Макгрэт

*Пропавшие без вести в радиусе 300 миль
от «Требня» и Карлтон-Фоллз, Нью-Йорк*

1976 — наст. вр.

<u>ИМЯ</u>	<u>ВОЗРАСТ</u>	<u>СТАТУС</u>	<u>В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ</u>
Кейт Гонсалес	28	Побег, группа риска	8/8/1977
Брайан Бёртон	6	Похищение не родственником	19/5/1978
Мадонна Клайд	15	Побег, группа риска	3/12/1981
Лейси Робертсон	17	Побег, группа риска	1/10/1990
Кевин Чой	9	Похищение родственником	21/11/1997
Винсент Джованелли	24	Пропаж без вести	30/9/2000
Лора Белл Хелмзли	15	Побег	13/3/2001
Валери Лоррейн-Люка	3	Похищение	3/6/2004
Софи Экта	8	Пропаж без вести, группа риска	13/3/2005
Ванесса Миллз	52	Пропаж без вести	16/7/2005
Кёрт Салливан	9	Пропаж без вести, группа риска	13/9/2009
Джессика Энн Карр	5	Похищение не родственником	13/8/2011

*Публик. когда в «Требне»
сняли «Писки для палачей»?*

После «проклятия дьявола»

Александра Кордова: хронология

Родилась:

30/12/1986

Инцидент на чертовом мосту:

Где-то в 1992 г.

Прочие инциденты вселяли сопоставимый ужас – сплошные «в последний раз видели» и символические детали: медальон Софи Экта, карандашный рисунок Джессики Карр (черная рыба), обнаруженный у нее в постели родителями после ее пропажи. К сожалению (и неудивительно, если учесть, что уж Кордова-то умел замечать следы), ни одна подробность не выводила на режиссера напрямую – никаких параллелей с фильмами, никаких показаний о появлении таинственного человека с клеймами черных очков вместо глаз.

Ничего – а потом одна хилая зацепка.

Школьный шкафчик Лоры Хелмзли взломали за неделю до ее побега, и она пожаловалась школьной администрации, что пропал ее дневник. Эта деталь смутно перекликалась с эпизодами, которые описывал анонимный «Джон». Что случилось – Кордова украл дневник, надеясь, что Лора окажется равнозначной заменой Сандре? Полиция считала, что Лора попросту сбежала со своим взрослым парнем. Их засекла видеокамера в авторесторане «Уайт-Касл» через два дня после Лориного исчезновения.

Но десять с лишним лет от нее не слышно ни словечка.

Не прочтя про галлюциногенные растения, я бы поверил и в альтернативную версию, а именно: мир распахнул пасть и проглотил всех этих людей целиком. В случае Кёрта Салливана других логических объяснений и не находилось: он исчез на тридцати ярдах легкопроходимой походной тропы в заказнике «Дикий лес равнин Муз-ривер» (94 мили от «Гребня»). Отошел от родных, побежал обратно в лагерь надеть носки подлиннее, свернул – и больше его никто не видел. Шестьсот человек, в том числе американские ВВС, отправились на поиски, но так и не выяснили, куда мальчик подевался.

Тени себе на уме, смертные проклятия и проклятия дьявола, реки, что текут чернотой, и твари с корой вместо кожи, а также мир, где в любой момент кто угодно может невзначай провалиться в незримую щель и исчезнуть, – после того, что произошло со мной в «Гребне», я вполне готов был рассматривать и такие версии. В конце концов, все мое расследование приоткрывало краешек подобной реальности, так? Окраину бесконечно загадочного мира, окутанного необъяснимыми вопросами, да? Отнюдь не исключено, что Кордова безумец, что в жизни своей и работе он порушил все границы между фантазией и реальностью, но ведь некие силы в «Гребне» он укротил – уж не знаю какие? Это-то правда? Я же своими глазами видел?

Я уже сам не понимал, во что верю. Логика подсказывала, что я просто передознулся дурным зельем. И вообще, зачем Кордова – ну, или Попкорн – лелеют эту оранжерею, где токсичной флоры хватит, чтобы уничтожить целую армию?

Я читал и читал досье пропавших без вести, ткань загадок расплзлась на миллион нитей. И однако я записывал всякие подробности, невнятные новые повороты сюжетов, упомянутые в местных газетах и блогах о пропавших. Когда мозг уже грозил лопнуть, я отодрал себя от компьютера и решил навестить «Клавирхаус».

Если Сандра в детстве частенько туда заходила, как утверждал Хоппер, не мешает поговорить с людьми, которые помнят ее по тем временам. Может, Питер Шмид поможет мне кого-нибудь найти.

Но, приехав туда, я в потрясении обнаружил, что случилось нечто странное – ну, или вовсе не странное, если учесть предмет моих исследований в прошедшие трое суток.

Питера Шмида не было.

– В каком смысле? – спросил я.

– Уволился, – пояснил юнец за стойкой.

– Когда?

– Две недели назад.

– И куда он делся?

– Без понятия. Довольно внезапно получилось. Мистер Райзингер, наш владелец, здорово злился, у нас теперь сотрудников не хватает. Я-то стажер. Но у Питера были проблемы, так что вот.

– А его телефон у вас остался?

Парень нашел телефон, и я позвонил, выходя из магазина. «Фаццولي», на котором играла Сандра, по-прежнему стояло в витрине.

Я в недоумении застыл на тротуаре. Робот объявил мне, что номер не обслуживается.

Непонятно, что это значит, – но понятно, что дело нечисто.

Я поймал такси и вскоре уже шагал по вестибюлю «Кампаниле». Я узнал круглолицего консьержа – он тоже дежурил в тот день, когда я разговаривал с Гарольдом.

– Я ищу Гарольда, – сказал я.

– Он тут больше не работает. Он на Пятой теперь, сладкое место.

Шикарный какой-то дом, белые перчатки...

– Какой дом? Мне нужен адрес.

– Он не сказал.

– Мне нужно наверх к Марлоу. – Я протянул ему визитку. – Я друг Оливии Эндикотт.

– Марлоу?

– Марлоу Хьюз. Квартира одиннадцать ноль два.

Он заерзал.

– Ну, э-э, мисс Хьюз как бы это... не дома.

– А где она?

– Мне нельзя вдаваться в детали.

Паника скрутила меня. Я вручил консьержу столик, который он тотчас бодро прикарманил.

– Ее в клинику отправили, – тихонько сказал он. – С ней был несчастный случай. Но она ничего, жива.

– А в квартиру ее не пустите?

Он покачал головой:

– Простите, нет. Туда никто не заходил, с тех пор как...

– Я знаю, что Оливия за границей, но позвоните ее секретарше.

Она разрешит.

Он недоверчиво скривился, но терпеливо подождал, пока я отыщу номер.

– Ага, здрасьте, – сказал он в трубку, когда я набрал цифры. – Это из «Кампаниле». У меня тут один джентльмен. – Он, прищурившись, уставился на визитку. – Скотт Макгрэт. – Он начал было излагать, но осекся.

А затем его лицо, только что такое дружелюбное, резко омрачилось. Он глянул на меня, явно напрягшись, и, ни слова не сказав, дал отбой. Выпрямился, вышел из-за стойки и указал мне на дверь:

– Идите-ка отсюда, мистер.

– Скажите, что она вам ответила.

– Если будете здесь кого донимать, я полицию позову. Оливия Эндикотт вас знать не знает.

Снаружи я обернулся – у меня отнялся язык, – но он, блистая глазами, непреклонно воздвигся в дверях.

Я быстро зашагал по тротуару.

Свернув за угол, сам набрал номер секретарши Оливии. Та сняла трубку тотчас.

– Скотт Макгрэт. Это что за ерунда сейчас была?

– Прошу меня извинить, сэр. Я не понимаю, о чем вы...

– Кончайте. Что вы сказали консьержу?

Она помолчала – видимо, раздумывала, прикидываться ли дурочкой. Затем холодно, отрывисто произнесла:

– Миссис Дюпон предпочла бы, чтобы вы больше не общались ни с ней, ни с членами ее семьи.

– Мы с миссис Дюпон сотрудничаем.

– Уже нет. Впредь она не желает иметь никакого касательства к вашей деятельности.

Кипя, я повесил трубку, позвонил в управляющую компанию «Кампаниле» и спросил домашний номер Гарольда.

Номер не обслуживался.

Я вернулся на Перри-стрит и принялся методично обзванивать всех наших свидетелей.

Позвонил по номеру с визитки Ионы, «развлечения на мальчишниках», рассказавшей нам, что Сандра собиралась в *Oubliette*, и робот проинформировал меня, что ящик ее голосовой почты переполнен.

И даже спустя четыре дня ситуация не изменилась.

Позвонил Моргану Деволю. Страницы из телефонного справочника у меня больше не было – ее забрали, когда ограбили кабинет, – но я узнал в справочной номер усадьбы Ливингстон, штат Нью-Йорк.

Там мне отвечали гудками «занято». Я звонил каждый час еще *шесть часов*. По-прежнему «занято».

Узнав от помощника директора «Уолдорф-Тауэрс» по административно-хозяйственной работе, что Гвадалупе Санчес в отеле больше не работает, я решил отыскать молодую рыжую медсестру, которая выскочила к нам из леса в «Брайарвуде». Я помнил, что зовут ее Женестьева Уилсон, – Морган Деволь говорил.

– Женестьева Уилсон три месяца стажировалась в центральной администрации, – объяснил мужчина из медсестринского отдела.

– А можно с ней поговорить?

– Ее стажировка закончилась третьего ноября.

Три с лишним недели назад.

– А нет ли ее телефона? Домашнего адреса?

– У нас ничего не имеется.

Это что же, все я натворил? Я сошел с ума? Если окружающий мир изумляет тебя практически постоянно, если ты подозреваешь всех, от чужаков до родных и друзей, – это первичные симптомы безумия. И оба симптома наблюдались у меня в избытке. Ну а как иначе? Вымерли все – все очевидцы, все чужаки и зеваки, которые сталкивались с Сандрой. Беззвучно отступили, как туман, – я и не замечал, что погода проясняется, пока он не рассеялся вовсе. Собственно, то же самое случилось с неизвестным «Джоном» пять лет назад.

Или я все не так понял? Или они кинулись бежать, потерялись, укрылись на краю света – как Рейчел Демпси и бесчисленные актеры, которые работали и жили с Кордовой, – спасаясь от чего-то? Боялись его, Кордову, потому что говорили со мной о его дочери? Мои записи украдены – никаких следов того, что они поведали мне про Сандру. Показания их ныне остались только у меня в голове – и у Хоппера с Норой.

Но и эти двое исчезли.

То есть все осталось в голове только у меня.

Внезапно перепугавшись, что Нора и Хоппер испарятся, подобно прочим, я позвонил обоим, оставил сообщения, попросил перезвонить. Потом позвонил Синтии, внезапно захотев услышать голос Сэм, идиотически перепугавшись, что исчезла и она. Телефон переключился на голосовую почту. Я оставил лаконичное сообщение, натянул куртку и вышел из квартиры.

В гаснущем свете подъездная дорога Моргана Деволля совсем не походила на ту, что мы видели ночью, приехав сюда втроем, и я едва ее опознал. Припарковался на обочине, заглушил мотор, вылез.

И тотчас почуял дым.

Я зашагал по дороге. Нависшие ветви раздвинуты и переломлены пополам – словно здесь проехал большой грузовик. Запах гари сгущался. Я поднялся на холм и обозрел то, что за ним.

Развалюха Моргана Деволля сгорела дотла.

Я пошел к дому; от шока кружилась голова. Обе машины исчезли. Остался только обугленный кондиционер и половина треснувших качелей.

По моим догадкам, дом сгорел с неделю назад, а то и раньше, и отнюдь не случайно. Я бродил по пожарищу, ища улики, но опознал только почерневшую керамическую ванну, обгорелое основание мягкого кресла,

да еще из руин тянулась рука пластмассовой куклы. Может, это достопамятная Лялька. Я свернул по высокой траве в дальний угол двора.

Бассейн остался, даже не совсем сдулся – только опрокинулся. Я его перевернул и на дне под коркой палой листвы разглядел здоровенное черное пятно.

Здесь Сандра прятала куклу, чтобы сработало заклятие в статуэтке левиафана. У меня даже горло перехватило. Эта черная отметина – как последнее доказательство: все, что мы узнали о Сандриной жизни и смерти, было по правде.

Кто поджег дом? А Морган и его семейство – они были внутри или давным-давно исчезли, как и все очевидцы?

Полчаса я бродил среди развалин и искал ответы, не веря и злясь на эту окончательность. Словно эти обгорелые руины – не просто дом Деволля, но вообще мое расследование. Ибо все исчезло, все тщетно, а я, последний, опоздал и теперь тралю эту муть, откапываю глубинную правду, которой больше нет.

Уже возвращаясь к машине, в высокой траве я заметил что-то маленькое и белое.

Сигаретные окурки.

Четыре штуки. Я подобрал один и на фильтре прочел микроскопические буквы, странный бренд. Голова пошла кругом; я поспешно собрал окурки и помчался по дороге.

«Мурад».

Бекман, облаченный в черные вельветовые брюки и синюю клетчатую рубашу, читал лекцию перед набитой аудиторией. Минимум триста студентов ловили каждое его слово.

– Фильм держит напряжение, как кожа в обтяжку, до финальных минут, – говорил Бекман, – когда Миллз узнает, что же запечатано в посылке «ФедЭкса» – отрубленная голова его жены. По сути дела, финал открыт, и нам остается лишь гадать, какова судьба несчастного детектива. Некогда он был так дерзок, так уверен в себе. А теперь лицом к лицу столкнулся с ужасами, за которыми гонялся. У него есть шанс самому обернуться ужасом. Будет Миллз свиреп или свободен? Чтобы узнать ответ, мы должны постичь моральную вселенную всей истории, все,

что произошло до финала. Выживет ли Миллз?

Весьма наигранно Бекман развернулся на каблуках, поднял пульт – точно колдун волшебную палочку, – и на гигантском экране задвигался фрагмент из фильма. Последние минуты «Семи», Морган Фримен и Брэд Питт в ролях Сомерсета и Миллза, Кевин Спейси в роли Джона Доу на заднем сиденье патрульной машины.

Я снова постучал в окошко, и на сей раз Бекман услышал, от неожиданности вздрогнул, глянул на студентов и засеменял ко мне.

– Макгрэт, ты сбрендил? – прошептал он, на щелочку приоткрыв дверь.

– Надо поговорить.

– Ты слепой? Я занят.

– Это срочно.

Его темные глаза замигали за очками. Он глянул через плечо. Студенты завороченно смотрели на экран; Бекман шмыгнул в коридор и беззвучно притворил за собой дверь.

– Ты что творишь – ты же знаешь, я ненавижу, когда меня перебивают на лекции. Есть такая, знаешь ли, мелочь, называется *творческий полет*...

– Как зовут твоих котов?

– Что ты сказал?

– Твои коты, коты твои паскудные. Как их зовут?

Какая-то студентка, проходя мимо, опасливо на меня покосилась.

– Моих паскудных котов? – переспросил Бекман, пылая очами. – Вот почему ты никогда мне не нравился, Макгрэт. Ты не просто капризный грубиян – ты даже не можешь выучить котов, которым тебя раз пятнадцать представляли. Можно подумать, это ниже твоего достоинства. – Он открыл рот, планируя снова мне попенять, но, видимо, заметил, что меня лихорадит, и лишь поправил очки на носу. – Полные имена или прозвища?

– Полные имена. Начни с того, про которого недавно рассказывал. Что-то насчет турецких сигарет «Мурад».

Бекман откашлялся.

– Сигареты Мурад. Борис, Бандитский Сын. Одноглазый Понтиак. Кадр Любопытный Том. Не Знают Что. Стейк Тартар. – Он поиграл бровями. – Это сколько уже?

– Шесть. – Я записывал.

– Злой Король. Фил Люмен. И последний, коему место среди первых, Тень. Все. Наслаждайся. – И, поведя рукой, как матадор, он шагнул к двери.

– Это у нас что – фирменные фишки Кордовы?

Он вздохнул:

– Макгрэт, я же сто раз объяснял...

– Как именно это работает? Где они появляются?

Он прикрыл глаза.

– Минимум одна или две, иногда целых пять фишек – личных подписей, если угодно, – возникают без предупреждения, как давно потерянные родственники или сочельник, в каждой истории Кордовы, какова она ни есть. Естественно, вокруг них всякий раз большая драма. – Он сощурился, посмотрел, как я корябаю на бумажке. – А что, вообще, случилось?

Я предъявил ему сигаретные окурки. Бекман нахмурился, осмотрел один и, видимо прочтя бренд на фильтре, испуганно уставился на меня:

– Господи всемогущий, где ты нашел?..

– За городом. На пожарище.

– Но их не существует – они есть только в фильмах Кордовы.

– Где я и нахожусь.

– Чего?

– Мне кажется, я внутри фильма Кордовы. В очередной его истории. И она еще не закончилась.

– Что ты несё?..

– Он меня подставил. Кордова. Может, и Александра тоже. Я не знаю как и почему. Я только знаю, что расследовал обстоятельства ее смерти, и все, с кем я говорил, все, кто с ней столкнулся, – все исчезли. Этот человек любит играть с реальностью – манипулирует актерами, доводит их до грани. А теперь то же самое делает со мной.

Челюсть у Бекмана отвисла, глаза потрясенно распахнулись. Похоже, он лишился восприимчивости и впал в состояние фуги.

– Объясни про сигареты, – сказал я.

Он перевел дух:

– Макгрэт, это очень нехорошо.

– А поточнее не выйдет?

– Я же говорил: оставь его в поко...

– Сигареты!

Он постарался взять себя в руки:

– Если ты первый персонаж, который появляется в сцене после того, как курили сигареты «Мурад», значит ты меченый, Макгрэт. Ты приговорен. Обречен.

– Но есть же какой-то выход...

– Нету. – Он изогнул бровь. – Есть крохотный шанс, что ты выживешь, – для этого тебе надо на чистой вере прыгнуть в пропасть,

но это как прыгать с небоскреба на небоскреб. В итоге ты почти всегда расплескан по тротуару, либо мертв, либо в мучительном аду, рвешься из кокона, как Ли в *La douleur*.

Я записал.

– Борис, Бандитский Сын?

– Давний каскадер Кордовы. Полное имя – Борис Драгомиров. Миниатюрный такой, но мускулистый русский. Отец на родине был известным бандитом, звали его просто Фингал. Успешно сбегал из любой тюрьмы и единственного сына Бориса обучил всем своим методам. Кордова снимает Бориса в каждом фильме. Борис делает всю грязную работу – мошенничество, побои, взломы с проникновением, автокатастрофы, прыжки с обрывов. Крупнейшая роль – шантажист в «Щели в окне», сидит за окошком в исповедальне и до смерти пугает Джинли. Бегаёт, как разогнанный «мазерати», и всегда может убежать от чего угодно.

Я мигом сообразил.

– Я за ним гнался, – сказал я. – Я с ним разговаривал.

– Ты разговаривал с Борисом, Бандитским Сыном?

Я вкратце объяснил, как он влез ко мне в квартиру, слинял через весь Вест-Сайд на пирс, прикинулся престарелым педерастом и в мгновение ока исчез.

– Макгрэт, как ты мог прохлопать? Это же Похотливый Хрыч, его легендарный кунштюк.

– А Одноглазый «Понтиак»?

Бекман задумчиво переплел пальцы:

– Всегда есть темный «понтиак», черный, синий или темно-бордовый, с одной горящей фарой. Предмет или человек, которого он ею освещает, будет уничтожен.

Хоппер утверждал, что видел такую машину на стоянке мотеля, пока они с Норой ждали моего возвращения из «Гребня». Я это заметил, а Бекман заглянул в мои записи.

– Ты видел Одноглазый «Понтиак»?! – вскричал он. – Не говори мне, что ты был под фа...

– Я не был. И видел его не я. Кадр Любопытный Том?

Бекман в нервном негодовании захлопал ресницами:

– Фирменный кадр Кордовы. Как и вид из багажника у Тарантино, Любопытный Том – кадр без склеек, где человек не знает, что за ним пристально следят. В кадре всегда есть отдернутая занавеска, жалюзи, грязное окно автомобиля или приоткрытая дверь.

Я поразмыслил, но никаких обстоятельств моего расследования это

не проясняло.

– Не Знают Что? – продолжал я.

Бекман пожал плечами:

– Прихвостень, правая рука, представитель, шестерка. Появляется, когда не желает появляться босс, невозмутимо и бездумно выполняет указания, тем самым напуская на мир темную злую силу. Это, само собой, библейская цитата, из Луки, глава двадцать три: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают».

Я поворочал мозгами, а затем меня осенило. Так очевидно, что я чуть не рассмеялся вслух. И записал имя.

– Тео Кордова? – переспросил Бекман, читая у меня через плечо. – На что тебе сдался Тео Кордова?

– Он за мной следил.

– Сын Кордовы? С чего ты взял, что это он?

– Трех пальцев на левой руке не хватает.

Бекман содрогнулся:

– Да, верно. Тео всегда был странным, молчаливым юношей. Затравлен отцом, годами умирает от любви к женщине старше его.

Я нацарапал и это.

– Стейк Тартар?

Бекман энергично облизнулся:

– В каждом фильме кто-нибудь, зачастую статист, сидит и жует мелко нарезанное сырое мясо. Так вот. Первый, кто после этой недожаренной трапезы появляется в кадре средним или крупным планом, – он что? Правильно, гнилой. Он втайне – обычно за кадром – стал предателем, продан, перебежал, дезертировал, ему больше нельзя доверять. Так Кордова напоминает нам о нашем вездесущем внутреннем каннибале – о том, что в конечном итоге все мы – прожорливые твари и станем удовлетворять свои самые чудовищные желания, если настанет подходящий момент. Говорят, это его любимое блюдо.

Я не припоминал, чтобы поблизости кто-нибудь так питался, поэтому нарисовал вопросительный знак.

– Злой Король?

– Злой Король, – церемонно возвестил Бекман, покашляв. – Злодей. Воплощение вселенского ужаса, как мифического, так и реального. Может изображать раскаяние или выглядеть совершенно невинным. Как правило, обладает большой властью. Чем умнее и коварнее Злой Король, тем страшнее и великолепнее буря, которую он творит.

Тут все просто. Кордова.

– Фил Люмен?

Бекман кивнул:

– Мелкая деталь. Компания «Фил Люмен» – производитель всех источников света в фильмах Кордовы. Уличные, налобные и переносные фонари, лампочки, стробоскопы, лава-лампы – все выпускаются компанией «Фил Люмен», что на латыни означает «любовь к свету». Временами имя выкликают в аэропортах или в репродукторах универмагов. «Мистер Фил Люмен, пожалуйста, подойдите к терминалу Б „Юнайтед Эйрлайнз“».

Вроде я ничего подобного не слышал – впрочем, вряд ли бы заметил.

– Тень?

Бекман помолчал, грустно улыбнулся:

– Это моя любимая. Тень – то, за чем люди охотятся всю историю. Или она ходит по пятам за героем и ни в какую от него не отстает. Могущественная сила, она истязает и чарует. Ведет в ад или в рай. Она – пустота внутри, которую ничем не заполнить. Все, чего не пощупать и не удержать, столь эфемерное и мучительное, что перехватывает дыхание. Возможно, ты даже мельком ее увидишь. Потом она исчезнет, однако образ пребудет с тобой. Ты запомнишь его до конца своих дней. Тень – то, что тебя страшит, и то, чего ты парадоксальным образом ищешь. Без наших теней мы ничто. Они придают контраста нашему бледному ослепительному миру. Благодаря им мы видим то, что прямо перед нами. Но они томят нас до самой нашей смерти.

Это Сандра. Бекман безупречно описал мою встречу с ней у водохранилища. Он посмотрел, как я пишу, и его черные глаза-бусины скакнули от ее имени к моему лицу.

– Что еще? – спросил я.

– Что еще – где?

– Мышление Кордовы. Его сюжеты.

После паузы Бекман задумчиво пожал плечами:

– Я знаю, что эти константы неизменно нарываю у него в мозгу. Других мне вычислить не удалось. Все прочее, как говорится, не история, не люблю эту максиму, а революция. Постоянный бунт. Преображение. Вращение. Ой батюшки, – вскинулся он. Его осенило. – Еще одно, Макгрэт.

– Так?

– Зачастую на каком-то этапе нарратива герой сталкивается с персонажем, который воплощает жизнь и смерть. Он или она сидит на пересечении жизни и смерти, в начале одного и конце другого. – Бекман глотнул воздуха, ткнул в меня пальцем. – Это будет обманка, подмена, чтобы даровать свободу настоящему. Любимый персонаж Кордовы. Разум

Кордовы вызывает его к жизни постоянно, что бы ни случилось, понимаешь меня?

Я не очень-то понимал, но поспешно записал.

– А финалы?

– Финалы? – вздрогнул Бекман.

– Чем все заканчивается-то?

Он нервно потер подбородок – так распереживался, что заговорил не сразу:

– Ты знаешь не хуже меня. Финалы его – сейсмические толчки для души. После его финальных реплик не спишь, мучаешься сутками и потом всю жизнь. С Кордовой никогда не угадаешь. Иногда в финале надежда и спасение, точно крошечный бело-зеленый бутончик новорожденного цветка. Или одно лишь опустошение, обугленное поле боя, усеянное оторванными ногами и языками.

Я сделал пометку – изнутри исподтишка подкатывала волна ужаса – и сунул листок в карман.

– Спасибо тебе, – сказал я Бекману. Того вдруг обуяли размышления, и говорить ему расхотелось. – Я все объясню, когда будет больше времени, – прибавил я и зашагал прочь.

– Макгрэт.

Я остановился, обернулся. Бекман смотрел на меня.

– На тот маловероятный случай, если ты в самом деле оказался в этом феноменальном, весьма завидном положении и правда умудрился провалиться в историю Кордовы, я должен напоследок дать тебе совет.

Я молча ждал.

– Будь хорошим парнем, – сказал он.

– Как я узнаю, что я хороший парень?

Он ткнул в меня пальцем и кивнул:

– Очень мудрый вопрос. Ты не знаешь. Большинство плохих парней считают, что они хорошие. Но есть кое-какие означающие. Ты несчастен. Тебя ненавидят. Ты шарахаешься во тьме, одинокий и смятенный. Ты толком не постигаешь подлинной природы вещей до самой последней минуты – да и тогда лишь в том случае, если тебе хватит упорства и безумия пойти до самого что ни на есть конца. Но главное – и это критично, – ты действуешь, не думая о себе. То, что тобою движет, вообще не имеет касательства к твоему эго. Ты действуешь во имя справедливости. Или милосердия. Или любви. Это большие, весьма героические качества, и тащить их на своих плечах под силу только хорошим. И еще ты умеешь слушать и выслушать.

Он снова облизнулся и нахмурил брови:

– Если ты хороший парень, ты можешь и выжить, Макгрэт. Но разумеется, с Кордовой нет никаких гарантий.

– Я понимаю.

– Удачи тебе, – сказал он, стремительно развернулся и, не глядя на меня, исчез в аудитории.

Следующие одиннадцать дней я дежурил на Восточной Семьдесят первой у таунхауса, куда залезал Хоппер. Приходил, естественно, домой беспокойно поспать, но под парадной дверью вдоль порога незаметно натягивал ниточку, прилеплял ее микроскопической капелькой пластилина – так я узнаю, заходил ли кто, пока меня не было.

Но ниточку не трогали.

За истину я признавал одно: каким-то образом меня мастерски подставили, и началось это, судя по всему, с явления Сандры у водохранилища. Зачем, как именно это все спланировано и воплощено, правду ли говорили наши очевидцы, что реально, что нет – этого я уже не понимал. Реально ли событие, если испарились все улики? Возможна ли категорическая истина, если она обитает исключительно у тебя в голове, бок о бок с грезами?

В жизни и искусстве Кордова перемешивал фантазию с реальностью и теперь, похоже, блистательно – и к великому моему прискорбию – спаивал меня своим типическим коктейлем из правды и вымысла. Возможно, тем самым он подчеркивал не только свое превосходство – внушая, что маску с него не сорвать, что я никогда в жизни его не поймаю, – но и тот факт, что порою величайшая истина о семье, о человеческой жизни и есть фантазия и лишь недалекий разум жаждет аккуратно отделить одно от другого.

После моего вторжения на лекцию Бекмана мне с разницей в несколько часов перезвонили и Хоппер, и Нора: оба в тревоге спрашивали, все ли у меня хорошо. Значит, эти двое не исчезли, в отличие от прочих, – они попросту деловито погружались в свою жизнь. Нора репетировала первый монолог Аль Пачино из «Гленгарри Глен Росс» – собиралась читать его на пробах «Гамлетты» в Блошином театре. Разговор с Хоппером получился натянутый, хоть и любезный: с одной стороны, нас постоянно прерывали те, кто ему звонил, с другой – он ведь так

и не простил мне решения и дальше раскапывать истину о Сандре. Оба спросили, продолжаю ли я расследование, но мне почудилось, что оба не желали знать ответ. Александра Кордова уплыла в их прошлое, обернулась прекрасным сумеречным днем, который они предпочитали вспоминать в грамотно подобранном освещении, под берущую за душу музыкальную тему, – они не хотели знать новых подробностей, рискующих запятнать этот образ. Я распрощался с обоими, ни словом не обмолвившись ни об исчезновении всех очевидцев, ни о сигаретах «Мурад», ни о фирменных киношных приемах Кордовы, что усеивали наше реальное расследование.

Впрочем, одна ключевая фигура осталась-таки на месте.

Я зашел в «Чары», без приглашения нырнул под черную портьеру в заднюю комнату, ожидая, что какой-нибудь незнакомец за круглым столом сейчас поведаст мне, что Клео переехала в Луизианскую дельту.

Но к моему потрясению – и облегчению, – за столом сидела Клео. Мое появление ее удивило, и, обменявшись с нею парой-тройкой неловких любезностей – в том числе спросив, знает ли она Кордову («Режиссер такой? Нет», – ответила она, явно растерявшись) и ела ли когда-нибудь стейк тартар («Я веган», – сухо объявила она), а также проверив, не «Фил Люмен» ли выпустил красную лампочку в люстре над столом (нет, ее выпустила «Дженерал Электрик»), – я поблагодарил ее и поспешно ушел, одержимо проигрывая в голове последнюю нашу встречу, когда Клео показала мне, как сама по себе двигается тень левиафана.

Это было *взаправду*.

Это не объяснишь передозом дурьего зелья. То был намек на подлинность черной магии, незримых темных трещин, что прорезают наш обыкновенный мир.

Ведь так? Я раздумывал об этом дни напролет, а потом наконец раздался долгожданный звонок.

– Макгрэт. Шерон Фальконе.

По голосу чувствовалось, как ей неловко. Похоже, об окровавленной рубашке и костях она не сообщит мне ничего утешительного.

– Нам удалось посмотреть то, что ты принес.

– И?..

– Ничего.

Она помолчала – видимо, уловила, что новости меня подкосили.

– В образце нет крови – ни животной, никакой. Нашли следы глюкозы, мальтозы, какие-то олигосахариды.

– Это что такое?

– Кукурузный сироп. Скажем, на рубашку пролили газировку – баночную или бутылочную. А потом это все так хранилось, что затвердело. Но образец уже разложился – не поймешь.

– И нет никаких шансов, что это человеческая кровь?

– Никаких.

Я зажмурился. Кукурузный сироп.

– А кости? – спросил я.

– Связали с семейством *Ursidae* – скорее всего, *Ursus Americanus*.

– Это кто?

– Черный медведь. Вероятно, ступня медвежонка.

Черный медведь.

– Тебе пора в отпуск, – сказала Шерон. – Вали отсюда на пару недель. Этот город мозги перекашивает. Тут как со всеми ядовитыми любовями. Надо передохнуть, а потом опять, за новой дозой боли и мук.

Сказать мне было нечего. Да не может такого быть. Я же был уверен – убежден, что на съемочных площадках творилось подлинное человеческое страдание. Не может быть, что все закончится так.

– Ты там жив? – спросила Шерон.

– Прости, что тебя дернул, – выдавил я.

Она откашлялась.

– Давай-ка переключайся. Уверяю тебя, я понимаю, как это все цепляет, как ничего нет важнее, только бы найти тайную дверку в подземный бункер, где за решеткой сидит правда. Но порой никакой правды там нет. Даже если ты ее чуешь и слышишь. Или туда больше нет пути. Все заросло. Камни сдвинулись. Шахты обрушились. Человеку никак не проникнуть, никакой динамит на свете не возьмет этот завал. И тогда ты плюешь. И переключаешься.

Тут у Шерон заблеял телефон – она, впрочем, не обратила внимания.

– Темная сторона жизни имеет свойство настигать нас и так. Кончай за ней гоняться.

– Спасибо тебе, Шерон. Спасибо за все.

– Да ладно. Всё, ноги в руки и вали на пляж. Подругу себе заведи, загар, хоть что-нибудь, ага?

– Конечно.

– Держись.

– И ты.

И Шерон дала отбой. *Ступня черного медведя.*

До вечера я учился жить с чистейшим разочарованием, уговаривая себя, что нужно его принять, что Хоппер и Нора были правы. Я прошел

этот путь до конца. И уткнулся в неопровержимый тупик. Нет никаких улик никакого преступления.

Но потом я сообразил, что один камень еще можно перевернуть. Остался еще один человек, способный пролить свет на происходящее, – инсайдер, который сможет объяснить, что все это значит. И человек этот давно сотрудничает с Кордовой. Инес Галло.

Надо лишь подождать, пока она вернется в таунхаус. Я подожду, сколько потребуется. И когда эта женщина наконец появится – сегодня, завтра, через три года, – я буду готов.

Случилось это на двенадцатый день моего дозора. В самом начале шестого я возвращался из гастронома на Лекс и заметил, как по тротуару, обгоняя меня на полквартила, спешит низенькая женщина в черном пальто.

Инес Галло. Я узнал ее мгновенно: кое-как обрезанные седые волосы, сутулая, напряженная, словно бычок перед атакой. Будто желая побыстрее скрыться с глаз, она взбежала на крыльцо и исчезла в доме.

Я подождал пару минут; улица пустовала. Я ухватился за кованую решетку на окне первого этажа и полез. Галло надо застать врасплох, и я помнил, как лез Хоппер: ступни между прутьями, правую ногу на старомодный фонарь над парадной дверью. Дотянувшись до решетчатых перил на втором этаже, я подтянулся, ногой зацепился за перила, свалился на усыпанный листвой балкон. И направился к окну справа, где Сандра перерезала сигнализацию.

Галло повключала светильники внизу – из двери напротив лился свет, и я все видел. Вычурная, обшитая деревом библиотека, вся мебель покрыта простынями. И никого.

Я кредиткой слегка приподнял оконную раму, потом открыл ее пошире и залез внутрь.

Хоппер говорил, что в ту ночь, когда сюда залезал он, таунхаус словно застыл во времени. Все предметы ровно там, где были семь лет назад, в тот день, когда они с Сандрой должны были улететь в Бразилию, а она его кинула. «Ровно та же случайная мебель накрыта ровно теми же простынями. Те же ноты Шопена на пианино». А теперь все тщательно укрыли и убрали; я заглянул под простыню на массивном «Стейнвее» в углу и никаких нот не нашел. Кто-то – наверное, Инес Галло – успел тщательно здесь прибраться – может, после Хоппера.

Против двери, повернутое к освещенной площадке и винтовой лестнице, стояло кресло. Я сел, подождал и вскоре услышал торопливые шаги вверх по ступеням.

И вдруг появилась она – Инес Галло, в мешковатых серых шерстяных штанах и белой блузке, бежит по площадке к следующему маршу.

– Мисс Галло.

Она ошеломленно застыла и уставилась на меня, видя, вероятно, лишь темный силуэт.

– Или лучше – Койот?

Она в ярости рванулась к порогу, рука огладила выключатель, и люстра залила библиотеку тусклым золотом.

Всмотревшись, Инес Галло окатила меня безмолвным презрением – очевидно, прекрасно знала, кто перед ней.

– Извините, что без приглашения.

– Люди, вы совсем не понимаете намеков. Надеюсь, вы любите ночевать в обезьяннике.

Голос у нее был низкий, сиплый – больше подходил дальнобойщику или шестифутовому вышибале, а не этой кряжистой, но все-таки маленькой женщине. Она едва дотягивала до пяти футов, но сложена была как шлакоблок. Схватила телефон со столика в библиотеке, потыкала в кнопки.

– Я бы на вашем месте воздержался.

– Правда?

– Койот – любопытное имечко. Лично я бы предпочел, чтобы меня друзья прозвищем компрометировали поменьше. Работоторговля? Принудительный труд? Приятель из таможенно-иммиграционной полиции говорит, в вашем родном городе были неплохо поставлены дела. Пуэбла, если не ошибаюсь? Так вот он мне рассказывал, что раз в год туда приезжала загадочная женщина в пустом минивэне, а потом уезжала, битком набив его людьми, – штабелями их складывала, как дрова. Я с парой-тройкой побеседовал. В замечательных подробностях описали женщину за рулем. За каждое нарушение – от трех до семи лет. Сколько фильмов вы так успели снять? Десять? От тридцати до семидесяти, значит. Я подозреваю, после «Гребня» вас в федеральной тюрьме ждет нехилый культурный шок.

Излагая все это, я наблюдал за ее лицом. И на слове «работоторговля» понял, что попал в яблочко.

И слава небесам, потому что я блефовал. У меня не было ни друзей в таможенно-иммиграционной полиции, ни свидетелей. Последние дни я

читал и перечитывал свои наспех восстановленные записи, пытаясь найти против Галло хоть что-нибудь, любую мелочь. И то и дело утыкался в ее прозвище, помянутое Пег Мартин и Марлоу Хьюз. Койот. Койот – дикая собака прерий, но к тому же сленговое название тех, кто переправляет нелегальных иммигрантов из Мексики в Штаты. Диапазон огромен – от мелких семейных лавочек до миллиардных бизнесов, спонсируемых наркокартелями.

Пег Мартин отдельно упомянула, что койотом Инес Галло звала съемочная группа, и я призадумался: может, это потому, что Галло и впрямь их койот? Это, плюс она уроженка Мексики, плюс делала для Кордовы всю грязную работу, по словам Марлоу, – и так сложилось мое теоретическое допущение: отнюдь не исключено, что нелегалов в «Гребень» возила Галло. Скорее всего, договаривались так: они три месяца работают на площадке, наблюдая мириады черных дел, а затем им угрожают, дабы не проговорились, и пусть катятся на все четыре стороны. Конечно, гипотеза была хлипкая, и я не ожидал, что она выстрелит, – до этой самой минуты, когда увидел, как сильно Галло побелела.

За годы, что миновали со свадебной фотографии, где она так юно блестела глазами, – и даже с того дня, когда она вместо Кордовы приняла премию Киноакадемии за «Тиски для пальцев», – Галло очень переменилась. словно десятилетия на службе у режиссера, вечно подле него, обратили ее в камень – седые волосы вьются жестче, низкий лоб отяжелел, губы – как тугая бечевка. В ней не осталось ни капли легкости или беспечности. Но может, это неизбежно, если ты решил навеки остаться на орбите исполинской планеты, чья масса превращает твою собственную в ничто.

Она ни мускулом не шевельнула, лишь напряженно разглядывала меня. Затем отложила телефон.

– Чего вы хотите, мистер Макгрэт?

– Побеседовать по душам.

– Нам не о чем говорить.

– Вот не согласен. Можем начать с того, что Александра Кордова умерла в двадцать четыре года. Затем у меня есть и другая проблема: все, с кем я обсуждал Александру, исчезли, дом одного из них сгорел дотла. Если поговорите со мной, может, мой друг-таможенник посмотрит сквозь пальцы на ваши закупки рабского труда.

Галло вскипела, но прикусила язык, медленно отошла к бару в углу и налила себе выпить.

– Если это рабский труд, миллионы жизнь бы отдали, чтобы попасть

в рабство, – буркнула она. – Эти люди жили по-царски.

– Они не могли уйти. Говоря строго, они были пленниками.

– Они этим и заплатили – обо всем было уговорено заранее. Никакого принуждения, никакой лжи. После съемок мы от них еле избавлялись. Все хотели остаться навсегда.

– Как детишки в Эпкоте. [\[113\]](#) Обрыдаться.

Она сощурилась:

– Чего вы надеетесь добиться?

– Правды.

– Правды.

Она ухмыльнулась – коротко сверкнула улыбкой, точно сломанная зажигалка искрой, – затем посерьезнела. Мое появление ее ошарашило – в этом я был уверен, – и теперь она размышляла, как себя вести, как побыстрее меня вытурить. Видимо, решила подыграть, во всяком случае до поры: склонила голову набок и натянуто улыбнулась:

– Что-нибудь выпьете?

– Если вы не добавляете мышьяк.

Она налила «Джеймисон» из той же бутылки, откуда наливала себе, и сунула мне стакан.

Потом села на диван, и я заметил, что на тыльной стороне левой ладони у нее и впрямь вытатуирован штурвал – «Черная доска» не обманула. Анонимный юзер утверждал, будто это доказывает, что Галло и Кордова – одно лицо. Сейчас, разглядывая ее тесаный профиль, я спрашивал себя, возможно ли, что режиссер и его ассистентка – один человек, что вот это и есть Кордова. Но коренастая женщина держалась типичной прислужницей, и в бегающих глазках мелькало что-то раболепное, что-то несбывшееся, будто предмет ее неизменного внимания спрятался и стоит где-то за кулисами.

Нет, она совершенно точно не Кордова. И она тянет время.

– Прежде чем вам предъявят леса, мистер Макгрэт, – сказала она, не отводя от меня взгляда, – вы уверены, что их вы и хотите увидеть? Рычаги, тросы, железные опоры. Ржавчину и толстые цепи. Тщательно расставленные прожектора. Совсем не та реальность, что на экране. Вовсе не такая пленительная.

Она опять склонила голову, будто ее осенила новая мысль, пристально взгляделась в мое лицо и скупно улыбнулась:

– Забавно. Я думала, уж вы-то ее раскусите. Вы что, правда так и не поняли?

– Чего не понял?

– Наверняка же вы видели намеки тут и там, подсказки...

– Намеки на что?

Кажется, я лишился своего преимущества. Инес Галло пришла в себя – а может, мне и вообще не удалось загнать ее в угол.

Она воздела бровь:

– Вы что, правда не вычислили?

– Чего не вычислил?

– Александра болела.

– От проклятия дьявола.

Она усмехнулась:

– Я, а со мной целая армия врачей и других специалистов по всему миру можем вас *уверить*, что Александра никогда не страдала от «проклятия дьявола». И вообще от проклятий. У нее был рак. Острый лимфобластный лейкоз. Всю жизнь, с ремиссиями.

Я ошалело молчал.

Гнев побуждал меня возмутиться: мол, я понимаю, что происходит, она скармливает мне очередную ложь, втирается в доверие. Ее заявление нелепо – я же знаю, что это неправда.

Не может такого быть.

Но почти тотчас всплыл вопрос, не упустил ли чего я сам – или Хоппер; быть может, эта повседневность, эта болезнь всегда маячила письменами на песке, а мы мучительно щурились, вглядываясь в морскую даль, и ни разу не посмотрели под ноги.

– Если не верите, звякните в Центр Слоуна – Кеттеринга, – сварливо прибавила Галло. – Поищите, кого подкупить в регистратуре, – они вам подтвердят. Александра там лежала трижды, под девичьей фамилией матери. Гонкур. В пять лет, потом в четырнадцать и еще раз в семнадцать. И в Техасском университете в Хьюстоне. – Она как будто торжествовала. – Я правду говорю, сами увидите.

Я молчал, про себя тасуя даты. Сандре было всего пять, когда она перебежала чертов мост и обрекла себя на проклятие. В четырнадцать она внезапно бросила музыкальную карьеру, а в семнадцать... и тут на меня обрушилось потрясение: в семнадцать Сандра позвонила Хопперу и плакала в трубку. «Она была в отчаянии, – говорил он. – Сказала, что больше не может жить с родителями, хочет уехать, чтоб они ее не нашли». То есть она хотела сбежать от болезни?

– Вы не виноваты, – сухо объявила Галло, будто читала мои мысли. – На какую бы дикость ни купились – проклятия, сатана, страшный бука, – хотя, ну честное слово, взрослый человек, опытный репортер...

Не ожидала от вас такого легковерия. Но вы себя не корите. Александра была девушка харизматичная. Вы удивитесь, что ей удавалось годами внушать людям. Она умела убеждать в невозможном. Талантлива, как отец. У них был дар, у обоих: взять тебя за руку, заглянуть глубоко в глаза, и ты, отбросив все сомнения, уходил за ними следом в лабиринт абсурдного и невероятного. И поселялся там навеки. Уж я-то знаю. Я там была. Сорок шесть лет. Отказалась от всего. От мужа. От детей. Но теперь все закончилось, и я прозрела. Видимо, потому, что я – не одна из них. Мне несложно различать выдумку и реальность. Я живу в реальном мире. И вы тоже.

Это она произнесла с нажимом, даже сердито, и скрестила руки на груди.

– Ее болезнь терзала всю семью. Для маленьких детей прогноз с таким лейкозом благоприятный. Большинство лечатся один раз и в ремиссии до конца жизни. С Александрой вышло иначе. Едва нам казалось, что можно вздохнуть спокойно, что ей наконец дарована жизнь без нескончаемых уколов и стероидов, без пункций и пересадок стволовых клеток, проходило несколько лет, ее проверяли, и врачи опять сообщали нам чудовищные новости. Вернулась Матильда.

– Матильда? – переспросил я.

Она кивнула:

– Так Александра звала свою болезнь. Александра придумала ей имя, как другие дети – воображаемым друзьям, и это многое говорит о том, что было у нее в голове. В пять лет как-то утром она пришла в кухню и, поедая «Чириос», весело объявила матери, что у нее теперь новая подруга. «Кто?» – спросила Астрид. «Матильда», – сказала Александра. Матильда. Странное имя. Неизвестно, где она его услышала. «Матильда меня убьет», – сказала Александра. Все испугались, но ведь она все-таки дочь своего отца. Драма превыше всего. Благословлена – или даже проклята – беспредельно живым воображением. А наавтра Александра заболела. Подскочила температура, на руках и на спине сыпь. Астрид отвезла ее в больницу, и врачи сообщили нам ужасное.

– «Матильда» – это же вроде следующий фильм Кордовы? Который он так и не выпустил?

Галло кивнула:

– Он хотел об этом написать. Не смог. Писать о таких душераздирающих вещах – все равно что день за днем смотреть на солнце. Как ни старайся, особо не разглядишь. И непременно ослепнешь. – Она вздохнула. – Он не хотел больше снимать кино – хотел только спасти

дочь. Для родителя потерять ребенка – пытка. Но еще хуже изо дня в день смотреть, как ребенок страдает, как он то и дело балансирует между жизнью и смертью, как смерти полна вся его жизнь. Но ты так и живешь, ты борешься – ты надеешься, что в один прекрасный день все изменится. Удивительно жестока порою жизнь. Выделяет тебе ровно столько надежды, чтобы хватило не погибнуть. Как чашка воды и кусочек хлеба тому, кто на грани голодной смерти.

Она помолчала, отхлебнула из стакана.

– Александра решила никому, кроме родных, не говорить. Врачи советовали иначе. Но она встала на дыбы. Не хотела, чтоб ее жалели. Сказала – а ей тогда было всего шесть, – что гораздо больнее, если вокруг все станут ходить на цыпочках, будто она хрупкая бабочка с оторванным крылом, чем страдать от рук Матильды. Мы все заключили с ней уговор, поклялись никогда никому не говорить. А когда Александре нездоровилось и она не могла выйти в мир и проживать жизнь, ее отец устраивал так, чтобы красочная, неопишуемая жизнь пришла к ней. Между поездками в городскую больницу – четыре, иногда пять раз в неделю – она училась в «Гребне», и поместье стало театральным задником, хостелом, сокровенной обителью, где круглосуточно гнездились философы, актеры, художники, ученые, и все они учили Александру жить, думать, грезить. Всех нас, собственно говоря, учили.

Я припомнил пикник Пег Мартин. Сандре было шесть. Примерно тогда она закончила лечение – если Галло не врет.

«Сандра взяла меня за руку, привела на берег – ива, высоченная трава, вода изумрудная, вокруг ни души. Спросила, вижу ли я троллей».

– Астрид наняла концертирующего пианиста из Джуллиарда – трижды в неделю приезжал в «Гребень», давал Александре уроки. Врачи предупреждали, что некоторые сильные лекарства могут подействовать на нервную систему, надолго ослабить моторику и гибкость, играть на фортепиано Александре будет трудно, а то и вовсе невозможно. Кисти, пальцы будут неметь, повысится чувствительность. Возможны обмороки. Но на Александру лекарства подействовали наоборот. Играла она изумительно бегло. Память, способность осваивать сложнейшие произведения – за гранью человеческого. За фортепиано она жила, спасалась от смерти, странствовала по континентам, по горным грядам и морям. Первое место на Международном конкурсе Чайковского в Москве она выиграла в ремиссии. Но через три года, когда ей было четырнадцать, мы снова узнали страшную весть. Матильда вернулась. Александра была сильная, но ей никак не удалось бы разъезжать с концертами и лечиться

одновременно. Пришлось отказаться от всего. И она отказалась.

Галло умолкла.

Рассудок мой вошел в штопор от симметрии внезапно явленного мне уравнения: по одну сторону магия, по другую – наука, пульсирующий темнотою миф и постижимая реальность. Кордова, как всякий отец, отчаянно спасал дочь – но от проклятия дьявола или от рака? Внезапный Сандрин музыкальный гений – проклятие чертова моста или побочный эффект химиотерапии в детстве?

Я вспомнил, как Бекман описывал Сандру на концерте. «Она познала предельную тьму». Но как она обрела это знание – взглянув в лицо дьяволу, постигнув, что он заберет ее душу, или плутая лабиринтом бесконечной болезни, на каждом повороте предчувствуя Смерть за углом?

Объяснения эти – как две стороны одной монеты; от моего выбора – аверс или реверс – зависит, что я за человек. Некогда я, едва ли усомнившись, выбрал бы то, во что поверит большинство, – логику, рацию, конкретику. Но теперь – к немалому своему смятению, будто я вдруг очнулся и сам себя не узнавал, – неодолимо склонялся на другую, невозможную, алогичную, безумную сторону.

Я не хотел в это верить, не хотел смириться с тем, что Сандра – ослепительным пламенем пылавшая во всех мною собранных историях – убита попросту реальностью. Я жаждал несусветного толкования ее гибели – мрачнее, кровавее, сумасброднее. Проклятия дьявола.

– После второго курса лечения стало труднее, – сурово продолжала Галло. – Нрав у Александры всегда был ого-го. Сильная, как ее отец. И эти двое постоянно ссорились – можно сказать, воевали. Врачи предупреждали, что от стероидов возможны перепады настроения – вспыльчивость, даже агрессия. Обуздать этих двоих не умел никто. Ни Астрид. Ни я. Они – как два дракона, а мы все – птички лазурные, прятались по шкафам и под лестницами, надеясь только не сгинуть под перекрестным огнем.

– Из-за чего они ссорились? – спросил я.

Она дернула бровью:

– Уж не знаю, много ли вы понимаете про темперамент гениев, но их мучает жажда, какая обычным людям и не снилась. Предавая себя в руки такого человека, нужно с этим смириться – или конца-краю не будет твоим страданиям. Выживая рядом с гением, вечно гнешься и крутишься, точно проволока, – вечно делаешь поправки. И постоянно меняешь форму. Всегда были другие женщины. Другие мужчины. Другое всё. Астрид терпела. А Александра, когда подросла и разобралась, считала, что это бесчестно – что он обжирается, что ему недостает цельности, что он совершенно

предает семью. В город вернулся давний его любовник, снова поселился в «Гребне», а Александре этот тип не нравился. Как-то ночью – я тогда отлучилась – она пришла к нему в спальню и запалила кровать. Астрид не хотела публичной грязи, среди ночи увезла его из поместья. Он от боли выл. По пути попали в аварию. Тео вытащил его до приезда «скорой», исхитрился тихонько сдать в травмпункт. Но Александра добилась своего. Тот исчез. – Она стрельнула в меня взглядом. – Я подозреваю, почти все это вы уже знаете.

Я кивнул:

– Его звали Хьюго Виллард. Паук. Якобы священник.

– Это я предложила отправить Александру в лагерь, – сообщила Галло.

– «Шесть серебряных озер».

– У лагеря были неплохие рекомендации. Когда нам сообщили, что там погиб мальчик, утонул в ливень, – сами понимаете, что мы пережили. Но когда я приехала за Александрой, она была... другая. – Галло дернула плечом, не без цинизма скривилась. – Познакомилась с мальчиком. Самый одинокий мальчик на свете – это она его так называла. Говорила, что он как прекрасный кленовый лист, прежде времени сорвавшийся с дерева. Плывет на ветру, под дождем, кувыркается по полям и канавам, совершенно один, в разлуке со всем миром. Но она считала, в нем есть глубинное добро. Вскоре она его отыскала, они начали уж не знаю что – переписываться. Понятия не имею, что они писали друг другу, что говорили, но она вновь ожила, к ней вернулись силы. Ее отец вздохнул с облегчением. Да и мы все. Александра хотела уехать из «Гребня» – чтоб вокруг были обычные люди, обычная жизнь. Этот дом он купил для нее.

Она устало оглядела библиотеку, точно вспоминала, какое тепло и оживление некогда наполняли комнату, как она звенела голосами и музыкой, прежде чем все это, словно потерянную цивилизацию, похоронили под белыми простынями.

– Казалось, все начинается заново. Мы записали ее в школу. Я молилась, чтоб он вернулся к работе.

– Опять снимал.

Галло кивнула, осушила стакан.

– Прогноз по раку тем хуже, чем больше рецидивов. Со временем окно выживания постепенно закрывается. В организме накапливаются токсины, тело разрушается изнутри. В начале мая Александре предстояло обследование. Она не хотела идти. Потому что, конечно, знала правду. Она всегда знала. Врачи рекомендовали клинические испытания, экспериментальную программу в Хьюстоне. Вскоре Астрид в спальне

Александры нашла уложенный чемодан. И два билета в один конец – в Бразилию. Спросила у Александры напрямик, что происходит, а та сказала, что бежит с Хоппером и никто не сможет ей помешать. Она не хочет лечиться. Но на кону была ее жизнь. И она же еще подросток. Она твердила, что этот мальчик – любовь всей ее жизни. Какой-то преступник малолетний – никто не отнесся к этому всерьез. Кто вообще любит в таком возрасте?

– Ромео и Джульетта, – сказал я.

– А также Хоппер и Александра. Александра с отцом поссорились страшно. Он запихнул ее в машину, запер двери, сказал, что она едет в Хьюстон, хочет она того или нет. Пусть решает сама, говорить ли мальчику правду. Александра решила не говорить. Мол, любить умирающего – пытка. Пусть лучше мальчик ее ненавидит, потому что из ненависти прорастает желание жить дальше, забыть, победить – лучше так, чем погибать от утраты, грезить о невозможном. А если их великая любовь обернется чем-то иным – жалостью, отвращением, – Александра этого не вынесет. Обрубила все связи с мальчиком. И уехала в Хьюстон. Чуть там не умерла, но больше от разбитого сердца, чем от болезни.

Галло умолкла, и жесткий ее профиль самую чуточку смягчился.

– Александре полегчало? – спросил я после паузы.

– Да. Поступила в Амхёрст. В начале весеннего триместра уехала – уставала, случались обмороки, – но передохнула в «Гребне» и пошла на второй курс. И была здорова. Окончила колледж. А полгода назад все вернулось.

– Матильда.

Галло задумчиво кивнула, вперившись взглядом в кофейный столик. У меня закружилась голова: сложились две детали мозаики разом. Во-первых, таинственный преждевременный отъезд Сандры из Амхёрста на первом курсе – о нем упоминалось в «Вэнити фэйр». Я еще недоумевал, с чего вдруг, – и вот оно, объяснение.

А во-вторых, хронология.

– Долго Александра лечилась в Техасе? – спросил я.

– Месяцев восемь, а что?

– И потом вернулась в «Гребень»?

В недоумении Галло медленно кивнула:

– Поддерживающая терапия была уже в Нью-Йорке. А что такое?

– Родные заказывали ей медицинское оборудование? Кресло-каталку?

Или что-нибудь производства «Сенчури Сайентифик»?

– Ей все заказывала я. «Гребень» был оборудован, как клиника Мейо

[114]. Чтобы Александре было удобно, чтоб ее не беспокоили без нужды. Сиделки дежурили с ней круглосуточно.

– А мусор в «Гребне» сжигают по ночам?

– Каргаторп-Фоллз кишмя кишит кордовитами. У них там Мекка. Съезжаются со всего света, надеются узреть воочию. Не хватало ему только, чтобы какой-нибудь поклонник порылся в мусоре, нашел рецепт, вычислил, что Александра больна, и растрезвонил об этом в интернете. Мы ее защищали. Хотя, конечно, защита – просто очередная клетка.

Все складывается. Печи, которые видела Нора, стеклянная пробирка с ярлыком «биологическая опасность», нечаянная доставка, прибывшая к Нельсону Гарсии в декабре 2004-го, – в свете Сандриной болезни все встало на свои места. Но возбуждение от разгадки этих последних немногочисленных тайн почти тотчас рассеялось – и сменилось пустотой. Горем.

Какой *облом*.

У меня всегда наступал легкий облом в финале расследования, когда озираешься и видишь, что не осталось больше затененных углов – нечего копать. Но на сей раз вышло иначе. Накатило опустошение, ибо я постиг, что все кирины мертвы. Их и не было никогда. Ибо, как я ни отворачивался от реальности, как ни желал Сандре сверхчеловеческого величия, некоего *иного*, бурного бытия, отрицающего все резоны, кишащего троллями, дьяволами, тенями, что гуляют сами по себе, и черной магией, мощной, как водородная бомба, – я понимал, что Инес Галло говорит правду.

И эта ее правда уничтожила все, одним ударом срубила волшебные сумрачные джунгли, куда я забрел по следу Сандры, и теперь я стоял посреди плоской пустыни, залитой светом, но совершенно голой.

– Вся эта история с вами началась, потому что она снова заболела, – не скрывая пренебрежения, выпалила Галло.

Я допил виски, и он ожогом протек в горло.

– А это как? – пробормотал я.

Она сердито уставилась на меня:

– Я же говорю. Александра – девица харизматичная. Воспитывали ее изобретательно, в «Гребне» она жила одиноко, болела. Она затруднялась различать выдуманные истории и реальную жизнь. Когда ей было десять, Астрид совершила ошибку: забавы ради пригласила колдуна с Гаити –

прожил в доме четыре месяца. Астрид не имела в виду устроить у Александры в голове взрыв. Все равно что пробежаться по берегу, где тихонько гнездятся себе фламинго. Все вдруг кишит, верещит, буйствует – сплошь розовые перья, все вопит, крылья хлопают. Александра поверила. Вуду. Колдовство. – Галло покачала головой. – Я у себя в спальне нашла ее заклятия – Александра уверяла, что это защита от зла. Говорила, мол, зло ее отметило, это дьявол так подстроил, чтоб она заболела. Сердце разрывалось. И это бред. Она до смерти боялась физически приближаться к тем, кого любила, – считала, что может им навредить. Утверждала, что внутри у нее растет темнота, потому что... я уж и не знаю, как сказать-то, – потому что ее душой постепенно завладевает дьявол. И поэтому она опасна. Смертоносна. Абсурд, разумеется.

Галло вздохнула.

– Полгода назад, когда выяснилось, что она опять больна, психика ее пошатнулась. Временами она не понимала, где находится. И кто она. Ее вины тут, естественно, нет – она же с детства только и делала, что со Смертью играла в гляделки. Она четко заявила, что на больничную койку больше не хочет – никаких трубок, мониторов, слабости от морфия. Астрид смириться не желала. Насильно положила Александру в клинику – может, одумается, согласится снова лечиться.

– И эта клиника – «Брайарвуд-холл».

Галло кивнула:

– Александра, как вы знаете, сбежала – спасибо какому-то похотливому болвану из службы безопасности. Манипулировала Александра мастерски, особенно мужчинами. Они перед ней таяли, потели и растекались, как безмозглый чай со льдом. И Александра исчезла. Это был кошмар. Мы понятия не имели, куда она подевалась. Тео и Борис повсюду ее искали, но она же умная. Умела прятаться. Мы уже потом выяснили, что она жила в каких-то трущобах в Нижнем Ист-Сайде.

– Генри-стрит, восемьдесят три.

– Астрид чуть с ума не сошла. Александра совсем разболелась. Астрид хотела, чтобы дочь умерла дома, среди родных. Но у нас были кое-какие подозрения насчет того, куда она пойдет. За все эти годы дня не проходило, чтоб она не вспоминала этого мальчика. Хоппера. Годами за ним следила, знала, что у него неприятности с законом, вся жизнь под откос. Мы думали, она его как-то отыщет. А второй вариант, само собой, вы.

– Я?

– Она вами заинтересовалась, когда вы сунули нос в жизнь ее отца, а он разобрался с вами, как только и умел. Клином клин.

– «Разобрался» со мной? Это Кордова так говорил?

В глазах ее мелькнул вызов, но она смолчала.

– Это была подстава, да? Кто мне вообще звонил-то? Что за Джон?

Она пожала плечами:

– Кто-то ему заплатил, он вам заморочил голову.

– Но то, что он говорил, – что Кордова ночами ездит по школам...

– Соблазнительная фальсификация. И достаточно вульгарная, чтоб вы ее вывалили в прямом эфире и подавились своей спесью. Наверняка для вас это был болезненный урок, мистер Макгрэт, но, дабы процветать, художник, подобный ему, нуждается в одной базовой вещи. И все на свете за нее отдаст.

– И что ему нужно?

– Тьма. Я понимаю, сейчас в это поверить трудно, но подлинному художнику нужна тьма. Она наделяет его властью. Скрывает его. Чем меньше мир знает о нем, о его местонахождении, о его природе и тайных методах, тем художник сильнее. И чем больше банальностей о нем мир съедает, тем мельче его искусство, тем оно суше, а в конце концов усыхает вовсе, съезживается, и получается не искусство, а какое-то маршмеллоу, с молоком за завтраком пожевать. Неужто вы считали, что он это допустит?

Якобы умершее благоговение закралось в ее голос – голос, что обычно тусклой кучкой валялся в пыли, – и он взлетел на крыльях восторга, расцвел красными лентами, в воздухе описал восьмерку. А еще я заметил, что за весь разговор Инес Галло ни разу не выговорила слова «Кордова», ни единого разу – называла его только «он» или «отец Александры».

Видимо, из суеверия – или же не хотела произносить имя всуе, сродни слову «Бог».

Она сходила к бару за бутылкой и небрежно плеснула нам обоим виски; я между тем размышлял. Если не случилось проклятия дьявола, Кордове незачем было одержимо добиваться обмена, не требовалось ночами ездить по школам, не существовало никакой канавы с детскими вещами. Это что же – значит, я все-таки галлюцинировал? Дурьего зелья перебрал?

– Дабы осмыслить эту стихию по имени Александра, – сказала Галло, вновь усевшись на диван, – нужно помнить, что она была дочерью своего отца. У них любимая семейная сказка – «Румпельштильцхен». Вот так они и жили, такими были. Им фантастические существа изо дня в день превращали скучную солому в золото. И так до самой смерти. Поэтому Александра переосмыслила свою болезнь как проклятие дьявола.

– Но это не только ее версия. Марлоу Хьюз и Хьюго Виллард тоже вполне уверились.

Галло фыркнула:

– Марлоу Хьюз – наркоманка. Она поверит, если сказать, что небеса – розовые в горошек. Тем более – если присовокупить в письме, какой вы горячий ее поклонник. Она проводила время с Александрой. Ее захватили эти рассказы. А Виллард – вы вдумайтесь, что Александра сделала с ним. Он же совсем ума лишился. Считал, она королева преисподней, и пугался блох.

Я вспомнил, как Виллард не стыдясь говорил, что уползал от Сандры на карачках, перепуганным ребенком таился в гардеробе.

– Ладно, а работа Кордовы? – спросил я. – Ужасы на экране – они ведь подлинные, да? Актеры не актерствуют.

Она с вызовом смерила меня взглядом:

– Они сами напрашивались.

– Я слышал, серийные убийцы тоже так говорят.

– Все, кто оставался в «Гребне», прекрасно понимали, на что идут. Жизнь отдали бы, чтобы с ним поработать. Но если вас интересует, пересек ли он грань чистого безумия, нырнул ли рыбкой в ад, – нет. Он знал свои пределы.

– И каковы же они?

Она сузила глаза:

– Он никогда не убивал. Он любит жизнь. Но вы можете верить, во что хотите. Вы все равно ничего не докажете.

«Вы все равно ничего не докажете». Странная какая-то реплика. Почти признание – *почти*. Я вспомнил мальчишескую рубашечку, заскорузлую не от крови, а от кукурузного, по словам Фальконе, сиропа. Бесспорно, Галло сейчас подтвердила данные Шерон, хочу я это признавать или нет.

– Почему исчезли все, с кем я говорил про Александру?

– Я позаботилась, – не без гордости ответила Галло.

– Это что значит? Они все теперь валяются в братской могиле без надгробия?

Она не снизошла до ответа, строго выпрямилась.

– И я же позаботилась о фотографиях из судмедэкспертизы, а потом и о теле – пока Александру не разрезали на потеху чужим, как лабораторную крысу. Я всем щедро заплатила и всех спровадила.

– Откуда вы знали, с кем я говорил?

– Так из ваших же записей, мистер Макгрэт, – удивилась она. – Вашу квартиру ограбили – вы наверняка помните. Ваши заметки очень помогли

нам подвязать концы.

Ах да: кража со взломом.

– Мы были в отчаянии, – продолжала она. – Не знали, где была Александра, что с ней творилось после «Брайарвуда». Знали только, что однажды ночью она забралась сюда и взяла деньги из сейфа. Я подозревала, что вы знаете больше. В конце концов «Брайарвуд» нас уведомил, что вы приезжали, разнюхивали. Мы влезли к вам – хотели узнать, что вам известно.

– Ноутбук не вернете, часом?

– Это нам дорого обошлось – после ее смерти избавиться от свидетелей. Но мы пообещали ей никому не выдавать правды. Так хотел он. История Александры теперь навеки пребудет той, которую сочинила она, в которую она всегда верила. За пределами резонов, между раем и адом, между небом и землей, скорее легенда, чем обыкновенная жизнь, – жизнь, где суждено остаться *всем прочим, включая и вас*, мистер Макгрэт.

– Где поют русалки, – вполголоса вставил я.

Хоппер говорил, вся семья вечно добивалась, вечно искала русалок – самой ослепительной и коварной грани жизни. «Где опасности, и красота, и свет. Одно сплошное сейчас. Сандра говорила, лишь так и можно жить».

Инес Галло, отметил я, изумленно открыла рот – видимо, не ожидала, что мне известна столь интимная подробность. Впрочем, она решила не вдаваться, лишь от души приложила к стакану.

– Марлоу Хьюз передознулась, – сообщил я. – Это тоже вы подстроили?

– Я попросила дилера хорошенько ее припугнуть. Кто ж знал, что он ее чуть не прикончит?

– Ваше сочувствие прямо за душу берет.

Она сверкнула глазами:

– И ей очень повезло. Хоть из квартиры выбралась. Сидит сейчас в Малибу, в апартаментах «Обещаний» с видом на океан, карабкается на первую, очень высокую, очень неприступную ступеньку двенадцатиэтапной программы трезвости.

– А Оливии Эндикотт вы что сказали?

Она пожала плечами:

– Ничего. Она за границей. Но я побеседовала с ее секретаршей. Уплатила девушке небольшое состояние, чтоб она шарахалась от вас, как от чумы, и своей нанимательнице ни слова от вас не передавала.

– А Морган Деволль? Почему у него сгорел дом?

– Хотел денег по страховке. Обстоятельства стесненные – двое детей,

работы нет. Я объяснила, кто я такая, протянула руку помощи. Он был очень отзывчив. Если опять на него выйдете, поклянется, что в жизни не видал ни вас, ни Александру. – Она удовлетворенно вздернула подбородок. – У всех есть своя цена, мистер Макгрэт. Даже у вас.

– Тут вы ошибаетесь. Кое-кто из нас не продается. Кто дом-то поджег?

– Тео с Борисом. Борис – давний друг семьи.

– А кто курил сигареты «Мурад»?

Вопрос явно ее раздосадовал.

– Тео. Любимая марка его отца.

И вновь она произнесла «его отец», а не «Кордова». Давала крюка, огибая опасный участок дороги.

– Много лет назад, – пояснила она, – он скупил весь мировой запас. «Мурад» перестали выпускать в середине тридцатых. Очень редкие сигареты. Он скупил все до последней пачки у всех захолустных коллекционеров по всему миру. Любил карамельный запах, шикарную упаковку, и вдобавок это единственное, что он помнил про своего биологического отца, испанца, – а отца он в последний раз видел в три года. Но особенно любил, как они горят. Ни на что не похоже. В фильмах сотни кадров с ними. Дым вздымается спиралью, как живой. «Клубком белых змей рвется на волю», – так он мне однажды сказал.

Ею овладел неожиданный пыл: горящие глаза возведены к потолку, губы возбужденно кривятся. Вспомнив про меня, она осеклась.

– Не понимаю, почему вам так важны эти детали, – раздраженно буркнула она.

– Так в них же дьявол. Вы не в курсе?

Она ответила мне взглядом, полным презрения:

– Ваших раскопок, мистер Макгрэт, хватит на всю жизнь. Может, пора уже вылезать из шахты – идите домой, тащите свои обломки угля, или что вы там накопили.

– Спровадить хотите. Как всех остальных.

Она невозмутимо пожала плечами:

– Делайте со своей информацией что угодно. Конечно, теперь ни одна живая душа вашу историю не подтвердит. Вы опять в гордом одиночестве со своими дикими заявлениями.

Ну да – одного за другим эта женщина устранила всех очевидцев до последнего. Невозможно не восхититься ее самодовольным педантизмом.

– А что с матерью Александры? С Астрид?

– Уехала. Куда-то в Европу. Ее драгоценное дитя мертво, Астрид здесь

больше ничего не держит. Слишком много черных воспоминаний.

– Но вас они не смущают.

Она улыбнулась:

– Мне только воспоминания и остались. Умру я – умрут и они.

Я поморщился, вдруг снова усомнившись в ее версии. Меня вдруг осенило, – может, напоследок, прежде чем навеки упокоиться, до меня донесся предсмертный шепоток магии: кирины и дьяволы, сверхъестественное могущество потрясающей женщины.

– Но я ездил в «Гребень», – сказал я. – Я туда проник...

– Правда? – вскинулась Галло. – И что там?

Тут я опешил. Что? От моего признания она, похоже, непритворно разволновалась.

– Правильная круглая поляна, где ничего не растет, – сказал я. – Подземный лабиринт. Павильоны. Нетронутые съемочные площадки. Все заросло и почернело. Я перешел чертов мост. И увидел...

Галло возбужденно ловила каждое мое слово, ждала продолжения, и я растерянно осекся.

– Кто там живет? – спросил я. – Кто следит за поместьем? Чьи там собаки?

Она потрясла головой:

– Я понятия не имею.

– Что? Вы... вы больше не работаете на семью?

– Вы не понимаете, да? «Гребень» отдали фанатам.

– Что?

– Кордовитам. «Гребень» теперь принадлежит им. Они его заповили. Многие живут там круглый год. Там опасный тематический парк, его за так отдали самым преданным. Это теперь такой тайный обряд инициации – паломничество, гуляешь среди его работ или в них тонешь. Пускай дерутся за «Гребень», ухаживают за ним, разоряют, царствуют как заблагорассудится. Он в «Гребне» давным-давно не бывал. Для него там все кончено. Он свою работу сделал.

Возможно ли такое? Люди, что гонялись за мной, псины эти, намалеванные спреем красные птицы. Меня терроризировали *фанаты*? Я еле переварил эти сведения, и выбора не осталось – я цапнул следующий вопрос, который Галло сама морковкой подвесила у меня перед носом:

– А где теперь он?

– Я все ждала, когда ж вы спросите. – Она отвела глаза, вперилась в пустоту, и лицо у нее было, как у дальноточника, что наблюдает, как перед ним бесконечно петляет одинокая дорога.

Мне внезапно привиделся тот пьяный репортер из Южной Африки, который предостерегал, что порой сюжеты заразны, что они как ленточные черви. «Ленточный червь, пожирает собственный хвост. Убивать бесполезно. У него нет конца. Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь».

В первый раз Инес Галло тепло мне улыбнулась. И я понял, что ошибался. Потому что вот он. Конец. Хвост червя.

Я его все-таки отыскал.

Поразительно: никакой охраны.

Я ждал горестной картины. А как иначе? Мужчин и женщин запихивают сюда, чтоб они дотянули до конца дней своих с глаз подальше, – эдакая Терра-Эрмоса. Я подумывал звякнуть Норе, позвать ее с собой, но, чуя, что она откажется, плюнул и не позвонил. Теперь я свернул с шоссе на ровную дорогу и заехал во двор, к букету кремовых указателей и оштукатуренных корпусов под красной черепицей. Пенсионное сообщество «Усадьба Эндерлин» изо всех сил старалось походить на испанскую асьенду, погруженную в очень долгую сиесту: зеленые насаждения, дворики, птичье чириканье, извилистая каменная тропинка, что призывно манила к главному входу, угнездившемуся меж кованых ворот.

Я глянул на бумажку, которую дала мне Галло.

«Усадьба Эндерлин». Квартира 210.

Из безлюдного вестибюля я на лифте поднялся на второй этаж и за стойкой узрел рыжеволосую медсестру.

– Я ищу квартиру двести десять.

– До конца коридора, последняя дверь.

Я зашагал по ковру, мимо сиделки, которая помогала какой-то старушке с ходунками. Дверь с номером 210 была закрыта, а рядом на синей табличке значилось имя – замечательно безликий «Билл Смит».

Я постучал, а когда ответа не последовало, повернул ручку. И очутился в просторной гостиной, скудно обставленной и омытой солнцем. Слева спальня с узкой кроватью, комодом, тумбочкой – абсолютно пустой, если не считать лампы и статуэтки Девы Марии, молитвенно сложившей руки. Ни фотографий, ни личных вещей, но Галло, несомненно, об этом позаботилась ради его полной анонимности или, как она выразилась, чтобы

изошли черные воспоминания. «Теперь ему нужен покой», – предостерегла она меня.

– Вы Билла ищете? – бодро спросил кто-то.

Я обернулся. На пороге стояла сиделка.

– Я его только что отвезла в утреннюю гостиную.

И объяснила, как пройти. Я вернулся к лифту, пошел дальше по коридору, мимо календарей «Мероприятия», мимо объявления о «Киновечере» – «Богарт и Бэколл снова вместе!»^[115] – и, миновав двойные деревянные двери, вступил в старомодный остекленный солярий. Светло, жизнерадостно – повсюду пальмы и цветы в горшках, белые плетеные кресла, серая каменная плитка. Из старого проигрывателя возле книжного шкафа, набитого дешевыми книжками, доносилось хлипкое классическое фортепиано.

В солярии былолюдно. За столами над пазлами и шахматными досками сидели старики и старухи – все двигаются точно под водой, волосенки – редкими клочками облаков. Среди обитателей усадьбы попадались сиделки – они тихонько читали вслух, а одна прикалывала какому-то старику на лацкан розовую гвоздику.

Но глаза мои обратились прочь от этой суеты к одному-единственному человеку.

Он сидел в дальнем углу, спиной ко мне. Смотрел в окно. Несмотря на кресло-каталку и стариковские тапочки, был он мускулист и до странности неподвижен.

Я направился к нему.

Он ничем не показал, что меня заметил. По-моему, он вообще ничего вокруг не замечал. Взгляд его – лишенный якобы неизменных чернильно-черных круглых очков – вперился в окно, где пустым озером в обрамлении деревьев раскинулась огромная лужайка, под полуденным солнцем зелено-золотая и твердая. У него была густая серебристая, ничуть не поредевшая шевелюра и изрядное пузо, скорее величественное и даже угрожающее, нежели толстое, – будто он, как некий греческий бог, обладатель неукротимых appetitов и темперамента, проглотил валун и это не убило его, а лишь крепко припечатало к земле. Он непринужденно раскинулся в кресле, и руки его – крупные руки ремесленника – расслабленно свешивались с подлокотников; он был точно король, что в изнеможении разлегся на троне. Я иным воображал его лицо – в нем было меньше уверенности, что ли, оно сильнее обвисло и огрубело.

Но я не усомнился, что это он.

Кордова.

Я даже различил поблекший вытатуированный штурвал на левой руке – такой же, как у Галло. Взгляд его брошенным якорем застрял где-то снаружи на лужайке. Он словно созерцал незримую картину – финальную сцену так и не снятого фильма или сцену, которую мечтал взаправду разыграть в жизни. Может, воображал, как идет по траве, и солнце греет спину, и ветер жмется к лицу. Или вспоминал родных, Сандру, что была неведомо где и где угодно.

Галло предупреждала, что он не в себе.

– Полгода назад Александра узнала, что снова больна, а через пару дней он рано лег в постель, – рассказала она. – Он всегда вставал в четыре – работать, жить. А тут не появился. Я встревожилась, зашла к нему. Он сидел в постели, опираясь на подушки, будто к нему среди ночи зашел поболтать призрак. Глаза распахнуты, смотрят в пустоту. Кататония. Как телевизор – включен, но канал всего один, и там только статика.

Я потрясенно выслушал все в мельчайших подробностях: как врачи, уверившись, что у него инсульт, перевели его в дом престарелых в Уэстчестере – «Усадьба Эндерлин», неподалеку от Доббс-Ферри, – как решено было записать его под именем Билла Смита, чтобы за ним не охотились, не досаждали ему, дали спокойно прожить остаток дней.

Поразительное, заметил я, совпадение – эта победа смерти, с обрыва внезапно рухнули две громокипящие жизни: сначала Сандра, потом Кордова. Говоря строго, он, конечно, не мертв, но все равно что мертв, если учесть, как он жил. Ни на что не отзывается, душа навеки заперта внутри или уже упорхнула.

– Это не совпадение! – рявкнула Галло, будто это слово ее оскорбило. – Он закончился, понимаете? Люди, чье предназначение осуществилось, люди, отыскавшие ответы на важнейшие вопросы – не все ответы, но некоторые, – они уходят как хотят. Они готовы. И он был готов. Он жил ровно так, как хотел, – безудержно, безумно, – а теперь готов к дальнейшему. Он выжал из себя всю жизнь до капли – осталась только высушенная груда нервов и костей. Я доподлинно знаю: через несколько месяцев он умрет.

Надо же, удивился я, какая деловитая, какая трезвомыслящая. Казалось бы, эта женщина только что лишилась средоточия своей жизни – солнца, властвовавшего над всем ее бытием. Но тут Галло подняла голову, и в глазах у нее стояли слезы – ждали моего ухода, чтобы хлынуть на впалые щеки. Она молча проводила меня к двери, протянула руку и обронила: «Ну, до свидания», хотя мы оба знали, что свиданий не предвидится. Не сказать, что мне уж очень понравилась Инес Галло,

да и она не то чтобы ко мне прониклась, однако мы без слов достигли некоего взаимопонимания, проросшего из удивительного общего корня: оба мы были зрителями, подхваченными ревущим шквалом по имени Кордова.

А теперь он сидел передо мной.

Хрупкий старик.

Я ни с кем не воевал. Преступления и ужасы, за которые я судил и приговорил Кордову, теперь казались смехотворными: я проживал день за днем в убеждении, что Кордова меня морочит, а он тем временем сидел здесь – вероятно, вот так же мирно любовался видом из этого самого окна.

Я невольно восхищался этим поразительным финалом.

Даже так последнее слово осталось за Кордовой.

Странные чувства сперли мне дыхание. Не исключено, что смех, но вполне вероятно, что рыдания. Ибо, глядя на этого человека, я понял, что гляжу на себя – я стану таким же, не успев и глазом моргнуть. Жизнь товарняком мчится к одной-единственной станции, и те, кого мы любим, пролетают мимо пятнами цвета и света. Ничего не удержишь, никак не замедлишься.

Я стоял подле него. Такой покой, такое одиночество. Я даже различал, как он дышит, – каждый вздох, что он одалживал у мира, а затем отпускал на волю. Не просто работали человеческие легкие – слабо завывал ветер, подхватывая камешки с далекого утеса над морем. Я спросил себя – еле сдержав волну чувств, вновь поднышующую в груди, – что, черт возьми, я скажу-то ему теперь, после всего, что я сделал и увидел, – если, конечно, мне хватит духу вымолвить хоть слово.

Или, может, – как ребенок, увидевший собранный скелет грозного динозавра, о котором грезил сутками напролет, читал с фонариком под одеялом, – я лишь протяну руку, коснусь его плеча и, возможно, через это касание постигну, каким он был при жизни, в расцвете, когда стихией бродил по земле, – чистым великолепием, а не посеревшими костями в витрине.

В конце концов я лишь подтащил стул и сел рядом.

И вместе мы сидели как будто много часов, глядели на пустую лужайку, на строгую зелень, очерченную безупречными границами, в эту пустоту, куда можно свалить все воспоминания и вопросы, то, что мы некогда любили и отпустили, и безмолвно все это перебрать. Вновь заметив, что играет музыка – фортепиано, бледное, безжизненное и неубедительное подобие того, что сыграла бы Сандра, – я понял, что этому человеку могу сказать только «спасибо».

Так я и сказал. А потом встал и ушел не оглядываясь.

Что рассказать о дальнейшем?

Точнее всего выразилась Марлоу Хьюз: «Поработав с Кордовой, ты возвращался в реальную жизнь – а ей как будто добавили яркости. Красный краснее. Черный чернее. Ты чувствовал глубже, будто сердце твое расросло, распухло, лишилось кожи. Ты грезил. И какие грезы!»

Я приехал домой из «Усадьбы Эндерлин», задернул занавески и проспал двадцать часов – черный и бескомпромиссный сон, похожий на смерть. Проснулся назавтра перед закатом – тени исполосовали потолок, и в умирающем свете улица зарделась с утонченностью воспоминания.

Моя прежняя жизнь, верная старая дворняжка, вновь меня приняла.

В некотором шоке я обнаружил, что уже декабрь. Несколько вечеров подряд ужинал с друзьями – большинство полагали, что я уезжал, путешествовал. Я их не разубеждал. Они не вполне ошибались.

– Выглядишь ты хорошо, – отмечали многие, хотя из их долгих взглядов я заключил, что это не совсем правда: во мне переменялось что-то еще, и они чувствовали, что туда лучше не лезть.

Я довольно праздно раздумывал, не осталось ли на мне следов проклятия: оно, конечно, не взаправду, но мало ли – вдруг ты, если некогда поверил, окончательно не опомнишься до самой смерти? Может, некие далекие мансарды в мозгу все-таки взломаны – двери выбиты, лампы раскопаны, столы перевернуты, шторы причудливо танцуют в распахнутых окнах, – и никто туда больше не заглянет, никто не наведет порядок.

Но я был благодарен друзьям – за общество, за необязательную беседу, которую забывал, едва начав. Я искренне вступал, я смеялся, заказывал вино, и утку, и десерт, и меня хлопали по спине, говорили, что рады меня видеть и чего ж это я так надолго запропал. Но временами я незримо выскальзывал из разговора, и смотрел снаружи, и недоумевал: может, я ошибся столом, ошибся жизнью? Я отдохновенно вздыхал оттого, что расследование завершилось, но невнятно сожалел, даже смутно тосковал и жаждал вернуться, вновь обрести нечто неопределимое – женщину, что околдовала меня, а я и не понял, пока она не исчезла.

Смешливые морщинки на чьем-то лице, грубые официантки с костлявыми руками, темные фигуры, спешащие по тротуарам неведомо куда, полные сумрака голоса, и такси, и попрошайки, и одна пьяная

девчонка, верещавшая раненой птицей, – все было омыто теплом и грустной красотой, которых я прежде не замечал.

Наверное, таковы последствия: я ведь достиг конца концов, и мрачная, безумная, блестящая повесть завершилась тем единственным манером, какой в реальном мире возможен, – смертные люди совершили смертные поступки, отец и дочь столкнулись со своей гибелью.

Потому что в словах Галло сомнений не осталось: прикинувшись страховым агентом из бестолкового отдела кадров, я позвонил в Центр Слоуна – Кеттеринга. Изложил несколько полуправд трем разным заместителям заведующего отделением, сообщил номер Сандриной карточки соцстрахования, почерпнутый из заявления о пропаже без вести – одного из немногих уцелевших документов, – и в течение двух дней мне все подтвердили три разных человека. Александра Гонкур лечилась в отделении детской онкологии в 1992-м и 1993-м, 2001-м и 2002-м и, наконец, в 2004-м – там и в Техасском университете в Хьюстоне.

Вечерами я возвращался домой по кривым тротуарам, мимо безмолвных таунхаусов, где полнились жизнью горящие окна. Звякали бокалы, улица всплескивала хохотом, когда распахивалась дверь бара, и звуки эти преследовали меня дольше прежнего.

После встречи с Сандрой я на водохранилище не возвращался, но теперь, узнав о ее болезни, пришел вновь.

Ничто не намекало на Сандру – ни вода, ни зеленый свет фонарей, ни кусачий ветер, ни тени, что бросались мне под ноги. Я бегал круг за кругом и неотвязно думал о том, как она шла в пакгауз, какая одинокая дорога ей выпала – вверх по ступеням, на край шахты, на край жизни, победить ее в гляделки.

Она уже умирала, когда пришла сюда. Ну да – я же помню ее походку. Она была слаба, психика ее пошатнулась, как выразилась Инес Галло.

Я смирился, но что-то меня грызло. Я давно догадался: Сандра разыскала меня, желая что-то рассказать – что-то важное, что-то подлинное, – но обратиться прямо не могла. Теперь даже этому нашлось объяснение: она боялась физически навредить тому, кто к ней приблизится, – вполне вероятно, поскольку узнала, что приключилось с Оливией Эндикотт или с татуировщиком Ларри.

И поэтому, видимо, она не подошла ко мне.

Историй про Сандру я наслушался вдоволь, и все повествовали об одном: Сандра добивалась правды. Сандра была антитезой слабости. Даже Паука она выслеживала только для того, чтобы простить. Поверить, что сюда Сандру пригнали бредовые фантазии, что она, как говорила

Галло, «обращала солому в золото, мастерски манипулировала»... что-то не складывалось.

Что хотела сказать мне Сандра?

Я потерял счет намотанным кругам, а потом, выжатый, с горящими легкими, ушел, дотрусил по Восточной Восемьдесят шестой до метро и сел в поезд, как в ту ночь.

Глядя на перрон, залитый резким и ярким неоном, я раздумывал, не удастся ли чистым усилием воли овеществить ее сапоги, ее красно-черное пальто, – может, она явится мне напоследок, чтобы я отчетливо разглядел ее лицо, раз и навсегда расшифровал, какую истину она таила.

Но никто мне не явился.

Даже прежняя афиша фантастического кино – бегущий человек с зачерненными глазами, – даже она исчезла, и ее сменил постер романтической комедии с Камерон Диас.

«Она не догоняет», – гласил рекламный лозунг.

Может, пора мне уже уловить намек.

Шли дни. Я собрал все свои материалы по Кордове – все, что от них осталось, – свалил в коробку, а коробку запихал в глубины кладовки. За мной тихонько наблюдал Септим.

Я отволок в прачечную гору грязной одежды, в том числе пальто Брэда Джексона. Но затем, глядя на эту грустную тряпку, заваленную горой моих рубашек на прилавке, я пережил припадок паранойи: это ведь последняя улика, последняя ниточка, связующая меня с безумием «Гребня». Если пальто почистят и погладят, сунут в полиэтилен, пришьют на плечо бумажку «Мы любим наших клиентов!» – исчезнут и мои воспоминания. Я неловко выволок изгвазданное пальто из кучи, а дома повесил в шкафу, позади Сандриногo красного пальто, и захлопнул дверцу.

Я хотел увидеть Сэм. Хотел услышать ее голос, и чтобы она тяжело повисла у меня на руке, и сощурилась на меня – но Синтия так ни разу и не перезвонила. Должно быть, молчание ее означало, что она вместе с адвокатами трудится над новыми условиями опеки, – она ведь пригрозила мне в травмпункте. Наконец ровно эту весть сообщил мне мой адвокат по разводу.

– Назначена дата слушаний. Она хочет ограничить ваши встречи.

– Как ей будет лучше.

Тут он встрепенулся – простая доброта всегда так действует на адвокатов.

– А вдруг ты больше не увидишь дочь?

– Я желаю Сэм благополучия и счастья. И на том доволен.

Тайком я, правда, как-то под вечер в декабре съездил на нее глянуть. День от холода посерел, гигантские снежинки недоуменно плыли с небес, забывая падать. Видеть меня Сэм не стоило, так что я прятался за редкими припаркованными машинами и грузовиком «ФрешДайрект», смотрел, как распахиваются блестящие черные двери школы, как на тротуар высыпают укутанные дети в пальтишках. К моему удивлению, у дверей поджидала Синтия. Она нацепила Сэм на руки черные варежки, и они зашагали прочь.

На Сэм было новое синее пальто. Волосы длиннее, чем я помнил, завязаны в хвостик под черной бархатной шляпкой. Она очень серьезно рассказывала Синтии какую-то историю прошедшего дня. Она повзрослела. У меня перехватило горло. Я вдруг понял, как стану жить отныне: жизнь Сэм замелькает предо мною, точно слайды в диапроекторе, которые я бесконечно листаю в темноте, – я увижу потрясающие воображение прыжки во времени, но непрерывную пленку – никогда.

Однако она счастлива. Я же вижу. Она совершенна.

Они перешли дорогу, и теперь я различал только синее и черное пальто. На Пятую авеню накатило цунами желтых такси и автобусов, а когда схлынуло, Сэм и Синтия уже пропали.

Оно пришло 4 января – электронное письмо от Норы, приглашение на ее нью-йоркский дебют в гендерно перевернутой «Гамлетте» на крошечной сцене Блошиного театра. На прослушивании Нора выступила удачно и выиграла в актерскую лотерею – получила настоящую роль за деньги. Играла она, конечно, всего лишь Бернарду (бывшего Бернардо), одну из стражниц замка Эльсинор, которая появляется только в первой сцене первого акта, а за каждый спектакль получала 30 долларов – но все равно.

«Я теперь настоящая актриса», – написала она.

Я пошел на премьеру. Едва погас свет и, ужасно шурша, раздвинулся тяжелый черный занавес, появилась Нора с двумя длинными косами – в луже голубого света она взбиралась на шаткую сторожевую башню,

сварганенную из фанеры. Играла она на удивление хорошо – все свои реплики сдабривала комическим большеглазым простодушием, очень мне памятным. Увидев призрак матери Гамлетты (который, по странному решению костюмера, нарядился в пояс для чулок и белую грацию, отчего смахивал на похмельное привидение, вышедшее прогуляться не из чистилища, а из мужского клуба «Бешеный конь» в Вегасе), Нора споткнулась, шарахнулась и наивно возвестила: «Здесь она!» и «Она ответила бы, да запел петух»^[116], и зал взорвался восторженным хохотом.

Пьеса шла без антракта. Когда мы все-таки дожили до финала (Офелию наложил на себя руки, передознувшись ксанаксом, Гамлетта собралась с духом и высказала все, что накопело, своей сволочной мачехе, и – наконец-то – Фортинбрасса и банда ее подружек, элегантно припоздав, явились в Эльсинор в нейлоновых мини-юбках, как из «Ледовых эскапад»), я не встал с кресла.

В опустевшем зале, как ни странно, остался еще один человек.

Ну конечно. Хоппер.

Он сидел в последнем ряду, в самой глубине. Наверное, прошмыгнул, когда выключили свет.

– Макгрэт.

Как и я, он принес Норе букет – красные розы. Подстригся. По-прежнему носил серое шерстяное пальто и «конверсы», но под пальто обнаружилась белая рубашка, которую он, похоже, нашел вовсе не на полу, а круги под глазами слегка побледнели.

– Как твои дела? – спросил я.

Он улыбнулся:

– Неплохо.

– И выглядишь ты неплохо. Бросил курить?

– Пока нет.

Он хотел было что-то прибавить, но взгляд его метнулся мне за спину, и, обернувшись, я увидел, как из-за занавеса выскользнула Нора. Я вздохнул с облегчением: она по-прежнему щеголяла в нарядах старого трансовестита – черные легинсы, парадная лиловая рубашка Моэ; она не изменилась. А то Нью-Йорк проделывает такие фокусы в мгновение ока: выглаживает тебя, вычищает, полирует и вспушивает, и ты выглядишь *хорошо*, но в точности как все остальные.

Нора чуть не задушила нас в объятиях и помахала на прощание товаркам из труппы.

– Райли, пока! Ты была сегодня чудесная! – (Райли, симпатичная

крашенная блондинка, играла Гамлетту и «Быть или не быть» произносила со всей весомостью, приличествующей вопросу «Постить или не постить».) – Дрю, ты в реквизиторской шляпку забыла.

Нора – сияющая, напитанная театром – натянула пальто и предложила перекусить. На ходу взяла нас под руки – Дороти вновь встретилась со Страшилой и Железным Дровосеком.

– Вудворд, как твои дела? Я по тебе скучала. Ой, погоди. Как Септим?

– Бессмертен, как обычно.

– Вы оба принесли цветы? Какие вы вдруг рыцари.

Мы зашли в «Одеон», допоздна открытое французское кафе на Западном Бродвее. Набились в кабинку, и Нора уставилась нам в лица, будто мы иностранные газеты, а она изголодалась по новостям с родины.

– Вы оба хорошо выглядите. Ой. – Она сдернула перчатку и показала внутреннюю сторону правого запястья с маленькой татуировкой. Единственное слово.

Посмею?

– Чтобы я никогда ее не забыла. – Она прикусила губу, нервно глянула на Хоппера. – Ты же не против, нет?

Он покачал головой:

– Сандре бы понравилось.

– Я ходила в «Восставший дракон». Но этот мужик, с которым мы говорили, – Томми? Он вернулся в Ванкувер, татуировал другой. Больно было – словами не передать. Но оно того стоило.

Про татуировщика Томми я напрочь забыл. Значит, Галло и его *спроводила*.

Мою гримасу Нора приняла за неодобрение.

– Я так и знала, что тебе не понравится. Но она же крошечная. И можно замазать гримом. И до свадьбы я сто раз успею ее свести.

– Какой свадьбы? – насторожился я.

– Когда-нибудь. Если у меня будет свадьба. Но, Вудворд, ты меня выдашь замуж? Я тут подумала – некому меня выдавать.

– Хорошо. При условии, что это будет через двадцать лет, не раньше.

В итоге мы пили и голосили до пяти утра: из «Одеона» ушли в Чайнатаун, на водопой без названия в автоматической прачечной, куда регулярно заходил Хоппер; оттуда в ночной клуб, где подруга Норы Максин работала хостесс; а оттуда в какой-то дешевый кабак на Эссекс-стрит, где резались в пул и оккупировали музыкальный автомат, игравший

«Нас разлучит любовь» «Джой Дивижн» («Это наш гимн», – сказала Нора, когда Хоппер, демонстрируя замечательные танцевальные навыки, кружил ее по пятаку). И оба рассказали, как прожили два месяца после распада нашей могучей стайки, гонявшейся за правдой о Сандре и Кордове.

Нора исполнилась решимости завоевать малые нью-йоркские подмостки и чередовала прослушивания по объявлениям из «За кулисами» с полноценной работой в «Здоровых плюшках» («Здоровые плюшки», детище Джозефины, Нориной хиппушки-домовладелицы, – аппетитная кондитерская, торговавшая веганскими, без сахара и клейковины, макробиотическими кексами в Ист-Виллидж). Нора показала нам свои портреты – с них она взирала через плечо, волосы прямые и струятся каскадом. «Нора Край Халлидей», – вычурным рукописным шрифтом значилось на фотографии. Будь у портрета голос, он сипло шептал бы с британским акцентом, как в «Театре шедевров»^[117].

– А без «Край» никак? – спросил я. – По-моему, Норы Халлидей вполне достаточно.

– Наоборот – хорошо, что через край, – возразил Хоппер.

Нора вздернула подбородок:

– Ты в меньшинстве, Вудворд. Как водится.

Она нагнулась над бильярдным столом и, сосредоточенно щурясь,шибанула по битку. В противоположные лузы сиганули три шара. Видимо, в Терра-Эрмоса имелась бильярдная, о чем Нора умолчала.

– Я, пожалуй, лет десять дам себе на взлет, – сказала она, обходя стол и целясь в следующий шар. – А потом слиняю, пока еще можно. Куплю ферму, чтоб холмы и ослы. Рожу детей. Вы оба станете ко мне приезжать. Будем вспоминать прошлое. Где бы ни были на свете, будем встречаться на один прекрасный день.

– Мне нравится, – сказал Хоппер.

– У меня есть парень, – прибавила она. – Зовут Джаспер.

– Джаспер? – переспросил я. – Небось, волосы прядями осветляет?

– Он первоклассный человек. Тебе понравится.

– Сколько лет?

– Двадцать два.

– Но *взрослые* двадцать два?

Она кивнула и отвернулась, вдруг застеснявшись, пошла вокруг стола, пряча от меня лицо.

Хоппер, как выяснилось, уже совсем было собрался уехать из Нью-Йорка, но, получив Норино письмо, отложил отъезд на неделю, чтобы напоследок повидаться с нами. От квартиры он отказался. Направлялся

в Южную Америку.

– В Южную Америку? – переспросила Нора, будто он объявил, что летит на Луну.

– Ага. Маманю отыщу.

В своей типической манере он не стал развивать эту соблазнительную преамбулу, однако я припомнил, как в день нашего знакомства он рассказывал, что его мать занята каким-то чудным миссионерством.

Нора погрызла ноготь, примостилась на краешке бильярдного стола.

– А потом ты что будешь делать? – спросила она.

– Потом... – Он улыбнулся. – Что-нибудь прекрасное.

Мы заказали текилы «Патрон», еще потанцевали, снова запустили музыкальный автомат, и мой «стариковский винтаж», как выразилась Нора, – «Дорз», «Все говорят» Гарри Нилссона и «Не поверишь» Элвиса Костелло – перемежался Хопперовыми модными предпочтениями: «Настоящей любовью» «Бич Хаус» и «Кожей ночи» «M83»^[118].

И рядом все время была Сандра – незримый четвертый участник нашего маленького праздника. Мы все остро ее чувствовали, хотя называть ее по имени не было нужды. И Нора, и Хоппер явно досказали себе историю ее жизни и смерти. Они верили в Сандру без вопросов, без сомнений. Благодаря ей их мир выправился, даже стал лучше. Они по-прежнему верят в миф, рассуждал я, в миф о проклятии дьявола. Они так и живут в зачарованном мире, где Сандра – не пациентка, подкошенная раком, но необузданный ангел мщения, а Кордова – не кататоник в богадельне, но злой король, сокрывшийся в неведомом. До конца своих дней, едва ключи от машины станут необъяснимо перемещаться по комнате, едва в газете напишут о детях, пропавших без следа, едва кто-нибудь неизвестно почему разобьет им сердце, они смогут обращаться к этой магической реальности.

Ну еще бы, подумают они. Это же *магия*.

Мы словно вместе побывали на войне. В чаще джунглей, в одиночестве я полагался на этих чужаков. Они поддерживали меня, как умеют только люди. А когда все закончилось – когда настал финал, похожий не на финал, а на усталую ничью, – мы расстались и разошлись. Но мы навеки связаны исторической этой историей, просто потому, что оба они видели мои больные места, а я – их, болевые точки, которых никто, даже друзья и близкие, не видели и, вероятно, не увидят никогда.

И в паузе между смехом, и шутками, и музыкой нас объяло долгое молчание. Мы сидели рядом на деревянной скамье под мишенью для дротиков и неоновой рекламой пива «Курс Лайт». И в этом молчании я

разглядел свой шанс – шанс открыть правду.

Я смотрел на профиль Хоппера, затылком привалившегося к стене, на золотые пряди Нориных волос, прилипшие к покрасневшей щеке, и в голове моей кричали слова.

Вы не представляете, что она от нас скрыла. То была окончательная победа жизни над смертью – никогда не сдаваться болезни, никогда не переставать жить.

Пожалуй, Сандра вовсе не бредила в последние дни своей жизни, что бы ни внушала мне Инес Галло с таким упорством. Быть может, проникая людей и душу человеческую жгучей интуицией, которой даже Галло у нее не отнять, Сандра замыслила вот эту самую минуту. Быть может, она планировала, что с ее смертью мы трое отыщем друг друга. И поэтому выбрала пакгауз. Знала, что я приду в поисках улики – и встречу Хоппера, который явится по обратному адресу с конверта. И зачем еще она оставила Норе пальто?

Минута уплыла. Хоппер скатился со скамьи, зашаркал к бару, поставил новую песню на замолкшем музыкальном автомате, а Нора ушла искать уборную.

А я все сидел.

На этом и закончим. Однажды я расскажу правду им обоим. Но сейчас, сегодня, пусть они сохраняют свой миф.

Спустя много часов бар закрылся, а ослепительные огни выключились, рассеяв мираж вечности. Пора было уходить. Я напился вдрызг. Снаружи я обнял их обоих и объявил пустынному городу – Нью-Йорк наконец-то задремывал и лишился дара речи, – что они двое – из лучших людей, какие мне встречались.

– Мы семья! – заорал я на пятиэтажку, и голос мой отчасти поглотила безлюдная улица.

– Мы ты слышим, Арета, ^[119] – отвечал Хоппер.

– Ну мы правда семья, – сказала Нора. – И это навсегда.

– С вами двоими, – продолжал я, – миру не о чем беспокоиться! Слышите меня?

Нора, хихикая, обхватила меня руками и попыталась отодраться от телефонного столба, с которым я обнимался, точно Джин Келли в «Поющих под дождем» ^[120].

– Ты наклюкался, – отметила она.

– Ну еще бы я не наклюкался.

– Пора идти домой.

– Вудворд *никогда* не ходит домой.

Гуськом шагая по тротуару, мы примолкли, понимая, что вот-вот расстанемся, что, возможно, встретимся очень и очень нескоро.

Мы поймали такси. Так поступают в Нью-Йорке, когда ночь на исходе, – набиваются вместе в грязный желтый дилижанс с безликим кучером, и тот развозит всех по тихим улицам в относительной целости и сохранности. Ночь аккуратненько сложат и уберут – когда-нибудь достанут, стряхнут с нее пыль, вспомнят как одну из лучших в жизни. Мы забрались в такси; Нора села в середине, и привядшие розы лежали у нее на коленях. Хоппер вписывался на диване у друга на Дилэнси-стрит.

– Вот прямо здесь, – сказал он таксисту, постучав в стекло.

Такси затормозило, и Хоппер обернулся ко мне, протянул руку.

– Ищи русалок, – сипло сказал он. И опустил голову, чтобы я не заметил слез. – Сражайся за них.

Я кивнул и изо всех сил его обнял. Потом он нежно поцеловал Нору в лоб и вылез из такси. Сразу в подъезд не пошел, постоял на тротуаре, посмотрел, как мы уезжаем, – темный силуэт, облитый оранжевым светом фонарей. Мы с Норой глядели в заднее стекло – не отрывая глаз от этого кино, не моргая, не дыша, потому что в считанные секунды оно обернется лишь воспоминанием.

Хоппер поднял руку – помахал, отсалютовал. И такси свернуло.

– А теперь на Стайвесант, перекресток с Восточной Десятой, – сказал я таксисту. – Около Святого Марка.

Нора уставилась на меня.

– Ты мне говорила, где живешь, – пояснил я.

– Я не говорила. Я нарочно *не сказала*.

– Да сказала ты, Бернстайн. Забывчивая ты стала к старости.

Она фыркнула и скрестила руки на груди:

– Ты за мной шпионил.

– Не-а.

– Шпионил. Я же вижу.

– Умоляю тебя. Вот мне заняться больше нечем, только обо всяких Бернстайнах переживать.

Она насупилась, но когда такси подкатило к ее дому, с места не двинулась, так и смотрела прямо перед собой.

– Ты меня не забудешь? – прошептала она.

– Это физически невозможно.

– Обещаешь?

– Тебя хорошо бы поставлять с таким ярлыком, знаешь: «Не снимать

этот ярлык. Не то полюбите ее – и привет».

– С тобой все будет нормально?

Она вгляделась в меня – это был серьезный вопрос, она тревожилась.

– Конечно. И с тобой тоже.

Она кивнула – кажется, сама себя уговаривала, – потом вдруг улыбнулась, будто вспомнила мою старую шутку, которая дошла до нее только сейчас. Подалась ко мне, поцеловала в щеку. И, словно вот-вот спадет заклятье, вылетела из такси, хлопнув дверцей, и взбежала на крыльцо, таща свою свинцовую сумку и обнимая целую кучу роз.

Отперла дверь, перешагнула порог. Но затем медленно обернулась, и ее волосы позолотила незримая лампа за спиной.

Улыбнулась в последний раз. Дверь затворилась, улица замерла.

– Ну вот и все, – прошептал я скорее себе, чем таксисту.

Откинулся на спинку сиденья, и когда мы отъезжали, меня омыл бледно-желтый свет.

Случайно повезло. Но вообще-то, вся жизнь такова.

Было это через несколько дней после нашей гулянки с Хоппером и Норой – меня только-только стало отпускать похмелье. Я открыл Септиму клетку, чтоб он слегка поразмял крылья. Рывком отодвинул кожаный диван от стены и обнаружил, что в щели застряли три черно-белые возвратные свечи, подарок Клео.

Я напроць о них забыл. Видимо, завалились за диван, когда мой кабинет ограбили.

Свечи мы толком и не жгли – других дел было невпроворот. Но почему бы не закончить начатое? Я поставил свечи на блюдо и зажег все три. Спустя несколько часов, когда я сидел на диване со скотчем и «Уолл-стрит джорнал», они догорели – остался лишь ободок белого воска. Потухла первая, затем вторая – будто ждали, пока я обращу внимание: фитили на миг вспыхивали оранжевым, затем гасли. Третий огонек еще подержался, заметался, не желая сдаться, не желая умереть, но затем погас и он.

Тут я заметил, что звонит мобильный.

– Алло? – сказал я, даже не глянув на экран.

Я предвидел звонок бухгалтера, который уведомит меня, что мои сбережения на исходе и пора либо проситься на должность преподавателя,

либо подумать о новом расследовании – на сей раз таком, чтоб мне за него заплатили.

– Скотт? Это Синтия.

Меня скрутил страх.

– Сэм здорова?

– Да. Она прекрасно. Ну, то есть нет, неправда. – Она глубоко вздохнула. – Тебе сейчас удобно говорить?

– Что случилось?

Синтия, похоже, была расстроена.

– Прости. Что не перезванивала. Я думала, так будет правильнее. Но она безутешна. Скотт то, Скотт се. Плачет. Это невыносимо. – Синтия и сама готова была разрыдаться. – Тебе удобно побыть с нею в субботу?

– В субботу удобно.

Она хлюпнула носом.

– Может, она на ночь останется.

– Это будет прекрасно.

– Хорошо. Ты как, кстати?

– *Теперь* я шикарно. Как у тебя?

– Хорошо. – Она тихонько рассмеялась. – Так что, в субботу? Джинни вернулась. Вылечила свой моноклеоз.

– В субботу.

И мы дали отбой. А я глаз не мог отвести от этих свечей.

Они вели себя весьма невинно – тремя длинными дымными нитями вышивали по воздуху.

Остро сознавая, что произошло чудо, в субботу я на пороге встретил Сэм с Джинни в поводу.

Зимний день выдался ясный, упругий и ясноглазый, как подросток, – синее небо, ослепительное солнце, двухдневный снежок скрипел под ногами, как глазурь на торте. У меня отказали тормоза: оладьи с лимоном и рикоттой в «Сарабетс»; экскурсия по «ФАО Шварц», где Сэм немало заворожил африканский слон из коллекции «Сафари», в натуральную величину и за тысячу двести долларов («шкура тщательно вырезана опытными мастерами вручную», как гласила этикетка), но слона Джинни на правах няни тотчас запретила. Джинни мы потеряли после мороженого в «Плазе»; на сахарном отходняке она предпочла отказаться

от блистательной кульминации дня – катка «Уоллмен-ринк» в Центральном парке – и уговорила дожидаться нас у меня дома.

– Пожалуйста, осторожнее, – сказала Джинни, смерила меня суровым пронизательным взглядом и рухнула в такси.

Но дела шли гладко, за исключением одной шероховатости: левая нога Сэм почему-то не влезала в ботинок. Ей, кажется, терло где-то в районе щиколотки, Сэм морщилась, и тогда я сдернул конек и разогнул ботинок пошире, фальшиво напрягаясь, точно претендент на Мистера Вселенную в финале, отчего Сэм немало похихикала, а потом мы вышли на лед, отец и дочь, рука в руке. На катке было не продохнуть от туристов – исконным ньюйоркцам такое легкомыслие не дается, – и когда нас проглотила толпа, мы словно окунулись в море радости. Повсюду – разноцветные куртки, и смех, и шипящие «вушшш», а над головой вздымались Южная Центрального парка и Пятая авеню.

По пути назад, по мощеному тротуару Пятой, случилось хорошее: Сэм сообщила имя своей лучшей подруги – Дельфин. В свои шесть девчонка была шикарней некуда и родилась в Париже.

– Дельфин приезжает в школу на лимузине, – отметила Сэм.

– Вот и молодец. А ты как в школу приезжаешь?

– Меня мама пешком приводит.

Слава богу, Брюс своим «бентли» не щеголяет. Я мысленно поставил зарубку: надо бы последить за старушкой Дельфин. Оглянуться не успеем, а она уже будет лазить из окон спальни.

Сэм хотела показать мне новые щитки, и футбольные бутсы, и недавно выучила разницу между Фаренгейтом и Цельсием. Еще ей ужасно нравилась новая учительница физкультуры, девушка по имени Люси, которая была счастливо замужем за преподавателем геонауки мистером Лукасом. Обо всем этом Сэм высказывалась тихо и категорично, все разъясняла начальственно, а я играл веселого, но невежественного подчиненного. Еще она помянула немало нормальных имен – Клара; собака (или очень невезучий мальчик) по имени Маэстро; мистер Фрэнк; какой-то «Круг небылиц», – будто я прекрасно знаю, кто и что все это такое. И это меня тронуло: значит, Сэм кажется, будто я ежеминутно рядом, будто я всегда вижу то же, что она.

Поздоровавшись с двумя встречными таксами, Сэм объявила, что готова ехать домой. Я спросил, понравилось ли ей сегодня. Она кивнула.

– И еще – слышишь, зайка?

Она уже зевала.

- Помнишь игрушку, которую мама нашла у тебя в пальто?
- Вопрос ее, видимо, заинтриговал, и она уставилась на меня.
- Такая, э-э, черная змея, – уточнил я как можно небрежнее.
- Дракон, из-за которого мама сердилась? – спросила Сэм.
- Да, дракон, из-за которого сердилась мама. Откуда он у тебя взялся?
- От Сандры.

Я изо всех сил постарался изобразить невозмутимость.

- А где ты познакомилась с Сандрой?

- С Джинни, на площадке.

С Джинни, на площадке.

- Это когда было?

- Давно. – Сэм опять зевнула – глаза у нее комически слипались.

- Ты с ней разговаривала?

Сэм покачала головой:

- Она была далеко.

- Очень далеко?

- Она стояла, где машины, а я на качелях качалась.

- А как же она дала тебе дракона?

– Оставила, – произнесла Сэм с учительским раздражением, будто объясняла мне все это сто раз.

- Когда? На следующий день?

Она невнятно кивнула.

– Ну хорошо. Ты самая прозорливая судия нравов, какую мне доводилось встречать, и я очень ценю твое мнение. Какая она была? Сандра?

Вновь услышав имя, Сэм слабо улыбнулась. Однако глаза у нее уже закрывались.

- Она умеет волшебю... – прошептала Сэм.

- Что? Сэм?

Но она отключилась, голова привалилась к моему плечу, руки на коленях как будто держат невидимый букет фиалок. На Перри-стрит я отнес Сэм наверх поспать, но в семь Джинни разбудила ее и переодела в облачную пижаму. Мы посмотрели «В поисках Немо». Я приготовил омлет из белков. Когда Джинни отбыла наверх вынуть контактные линзы – похоже, на секретном языке это означало звонить парню, – Сэм осталась тихонько ужинать за кухонным столом.

Мне выпал шанс еще расспросить ее про Сандру, разобраться, как же так вышло, но едва я сел рядом, Сэм поглядела на меня, медленно жуя, плотно стиснув губы, словно прекрасно знала, о чем я сейчас спрошу,

и весьма опечалена, что я так и не понял. Проглотив, она отложила вилку, взяла меня за руку, погладила ее, словно одинокого кролика в зоомагазине, и потянулась за стаканом молока.

И я понял – ну конечно, – что Сэм рассказала мне все.

Она умеет волшебю.

Назавтра я крепко-крепко обнял Сэм на прощание, поцеловал в щеку, затем в горячую головушку. И спросил:

– Я тебя люблю больше... как там было?

– Солнца плюс Луны.

Я обнял Синтию. Она не ожидала.

– Ты великолепна, – прошептал я ей в волосы. – И всегда была. Прости, что не говорил.

Она ошалело глядела мне вслед, а я прошагал по вестибюлю и улыбнулся двум консьержам, бесстыдно наострившим уши:

– Слыхали? Эта женщина великолепна!

Дома я опять выволок продавленную картонную коробку и разложил на полу немногочисленные бумаги.

Взаперти, в шестиугольной шкатулке, – что я узнал о себе? «Ты даже не понял, где она открывается». Это подсказка: я не понимаю всего – не вижу всей картины.

Может, я *по-прежнему* ошибаюсь. По-прежнему не вижу того, что видела даже Сэм. И Нора. И Хоппер.

Все трое верили в Сандру. А я нет.

А если я поверю слепо, как Хоппер, как Нора – как Сэм? Слепота ли это, или они смотрели так, как я не умел? А если я пушу по ветру все резоны и здравый смысл – пускай глупо улетают с глаз долой, а я тем временем поверю в колдовство, в черную магию, в Сандру? Я сжег возвратные свечи, и в мою жизнь вернулась Сэм. Да, можно сказать, что это так совпало – едва они догорели, позвонила Синтия, – но если это не совпадение? А если черная магия пробудилась вновь и твердит, что она подлинна?

А если я на чистой вере прыгну в пропасть и приму за данность, что свет истины в моем расследовании несет не Инес Галло, но Сандра? А если Сандрина психика вовсе не шаталась? Да, она болела – и что с того? Она верила, что рак – очередной симптом проклятия дьявола. Почему бы

и нет? Допустим, улики из «Гребня» – измаранная мальчишеская рубашка и звериные кости – ничего не доказывают, но они и не опровергают моих подозрений: Кордова практиковал черную магию вместе с горожанами, его ночное кино – не вымысел, но подлинные документальные хорроры, он использовал детей, дабы снять с дочери проклятие, а может даже, как намекал Паук, пересек черту и какой-то ребенок пострадал.

«Ради его безопасности Галло способна на все». Это я прочел на «Черной доске». Странное дело: от *меня* она решила его не защищать. Направила напрямик к нему.

Или нет?

Бекман предупреждал, что мне может повстречаться фигура на перекрестке жизни и смерти. «Это будет обманка, подмена, чтобы даровать свободу настоящему. Любимый персонаж Кордовы. Разум Кордовы вызывает его к жизни постоянно, что бы ни случилось».

И этим персонажем вполне мог быть человек в богадельне, неизвестный, подле которого я сидел.

Билл Смит.

Он мог оказаться кем угодно – любым грузным и кряжистым стариком, которому дряхлость и немота помешают осознать, что его выдают за Кордову. Вытатуированный штурвал – не решающее доказательство. Может, его нарисовали – или даже сама Галло вытатуировала во мраке ночи, пока отвлеклась сиделка. В «Усадьбе Эндерлин» нет охраны – с любым древним чужаком Галло вольна была поступать как заблагорассудится, и тот выступил бы правдоподобным дублером ее повелителя и господина – *дабы даровать свободу настоящему*.

Она хотела, чтобы Кордова освободился.

Может, Галло при Кордове – наемный палач, подкарауливает всякого, кто подбирается слишком близко, знает слишком много. Поджидала, пока я неловко вскарабкаюсь на последнюю плаху, дабы нацепить мне на голову джутовый мешок, а затем и петлю, безжалостно выбить опору у меня из-под ног, чтобы я, брыкаясь и задыхаясь, полетел назад к реальности, где, несомненно, и останусь.

«Я живу в реальном мире, – сухо заявила она. – *И вы тоже*».

Это был приказ, директива. Галло выдала мне инструкции, полагая, что я выполняю их добровольно, поскольку я реалист, скептик, прагматик. И однако слова «реальный мир» она произнесла не без яда, будто не бывает пожизненного заключения прискорбнее.

«История Александры теперь навеки пребудет той, которую сочинила

она, в которую она всегда верила. За пределами резонов, между раем и адом, между небом и землей, скорее легенда, чем обыкновенная жизнь, – жизнь, где суждено остаться всем прочим, включая и вас, мистер Макгрэт».

– Где поют русалки, – пробормотал в ответ я.

«Русалки». Отчего-то слово это насторожило Галло. А если она занервничала, это означало только одно: ей стало неудобно, потому что я слишком близко подобрался к подлинному Кордове.

Чтобы найти связь, мне понадобилась вся ночь, весь день и еще одна ночь. Я не спал. Спать не требовалось. Я восстанавливал украденные заметки, описывал всех наших очевидцев, все, что я пережил в «Гребне», каждый шепоток о Кордове, что до меня доносился.

И когда разглядел, сообразил, что всю дорогу искомое было у меня под самым носом.

Сторожка. Особняк. Озеро. Конюшня. Мастерская. Дозор. Трофейные. Пинкая Негро. Кладбище. Миссис Пибоди. Лаборатория. 0. Перекресток.

Слово было намалевано над одним из тринадцати черных ходов в лабиринте «Гребня».

Пинкая. Это же такая русалка.

«Несравненная красавица, пышная и чувственная, с длинными светлыми волосами, она восстает из морских глубин, – сообщала статья в «Википедии». – Наделяет богатствами или тягостной нищетой, и все смертные на суше живут, выполняя ее прихоти». Существо было замечено в одном-единственном месте на Земле – подле уединенного острова Чилоэ у побережья Южной Америки.

Ла Пинкая – лишь одна из сонма мифических существ, населяющих земли и прибрежные воды острова, одиннадцать месяцев в году окутанного густым туманом и дождем. Унылый, неприветливый остров, один из самых отдаленных на планете, хранитель легендарной колдовской истории.

Я припомнил деталь, упомянутую Клео в «Чарах» при первой встрече, когда она изучала состав Сандринового заклятия черной кости.

«Я тут вижу темный песок и водоросли, – сказала Клео. – Видимо, она это собрала в каких-то экзотических краях».

Об острове Чилоэ сведений нашлось немного, но в блоге какого-то испанского туриста я наткнулся на другую зацепку.

Пуэрто-Монт.

Последний город континентального Чили – и затем страна сухим печеньем крошится на сотни островов. Блогер перебрался из Пуэрто-Монта в другой город, Паргуа, а оттуда паромом на Чилоэ. Не считая редких

примитивных аэродромов, добраться до острова можно только морем.

Я помнил, что этот город мне недавно попадался, и после часа розысков нашел источник: «Охотник и природа», статья об исчезновении Рейчел Демпси в Непале – Рейчел Демпси, которая сыграла Ли в *La douleur*. Испарилась посреди охотничьей экспедиции, никаких следов не обнаружено, но ее спутниковый телефон включали в Сантьяго – короткий звонок в Пуэрто-Монт.

Я восстановил интервью Пег Мартин в Вашингтон-Сквер-парке. Помнится, она упоминала, что у Тео Кордовы был роман с женщиной на десять лет его старше, с женщиной по имени Рейчел, сыгравшей где-то у Кордовы.

Я сопоставил даты: весной 1993-го, когда Пег Мартин приезжала на пикник, Рейчел Демпси было двадцать семь. А Тео всего шестнадцать – одиннадцать лет разницы.

Ну что ж, близко. Видимо, Рейчел и Тео были вместе. Но чего именно Рейчел ждала от непальской экспедиции? Планировала исчезнуть с лица земли? Испариться без следа, а потом всплыть где-нибудь на острове и там... что? Воссоединиться в раю со своим возлюбленным Тео? Что там такое, на этом острове?

Архитектура уникальна. *Palafitos*, скромные хижины на шатких сваях, разноцветные – розовые, голубые, красные – походили на длинноногих водяных клопов, что роились вдоль берега – отнюдь не тропического и райского, но тернистого и серого, с острыми скалами и темной водой, пропитавшей пляж.

Я уже видел такие дома.

В «Подожди меня здесь», в оранжерее Райнхартов, в сарае Попкорна. Открытка на пробковой доске – там были точно такие дома. Хорошо, что мне хватило дальновидности снять открытку и прочесть анонимные три слова на обороте.

«Скоро ты приедешь».

Мало того. Церкви Чилоэ не походили ни на какие церкви мира – помесь культуры европейских иезуитов и исконных традиций коренного островного населения. Строгие, крытые дранкой, точно облезлой драконьей чешуей, острые шпили увенчаны тощими крестами. Их тоже ярко красили, как и *palafitos*, что, впрочем, приводило на ум не праздник, а зловещую бодрость клоунской физиономии.

Где-то я такое уже видел. Я перерывал бумажки на полу, пока не отыскал.

В статье «Вэнити фэйр» Сандрина соседка по общежитию упоминала, что,

когда Сандра уехала, ни слова не сказав, «остались только три фотографии» за комодом. В журнале приводились эти снимки – артефакты утраченной жизни Сандры, иллюминаторы в ее мир. Я тогда толком и не взглянул.

А теперь всмотрелся в первую фотографию, и от потрясения меня повело.

На снимке была маленькая мрачная церквушка. Не точная копия, но та же архитектура, что у церквей на острове.

На втором снимке – массивная черная скала на пляже, и над нею кружат чайки. В центре скалы мистическая дыра, будто Господь провертел ее пальцем, по озорству сотворив пустоту в мире. Скалу я не узнавал.

Но на третьем была стая черношейных лебедей – у одного на спине птенец. Черношейные лебеди, прочел я в «Википедии», обитают главным образом в Южной Америке, однако гнездятся и выводят птенцов лишь в немногочисленных областях, в том числе в южных районах Чили, куда входит и Чилоэ.

Сандра вполне могла побывать на острове. Видимо, оттуда и поляроидные снимки.

Я посмотрел вид со спутника в «Гугл Планета Земля». Часть центрального острова, *Isla Grande*, и почти все мелкие островки, веснушками рассыпанные вокруг по синему морю, скрылись за серебристыми облаками.

Значит, что получается? Все улики безмолвно вели меня сюда?

Галло так рьяно швартовала меня к «реальному миру», «обычной жизни», из кожи вон лезла, чтобы я не гнался больше за Кордовой – куда?

В голове гулко отдавались голоса – они предостерегали меня, и едва ли не громче всех вопил поседевший и постаревший алкоголик, репортер из бара в Найроби. Нависнув над стаканом, в заляпанной куртке хаки и штанах военного образца, он повествовал о судьбе трех журналистов, работавших над проклятым делом, делом без конца, ленточным червем.

Один свихнулся, бродил по улицам и бормотал какую-то чушь. Другой слинял и спустя неделю повесился в гостиничном номере в Момбасе. Третий просто испарился, бросил семью и должность в итальянской газете «Коррьере дела Сера».

«Она заразная, – бубнил этот мужик. – История. Бывает такое».

Я задумчиво откинулся в кресле. Септим, в недоумении отметил я, летал теперь, как никогда не летал прежде. Пьяно врезался в потолок и окна, в постер «Самурая», хлопал крыльями по стеклу в возбуждении – или в панике от того, что я задумал и куда собрался?

Ибо теперь я заметил, что судьба троих репортеров отчасти роднит их

с актерами Кордовы – с теми, кто, уехав из «Гребня», так и не вернулся к обычной жизни, с теми, кого унесло на край света, о ком по сей день ни слуху ни духу. С теми, кто стал незрим и непостижим, ушел за пределы досягаемости.

И со мной сейчас происходило то же самое.

Так ведь? Я шел по их следам, сам себя посылал на край земли. Это побег или мне дарована свобода?

Я не узнаю, пока не увижу, есть ли там что – и что там есть.

Спустя четыре дня я сел на самолет до Сантьяго, а там пересел на другой, до Пуэрто-Монта.

Через аэропорт Эль Тепуаль я прошел к выдаче багажа, где кишмя кишели дети, обнимались семьи, висели таблички «INFORMACIÓN»^[121] и «Прокат автомобилей». Отыскал свой армейский вещмешок, что одиноко лежал на багажной карусели, будто ждал меня много месяцев.

На такси я доехал до автовокзала и сел в первый же автобус до Паргуа. Автобус был набит битком – половину сидений заняли буйные пацаны в белых гольфах и хор, исполнявший мадригалы под руководством покрытого испариной дирижера, в любую минуту, похоже, готового уволиться. Рядом со мной села старуха, покосилась подозрительно, но потом задремала, и ее голова нежно тыкалась мне в плечо, как буюк в морской зыби. Автобус наш, этого старого пожелтевшего зверя с намаляванными на боках грязными радугами, потрясло и покачало по улицам, меж баварских шале и людных кафе, а потом выплюнуло за город.

Паром на остров Чилоэ ходил каждые двадцать минут. Билет стоил доллар. По ветром взболтанному морю я отчалил в большой и громогласной группе туристов, столпившихся на верхней палубе. Какая-то итальянка все отмахивалась от собственных волос, летевших ей в лицо, а ее парень фотографировал. Заметил меня, с улыбкой спросил, не щелкну ли я их вдвоем. Щелкая, я поневоле размышлял, не настанет ли день, когда некто выследит их и покажет им мой портрет, как я показывал Сандрин.

Узнаете его? Он с вами говорил? Как он был одет? Как он держался? Вам не показалось, что он странный?

В одиночестве стоя у поручней, вдали я разглядел остров.

Он прорисовывался, как женщина, что выступает из-за занавеса, неторопливо и расчетливо: темно-зеленые покатые холмы, мазки белой дымки вдоль берега, тусклые огни, мигающие сквозь зелень, телефонные столбы с путаницей проводов, убогонький пляж. С минуту подле парома, подле меня летела крупная черно-белая птица – качурка, что ли: ныряла к воде, взлетала, разок страшно прокричала нам что-то, а потом свернула на новом порыве ветра, и ее поглотило море.

Мы выгрузились в Чакао, обшарпанной деревушке запущенного вида – как любые места, откуда все вечно уезжают. Затем примерно в той же компании, что на пароме, я автобусом добрался до Кастро – самого большого городка на острове, – где заселился в гостиницу *Unicornio Azul*^[122]. Проглядеть ее было невозможно: ярко-розовое здание на мокрой серой улице. Я читал, что гостиница оживленная, населена местными и туристами, путешествующими задешево, славится вкусной едой и беседами по-английски. Номер был обклеен поблекшими голубыми обоями, койка лишь чуточку больше объемистого телефонного справочника Сантьяго на тумбочке. Я принял душ, стоя подле унитаза (в ванной размером с телефонную будку), а затем, чисто побрившись, пошел вниз на поиски ресторана. Заказал кислый писко, местный напиток, как объяснила мне официантка, а когда она задержалась у столика и спросила, не австралиец ли я, предъявил ей статью из «Вэнити фэйр» и поинтересовался, не узнает ли она ненароком достопримечательности с фотографий.

От вопроса моего интрига сгустилась необычайно.

Не прошло и минуты, как два моих сотрапезника и бармен-голландец столпились вокруг стола, по-испански дискутируя о снимках – и, вероятно, обо мне. Заседание постановило, что церквушку никто не узнаёт, однако один местный – угрюмый темнокожий человечек, который, побуждаемый официанткой, приковылял к нам неуклюже, как бы намекая, что в воде ему по привычке, – заявил, что мальчонкой видел черную скалу с дыркой где-то у побережья к югу от Кикави. (Мужику было, необходимо отметить, сильно под восемьдесят.)

– Кикави? – переспросил я. – Как мне туда попасть?

Но мужик лишь выпятил подбородок, скривился так, будто я его оскорбил, и заковылял к своему столику.

Официантка покаянно склонилась ко мне:

– *Chilote*, местные, мы *muu superticiosa* насчет Кикави. Это на север. С час езды.

– Почему вы суеверны насчет Кикави?

– Туда приезжает человек.

– Какой человек?

Она расширила глаза, будто не знала, с чего тут и начать-то, а потом убежала.

– Вы, главное, на ночь глядя не ездите, – посоветовала она через плечо.

Бармен-голландец надоумил меня взять напрокат машину у его друга дальше по улице – тогда я попаду в Кикави до заката («до заката» было ключевым пунктом инструкций), и поэтому, не прошло и часа, я очутился за рулем зеленого внедорожника «судзуки-самурай» годов восьмидесятых и петлял по дороге без обочин, куда еле-еле втиснулись бы две машины разом. При мне был паспорт, все мои деньги, в долларах и чилийских песо, мобильник, перочинный ножик и компас Попкорна.

Я ехал, поглядывая на карту и компас, сообщавший, что двигаюсь я на северо-восток, и остров словно распадался вокруг меня. Покатые холмы, лошади галопируют по полям; я миновал беспризорную козью процессию и двух мальчишек, гнавших овцу. Перед глазами стоял брошенный номер в *Unicornio Azul* – он отпечатался в голове, как новенькая фотография с места преступления: на кровати расстегнутый армейский вещмешок, внутрь торопливо запихана одежда, во внутреннем кармане маршрут с «Экспедиции», красная зубная щетка на краю раковины, тубик «Колгейт тотал», не смятый моей рукой, и наконец, изгвазданное зеркало – последнее, что на памяти человеческой видело мой лик. Я вдруг занервничал: может, стоило оставить записку, сувенир для Сэм, маленькую подсказку – на всякий пожарный. Я отдал ей Септима, заверил Синтию, что уезжаю всего на несколько недель. Сэм знает: я вернусь.

И я вернусь.

Теперь «судзуки» карабкалась по холмам. Когда нам предстал особо крутой склон – дорожное покрытие давным-давно сдалось грязи и камням, – я включил полный привод и втопил педаль газа. На этом двигатель сдох. Я столкнул машину на обочину и зашагал пешком.

Словно по велению черной магии, мимо проехал мальчишка на грузовике, сдал назад, предложил подвезти. По-английски не говорил; по радио играл Род Стюарт. На окраине, по всей видимости, Кикави – на узенькой дороге в занозах темных домов, и все перекошены под уклон холма, будто судорожно уползают к океану у подножия, – мальчишка высадил меня и поехал дальше.

И впрямь уже темнело, и к тому же меня оплевывал мелкий дождик. Я свернул направо, на другую улицу, которая вывела меня в центр Кикави. Ничего особо зловещего – забегаловки рекламировали бесплатный

интернет и пепси, перед продуктовой лавкой паслась могучая свинья. И однако в десять минут седьмого все витрины уже почернели, а на всех табличках в дверях значилось «CERRADO»^[123]. Открыто было только некое кафе «Ромео», где за столиками горбились редкие посетители. Я добрался до пляжа, где в самом конце стояла хижина – кажется, бар; острая крыша горела огнями.

Я зашагал по песку, черному и жесткому, и волны наплзали на берег слизняками. Я был один. Странно. Я промотал в голове последние сорок часов, от аэропорта Кеннеди в пять утра, почти двое суток назад, до *сейчас*: толпа вокруг постепенно редела, будто я забрел на вечеринку в самом разгаре, а теперь озираюсь и вижу, что остался из гостей последним.

Я добрался до хижины, задрал голову, прочел истертую ветрами вывеску над темной дверью и ахнул.

La Pincoya Negro. Черная русалка. Ровно эти слова были написаны над входом в подземный тоннель под «Гребнем». Если бы тогда вошел, попал бы сюда, что ли?

– *Quiere barquito?*^[124]

Я обернулся. Поодаль, у воды, возле столба в песке, державшего на привязи трио побитых морем лодок, стоял щуплый старик. И больше ни души. Он зашагал ко мне, и я разглядел добродушную улыбку, лишенную пары-тройки зубов, забрызганные маслом закатанные штаны и клочья седых волос, обрывками морской хмари цеплявшиеся к загорелому скальпу.

Я развернул «Вэнити фэйр» и показал старику поляроидные снимки.

Он кивнул, явно узнав церквушку, и сказал что-то непонятное – мне почудилось, «*Buta Chauques. Isla Buta Chauques*». А увидев скалу с дыркой, заулыбался:

– *Sí, sí, sí. La trampa de sirena.*

И повторил еще раз, возбужденно дергая обветренными губами. Я про себя прикинул перевод. Ловушка на русалок? Ловушка *русалок*? В растерянности я кивнул, а он, приняв кивок за согласие, ухмыльнулся и кинулся к лодкам. Отвязал самую большую и поволок к воде.

– Нет! – крикнул я. – Вы не так поняли.

Но он с превеликой бодростью дергал лодку за нос, и мотор вгрызался в песок, будто она сопротивлялась.

– Да перестаньте вы! *Mañana!*^[125]

Он пропустил это мимо ушей. По колено в воде наклонился и дернул тросик.

Я молча понаблюдал, а потом невольно обернулся туда, откуда пришел.

В конце дороги мерцали редкие огни – живой, мягкий свет. Меня внезапно одолело томление, будто позади этих темных домов я за поворотом отыщу Перри-стрит и свою прежнюю жизнь, все, что известно, что знакомо и любимо, – если, конечно, мне взбредет в голову пойти назад. Казалось, все это так близко и, однако, отступает – теплые комнаты, которые я уже миновал, исчезнувшие двери.

Старику удалось запустить мотор на холостом ходу, и теперь лодка выпускала густую струю дыма, а сквозь грохот ветра по крышам лавок до меня доносился низкий рокот.

Я залез в лодку. На дне плескалось с дюйм воды, но старика это не насторожило. Устроившись подле мотора, он из кармана рубашки достал синюю кепку, низко натянул на лоб и, с откровенной гордостью разок мне кивнув, повел лодку прочь от берега.

Не прошло и двух минут, как я разглядел темно-зеленые необитаемые острова, что гигантскими китами вздымались слева. Я думал, нам туда, но старик плыл, минуя остров за островом, и наконец впереди не осталось ничего, ни единого пятнышка земли, вообще ничегошеньки – лишь бурливый черный океан и такое же опустелое небо.

– Долго еще? – крикнул я, обернувшись.

Но старик лишь воздел седую лапу и что-то пробормотал – слова тотчас проглотил ветер, который будто прошивал его грязную серую рубаху электрическими разрядами, обнажая тело, пожухшее, как старое дерево.

Может, он Харон, паромщик со Стикса. Перевозит умерших в загробный мир.

Я снова уставился вперед, неотвязно предчувствуя, как вот-вот появится нечто, неотвязно ужасаясь, что никогда не появится ничего. Мы плыли дальше – даже не знаю, долго ли. Я не мог разжать хватку на бортах, глянуть на часы, на компас – зыбь разыгралась, до костей пропитав меня океанскими брызгами, и волны сражались друг с другом, лущуя лодку. Постепенно я смирился: мы будем так плыть бесконечно, пока не кончится бензин, а когда он кончится, мотор откашляется, точно усталый оперный певец, уходя со сцены, тогда я обернусь – и увижу, что исчез даже старик.

Но когда я обернулся, старик ежилась подле мотора, с прищуром взирал куда-то влево, вел лодку к черно-зеленой громаде, растущей из горизонта, – у громады имелся узкий пляж, окаймленный зеленью, а за ним мускулистыми плечами из океана вздымались высоченные утесы. Старик

улыбнулся, будто узнал старого друга, а ярдах в двадцати от берега вдруг отрубил мотор и выжидательно уставился на меня. Лодка скакала и раскачивалась; старик с улыбкой ткнул промасленным пальцем в воду, и я понял, что мне пора прыгать.

Я помотал головой:

– Чего?

Он лишь снова ткнул пальцем в воду, а когда я замахал рукой – мол, и думать забудьте, – лодку вздернула к небесам мощная волна. Не успев собраться с духом, я полетел вперед.

Я штопором ушел в ледяные волны. Всплыл, задыхаясь, захлебываясь морской водой, но ногами нащупал дно и сообразил, что тут мелко. Добрыкался до берега, с трудом выбрался и согнулся пополам, давясь. А затем в ужасе обернулся. Я ведь не заплатил старику и не договорился о том, как буду возвращаться.

Старик уже снова завел мотор и разворачивал лодку.

– Эй! – заорал я, но ветер снова стер мой голос. – Погодите! Вернитесь!

Он не посмотрел на меня, не услышал. Ссутулившись, набывчившись против ветра, он помчался по воде, скрежеща мотором, и вскоре не осталось ничего, кроме черной крапинки посреди моря.

Я осмотрелся – света еле хватило. Вдалеке на пляже, там, где утесы бесцеремонно отпихивали песчаную полосу к воде, стояла огромная скала. С дыркой посередине.

Русалочья ловушка.

Я ошеломленно побрел туда, а затем разглядел, что гигантская стая чаек, чьи крики гасил океан, кишит не только вокруг скалы, но почти по всему берегу – пирует какими-то ошметками на камнях. Дождь зарядил сильнее, и я поспешно спрятался под кронами на кромке песка.

И заметил, что из песка выступает планка.

Доски, уложенные поверх земляной тропы, уводили прямым в лес. Я глянул на компас – стрелка неколебимо указывала на восток, – ступил на дощатую тропу, и под моим весом она хлюпнула грязью. Я двинулся вперед, и на меня накатила спертый воздух, влажный и густой, но не только – еще головокружительный приход, будто я скольжу куда-то, лечу в нору, откуда нет спасения и незачем его искать. Переплетение спутанных ветвей так загустело, что от дождя остался только шорох, словно над головой перешептывается толпа. Я зашагал быстрее, потом побежал, потом кинулся сломя голову, и неровные доски били меня по ногам, а порой трескались надвое, и тогда я по колено проваливался

в грязь. Не останавливаясь, я мчался мимо паукообразных папоротников и скачущих цветов, по пояс в древесных корнях, что лезли из земли по сторонам дорожки, словно рвались на свободу. Общество мне составляла лишь одинокая птица – она преследовала меня последним предостережением, трепыхалась, чирикала в кронах, а потом бросилась на меня, черными крылами задела щеку, пронзительно вскрикнула и вновь нырнула в темноту. Тропа пошла под уклон, все круче и круче, словно пыталась меня стряхнуть, но я не останавливался и летел так быстро, что вскоре уже не чувствовал земли под ногами.

Впереди стоял дом. Он угнездился среди деревьев и походил на дома с центрального острова – побитый ветрами, крытый дранкой, на ветру болталась треснувшая ставня. Ловя ртом воздух, я запрыгнул на крыльцо, ухватился за ржавую ручку и распахнул дверь.

Пустынная комната – аскетичная деревянная мебель, тусклый свет, на потолке крутится старый вентилятор.

Против двери на стене висело большое полотно маслом. Портрет мужчины – искореженное меловое лицо отступает в черноту фона, словно тает. Я перешагнул порог и замер – глаза метнулись к шевелению в дальнем углу. Там, под темными окнами во всю стену, точно два застывших в ожидании трона, стояли обитые кожей деревянные кресла. Испуская в воздух белые ленточки дыма, на столике горела сигарета – несомненно, «Мурад».

Вблизи я разглядел сложенные очки в проволочной оправе – круглые линзы непроглядно черны. Рядом бутылка скотча «Макалан» – моего скотча, в изумлении сообразил я – и два пустых стакана.

Я обернулся, спиной почувствовав взгляд.

Громоздким темным силуэтом на пороге стоял он.

Кордова.

Сотня разных мыслей пронеслась у меня в голове в этот миг. Охотники глядят в глаза добыче – что они видят? Я не знал, отыщу ли его, а если отыщу – захочу ли убить его, проклясть его или разрыдаться. Может, пожалею его, преклоню колена пред уязвимым ребенком, что живет в каждом взрослом. Но я чувствовал, что он ждал меня, что мы всего лишь сядем в эти пустые кресла, один отец и другой, и станет лить дождь, и дым, свивая новое гипнотическое заклятие, обволочет нас, и он мне расскажет. И в повести его будет невообразимая тьма, и кровавые потеки, и, вероятно, она продлится много дней, и будут крики, и ярко-красные птицы, и изумительные вспышки надежды, подобные солнцу, что в единый миг освящает чернейшее море. Я столько узнаю о грани, до которой доходят

люди, дабы что-то почувствовать, сколько мне и не снилось, и услышу смех Сэм в смехе Сандры.

Я не знал, каков будет финал, что обрету я, когда все закончится, – взгляну ли на руины и узрю в его истории зло и падение или в его поступках, в его попытках спасти дочь, в его ненасытной жажде гнуть жизнь до последнего предела, рискуя ее сломать, увижу себя.

Надо полагать, поведав мне все, он умудрится исчезнуть быстрее ветра над полями. Я очнусь где-нибудь вдали отсюда, спрашивая себя, не привиделось ли мне, на самом ли деле он был в этом тихом доме, балансирующем на краю земли.

Но, шагнув ему навстречу, я знал одно: он сядет рядом и поведаст мне свою правду.

И я выслушаю.

№ 255

ДЕКАБРЬ 1977

\$1.90 UK 75 p.

Rolling Stone

Р. С. Майлз

**СТАНИСЛАС
КОРДОВА**

До предела
и обратно

Сюзанна Стайнберг

**ПРОГРАММА
«МК УЛЬТРА»**

ЦРУ закулисно добивается
контроля над сознанием

Джордж Р. Харви

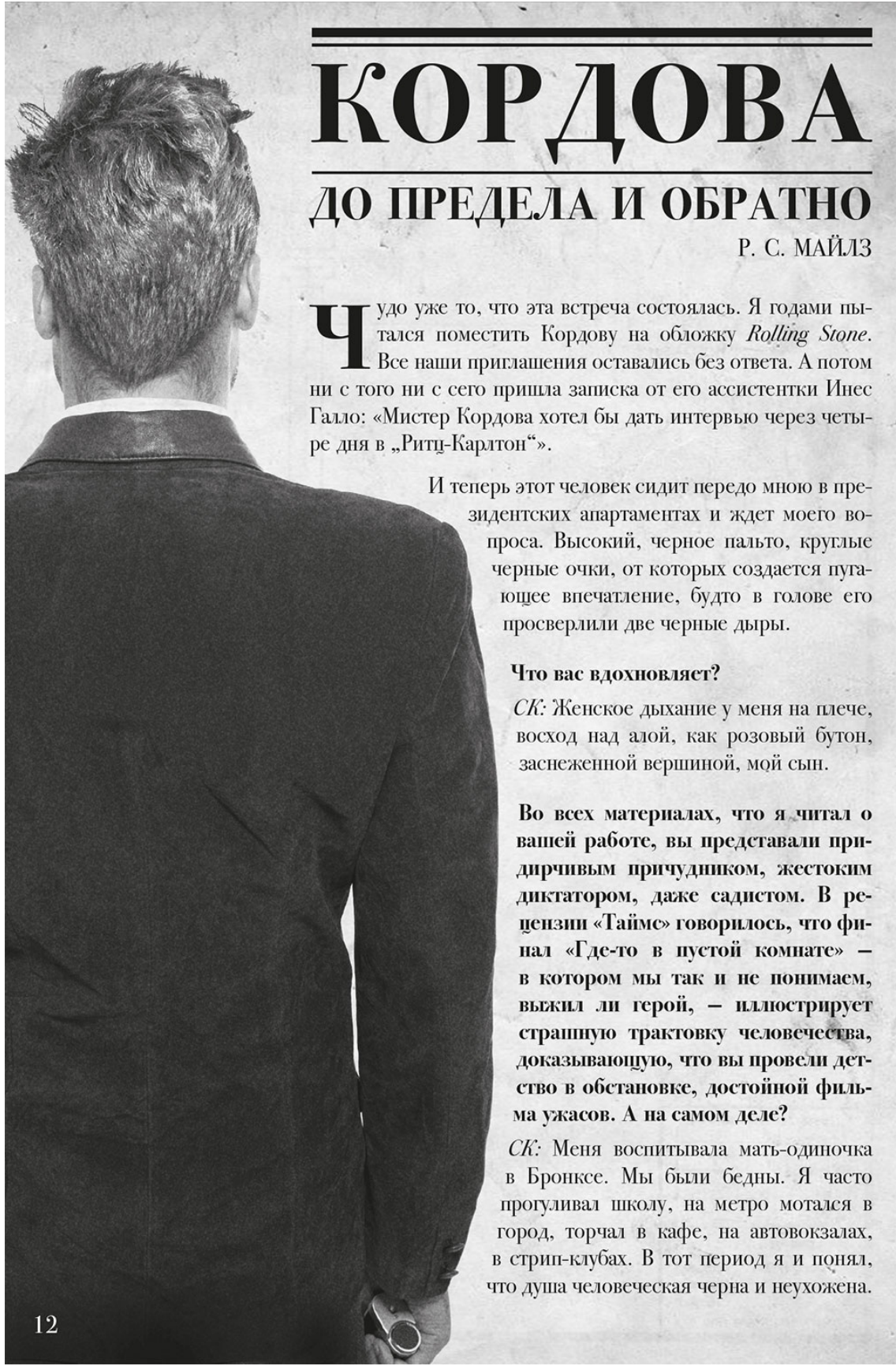
«ЭПЛ II»

Первый в мире персональный
компьютер: изменит ли он
нашу жизнь?

Мэттью Нэш

**НЕКАЯ
«СТУДИЯ 54»**

КОРДОВА

ДО ПРЕДЕЛА И ОБРАТНО

Р. С. МАЙЛЗ

Чудо уже то, что эта встреча состоялась. Я годами пытался поместить Кордову на обложку *Rolling Stone*. Все наши приглашения оставались без ответа. А потом ни с того ни с сего пришла записка от его ассистентки Инес Галло: «Мистер Кордова хотел бы дать интервью через четыре дня в „Ритц-Карлтон“».

И теперь этот человек сидит передо мною в президентских апартаментах и ждет моего вопроса. Высокий, черное пальто, круглые черные очки, от которых создается пугающее впечатление, будто в голове его просверлили две черные дыры.

Что вас вдохновляет?

СК: Женское дыхание у меня на плече, восход над алой, как розовый бутон, заснеженной вершиной, мой сын.

Во всех материалах, что я читал о вашей работе, вы представляли придирчивым причудником, жестоким диктатором, даже садистом. В рецензии «Таймс» говорилось, что финал «Где-то в пустой комнате» — в котором мы так и не понимаем, выжил ли герой, — иллюстрирует странную трактовку человечества, доказывающую, что вы провели детство в обстановке, достойной фильма ужасов. А на самом деле?

СК: Меня воспитывала мать-одиночка в Бронксе. Мы были бедны. Я часто прогуливал школу, на метро мотался в город, торчал в кафе, на автовокзалах, в стрип-клубах. В тот период я и понял, что душа человеческая черна и неухожена.

Общество стрижет лужайку, подравнивает кусты, но стоит их забросить на парутройку дней — и воцарятся дикие джунгли. Вот джунгли меня и интересуют.

Вопрос, каково с вами работать, неизменно включает вокруг вас непроницаемое словое поле. Почему так?

СК: Способна ли женатая пара объяснить, что происходит, когда гости расходятся по домам, тарелки вымыты, дверь спальни затворена и выключен свет? То, что происходит между людьми, которых я выбрал, дабы они рассказали историю, остается между нами. Они отдаются этой работе, потому что знают: я буду бережен, я поведу их — порой против их воли — до предела конца. И уже от них зависит, зажмуриваться ли, попав туда, бежать ли со всех ног — или смотреть.

ся, прикроешь глаза? Или тебе хватит сил шагнуть к обрыву и заглянуть в бездну? Хочешь ты знать, что там обитает, или и дальше жить в сумеречном самообмане, где нас заточил этот мир торгашей, где мы заперты, как слепые гусеницы в вечном коконе? Что ты сделаешь — зажмуришься, съежишься и умрешь? Или с боем пробьешься наружу и взлетишь?

Какой у вас любимый кадр из ваших фильмов?

СК: Сверхкрупный план глаза в «Силуэтах». Это, вообще-то, мой глаз. Он самовластный, смертоносный и совершенный.

О чем вы жалесте?

СК: О том, что мы способны уничтожить тех, кого любим.

«ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЧЕРНА И НЕУХОЖЕНА»

«До предела конца»? Вроде рискованно, нет?

СК: Смертный страх важен не менее любви. Он пронзает нашу жизнь до глубин нутра — и так мы понимаем, кто мы есть. Попятыш-

Почему тематика вашего творчества так страшна?

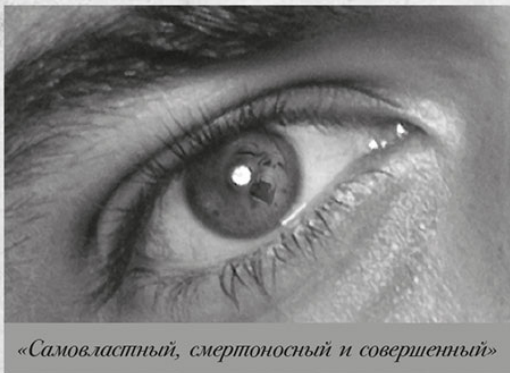
СК: Чтобы ощутить, как солнце греет плечи, сначала нужно погулять по тенистой стороне улицы.

Несколько месяцев назад ваша жена Джиневра случайно утонула в озере на территории вашего поместья.

СК: Да.

Как на вас отразилась эта ужасная трагедия?

СК: Я могу описать только образно: беговая лошадь с переломанной передней ногой пытается встать. Рано или поздно зверь понимает, что ничего не изменится, придет-

«Самовластный, смертоносный и совершенный»

ся остаться на земле, страданием расплачиваться за то, что натворил. Слишком быстро бежал, вложился без остатка, ничего не припас на возвращение домой. Такова цена подобной жизни. Жизнь — цветок, что расцветает ярко и исчезает вовсе.

Мои фильмы — просто истории. Но больше у нас ничего нет. Истории, которые мы рассказываем другим, — и истории, которые рассказываем себе. Разговаривая со стариками, мужчинами и женщинами, достигшими конца жизни, видишь, что лишь это и остается, когда распадается тело. Остаются наши истории. Наши дети решат, стоит ли их пересказывать.

Единственный рекламный кадр со съемочной площадки «Треблинки»

Что вам теперь предстоит — в жизни, в работе, в любви?

СК: Я выйду на минутку, если позволите.

Разумеется.

Я выключил диктофон, краем глаза увидел, как Кордова выскакивает за дверь, — и тишина. Я сидел, просматривая свои заметки, уже решил, что стоит расспросить подробнее о его увлечении джунглями души — и о том, кто он вообще такой. Спустя четверть часа я спустился в вестибюль, поискал Кордову в ресторане, в толпе на улице, но он исчез, как тень под полуденным солнцем.

Многочисленные звонки его ассистентке отклика не получили. Как и пересылка этого интервью за неделю до отправки в типографию. Я чем-то его обидел? Почему он сбежал?

Пока же он остается загадкой — до выхода следующего фильма, до следующей звонкой реплики для прессы, до эксклюзивного появления в «60 минутах» или «Шоу Майка Дугласа». До той поры мы так и будем недоумевать. Может, кто-то из нас ненароком наткнется на таинственный предел конца, о котором говорил Кордова, — и поднимет глаза, посмотрит наружу. Что нам откроется — ад или рай? Быть может, лишь бесконечное зрелище жизни.

Что бы ни было, там и есть Кордова.

«ЖИЗНЬ — ЦВЕТОК, ЧТО РАСЦВЕТАЕТ ЯРКО И ИСЧЕЗАЕТ ВОВСЕ».

«Ночное кино»: интерактив

Дорогой читатель!

Если ты не хочешь, чтобы «Ночное кино» заканчивалось, ищи в тексте интерактивные точки и открывай на смартфоне или планшете дополнительные материалы. В этих «пасхальных яйцах» – дополнительные иллюстрации и звуковое сопровождение. Если у тебя есть устройство с размещенной сзади фотокамерой (подключенное к Wi-Fi или к мобильной сети), для открытия бонусного контента следуй алгоритму:

1. Зайди на сайт NightFilmDecoder.com и прочти, как скачать бесплатное приложение.

2. Установи приложение *Night Film Decoder* на свое устройство.

3. На некоторых иллюстрациях в тексте «Ночного кино» ты найдешь картинку с птицей (см. ниже). Запусти приложение и сканируй такую иллюстрацию камерой, пока на экране не появится кнопка *Play*. Заметь: не все птицы хранят секреты.

4. Нажми *Play* и наслаждайся.

Если у тебя возникли проблемы с приложением *Night Film Decoder*, пожалуйста, сообщи по адресу: support@randomhousedigital.com.

Благодарности

«Ночное кино» не могло бы сбыться без советов и поддержки первоклассных людей.

Бинки Урбан, твоя реальность даже лучше твоего мифа. Спасибо за мудрые советы, за дружбу, за широкую душу и за прямоту. Огромное спасибо команде агентства ICM, лучшим специалистам в своем деле: Маргарет Сазард, Молли Этлас, Дейзи Мейрик, Каролине Саттон, Рейчел Клементс и Рону Бернстайну.

Кейт Медина, твоя редакторская проницательность, твоя увлеченность историей Сандры постоянно бросала вызов мне как писателю и толкала эту книгу к новым высотам и глубинам. Спасибо за то, что внушила мне храбрость глубже зайти в этот темный лабиринт (а также за Александра Маккуина)^[127].

Линдси Шуори, твое тщательное и вдумчивое прочтение раннего черновика увело меня в совершенно новом направлении, и передо мной приотворились новые, непредвиденные двери. Спасибо, что мне их показала, – а то я могла и не догадаться, что они есть.

Анна Питониэк, твое воодушевление, твои творческие рекомендации – глоток свежего воздуха. Я благоговела, наблюдая, как ты с апломбом, достойным Джинджер Роджерс^[128], жонглировала бессчетными элементами, из которых складывалась эта книга. Спасибо за то, что всегда попадала в такт.

Моей команде мечты в издательстве *Random House*, которая с вдохновенным бесстрашием круглосуточно трудилась ради меня.

Джина Сентрелло, ты моя пылкая воительница, спасибо тебе.

Салли Марвин и Карен Финк – спасибо за рвение, за незаурядные идеи и за то, что вы такие неописуемо крутые.

Огромное спасибо Дебби Эрофф за то, что придумала столько способов переплести вселенную «Ночного кино» с реальным миром. И спасибо Мэгги Оберрендер за ее закадровый вклад.

Пауло Пепе, Барбара Бакман и Саймон М. Салливан – я так вам благодарна за вашу готовность вознести книжный дизайн на новые высоты. Вы создали изумительную упаковку, которую одобрил бы сам Кордова.

Я очень признательна своей цифровой команде, технарям-провидцам Кену Уолробу и Мэтту Шварцу – вы помогаете мне раздвинуть рамки и с нуля вообразить возможное.

Лора Голдин – спасибо за то, что уделяла мне время в своем бешеном графике и защищала меня.

Спасибо, Ричард Элмен, Бенджамин Драйер и Лиса Фойер, – вы как-то умудрились выпустить эту книгу вовремя и даже раньше срока.

Спасибо блистательному литредактору Эми Броузи и огромное спасибо Лорен Новек, обладательнице потрясающих, бесценных дедуктивных талантов, достойных Шерлока Холмса. (Твои способности пригодились бы в ЦРУ.)

Спасибо Джокасте Гамильтон и всей команде издательства *Hutchinson* в Лондоне за поддержку, энтузиазм и бар «Волчий дом».

Мир Кордовы ни за что не пробудился бы к своей сумеречной жизни, не будь на свете неподражаемого Тристана Вудс-Скэуэна, чьи энтузиазм, безудержная фантазия и выдающаяся художественная постановка иллюстраций преодолевали часовые пояса и превосходили все ожидания. Без тебя Кордова никогда бы не выступил из теней. Я в долгу перед всей командой выдумщиков из агентства креативного дизайна *Kennedy Monk*: Стюарт Монк, Брюс Кеннеди, Джолион Мелдрам, Стивен Харрисон, Колин Тейлор, Шарлотта Келли и Мишель Томас, работа с вами – радость.

Спасибо моим прекрасным персонажам, чьи лица нашептывают вопросы, а взгляды обжигают разум: Софи Блэкбраф, Себу Кэстангу, Вероне Эдо, Саманте Энглбрехт и Стивену Харрисону. Я бы не придумала столь завораживающего актерского состава, если бы сочинила всех вас сама.

Спасибо фотографу Полу Арчеру, который превратил вещественные доказательства в искусство. Я очень благодарна Люси Флауэр, Дэвиду Уэдлоу и Лисе Яхович: благодаря их скрупулезности все фотографии уместны, многомерны и подлинны.

Занятые медицинские специалисты щедро уделили мне время и ответили на вопросы: доктор Лоренс Левин, один из самых равнодушных и прозорливых врачей Нью-Йорка, и доктор Леонард Х. Уэкслер – он просвещал меня, и за его невероятную работу с детьми я перед ним преклоняюсь.

Навеки спасибо моему помощнику и правой руке Сету Д. Рабиновицу. Ты – мой конфидент и сообщник.

Спасибо вам, моя любимая семья, друзья и прочие товарищи, чей вклад в эту книгу огромен и велик: Джеймс Росоу, Роберт Стрент, Николь Карузо, Адам Уэбер (поскольку тебя на двадцать два часа заперли в Бруклине, манхэттенским «Гробницам» повезло), Ник Кайано, Нориэль Эбдон, Джош Томас, Элке Пессл и Дон Марвел.

Я навсегда признательна моей изумительной маме и первому читателю Энн, которая учит меня, что подлинного успеха добился тот, кто по себе оставил много любви и света. Ты так часто прежде меня понимаешь, что я хочу сказать.

Наконец, я хочу поблагодарить свою покойную бабушку Рут, которая жила поистине благородно. Чаще всего она цитировала вот что: «Не встанет солнце, как уж встану я, / Чтоб завтра счастье испытать свое»^[129].

Будем же и дальше жить так.

Иллюстрации

Все иллюстрации © Мариша Пессл, если не указано иное.

Адаптированное оригинальное изображение © SuperStock/Corbis

Адаптированное оригинальное изображение © Getty Images

Адаптированное оригинальное изображение © Photonet.de/Lehnartz

© Joel Gillespie

Адаптированное оригинальное изображение © Getty Images

Адаптированное оригинальное изображение © Masterfile

© Tristan Savatier

© Stephen Alvarez /National Geographic Stock

© Getty Images

© The Estate of Francis Bacon. All rights reserved. / ARS, New York /

DACS 2013

Использовано изображение © Anke Van Wyk / Dreamstime.com

Использовано изображение © Andreiuc88 / Dreamstime.com

Использовано изображение © Parkinsonsniper / Dreamstime.com

© Hakan Karlsson / Dreamstime.com

Адаптированное оригинальное изображение © Jen Hamilton-Emery

© Punchan / Dreamstime.com

© Daniel Sanchez Blasco / Dreamstime.com

© Tverkhovinets / Dreamstime.com

Адаптированное оригинальное изображение © Bettmann/CORBIS

© Diane Scheuermann

© Debbie Grant

Использовано изображение © Joel Gillespie

© Michael Mellinger

Адаптированное оригинальное изображение © David Curtis

Адаптированное оригинальное изображение © Martin Grace

Photography

© Elke Meitzel / cultura / Corbis

© Alexey Stiop / Dreamstime.com

Адаптированное оригинальное изображение © Melanie Pepper

Использовано изображение © AndrisCam / Dreamstime.com

СНОСКИ

«Днесь очевидное вчера только мнилось». Уильям Блейк. – Цитата из книги английского поэта-романтика Уильяма Блейка «Бракосочетание Рая и Ада» (*The Marriage of Heaven and Hell*, 1790–1793), глава «Пословицы Ада», перев. С. Степанова.

Звали ее Джинни, но ни один мужчина в здравом рассудке грезить о ней бы не стал. – Имеется в виду американский ситком «Я грежу о Джинни» (*I Dream of Jeannie*, 1965–1970) Сидни Шелдона и Клаудио Гусмана, история американского астронавта, который на далеком острове в Тихом океане случайно выпускает из бутылки джинна по имени Джинни, которая влюбляется в него с первого взгляда.

...постер с учтивым, но утомленным Аленом Делоном в «Самурае». – «Самурай» (*Le Samouraï*, 1967) – криминальная драма французского режиссера Жан-Пьера Мьевилля по роману Джоан Маклеод «Ронин»; французский актер Ален Фабьен Морис Марсель Делон (р. 1935) сыграл в нем наемного убийцу Жефа Костелло.

...это вам не Бригадун. – «Бригадун» (*Brigadoon*, 1947) – мюзикл Алана Джея Лернера на музыку Фредерика Лоу; в мюзикле фигурирует идиллическая шотландская деревня Бригадун, которая появляется раз в сто лет, и жителям нельзя оттуда уходить, чтобы деревня не исчезла навсегда. В 1954 г. мюзикл экранизировал Винсент Минелли.

Dit suig jou droog. – Всю кровь высасывает (*афр.*).

Полин Кейл (1919–2001) – американский кинокритик, считается одним из столпов жанра, регулярно писала для журнала *The New Yorker* в 1968–1991 гг.

Мартин Башир (р. 1963) – британский журналист пакистанского происхождения, ставший известным благодаря своим интервью с принцессой Дианой; совместно с Синтией Макфадден и Терри Морганом вел на ABC ночную программу *Nightline* в 2005–2010 гг.

...«Гаспар из тьмы, или Дьявол в ночи»... <...> ...три стихотворения Бертрана... – Алоизиус Бертран (Луи Жак Наполеон Бертран, 1807–1841) – французский поэт-романтик, предтеча символистов. «Гаспар из тьмы. Фантазии в манере Рембрандта и Калло» (*Gaspard de la nuit. Fantaisies a la manière de Rembrandt et de Callot*, 1845) – его посмертно опубликованная книга стилизованных под средневековую литературу стихотворений в прозе – литературной формы, одним из родоначальников которой он стал.

СоХо – район Манхэттена. Сокращение СоНо означает «South of Houston Street» («к югу от Хьюстон-стрит»).

...любит, когда я перед ней играю немое кино а-ля Рудольф Валентино. – Рудольф Валентино (Родольфо Пьетро Филиберто Рафаелло Гульельми, 1895–1926) – американский актер итальянского происхождения, знаменитый герой-любовник кинематографа 1920-х гг.

...в деле бегуны из Центрального парка. – В 1989 г. в Центральном парке было совершено нападение на 28-летнюю Тришу Мейли во время ее пробежки, а также на нескольких других; Мейли была избита, изнасилована и почти две недели провела в коме. В нападениях признали виновными пятерых несовершеннолетних (четырех негров и латиноамериканца), которые отбыли тюремные сроки от 6 до 13 лет. В 2002 г. в нападении на Мейли сознался Матиас Рейес, уже отбывавший пожизненное заключение за серийные изнасилования, приговор пятерым осужденным отменили, и минимум до 2014 г. они с переменным успехом судились со штатом Нью-Йорк, требуя компенсации ущерба.

Из всех эм-сто-вторых во всех городах мира ты заходишь в мой... – Аллюзия на реплику Рика Блейна (Хамфри Богарт), главного героя драмы Майкла Кёртиса «Касабланка» (*Casablanca*, 1942), который комментирует внезапное появление потерянной возлюбленной словами: «Из всех кабаков во всех городах всего мира она заходит в мой».

...слил «Дымящемуся пистолету». – «Дымящийся пистолет» (*The Smoking Gun*, с 1997) – основанный бывшими репортерами *The Village Voice* Уильямом Бэстоном и Дэниэлом Грином и графическим дизайнером Барбарой Глаубер веб-сайт, главным образом публикующий разоблачительные материалы, касающиеся исторической и современной преступности.

Равеля, *Jeux d'eau*. – «Игра воды» (фр.), произведение Мориса Равеля для фортепиано (1901), вдохновленное плеском воды и другими шумами фонтанов и ручьев.

...одну из «Розовых леди» в отвратительной постановке «Бриолина»... – «Бриолин» (*Grease*, 1971) – мюзикл Джима Джейкобса и Уоррена Кейси, история о любви старшеклассников, преодолевающей классовые и прочие препоны в США конца 1950-х; «Розовые леди» – стайка подруг «гризеров», девичья фракция группы школьных бунтарей. Мюзикл был экранизирован Рэндалом Клайзером в 1978 г. (с Джоном Траволтой и Оливией Ньютон-Джон в главных ролях) и по сей день остается популярным материалом для театральных, в том числе и школьных, постановок.

«Интервью» (*Interview*, с 1969) – журнал, основанный американским поп-художником Энди Уорхолом и британским журналистом Джоном Уилкоком, публикует яркие интервью крупных фигур современной культуры.

«Но ливень вот-вот, и с ним боль придет, и мне от них не спастись. Я порой устаю, но знаю, что мне остается одно. Идти дальше». Поклонник «Лед Зеппелин», значит. – Цитируется песня Джимми Пейджа и Роберта Планта «Идти дальше» («Ramble On») со второго альбома английской рок-группы *Led Zeppelin* – «Led Zeppelin II» (1969).

...как двойники Кристал Гейл поют «И от этого грустны мои карие глаза». – Кристал Гейл (Бренда Гейл Уэбб, р. 1951) – американская кантри-поп-певица, популярная в 1970–1980-х. «И от этого грустны мои карие глаза» («Don't It Make My Brown Eyes Blue», 1977) – песня Ричарда Ли, крупнейший хит Кристал Гейл.

...«Гленгарри Глен Росс» Дэвида Мэмета. – «Гленгарри Глен Росс» (*Glengarry Glen Ross*, 1983) – напряженная пьеса, за которую американский драматург Дэвид Мэмет (р. 1947) в 1984 г. получил Пулицеровскую премию, история о чикагских риелторах, всеми возможными способами добивающихся продаж недвижимости.

Я не Старски. А он не Хатч. – «Старски и Хатч» (*Starsky & Hutch*, 1975–1979) – американский полицейский телесериал, созданный Уильямом Фредериком Блинном, история двух полицейских, очень разных, но неразлучных друзей.

У нашей долговязой дамы-командора Джуди Денч... – Джудит Оливия Денч (р. 1934) – британская актриса театра и кино, лауреат «Оскара» и «Золотого глобуса», дама-командор ордена Британской империи.

Ханна Монтана – поп-певица, альтер эго главной героини одноименного американского телесериала (*Hannah Montana*, 2006–2011), в обычной жизни – школьница Майли Стюарт, скрывающая свою музыкальную карьеру. Майли Стюарт / Ханну Монтану сыграла певица Майли Сайрус (р. 1992).

...какие-то народные песнопения – «Лукавый рыцарь на дороге»... – «The Fause Knight Upon the Road» – британская народная баллада, которую записывали, помимо многих прочих, *Steeleye Span*; лукавый рыцарь в балладе – дьявол, который безуспешно морочит голову мальчику на дороге.

...так Сью Эллен взирала на мисс Элли весь двенадцатый сезон «Далласа»... – «Даллас» (*Dallas*, 1978–1991, 2012–2014) – долгоиграющая американская мыльная опера. Сью Эллен Юинг – один из центральных персонажей, сыгранный Линдой Грей, сильная неоднозначная женщина, жена старшего сына семейства Юингов Джей-Ар; мисс Элли Юинг – ее свекровь, сыгранная Барбарой Бел Геддес, и к 12-му сезону отношения у них становятся особенно напряженные, потому что Сью Эллен наконец придумывает, как вырваться из брака, надежно себя обезопасив.

В «*Страффене*». – Корпус назван, очевидно, в честь Джона Томаса Страффена (1930–2007) – английского маньяка-убийцы, который за убийства трех маленьких девочек провел в заключении в общей сложности 55 лет – срок, составивший рекорд среди британских заключенных.

...Энджи из «Прерванной жизни»... – «Прерванная жизнь» (*Girl, Interrupted*, 1999) – экранизация мемуаров (1993) Сьюзен Кейзен о том, как в 1960-х гг. она лежала в психиатрической клинике с диагнозом «пограничное расстройство личности»; фильм с Вайноной Райдер в главной роли поставил Джеймс Мэнголд. Анджелина Джоли сыграла одного из центральных персонажей, подругу главной героини, пациентку клиники, манипулятивную социопатку Лису Роу.

Они живут в «Модсли». – Корпус назван, по всей видимости, в честь одного из двух британских Модсли, имевших отношение к психиатрии, однако располагавшихся по разные стороны баррикад: Генри Модсли (1835–1918) был видным английским психиатром, сторонником теории дегенерации, автором множества статей по психиатрии и мизогинистом; Роберт Джон Модсли (р. 1953) – британский серийный убийца, чьими жертвами стали четверо взрослых людей, из них трое – в тюрьме, где Модсли отбывал наказание за первое убийство.

Барбара Уолтерс (р. 1929) – американская тележурналистка и ведущая, в 1976–2014 гг. сотрудничала с *ABC News* и, помимо многих других проектов, прославилась своими интервью с известными персонами, от Фиделя Кастро до Кэтрин Хепбёрн.

«Цена верна» (*The Price Is Right*) – выходящее с 1956 г. игровое телешоу, в котором участники угадывают цену тех или иных товаров.

Сэм Спейд только что перевернулся в гробу. – Сэм Спейд – крутой частный детектив из Сан-Франциско, персонаж романа «Мальтийский сокол» (*The Maltese Falcon*, 1929) и трех рассказов американского писателя Дэшила Хэмметта; в самой известной экранизации романа, поставленной Джоном Хьюстоном в 1941 г., Сэма Спейда сыграл Хамфри Богарт.

«Сердце и душа» («Heart and Soul», 1938) – песня Хоуги Кармайкла на стихи Фрэнка Лессера, записанная, помимо прочих, американской вокальной группой *The Cleftones* (1961), калифорнийским сёрф-дуэтом «Джен и Дин» (1961), а также Кристал Гейл.

«Вспыхни, звездочка, мигни» («Twinkle Twinkle Little Star», 1806) – стихотворение английской поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824), популярная детская песенка на мелодию французской песни «Ах, расскажу я, мама» («Ah! vous dirai-je, Maman», 1761).

...гундосый мьюзак Майкла Болтона. – Майкл Болтон (Майкл Болотин, р. 1953) – американский автор-исполнитель, в основном проникновенных рок-баллад.

«sí, sí, sí». – «Да, да, да» (учп.).

Как Че Гевара в «Дневниках мотоциклиста»? – «Дневники мотоциклиста» (*Diarios de motocicleta*, 2004) – экранизация юношеских дневников Эрнесто Че Гевары, которую поставил бразильский режиссер Уолтер Саллеш; дневники описывают период, когда студент-медик Че Гевара и его друг биохимик Альберто Гранадо ездили по Южной Америке – путешествие, которое во многом и убедило Че Гевару в необходимости революции.

...ego aura negativo. – Отрицательную ауру (*исп.*).

...в полосатую черную рубаху а-ля Марсель Марсо... – Марсель Марсо (Марсель Манжель, 1923–2007) – французский актер-мим, основатель парижской школы пантомимы; его самый известный персонаж – клоун Бип, в белом гриме и некой разновидности матроски.

Дотти считается одним из первых «лебедей» Трумена Капоте. В 1966 году она была... на знаменитом Черно-белом балу, который Капоте закатил по случаю успеха «Хладнокровного убийства». – Классик американской литературы Трумен Капоте (Труман Стрекфус Персонз, 1924–1984), автор, помимо прочего, документального романа «Хладнокровное убийство» (*In Cold Blood*, 1966) об убийстве канзасского фермера Герберта Клаттера и его семьи, был известным в Нью-Йорке светским львом; «лебедями» он называл многочисленных дам из своего окружения. Черно-белый бал-маскарад был дан Капоте 28 ноября 1966 г. в честь издателя «Вашингтон пост» Кэтрин Грэм.

Джеймс Кобёрн – Джеймс Харрисон Кобёрн III (1928–2002) – американский киноактер, в 1960-х и начале 1970-х – один из самых популярных актеров в амплуа крутого парня.

...или Говарда Хьюза... – Говард (Хауард) Хьюз (1905–1976) – бизнес-магнат, блистательная и эксцентричная звезда американского бизнеса. В 1920–1930-х продюсировал кино, в том числе крайне успешные «Ангелы ада» (*Hell's Angels*, 1930) и «Лицо со шрамом» (*Scarface*, 1932), в 1940–1950-х владел продюсерской и прокатной компанией *RKO*. Был известным авиатором-рекордсменом и финансировал многочисленные авиаконструкторские разработки, владел авиакомпаниями и авиалиниями. В конце жизни стал затворником.

В колледже мы ее звали «Бэнглз». Что с ней ни делай, целыми днями распевала на публике «Ходишь как египтянин». – The Bangles (с 1981) – американская женская поп-рок-группа. Песня Лиамы Стернберга «Ходишь как египтянин» («Walk Like an Egyptian», 1984), записанная в 1986 г., стала одним из крупнейших хитов группы.

Аргерих. Паскаль Роже. – Марта Аргерих (р. 1941) – аргентинская пианистка, известна, в частности, оригинальной трактовкой Концерта для фортепиано соль мажор Равеля. Паскаль Роже (р. 1951) – французский пианист, дебютировал в 9 лет с «Прелюдиями» Клода Дебюсси, известен исполнением в основном французских композиторов, в том числе Равеля.

Demoiselles Дебюсси. – «Дева-избранница» (фр.), кантата (1893) Клода Дебюсси.

Все легенды у нас расписывались. Цимерман. Брендель. Лан Лан. Горовиц. – Кристиан Цимерман (р. 1956) – польский пианист, много исполнявший произведения композиторов-романтиков. Альфред Брендель (р. 1931) – австрийский пианист, во многом самоучка, поэт и писатель. Лан Лан (р. 1982) – китайский активно концертирующий пианист. Владимир Горовиц (1903–1989) – американский пианист российского происхождения. Все перечисленные – крупнейшие звезды фортепианной музыки и считаются величайшими пианистами XX в.

Скажем, «Флоренс и Машина». В песне «Космическая любовь»... – *Florence and the Machine* – английская инди-рок-группа, выступает с 2007 г.; цитируемая песня «Cosmic Love» – с первого альбома группы, «Lungs» (2010).

...аллюзию на Уильяма Блейка: «Удави лучше дитя в колыбели, но не издевайся над ним, возвращая чудовище». – Имеется в виду фрагмент «Пословиц Ада» («Притч Ада») из «Бракосочетания Рая и Ада»: «Удави лучше дитя в колыбели, но не дави желаний своих», перев. С. Степанова.

*Вообразает себя бунтарем из фильма Джона Хьюза. – Джон Хьюз (1950–2009) – американский режиссер, сценарист и продюсер; помимо прочего, по своему сценарию поставил драму «Клуб „Завтрак“» (*The Breakfast Club*, 1985) о бунтующих школьниках старших классов, которых в выходной день вызывают в школу отбывать наказание.*

*«Это было когда-то, в далекой стране... И я звал ее Сандра К.». <...>
Ради меня никто не стал бы переименовывать Эдгара Алана По,
понимаете? – Аллюзия на последнее законченное стихотворение Эдгара
Алана По «Аннабель-Ли» (*Annabel Lee*, 1849), перев. В. Жаботинского.*

У нас тут не «Парни не плачут». И после твоего выступления в «Брайарвуде» мы уже поняли, что ты не Хилари Суонк. – «Парни не плачут» (*Boys Don't Cry*, 1999) – основанная на реальных событиях драма американского режиссера Кимберли Пирс; Хилари Суонк (р. 1974) сыграла в ней главную роль, транссексуала Брэндона Тину, урожденную Тину Рене Брэндон.

Лили Мюнстр (в девичестве Дракула) – вампир, персонаж ситкома CBS «Мюнстры» (*The Munsters*, 1964–1966), сыгранная Ивонн де Карло.

...Том Хэнкс в «Изгое». – «Изгой» (*Cast Away*, 2000) – приключенческая драма Роберта Земекиса, в которой Том Хэнкс сыграл курьера «ФедЭкса», застрявшего на необитаемом острове в результате крушения самолета.

К жестоким играм, как и полагается всякой Дил. – «Жестокая игра» (*The Crying Game*, 1992) – британский психологический триллер Нила Джордана, история сложной дружбы и любви члена Ирландской республиканской армии. За роль транссексуала Дил актер-дебютант Джей Дэвидсон был выдвинут на «Оскара».

Норман Рокуэлл (1894–1978) – американский художник и иллюстратор, изображавший повседневную американскую жизнь в жанре вдохновенного лубка.

...примейке «Это случилось однажды ночью»... – «Это случилось однажды ночью» (*It Happened One Night*, 1934) – романтическая эксцентрическая комедия американского режиссера Фрэнка Капры; в ней Клодетт Кольбер сыграла светскую девицу, бунтующую дочь строгого отца, влюбленную в репортера, сыгранного Кларком Гейблом.

...все на свете признают сие за истину. – Аллюзия на первую фразу романа английской писательницы Джейн Остен «Гордость и предубеждение» (*Pride and Prejudice*, 1813).

Я была как Тельма и Луиза. – «Тельма и Луиза» (*Thelma & Louise*, 1991) – криминальная драма Ридли Скотта с Джиной Дэвис и Сьюзен Сарандон в главных ролях, история двух женщин, которые вдвоем на машине отправляются в невинный краткий отпуск, а в итоге вынуждены убегать от полиции.

...обстановка сумрачная, под «Беспечного ездока»... – «Беспечный ездок» (*Easy Rider*, 1969) – культовый роуд-муви Денниса Хоппера и Питера Фонда; оба сыграли главные роли, двух друзей, которые на мотоциклах едут из Лос-Анджелеса в Новый Орлеан, обильно употребляя вещества и наблюдая вокруг себя Америку конца 1960-х. Фильм стоял у истоков «Нового Голливуда» вообще и жанра роуд-муви в частности.

В динамиках грохочет «Шкатулка в форме сердца». – «Heart-Shaped Box» – песня Курта Кобейна, записанная «Нирваной» на последнем альбоме, «In Utero» (1993); считается, что она о Кортни Лав, но, по одной из версий, высказанной Куртом Кобейном, на песню его вдохновил документальный фильм о детях, страдающих онкологическими заболеваниями.

«Джерри Магуайр» (*Jerry Maguire*, 1996) – романтическая драма Кэмерона Кроу о непростой карьере и еще менее простой личной жизни спортивного агента, которого сыграл Том Круз.

Хориёси III (р. 1946) – японский художник-татуировщик, специалист по многоцветным татуировкам во все тело – ирэдзуми (популярных у якудза) и хоримоно (вообще художественные татуировки, выведенные за пределы криминального дискурса), основатель Музея тату в Йокогаме.

Как говаривал капитан Смит, «хватай что подвернется и валяй к шлюпке по головам пассажиров». – Эдвард Смит (1850–1912) – английский моряк, капитан «Титаника», на котором и погиб.

...братья Фаррелли... – Братья Питер Джон Фаррелли (р. 1956) и Роберт Лео Фаррелли-мл. (р. 1958) – американские сценаристы и режиссеры, снявшие, помимо прочего, комедии «Тупой и еще тупее» (*Dumb and Dumber*, 1994), «Все без ума от Мэри» (*There's Something About Mary*, 1998) и «Я, снова я и Ирэн» (*Me, Myself & Irene*, 2000).

«Телетеатр Форда» – «Телевизионный театр Форда» (*Ford Television Theatre*, 1948–1957) – телесериал, спонсированный компанией «Форд Мотор», драматические, а затем и комедийные постановки в прямом эфире.

...«Пляжных игр» 1965 года. – «Пляжные игры» (*Beach Blanket Bingo*, 1965) – романтическая музыкальная комедия (с неожиданными элементами других жанров) Уильяма Эшера; действие разворачивается на пляже и сосредоточено в основном вокруг пляжных увеселений.

...в сериалах «Беги во весь дух» и «Дни в Долине Смерти». – «Беги во весь дух» (*Run for Your Life*, 1965–1968) – американский телесериал Роя Хаггинса; главный герой Пол Брайан, которого играет Бен Газзара, узнав, что скоро умрет, разъезжает по стране, чтобы перед смертью наверстать все, чего не успел сделать в жизни. «Дни в Долине Смерти» (*Death Valley Days*, 1952–1970) – американская радио– и телеантология, посвященная подлинным событиям, происходившим на Диком Западе.

...пробы телесериала «В бой!». – «В бой!» (*Combat!*, 1962–1967) – телесериал об американском военном подразделении в годы Второй мировой войны во Франции.

...прозябала на второсортном телевидении, играя в эпизодах «Шоу Энди Гриффита» и «Ястреба». – «Шоу Энди Гриффита» (*The Andy Griffith Show*, 1960–1968) – американский ситком, в котором Энди Сэмюэл Гриффит играет шерифа маленького городка. «Ястреб» (*Hawk*, 1966) – американский телесериал в жанре криминальной драмы с Бёртом Рейнольдсом в главной роли нью-йоркского полицейского-детектива, индейца-ирокеза.

...футболистом, героем войны, одним из наследников состояния «Дюпон», прототипом удаłego миллионера Лео Фарнсуорта, персонажа Битти в «Небеса могут подождать». – «Небеса могут подождать» (*Heaven Can Wait*, 1978) – комедия Уоррена Битти (р. 1937) с ним же в главной роли футболиста, погибшего под колесами грузовика и возвращенного на землю в теле миллионера.

...бродвейской постановке «Ржавчины в ванне» 1972 года, которая закрылась прямо в вечер премьеры. – «Ржавчина в ванне» (*Ring Around the Bathtub*, 1972) – единственная пьеса Джейн Трейхи, одной из первопроходцев рекламного бизнеса 1960-х; единственный – премьерный – спектакль, поставленный Гарольдом Стоуном с Элизабет Эшли в главной роли, состоялся 29 апреля 1972 г. в театре Мартина Бека.

...позорное появление в «Супермене 4: Борьба за мир»... – «Супермен 4: Борьба за мир» (*Superman IV: The Quest for Peace*, 1987) – последний в серии оригинальных кинофильмов о Супермене с Кристофером Ривом в заглавной роли и Джином Хекменом в роли Лекса Лютора; даже без Марлоу Хьюз некоторые критики (которым, разумеется, необязательно верить) считают этот фильм одним из худших в истории кинематографа.

«Плейбилл» (*Playbill*, с 1984) – американский ежемесячный театральный журнал.

...увешанным золотыми цепями *гуще Мистера Ти*. – Мистер Ти (Лоренс Тьюро, р. 1952) – американский киноактер, рэпер, бывший рестлер и вышибала; традиционно украшает себя золотыми цепями, не зная меры.

...на пассажирском сиденье засек потрепанную книжку в мягкой обложке *«Шаг в хорошую жизнь»*. – *«Шаг в хорошую жизнь»* (*Steppin' Into the Good Life*, 2011) – роман американской писательницы и христианского лектора Тии Маккаллорс, история эгоистичной женщины, которая обратилась к Богу, отчего ее жизнь ощутимо наладилась; в твердом переплете роман пока не выходил.

Считалось, что «лучшего режиссера» без вопросов получит Роберт Бентон за «Крамер против Крамера». – «Крамер против Крамера» (*Kramer vs. Kramer*, 1979) – драма режиссера Роберта Бентона по одноименному роману (1977) Эйвери Кормана с Дастином Хоффманом и Мерил Стрип в главных ролях, история разводящейся семейной пары, которая сражается за опеку над ребенком. В реальности, которую мы принимаем за подлинную, фильм в 1980 г. получил пять «Оскаров», в том числе и за лучшую режиссуру.

...кукловод и *Свенгали*... – Свенгали – персонаж готического романа Джорджа Дюморье «Трильби» (*Trilby*, 1894), музыкант, который гипнотизирует героиню, чтобы она могла петь на оперной сцене.

...его женский доппельгангер. – От нем. Doppelgänger (правильное произношение – «доппельгенгер»), двойник.

...выпуском «пинто» на заводе «Форда»: думали, будет весело, сексуально и практично, а вышел кошмар, и все получили увечья. – Имеется в виду модель автомобиля «форд-пинто», выпускавшаяся в 1971–1980 гг.; ее топливный бак располагался таким образом, что при наезде сзади был высок риск его повреждения и возгорания. Из внутреннего меморандума «Форда», всплывшего во время расследования, общественность выяснила, что компания знала о недостатках дизайна автомобиля, но сочла, что будет выгоднее платить за ущерб в случае ранений и смертей, нежели переделывать модель. В еще более поздних исследованиях отмечалось, что на три миллиона проданных «пинто» приходится лишь около 27 смертей – прискорбное, однако не выходящее за среднестатистические рамки число.

...Шиле, Клементе... – Эгон Шиле (1890–1918) – австрийский художник-экспрессионист. Франческо Клементе (р. 1952) – итальянский живописец-неоэкспрессионист.

...видел меня в «Резне в День святого Валентина» и восхищен моей работой. – «Резня в День святого Валентина» (*The St. Valentine's Day Massacre*, 1967) – гангстерская драма о войне итальянской мафии, возглавляемой Аль-Капоне, с ирландскими гангстерами, снятая звездой американского низкобюджетного кино Роджером Корманом.

...отчего я не устроила ее в «Бетти Форд», «Обещания»... – Центр Бетти Форд и клиники «Обещания» (*Promises*) – некоммерческие медицинские учреждения для пациентов, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью; находятся в Калифорнии.

Каждый день под сто градусов. – По Фаренгейту; то есть приблизительно 38 °C.

Пациенты – будущие Теды Банди... – Теодор Роберт «Тед» Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник и некрофил, действовавший в 1970-х гг.

«В гостиной дамы тяжело беседуют о Микеланджело». – Здесь и далее цитаты из поэмы «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (*The Love Song of J. Alfred Prufrock*, 1915) Т. С. Элиота приводятся в переводе А. Сергеева.

Знаете, в цирке такие электробичи, от тигров отмахиваться? <...> Зигфриду и Рою, конечно, не помогло... – Зигфрид Фишбахер (р. 1939) и Рой Хорн (р. 1944) – немецко-американский цирковой и эстрадный дуэт, выступали с белыми тиграми и белыми львами. В 2003 г. белый тигр Мантекор во время представления прокусил Рою шею (по версии Роя – нечаянно, пытаясь его спасти), после чего Рой несколько лет приходил в себя. Дуэт ушел со сцены в 2010 г.

...на съемочной площадке «Любовников и других незнакомцев», где она восседала у Гига Янга на коленях... – «Любовники и другие незнакомцы» (*Lovers and Other Strangers*, 1970) – комедия Сая Хауарда по пьесе Рене Тейлор и Джозефа Болоньи; сюжет строится вокруг свадьбы главных героев и запутанных отношений между членами их семей и друзьями; Гиг Янг (1913–1978) играет отца невесты.

...подпись: «Сесил Битон, 1979». – Сэр Сесил Уолтер Харди Битон (1904–1980) – английский фотограф, художник, дизайнер, известный театральным и кино костюмером.

...Тарзан, Грейстоук, повелитель обезьян. – Имеется в виду «Грейстоук: Легенда о Тарзане, повелителе обезьян» (*Greystoke: The Legend of Tarzan, Lord of the Apes*, 1984) английского режиссера Хью Хадсона, экранизация романа Эдгара Райса Берроуза «Тарзан, приемный обезьян» (*Tarzan of the Apes*, 1912); Тарзана сыграл Кристофер Ламберт.

...недоделанный Уоррен из «Красных». – «Красные» (*Reds*, 1981) – эпическая драма, написанная и поставленная Уорреном Битти, сыгравшим также главную роль – журналиста Джона Рида, описавшего революции в России в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир».

...белой швали, дегенератов, прямо как в «Избавлении». – «Избавление» (*Deliverance*, 1972) – драматический триллер Джона Бурмена с Джоном Войтом, Бёртом Рейнольдсом, Ронни Коксом и Недом Битти в главных ролях, история четырех мужчин, которые беспечно сплавляются на каноэ и внезапно сталкиваются с необходимостью убивать, чтобы выжить.

...такой мускулистый Тайрон Пауэр... – Тайрон Эдмунд Пауэр-мл. (1914–1958) – американский актер театра и кино; снимался главным образом в амплуа героев-любовников, обычно искусно владеющих шпагой.

...*der Schwanz*... – 3д.: хер (нем.).

...не девяносто восемь и шесть, как полагается, а где-то девяносто семь, девяносто шесть. – По Фаренгейту, то есть 37 °С... 36 °С, 35,6 °С.

...добавила пару штрихов а-ля «Мёрчант-Айвори». – *Merchant Ivory Productions* – киностудия, основанная продюсером Исмаилом Мёрчантом и режиссером Джеймсом Айвори в 1961 г.; снимает по большей части дорогие исторические драмы из английской и индийской жизни в роскошных декорациях и костюмах.

Это же Эй, Серебряный. – Имеется в виду конь Одинокого Рейнджера, персонажа радиопрограмм, телесериалов, кинофильмов, комиксов и т. д., супергероя, который вместе с другом, индейцем Тонто, ловит преступников на Диком Западе.

«Я покажу тебе ужас в пригоршне праха». – Цитата из поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля», перев. А. Сергеева.

Иоанн Завоеватель – вымышленный афроамериканский народный герой-трикстер, по легенде вывезенный работорговцами из Африки в Америку.

Ни Эмили, ни зрителям так и не показывают, что внутри, – нарративный прием, который спустя пятнадцать лет использует Тарантино в «Криминальном чтиве». – В «Криминальном чтиве» (*Pulp Fiction*, 1994) Квентина Тарантино то и дело появляется чемодан криминального босса Марселлуса Уоллеса, и ни остальные персонажи, ни зрители так и не узнают, что там хранится (по одной из популярных версий – душа Марселлуса).

«Тиски для пальцев» снимались в 1978 году, и на полках стояли «В поисках мистера Гудбара», «Жребий Салема», «Близнецы-соперники». – «В поисках мистера Гудбара» (*Looking for Mr. Goodbar*, 1975) – самый известный роман американской писательницы Джудит Росснер по мотивам истории убийства молодой нью-йоркской школьной учительницы Роузэнн Куинн в 1973 г. «Жребий Салема» (*Salem's Lot*, 1975) – второй роман Стивена Кинга, история писателя, который возвращается в город своего детства в штате Мэн, где все жители стали вампирами. «Близнецы-соперники» (*The Gemini Contenders*, 1976) – остросюжетный роман Роберта Ладлэма.

...«Расплатой» Джеймса Брауна на вертушке. – «The Payback» (1973) – двойной альбом американского певца Джеймса Джозефа Брауна (1933–2006), «крестного отца соула» и одного из пионеров фанка.

...в гипнотическую, кошмарную историю не того человека. – Аллюзия на основанную на реальных событиях криминальную нуарную драму Альфреда Хичкока «Не тот человек» (*The Wrong Man*, 1956), кафкианскую историю бедного музыканта, задержанного и обвиненного в ограблениях, которых он не совершал.

...крики ее слышны до конца финальных титров, и их не может заглушить даже «Собираем банду» «Бисти Бойз». – Нью-йоркская хип-хоп-группа *Beastie Boys* выпустила песню «Posse in Effect» на своем дебютном альбоме «Licensed to Ill» (1986).

Декорации, идеально иллюстрирующие вероломность психопатического рассудка, – вовсе не мотель «Бейтс»... – Имеется в виду мотель из триллера Альфреда Хичкока «Психоз» (1960), поставленного по вышедшему годом раньше одноименному роману Роберта Блоха.

Градусов девяносто пять, не меньше. – По Фаренгейту, то есть 35 °С.

...комикса «Друг Майки!»... – «Друг Майки!» (*Mikey's Friend!*, 1975) – хоррор-комикс «Чарльза Николса», Дж. М. Диматтейса и Армандо Джила про мальчика в приемной семье и его не очень вообразяемого друга, публиковавшийся в антологии *DC Comics* «Тайны дома с привидениями» (*Secrets of Haunted House*).

«*Возмущай воду*». – «Ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью» (Ин. 5: 4).

...«*В путанице грусти*» Дилана. – Сложная многомерная баллада «Tangled Up In Blue» вышла на альбоме Боба Дилана «Blood on the Tracks» (1974).

Много лет работала ассистенткой фотографа Аведона. – Ричард Аведон (1923–2004) – американский модный фотограф, портретист, одна из крупнейших фигур американского фотоискусства.

– У нее был роман с Экслем Роузом. Он про нее песню написал. / – Наверняка ту, которая «Приглашаем в джунгли». – Эксл Роуз (Уильям Брюс Роуз-мл., Уильям Брюс Бейли, р. 1962) – американский музыкант, автор-исполнитель, основатель, вокалист хард-рок-группы *Guns N' Roses*. Песня «Welcome to the Jungle», написанная Экслем Роузом и Слэшем (Солом Хадсоном), вошла в дебютный альбом группы «Appetite for Destruction» (1987).

Большая Желтая Птица – разносторонний, хотя порой и бестолковый персонаж детской телепередачи «Улица Сезам».

...вдруг она из Симбионистской армии освобождения? – Симбионистская армия освобождения (1973–1975) – калифорнийская леворадикальная партизанская организация; грабила банки, совершила два убийства, получила широкую известность, когда в 1974 г. похитила богатую наследницу Патрисию Хёрст, внучку медийного магната Уильяма Рэндольфа Хёрста, которая затем присоединилась к САО.

...психоделического плаката с Золотыми Воротами в преддверии «лета любви»... – Имеется в виду митинг/концерт/тусовка в парке Золотые Ворота в Сан-Франциско 14 января 1967 г.; событие популяризовало психоделическую культуру в массах и стало прелюдией к сан-францисскому «лету любви».

...на Кентуккийском дерби... усыпил *Восемь Красавиц*. – Чистокровная верховая лошадь *Восемь Красавиц* (*Eight Belles*, 2005–2008) была одной из немногих кобыл, участвовавших в Кентуккийском дерби, в 2008 г. пришла второй, однако сразу после этого у нее обнаружили переломы обеих передних лодыжек. В условно подлинной реальности решение о ее немедленном усыплении принял ветеринар Ларри Брэмлидж.

...Все хотели остаться навсегда. / – Как детишки в Эпкоте. – Эпкот (Epcot, с 1982) – тематический парк в «Диснейуорлде», Флорида, посвященный техническому прогрессу, достижениям человеческого разума и в целом мировой культуре (а-ля Всемирная ярмарка); изначально задумывался Уолтом Диснеем как модель действующего города будущего с уникальной (и утопической) социальной, политической и экономической структурой, однако в таком виде реализован не был.

Клиника Мейо – крупнейший медицинский центр, расположенный в Рочестере, штат Миннесота, где, в частности, занимаются особо тяжелыми больными.

...«Богарт и Бэколл снова вместе!» – Актеры Хамфри Дефорест Богарт (1899–1957) и Лорен Бэколл (Бетти Джоан Пёрске, 1924–2014) – крупнейшие звезды Голливуда, муж и жена, вместе снялись в четырех фильмах: «Иметь и не иметь» (*To Have and Have Not*, 1944) и «Глубокий сон» (*The Big Sleep*, 1946) Говарда Хоукса, «Черная полоса» (*Dark Passage*, 1947) Делмера Дэйвса и «Риф Ларго» (*Key Largo*, 1948) Джона Хьюстона.

...Нора споткнулась, шарахнулась и наивно возвестила: «Здесь она!» и «Она ответила бы, да запел петух»... – Искажённые цитаты из «Гамлета, принца датского» Уильяма Шекспира, акт I, сцена 1, перев. М. Лозинского.

...супло шептал бы с британским акцентом, как в «*Teatre шедеэров*». – «Театр шедеэров» (*Masterpiece*, ранее *Masterpiece Theatre*, с 1971) – американская телевизионная передача в формате антологии, где выходят экранизации романов и биографий, а также оригинальные постановки производства британских телеканалов.

...мой «стариковский винтаж»... – «Дорз», «Все говорят» Гарри Нилссона и «Не поверишь» Элвиса Костелло – перемежался Хопперовыми модными предпочтениями: «Настоящей любовью» «Бич Хаус» и «Кожей ночи» «M83». – *The Doors* (1965–1973) – легендарная американская рок-группа, чей вокалист Джим Моррисон (1943–1971) писал песни под ощутимым влиянием индейской шаманской традиции. «Все говорят» («Everybody's Talkin'», 1966) – фолк-рок-композиция Фреда Нила, ставшая хитом в исполнении Гарри Нилссона в 1969 г. «Не поверишь» («Beyond Belief») – песня английского автора-исполнителя Элвиса Костелло (Деклан Патрик Макманус, р. 1954) с альбома «Imperial Bedroom» (1982), выпущенного группой *Elvis Costello & the Attractions*. Песню «Настоящая любовь» («Real Love») балтиморский дрим-поп-дуэт *Beach House* (Виктория Легран и Алекс Скалли, с 2004) выпустил на своем третьем альбоме «Teen Dream» (2010). «Кожа ночи» («Skin of the Night») – песня Энтони Гонсалеса и Моргана Кибби с пятого альбома, «Saturdays = Youth» (2008) французского электронного музыкального проекта *M83*.

...Мы семья!.. / – Мы тя слышим, Арета. – Имеются в виду песня «We Are Family» Найла Роджерса и Бернарда Эдвардза (группа *Chic*), написанная для американской женской поп-группы *Sister Sledge* и выпущенная последней на альбоме «We Are Family» в 1979 г., – и американская соул-певица Арета Франклин (р. 1942), которая эту песню, вообще-то, не исполняла.

...телефонного столба, с которым я обнимался, точно Джин Келли в «Поющих под дождем». – В мюзикле «Поющие под дождем» (*Singin' in the Rain*, 1952), который поставили Джин Келли и Стэнли Донен, а задумал продюсер Артур Фрид в рассуждении извлечь дополнительную выгоду из уже имевшихся в его распоряжении песен из полузабытых мюзиклов 1920–1930-х, есть каноническая сцена, где главный герой в исполнении Джина Келли танцует и дурачится на улице под дождем, распевая песню, ставшую названием мюзикла.

...«*INFORMACIÓN*»... – «Справочная» (исп.).

...*Unicornio Azul*. – «Синий единорог» (исп.).

...«*CERRADO*». – «Закрито» (*исп.*).

Quiere barquito? – Нужна лодка? (исп.)

Mañana! – Завтра! (исп.)

ПРОГРАММА «МК УЛЬТРА». ЦРУ закулисно добивается контроля над сознанием. – Программа «МК Ультра» действовала в ЦРУ с начала 1950-х до 1973 г.; в ее рамках проводились эксперименты в области воздействия на человеческое сознание посредством психотропных веществ (в том числе ЛСД), гипноза и т. д. Расследование «МК Ультра» началось в 1975 г., а в 1977 г. по Закону о свободе информации было открыто множество документов, проливших свет на программу.

«ЭППЛ II». Первый в мире персональный компьютер: изменит ли он нашу жизнь? – *Apple II* – 8-битный компьютер корпорации *Apple* был разработан в основном Стивом Возняком, впервые представлен на рынке в апреле 1977 г. и стал первым потребительским персональным компьютером.

НЕКАЯ «СТУДИЯ 54». – *Studio 54* – нью-йоркский ночной клуб на Западной 54-й улице, созданный Стивом Рубеллом и Иэном Шрагером в 1977 г. и крайне популярный среди богатых, блистательных и знаменитых.

...а также за *Александра Маккуина*. – Александр Маккуин (1969–2010) – английский модный, временами эпатажный дизайнер.

...как ты с апломбом, достойным Джинджер Роджерс... – Джинджер Роджерс (Вирджиния Кэтрин Макмэт, 1911–1995) – американская актриса, танцовщица и певица, регулярно выступала дуэтом с Фредом Астером.

Чаще всего она цитировала вот что: «Не встанет солнце, как уж встану я, / Чтоб завтра счастье испытать свое». – Уильям Шекспир. Король Иоанн. Акт V, сцена 5. Перев. Е. Бируковой.